Александр Зиновьев

Зияющие высоты

Эта книга составлена из обрывков рукописи, найденных случайно, т. е. без ведома начальства, на недавно открывшейся и вскоре заброшенной мусорной свалке. На торжественном открытии свалки присутствовал Заведующий с расположенными в алфавитном порядке Заместителями. Заведующий зачитал историческую речь, в которой заявил, что вековая мечта человечества вот-вот сбудется, так как на горизонте уже видны зияющие высоты социзма. Социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений. Как всякая внеисторическая нелепость, социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически. Ибанск есть никем не населенный населенный пункт, которого нет в действительности. А если бы он даже случайно был, он был бы чистым вымыслом. Во всяком случае, если он где-то возможен, то только не у нас, в Ибанске. Хотя описываемые в рукописи события и идеи являются, судя по всему, вымышленными, они представляют интерес как свидетельство ошибочных представлений древних предков ибанцев о человеке и человеческом обществе.

Ибанск, 1974 г.

ШКХБЧЛСМП

Как утверждают все наши и признают многие ненаши ученые, жители Ибанска на голову выше остальных, за исключением тех, кто последовал их примеру. Выше не по реакционной биологической природе (с этой точки зрения они одинаковы), а благодаря прогрессивным историческим условиям, правильной теории, проверенной на их же собственной шкуре, и мудрому руководству, которое на этом деле собаку съело. По этой причине жители Ибанска не живут в том пошлом устарелом смысле, в каком доживают последние дни там у них, а осуществляют исторические мероприятия. Они осуществляют эти мероприятия даже тогда, когда о них ничего не знают и в них не участвуют. И даже тогда, когда мероприятия вообще не проводятся. Исследованию одного такого мероприятия и посвящается данный труд.

Исследуемое мероприятие называется ШКХБЧЛСМП. Название это составлено из первых букв имен видных его участников. Составил название Сотрудник, а в науку впервые ввел Мыслитель, опубликовавший по этому поводу цикл статей на другую, более актуальную тему. Статьи были написаны на высоком идейно-теоретическом уровне, так что их не читал никто, но все одобрили. После этого термин ШКХБЧЛСМП стал общепринятым и вышел из употребления.

Мероприятие было придумано Институтом Профилактики Дурных Намерений, проводилось под надзором Лаборатории Промывания Мозгов при участии Установочного Журнала и было подхвачено инициативой снизу. Мероприятие было одобрено Заведующим, Заместителями, Помощниками и всеми остальными, за исключением немногих, чье мнение ошибочно. Цель мероприятия -- обнаружить тех, кто не одобряет его проведения, и принять меры.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

В мероприятии участвовали две группы: испытаемая и испытающая. Эти группы состояли из одних и тех же лиц. Испытаемые знали, что за ними ведется наблюдение. Испытающие знали о том, что испытаемым это известно. Испытаемые знали о том, что испытающие знали о том, что это им известно. И так до конца. При этом испытающая и испытаемая группы были автономны и не оказывали друг на друга влияния. Между ними не было никаких информационных контактов, благодаря чему было достигнуто полное взаимопонимание. Испытаемые руководствовались такими принципами: 1) а что поделаешь; 2) а что изменится, если; 3) наплевать. Как доказал Сотрудник, из этих принципов логически следуют производные принципы: 4) все равно этого не избежать; 5) в конце концов, пора; 6) пусть они катятся в. Испытающие, напротив, придерживались таких принципов: 1) все равно никуда не денутся; 2) сами все выложат; 3) сами все прикончат. Упомянутый Сотрудник вывел из них производный принцип: 4) сами во всем сознаются. Вопрос о том, доказуем в этой системе принцип "сами все придумают" или нет, остался до сих пор нерешенным. Но он в принципе не принципиален, ибо выдумывается все само собой, так как выдумывать нечего, ибо и без того все есть. Благодаря изложенным принципам удалось увеличить приток ненужной информации и сократить сроки. Мероприятие стало полностью самонеуправляемым и, как всякое хорошо задуманное и

последовательно проведенное мероприятие, кончилось ничем. В мероприятии участвовали достижения науки и техники. В частности, Инструктору с помощью синхрофазоциклобетатронного пролазыра удалось проколоть пространство в районе туалета Шизофреника и зарегистрировать его намерение, начать сочинение квазинаучного социологического трактата, которое пришло ему в голову в тот момент, когда он, страдая приступом запора, добился желаемого результата и подверг острой критике существующее устройство. Это выдающееся открытие совершенно не освещалось в Журнале, и потому останавливаться на нем здесь нет надобности.

ВРЕМЯ И МЕСТО

После исторических мероприятий поселок Ибанск преобразился. Бывшее здание Школы передали под филиал Института. Сортир надстроили и одели в сталь и стекло. Теперь со смотровой площадки туристы, неудержимым потоком хлынувшие в Ибанск, могут воочию убедиться в том, что просочившиеся к ним ложные слухи суть клевета. Назначили нового Заведующего. Старого после этого за ненадобностью где-то спрятали. Новый был такой же старый, как и старый, но зато не менее прогрессивный и начитанный. Рядом с сортиром построили гостиницу, в которой разместили Лабораторию. Чтобы туристам было что посмотреть в свободное от посещений образцовых предприятий время, вокруг гостиницы воздвигли десять новеньких живописных церквей десятого века и ранее. Стены церквей древними фресками разукрасил сам Художник, создавший портрет Заведующего на передовой позиции и удостоенный за это премии, награды и звания. Художник изобразил трудовой героизм свободолюбивых потомков, их боевые будни и выдающихся деятелей культа той далекой, но начисто позабытой эпохи. На главной фреске Художник изобразил Заведующего и его Заместителей, которые за это были удостоены премии, а сам Заведующий -- дважды: один раз за то, другой раз за это. В результате цены на продукты были снижены, и потому они выросли только вдвое, а не на пять процентов, как там у них. Речку Ибанючку вдоль и поперек перегородили. Она потекла вспять, затопила картофельное поле, бывшее гордостью ибанчан, и образовало море, ставшее гордостью ибанчан. За это все жители, за исключением некоторых, были награждены. Заведующий зачитал по этому поводу доклад, в котором дал анализ всему и обрисовал все. В заключение он с уверенностью сказал: погодите, еще не то будет. Доклад подготовил Претендент с большой группой сотрудников. Это обстоятельство осталось в тени, поскольку оно было известно всем, кроме Заведующего, который был за это награжден и потом был удостоен награды за то, что был награжден за это.

На том берегу вырос новый район из домов, одинаковых по форме, но неразличимых по содержимому. Случайно получивший в этом районе отчасти изолированную смежную комнату Болтун говорил, что тут настолько все одинаково, что у него никогда нет полной уверенности в том, что он у себя дома и что он есть именно он, а не кто-то другой. Полемизировавший с ним Член утверждал, однако, что это есть признак прогресса, отрицать который могут только сумасшедшие и враги, ибо разнообразие рождает естественное неравенство. Погодите немного, говорил он, построят тут продовольственные и

другие культурно-просветительные учреждения, и тогда Вас отсюда палкой не загонишь.

В центре нового района раскинулся старый пустырь. На нем сначала хотели соорудить пантеон, потом решили построить озеро и населить его паюсной икрой. Построили молочный Ларек. Ларек завоевал огромную популярность. Около него всегда собирается много народу независимо от того, есть в Ларьке пиво (что бывает редко) или нет (что тоже бывает редко). Выпивку приносят с собой. Располагаются группами на бочках, ящиках и кучах мусора. Группы складываются на более или менее длительное время. Некоторые сохраняются месяцами и даже годами. Недавно одна из них отметила пятидесятилетний юбилей. За это все посетители Ларька были удостоены награды, а сам Заведующий дважды: один раз за непричастность, другой раз за участие. В полном составе долговременная группа собирается редко. Обычно встречаются два-три-четыре члена группы в различных комбинациях. Прочно сохраняется место сбора группы.

НАЧАЛО

Однажды Сотрудник, давший себе задание выявить и устранить, оказался в районе Ларька. Имея полное право брать без очереди все то, что есть, и брать все то, чего нигде нет, он к удивлению собравшихся встал в длинную очередь и прислушался. Разговаривающие выглядели людьми интеллигентными, но обращались друг к другу почему-то на "вы" и не употребляли нецензурных (в старом смысле) слов, беседуя на нецензурную (в новом смысле) тему. Очереди, дефицит продуктов, халтура, хамство и все такое прочее отрицать бессмысленно, говорил Член. Это факт. Но это же бытовые мелочи, не вытекающие из сущности нашего изма. При полном изме этого не будет. Он как раз и задуман лучшими людьми для того, чтобы ничего подобного не было. Вы правы, сказал Болтун. Но изм -- это не только торжественные заседания и шествия -- это есть и определенная форма организации и воспроизводства быта. Остальное -- разговорчики для слепоглухонемоглупых. Сотрудник сказал, что он с ними обоими согласен, и рассказал общеизвестный анекдот о том, что полный изм можно построить в одном поселке, но жить лучше в другом. Член сказал, что в его время за такие анекдоты по головке не гладили. Сотрудник сказал, что теперь не ваше, а наше время. Болтун сказал, что не видит принципиальной разницы.

Место для выпивки нашли на краю пустыря в уютной мусорной яме. Член произнес обличительную речь и занялся уборкой. Сотрудник укатил от Ларька бочку, заодно договорившись с продавщицей о встрече. Болтун увел у кого-то ящик. На ящик заявил права Карьерист, уходивший повторить пятую кружку. Но был осмеян Сотрудником и примкнул к группе. Член вытащил из бокового кармана чекушку. Болтун проронил слезу и сказал, что он никогда не терял веры в Человека. После третьей кружки наступил момент, ради которого человечество готово примириться с вытрезвителем. Болтун выложил все, что думал о своем секторе. Ваши жалобы -- детские игрушки, сказал на это Сотрудник. Подумаешь, у них в секторе десять паразитов, пять склочников, три стукача и два параноика. Считайте, что Вам крупно повезло. У меня в отделе двести

сотрудников. Работают мало-мальски прилично двое. Один по глупости, другой по привычке. Остальные -- паразит на паразите и паразитом погоняет. Бездарность вопиющая. Грызня. Доносы, Разносы. Подсиживание. Только и думают о том, чтобы побольше урвать. Вон там, видите, присосался тип с гнусной рожей? Наш. Инструктор. Предупреждаю, редкостная сволочь. И к тому же выдающийся кретин. Даже в самых примитивных случаях не может толком различить, что наше и что антинаше. Болтун сказал, что это не так уж плохо, что у них работают плохо, так как если бы у них работали хорошо, то было бы совсем плохо. Карьерист сказал, что все равно хуже не бывает. Сотрудник по сему поводу вспомнил старый общеизвестный анекдот об оптимистах и пессимистах и уличил Карьериста в пессимизме. Можно подумать, сказал Карьерист, что у вас там коллекционируют анекдоты. Впрочем, сказал Болтун через пару кружек, в каком-то смысле не так уж хорошо, что у них плохо, и было бы лучше, если бы у них было лучше. А вообще говоря, закончил он мысль еще через пару кружек, это не играет роли. Никто не знает, что хорошо и что плохо. Кроме Литератора, может быть. Карьерист сказал, что везде одно и то же. Сломалась как-то у нас одна хреновина. Дело у нас сверхважное и сверхсрочное. Зеленая улица. Звоню главному, так мол и так. Говорит, пустяк, позвоню в соответствующий отдел, мигом сделают. Вечером звоню в отдел. Говорят, первый раз слышим. Утром звоню главному. Занят, совещание. А дело стоит. На другой день иду к главному. Жду два часа. Говорит, не волнуйся. Дело сверхважное и сверхсрочное. Сейчас все провернем. Вызывает начальника отдела и приказывает при мне немедленно сделать. Прошло два дня. Ничего нет. Только через неделю после письменного распоряжения изготовили чертежи, разработали технологию, произвели расчеты. Через пару недель хреновина была готова. Но совсем не та и не так. Иду к главному. Ничего, говорит, поделать не могу. Сам видишь. Руки опускаются. Выкрутись как-нибудь сам. Купил поллитра, пошел к слесарям, говорю, выручайте, братцы, сделаете, еще пол-литра подкину. Через полчаса сделали отличную хреновину. И еще пару штук про запас. Начальнику отдела потом премию за это дали. Болтун спросил, как же они с такой великолепной организацией дела ухитрились сотворить то самое дело. Карьерист пожал плечами. Сотрудник сказал, что его тривиально. Неограниченные средства. Неограниченные полномочия. Заинтересованность. Деловые люди. В общем, нестандартная ситуация. Потом это стало обычным массовым делом, выгодным для паразитов и проходимцев. Член сказал, что в его время ничего подобного не было. Болтун сказал, что в то время просто еще не было ничего такого, из-за чего могло бы быть нечто подобное. Сотрудник сказал, что всегда и везде так. Хорошо только там, где нас нету. Болтун сказал, что это верно, хорошо там, где их нету. Сотрудник сказал, что ему пора, плюнул в недопитую кружку, сказал, что не понимает, как такую гадость пьют люди, и ушел по своим делам. Большой человек, подумал Член, и решил через Сотрудника переслать вверх материал, обличающий и предлагающий меры по исправлению.

ШИЗОФРЕНИК

В свободное от вынужденного безделья время Шизофреник сочинял социологический трактат. Делал он это чреватое известными последствиями дело по просьбе старого приятеля Мазилы. Писать он не любил и не хотел. Ему приходилось делать невероятные усилия, чтобы хватать исчезающие с молниеносной быстротой беспорядочные мысли и приколачивать к бумаге. Кроме того, он был убежден в том, что об этом рано или поздно узнают все, и ему опять придется отправляться в Лабораторию. И от этого становилось тоскливо. Но и не писать он уже не мог. Им овладело смутное ощущение тайны, известной только ему одному или во всяком случае очень немногим, и он не мог окончить свою бесплодную жизнь, не сделав последней попытки сообщить эту тайну людям. Он знал, что людям его тайна глубоко безразлична. Но это уже не играло роли. Он чувствовал моральный долг не перед людьми, людям он не должен абсолютно ничего, а перед самим собой. Человечество содержалось в нем самом. На глазах этого человечества протекала его примитивно прозрачная жизнь. Перед ним он и будет держать ответ в последний час. Самым неприятным в работе сочинителя, однако, для Шизофреника было отсутствие стола и хорошей ручки. Когда-то Социалог привез ему оттуда отличную ручку, но она куда-то исчезла тогда.

Толчком к написанию трактата послужил разговор с Мазилой. Твои прогнозы и оценки поразительным образом подтверждаются, сказал Мазила. В чем тут дело? Очень просто, ответил Шизофреник. Надо предсказывать лишь то, что предсказуемо, и оценивать лишь то, в отношении чего имеют смысл оценки. А как отделить предсказуемое от непредсказуемого и оцениваемое от неоцениваемого, спросил Мазила. Для этого у меня есть своя теория, сказал Шизофреник. Расскажи мне ее, попросил Мазила. Попробую, сказал Шизофреник. Только предупреждаю, она заведомо не научная. Пусть, сказал Мазила, лишь бы она была верная. Кроме того, продолжал Шизофреник, для применения моей теории нужны не столько размышления, сколько терпение. Приняли, допустим, у тебя заказ, намекнули на новый, напечатали пару строчек о твоей работе без упоминания имени. Кажется, наступают новые веяния. А по моей теории новых веянии для тебя не может быть. Потерпи немного, и сам в этом убедишься. Я в этом убеждался много раз, сказал Мазила, Верно, сказал Шизофреник. Но для тебя это каждый раз выступает как случайный факт, а не как нечто такое, что неизбежно и предсказуемо теоретически. Наконец, моя теория, как и любая другая теория, тривиально проста, а научиться ею пользоваться очень сложно. Подобно тому, как трудно обучиться ибанцу есть рис палочками. Твоя теория меня интересует как чисто интеллектуальное явление, сказал Мазила, а не как пособие для благоразумного поведения. А для поведения у меня есть интуиция. В армии я играл в очко. И неплохо. Один раз выиграл получку чуть ли не у всего летного состава эскадрильи. Целую наволочку денег набил. Потом три дня пропивали. Метод у меня был простой. Выделяю десятку, которую не жаль продуть. Проигрываю -- ухожу. Выигрываю -- бью на двадцать. Проигрываю -- ухожу. Выигрываю -- бью на сорок. И так далее в случае удачи. Когда выигрыш достаточно велик, бью на весь банк. Иногда процесс игры затягивался достаточно долго, и я выигрывал. Здорово, сказал Шизофреник. У тебя голова настоящего ученого, а не художника. Твой метод, как и моя теория, аффективен лишь при одном условии: чтобы где-то играли регулярно в течение достаточно

длительного времени. А времени нам отпущено не так уж много.

И Шизофреник начал писать. Писал экспромтом, без исправлений. Написанный кусок отдавал Мазиле и о дальнейшей судьбе его больше не думал. Мазила отдавал кому-то перепечатывать на машинке, и трактат расползался по Ибанску неисповедимыми путями, проникая во все учреждения, в особенности в те, для которых он не был предназначен. В конце концов он попал в Институт, где его случайно обнаружил Сотрудник в столе одного нерадивого инструктора. Свой трактат Шизофреник назвал "Социомеханика" по соображениям, которые изложил в тексте.

СОЦИОМЕХАНИКА

Научная социология существует более ста лет. Число профессиональных социологов в мире достигло невероятно колоссальных размеров. Даже у нас, где социологию разрешили совсем недавно, временно и лишь в разумных с точки зрения начальства масштабах и направлениях, за несколько лет число социологов перевалило за тысячу, а их исследования стали принимать угрожающе научный характер. Достаточно сказать, например, что один из наших ведущих социологов разработал эффективный метод, с помощью которого он установил факт, как гром среди ясного неба поразивший воображение ибанской интеллигенции. Оказывается лишь 99,99999999999 процента руководящих работников Ибанска лояльны по отношению к руководящим работникам Ибанска, что вступило в вопиющее противоречие с официальной точкой зрения, согласно которой число лояльных составляет 105,371 процента от всего числа руководящих лиц. В результате пришлось несколько сократить размах социологических исследований в Ибанске, и упомянутый выше бывший ведущий социолог, проводивший грандиозные полевые исследования по заданию Лаборатории, так и не успел выяснить, какую большую роль в Ибанске и его окрестностях играет никогда не бытовавшее там общественное мнение. По этой причине он был вынужден вместо задуманных трех томов научных обобщений написать пять и опубликовать в Журнале цикл статей о руководящей роли.

Учитывая сложившуюся ситуацию, я не дерзнул выступить в рамках научной социологии и решил изложить свои соображения в форме особой дисциплины -- социомеханики. Выбор названия продиктовал тем, что я намерен изложить неисторический взгляд на социальные свойства и отношения людей. Согласно этому взгляду социальные законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидов, позволяющие говорить об обществе. Законы эти просты и в каком-то смысле общеизвестны. Признанию их в качестве законов, которым подчиняется социальная жизнь людей, препятствует социальный закон, по которому люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становится на самом деле.

Я с самого начала готов признать свою концепцию ошибочной, но оставляю некоторую надежду, ибо, как известно, хорошо ошибается тот, кто ошибается первым. Если же и эта надежда окажется иллюзорной, я буду рад тому, что не был в этом мире так одинок, как мне казалось до сих пор.

ЗАМЕЧАНИЕ СОЦИОЛОГА

Впоследствии Социолог, осуществлявший экспертизу и этого трактата Шизофреника по просьбе Врача, подчеркнул последний абзац красным карандашом и написал на полях: ошибается -- да, первым -- нет.

ИНСТРУКТОР

Когда в Институте стало известно, что Шизофреник опять взялся за свое, из архива достали его старый трактат и поручили Инструктору изучить его более тщательно. Трактат имел странное название "ХББУРС". Смысл названия был разъяснен в тексте. Но Врач текст читать не стал и по названию безошибочно установил диагноз. Инструктор разъяснение автора изучил, но решил докопаться до скрытой сути. Трактат начинался с Посвящения.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Объясняя посетителям мастерской смысл своего творчества, Мазила обычно говорит о проблемах взаимоотношения Духовного и Телесного, Человеческого и Животного, Природного и Урбанистического, Земного и Космического, Малого и Великого и т. п. Услыхав эту фразеологию, которая по идее является признаком высокого интеллектуального уровня, посетители начинают кивать головами и произносить "Да", "Иа", "Иес" и т. п. в зависимости от того, на каком языке они пытаются найти словесный эквивалент для незнакомого материала. Конечно, в работах Мазилы есть все то, что делает уместным употребление таких высоких слов, а сами эти слова не снижают ощущения грандиозности видимого. Но в них есть и другое, не столь очевидное содержание, для описания которого нужны иные языковые средства. Я сделал попытку сформулировать их. В результате получился трактат, совершенно неожиданный для меня самого. Пожалуй, его можно представить как иллюстрацию к работам Мазилы, но как иллюстрацию необычную. Это -- иллюстрация мыслей. А иллюстрация мыслей должна отличаться от привычной каждому иллюстрации образов. Иллюстрация образа есть образ. Иллюстрация мысли должна быть мыслью, изложенной теми средствами, которые доступны иллюстратору. Писал я трактат по просьбе самого Мазилы, которому хотелось узнать одну из возможных непосредственных реакций заинтересованного наблюдателя на его работы. И потому писал экспромт, внося в текст лишь незначительные исправления. Так что, если считать сказанное об иллюстрации за шутку, то этот трактат можно рассматривать просто как опытный факт к проблеме восприятия произведений искусства современниками.

ХББУРС

ТРАКТАТ О СУДЬБЕ, СВОБОДЕ, ИСТИНЕ, МОРАЛИ И Т. П.

В этом трактате, претендуя на исчерпывающую неполноту и строгую несистематичность, я намерен изложить все то, что мне достоверно не известно о возникновении гауптвахты в Ибанской Военной Авиационной Школе Пилотов (ИВАШП) и о ее начальном периоде, исключенном из официальной истории из-за отсутствия последствий.

О ТЕРМИНОЛОГИИ

Вместо принятого в мировой, гауптвахтологии термина "гауптвахта" я буду употреблять термин "губа". Во-первых, потому что он короче и удобнее для произношения не только на ибанском, но и на любом другом языке. Во-вторых, для этого имеются принципиальные соображения. Термин "гауптвахта" звучит подозрительно интеллигентски. Термин "губа" глубоко народен. Термин "гауптвахта" выражает нечто холодное и отчужденное. Термин "губа" выражает что-то ласковое и духовно близкое, в общем -- свое, родное. Он более соответствует до сих пор еще таинственной ибанской душе и потому точнее с научной точки зрения. А поскольку ибанская душа становится неотразимым примером для подражания у всех народов, за временным исключением некоторых, термин "губа" имеет неизмеримо более перспективные переспективы, чем его западноевропейский конкурент. Термин "переспективы" обозначает то же самое, что и термин "перспективы", но отличается от последнего более высоким социальным рангом употребляющего его. Еще более высоким рангом обладает термин "преспективы". На употребление его нужно особое разрешение высоких инстанций.

ОБ ОДНОЙ ОШИБОЧНОЙ ГИПОТЕЗЕ

Недавно вышла в свет неопубликованная книга известного за рубежом нашего структуралиста Ибанова "Корни современного испокон веков ибанского языка", В ней утверждается, что слово "губа" возникло независимо от западноевропейского слова "гауптвахта". Оно произошло от татаро-монгольского слова "гебе" ("губить"). От него в свою очередь образовалось слово "губерния". Путем анализа выражения "пошла писать губерния" с помощью Электронных Вычислительных Машин в Институте Прикладной Губотерапии вычислили, что слово "губерния" сначала обозначало множество умеющих писать, находящихся в сфере внимания губы, и лишь потом, когда под контролем губы оказались все прочие стороны социального бытия людей, губерния стала территориальной единицей. На этом основании зарубежный и по определению реакционный социолог Ибанов высказал оригинальную, но далеко не новую гипотезу относительно преодоления татаро-монгольского ига и ликвидации его последствий. Согласно этой гипотезе дело обстояло не так, будто мы уничтожили и изгнали татаро-монгол, а как раз наоборот, татаро-монголы

уничтожили и изгнали нас и навсегда остались на нашем месте. Дав автору этой, с позволения сказать, гипотезы достойную отповедь, наш сотрудник Ибанов лишний раз подтвердил, что губа возникла вместе с семьей и частной собственностью.

О ХРОНОЛОГИИ

О времени возникновения губы в ИВАШП высказывались различные точки зрения. И, как это принято в серьезной современной науке, ни одна из них не соответствует действительности. Так, в пятитомном труде крупнейшего нашего губоведа Ибанова "Генезис губы и ее влияние на последующую демократизацию общества" утверждается, что собственная губа в ИВАШП возникла лишь в конце января. Но один временно уцелевший Сослуживец лично провел на этой губе десять суток еще в декабре. Причем, когда он на нее прибыл, там уже содержалась группа арестантов, успевшая обрести все признаки спонтанной первичной социальной ячейки. Как установила наша недавно разрешенная в разумных масштабах и в нужном направлении конкретная социология (смотри, например, книгу Ибанова и Ибанова "Робкое и с разрешения начальства допущенное введение в так называемую конкретную социологию"), формирование такой социальной ячейки начинается с выделения Лидера" на что требуется по крайней мере неделя, и завершается тем, что один из членов ячейки, которого на первых порах трудно заподозрить в этом, незаметно для прочих членов ячейки и главным образом незаметно для самого себя присваивает функции Стукача (в переводе на русский -- информатора) и тем самым включает социальную ячейку рассматриваемого типа в организм общества в целом. А на это требуется еще по крайней мере неделя. Так что к моменту прибытия Сослуживца на губу она уже функционировала не менее двух недель. Здесь нельзя согласиться с Ибановым, который в удостоенной премии монографии "Стукачи на службе социальной кибернетики" сокращает этот срок до недели на том основании, что на губу был посажен официальный стукач Литератор, который не мог не выполнять привычные функции. Дело в том, что выдвижение индивида на роль стукача в официальных и спонтанных социальных объединениях происходит по принципиально различным законам. В частности, как показал Ибанов в статье "Математические модели в теории классификации стука", в официальных социальных ячейках стукач назначается, а в спонтанных зарождается самопроизвольно. Кроме того, на губе с самого начала было известно, что Литератор есть официальный стукач, и потому он не мог быть имманентным стукачом данной социальной ячейки. Кстати сказать, личность последнего не установлена до сих пор с полной достоверностью. Мнение Иванова, будто имманентным стукачом был Патриот, не лишено оснований, но его нельзя считать доказанным. Сам Патриот, опубликовавший большую статью в сборнике Жертв, намекает на Мазилу и даже на самого Уклониста. Наконец, сидевший на губе Литератор был специалистом по словам и делам (по портянкам, самоволкам, анекдотам и т. п.), тогда как имманентный стукач явно специализировался по мыслям и намерениям. Об этом свидетельствуют такие факты. Похищение арестантами самой большой кастрюли "Фердинанд" с шрапнелью (кашей из цельносваренного овса) осталось нераскрытым, тогда как часовой,

принявший участие в дискуссии об объективной истине и изложивший свои размышления о караульной службе, вскоре был отчислен из школы в неизвестном направлении. Недоразумение со сроками возникновения губы в ИВАШП связано, надо полагать, с тем, что в январе она была передислоцирована из комнаты рядом с кухней в подвал под караульным помещением. Письменные свидетельства о существовании губы до этого перевода не сохранились вследствие побелки стен, и историки ошибочно приняли время перевода за время возникновения. Впрочем, ошибка эта является одним из достоинств нашего общего принципа историзма в подходе к проблемам.

ЗДАНИЕ ШКОЛЫ

Общепризнано, что здание ИВАШП самое красивое и величественное во всем поселке городского типа Ибанске. Марки с его изображением можно видеть даже в странах Латинской Америки и Черной Африки. Оно было заново построено из бывшей полуразрушенной дворянской усадьбы, недостроенного купеческого особняка и синагоги незадолго до войны и прочно вошло в золотой фонд нашего зодчества. Более пятисот административно-хозяйственных работников, местных военачальников и приезжих писателей были удостоены за него премии, а сам товарищ Ибанов -- дважды (первый раз за запрещение, а второй раз за разрешение). Буржуазный модернист Корбюзье, увидев это здание воочию, сказал, что теперь ему у нас делать больше нечего, и убрался восвояси. Ведущий искусствовед Ибанов в статье "Почему я не модернист" написал по этому поводу, что туда ему и дорога. Особенность здания ИВАШП состоит в том, что оно имеет два фасада: один сзади -- главный, другой спереди -- запасной, фасады построены в настолько различных стилях, что иностранные туристы и гости и даже старожилы поселка до сих пор считают их различными зданиями. Перед войной поселковое руководство по этой причине отдало здание в распоряжение сразу двум организациям -- Аэроклубу и Мясо-Молочному Комбинату. Возникла конфликтная ситуация. Начальники упомянутых организаций подготовили друг на друга критические материалы, и их обоих взяли. Вскоре кончилось сырье для одной из конфликтующих организаций, и конфликт был разрешен в полном соответствии с теорией, философ Ибанов в книге "Единство и борьба противоположностей в поселке Ибанске и его окрестностях" привел этот случай как характерный пример того, что у нас, в отличие от прочих, противоречия не превращаются в антагонизмы, а разрешаются путем преодоления. Если встать лицом к главному фасаду здания ИВАШП и, следовательно, задом к главной водной артерии речке Ибанючке и проектируемой ГЭС, то вы сразу поймете, насколько прав был Заведующий Ибанов, который при открытии здания сказал, что вот в таких прекрасных дворцах будут жить все трудящиеся в недавно наступившем светлом будущем, фасад здания украшают девятьсот колонн всех известных в мировой архитектуре ордеров, а на крыше устремляются в небо и образуют с ним как бы единое целое многочисленные башни, в точности воспроизводящие неповторимые купола Храма Ибана Блаженного. Будучи потрясен этой красотой, всемерно известный инженер человеческих душ Ибанов сказал в редакции ежеполугодника "Заря Северо-Востока" следующую крылатую фразу: "Перед такой неземной красотой хочется замереть по стойке смирно и снять

шляпу. Его однофамилец курсант запасной роты Ибанов, случайно обративший внимание на эстетический аспект этого, по его ошибочному мнению, совершенно непригодного для нормальной человеческой жизни сарая, шепнул своему старому приятелю курсанту Ибанову, с опаской поглядывая на трехэтажную статую Вождя: "По числу колонн на душу населения мы обставили даже греков. Теперь мы ведущая колониальная держава Мира". Приятель сообщил об этом куда следует, и судьба клеветника была решена еще до отбоя. Как сказано в "Балладе":

И кляня свою судьбу,
Он собрался на губу.

На гарнизонную губу, ибо своей губы в ИВАШП пока еще не было. Указанное происшествие зародило в сознании Начальства Школы пока еще смутную идею. Сотрудник в связи с этим был откомандирован на Курсы Повышения Квалификации и снова засел за изучение Первоисточников.

СОРТИР

При строительстве здания ИВАШП было сделано незначительное упущение, сыгравшее заметную роль в развитии литературы сортирного реализма, а именно -- архитекторы забыли спроектировать сортиры. На следствии выяснилось, что они это сделали злоумышленно, так как придерживались ошибочной теории Ибанова, согласно которой сортиры должны отмереть уже на первом этапе. Писатель Ибанов произнес тогда по этому поводу другую свою ставшую также крылатой фразу: "Если кто-нибудь попадется, его уничтожают". Упущение заметили лишь тогда, когда зданием единолично завладел Аэроклуб. Пришлось в глубине двора на значительном расстоянии от здания найти участок, сравнительно меньше других заваленный всякого рода хламом, и построить сортир типа "нужник". В распорядке дня курсантов пришлось специально учесть два часа на походы в сортир из расчета три раза в день по десять минут на человека при наличии пятнадцати безопасно действующих посадочных мест. Впрочем, расчета в собственном смысле не было. Упомянутая величина была сначала найдена чисто эмпирически, и лишь постфактум ей было дано теоретическое обоснование с использованием мощных средств современной таблицы умножения. Местный философ Ибанов использовал это в книге "Диалектика общего и отдельного в поселке Ибанске и его окрестностях" как блестящий пример чисто теоретического предсказания эмпирического факта, сопоставимый по своим последствиям для развития науки с открытием позитрона. С наступлением темноты хождение в сортир было связано с риском для обмундирования, и потому курсанты избегали пользоваться сортиром даже днем. Пришлось прорубить к сортиру дорогу. Но было уже поздно. Курсанты привыкли использовать для этой цели уютные закутки мусорной свалки -- двора, а сортиром стали пользоваться только подозрительные одиночки интеллигенты, желающие показать свое "Я". За ними было установлено наблюдение.

О БЕСПОЛЬЗЕ ИНФОРМАЦИИ

По дороге к Ларьку Болтун прихватил Шизофреника. Сотрудник и Член были уже на месте. Член пытался всунуть Сотруднику тетрадку со своими соображениями по поводу переустройства. Вы должны понять, умолял он непреклонного Сотрудника, что нелепо держать в тайне наводнения, землетрясения и прочие события, за которые руководство не несет никакой ответственности. Это же стихийные природные явления или статистические факты, неизбежные во всяком сложном процессе. Слухи же все равно распространяются. Сотрудник предпринял попытку отделаться анекдотами. Но у Члена как у типичного случайно уцелевшего представителя той эпохи было начисто ампутировано чувство юмора и выработан бессрочный иммунитет против смеха. Глядя с тоской на осатаневшего правдоборца. Сотрудник говорил себе. Так тебе и надо, кретин несчастный. Давно пора кончать с этими вонючими идеями и переходить на фарцовщиков. Платят больше, а ответственности меньше. И публика приличнее. Возьмите теперь, не унимался Член, последнее понижение цен. Почему нельзя честно и прямо сказать людям, что урожай слишком хороший, что производительность труда повысилась выше намеченной, а себестоимость снизилась ниже установленной. Народ поймет и сам проявит инициативу. Болтун и Шизофреник с хода включились в дискуссию. Сотрудник попытался переключить разговор на другую тему, кивая на Инструктора, но Болтун сказал, что на это наплевать, пусть слушает, за это ему денежки платят. Если Сотруднику это не правится, пусть катится ко всем чертям. Держать не будем. Шизофреник сказал, что претензии Члена лишены смысла, так как информация не может быть правдивой и полной по определению самого термина "информация". Для нормального функционирования общества никакой информации вообще не нужно, и начальство поступает инстинктивно правильно, раздувая нудные пустяки, замалчивая важные события, переосмысливая для нас с вами все на свете. И даже не столько правильно, сколько естественным для себя образом. Может быть, оно бы и радо было поступать иначе, но не может. Болтун сказал, что здоровому обществу, как и человеку, сведения о состоянии его здоровья не нужны, а умирающему бесполезны. Член запищал о болезнях и диагностике. Болтун возразил, что для общества болезнь есть нормальное состояние" общества не лечат, врачей таких нет, а тех, кто ставит диагнозы и выписывает рецепты, надо давить, как клопов. Суть дела не в этом, сказал Сотрудник. Надо солгать так, чтобы было верно, и сказать правду так, чтобы было вранье. И Сотрудник рассказал общеизвестный анекдот о том, как наш игрок продул ихнему, а у нас сообщили, что наш был вторым, а ихний -- предпоследним. В конце концов радио, телевидение и газеты не вытекают из самой сути изма. Шизофреник сказал, что в той мере, в какой правду допускают в силу необходимости, она общедоступна и не нуждается в том, чтобы ее открывали. Потому люди предпочитают заблуждения и бросаются из одной грандиозной лжи в другую. Ложь всегда есть открытие. И потом можно кое-что оправдать сложностью бытия и неизбежностью искренних заблуждений. Болтун сказал, что есть какие-то объективные законы дезинформации вроде законов тяготения, и Шизофреник, наверняка, что-то придумал на этот счет. Шизофреник сказал, что такие законы есть. Например -- тенденция свести к минимуму сведения о плохом и раздуть до максимума сведения о хорошем. А если такового нет, его следует

выдумать. Врут не по злому умыслу и не по глупости, а потому, что обман есть наиболее выгодная форма социального поведения. Закон работает сугубо формально и на любом материале. Потому врут даже тогда, когда в этом нет никакой надобности, и даже тогда, когда это вредно, ибо иначе не умеют. Член сказал, что эта теория не объясняет искажений истории. Наоборот, сказал Сотрудник. Людям надо внушать, что раньше всегда и везде было еще хуже. Потому какой-нибудь правдивый пустячок может обнаружить более высокий уровень жизни. Член сказал, что правду о прошлом скрыть нельзя. Есть же неоспоримые материальные свидетельства. Болтун сказал, что это утешение для идиотов. Люди сначала усиленно скрывают правду, а потом не могут узнать ее даже при желании. Единственной опорой памяти о прошлом становятся битые черепки и объедки от мамонтов. А разве это история! История не оставляет следов. Она оставляет лишь последствия, которые не похожи на породившие их обстоятельства.

МОНУМЕНТ ВОЖДЯ

Перед главным фасадом здания ИВАШП, читал Инструктор, была воздвигнута статуя Вождя в ненатуральную величину на гранитном пьедестале с мощными цепями, которые долгое время считались декоративными. По причине непредвиденного оседания, фундамента Статуя наклонилась вперед больше, чем было установлено высшими инстанциями, так что казалось, что Вождь вот-вот клюнет могучим носом в речку Ибанючку и разнесет вдребезги запланированную поблизости ГЭС. В отношении скульптора были приняты меры. Приехавший из столицы Сотрудник выяснил, однако, что в таком положении Статуя стала еще устойчивее. А прибывшее для вручения поселку медали Лицо заметило, что Статуя внушает чувство вины и страха быть раздавленным за это, что вполне соответствует известному всему Миру гуманизму Вождя. Но воскресить скульптора было уже невозможно, наука научилась это делать много позднее. А если бы и воскресили, то не было бы полной уверенности в том, что это -- тот самый. Статуя была расположена так, что куда бы курсант ни направлялся, он сталкивался с ней лицом к лицу. Действовало это неотразимо. Сослуживец, однажды собравшись в самоволку и узрев знакомый профиль на фоне мрачного неба, в ужасе повернул обратно. Потом он ходил в самоволку, перелезая через забор около сортира, хотя этот путь был опаснее. Когда разоблачили культ личности и ликвидировали все его последствия, Статую до поры, до времени куда-то спрятали, на место ее поставили обнаженный торс Ибанова. Но на это никто уже не обратил внимания. А за десять лет до этого Сотрудник увидел пророческий сон, будто Статуя закачалась и начала падать. Сотрудник сначала обрадовался и закричал "Наконец-то!", но потом увидел, что Статуя падает прямо на него, и содрогнулся. Он бросился ее поддержать, но сил не хватило, и она рухнула совсем в другую сторону. И никто не знает до сих пор, в какую именно. За это Сотрудник был избран в Академию.

БАЛЛАДА

"Баллада о неизвестном курсанте" была первый и последний раз опубликована на стенках старого сортира в ИВАШП. Предполагаемый автор ее курсант Ибанов за что-то был отчислен из Школы на фронт и вскоре стал неизвестным. Начиналась "Баллада" так:

Я, ребята, не поэт.
У меня таланту нет.
Стих в печать не посылаю.
Гонорар не получаю.
И по совести сказать,
Не люблю совсем писать.
Исключительно со скуки
Карандаш беру я в руки.
И по случаю наряда
Сочинить хочу балладу.
Вас читать не заставляю.
Ну, итак, я начинаю.

В январе старый сортир был разрушен. На его месте соорудили новый с более высоким коэффициентом полезного действия и с более низкой себестоимостью выпускаемой продукции. В Школе после этого стали различать две эпохи: эпоху старого и нового сортира. Первой стали приписывать все наилучшие качества цивилизации, и она стала легендарной. Стенки нового сортира с поразительной быстротой покрылись рисунками, стихами и афоризмами преимущественно эротического содержания. Однако ничего равного "Балладе" создано не было. И сбылось пророчество Уклониста: время шедевров кончилось, началась эпоха массового производства посредственности. Поскольку "Баллада" в другой форме не была опубликована, а память человеческая недолговечна и ненадежна, то это выдающееся произведение настенного искусства по всей вероятности можно считать безвозвратно потерянным. Деградация искусства, однако, компенсировалась прогрессом научной мысли. Принимавший участие в строительстве нового сортира Патриот обнаружил два качественно различных слоя экскрементов и высказал идею измерять калорийность пищи калорийностью отходов, образующихся в результате ее поедания рядовым курсантом. Упомянутые две эпохи резко различаются и с точки зрения эмоционального отношения к Миру. Достаточно, например, сравнить такие строки из "Баллады":

"Мы селедку получали
И на спирт ее меняли",

с лучшими стихами новосортирной эпохи, допустим -- с такими:

"Я здесь сидел
И горько плакал.
Я мало ел,
Но много какал",

чтобы увидеть переход от жизнелюбивых мотивов в духе запоздалого Ренессанса к мрачному Декадансу. Замполит, как-то по случаю заглянувший в новый сортир, сделал из этого вывод о необходимости усилить политподготовку. Результаты не замедлили сказаться. Рядом с упомянутыми стихами появились новые:

Я битый час тут проторчал
И до упаду хохотал.
Шрапнели порцию сожрал,
А яму полную наклал.

Но трудно сказать, были они проявлением оптимизма или тонкой апологетикой.

УКЛОНИСТ

В декабре курсант Ибанов, совершая учебный полет по маршруту, выпрыгнул из самолета с парашютом. Он объяснил это тем, что якобы загорелся мотор. Самолет, врезавшись в землю, не загорелся. Экспертная комиссия обнаружила в моторе остатки обгоревшей тряпки, но не придала этому значения. Она рассуждала так: раз самолет не загорелся даже при ударе о землю, то угрозы пожара в воздухе, очевидно, никакой не было. Курсант Ибанов по этому поводу заявил, что суждения о прошлом, которые кажутся истинными теперь, не обязательно истинны в прошлом, и что он хотел бы поглядеть, какое заключение сделали бы эксперты в тот момент, когда заметили бы пламя в моторе, находясь в этот самый момент в самолете. Сотрудник, окончивший до войны по этим дедам аспирантуру и чуть было не получивший степень кандидата гуманитарных наук, разоблачил это заявление как попытку подменить диалектику схоластической буржуазной формальной логикой. Поступок курсанта Ибанова был расценен как намерение уклониться путем умышленного уничтожения ценной военной техники. И курсант Ибанов (отныне -- Уклонист) присоединился к Клеветнику.

Боже, боже! Я пропал!
Отдадут под трибунал!
(Из "Баллады")

УБИЙЦА

Через мой характер слабый
Бес попутал меня с бабой.
Я, друзья, солдат не гордый.
Щупать щупал, а на морду
Обращал вниманья мало.
Лишь бы, думаю, лежала.
(Из "Баллады")

В декабре курсант запасной роты Ибанов, находясь в самовольной отлучке, самодельным ножом ранил в левую ягодицу гражданку Ибанову. На следствии курсант Ибанов показал, что он страстно любил гражданку Ибанову и собирался на ней жениться, но что она коварно изменила ему, польстившись на продукты питания, приносимые Интендантской Крысой, и стала сожительствовать также и с ним. Сотрудник осмотрев орудие преступления и осуществив следственный эксперимент на правой ягодице гражданки Ибановой, не мог понять, как курсант Ибанов таким тупым ножиком ухитрился проколоть дубленую шкуру гражданки Ибановой, и заподозрил неладное. При составлении акта никто из

присутствовавших не смог назвать научного или хотя бы литературного эквивалента для обозначения женского зада. Курсант Ибанов предложил употребляемое здесь слово "ягодица", на что Сотрудник сказал, что ему теперь все ясно. И курсант Ибанов (отныне -- Убийца) поселился в Красном уголке запасной роты вместе с Уклонистом и Клеветником в ожидании отправки на гарнизонную губу. Гражданка Ибанова потом приходила навестить Убийцу. Увидев ее из окна. Убийца пришел в ужас. Как сказано в "Балладе":

И во всем я мире, боже,
Не видал подобной рожи.
Я в душе ищу ответа:
Боже мой, она ли это?

Клеветник спросил Убийцу, неужели он, в самом деле, мог жениться. Тот ответил, что вполне возможно. Во-первых, он ее видел только в темноте. Во-вторых, это у него первая (и может быть, и последняя) баба в жизни. А, в-третьих, в ней что-то есть.

ДОКЛАД ДЛЯ ЗАВЕДУЮЩЕГО

Что вас так давно не было, спросил Член. Дела, сказал Болтун. Пишем доклад для Заведующего, который хочет сделать этот доклад лично для нас. О чем же доклад, полюбопытствовал Член. Не знаю, сказал Болтун Услышим -- узнаем. Член сказал, что в его время Сам сочинял свои речи сам. Болтун сказал, что Сам вообще писать не умел. Просто докладов было меньше, а их составители не сохранились по тем или иным причинам. Чаще по тем. Ладно, сказал Член, а если без шуток? Без шуток, сказал Болтун, дело обстоит так. Мы сами заметили, что нас пора поправить и направить. Сообщили об этом выше. Там решили, что нас пора поправить и направить. И сообщили об этом куда следует. И так вплоть до Заместителей, Поскольку у Заведующего назрела потребность во что-нибудь вмешаться, ему сообщили подходящий повод. Он дал указание Заместителям подготовить доклад часа на четыре. Заместители дали указание Помощникам, те -- Начальникам и Директорам. И так вплоть до Вашего покорного слуги. Мы как аристократы духа таким делом, разумеется, заниматься не будем. Потому мы возложили задачу подготовки доклада на самых посредственных, невежественных и готовых на любую пакость Исполнителей, рвущихся делать карьеру любыми средствами или отчаявшихся сделать какую бы то ни было карьеру. Они сочинят водянистую дребедень с дутыми цифрами, нелепыми ссылками и искаженными чужими мыслями, и поток этой совершенно бессодержательной трепотни двинется вверх. На каждом этапе он будет усовершенствоваться путем выбрасывания фраз, которые можно было бы истолковать иначе, добавления фраз, которые невозможно истолковать ни так и ни иначе, замены острых формулировок более обтекаемыми, округления цифр и т. п. Огромная армия всякого рода деятелей с большими и малыми окладами разъедется по закрытым дачам, санаториям и командировкам. Полгода минимум материалы будут ходить вверх и вниз на доработку и после доработки. Наконец отпечатанный большими буквами и с расставленными ударениями текст ляжет на стол Заведующего. Референты при этом приложат текст замечаний, которые Заведующий должен сделать по докладу, и после санкции Заведующего текст

доклада двинется опять вниз на доработку. Правда, на сей раз просто его выкинут, так как окончательный вариант доклада с учетом замечаний Заведующего, уже подготовленный для прочтения, давно лежит в соседней комнате у Помощника по этой линии. Когда представится подходящий случай, Заведующий после нескольких репетиций зачитает доклад, перепутав все ударения и исказив многочисленные иностранные слова. И доклад станет документом величайшей исторической важности. Он будет издан в трех томах с иллюстрациями и комментариями. В Журнале напечатают статьи с разъяснениями, откликами, восторгами, обещаниями и, разумеется, с критикой тех, кто ошибается и не понимает. Претендент напишет передовицу со ссылками на Заведующего, Заместителей и Помощников в пропорции 50-10-1 на каждой странице. Нас заставят изучать доклад в созданной для этого сети. И тогда мы поймем, что мы сделали, что должны сделать и что не должны делать ни в коем случае. Член сказал, что это, конечно, фельетон. Даже он пишет свои работы сам. Болтун сказал, что потому Член и получает регулярно по мозгам. Если бы он последовал примеру Заведующего, то его брошюры можно было бы массовым тиражом обнаружить в любом сортире. Шизофреник сказал, что в схеме Болтуна нет ничего фельетонного, ибо в массовом исполнении величайшая мудрость совпадает с величайшей глупостью. Так что с точки зрения конечного результата совершенно безразлично, будут сочинять доклад выдающиеся умы или выдающиеся дегенераты. А так как последние по ряду известных всем причин предпочтительнее первых, то пишут доклады именно они, и потому доклады получаются более умными, чем если бы их сочиняли выдающиеся умы.

НАУЧНЫЕ ЗАКОНЫ

Сначала я собирался сделать так, писал Шизофреник. Составить список интуитивно ясных утверждений о правилах, которые регулируют социальное поведение людей, и, опираясь на этот базис, построить теорию по всем правилам конструирования теорий, т. е. с выделением исходных понятий и постулатов, с производными понятиями, теоремами и т. п. Но потом в результате бесед с людьми различного положения и образования я понял, что это второстепенная техническая задача. Людей в общекультурном плане интересует не наука как таковая, а беллетристические предисловия, разъяснения и отступления, относящиеся к ней. В данном же случае теория, которую я собирался построить, вообще не имеет никакого смысла, если предварительно не растолковать, к какого рода объектам она относится. Это нужно сделать хотя бы потому, что вследствие обилия литературы на эту тему здесь совсем утрачена даже ориентировочная ясность. В частности, я не встретил двух людей даже среди специалистов-социологов, которые могли бы толково пояснить понятие социального индивида и быть единодушными в этом. Кроме того, в понимании научных законов в сочинениях специалистов по методологии науки имеет место такая неразбериха и многосмысленность, что я вынужден опуститься к еще более общим основам языка и говорить о том, что я буду называть научным законом. В результате задуманная теория отодвигается куда-то в неопределенное будущее.

Научный закон есть высказывание (утверждение, суждение, предложение),

обладающее такими признаками: 1) оно истинно лишь при определенных условиях; 2) при этих условиях оно истинно всегда и везде без каких бы то ни было исключений (исключение из закона, подтверждающее закон, -- это диалектическая бессмыслица); 3) условия, при которых истинно такое высказывание, никогда не реализуются в действительности полностью, но лишь частично и приблизительно. Потому нельзя буквально говорить, что научные законы обнаруживаются в изучаемой действительности (открываются). Они выдумываются (изобретаются) на основе изучения опытных данных с таким расчетом, чтобы их потом можно было использовать в получении новых суждений из данных суждений о действительности (в том числе -- для предсказаний) чисто логическим путем. Сами по себе научные законы нельзя подтвердить и нельзя опровергнуть опытным путем. Их можно оправдать или нет в зависимости от того, насколько хорошо или плохо они выполняют указанную выше роль.

Возьмем, например, такое утверждение: "Если в одном учреждении человеку за ту же работу платят больше, чем в другом учреждении, то человек поступит работать в первое из них при том условии, что для него работа в утих учреждениях не различается ничем, кроме зарплаты". Часть фразы после слов "при том условии" фиксирует условие закона. Очевидно, что работ, одинаковых во всем, кроме зарплаты, не бывает. Бывает лишь некоторое приближение к этому идеалу с точки зрения того или иного человека. Если встречаются случаи, когда человек поступает на работу в учреждение, где меньше зарплата, то они не опровергают рассматриваемое утверждение. В таких случаях, очевидно, не выполнено условие закона. Может даже случиться так, что в наблюдаемой действительности люди всегда выбирают работу в учреждениях с менее высокой оплатой. И это нельзя истолковывать как показатель ошибочности нашего утверждения. Этот может происходив по той причине, что в таких учреждениях более приемлемы другие обстоятельства труда (например, короче рабочий день, меньше нагрузка, есть возможность заниматься какими-то своими делами). В такой ситуации рассматриваемое утверждение может быть исключено из числа научных законов как неработающее, ненужное.

Из сказанного должно быть ясно, что нельзя считать научным законом утверждение, просто обобщающее результаты наблюдений. Например, человек, которому пришлось походить по инстанциям и наблюдать начальников разного типа, может сделать вывод: "Все начальники хапуги и карьеристы". Это утверждение может оказаться верным или неверным. Но оно не есть научный закон, ибо не указаны условия. Если условия любые или безразличны, это частный случай условий, и это должно быть указано. Но если условия безразличны, то любая ситуация дает пример полностью реализуемых условий такого рода, и применить понятие научного закона к этому случаю нельзя.

Обычно в качестве условий фиксируют не условия в упомянутом выше смысле, а лишь какие-то конкретные явления, -- которые, на самом деле, можно наблюдать. Возьмем, например, такое утверждение: "В случае массового производства продукции качество ее снижается при том условии, что имеет место бездарное руководство данной отраслью производства, отсутствует личная ответственностью за качество и личная заинтересованность в сохранении качества". Здесь условие сформулировано так, что можно привести примеры таких условий в действительности. И не исключена возможность случаев, когда массовое производство продукции бывает связало с повышением ее качества, ибо действуют какие-то другие сильные причины, не указанные в условии. Такого

рода утверждения научными законами не являются. Это -- просто общие утверждения, которые могут быть истинными или ложными, могут подтверждаться примерами и опровергаться ими.

Говоря о научных законах, надо различать то, что называют законами самих вещей, и утверждения людей об этих законах. Тонкость этого различения состоит в том, что мы знаем о законах вещей лишь формулируя какие-то утверждения, а законы науки воспринимаем как описание законов вещей. Однако различение здесь можно провести достаточно просто и ясно. Законы вещей могут быть описаны самыми различными языковыми средствами, в том числе -- утверждениями типа "Все мужчины обманщики", "Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом" и т. п., которые научными законами не являются. Если в научном законе отделить основную его часть от описания условий, то эта основная часть может быть истолкована как фиксирование закона вещей. И в этом смысле научные законы суть утверждения о законах вещей. Но выделение научных законов как особых языковых форм есть совсем иная ориентация внимания сравнительно с вопросом о законах вещей и их отражении. Сходство фразеологии и кажущиеся совпадения проблематики создают здесь сложности, совершенно неадекватные банальности самой сути дела.

Различая научные законы и законы вещей, надо, очевидно, различать и следствия тех и других. Следствия первых суть утверждения, выводимые по общим или специальным (принятым только в данной науке) правилам из них. И они также суть научные законы (хотя и производные по отношению к тем, из которых они выводятся). Например, можно построить социологическую теорию, в которой из некоторых постулатов о стремлении индивида к безответственности за свои поступки к другим индивидам, находящимся с ним в отношении содружества, будут выводиться утверждения о тенденции индивидов к ненадежности (не держать данное слово, не хранить чужую тайну, разбазаривать чужое время и т. п.). При этом для выводимых утверждений будут сохранять силу те же условия, что и для посылок. Трудность обычной дедукции здесь состоит в том, что все посылки, из которых производится вывод, должны содержать одинаковую часть, фиксирующую условия, или такая часть должна выводиться. Общая схема вывода такова: из посылок "A при условии B" и "C при условии D" выводится "X при условии Y", если Y выводится из B и выводится из D по отдельности.

Следствием же законов вещей, фиксируемых законами науки, являются не законы вещей, а те или иные факты самой действительности, к которой относятся научные законы. Возьмем, например, закон, согласно которому имеет место тенденция назначать на руководящие посты не самых умных и талантливых людей, а самых посредственных и среднеглупых, но зато угодных начальству по иным параметрам и имеющих подходящие связи. Следствием его является то, что в некоторой сфере деятельности (например, в исследовательских учреждениях, в учебных заведениях, в управленческих организациях искусства и т. п.) руководящие посты в большинстве случаев (или по крайней мере часто) занимают люди, глупые и бездарные с точки зрения интересов дела, но хитрые и изворотливые с точки зрения интересов карьеры. Люди на каждом шагу сталкиваются со следствиями действия социальных законов. Некоторые из них субъективно воспринимаются как случайности (хотя строго логически понятие случайности тут вообще не применимо), некоторые вызывают удивление, хотя происходят регулярно. Кому не приходилось слышать и даже самому говорить по

поводу назначения некоторого лица на руководящий пост, как могли такого негодяя назначить на такой ответственный пост, как могли такому кретину поручить такое дело и т. п. Но удивляться следовало бы не этим фактам, а тем, когда на руководящие посты попадают умные, честные и талантливые люди. Это, действительно, отклонение от закона. Но тоже не случайность. Не случайность не в том смысле, что это закономерно, а в том смысле, чти понятие случайности здесь опять-таки неприменимо. Кстати сказать, выражение "ответственный пост" есть нелепость, ибо все посты безответственны, или имеет смысл лишь указание на высокий ранг поста.

БОЛТУН

В этом месте Шизофреник вспомнил о Болтуне. Чтобы разобраться в том, что из себя представляет общество, думал он, мало эмоций и знания фактов, сколько бы их ни было и какими бы они страшными ни казались обывателю. Нужна еще хорошо разработанная система методологических принципов понимания. Эти принципы просты и доступны всем. Но предварительно их кто-то должен сформулировать профессионально строго. Это мог бы сделать Болтун. Но после той истории он, кажется, вышел из игры. А жаль. Пропадает такой блестящий ум.

СОМНЕНИЯ МАЗИЛЫ

Мазила сказал, что вопрос об отношении научных законов и законов вещей для него остался неясным. Имеет здесь место отражение или нет? Шизофреник сказал, что ему становится омерзительно скучно от обилия примеров, подтверждающих правильность его теории. Одно из следствий действия социальных законов -- тенденция к одноплановой ориентации сознания. Возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении. Все должны думать по схеме: научные законы либо отражают законы бытия, либо нет. Сейчас прогрессивно признавать частично то и другое. Но это -- не меняет общей ориентации. И даже ты не видишь возможности иной позиции. Но ее логически не может быть, сказал Мазила. А при чем тут логика, сказал Шизофреник. Есть еще такая позиция: мне вообще наплевать на то, что вы по этому поводу думаете и говорите. Это -- позиция безразличия к данной ориентации создания и выбора иной ориентации, в которой такая проблема вообще не встает. Ты же сам назовешь меня кретином, если я о твоих работах начну говорить в терминах "отражают", "выражают" и т. п. Мазила сказал, что ему понятно. Но при случае попросил Социолога высказать мнение профессионала о рукописи Шизофреника. Социолог полистал рукопись, любуясь на себя в зеркало, сказал, что это -- ерунда, подражание давно изжитым идейкам оттуда, назвал несколько десятков ихних имен и шесть наших (три раза свое, два раза Супруги, один раз Мыслителя). Но рукопись Шизофреника его встревожила не на шутку. Подумать только, Они делают важное дело, работают, тратят время на командировки и заседания, защищают диссертации, пишут статьи и книги с учетом ситуации и перспектив, изворачиваются и все такое прочее, а какой-то

копеечный младший научный сотрудник без степени набирается наглости иметь свои суждения по вопросам, в которых они и только они суть признанные специалисты. Нет, это возмутительно. Полюбовавшись на себя еще с полчаса в зеркало, Социолог позвонил Сотруднику.

ЗАВТРАК У ПРЕТЕНДЕНТА

Вечером состоялся завтрак у Претендента, сыгравший выдающуюся незаметную роль в исследуемом мероприятии. На завтраке присутствовали Социолог с Супругой и Мыслитель без супруги, которую он бросил сразу же после того, как обнаружил хлопотность и суетность семейной жизни. Претендент брал сочные куски чуть зажаренного кровавого мяса из закрытого распределителя, кидал их в широко разверстую пасть и жрал с видимым наслаждением. Претендент разглагольствовал. Причем, с таким расчетом, чтобы его слышали все желающие слушать и подслушивать и не могли не слышать не желающие это делать и даже желающие это не делать. Свои речи он заливал заграничными винами, приобретенными во время многочисленных командировок и в виде подарков по принципу необычности и яркости для ибанского глаза бутылок, содержащих противную жидкость, которую Претендент не любил и вместо которой наедине со своей страшной женой и нечистой совестью предпочитал обыкновенный "сучок". С этими мерзавцами и негодяями пора кончать, орал Претендент, а то эти невежды и реакционеры снова установят свои порядочки. Наш долг. Мы обязаны. Возглавить деловых и мыслящих. Социолог хватал сочные хорошо прожаренные куски мяса из закрытого распределителя, запихивал их в широко разверстую пасть, путаясь в бороде, и жевал с видимым пренебрежением. Он сам любил разглагольствовать на передовые темы и не терпел, когда ему в этом препятствовали. Потому он мучительно переживал невозможность высказаться, ибо Претендент пресекал всякие попытки собеседников вставить в разговор хотя бы одно словцо. Он с видом знатока разглядывал вычурные бутылки на свет, щелкал языком и пил в невероятном количестве и в любых комбинациях. Этот мальчик далеко пойдет, думал он о Претенденте. Хватка волчья. Я знаю, куда он метит! Что же, шансы у него несомненно есть. Если ему помочь, то позиции левой мыслящей ибанской интеллигенции сильно укрепятся. И Социолог согласно кивал головой. Супруга брезгливо брала пухлыми короткими пальчиками с острыми когтями средне поджаренные куски мяса из закрытого распределителя, аккуратно опускала их в широко разверстую пасть и стремительно пожирала, кокетливо высовывая из-под коротенькой кожаной юбчонки жирные ляжки сорокалетней ученой бабы. Она больше Социолога и Претендента любила разглагольствовать и имела на это полное право, ибо превосходила силой интеллекта всех присутствующих, кроме Мыслителя, в чем она последнее время после защиты своей диссертации стала сильно сомневаться. И потому она больше всех страдала от нахальства Претендента, который ее просто игнорировал как глупую гусыню. Претендент, думала она, хам и невежда. Но в нем есть целеустремленность и понимание ситуации. И связи. Он, конечно, начитан. И в общем он на голову выше тех исчадий прошлого. Те -- просто уголовники. Лучшей кандидатуры, чем Претендент, пожалуй, у нас нет. И главное -- он Наш. Мыслитель брал почти сырые куски мяса из закрытого распределителя мощной

волосатой лапой с грязными ногтями, отправлял их в широко разверстую пасть и неторопливо жевал его с видом человека, делающего всем одолжение. Мыслитель был невероятно умный человек и понимал что Социолога и Супругу лучше не перебивать, так как они несут обычно чушь, а с Претендентом надо разговаривать жестами. Он всей своей могучей лысиной источал полное понимание мыслей Претендента и согласие с ними. Этот подонок недурно устроился, думал Он. Что же, такова жизнь. В этом мире только бездари и проходимцы процветают. Кстати, не забыть у него пару сотен занять. Мыслитель давно был должен Претенденту кучу денег, но сегодня ему деньги нужны до зареза. Надо отдать сто рублей за икону, которую он подарит итальянке, которая привезла ему в подарок вельветовые штаны и с которой он рассчитывал переспать, и отдать сто рублей за икону, которую он подарит француженке, которая привезла ему носки и которая рассчитывала переспать с ним. Великолепное мясо, сказал Мыслитель, когда Претендент умолк на мгновение, чтобы всунуть указательный палец между зубами и выковырять застрявший кусок. Претендент сказал, что ему это положено. Кстати, он говорил с Помощником. Мыслителя возьмут там на полставки. Распределитель у них не хуже. Ты не смотри, что у них вывеска неприличная. Там умнейшие люди сидят. Там тебе разрешат говорить такое, за что в любом другом месте дадут по шапке. Они же готовят людей не для нас, а для них. И уровень, само собой разумеется, должен быть выше. Зато ездить будешь. Они всех сотрудников с языками посылают лекции читать. Я думаю, перескочил Претендент на прерванную тему, надо привлечь чистоплюев. Для пользы дела. Прежде всего Клеветника. За ним целая школа тянется. Человек он, конечно, себе на уме, но все-таки фигура. Надо будет его выдвинуть в академики. Супруга сказала, что Клеветник заслужил. Но не надо забывать о том, что есть и другие; Не хуже. А может быть и получше. И помоложе. Вот у Мыслителя статью перевели. У меня брошюра выходит. Хотя брошюра считается популярной, мне удалось в ней провести ряд интересных мыслей по диалектике общего и отдельного и здорово зацепить Секретаря. Социолог перебил Супругу. В конце концов, что такого особенного Клеветник? Если бы сделал что-то значительное, об этом все бы знали и ссылались. Но никто же ничего не знает и не понимает. Да и ссылок не так уж много. И, судя по всему, они идут на спад. Мыслитель сказал, что Клеветник не так уж наивен и бескорыстен в житейских делах. За переводы его книг ему валюту шлют. Все они только прикидываются, овечками, сказал Претендент, а на самом деле рвут, где могут. Я тут совершенно случайно узнал, что он попытался пропихнуть в Издательстве очередную книжонку. За гонорар, конечно. Если бы не случай, могла бы проскочить. Хотя все знали, что в этом Издательстве гонорар не платят, все наперебой стали вычислять гонорар, который мог бы отхватить Клеветник за ненужную и непонятную книжонку.

Перед уходом Мыслитель небрежно попросил у Претендента триста рублей до получки. Знаем мы эту получку, подумал Претендент. Но деньги дал и тем самым зажал Мыслителя в кулак на три сотни крепче. Лежа в кровати. Претендент мечтал о ляжках Супруги (везет же этому балаболке!) и говорил своей тощей и злой жене, что с идеей выдвижения Клеветника он поторопился. Клеветник -- фигура, время сейчас неопределенное, вдруг проскочит. Тогда-то он с нами церемониться не будет Всем шею свернет. Он всех нас считает дураками и проходимцами. Нет, нас не проведешь. Надо поговорить с Академиком. Этот хитрый маразматик подыхает от зависти к Клеветнику. Он провалит его в два

счета. И Претендент успокоенный захрапел. В последнее мгновение он живо представил себе еще нестарую вахтершу и подумал, что об этом надо подумать. По дороге домой на государственную дачу Супруга сказала Социологу, что если уж из двух зол выбирать меньшее, то предпочтение она отдает Претенденту, а не Клеветнику.

ЗАЯВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Художник написал в Институт длинное письмо о деятельности так называемого "художника" Мазилы и обращал на нее самое серьезное внимание. Он писал, что работ Мазилы никто не понимает. У него часто бывают иностранцы и распускают клеветнические слухи, будто Мазила -- гений. Бывают и некоторые наши так называемые "интеллигенты" и поддерживают эти непроверенные Комиссией слухи. Не случайно же те, кто не считает, что Мазила гений, у него не бывают. А их подавляющее большинство. Общеизвестно, что Мазила -- пьяница, наркоман, бабник, гомосексуалист, лесбиянец, фарцовщик, спекулянт, деляга, хапуга. Художник настаивал особенно на том, что Мазила совсем не гений, и просил принять в связи с этим срочные меры.

ДОКЛАД СОТРУДНИКА

У Ларька все знают, кто я такой и какие преследую цели. Поэтому со мной все до такой степени откровенны, что невозможно установить правду. Очевидно, они считают, что если сотрудник не скрывает, кто он, то он не на работе, и ему можно говорить все, что угодно. Кроме того, имеется прочная историческая традиция ибанской интеллигенции быть наиболее откровенными именно с теми, с кем вообще ей не следовало бы общаться. И проблема заключается для нас не в том, чтобы добыть сведения, а в том, чтобы отобрать кое-что ценное в неудержимой лавине слов. Причем, они говорят и говорят без удержу и без конца все одни и те же общеизвестные и трижды пережеванные истины. А поскольку в нашем деле истина есть лишь то, что ново и добыто с трудом, исследование интересующей нас проблемы сталкивается здесь с большими трудностями. Чтобы преодолеть эти трудности, надо добиться того, чтобы испытаемые научились держать язык за зубами и скрывать свои злонамеренные мысли.

О ПРЕДВИДЕНИИ

Научные законы суть средства усмотреть закономерность в реальном, а не только в кажущемся хаосе событий, писал Шизофреник. В применении к социальным явлениям это ассоциируется с двумя вопросами: 1) что творится; 2) что будет. Первый сводится ко второму. Задавая этот вопрос, мы тем самым вовсе не хотим еще раз услышать о фактах, которые нам известны и породили вопрос, или об аналогичных им фактах, а хотим узнать, будет или нет это

твориться далее, будет еще хуже или нет, кончится это когда-нибудь или нет, будет это расширяться или нет, в частности -- коснется это нас или нет, коснется это других или нет, -- т. е. мы хотим узнать, что будет. Так что вопрос о закономерности событий так или иначе сводится к вопросу о возможности их предвидеть.

Но предвидение предвидению рознь. Одно дело -- предвидеть, например, то, что такого-то числа такой-то самолет потерпит катастрофу в таком-то месте. Предвидеть такое событие с помощью научных законов невозможно. Причем, если бы это было возможно, то тогда, надо думать, люди приняли бы меры к тому, чтобы оно не произошло, и тогда тем более его нельзя было бы предсказать. Такое событие могут предсказать люди, например, положившие в самолет бомбу. Но это не есть научное предвидение. Другое дело предвидеть, например, то, что случаи авиационных катастроф будут учащаться. Здесь речь будет идти уже не об отдельном эмпирическом событии, а о некоторой тенденции в сложном сплетении обстоятельств. Теперь не всякий отдельный рейс самолета подведешь под это предсказание, и не так-то легко принять меры, элиминирующие эту тенденцию. Социальные законы как раз и относятся к числу таких, которые дают возможность предсказывать нечто о тенденциях массовых событий и высказывать нечто перспективное об отдельных событиях лишь с этой точки зрения. Знание их дает возможность выработать более или менее эффективную ориентацию в потоке событий жизни, выработать стратегию жизни или хотя бы размышлений о ней. То, что обычно называют умом в житейских делах, есть некоторый навык ориентации в жизни, складывающийся на основе интуитивного и фрагментарного понимания социальных законов. Социологическая теория, о которой я говорю, есть лишь выявление интуиции.

ЛИТЕРАТОР

Сначала Литератор сочинял посредственные клеветнические стихи. Популярностью пользовался его цикл "Свободолюбивые мотивы":

Не был ты где бы,
Скука и мразь.
Липкое небо.
Топкая грязь.

Потом он своевременно осознал и исправился. И стал писать правдивые талантливые высокохудожественные сочинения. После снятия старого Заведующего Литератор опубликовал "Исповедь подлинного художника", ставшую манифестом ибанских прозаиков нового времени:

Все ошибались понемногу
Когда-нибудь и как-нибудь.
И даже я с большой дороги
Мог не на ту тропу свернуть.
Но основательно проверен,
Отныне равный среди нас,
Я воспевать, как все, намерен
Роль личности. Тьфу, извиняюсь. Масс.

Получив крупный гонорар, Литератор добился задания за государственный

счет объехать все страны и рассказать подлинную правду. На днях он вернулся и тут же обзвонил всех знакомых и незнакомых. Позвонил и Мазиле. Старик, сказал он, жажду тебя видеть. Мне нужно с тобой посоветоваться по одному очень важному для меня делу. Мазила сказал, приезжай, и Литератор появился в мастерской в сопровождении двух девиц, трех баб и четырех женщин.

Привет, старик, сказал он и трижды обнюхал Мазилу. Рад тебя видеть. Ты прекрасно сохранился. Ну, как тут? Ты, конечно, слышал, я только что оттуда. Живут, сволочи. Барахла сколько угодно. Вот взгляни на меня. Ну как? То-то! И стоит все это гроши. Смотри любые фильмы. Пиши, что хочешь. Не то, что тут, брат, не развернешься. Там ходят слухи, что ты уезжаешь. Давно пора. Там тебя ждут. Покажи, что новенького сделал. Литератор бегло скользнул взглядом по работам Мазилы, зевнул и сказал, что он там всего такого насмотрелся по горло. Не понимаю, говорил он, чего наше начальство боится, как бы мы дров не наломали. Мы ведь все бездарны. И ты тоже. Не обижайся, это я любя. А бездарность всегда за. Поломается немного, но рано или поздно будет за. Настоящий же талант ни за, ни против. Ему просто наплевать на их игрушки. У него свое никому не нужное дело. К тому же его все равно сожрут друзья. Ты представить себе не можешь, что тут творилось, когда я опубликовал "Поэму о долге". Эта банда посредственностей готова была разорвать меня в клочья от черной зависти. С трудом добился выдвижения ее на премию. Не дадут, подонки. Извини, старик, я больше не могу тебе уделить времени, дела. И забыв в мастерской последний номер Журнала, Литератор испарился вместе с девицами, бабами и женщинами.

Как ты думаешь, спросил Мазила у Клеветника, когда Литератор исчез, зачем он тут появился? Ты сам знаешь, зачем, сказал Клеветник, но если тебе нужна научная классификация, изволь. Во-первых, лично сказать тебе и всем, кто может оказаться в мастерской, что он был там, и показать вывезенное тряпье. Во-вторых, напомнить тебе, что он имеет успех. В-третьих, намекнуть тебе на то, что кое-кто не будет возражать, если ты уберешься отсюда. Наконец, дать тебе и всем присутствующим знать о том, что в последнем номере Журнала напечатана большая статья за подписью Мыслителя с анализом философского смысла и социальной значимости его "Поэмы о долге".

ПОЭМА О ДОЛГЕ

Поэма о долге наделала много шума во всех кругах и сферах и выдвинула Литератора в число талантливейших мыслителей Ибанска и его окрестностей. В окончательном варианте, как известно, поэма была опубликована в двух частях в таком виде:

I

Я кучею горжусь, в которой по уши сижу.

II

И зад руководящий преданно лижу.

Ходили противоречивые слухи о том, что были другие варианты поэмы, что цензура их отвергла, что напечатали ее с большими купюрами и лишь под давлением широкой общественности сверху и справа. Смелая статья Мыслителя положила кривотолкам конец. Проникнув в творческую лабораторию Литератора,

которую тот специально для этого сочинил после опубликования поэмы, Мыслитель убедительно показал, что автор проделал длительную творческую эволюцию. Мыслитель выделил три этапа в этой эволюции. На первом, гражданско-лирическом этапе поэма зародилась в такой виде:

В кровати голый я лежу
На твой могучий зад гляжу.

Слово "могучий" было заменено словом "огромный", потом слово "огромный" было заменено словом "могучий". Выражение "голый я" было зачеркнуто и сверху написано слово "голенький". Наконец, последняя строчка была вычеркнута совсем, и в окончательном виде на первом этапе поэма была записана так:

В кровати голенький лежу.
Твой жирный зад в руках держу.

Потом была приписана строка:

И этим очень дорожу.

Но она была вычеркнута красным карандашом, и впоследствии автор к ней не возвращался. Первый этап охватывает период с января по декабрь. На втором, гражданско-личностном этапе, который охватывает период с другого января по другой декабрь, автор создал целый ряд вариантов поэмы:

Я лужу делаю, в которой и лежу.
И сам свою же задницу лижу.
Я зад боготворю, который я лижу.
И кучу ту творю, в которой сам сижу.
В своем я по уши сижу.
И сам свою же и лижу.
Сижу.
Лижу.

По мысли Мыслителя, четвертый вариант, как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, является переходным к окончательному.

Третий, гражданско-государственный этап, длившийся после первых двух в течение пяти лет, был периодом мучительных творческих поисков наилучшего из созданных вариантов. Лишь после исторических мероприятий автор обрел мужество подлинного художника и выбрал тот, который следовало выбрать.

Сослуживец, прочитав поэму, сказал:

Закон для всех людей один
До наших дней с античности.
Поэт всегда слегка кретин.
Но тут -- в большой наличности.

БРЕД

Шизофреник запер на крючок дверь, чтобы к нему не ломился пьяный хозяин квартиры, у которого он снимал комнатушку, положил на колени доску, заменявшую письменный стол, и задумался. Как хорошо, что я один, думал он. Хочу, чтобы все осталось так, как есть. Хотя бы еще немного. Я должен успеть хотя бы тысячную долю того, что продумал, сказать хотя бы одному человеку. Иначе зачем все это? Потом пошел какой-то сумбур, о котором Инструктор сказал, что это -- из подсознания, типичный фрейдистский бред. Шизофреник

занял первое место на математической олимпиаде. Сам Академик жмет ему руку и говорит, что он -- разгильдяй, койку толком заправить не может. Шизофреник заправляет и заправляет койку, а Академик снова сдергивает одеяло. На том берегу слышатся команды вражеских офицеров. Шизофреник не может понять, почему они выкрикивают такие точные координаты их штаба. Завтра утром война, а они на штабных учениях. Офицеров учат писать донесения о гибели и похоронах солдат. Учения идут и идут, а имен уже не хватает. Шизофреник придумал простой и аффективный метод порождения практически бесконечного числа имен. Академик сказал, что он молодец, дослужится до офицера. Просмотрев метод Шизофреника, Академик сказал Инструктору, что он научной ценности не имеет. Потом Шизофреник начал писать трактат.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Принято думать, писал Шизофреник, что человеческое общество есть одно из самых сложных явлений и что по этой причине его изучение сопряжено с необычайными трудностями. Это заблуждение. На самом деле с чисто познавательной точки зрения общество есть наиболее легкое для изучения явление, а законы общества примитивны и общедоступны. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна, ибо люди живут в обществе по этим законам и по необходимости осознают их. Трудности в изучении общества, разумеется, есть. Но они далеко не академической природы. Главное в понимании общества -- понять, что оно просто в деталях и сложно лишь как нагромождение их огромного числа, решиться сказать по этому поводу правду, признаться в банальности своих мыслей, сбросить сложившуюся систему предрассудков и ухитриться сделать свои мысли широко известными. Есть одна трудность познавательного порядка. Это -- невозможность дедукции из-за избытка информации, из-за обилия исходный понятий и допущений, из-за ничтожного числа выводимых следствий, из-за практической ненадобности дедукции. Это действует удручающе на современного ученого человека, которому голову забили идеями математизации, формализации, моделирования и т. п. И самые примитивные из законов общества -- законы социальные.

Когда говорят о социальных законах, обычно говорят о государстве, праве, морали, религии, идеологии и прочих общественных институтах, регулирующих поведение людей и скрепляющих их в целостное общество. Однако социальные законы не зависят в своем происхождении от упомянутых институтов и не касаются их взаимоотношений и функционирования. Они лежат совсем в ином разрезе общественной жизни. Для них совершенно безразлично, что объединяет людей в общество. Они так или иначе действуют, раз люди на достаточно длительное время объединяются в достаточно большие группы. Упомянутые выше институты сами живут в соответствии с социальными законами, а не наоборот.

Социальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил:

меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т. д.

Социальные законы не фиксируют явно вроде правил морали, права и т. п.

по причинам, о которых нетрудно догадаться и о которых специально скажу дальше. Но они и без этого общеизвестны и общедоступны. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся природе человека и человеческих групп. Нужны исключительные условия, чтобы тот или иной человек выработал в себе способность уклоняться от их власти и поступать вопреки им. Нужна длительная кровавая история, чтобы в каком-то фрагменте человечества выработалась способность противостоять им в достаточно ощутимых масштабах.

Социальным правилам поведения люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания их другими людьми, благодаря образованию, экспериментам и т. п. Они напрашиваются сами собой. У людей хватает ума открыть их для себя, а общество поставляет людям гигантские возможности для тренировок. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они проходят систематическую практику на роль социальных индивидов, осуществляя обычные с их точки зрения житейские поступки. И они не могут этого избежать, ибо, не обучившись социальным правилам, они не могут быть жизнеспособными.

Хотя социальные законы соответствуют природе человека и групп людей (естественны), люди предпочитают о них помалкивать или даже скрывают их (подобно тому, как они прячут грязное белье и закрываются в туалете, справляя свои естественные потребности). Почему? Да потому, что прогресс общества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие социальных законов. Мораль, право, искусство, религия, пресса, гласность, публичность, общественное мнение и т. п. изобретались людьми в значительной мере (но не полностью, конечно) как средства такого рода. И хотя они, становясь массовыми организациями людей, сами подпадали под действие социальных законов, они так или иначе выполняли и выполняют (там, где они есть) антисоциальную роль. Социальный" прогресс общества был прежде всего прогрессом антисоциальности. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения морали, религии, права, обычаев и т. п., или скрывать от внешнего наблюдения как нечто предосудительное. И неудивительно, что социальные правила поведения представляются им как нечто, по меньшей мере, неприличное, а порой даже как преступное. Более того, люди индивидуально формируются так, что социальные правила для них самих выступают лишь как возможности, которых могло и не быть. Если человек совершает поступки по этим правилам и осознает это, то очень часто он при этом проходит через психологические конфликты и колебания и переживает происходящее как духовную драму. Примеры людей, которые оказались способными пойти наперекор социальным законам и благодаря этому стали предметом величайшего уважения граждан, еще более укрепляют в мысли о том, что эти законы отвратительны, а точнее говоря -- что это вовсе не законы, а что-то противозаконное. Наконец, примеры обществ, в которых социальные законы в силу разрешения морали, религии, правовых норм, гласности и т. п. приобретали ужасающую роль, довершают мистификацию реального положения дела и воздвигают непреодолимую преграду истине, -- поразительный пример зла, творимого людьми из лучших побуждений. Впрочем, и здесь лучшими побуждениями прикрываются, как правило, негодяи.

Социальные законы всегда на виду, и здесь бессмысленно ожидать открытий вроде открытия микрочастиц, хромосом и т. п. Открытием здесь может быть лишь

фиксирование очевидного и общеизвестного в некоторой системе понятий и утверждений и умение показать, как такие тривиальности выполняют роль законов бытия людей, -- показать, что нашей общественной жизнью управляют не благородные титаны, а грязные ничтожества. В этом основная трудность познания последней.

Когда все же говорят о тех или иных социальных законах, то их, как правило, лишают статуса общечеловеческих законов и рассматривают в качестве бесчеловечных законов какого-то изма. Полагают при этом, что в каком-то другом благородном изме им нет места. Но это -- ошибочно. Во-первых, в них нет абсолютно ничего бесчеловечного. Они просто таковы на самом деле. Они ничуть не бесчеловечнее, чем законы содружества, взаимопомощи, уважения и т. п. Противопоставление концепции злых и добрых социальных законов вообще с научной точки зрения лишено смысла, ибо они суть зеркальные отображения друг друга, изоморфны по структуре и эквивалентны по следствиям. Возьмем, например, принцип концепции злых социальных законов "Всякий человек А стремится ослабить социальные позиции другого человека В (при прочих постоянных условиях)". Эквивалентным ему является принцип концепции добрых социальных законов. "Всякий человек В стремится усилить социальные позиции другого человека А". Только при условии смешанных концепций можно избежать этого эффекта. Но смешанные концепции исключают здесь возможность научного подхода и построения теорий. Другими словами, примем мы концепцию, согласно которой зло необходимо, а добро случайно, или противоположную концепцию, согласно которой добро необходимо, а зло случайно, мы тем самым не решаем вопроса о том, что чаще встречается, зло или добро, а указанные концепции сами по себе обе не объясняют ни того, ни другого, а значит, в равной степени могут быть использованы для объяснения того и Другого. А, во-вторых, человечный или бесчеловечный изм сложится в какой-то стране, зависит не от социальных законов как таковых, а от сложного стечения исторических обстоятельств, и в том числе -- от того" сумеет или нет население данной страны развить институты, противостоящие социальным законам (нравственные принципы, правовые учреждения, общественное мнение, гласность, публичность, прессу, оппозиционные организации и т.п.). Лишь в том случае, если ничего подобного в обществе нет или это развито слабо, социальные законы могут приобрести огромную силу и будут определять всю физиономию общества, в том числе -- определять характер организаций, по идее призванных ограждать людей от них. И тогда сложится особый тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий и т. п. Здесь утверждается искаженная оценка личности -- превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем, не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек -- выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь -- творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество

такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причем, это состояние может длиться века. Я знаю одного девяностолетнего туберкулезника и язвенника, но его не назовешь здоровым человеком на том основании, что он прожил девяносто лет, а его одногодки-здоровяки давно загнулись. И если мне придется закончить свой жизненный путь, не прожив и половины возраста этого человека, его жизни я все равно не позавидую.

МНЕНИЕ СОЦИОЛОГА

Прочитав этот отрывок рукописи Шизофреника, Социолог сказал Мазиле, что за это Шизофренику здорово влепят. За что, удивился Мазила. Как за что, в свою очередь удивился Социолог. Здесь же все про нас. Но тут же ни слова не сказано о том, что это -- о нас, сказал Мазила. Там же не дураки сидят, сказал Социолог. Лицемерие, насилие, дезинформация, бесхозяйственность и т. п., -- младенец и тот поймет, к кому это относится. И Социолог рассказал анекдот о человеке, который кричал слова "Тщеславный болван" и которого забрали за оскорбление Заведующего, хотя он утверждал, что имел в виду сослуживца. Ему сказали, чтобы он не морочил голову сослуживцем, ибо всем известно, кто тщеславный болван. Но это же незаконно -- приписывать человеку, что он говорил о нас, если кто-то находит, что то, что он говорил, может быть отнесено и к нам, сказал Мазила. При чем тут законность, сказал Социолог. Я имею в виду фактически сложившуюся систему оценок, которая поставляет материал для законности. Эту рукопись будет оценивать эксперт. К экспертизе будет привлечен лишь такой человек, который даст заранее ожидаемое заключение. Адвокат? Он не специалист и экспертом в этом деле быть не может. Другой эксперт? Назови мне его. Я наперечет знаю всех, кто имеет формальное право быть в таком случае экспертом. А ты, спросил Мазила. Я -- наилучший вариант, сказал Социолог. Но что я могу? К тому же я и не хочу. Работа не настолько сильна в научном отношении, чтобы из-за нее идти на жертвы. А как обличительный материал она ничто в сравнении с тем, что уже известно. Клеветник считает, что Шизофреник -- гений, сказал Мазила. Конечно, у него кое-какие идейки есть, сказал Социолог. На мало ли кто кого считает гением. У нас на этот счет есть свои критерии.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ

Я прочитал Ваш трактат, сказал Член Шизофренику. Не могу согласиться с Вами по ряду вопросов. Вот, к примеру, по поводу роли государства. Вы читали сегодняшние газеты? Нет? А напрасно. Разоблачили группу взяточников и осудили. Один -- заведующий кафедрой, другой -- доцент. И остальные в таком же духе. Как видите, не побоялись огласки. Так что, молодой человек, существенным для нас, как видите, является не наличие недостатков (у кого их

нет!), а борьба с ними силами государства. А в газетах написали, что главным жуликом в этот деле был сам директор их идеологически выдержанного учреждения, спросил Болтун. А помощником у него был заведующий отделом этики, между прочим. Не написали также о том, что недавно все начальство целого района погорело на делах похлеще мелких взяток, о которых тут написано. А о деле юристов Вы не слыхали? Нет? А напрасно. Откуда Вам все это известно, спросил Член. Всему Ибанску об этом известно, сказал Болтун. Но об этом не сообщали, сказал Член. Так значит, этого и не было, спросил Болтун. А знаете, чем отделались главные жулики в известном Вам и, следовательно, существующем в действительности деле? Поставили на вид и слегка понизили в должностях. Даже дачи не конфисковали. Эти факты надо проверить, сказал Член, и принять меры. Попробуйте сказал Болтун. И посмотрим, чем это для Вас кончится. Тут дела посерьезнее холодных батарей и махинаций с яблоками. Нелепо отрицать, что государство борется с нарушениями законов, сказал Шизофреник. Но я хочу обратить Ваше внимание на чисто социальный аспект в этой его деятельности. Разберем такой случай. Начальник административно-хозяйственного управления одного известного вам учреждения приобрел власть, неизмеримо превышающую власть самого директора. Через него проходили все дела о квартирах, дачах, машинах, пайках и т. п. И взятки он брал такие, что эти фельетонные герои просто жалкие щенки по сравнению с ним. Вы думаете, никто не знал об этом? Все знали. Но до поры до времени это не играло роли. Одно дело -- фактическая известность, другое -- формальная. Ответственным лицам было выгодно, снизу помалкивали из страха или надежды на подачки. Одним словом, когда мера была нарушена, и возникла угроза скандала, этого начальника стукнули. Но как? Дали какие-то взыскания, предупредили, пожурили. Слегка ограничили аппетиты. Государство борется против недостатков, но не во имя каких-то высших идеальных соображений. Оно делает это лишь в той мере, в какой оно вынуждено это делать и в какой это выгодно ему делать. Оно действует при этом в полном соответствии с социальными законами, как орган социальной справедливости, а не как орган защиты униженных и оскорбленных. Дело тут еще и в том (помимо того, что государство само есть объединение социальных индивидов), что различные социальные законы имеют противоположно направленные следствия. Начальник, о котором я говорил, по одним социальным законам стремится выжать из своего положения максимальную выгоду для себя, и как следствие этого, усиливает свою позицию максимально возможно. Другие чиновники по другим социальным законам стремятся к тому, чтобы его реальное положение (благополучие и власть, в первую очередь) не превышало слишком сильно официальное. В результате совокупного действия различных социальных законов имеет место тенденция сохранить некоторое средненормальное положение. Социальное право есть результат и, вместе с тем, средство этой социальной осредненности. Что касается меры наказания, то она, как всем хорошо известно, определяется в зависимости от социального положения наказуемого (за редким исключением, когда складывается из ряда вон выходящая ситуация). Полностью с Вами согласен, сказал Болтун. Могу добавить лишь одно соображение, не бесполезное для Члена. У нас никаких недостатков нет и быть не может. А те недостатки, которые у нас иногда признаются, являются настолько редким у случайным отклонением от здоровой нормы без недостатков, что их фактически нет и быть не может, и с ними борются открыто именно для того, чтобы показать всем, что

их фактически нет и быть не может. Член сказал, что он обязательно выяснит, имели место отмеченные выше факты или нет, и будет добиваться справедливости. Когда Член ушел, Болтун сказал Шизофренику, что Член поразительный пример индивида, совершенно неспособного к пониманию общего правила в отдельных событиях. Шизофреник сказал, что, по его наблюдениям, людям вообще чужда интуиция закономерности, ее место у них занимает банальная способность простых обобщений. Обобщения делать легко. Но от них так же легко и отказаться, ибо постоянно наблюдаются примеры, противоречащие общим суждениям. Мне в голову сейчас пришла мысль исследовать, в какой мере те или иные познавательные операции отвечают социальности. Сейчас я, пожалуй, могу определенно сказать, что простое обобщение в понимании событий общественной жизни вполне отвечает социальности, а стремление постигнуть их закономерность антисоциально.

ВЫБОРЫ В АКАДЕМИЮ

Академии выделили одно место для Действительного и два для Корреспондентов. На место Действительного было выдвинуто около ста кандидатов, а на место Корреспондентов были выдвинуты почти все, кто хотел быть выдвинутым, мог быть выдвинутым и не мог не быть выдвинутым или не мог быть не выдвинутым. Две недели в Газете печатали списки кандидатов. Институт выдвинул Заведующего и Заместителей. Лаборатория выдвинула Помощников и Заместителей Помощников. Журнал выдвинул Помощников Заместителей Помощников, старших Сотрудников и младших Советников. Были выдвинуты даже три ученых, не имевших с юности никакого отношения к науке, но потом перешедшие на более ответственную работу. Один из них написал на другого закрытое письмо в котором убедительно показал, что тот совсем не тот, за кого себя выдает. Другой написал на первого открытое письмо, в котором не менее убедительно показал, что он-то тот, за кого он себя выдает, вот тот действительно не тот, кем его считают. Третий рассказал всем кто такие на самом деле те двое. Первые два выступили с совместным заявлением по поводу неправильного поведения третьего, когда они вместе с ним были там. Избрали потом четвертого, который вообще не выдвигался, зато помог в одном деле одному человеку, близко знакомому с Заместителем, и пятого, который и был самим этим человеком, но остался в секрете, ибо так было нужно из более высоких соображений. Выбрали также одного Заместителя (Заведующий уже был избран на прошлых выборах, и выдвигали его каждый раз снова из любви и уважения), пять Помощников, тридцать три Заместителя Помощника, около дюжины разных Сотрудников и Советников. Последних сразу же отправили в заграничные командировки.

Выдвигался и Клеветник. На Совете его лично выдвинул Претендент и поддержал Академик. Зал аплодировал. Все ходили радостно возбужденные и говорили, что наступили новые времена. Да, говорили одни, процессы истории необратимы. Историю не повернешь вспять, говорили другие. Как ни крутись, а время делает свое неотвратимое дело, говорили третьи. Все жали руку Претенденту и восторгались его мужеством. Выдвинуть самого Клеветника, да за это раньше к стенке поставили бы. Еще два года назад об этом даже подумать

никто не смел. Ехидничали по поводу согласия Клеветника баллотироваться. Вот вам и бескорыстие ученого, шептались в коридорах бездельничающие младшие и старшие сотрудники со степенями и без степеней. У него дача дай бог всякому, говорил один бородатый юноша. И квартирка дай бог всякому, говорила только что защитившая диссертацию по новейшим направлениям девица с чрезмерно развитыми формами. Лекции он читал отвратительно, говорило третье существо неопределенного пола. К тому же он безнадежно отстал, сейчас ведущая роль принадлежит ньюфаундлендской школе. Почитайте мою статью в Журнале.

Клеветник в избрание не верил. Но документы каждый раз подавал для коллекции отказов. Он уже собрал несколько десятков отказов в поездках на конгрессы, симпозиумы, коллоквиумы и лекции, в избрании в Корреспонденты, в присуждении премий и т. п. Теперь, говорил он, его коллекция украсится еще одним ценным экспонатом. На отборочной комиссии Академик произнес двухчасовую речь о творчестве Клеветника. Конечно, говорил он, Клеветник неосторожен в выражениях, груб с начальством и никудышный организатор. Конечно, он не совсем наш. Не то, чтобы не совсем не наш, но не настолько не наш, чтобы его считать совсем не нашим. И уж, во всяком случае, он не настолько не наш, чтобы его не считать не нашим. Потому его там издают. И приглашают. А он не дает отпор. Мы ему не раз говорили, чтобы он дал отповедь. Он отказался. В частности, его недавнее избрание там. Я лично просил его отказаться. Есть же более достойные кандидатуры. Он отказался отказываться. Но я, сказал Академик в заключение, за него ручаюсь. И Клеветника в списки кандидатов не включили. Вечером Академик позвонил ему и подробно рассказал, как он его защищала, но эти реакционеры сделали свое грязное дело. Но мы им еще покажем. На следующих выборах непременно проведем. На всех последующих выборах о Клеветнике даже не поминали и выдвигали более достойных и более молодых, поскольку каждый раз начинались новые веяния.

НАЧАЛО

Группа арестантов, читал Инструктор, состоящая из Клеветника, Уклониста и Убийцы, возглавляемая Старшиной и замыкаемая двумя караульными с учебными винтовками, в которых были просверлены дырки, чтобы из них нельзя было стрелять, двинулась в путь на гарнизонную губу. Маршрут пролегал через площадь Вождя, по улицам его выдающихся соратников, затем по улицам его великих предшественников, наконец по улице самого Вождя, которая упиралась прямо в здание губы. По дороге состоялась беседа, которая заслуживает упоминания как памятник духовной жизни интеллигенции той эпохи. Клеветник сказал, что он только пошутил, Уклонист сказал, что и не за такие шутки к стенке ставят. Убийца сказал, что рано или поздно все там будем, и еще не известно, что лучше, рано или поздно. Один караульный сказал, что прежде, чем болтать, думать надо. Уклонист сказал, что думать не надо и прежде, ибо если человек думает, то он обязательно болтает. Другой караульный сказал, что выпендриваются тут всякие, а потом из-за них другим попадает. Убийца сказал, что попадает всегда другим, но караульный может не беспокоиться, так как он не другой, а именно тот самый, что нужно. На губе мест свободных не

оказалось. И в силу необходимости смутная идея создать собственную губу превратилась в актуальную проблему -- факт, лишний раз подтверждающий старую философскую истину: даже у нас ничто не происходит без достаточного основания. Кто первый публично высказал эту идею, теперь невозможно установить, ибо она, как и всякая великая идея, выражающая назревшие потребности общества, носилась в воздухе. Начальник Школы сказал, что мы не хуже других. Сотрудник дал этой идее всестороннее научное обоснование. Воплощение идеи в жизнь возложили на Старшину. Тот произнес по этому поводу длинную речь, состоящую в основном из идиоматических выражений на тему, где он вам возьмет помещение и людей для нового поста. Уклонист сказал, что речь Старшины -- чистая риторика, ибо в здании Школы можно разместить не один десяток гауптвахт и полностью укомплектовать их арестантами и караульными. Убийца добавил, что человечество, как учит история, никогда не испытывало принципиальных затруднений при организации тюрем. В обсуждение проблемы помещения для губы включился весь личный состав Школы. Школа раскололась на два непримиримых лагеря -- Курортников и Каторжников. Курортники настаивали на том, чтобы разместить губу в теплой, сухой, светлой и просторной комнате рядом с кухней. Каторжники придерживались диаметрально противоположной точки зрения и кивали на залитый водой подвал под караульным помещением. Убийца привел аргумент, решивший спор в пользу курортников:

губа -- надстройка общества, и помещать ее в подвал -- грубая идеологическая ошибка. Старшина примкнул к Курортникам, первый и последний раз в жизни впав в гнилой буржуазный гуманизм великих французских просветителей восемнадцатого века. Осознав, он захотел исправиться. Но благодаря тому, что у нас легче (но не легко) сделать заново, чем переделать сделанное (в особенности -- плохо сделанное), губу организовали в соответствии с чаяниями курортников. Комнату очистили от новых моторов для старых машин, снятых с вооружения за десять лет до поступления их в Школу, но еще не рассекреченных, сколотили нары я поставили "буржуйки". На открытие губы прибыли чины Школы и Гарнизона, а также вольнонаемные работники кухни. Командир Гарнизонной Бани произнес речь, которую никто не слушал, но все запомнили. Потом присели на нары как полагается перед дальней дорогой. Захватив в Красном уголке табуретку и подшивку газет, Клеветник, Уклонист и Убийца отправились на вновь открытую губу. Сотрудник поздравил их с новосельем. Губа начала свое историческое бытие. После ухода начальства Убийца запер дверь ножкой от табуретки, остатки которой вместе с подшивкой тут же сожгли в буржуйке.

Углы альфа, углы бета.
На черта теперь все это!
(Из "Баллады")

ПАТРИОТ

Возникнув как проявление исторической необходимости, гауптвахта стала оказывать обратное воздействие на жизнь Школы. Она стала мощным орудием воспитания нового человека. Едва Убийца успел всунуть ножку табуретки в скобку, как в дверь постучали, и на губе появился Патриот, отличник боевой и

политической подготовки курсант Ибанов. Он с порога доложил, что получил десять суток за рапорт об отправке на фронт, но не видит в этом никакой логики, так как из Школы отчисляют на фронт пятьдесят человек, не имеющих к тому никакого желания. Уклонист заметил, что в этом как раз и проявляется железная логика законов общества, ибо по этим законам судьбой Патриота заведует высшее начальство, а не он сам, и, подавая рапорт, Патриот выступил против этого закона, проявив намерение распорядиться своей судьбой по своей воле, и получил по заслугам. Но, продолжал Уклонист, Патриот принес жертву не зря. В глазах начальства он засвидетельствовал себя истинным патриотом. И теперь он может спокойно отсиживаться в тылу. Совесть его чиста -- он, можно сказать, почти что побывал на фронте. И на фронт его теперь пошлют лишь в крайнем случае, когда посылать туда будет уже некого. Патриот выслушал речь Уклониста с полным презрением фронтовика к Тыловой Крысе, и через пять минут он уже дрыхнул на нарах, отравляя атмосферу с такой ужасающей силой, что не оставалось никаких сомнений: он только что сменился из кухонного наряда. Как сказано в "Балладе":

Горе тем, кто ляжет рядом
С нашим кухонным нарядом.
С громом пушечным и свистом
Будет заживо обдристан.

ПОРАЖЕНЕЦ

Вслед за Патриотом пришел Пораженец -- курсант Ибанов, поднявший по дороге на аэродром листовку, которую сбросил бог весть как залетевший в такой глубокий тыл вражеский самолет. Пораженец был в невменяемом состоянии и тупо твердил, что он сделал это чисто механически и листовку не читал. На это Убийца заметил, что необдуманные импульсивные поступки выражают скрытую сущность личности и что Специальному Отделу и тем более Трибуналу это отлично известно. Пораженец наделал в штаны и без сознания упал рядом с Патриотом. Клеветник сказал, что стремление хватать есть самое изначальное и фундаментальное качество человека. У этого парня очевидно очень высокий коэффициент хватки. Не произойди этот идиотский случай с листовкой, он мог бы сделать завидную карьеру. Вряд ли, сказал Уклонист. В общественной карьере больше преимуществ дает средняя норма абсолютно во всем, а не ее превышение. У нас командир взвода был блестящий строевик. Начальство в глубине души считало его пижоном и дало прозвище "Балерун". Именно поэтому его не назначили на вакантную должность командира роты.

ПАНИКЕР

И тут же прибыл Паникер -- курсант Ибанов, прославившийся на всю Школу тем, что сначала говорил, а потом не думал. Во время политинформации, на которой сообщили о том, что наши войска, понеся огромные потери противнику, с боями оставили города А, Б, В, Г,... он ляпнул нечто крайне невразумительное: "Ура! Противник в панике бежит за нами". Смысла фразы

никто не понял, хотя смеялись все. Политрук, вытерев выступившие от смеха слезы и сказав "Вот хохмач!", на всякий случай, впредь до выяснения отправил Паникера на своевременно открывшуюся губу. Старшина выделил трех человек караулить губу. Все они вместе с Паникером завалились на нары. Дверь опять заперли, но уже штыком, так как ножку от табуретки по неосторожности сожгли.

СОЦИОЛОГ

Социолог, как и прочие представители мыслящей интеллигенции Ибанска, у ларька бывал. Но на питейные группы внимания не обращал и в глубине души относился к ним с презрением, хотя в кругу близких знакомых признавал, что в них что-то есть. Во всяком случае, говорил он, эти сборища расшатывают официальные структуры. Недавно Социолог побывал за границей, (и даже еще не успел отчитаться перед Академиком и Инструктором), где громко пропагандировал наши высшие достижения и потихоньку изучал их методы. Социолог чувствовал, что зреют великие перемены. И не ошибся. Методы разрешили в той мере, в какой они давали желаемые выводы и не затрагивали основы. Но и этого было достаточно, чтобы Социолог посмотрел на сборища у ларька иными, просветленными глазами. Он вдруг сообразил, что напал на золотую жилу. Перед ним в чистом виде, без всяких посторонних примесей, не замутненные экономическими, политическими, юридическими, семейными и прочими и прочими и прочими обстоятельствами, лежали, стояли, кривлялись, извивались и делали свое неотвратимое дело социальные законы как таковые.

Эти люди, думал Социолог, собираются здесь и образуют группы по своей воле совершенно свободно, без всякого принуждения. Их не связывают никакие экономические, политические, бюрократические, семейные и т. д. отношения. Здесь в чистом виде без всяких посторонних примесей можно наблюдать законы формирования и функционирования первичных социальных ячеек как таковых, можно воочию видеть социальность как таковую, социальные законы сами по себе. Теперь-то он утрет Им (тамошним социологам) нос, а Этих (наших сотрудников по общественным наукам) обведет вокруг пальца. Надо только сделать так чтобы комар носа не подточил и чтобы никто ничего не заметил.

Тщательно расчесав бороду и отрепетировав перед зеркалом позы и фразы. Социолог надел замшевый заграничный пиджак и вельветовые заграничные штаны, взял прямоугольный заграничный портфель, позвонил Инструктору и отправился к ларьку. Купив без очереди кружку пива, Социолог предпринял попытку внедриться в какую-нибудь питейную группу и начать конкретное исследование путем профессионально разработанного допроса... тьфу, черт возьми, эту дурную привычку,... опроса. Но потерпел неудачу. Его принимали за стукача и в компанию не пускали. Наконец он заметил на отшибе группу из трех человек, один из которых был в шляпе, другой в очках, а третий с усами. Судя по всему, интеллигентные люди, подумал Социолог и направился к ним. Ему освободили место для кружки на ящике и продолжали разговор, не обращая на него более никакого внимания. Вы меня ни в чем не переубедили говорит Член. Я считал и считаю, что человек должен иметь правильное представление об обществе, в котором он живет. Почему должен, возражает Болтун. Это психология насилия. Пусть человек сам решает, должен он или нет. Почему Ваше

представление должно считаться правильным? Опять насилие. Пусть человек выбирает сам. Но я имею право изложить свой взгляд на общество, который я считаю правильным, говорит Член. Судя по тому, что Вам дали по мозгам, Вы такого права не имеете, говорит Болтун. Кто Вы такой? Старый Член. Подумаешь, величина. Суждения об обществе относятся не к области права, а к области прерогатив. Они не являются прерогативой личности вообще. Они суть прерогативы Инстанций, да и то лишь в особых случаях. А личность имеет право лишь твердить установленное, да и то лишь в установленных формах и пределах. К тому же, добавляет Шизофреник, Ваша концепция не выдерживает никакой критики. Вот Вы утверждаете, например, что профсоюзная организация является у нас паразитической, и предлагаете ликвидировать профсоюзы и передать их полезные функции властям и администрации учреждений. И чего Вы этим добьетесь? Думаете, на самом деле высвободите миллион человек, которых можно использовать на Великих стройках? Чушь! Во-первых, туда Вы этих людей добровольно не загоните. Во-вторых, они в силу фактических связен и возможностей, о которых Вы даже не подозреваете, рассосутся и расширят другие, имеющиеся организации и породят новые, не менее паразитические. В-третьих, их место немедленно займет другая система людей, живущих за счет тех же функций.

Социолог попросил разрешения принять участие в интересной для него дискуссии, сказал, что он -- социолог, что занимается как раз этими проблемами, что недавно был за границей, что там, конечно, не то, что у нас, и что он согласен с предыдущим оратором. Приняв подходящую позу, он заорал на весь пустырь. Мы недавно закончили социологическое исследование проблемы себестоимости на Заводе. Работали почти год. Установили, что надо сократить пятьсот человек. Доложили результаты директору. И что вы думаете? Директор над нами посмеялся. Говорит, он и без нас это знает. И не пятьсот, а по меньшей мере тысячу уволить надо. Но он не может уволить даже одного. Не разрешат. И правильно сделают. Куда их девать? У них семьи. Как их кормить? Перебросить? Куда? Там нужно создать такие условия, чтобы люди добровольно пошли на это. А это стоит больших денег. Их пока нет. Так что не так-то просто решить проблемы, кажущиеся тривиальными. Недостатки заметить -- дело не хитрое. Сделать умные предложения -- и того проще. А вот найти что-то реальное. Болтун сказал, что ничего реального здесь найти нельзя, ибо его нет в природе, допил пиво и попрощался. Социолог предложил выпить еще и продолжить беседу.

ДОСТОИНСТВА ГУБЫ

Инструктор запер кабинет на ключ. Наконец-то отдохну от этого идиотизма, сказал он, и торопливо вытащил из сейфа рукопись Шизофреника.

Лишь начнут глаза слипаться,
Как уж нужно подниматься.
В коридоре свет потух.
И дневальный, как петух,
Прокричал "Подъем!"
(Из "Баллады").

Услыхав вопль дневального запасной роты "Подъем!", арестанты проснулись, но, вспомнив о своем привилегированном положении, продолжали добирать. Обнаруживались преимущества губного образа жизни. Подтверждалась философская истина о взаимопереходах и взаимопревращениях свободы и несвободы. Несвобода, как и должно быть в подлинной исторической драме, начинались с облегчения и соблазна. Во-первых, не нужно заправлять койку, ибо койки нет. Во-вторых, не нужно бежать на физзарядку на улицу в любую погоду. А отношение свободного курсанта к физзарядке неизвестный автор "Баллады" сформулировал так:

И согласно распорядку
Гонят нас на физзарядку.
До чего ж паршиво, братцы,
физкультурой заниматься.
Руки ломит, спину больно.
Все кричат: "К чертям! Довольно!"
Старшина в ответ "Молчать!
Надо комплекс выполнять!"

В-третьих, не нужно идти в Учебно-Летный Отдел (УЛО) изучать науки. Отношение свободного курсанта к образованию автор "Баллады" сформулировал так:

И как только рассвело,
Отправляемся в УЛО.
Там сидеть одно мученье.
Не идет не ум ученье.
Чтобы в воздухе летать,
Надо все на свете знать.
Что такое элероны.
Назначенье также оных.
Что такое флетнер, фриз.
Как он ходит вверх и вниз.
Показать на чертеже
Схему сил на вираже.
В заключенье назову
Вам четвертую главу.
Я не вижу в этом проку
И кимарю на уроках.

НЕДОСТАТКИ ГУБЫ

Даже губа имеет недостатки. Во-первых, жратва. Во-вторых, работа. Поскольку затраты энергии на работу обратно пропорциональны степени несвободы, работа на губе родственна курортному времяпрепровождению. Но поскольку степень неприятности работы обратно пропорциональна степени свободы, работа на губе родственна каторге. Арестантам губы достаются общественно презираемые формы труда. Уже с раннего утра пронесся слух, будто принято решение сломать старый сортир и на его месте соорудить новый. И на губе наступило уныние. Слух подтвердился. Именно к этому времени даже

начальству, имевшему свой отапливаемый сортир, стало ясно, что старый сортир уже не может удовлетворить возросшие потребности общества и превратился в тормоз его дальнейшего неуклонного движения вперед. Как говорят философы, содержание перестало соответствовать форме. Был построен личный состав. Заместитель зачитал речь. Тогда бумажка только еще была открыта как основной элемент начальственного красноречия и произвела на курсантов ошеломляющее впечатление. Заместитель привел многочисленные примеры героизма на фронтах и в тылу и призвал следовать примеру этих примеров. Начальник скомандовал: "Добровольцы! Два шага вперед!". Но произошло непредвиденное: добровольцев не оказалось. Еще часа три после этого курсантов продержали на морозе. Выступили все высшие чины Школы, даже такие, о существовании которых не подозревали. Перспектива заработать кличку "золотарик" была настолько страшна, что не помогло обещание выдать по пять пачек махорки на человека и увольнительную на трое суток. Трудно сказать, чем бы кончилась эта история, если бы не вспомнили о губе. Начальнику идея использовать арестантов пришлась по душе, и он приказал командирам подразделений выделить еще по паре арестантов. К обеду губа была переполнена сверх всякой меры. Сотрудник после этого всесторонне обосновал тезис, согласно которому губа есть форма организации труда, ничуть не противоречащая светлым идеалам. В сортирный призыв (как выразился Патриот, быстро освоившийся с губой и чувствовавший себя на ней как дома) попали Литератор, Интеллигент, Мерин, Сачок, Мазила и Сослуживец. Имена остальных история не сохранила за ненадобностью.

СОСЛУЖИВЕЦ И ДРУГИЕ

Сослуживец попал на губу по недоразумению. Подписываясь на очередной заем, он перестарался и подписался на всю зарплату за год. Его похвалили и целый месяц ставили всем в пример. Через месяц вышел новый заем, и подписываться Сослуживцу уже было не на что. Школа не дала стопроцентного охвата. Сачок, обладавший профессионально развитыми навыками по увиливанию от нарядов и занятий, попался по чистой случайности. Он заправил себя в свою собственную койку под тюфяк. Но пришла комиссия, обратила внимание на отлично заправленную койку и пожелала ознакомиться с методом заправки. Мерин и Мазила караулили севший на вынужденную самолет. Сначала они сменяли оставшийся в баках бензин на молоко. Потом за пол-литра неочищенного спирта продали крыло на кастрюли и ложки демобилизованному инвалиду. Выпив спирт без закуски, они попали сначала в санчасть, а потом на губу. Безымянных засекли со старой поварихой. Хотя повариха жаловаться не собиралась, им приписали дурные намерения.

ЛИТЕРАТОР

Литератор попал за то, что напечатал в местной газете рассказ под псевдонимом "Ефрейтор", хотя ефрейтором никогда не был. Сачок сказал, что Литератора сгубило непомерное тщеславие. Но Сослуживец с этим не согласился, полагая, что Литератора сгубила черная зависть бездарных конкурентов. То,

что Литератор -- официальный стукач, было хорошо известно даже местным кобелям. И он сам не только этого не скрывал, но открыто использовал, чтобы уклониться от нарядов и ходить без увольнительной в город под тем предлогом, что его якобы вызывают Туда. Но однажды его засекли в тот самый момент, когда он переписывал набело очередной донос, предварительно одолжив ручку у одного из объектов доноса и лист бумаги у другого. Хотели устроить темную, но по совету Интеллигента приняли более разумное решение: пусть Литератор пишет доносы под контролем. Интеллигент прочитал ему прекрасную лекцию по теории информации. Если бы можно было очистить ее от непонятных иностранных слов, специальных научных терминов и, главным образом, нецензурных выражений, то она выглядела бы так. Главное в доносе -- не богатство содержания, а литературная форма. Пожалуй, здесь как нигде верна формула "искусство для искусства", принимающая здесь конкретный вид "донос для доноса". Донос должен быть составлен так, чтобы оставалась возможность для деятельности интеллекта самого Начальства. Чтобы Начальство без труда догадалось, о чем идет речь, но чтобы оно могло при этом подумать о доносчике, что этот болван не может шевелить мозгами. Вот ты пишешь: "Курсант Ибанов в ночь с такого-то на такое-то спер портянки у курсанта Ибанова а продал их курсанту Ибанову за полбуханки хлеба". Ничего не скажешь, информация содержательная. Но разве Начальству это нужно? Именно это-то ему и не нужно, ибо такой донос не оставляет ему возможности мыслить. Знаете, что оно скажет по поводу такого доноса? Вот что: "Тоже мне умник нашелся! Надо его на заметку. Пусть-ка Ибанов последит за ним". Во-вторых, начальство заинтересовано не в раскрытии преступлений, а в деятельности, создающей впечатление, что таковые не останутся нераскрытыми, если произойдут. Им нужно совместить диалектические противоположности: чтобы в части не было преступлений и чтобы с точки зрения еще более высокого начальства было ясно, что они успешно раскрывают все преступления. Так что донос тебе лучше переписать. Ну хотя бы так: "В ночь с такого-то на такое-то у курсанта Ибанова пропали портянки. На другой день курсант Ибанов выменял на портянки у курсанта Ибанова полбуханки хлеба". Все ясно. И вместе с тем -- какой простор для размышлений и решений! Не нужно даже писать еще один донос о том, кто спер буханку хлеба в хлеборезке.

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Интеллигент попал за дело, но никто не знал, за какое. Ходили всякие слухи. Одни болтали, будто он был связан с бандой "Черная кошка". Другие намекали на худшее. Сослуживец как-то слышал от одного курсанта, будто тот слышал, как Интеллигент рассказывал историю про истопника японского консульства, который сожительствовал с консульской свиньей и по жалобе консула был расстрелян как японский шпион. Но Литератор утверждал, что Интеллигент влип за другое. Однажды Интеллигент предложил Литератору великолепный сюжет для рассказа. В одном учреждении стали пропадать сотрудники. Поскольку сотрудников было в избытке, на это не обращали внимания. Но вот пропал начальник, и устроили расследование. Обнаружили люк, который вел прямо в мясорубку в буфете. Оказывается, буфетчица рубила

сотрудников на котлеты. На допросе выяснилось, что буфетчица была белогвардейским полковником. Литератор рассказ написал и отнес в редакцию, где уже стал своим человеком. Там его отвели в особый кабинет и долго допрашивали, от кого он этот факт узнал. Литератор считал, что Интеллигент поступил с ним не по-товарищески, так как не предупредил, что сведения эти были секретными. На самом же деле Интеллигент попал на губу за то, что поленился ночью выйти во двор и помочился в сапог старшине. Старшина был взбешен до такой степени, что обложил Интеллигента самым страшным в его представлении ругательством "интеллигент" и с ходу отправил его на губу без лишних объяснений.

КЛЕВЕТНИК, ПРЕТЕНДЕНТ, МЫСЛИТЕЛЬ

После того, как Клеветник отказался дать в Журнал статью с критикой Секретаря, которую от него хотел иметь Претендент, последний дал указание Мыслителю покончить с этим предателем их общих интересов. Мы его выдвинули в Академию, а он! Мы его собирались выдвинуть на премию, а он! Мы собирались дать рецензию на его книгу, а он! И Претендент велел выбросить рецензию из ближайшего номера Журналы и из всех последующих. Если бы не Мыслитель (это большая удача, что он тут есть!), то дело для Клеветника кончилось бы совсем плохо. Просмотрев приводимый в Журнале список работ, опубликованных за последнее время, Мыслитель обнаружил пять работ Клеветника. Четыре он вычеркнул, чтобы не привлекать ненужное внимание к Клеветнику и спасти упоминание хотя бы об одной работе. Чтобы не раздражать инструкторов, Мыслитель снял все сноски на работы Клеветника. Пусть работает спокойно, думал он. К чему эта шумиха вокруг его работ. Она только мешает. В следующем номере прошла статья с незначительными критическими замечаниями в адрес Клеветника. Это неплохо, думал Мыслитель. А то забвение -- худшая форма погрома. Надо оставить. Все говорили, что лишь благодаря Мыслителю Клеветник может жить и работать спокойно. Ходил даже слух, будто Социолог и Претендент добиваются в верхах квартиры для Клеветника. В следующем номере Журнала появилась критическая, но доброжелательная статья против Клеветника. Все жали Мыслителю руку и говорили, что он проявил большое мужество, вычеркнув из статьи такие обвинения в адрес Клеветника, за которые раньше ставили к стенке. А этот чисто профессиональный разнос -- детские игрушки. Тем более каждому дураку видно, что критика -- типичная липа. Клеветник от этого только выигрывает. Наконец, в редакции Журнала появилась разносная статья против Клеветника. Безграмотная мразь, сказал о ней Мыслитель. Над ней придется пару недель просидеть, чтобы довести до печати.

ОПЯТЬ О ЗАКОНАХ

Мазила встретился с Шизофреником около постамента бывшего Вождя. Надпись на постаменте была настолько тщательно сбита, что ее без труда можно было прочесть даже с той стороны речки Ибанючки. А где Болтун, спросил

Мазила. Встречает верховного главнокомандующего какой-то недавно освободившейся страны Ефрейтора, сказал Шизофреник. Зачем это его туда понесло, спросил Мазила. Его не понесло, а понесли, сказал Шизофреник. Все учреждение погнали на отведенное для них место. Ну и наплевал бы он на этого Ефрейтора, сказал Мазила. Нельзя, сказал Шизофреник. Там на месте их переписывают. Дикость какая-то, сказал Мазила. Ничего подобного, сказал Шизофреник. Типичный случай социальности. Общество в целом есть индивид, тело которого -- население страны, а мозг и воля -- руководство. Мозг сам по себе не может испытывать радость по поводу приезда Ефрейтора. Радость -- функция тела. А где Член, спросил Мазила. Сидит в приемной у какого-то Советника, сказал Шизофреник.

Ларек по случаю приезда Ефрейтора был закрыт. Мазила выругался последними словами и предложил пойти в мастерскую. Странные превращения происходят с людьми, говорил он по дороге. Художник, например, был когда-то приличный парень, теперь -- редкостное дерьмо. Член был типичным чиновником, стал правдоборцем. Это кажется странным в индивидуальном исполнении, сказал Шизофреник. А в массе люди просто проигрывают логически мыслимые варианты поведения по некоторой формуле. В простейшем случае вероятность того, что некто N будет совершать поступки типа x, равна частному от деления степени опасности для индивида поступков такого типа на число логически мыслимых вариантов поведения. Число людей, избирающих тип поведения x, будет равно произведению общего числа людей, вынужденных выбирать тип поведения из данных вариантов, на упомянутую вероятность. Я не могу тебе возразить, сказал Мазила. Но твои суждения мне кажутся слишком беспощадными. Не остается иллюзий. Неужели все можно выразить формулами и числами? Шизофреник сказал, что при желании -- все. Люди это не делают отчасти потому, что нет надобности. Отчасти потому, что обходятся сравнительными оценками: "умнее", "глупее", "талантливее", "значительнее" и т. п. Заметь, это -- обычное дело. Отчасти потому, что социальные измерения чреваты нежелательными для начальства последствиями. Представляешь, что будет, если окажется, что Заведующий глупее Заместителя, хотя по идее должно быть наоборот! Мазила сказал, что ему не все еще ясно насчет социальных законов, и попытался пояснить, что именно. Шизофреник наконец догадался, о чем идет речь. Дело в том, сказал он, что социальные законы усваиваются людьми как навыки поступать определенным образом в определенных ситуациях по отношению к другим людям. Эти навыки, само собой разумеется, модифицируются под влиянием различных обстоятельств и обнаруживаются как закономерности лишь в массе случаев. Надо поэтому сформулировать их так, чтобы исключить все эти обстоятельства, затемняющие суть дела и всегда оставляющие зацепки для сомнений и критики. Такой удобной записью может быть формулировка утверждений о социальных законах как утверждений о тенденциях, о предпочтении, о стремлении людей совершать поступки определенного рода в заданных ситуациях. Выражения типа "N предпочитает x_i (или стремится к x_i)" при этом означают следующее: если бы можно было воссоздать n совершенно одинаковых ситуаций, различающихся только последствиями от осуществления поступков $x_1, x_2, \ldots, x_n$, то N выбрал бы x_i (где i есть какой-то один из $1, 2, \ldots, n$). Главное здесь -- понять, что выражение "N предпочитает x_i" не эквивалентно выражению "N всегда осуществляет x_i, если приходится выбирать из $x_1, x_2, \ldots, x_n$". Первое остается неопровергнутым, если даже N

осуществил не x_i, а другой из x_1, x_2, ..., x_n, тогда как второе таким фактором опровергается. Наконец, выражение "N предпочитает x_i" нельзя истолковывать как выражение "N чаще (в большинстве случаев, с большей вероятностью) осуществляет x_i, если приходится выбирать из x_1, x_2,...... x_n", так как второе выражение может быть ложным, что ничуть не влияет на истинность первого. Я знаю одного бабника, который предпочитает полных блондинок, но почти всегда проводит время с тощими брюнетками. Ясно, сказал Мазила, я предпочитаю общество людей типа Микеланджело, Пикассо, Родена, Достоевского, Булгакова и т. п., а большую часть времени провожу обществе людей типа Художника, Литератора, Сотрудника, Социолога, Претендента и Мыслителя. Это не из той оперы, сказал Шизофреник, но похоже.

ДИСКУССИЯ О СВОБОДЕ

Арестанты воткнули в снег ломы и лопаты и забились в сортир, читал Инструктор. От дыма махорки скоро стало нечем дышать, но зато стало немного теплее и намного уютнее. Начали "травить баланду". Незаметно втянулись в дискуссию о том, что такое свобода -- проблема для арестантов наиболее актуальная. Вели дискуссию по всем канонам научной дискуссии: каждый кричал что-то свое и не слушал других. Взаимонепонимание полное. Концепция Клеветника: свобода есть познанная необходимость, как учили нас классики, и хотя мы сидим в сортире не следует об этом забывать, мы же все имеем среднее образование, а многие даже высшее и незаконченное высшее, Концепция Убийцы: Клеветник несет чушь; если тебя, к примеру, посадили на губу, и ты понял неизбежность этого, то ты, выходит, свободен; свобода есть как раз наоборот не необходимость, а обходимость; а познанная или не познанная, кто ее знает; непознанная отчасти лучше; пока начальство не пронюхало, например, что можно обойти проходную и безнаказанно смыться в самоволку, мы хоть иногда свободны. Концепция Патриота: мы -- самые свободные люди за всю историю человечества. Концепция Паникера: свобода есть свобода каких-то действий; человек свободен осуществлять некоторое действие, если и только если осуществление этого действия им зависит исключительно от его собственной воли, т. е. ничто, кроме его воли, не вынуждает к данному действию и не препятствует ему; если, например, Патриот захочет сейчас покинуть сортир и никто и ничто не будет ему мешать в этом, он свободен вылезти из сортира; если Убийца сунет Патриота в яму, то Патриот будет несвободен сделать это; все остальное философский вздор. Концепция Уклониста оказалась наиболее законченной. Человек свободен осуществлять или не осуществлять какое-то действие лишь в том случае, если это зависит исключительно от его собственной воли. Но это не все. Это еще только начало. Вот, к примеру, свободен или нет курсант Ибанов сегодня после отбоя идти к бабе? Вроде бы оделся и пошел. И проблема решена. Однако Ибанов знает, что это запрещено. И если он все же пойдет в самоволку и попадется, ему не миновать губы. А то и похуже. Так что говоря о свободе людей по отношению к тому или иному поступку, надо учитывать наличие или отсутствие официально установленного запрета на этот поступок. Надо учитывать и характер наказания за нарушение запрета: если наказание слишком слабое, с ним можно не считаться. Если

имеется официально установленный запрет на поступки данного рода, и наказание за его нарушение достаточно сильно, то человек официально не свободен по отношению к этим поступкам. Если при этом человек благодаря каким-то исключительным обстоятельствам может избежать наказания, он может оказаться фактически свободным отношению к данным поступкам, будучи официально несвободным. Так, Литератор был фактически свободен по отношению к самоволкам, если он сейчас здесь, то это -- дело случая. Не будь проблемы сортира, сошло бы. Бывают случаи, когда человек официально свободен, а фактически нет. Иногда бывает так, что недостаточно отсутствия запрета на поступок, а требуется еще официальное разрешение. Иногда этого мало, требуется еще запрещение препятствовать осуществлению разрешенных или незапрещенных поступков. До сих пор я говорил об отношении отдельно взятого человека к отдельно взятому поступку. Но в общественной жизни встает проблема отношения множества людей какого-то рода к множеству поступков какого-то рода. Например, речь может идти об отношении курсантов Школы (а не отдельного курсанта) к множеству поступков, в которое входят походы к бабам и выпивка. Свободны или нет курсанты Школы совершать или не совершать походы к бабам и пьянки? Ответить на этот вопрос пока еще нельзя. Надо сначала ввести понятие степеней свободы и указать способ их измерения. В частности, степень свободы можно определить как величину, характеризующую отношение свободных человеко-поступков к общему числу человеко-поступков данного рода. Это будет величина в интервале от нуля до единицы. Степень свободы равна нулю, если для всех людей этого множества несвободны все поступки данного рода, и единице, если для всех людей этого множества свободны все поступки данного рода. Остальные случаи располагаются между этими крайностями. Эта схема все еще сильно упрощает реальное положение, ибо в ней все человеко-поступки принимаются как одинаково показательные и число их достаточно велико. А реально это не так. Реально люди имеют различную социальную ценность и величину. Иногда наличие свободы печатать свои сочинения для тысяч людей ничего не говорит о наличии свободы публикаций, а отсутствие свободы напечатать свой труд для одного человека является показателем отсутствия свободы публикаций. Иногда люди вообще не предпринимают попыток совершать поступки какого-то рода, хотя они официально не запрещены, или предпринимают настолько редко, что нельзя судить о наличии или отсутствии фактической свободы, ибо вообще нельзя измерить степень свободы. Но допустим, что есть способ измерения степеней свободы и условия для его применения. Теперь еще надо договориться, какая величина достаточна, чтобы признать наличие свободы или отсутствие таковой. Здесь возможны варианты. Например, в каких-то случаях возможно соглашение, когда для признания наличия свободы достаточно, чтобы величина степени свободы была больше половины. Так что весьма возможно, что группа людей имеет высокую степень свободы в отношении поступков данного рода, а некто Ибанов при этом может быть несвободным. Добавьте к этому то, что в отношении разных множеств поступков могут быть разные степени свободы. Я назвал далеко не все аспекты проблемы. Но из этого должно быть ясно, что всякие общие разговоры на эту тему без достаточно точно определенной терминологии и строго установленных фактов лишены смысла. Вот вам в заключение задачка. Даны две страны А и В. И в той, и в другой разрешены туристические поездки граждан заграницу. Вы хотите узнать, есть в них на этот счет фактическая свобода или нет. И вы

располагаете такими данными. В стране А подано было сто заявлений, девяносто девять получили выездную визу, одного не выпустили. В стране В подано было за тот же срок пять тысяч заявлений, четыре тысячи пятьсот получили выездную визу, пятьсот человек не выпустили. Какая страна из А и В свободнее по отношению к туристическим поездкам за границу? Начался жуткий гвалт. Прежде всего выяснилось, что больше половины участников дискуссии никогда не слышали о заграничных туристических поездках и выездных визах. Позиция их четко обозначились выражениями вроде "с жиру бесятся", "зажрались", "поработали бы в колхозе", "ты бы еще Луну сюда приплел", "это нас не касается" и т. д. Паникер резюмировал: дискуссия окончена, истина подохла в споре. Интеллигент сказал Уклонисту, что тот в общем прав, но упустил два наиболее важных аспекта: нравственный и гражданственный. Для высокоразвитого в гражданском отношении общества проблема свободы вообще имеет совсем иной смысл, чем для общества с неразвитой гражданственностью. В первом степень свободы определяется тем, в какой мере общество способно допустить фактическую свободу в отношении действий людей, считаемых оппозиционерами. Подошло время обеда, и арестанты поплелись на губу, разбудив караульного, который всю дискуссию проспал, сидя на толчке.

КОНГРЕСС

После реабилитации и разрешения бывшей реакционной буржуазной псевдонауки логии в Ибанске за два месяца сложилась дружная и сплоченная семья передовых логов и превзошла всех. На состоявшийся летом международный курортный конгресс Ибанск смог поставить крупнейшую в мире делегацию из тысячи человек, что неоспоримо свидетельствовало о преимуществах нашей системы. В газете Литератор напечатал по этому поводу восторженные стихи:

Из Ибанска на конгресс
Уходил ночной экспресс.
Как Ибанская ворами,
Был набит он докторами.

В качестве докладчика на конгресс был приглашен Клеветник. После многочисленных дискуссий его временно включили в делегацию. Но в последний момент выкинули, так как в связи с обострением доклад вместо Клеветника решил сделать сам Академик. Помимо Академика, Претендента, Социолога, Мыслителя, Супруги, Литератора, Художника, Сотрудника, Инструктора, а также их близких родственников, дальних знакомых и подчиненных молодых сотрудниц, в делегацию включили сотрудников, знающих языки, и сотрудников, которые должны были следить за правильным поведением остальных. По прибытии на место выяснилось, что языки знал один Мыслитель, да и то совсем не те, какие были тут нужны, а те, какие тут были не нужны. Правда, надо отдать ему должное, знал он их вполне прилично. Перед поездкой всем сделали рентген и укол. Велели купить водки для дружеской атмосферы. Потом делегацию разбили на две части и велели каждой из них присматривать за другой. Главное, говорил инструктировавший делегацию Помощник, вилку и ножик держите в левой руке, а котлету в правой. Ни с кем не общайтесь без ведома. Не заводите

несогласованных разговоров. Давайте отпор и отповедь. Помните, кто вы, откуда вы, где вы, зачем вы. Успех делегации превзошел все ожидания. Было сделано пятьсот разоблачительных докладов восемьсот погромных выступлений, пять тысяч критических замечаний, двадцать тысяч обескураживающих реплик. Противник пришел в полное замешательство, расстроил свои ряды и, раздираемый внутренними непримиримыми противоречиями, бросился пересматривать свои позиции. Сэкономив на желудке, делегация закупила пятьсот псевдозамшевых пиджаков, юбок и пальто и полторы тысячи штанов в обтяжку с кожаными заплатками и непонятной надписью "Маде заграницей". Мыслитель, посетивший на правах исключительной личности предосудительные заведения, привез две колоды игральных карт с изображениями голых женщин всех национальностей, кроме наших. В дороге он показывал картинки молодым сотрудницам и спрашивал их, поглаживая доброй мягкой рукой выше коленки и глядя в упор умными грустными глазами, где тут пресловутая порнография. Впечатление было ошеломляющее, и авторитет Мыслителя как выдающегося мыслителя сильно укрепился. Одну колоду Мыслитель подарил потом супруге Претендента. Клеветнику привезли приветы коллег и сожаления по поводу того, что он, как всегда, по состоянию здоровья и по семейным обстоятельствам не смог присутствовать на конгрессе.

СОЦИАЛЬНОЕ И ОФИЦИАЛЬНОЕ

Я различаю, писал Шизофреник, официальное и социальное. Официальность есть историческая форма, в которой осуществляется признание социальности. Официальность есть антипод социальности, вырастающий на ее основе и неразрывно связанный с ней. Официальность есть двойник социальности. Они непримиримые враги и неразлучные друзья. Они суть одно и то же, но в разных проявлениях. Официальность не совпадает с государством, правом, моралью, идеологией и т. п. Выделение ее есть совсем иная ориентация взгляда на общество. Антисоциальность -- то, что ограничивает социальные законы, препятствует им и стремится вообще к ликвидации их власти. Антиофициальность -- то, что враждебно официальности как признанию социальности, функции антисоциальности могут выполнять государство, мораль, религия и т. п. Но они же могут выполнять и функции антиофициальности, а также быть на службе У социальности и официальности. Крайним проявлением социальности является полный аморализм, крайним проявлением антисоциальности -- нравственное сознание, крайним проявлением официальности -- формальный бюрократизм, крайним проявлением антиофициальности -- преступность. Но это, разумеется, весьма схематично. И я пишу об этом скорее Для того, чтобы переориентировать воззрения на общество с привычного плана на тот, который я считаю более интересным.

Приведу несколько примеров, поясняющих введенные различения. Социально N есть демагог, дурак, карьерист, а официально -- серьезный хороший оратор, прекрасный руководитель. Когда N выбирали в Академию, в кулуарах все плевались, разводили руками и т. п. Но с трибуны все превозносили N, потом жали руку, поздравляли с заслуженным избранием и т. п. Если N ездит в заграничные командировки, то социально это означает, что он урвал, ухитрился, устроился, и т. д., а официально это означает, что он проделал

большую работу, участвовал, принес пользу. К этому я еще вернусь в несколько ином аспекте. Социально индивид не лучше (крайний случай -- хуже) своих поступков, официально индивид адекватен своим поступкам, антисоциально индивид может быть (крайний случаи -- всегда) лучше своих поступков, антиофициально индивид неадекватен своим поступкам. Даже в тех случаях, когда как будто бы есть совпадение, можно найти оттенки различия. Например, социально есть тенденция сделать индивидов полностью зависимыми от социальных групп, в которые они входят, а официально -- тенденция сделать индивидов полностью контролируемыми не только социальными группами, в которые они входят, но и властями.

Основной закон отношения социального и официального -- стремление к их соответствию и даже совпадению. Это обусловливает определенные тенденции в реальности, заметные невооруженным глазом. Например, социально начальник не может быть умнее группы подчиненных (интеллектуальный индекс начальника не превышает таковой группы подчиненных), а официально начальник не может быть глупее группы подчиненных. Поскольку имеет силу тенденция привести официальное в соответствие с социальным и наоборот, то реализацией этой тенденции применительно к данному случаю является тенденция к снижению интеллектуального потенциала группы (к оглуплению).

Взаимодействие социального и официального усиливает социальное в тех случаях, где достигается их соответствие. Например, чем больше государство вложило средств в данного индивида (степени, звания, премии, квартира, дача, заграничные поездки за счет государства и т. п.), тем выше его социальная позиция. А чем выше его социальная позиция, тем больше он способен урвать, т. е. заставить государство вкладывать в себя средства.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГА

Прочитав этот отрывок рукописи Шизофреника, Социолог добавил к своей статье, принятой к печати в Журнале, большой кусок, в котором показал, что помимо установленных в нашем изме членений общества возможны и другие, более второстепенные. Он, например, может предложить такое. Клеветник сказал Мазиле, что он напрасно дает Социологу читать трактат Шизофреника, ибо этот шакал непременно украдет, изуродует и при этом напишет донос. Мазила принял совет к сведению. Но было уже поздно. Социолог начал знакомиться с рукописью Шизофреника, минуя посредничество Мазилы.

НАПРАВЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ

Художник и Мазила вместе учились и были большими друзьями. Как-то раз в шутку Мазила сказал, что в искусстве действовал всегда один закон: чем выше зад, который удается вылизать художнику, тем крупнее художник. Нельзя быть крупным художником, не будучи художником короля. Художник принял шутку всерьез, и скоро их пути в искусстве и жизни разошлись, но дружеские отношения сохранились. За выдающиеся успехи Художник был удостоен и избран, а затем назначен. За портрет Советника получил квартиру. За портрет

Помощника -- дачу. За портрет жены Заместителя -- машину. За портрет Заместителя -- заграничную командировку. За первый портрет Заведующего он стал лауреатом и получил всеибанскую известность. В Институте ему выдали постоянный пропуск и сказали, что будут рады его видеть в любое время дня и ночи. За второй портрет Заведующего ему отдали под мастерскую весь трехгодичный фонд мастерских. За портрет Помощника ему устроили круглосуточную бесплатную для посетителей выставку. И все же Художник чувствовал бы себя менее несчастным человеком, если бы на свете не было Мазилы.

Мазила с трудом раздобыл комнатушку под мастерскую за свой счет, которого у него не было. И до поры до времени что-то мудрил в полной безвестности, но со скандалами. До Художника доходили всякие вздорные слухи, но он им не хотел верить. Он хорошо знал, что такое наше искусство и что такое наш брат художник. Наконец, какие-то сомнительные интеллигенты стали добиваться выставки Мазилы. Создали комиссию под председательством Художника. Комиссия персональную выставку запретила. Но так как новые веяния стали проникать даже в сферу управления искусством, решили создать новую комиссию для выяснения возможности допущения одной наиболее подходящей работы Мазилы на общую выставку работ любителей-пенсионеров и кружков народного творчества. Глава новой комиссии Художник лично посетил мастерскую Мазилы и был ошарашен. Но виду не подал. Неужели ты в самом деле считаешь себя гением, сказал он. Это же смешно. У нас гениев нет и быть не может. Ты же это сам знаешь прекрасно. Признайся, старик, ты все это вытворяешь, чтобы голову всем заморочить? Потом Художник предложил Мазиле устроить совместную выставку. Я тебе подскажу тему и покажу, как сделать, чтобы прошло наверняка, сказал он. Мазила был тронут такой дружеской заботой, но от совместной выставки отказался. На комиссии Художник сказал, что Мазила работает слишком много, что есть верный признак халтуры. Работы его по технике исполнения не соответствуют нашей идеологии, а по содержанию находятся на низком Уровне. Тем более Мазила -- пьяница, бабник, гомосексуалист, спекулянт, хапуга, внутренний эмигрант, не помогает семье, бросил родителей, и потому они давно умерли, не платит взносы, не считается с мнением коллег и систематически игнорирует юбилейные выставки. И на выставку работу Мазилы не допустили. Приятель Художника принес стенограмму заседания Мазиле. Мазила был сначала взбешен, потом долго смеялся и, позвонив Клеветнику, отправился на пустырь.

Клеветник последнее время бросил всякую работу. Чем меньше работаешь, говорил он, тем прочнее положение, Работа только раздражение вызывает у бездельников. А так как бездельники почти все, то вывод напрашивается сам собой. Мазила рассказал Клеветнику историю с выставкой. Пустые хлопоты, сказал Клеветник. Все равно ничего не делаешь. Везде так. Клевета, зависть, насилие у нас -- неизбежные спутники незаурядного человека. Но ведь он же способный художник был, сказал Мазила. Способные, у которых нет возможностей и мужества реализовать свои способности, -- самые опасные, сказал Клеветник. Они способны в основном на любую пакость. Их много. Они мечутся в отчаянии, злобе и скуке. И уничтожают все, что может стать укором их совести. У Ларька Шизофреник облек случившееся в бесстрастные, но четкие формулировки. Каждый конкретный случай, сказал он, есть продукт действия многих социальных, психологических и прочих законов, и потому он кажется чистой случайностью.

Художник гневался из-за того, что ты не захотел сделать так, как советовал он? Правильно. Если насилуемый сопротивляется, то насильник всегда гневается и воспринимает это как нарушение справедливости. Обычная формула: мы им (вам, ему), а они (вы, он)!!! Коллегиальная солидарность? Правильно. Она есть. Но только в отношении дерьма. Согласись ты на совместную выставку с Художником, все было бы молниеносно устроено. Только он в порядке коллегиальной солидарности вынудил бы тебя нарисовать и выставить чепуху, а не твои шедевры. Коллегиальная солидарность работает тогда, когда коллега чувствует, что ты слабее его или хотя бы не настолько силен, чтобы другие заметили, что ты сильнее. И потом чтобы было выгодно или по крайней мере безопасно. Контроль коллег всегда самый бдительный. Уверен, тебя не пустят и на общую выставку, ибо ты спутаешь им карты. Им важно, чтобы не было нарушения установленной гармонии. А все эти разговоры об идеологии, негуманности, формализме и т. п. суть лишь удобное средство сделать по-своему. Ты нарушаешь правила игры, сказал Болтун. Вместо того, чтобы пройти все установленные этапы и последовательно делать по установленным нормам то же самое дерьмо, какое делают все, ты делаешь нечто непохожее ни на что, делаешь слишком много и хочешь обойтись без их игрушек. Да, сказал Мазила, но Художник их обошел! А какой ценой, сказал Шизофреник. Я однажды попал в его мастерскую и наблюдал муки его творчества. Он третий месяц малевал вшивый портрет жены Начальника, а портрет никак не получался. Художник долго и нудно говорил о своих замыслах и своеобразном видении мира, которое хотел воплотить в улыбку одуревшей от сознания своей исключительности старой бабы, чтобы человечество потом так и не сумело бы разгадать ее смысл. Чем ничтожнее творчество, сказал Клеветник, тем мучительнее муки творчества. Не за что зацепиться. Из настоящего художника прет само, только успевай оформлять. А из ничтожества надо выдавливать по капле. Тут важна установка, сказал Мазила. Попробуй, напиши гениальную передовицу для Газеты. Ничего не выйдет. Любой сверхгений и самый серый газетный работник напишут ее примерно одинаково. Так и с портретом Заведующего.

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ

С нашими друзьями происходит что-то странное, говорит Мазила. Ничего особенного, говорит Клеветник. Они идут к власти. Но они уже у власти, говорит Мазила. Они имеют посты, а это само по себе еще не есть власть, говорит Клеветник. Это пока еще лишь возможность власти. У власти еще надо утвердиться. Для этого надо подняться еще на ступень выше, увеличить число холуев и продвинуть их к власти, дискредитировать и устранить конкурентов, отмежеваться от сомнительных связей и акций в прошлом, устранить или обезвредить лиц, знающих им цену, спасти общество от опасности (реальной или мнимой, роли не играет; но лучше от мнимой, которая кажется реальной), оказать тем самым свою незаменимость и полезность и, наконец наложить все печать своей индивидуальности. К чему все это, спросил Мазила. Они же не глупые люди. И вроде бы образованнее и культурнее всех прочих. Образование и

культурность, сказал Клеветник, есть их козырь в данной ситуации, и не более того. А то, о чем я говорил, не есть индивидуальная цель или потребность. Это просто формальный механизм власти, который одинаково обязателен для невежд и образованных, передовых и реакционеров, моралистов и циников. Чем выше, например, ранг карьериста, тем больше группа, которую он тянет за собой и которая его выталкивает вверх. И тем она алчнее и беспощаднее. А мало-мальски способные люди все карьеристы. Нужны очень большие способности и исключительное стечение обстоятельств, чтобы человек отказался от карьеры. Людей на подвластных постах надо менять. Так положено по механике дела. Менять нужно даже тогда, когда это делать не нужно. Даже на худших. Даже на будущих врагов. Ибо лишь смена людей дает сознание своих людей. Претендент, например, уволил А и поставил на его место В. Думаешь, В лучше? Нет. Как работник он хуже. Сейчас он лебезит перед Претендентом, а при случае продаст его с потрохами. И Претендент это знает. Но он не может иначе. Сейчас пока В -- свой человек, и ритуал замены чужого А своим В должен быть проделан. Шизофреник абсолютно прав. Общество можно представить как огромное число клеточек, связанных друг с другом и осуществляющих какие-то действия независимо от того, есть в них человек или нет. А люди лишь забираются в эти клеточки (в какие удастся благодаря индивидуальной судьбе) и делают все то, что им эти клеточки навязывают. Далее, вытесняемых с постов людей надо обязательно дискредитировать, если даже это во вред тебе самому. Есть два способа возвыситься: стать самому больше или сделать других меньше. Первый путь в массе исключен, труден и опасен для карьериста. Остается второй. Претендент везде поливает грязью Секретаря. Ты думаешь, за то, что тот в свое время сыграл гнусную роль и был участником всех тех преступлений? Ерунда. Претендента это не коснулось никак. И он сам готов на любые пакости. Он их и так делает, правда в несколько ином стиле. Время изменилось. Секретарь дышит на ладан. Готов Претендента продвинуть вверх на любую должность. Но это роли не играет. Он поносит Секретаря для того, чтобы все видели, насколько он умнее, талантливее, моральнее, прогрессивнее и т. п. Секретаря. Кстати, Претендент глуп. Боюсь, что переиграет, и кое-кто в самом деле подумает, что он умен, талантлив и прогрессивен. И тогда его карьера застопорится. Кроме того, по технике взятия власти последняя должна быть взята с боем за добро против зла. Если бой не получается сам собой, его провоцируют или просто выдумывают. Теперь Секретарь на самом деле разгневался на Претендента и будет ему пакостить. По технике карьеры это не вред. Именно это и нужно. Нужен отживший враг. И по возможности слабый на деле, но сильный по видимости. Секретарь же тоже кретин. Ему и в голову не придет никогда мысль, что если он хочет провалить Претендента, то должен его хвалить, а не ругать, или не обращать на него внимания. Но он не может, ибо он обычный социальный индивид из механизма власти. И это еще не все. Им еще нужно спасти общество от серьезной опасности, и не от общеизвестной и прошедшей, вроде Секретаря и его охвостья, а от чего-то такого, нового, что может увести не туда. Эта опасность должна быть социально представимой и значимой, и притом не так-то просто разоблачимой. В нее должны поверить определенные круги лиц. Дело должно выглядеть так, будто только они способны обнаружить эту опасность и предотвратить ее, т.е. доказать свою необходимость и незаменимость. И сейчас они ее ищут. Пробуют. Так что разносная статья в мой адрес, нападки на Н. и т.п., -- это все не случайно.

Но они же были твоими учениками; сказал Мазила. Не учениками, сказал Клеветник, а охвостьем. И Социолог, и Супруга, и многие другие из них в свое время ходили у меня в хвосте. Теперь это их компрометирует, ибо я не эволюционировал вместе с ними. К тому же я -- знаю, кто они. Я опасный свидетель и больное место их совести. Все это -- обычные банальные истины, которые мы отлично знаем из литературы, но которые нас поражают, когда они касаются нас самих. И потом слишком уж откровенно все эти литературные штампы вылезают на вид. Как будто с общества содрали шкуру и вся его физиология вылезла наружу. Любопытно здесь другое -- языковая форма их претензий. Они выступают в роли передовых, образованных, творческих и прогрессивных личностей, спасающих человечество от угрозы со стороны сторонников старого Председателя. Они -- представители и проводники высших достижений мировой культуры. Раньше, например, порядочных людей у нас били за положительную оценку Э как сторонников Ихней реакционной идеологии. Эти же бьют нынешних порядочных людей за критическое отношение к Э, причем -- как врагов передовой ихней же науки. Надо как-то бороться, сказал Мазила. У тебя известность, ученики. Имя для них -- ничто, сказал Клеветник. Учеников нет. Испарились с поразительной быстротой. Податься некуда. Они неуязвимы. Вот в Издательстве выкинули мою статью из сборника. Почему? Не подходит к тематике сборника. Чтобы доказать, что она единственная статья по теме сборника (сборник готовил я сам), надо приложить неимоверные усилия без гарантии на успех. А время идет. Если я и добьюсь своего, будет поздно. Следующий же сборник не будет вообще. Они сами не работают, печатать им нечего. И сборник вообще не запланировали. Пригласили меня докладчиком на Конгресс. Выбросили из делегации в последний момент. Академик сказал, что ко мне проявляют нездоровый интерес, но он за меня ручается. Жест благородный, не придерешься. А из делегации на всякий случай изъяли. И так далее в таком же духе. Обсуждаются работы моих дипломников и аспирантов -- волынка, мелкие придирки, непомерные претензии и т.п. Официально -- надо разобраться, как следует, тема серьезная, концепция неапробированная. По существу же цель одна -- изолировать. Уйти? Куда? Везде одно и то же. Тем более, выбора-то нет даже территориально. Мазила сказал, что это все, конечно, действует удручающе. Но сдаваться не надо. Надо работать, работать, работать. И пусть они катятся. В нашем деле, сказал Клеветник, для работы нужны люди, организация, печать. А один я могу поставлять лишь идеи, которые либо разворуют, либо разгромят и исказят, либо не заметят. Так что лучше не делать ничего. Но и это их не устраивает вполне, поскольку пока еще живо прошлое. Им еще надо, чтобы не было прошлого.

ПОХИЩЕНИЕ "ФЕРДИНАНДА"

Жизнь для Инструктора приобрела смысл. Побыстрее разделавшись с нудными делами, он запирался в кабинете и читал и перечитывал рукопись Шизофреника. Он ничего в ней не понимал и потому читал с интересом. После обеда, читал он далее, захотелось есть. И тогда Сачок предложил похитить самую мощную кастрюлю со вторым, называемую "Фердинанд". План похищения был гениально прост: двое арестантов заходят на кухню, снимают кастрюлю с плиты и уносят.

Если заметят, что исключено по законам психологии, отделаемся шуткой. Караульного можно подкупить кашей, но лучше отвлечь. Так и сделали. Мазила, Литератор и Патриот затеяли "очко" на жратву, Караульный клюнул на это, ему дали выиграть компот, и он забыл обо всем на свете, просадив затем обеды на три дня вперед. Убийца и Паникер спокойно унесли "Фердинанд" с плиты, и никто не обратил на это внимания. Когда пропажу обнаружили. Школа пришла в невероятное возбуждение. Сотрудник первым делом направился к нам. Понюхав гнусную атмосферу губы и поглядев пристально в глаза каждому, он понял, что уже поздно. Операция "Фердинанд" была одной из самых славных страниц в истории Школы. Когда Сослуживец несколько десятков лет спустя встретил одного бывшего курсанта Школы, то единственное, что тот помнил о Школе, была история с "Фердинандом".

БЕСЕДА О СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ

Нажравшись до отвала шрапнели, арестанты некоторое время молчали, опьяненные непривычной сытостью, потом стали рассказывать похабные несмешные анекдоты, от которых надрывались от хохота ("один солдат пошел в город по увольнительной и на всякий случай привязал член к ноге; в результате он простоял до вечера на одной ноге на перекрестке" и т.п.), и правдивые истории, в которые никто не верил ("у нас один солдат поставил вместо себя на пост покойника из морга, а сам ушел в самоволку" и т.п.). Кончили задушевной беседой о светлом будущем. Пораженец сказал, что тогда всем будет хорошо, жрать будут от пуза, губы не будет, к бабам будут отпускать каждую неделю. Паникер сказал, что у Пораженца чисто потребительский подход, что на самом деле изм -- это прежде всего высокая сознательность, чтобы не лопали по Две порции, и Сачку там придется худо. Интеллигент сказал, что будут введены научно разработанные нормы потребностей. Приходишь в кабинет нормирование потребностей, сдаешь десяток справок с печатями, заполняешь анкетку и получаешь талончики или вносишься в списочек особый. Потребности Пораженца, например, будут такие: обмундирование -- хлопчатобумажное бывшее в употреблении рядового состава (ХББУРС), обувь -- сапоги или, скорее, ботинки с обмотками широкие кирзовые армейские строевые (ШКАС), жратва -- миска шрапнели три раза в день. Пораженец запротестовал, но его одернули: ешь, что дают. Мерин продолжал, развивая мысль Интеллигента. Для Сотрудника, Заместителя и прочих установят более высокий уровень развития потребностей: штаны синие шерстяные, сапоги хромовые, полкило колбасы и две миски гречневой каши. Сачок сказал, что со временем на каждом углу выставят котлы с картофельным пюре, -- жри сколько хочешь. Мерин сказал, что для этого сознание должно достичь небывалого в истории расцвета. Уклонист добавил, что для этого нужен еще более высокий уровень производительных сил -- атомная энергия, завоевание Космоса, Ибанючкинская ГЭС. Пораженец сказал, что всем будет хорошо, каждый будет выбирать занятие по своему вкусу. Паникер сказал, что на первых порах будут сочетаться обязательные занятия с добровольными. Пораженец, например, будет часов восемь чистить сортир, а в остальное время будет генералом-любителем. Только пока еще не установлено с полной ясностью, будут ли при этом золотари-любители и дадут ли генералы по обязанности

солдат генералу-любителю. Неизвестно также, будут ли при этом солдаты-любители для генералов по обязанности. Патриот сказал, что армия отомрет и генералов не будет. Солдат тоже. Паникер сказал, что государством будут управлять кухарки. Мерин сказал, что тут ничего смешного нет. Во-первых, управление примет такие формы, что даже кухарки (если их, конечно, допустят) будут в состоянии выполнять любые государственные функции. А во-вторых, еще не известно, у кого интеллектуальный уровень выше, у кухарки или у иного государственного деятеля. Попробуй на гроши с парой ребятишек и с нашим снабжением свести концы с концами, так узнаешь, как надо шевелить мозгами. На это Патриот сказал, что государство отомрет, и рыгнул в физиономию Уклонисту, который по сему поводу брезгливо заметил, что отличительная особенность патриотов -- жрут овес, а воняют так, будто лопают шашлыки и паюсную икру, и беседа прекратилась сама собой от наступившей скуки.

РАЗГОВОР ОБ УМЕ

По дороге в сортир Интеллигент изложил свой метод измерения интеллектуального потенциала отдельных людей и целых социальных коллективов. Для этого надо умственную деятельность разложить на элементарные операции примерно одинаковой силы и подсчитать среднее число таких операций за единицу времени. Готов держать пари, сказал Интеллигент, что при этом умственный потенциал Старшины, которого мы несправедливо считаем дегенератом, будет во много раз выше такового у самого Начальника Штаба, которого все считают гением. Мерин сказал, что распределение людей по социальной иерархии не имеет ничего общего с умственными способностями. Он это заметил еще в детстве. Его отец был очень крупной шишкой. Правда, его потом за что-то шлепнули. Но от этого он умнее не стал. Даже мать временами удивлялась, как могут таким болванам доверять управление. Отец говорил на это, что он-то еще ничего, а вот Ибанов, который метит на его место и наверняка спихнет его, так это действительно болван редкостный. Мерин знал этого Ибанова. Он натаскивал его как-то к экзамену по философии. Так этот Ибанов Мерина сразу стал называть на "ты", а философские категории на "вы". Вставал по стойке смирно, выпучивал глава и рапортовал что-то в этом роде: "Материя, понимаешь ли, они первичны!". Мазила, однако, усомнился в эффективности метода Интеллигента. Попробуй сравни такие умственные операции, как принятие решения об открытии второго фронта и о строительстве нового сортира в ИВАШП. Интеллигент сказал, что это -- сложные операции, легко разложимые на простые. Кроме того, в них участвует большое число людей, так что на долю каждого достается весьма примитивная задачка. Причем степень сложности задачи с интеллектуальной точки зрения обратно пропорциональна степени ответственности лиц, принимающих решения. Мазила спросил, а как быть с работой писателя, художника и т.п. Интеллигент сказал, что его метод не распространяется на творческую деятельность, которая есть уклонение от нормы. Уклонист заметил, что творчество во внимание принимать вообще не нужно, ибо дело идет к тому, что в деятельности писателей, художников и прочих представителей творческих профессий (а их развелось как

собак нерезаных) творческий элемент катастрофически сокращается и скоро будет неизмеримо меньше, чем в деятельности старшин и кухарок. Мазила вздохнул и вспомнил, какие вкусные вещи мать ухитрялась готовить из всякого дерьма. Интеллигент напомнил о гениальной операции, которую недавно провернул Старшина: тот скупил на базаре рваные опорки от ботинок по пятерке за пару, Обменял на складе на новые и загнал их уже по восемьдесят рублей за пару. Уклонист сказал, что это не ум, а хитрость. Интеллигент сказал, что ум и хитрость -- одно и то же с рассматриваемой точки зрения. Они различаются лишь оттенками нравственности, направленности, выбора средств и прочими весьма относительными признаками. Мазила спросил, как по методу Интеллигента можно определить интеллектуальный потенциал групп людей. Интеллигент предложил несколько вариантов. Первый вариант -- соотношение чисел членов группы, имеющих средний, ниже среднего и выше среднего интеллектуальный потенциал. Второй вариант -- отношение суммы показателей интеллектуальных потенциалов членов группы к числу членов группы. Третий вариант -- степень влияния на поведение группы тех членов группы, которые имеют такой-то потенциал. Четвертый вариант -- степень наказуемости тех, у кого самый высокий потенциал в группе. Пятый вариант -- степень ненаказуемости тех, у кого самый высокий потенциал в группе. Число вариантов можно продолжить. Проблема не в этом. Проблема в том, что люди не заинтересованы в измерении интеллектуального потенциала. Вернее, в этом заинтересованы очень немногие, уверенные в своем умственном превосходстве над другими. А остальные стремятся скрыть свое умственное убожество. Уклонист сказал, что измерять нет надобности, ибо и без этого всем все ясно. Но измерять, действительно, не дозволят, ибо в результате измерения научными методами получаются цифры, имеющие силу официального документа. Паникер сказал, что ум вообще на самом деле не играет той роли, какую ему приписывают всякие интеллигентики. Он не имеет в виду Интеллигента, ибо тот -- свой в доску парень. Статистика установила, например, что из двух самых глупых курсантов выходит по крайней мере один умный генерал. Попробуй, объясни это по методу Интеллигента. Клеветник сказал, что термин "ум" к генералам променяется скорее в смысле зоопсихологии, и Паникер занимается типичной софистикой, удваивая смысл терминов.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДИВИД

Социальный индивид, писал Шизофреник, это -- отдельный человек, группа людей, объединение групп и даже целая страна. Элементарный социальный индивид (слово "социальный" буду для сокращения опускать) не расчленяется на два или более различных индивида (отдельно взятый человек). Сложный состоит из двух или более индивидов. Нормальный индивид имеет орган, с помощью которого он отражает и оценивает ситуацию, устанавливает, что лучше и что хуже для него и для других, предвидит ближайшие последствия своих поступков и поступков других людей. У человека это -- мозг, а у групп людей -- управляющие лица и организации, состоящие из людей. Назначение этого органа -- обеспечить наиболее благоприятные условия существования индивида.

Я исхожу из допущения, что нормальный индивид (а таких -- подавляющее

большинство) правильно оценивает свое положение в обществе, свои возможности, внешние обстоятельства, ближайшие следствия своих поступков и т.д. Именно ближайшие, ибо этого достаточно для действия социальных правил. Предвидеть последствия поступков далеко (на много времени вперед) невозможно не столько из-за сложности ситуаций, сколько из-за принципиально непредвидимых обстоятельств. Да это и не нужно. Для социального бытия достаточно знать ближайшие последствия действий людей, и индивиды способны на это. Например, А знает, что если он донесет на В, то у В будут неприятности (снимут с заведывания, не пустят на премию, отменят поездку за границу и т.п.), и этого для А достаточно. Индивиды могут оказаться вследствие своих поступков в плохом положении, но рассматривать это как результат ошибок в социальном поведении нельзя. Индивиды с социальной точки зрения не делают ошибок. Понятие ошибки здесь неприменимо вообще. Если, например, в результате доноса А на В со временем из-за этого будут неприятности для А то донос А не есть ошибка. Здесь А поступил в полном соответствии с каким-то социальным законом, и только. А к чему это привело, к закону как таковому отношения не имеет. Подобно тому, как, стакан, упав на пол, разбивается. Но это не есть ошибка стакана. Это -- результат действия физических законов, и только.

Социальный индивид, далее, обладает способностью принимать волевые решения, имеет свободу воли и выбора, по крайней мере, в отношении некоторых действий. Например, индивид волен голосовать за принятие данной статьи к печати или против. Говоря о свободе воли в отношении к данному действию, я здесь имею в виду только следующее: осуществление или неосуществление данного действия зависит исключительно от сознания и воли самого индивида. Социальный индивид, далее, в каких-то пределах, достаточных для того, чтобы рассматривать его как целое, господствует над своим телом. Если это группа людей, то указанный признак означает, что руководящему лицу или организации подчиняются руководимые ими лица. Наконец, социальный индивид обладает стремлением к самосохранению, избегает ухудшения положения, стремится к улучшению условий существования и т.п. и предпринимает для этого какие-то действия. Задача социологии и состоит, прежде всего, в том, чтобы проследить правила, по которым эти принципы реализуются в общественной жизни. Другими словами, социальный индивид осуществляет свои действия в соответствии с принципами: 1) он добровольно и сознательно не делает ничего того, что противоречит его интересам; 2) если он безнаказанно (малое наказание не в счет) может использовать свое социальное положение в своих интересах, он его использует максимально. Так что взятки, принуждение подчиненных к сожительству и к соучастию в махинациях, очковтирательство с целью наживы, использование государственных средств в личных целях и т.п. -- все это (как и официально установленные привилегии в виде закрытых распределителей, машин, дач, брони на все виды услуг и т.п.) суть естественные явления социальной жизни людей. И только страх разоблачения и наказания как-то удерживает (да и то до поры до времени и в малых масштабах) от возможных катастрофических последствий.

Указанные признаки входят в само определение термина "социальный индивид". Социальный индивид обладает также другими признаками. Это положение в обществе, сила влияния, степень защищенности, степень вредности (опасности) для окружающих, сила хватания (присвоения), сила отдачи, сила

интеллекта, уровень нравственности, степень изворотливости, совесть и т.д. Все эти признаки можно точно определить, так что в результате часть из них окажется производной от других. Все эти признаки в принципе измеримы.

Что думает о себе сам индивид и что думают о нем другие, более или менее совпадает (во всяком случае, имеет место тенденция к совпадению). Для себя индивид может быть как угодно сложным и духовно богатым. С социальной точки зрения это играет скорее отрицательную роль для индивида, если духовное богатство выходит за рамки обычного или профессионального среднего. С социальной точки зрения индивид представляется как болванка без внутренней структуры с четко фиксируемыми формами и функциями. Социальный прогресс отчасти состоит в том, чтобы формировались индивиды, выполняющие более сложные функции, но имеющие более простое внутреннее (духовное) строение. Как думает индивид, вообще роли не играет. Важно как он поступает. А поступает он по социальным правилам.

Социальный индивид не зол и не добр. Он просто обладает упомянутыми качествами в той или иной степени. Вопрос об измерении этих качеств не принципиален. Здесь можно предложить самые различные методы. Величины этих качеств индивидов заключены в определенные социально допустимые рамки (последние исторически преходящи, но в каждую эпоху достаточно определенны). Выход за эти рамки опасен как самому индивиду, так и тем, с кем ему приходится иметь дело. Чрезмерный ум, например, так же опасен с социальной точки зрения, как и чрезмерная глупость.

Всякий социальный индивид обладает социальным положением и официальным положением. Социальное положение индивида есть функция от многих параметров -- занимаемый пост, престиж профессии, возможность иметь различного рода привилегии, связи, влияние и т.п. Официальное положение определяется занимаемой должностью и официальным статусом последней. Полного совпадения социального и официального положения нет, и в достаточно большом и дифференцированном обществе оно не может быть достигнуто практически. Однако в силу тенденции к совпадению официальности и социальности имеется тенденция установить соответствие и здесь. Это выражается в частности, в стремлении установить такие нормы жизни, чтобы доходы, почет, слава и т.п. определялись исключительно официальным положением индивидов (чтобы начальник имел лучше квартиру, чем подчиненный, выше зарплату, лучше дачу; чтобы академик считался более крупным ученым, чем член-корреспондент, а последний -- чем простой доктор и т.д.). Социальный индивид стремится улучшить свое социальное положение. С этой точки зрения все индивиды-карьеристы, честолюбцы, стяжатели и т.д., но не всем удается добиться желаемого, а большинство с самого начала отдает себе отчет в безнадежности усилий и смиряется, что выступает как добродетель. И лишь единицы из тех, кто мог бы успешно участвовать в борьбе за социальный успех, находят в себе силы сознательно избрать иной путь. Впрочем, он тоже так или иначе рассчитан на какой-то успех.

Надо различать фактическую и номинальную социальную значимость индивида, фактическая включает в себя социальные признаки индивида, а номинальная -- своеобразный способ выразить их для каких-то случаев официального употребления индивида. Соотношение их можно проиллюстрировать на примере соотношения фактических признаков человека и характеристики, которую ему дают для поступления на работу, при выдвижении на награду, при

оформлении документов на поездку за границу. Например, А -- карьерист, хапуга, бабник, полуневежда, плагиатор и т.п. Все заинтересованные лица знают эту фактическую характеристику А. Номинальная его характеристика может иметь такой вид: морально устойчив, высококвалифицированный специалист, имеет учеников и т.п. Давая такую номинальную характеристику А, люди не лгут, а делают нечто иное. Они принятым в данной среде способом выражают лишь то, что А их устраивает, годится для такого-то дела. И ничего больше. Если в номинальной характеристике описать фактические качества А, то она будет воспринята не как объективная оценка его, а как свидетельство того, что А в чем-то провинился, его снимают с работы, считают, что он не годится и т.п. Вот когда действительно А в чем-то провинится и начинают говорить, что, мол, не знали его подлинного лица и проглядели, тогда лгут, ибо подлинное лицо социального индивида окружающие его лица, как правило, знают точно и исчерпывающим образом.

ПРИЧИНА И ВИНА

За полчаса до открытия Ларька Член и Болтун уже стояли в очереди. Член говорил, что он написал новую работу о чрезмерно высоком жизненном уровне ибанского народа и о мерах но его сокращению. Называется труд "Клеветнические измышления о". Почему же только ибанского, спросил Болтун. Потому что он живет лучше всех, сказал Член, и я это доказываю с помощью данных. Данные -- вранье, сказал Болтун. К тому же никаких данных не нужно вообще, ибо сама концепция официально порочна и научно вредна. Во-первых, ибанский народ у нас живет не хуже и не лучше других. Он живет одинаково. Это -- установка. А установку нельзя доказать и нельзя опровергнуть. Во-вторых, Вы смешиваете научное и официальное сознание...

В этот момент подошел Социолог. Он пожал руку Члену и сказал "Привет, Старик". Затем пожал руку Болтуну и сказал "Привет, Старик". Член возмутился, почему Социолог обращается к ним на "ты". Болтун сказал что это не имеет значения. Социолог смотрит на них как на подопытных кроликов, муравьев, крыс и прочую нечисть. Потому он хочет казаться демократичным и употребляет для этой цели "ты". Пусть он говорит им "ты", и они ему будут говорить "ты". Но друг к другу они будут обращаться на "вы". Между ними должна быть какая-то дистанция, без которой немыслимы хорошие отношения. Взяв по паре кружек пива, Социолог, Член и Болтун направились на привычное место. Впереди шел Социолог, всем своим видом показывая, что дорога ему известна лучше, чем другим. По дороге он говорил, что слова Болтуна -- вздор, что он по натуре демократичен, хотя дед его был купцом первой гильдии, отец дипломатом, а вырос он за границей. После первой кружки Член вспомнил о прерванном разговоре с Болтуном и спросил, что он смешивает. С точки зрения науки, сказал Болтун, ругнув продавщицу за не в меру разбавленное водой пиво, следует говорить о причинах тех или иных явлений. С точки зрения же официального сознания такая постановка проблемы неприемлема. Для него встает вопрос о том, что повинно в таком-то положении дел. А так как для официального сознания вина должна быть персонифицирована, ибо винить можно только сознательные существа, а не мертвую природу и бессловесных

тварей, то проблема для него встает в еще более четкой форме: кто виноват в этом положении дел. С точки зрения официального сознания даже за стихийные бедствия (за землетрясения, засухи, наводнения) несут ответственность определенные лица. А носители этого сознания, чиновники, берут вину эту на себя и потому стараются скрыть эти бедствия от населения. Они считают себя ответственными (или, точнее, боятся, что их будут винить) даже за следствия, вытекающие из социальной природы человека, и потому стремятся исказить эту природу и свалить вину на пережитки, родимые пятна, тлетворное влияние и все такое.

Пришел Шизофреник и спросил, по какой формуле Член рассчитывал потребление на душу населения. Член сказал, что по обычной: брал доход и делил на всех. Шизофреник сказал, что это пропаганда, а не наука. Во-первых, надо учесть коэффициент очковтирательства, который основательно сокращает официальную сумму потребления. Во-вторых, надо учесть иерархию потребления, распределение людей по потребительским рангам и коэффициент ранговости. В-третьих, надо учесть коэффициент отношения группы данного ранга к данному продукту. Так что результате получится гораздо более сложная формула, которая так ж не нужна, как и простая формула Члена, ибо все понятно и без них. Если распределяется картошка и фальшивая цигейка, то получится один результат, а если распределяется черная икра и норка -- другой. Пришли Мазила и Клеветник и тоже набросились на Члена. Шизофреник резюмиовал итоги дискуссии, сказав, что получился типичный случай действия открытого им социального закона "Один на всех и все на одного", и предложил выпить за здоровье выдающегося борца за несуществующую правду. Говорят, Вы за границу собираетесь, спросил Член. Не за границу, а в Б, сказал Клеветник. Как Вы думаете, пустят, спросил Член. На семьдесят процентов вряд ли, а на тридцать наверняка нет, сказал Клеветник. Так зачем же хлопотать, спросил Член. А если не хлопотать, то нельзя будет сказать, что тебя не пустили, сказал Клеветник.

О ГЛУПОСТИ, ПОДЛОСТИ И ДРУГИХ ПРИЗНАКАХ ИНДИВИДА

Качества социального индивида, писал Шизофреник, можно разделить на позитивные и негативные. Пример первых -- ум. Пример вторых -- глупость. Я хочу обратить внимание на то, что первые нельзя рассматривать как отсутствие вторых, а вторые -- как отсутствие первых. Ум не есть отсутствие глупости, и глупость не есть отсутствие ума. Это не противоречит тому, что эти качества, начиная с некоторой величины, исключают друг друга. Когда мы говорим в обиходе, что человек глуп (умен), то это интуитивно означает, что человек обладает качеством глупости (ума) в достаточно большой мере. Когда мы говорим, что человек неглуп (неумен), то мы имеем в виду, что он не обладает качеством глупости (ума) в достаточно большой степени. Всем известно, что люди могут прогрессировать в отношении ума. Но обычно как-то не обращают внимания на то, что люди также могут прогрессировать в глупости. В жизни часто приходится встречать таких глупцов, о которых можно сказать, что это -- выдающиеся глупцы. Здесь также можно различать талантливых и бездарных

глупцов. Глупости надо обучаться так же, как уму. Очень высокой степени глупости люди достигают лишь в течение длительной жизни и большого числа тренировок. Современно аналогично обстоит дело с такими качествами, как цинизм, подлость, хитрость, изворотливость, склочность и т.п. Умение делать подлости достигается не сразу. И чтобы стать выдающимся подлецом, надо иметь к тому способности, а также долго и упорно учиться. Не случайно поэтому выдающиеся подлецы среди пожилых и образованных людей встречаются чаще. Причем негативные качества в условиях засилия социальности не воспринимаются как недостатки. Наоборот, они воспринимаются как достоинства и всемерно поощряются. Они здесь нормальны. Выдающийся ум воспринимается здесь как ненормальность, а выдающаяся глупость -- как выдающийся ум. Высоко моральные люди здесь воспринимаются как безнравственные проходимцы, а высоко подлые ничтожества -- как образцы добродетели. Дело здесь не просто в отсутствии чего-то одного, а в наличии чего-то другого. В результате складывается своеобразный негативный тип личности, относящийся к позитивному так же, как относится электрон к позитрону (или наоборот). Как наличие отрицательного заряда не есть отсутствие положительного и наличие положительного не есть отсутствие отрицательного, так и в данном случае, повторяю, негативный тип личности есть личность, обладающая определенными качествами. Употребляя выражения "позитивный" и "негативный", я не связываю тем самым с упомянутыми качествами оценочные категории. Если мы поменяем названия на обратные, суть дела не изменится, как не изменится отношение позитрона и электрона, если их переименовать.

Негативные и позитивные качества до некоторой степени бывают настолько похожи, что люди долго (а иногда вообще) не замечают их разницы. Иногда бывает так, что два человека живут и работают все время рядом, читают одни книги, встречаются с одними и теми же людьми и т.д., а между тем развиваются в совершенно несовместимых направлениях. И когда вдруг однажды обнаруживается, что они противоположности (например, один -- выдающийся глупец, а другой -- выдающийся умник), это порождает духовную драму и острые конфликты. Впрочем, индивиды с высоко развитыми позитивными качествами встречаются необычайно редко. Индивиды с высоко развитыми негативными качествами встречаются в избытке. Но в подавляющем большинстве случаев негативные и позитивные качества не достигают такого уровня, чтобы об индивидах можно было с определенностью сказать, что они умны, глупы, подлы, благородны и т.п. Нормальный индивид имеет в наличии в более или менее развитом виде как позитивные, так и негативные качества (он средне умен, средне глуп, средне благороден, средне подл и т.п.). Лишь в сильных проявлениях позитивный (негативный) признак исключает соответствующий негативный (позитивный) двойник. Например, у высоко развитого умника отсутствует или почти не развита глупость, а у высоко развитого подлеца отсутствует или почти не развита благородность. С точки зрения человеческого типа можно различать цивилизацию и антицивилизацию. Последняя так же способна к развитию и прогрессу, как и первая. Высоко развитая антицивилизация уничтожает цивилизацию (и наоборот), но до поры, до времени они уживаются рядом и даже трудно различимы. Они врастают друг в друга. Причем, Доминирует антицивилизация. Цивилизация есть лишь более или менее заметный ее спутник.

ЛОГИКА И ЯЗЫК

Статья в Газете против АС произвела на всех сильное впечатление. На этот раз все, кроме Болтуна, ругали АС. Я уважаю АС, даже преклоняюсь перед ним, говорил Мазила. Но на сей раз я не могу с ним согласиться. Тут ему чувство меры изменило. Странная позиция, говорил Карьерист, как можно одобрять этих мерзавцев! Член поносил АС последними словами и называл его спекулянтом, готовым на любое предательство ради тщеславия и из ненависти. Болтун сказал, что он полностью поддерживает АС хотя бы потому, что он один. А если человек один против всех, он всегда прав. Пройдет немного времени, и вы сами убедитесь в том, что он прав. И потом, как вы могли поверить официальному сообщению! Сами отлично знаете, что нашим сообщениям нельзя верить ни в одной строчке, а тут вдруг поверили! В чем дело? Почему вы не допускаете возможности подтасовки? Дело очень серьезное, не торопитесь с выводами и оценками. АС зацепил нечто такое, что заставляет нас всех (и тех, кто за, и тех, кто против) пересмотреть кое-что в своем сознании. И нам это не нравится. Мы раздражены на него за это вторжение в наши души и в нашу совесть. Он ставит вопрос прямо: кто мы такие? Негодяям ясно, кто они такие. И потому они ненавидят АС. Порядочным начинает становится ясным, что они -- помощники негодяев, а значит и сами негодяи. И потому они злятся. Но оставим содержание проблемы и обратимся к чисто текстуальной стороне дела. Вот одна из фраз АС, вызвавшая ваш несомненно порядочный и гуманный гнев: "Если вы (обращается АС к этим действительно погромщикам) на самом деле хотите восстановить демократические свободы, то не делайте того-то и того-то, ибо это будет мешать осуществлению такого замысла". Эту фразу вы истолковали так, будто АС одобряет действия погромщиков и считает, будто они хотят восстановить демократические свободы. А между тем это -- банальная логическая ошибка. Если человек признает утверждение вида "Если Х, то У", то из этого никак не следует, что он признает Х. И если уж такую детскую ошибку с удовольствием совершают образованные и незаурядные личности, как вы, то что же говорить о прочих. Если люди хотят впасть в заблуждение, они попирают вещи и более серьезные, чем законы логики. Страшно здесь не то, что вы не разобрались, а то, что вы активно не захотели разобраться в ситуации больно задевающей вас самих. Неприятно, конечно, вдруг почувствовать себя кретином и подлецом.

После некоторого неловкого молчания стали спорить о законах логики. В конце концов Болтун убедил всех в том, что они относятся к языковым операциям, а не к вещам. Заговорили о языке. Член сказал, что язык дан людям для выражения мыслей. Болтун сказал, что Член выражается так, будто у нас даже язык дарован людям свыше начальством подобно тому, как нам даруют работу, квартиру, хлеб и штаны. Мазила сказал, что язык дан людям, чтобы скрывать свои мысли. Клеветник уточнил эту идею и сказал, что язык дан людям, чтобы скрывать свои намерения и искажать намерения других. Потом вниманием опять завладел Болтун, считавшийся в свое время большим знатоком этих дел, но вытолкнутый из них более прогрессивными ибанскими представителями мировой науки, даже не подозревающей о их существовании.

Вспомните, говорил Болтун, ситуацию с выдвижением Клеветника. Клеветник говорил до этого, что он не испытывает желания баллотироваться в Академию.

Но его выдвинули, и он подал документы. И его обвинили в логической непоследовательности. Так ли это? Я когда шел сюда, не испытывал желания пить. Вы предложили, и я выпил. Непоследовательно? Нет. Просто надо различать отсутствие желания что-то делать и наличие нежелания это делать. Это не одно и то же. Можно быть безразличным к делу, т.е. не иметь желания его делать и не иметь нежелания его делать. Клеветник не имел желания избираться, но не имел также и желания уклоняться от избрания. А все истолковали это как лицемерие, хотя сами лицемерили всю дорогу. Я упомянул об этом пустяковом случае вот почему. Принято думать, будто люди всегда или обычно руководствуются правилами логики, совершая отступления от них лишь в порядке исключения. Причем они якобы не осознают того, что творят. Но все это вздор. Руководствоваться правилами логики, подозревая об этом, в принципе невозможно по самой природе этих правил. А во-вторых, процент языковых операций, совершаемых по правилам логики, в общем числе языковых операций настолько исчезающе мал, что разговоры о какой-то логической стадии мышления производят чисто комическое впечатление. Дело обстоит фактически так, что люди почти не пользуются правилами логики, а не так, будто они не осознают их, но пользуются почти всегда. Попробуйте, проанализируйте речи политических деятелей и юристов с логической точки зрения, и вы к удивлению своему обнаружите почти полное отсутствие в них именно логики, хотя по идее она должна быть основой их размышлений. Наука? Да одна из самых строгих наук -- физика битком набита языковыми жульническими трюками. Языковая деятельность людей есть хаос с логической точки зрения, а внедрение логики в нее -- ничтожная по последствиям попытка внести в этот хаос порядок. Шизофреник сказал, что он полностью с этим согласен. Языковый хаос есть точное выражение социального хаоса. Языковая практика людей в принципе антилогична. Логика есть одно из средств антисоциальности. Орудием социальности является антилогика, которую для маскировки именуют диалектической логикой. Так что логика не такая уж безобидная штука. Когда-нибудь за нее будут лупить не меньше, чем за политику. Кстати сказать, коэффициент логичности практически не зависит от уровня образования индивидов и обратно пропорционален уровню социального положения индивидов.

Член сказал, что он все равно остается на своих позициях и считает, что поведение АС продиктовано чисто личными мотивами. Болтун сказал, что у АС действительно такой недостаток есть. А вот поведение Члена диктуется не личными, а чужими мотивами. Член запротестовал, но его слушать уже не стали.

ДИСКУССИЯ О ДОНОСАХ

На работу пошли строем, читал Инструктор. Паникер запел, а остальные лихо подхватили:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,
Туда шагаем мы мочиться.

После того, как арестанты забились в сортир и избавились от тяжких последствий вчерашнего обжорства. Патриот пустил слезу: мы, мол, поступили

нехорошо, товарищей без ужина оставили, и начальству из-за нас неприятности. Литератор предложил заткнуть Патриоту рот портянкой. Пораженец поддержал предложение Литератора, но на всякий случай согласился с Патриотом. Мерин призвал не торопиться с выводами и изложил современную концепцию роли доноса в социальных системах гомогенного типа. Для управления коллективом нужно знать фактическое положение. Для этого, как установила передовая буржуазная лженаука кибернетика, недавно перешедшая на нашу службу, нужна обратная связь. Официальные отчеты, сводки, доклады и т.п. -- либо бессодержательны и банальны, либо сплошное вранье и очковтирательство. А начальству надо знать подлинную правду, функцию обратной связи здесь и выполняет донос. Интеллигент сказал, что начальству подлинная правда в духе Мерина нужна лишь в такой мере и с такой ориентацией, которые обеспечивают ему наиболее устойчивое пребывание у власти и наиболее благоприятные перспективы в отношении будущей карьеры. Кроме того, Мерин смешивает два принципиально различных типа информации -- донос и, если угодно, информос. Донос всегда персонифицирован. Информос безличен. Для информоса безразлично, кто сегодня, вчера, позавчера ходил в самоволку. Для него важен лишь сам факт и его количественное выражение (да и то процент или вероятность). Донос негативен, ибо он есть сообщение о делах, словах и мыслях, направленных якобы против или приносящих якобы вред. Информос главным образом позитивен или, в крайнем случае, нейтрален. Точнее говоря, он не дает оценки. Донос предназначен для карательных органов, которые сами по себе не имеют прерогатив управления. Информос предназначен для органов управления, не занятых непосредственно карами. Цель доноса -- знать, чтобы пресечь, наказать, уничтожить. Цель информоса -- знать, чтобы исправить, улучшить, сохранить. Они разноплановы. Особенность ситуации состоит в том, что информос в качестве публичного и официального явления ложен, а в качестве тайного быстро переходит в донос. Уклонист сказал, что говорить о какой-то подлинной правде в общественной жизни -- вздор. Во-первых, сказать "подлинная правда", все равно, что сказать "по-настоящему соленая соль". А во-вторых, понятие правды в академическом смысле здесь вообще неприменимо. Например, каков человек на самом деле? Человек может думать одно, а говорить другое. Говорить одно, а делать другое. По одному и тому же поводу может иметь взаимоисключающие мнения. Совершать действия, ведущие к взаимоисключающим последствиям. Нормальный человек сам по себе -- все, что угодно. А значит ничто. В нормальном человеке как таковом есть все мыслимые качества независимо от отношений друг к другу. И потому в нем нет ничего, ибо "человек как таковой", "подлинный человек" и т.п. есть лишь абстракция. Человек есть нечто определенное лишь как официальное существо, т.е. как гражданин, определенным образом реагирующий на официальные индикаторы. В нормальном обществе есть такие индикаторы, т.е. официально установленные и признаваемые случаи, когда слова, мысли и дела человека являются характеристическими: поведение на работе, выступления на собраниях, публикация статей, дача показаний в суде, посещение церкви и т.п. А что сверх того, никого не касается, ибо все остальное не есть общественно значимый факт и потому не существует. Если, например, ты с трибуны произносишь "за", а дома говоришь жене и приятелю по этому же поводу "нет", то официально ты есть человек "за", а не "нет". Как человек "нет", ты не существуешь вообще, хотя можешь воображать на этот счет все, что угодно. Я знал работников органов, которые

рассказывали не наши анекдоты. Но они были глубоко нашими людьми. Человек, который официально и неофициально есть одно и то же -- либо неосуществимая мечта начальства, либо лжец, лицемер, пройдоха, кретин, подонок и т.п. Когда в человеке начинают выяснять то, что есть сверх официального, то это характеризует лишь данное общество, которое это санкционирует. Неизбежное следствие этой санкции -- нравственная деградация людей (развиваются такие черты, как угодничество, подхалимство, двуличие, гражданская трусость, ненадежность и т.д., официально и морально ненаказуемые в таком обществе). А главное -- специальные организации общества начинают в людях искать то, чего в них нет. Отсюда ложное истолкование поведения людей и официальный обман. Если в обществе начинают искать подлинную правду, то это может означать только одно: призыв писать доносы, Патриот сказал, что в каких-то случаях донос все же приносит добро. Паникер сказал, что еще никто не подсчитал, каков процент случаев, когда донос принес зло, каков процент случаев, когда он принес добро. Уклонист сказал, что дело не в этом. Здесь точка зрения количества в принципе ошибочна. Есть более глубокие основания считать донос безнравственным независимо от того, полезен он или нет. Если даже он в ста процентах полезен, он есть признак деградации. Тут все перестали что-либо понимать и запутались окончательно. Мерин сказал Интеллигенту, что все же нет полного совпадения интимного состояния сознания человека и его официального выражения. Интеллигент сказал, что это не играет роли, ибо интимное имеет обычно тенденцию к совпадению с официальным, причем совпадение наступает тем скорее, чем меньшее принуждение испытывает индивид. Выходит по-твоему, сказал Мерин, что люди становятся сволочами добровольно. Интеллигент сказал, что это так даже в тех случаях, когда это происходит по принуждению. Мерин сказал, что это -- диалектика, а он к диалектике с детства относится как к рыбьему жиру. Патриот сказал, что рыбий жир полезен. Мерин послал его на. Тут подошло время обеда, и прения прекратились.

МЫСЛИТЕЛЬ

Мыслитель знал, что он -- самый умный и образованный человек в Ибанске. Он занимал пост в Журнале и был этим доволен, ибо большинство не имело и этого. Но он был недоволен, ибо другие занимали посты повыше. Поскольку все, не имеющие такого поста, были глупее его, он считал свое положение вполне заслуженным. Но поскольку все, имеющие более высокие посты были глупее его, он считал себя несправедливо обойденным. Он прекрасно понимал, что если бы он был поглупее, то и пост имел бы поболее. И ему от этого становилось мучительно жаль себя, и он еще сильнее презирал жителей Ибанска, вполне заслуживших это презрение всей своей прошлой историей. В глазах передовой мыслящей творческой интеллигенции Ибанска Мыслитель был как бы расстрелянным, причем расстрелянным, с одной стороны, несправедливо (или, скорее, незаконно), но, с другой стороны, вроде бы за дело, так как он имел мысли, выходящие за рамки. Мыслитель не жил, а выполнял Миссию и преследовал Цели. Какую Миссию и какие Цели, никто не знал. Но все знали, что они есть. Все говорили: как хорошо, что Там есть Мыслитель. Что было бы Там, если бы его не было Там. Если бы не он, то было бы еще хуже.

В отличие от всех остальных жителей Ибанска Мыслитель был светским человеком. За письменный стол он садился только для того, чтобы тщательно обдумать, за чей счет сегодня сожрать шашлык и выпить бутылку коньяка, у кого взять в неоплатный долг крупную сумму и с чьими женами и в какой последовательности провести оставшуюся часть суток. Впрочем, долги он со временем собирался отдать, так как собирался написать книгу и получить за нее крупный гонорар.

Иногда Мыслитель печатал вполне правоверные, но бессмысленные статьи. Появление их становилось праздником для мыслящей части населения Ибанска. Всякий мог своими собственными глазами убедиться в выдающемся мужестве Мыслителя, который первым стал ссылаться на исторические речи нового Заведующего и довел число ссылок на них до рекордной величины. Он даже рискнул сослаться на еще ненаписанную речь Заведующего, чем заслужил незаслуженный упрек в нескромности и подозрение в чрезмерной прогрессивности. Поползли слухи, будто его скоро снимут. Слухи эти в форме грустного предположения высказал сначала сам Мыслитель. А когда они вернулись к нему в виде достоверных вопросов поклонниц, он иронически пожал плечами: сами, мол, понимаете, умному и способному человеку тут не место И уехал по специальному заданию за границу прочитать лекцию и потом обрисовать обстановку.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПУСТЯКИ

Член пришел крайне взволнованный. Представьте себе, сказал он, меня обвиняют в том, что я своими сочинениями (они изволили так выразиться) наношу ущерб нашему обществу. Позвольте спросить, а кто устанавливает, нанесен ущерб или нет, в какой форме, в каком количестве? Ваша наивность меня поражает, сказал Болтун. На это есть эксперты. Позвольте, кричал Член, а какими критериями они руководствуются? Где они сформулированы? Кем утверждены? Покажите их мне! Они руководствуются чувством долга, общим пониманием ситуации, правильной и проверенной интуицией, спокойно сказал Болтун. Это все софистика, говорит Член. А писать правду -- это тоже наносить ущерб? Смотря, какую и как, говорит Болтун, Вы пишете, что у нас есть система привилегий, процветает взяточничество, карьеризм, бесхозяйственность и все такое прочее. Но ведь всем известно, что это -- лишь отдельные факты, с которыми мы сами успешно боремся. А в целом у нас ничего подобного вообще нет. Так что Ваши заявления -- типичная клевета. А Вы знаете, говорит Член, какой процент нужен для того, чтобы отличить правду от клеветы? Сколько случаев? Сто? Тысяча? Миллион? Кто будет подсчитывать? Я же не обобщаю. Я только факты привожу, понимаете! Факты, факты и только факты. Спор бесполезен, говорит Клеветник. Чтобы спор имел смысл, нужна полная юридическая ясность по этим вопросам, а ее нет. Эта проблема, сказал Шизофреник, в принципе неразрешима как чисто юридическая. Нужны еще специалисты по этим делам, лично заинтересованные в соблюдении установленных юридических норм. Нужна, наконец, гласность, общественное мнение, возможность разоблачать нарушения норм и т.п., т.е. общество должно располагать средствами, заставляющими на деле считаться с юридическими

нормами. Наконец, сами юридические нормы должны быть составлены с расчетом на это, иначе все равно ничего не выйдет. Предоставленное самому себе и действию социальных законов право имеет тенденцию к разработке таких систем юридических норм, в которых неопределенность становится принципом. На каждую статью такого рода при этом формулируется статья, ее исключающая, и система оговорок и инструкций, что делает отправление правосудия по таким вопросам делом произвола. Но что-то надо делать, сказал Член. С чего-то надо начинать. Если все будем равнодушно проходить мимо, как вы, молодые люди, так мы ничего не получим. Вы правы, сказал Болтун. Только действие должно превышать некоторый порог до которого оно бессмысленно. Тут я с Вами не могу согласиться, сказал Шизофреник. Бессмысленные в Вашем смысле действия имеют смысл как тренировка, накопление опыта действовали вообще.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Это чудовищно несправедливо, говорит Мазила. Я -- художник. Мое законное право побывать в музеях Франции и Италии. Меня неоднократно приглашали туда. Там мои выставки были. Я хочу поехать туда за свой счет. Никаких преступлений я не совершал. Политикой не занимаюсь. И меня не пускают. Претендент был два раза во Франции, ездил отдыхать в Италию. Социолог не вылезает оттуда. Мыслитель обошел все музеи Парижа и Рима. Даже Инструктор уехал в Париж. А меня не пускают. В чем дело? Клеветника единственного пригласили главным докладчиком на конгресс. Поехали сотни людей, Сброд всякий. А его не пустили. Несправедливо лишь то, говорит Болтун, что не соответствует законам данного социального образования. Ты и Клеветник получили свое, -- независимость, известность, репутацию выдающихся деятелей культуры. Чего же еще? Хотите к тому же за чужой счет или за свой (безразлично) за границу ездить? Поездка за границу у нас -- высшая награда особо надежным и отличившимся. Или служба. Или использование служебного положения и связей. Выпустить вас как раз и было бы несправедливо в наших условиях. Вы стали фигурами вопреки воле начальства и коллег, не по законам нашего общества. Вас наказывать надо за это, а не за границу выпускать. Но это же неразумно даже с государственной точки зрения, сказал Мазила. Государственные интересы -- пустая абстракция, говорит Болтун. Есть интересы определенных категории людей, которые они маскируют под государственные. И этим людям, на самом деле, наплевать на государство. Они думают лишь о себе. Ты думаешь, они испытывают гордость и радость за свое государство, слыша там разговоры о тебе и Клеветнике? Ничего подобного. Только злобу и зависть. Они считают при этом себя несправедливо обиженными. И вернувшись, они мстят вам. Но ведь государство от этого все равно несет материальный и моральный ущерб, говорит Мазила. Несет, говорит Болтун. Но оно ничье, и никто из-за этого, кроме людей такого типа, как вы, не переживает. А относительно вас заранее считается, что вы думаете только о себе. О государстве думают только они, его подлинные представители и защитники. Ты выворачиваешь все наизнанку, говорит Мазила. Я возвращаю вещам, вывернутым в нашем представлении наизнанку, их подлинный вид, сказал Болтун.

НА АРЕНЕ ИСТОРИИ ПОЯВЛЯЕТСЯ КИС

О том, кто такой Кис, в Ибанске знали очень немногие рафинированные интеллигенты вроде Мыслителя, Претендента и Социолога, а также немногие старые сотрудники Лаборатории, куда он однажды на заре туманной юности явился с полными штанами и обстоятельным покаянным письмом, в котором приводились многочисленные фамилии и факты Впрочем, об этом замечательном событии в безупречной биографии Киса будет сказано подробнее ниже. И все же, несмотря на почти полную безвестность, роль Киса в духовной жизни Ибанска была настолько ничтожна, что умолчать о ней было бы грубым отступлением от исторической правды. Кис имел все, о чем может мечтать в ибанских условия порядочный, умный и образованный человек. Он был вполне независим, т.е. мог ничего не делать, получать за это премии, иногда бывать заграничных командировках и регулярно голосовать в различного рода советах, комитетах и комиссиях. При этом он всегда открыто высказывал свое особое мнение против сомнительных идей начинающих авторов, чем заслуженно заслужил репутацию строгого и неподкупного борца за интересы мировой науки. Он имел хорошую квартиру и приличный оклад. Бывшая жена с бывшим сыном сбежали от него к родителям жены, с презрением отказавшись от законной помощи, и это Киса, человека бережливого от природы, устроило вполне. Тем более в освободившейся комнате он устроил библиотеку, какой могли позавидовать даже Мыслитель и Социолог. Одну его статейку в каком-то сборнике перевели на какой-то западный язык. И хотя на статейку никто не обратил внимания, Кис этим очень гордился. И когда жаловался на тяжкое положение ибанской творческой интеллигенции, обычно говорил, что вот, он, ученый с мировым именем, никак не может получить разрешение на расширение дачного участка.

В том, что он -- порядочный, умный и образованный человек, Кис был убежден на все сто пять процентов. А так как он был вне всякого сомнения порядочнее, умнее, и образованнее всех остальных, включая Мыслителя (чревовещатель!) и Социолога (болтун!), то свою уверенность он воспринимал как общепринятую, что более или менее соответствовало действительности (всем известно, среди какой мрази нам приходится жить!). За исключением незначительных пустяков, о которых не стоило бы упоминать, если бы они не были столь незначительными. Однажды, еще в те времена его приятель, активный работник, обвинил Киса публично в том, что тот в знак протеста против справедливых акций в отношении врачей-отравителей сделал обрезание. Клеветник посоветовал Кису пойти в соответствующую организацию и показать свой мощный аргумент, опровергающий обвинение. Кис покрылся красными пятнами и заикаясь сказал, что он, к сожалению, этим аргументом воспользоваться не может, Клеветник сказал, что в таком случае надо готовиться к худшему. И вот тогда-то Кис наделал в штаны и написал длинное письмо, в котором выдал всех. В том числе и Клеветника.

Но, несмотря на выдающиеся успехи в науке и благополучие в быту, Кис постоянно пребывал в состоянии раздражения и справедливого гнева. Дело том, что в их кругах как-то незаметно и понемногу стали говорить о каких-то идеях и работах Клеветника. Работ Клеветника Кис, разумеется, не читал. Зачем тратить драгоценное время на ерунду! Клеветник учился и работал в тех же местах, где и Кис (за исключением краткого десятилетнего перерыва), а в

таких местах появление чего-то значительного (и Кис это очень хорошо знал) было исключено априори. Если уж даже он сам, Кис, не смог сделать ничего такого, на что обратили бы внимание Там (а все значительное может быть только Там, и все, что Там, то значительно!), так уж Клеветник не мог сделать этого тем более. И если Там переводят его работы и говорят о нем, то это -- нездоровое явление, имеющее явно идеологический или даже политический характер. Неужели начальство не понимает этого? Надо при случае сказать об этом честно, прямо и открыто. И Кис написал закрытый донос.

Неожиданно произошло событие, поставившее точки над "и" (как красиво потом выразился Мыслитель). С группой сотрудников Кис попал на симпозиум туда, куда был приглашен, но не был выпущен (из-за письма Киса) Клеветник. И им по этой причине пришлось пережить неприятности. Скандал замяли. Но решение поставить точки над "и" обрело действенные формы. С этим пора кончать, сказал Кис. С тем, что в отношении Клеветника пора принять меры, согласны были все. Но никто не решался взять на себя инициативу. Теперь эта проблема была решена. Вернувшись с симпозиума, Кис сделал доклад, в котором осветил огромную работу нашей делегации и вскользь упомянул имя Клеветника, считая его поведение непатриотичным и нетоварищеским. Претендент предложил доработать доклад и дать в Журнал. Воодушевленный успехом, Кис начал собирать материалы. И впервые после многих лет он почувствовал, что, хотя он и бесполезен для общества, зато необходим.

ОБ АБСТРАКЦИИ ИНДИВИДА

Для тебя элементарный социальный индивид -- бесструктурный шарик, говорит Мазила. Но ведь реальный индивид не таков. Он имеет отростки в прошлое (предки, прошлые события его жизни), в будущее (дети, замыслы) и в пространстве (связи с другими людьми). Попробуй, вырви меня, например, из общественной среды, и я потяну за собой тысячи всякого рода нитей. Ну и что, говорит Шизофреник. Начни строить науку, и сам убедишься в том, что без моей абстракции ничего не сделаешь. Как ты будешь учитывать свои нити? Придется, очевидно, ввести какие-то термины и рассматривать обозначаемое ими в качестве признаков индивидов. Так что будешь ты теперь индивиды рассматривать как гладкие шарики или бесформенные образования с множеством отростков, роли не играет. Набор-то признаков будет тот же самый. Суть дела не в образных представлениях (твердый шарик, уплотнение в сплошной среде, пластичное тело с отростками и т.п.), а в выборе исходных признаков и их зависимостей. У нас теория, согласно которой люди суть винтики, клеточки, ячейки и т.п. сложного механизма общества, официально осуждена, сказал Мазила. Не теория, а идеология, сказал Шизофреник. Осуждена официально, а практически это банальный факт. Тем самым заранее вообще исключается возможность научного подхода к проблемам общества. Стоит заикнуться, как тебя сразу окунают в трясину идеологии и держат так до тех пор, пока ты не околеешь в качестве ученого. Плюс к тому -- обывательские предрассудки. Я же вижу, что даже для тебя мои рассуждения суть лишь более или менее забавное развлечение. А представляешь, как на них реагируют все наши общие друзья? Страшно подумать.

НОРМАЛЬНОСТЬ НЕЛЕПОСТИ И НЕЛЕПОСТЬ НОРМЫ

Вот смотри, показал Клеветник Мазиле свою книгу, изданную на английском языке. Посмотри цену. Умножь на тираж. Приличная сумма, А валюта государству во как нужна. В свое время можно было издать книгу на английском языке здесь и продать за границей. Вся эта сумма досталась бы нам. Отказались. Коллеги книгу забраковали как не соответствующую уровню. Еще бы, разве они могут допустить, чтоб) популярность Клеветника там выросла! Да и гонорар мог получить, что тоже недопустимо. Ладно, бог с ними. Одно издательство там предложило одной нашей организации заключить договор на издание этой книги. Государство получило бы валюту. Правда, меньше, чем в первом случае, но все же получило бы. И мне кое-что перепало бы. Организация обратилась за советом в наше учреждение. Друзья написали погромную рецензию, и сделка не состоялась. А книгу все равно издали. Только государство уже ни копейки не получит.

Я тебе расскажу еще более смешной случай, сказал Мазила. Один иностранец решил купить мои гравюры вполне по закону. Предложил по сто рублей за штуку. Наши отказались. Потребовали двадцать пять. Иностранцу невыгодно покупать дешево, ибо для него это -- вклад капитала. Чем дороже купит, тем дороже продаст. А почему наши настаивали на двадцати пяти рублях, ты можешь понять? Нет, сказал Клеветник. Очень просто, сказал Мазила. Дело в том, что самые дорогие наши академики продаются не дороже двадцати пяти рублей. И допустить, чтобы какой-то Мазила, нетитулованный, ненагражденный, продавался дороже, они ни в коем случае не могут. Чем же кончилось, спроси Клеветник. Сделка не состоялась, сказал Мазила. Я как-то подсчитал, сколько государство могло на мне заработать. Хотя Шизофреник мне вроде бы все объяснил с исчерпывающей ясностью, я все равно не могу понять чудовищной бессмысленности такого рода явлений.

Стали говорить о положении творческой интеллигенции и, естественно, сравнивать. Клеветник сказал, что он зарабатывает меньше, чем машинистка-стенографистка там, и профессор его ранга там зарабатывает раз в двадцать больше. Мазила сказал, что все у него с удовольствием берут в качестве подарка рисунки, а покупать не хотят даже за гроши. Болтун сказал, что разговор вследствие обилия выпитого принял нелепый сумбурный характер и призвал к ясности. Много ли профессоров такого ранга, как Клеветник, в наших кругах? Один. Других нет. А остальные? Остальные, имеющие степени и звания, живут не так уж плохо. А если учесть, что они -- дерьмо по сравнению даже со своими титулами, они живут превосходно. Много ли у нас таких художников, как Мазила? Один. Как живут прочие? Это все ясно, сказал Мазила. Я не об этом. Так о чем же, спросил Болтун. Не покупают? Те, которые тебя ценят, денег не имеют и купить не могут. Те, которые деньги имеют, либо тебя не ценят, либо предпочитают по привычке получать даром, либо предпочитают гарнитуры и антикварные люстры и фужеры с вензелями Наполеона Первого или Николая Второго. Одним словом, никаких нелепостей нет. Нелепости здесь -- вы сами и ваши претензии. У нас нет претензий, сказал Мазила. Мы только удивляемся. Ваше удивление и есть нелепость, сказал Болтун. Вы живете в обществе одного типа, а питаетесь культурой общества другого типа. И работаете вы в этой

культуре. И критерии оценки своего положения берете оттуда. Вы здесь исключение, а не норма. И потому все нормальное по отношению к вам выглядит как нелепость. Вы здесь чужие, а хотите, чтобы к вам относились так, будто вы есть добродетель этого общества. Почему Клеветник должен жить лучше, чем Социолог или Претендент? Потому, что он выдающийся ученый, а те -- ничтожества? Ерунда. Кто определяет, какие они ученые? По нашим критериям Социолог и Претендент -- выдающиеся ученые, а Клеветник -- неплохой, серьезный и т.п. ученый, но рангом пониже. Кроме того, Социолог и Претендент ездят в командировки, заседают в комиссиях, советах, президиумах. Ходят к Помощникам и даже Заместителям. Короче говоря, они функционируют, а Клеветник лишь гнет спину над бумажками, которые никому здесь не нужны. С ним поступают великодушно, поскольку его терпят. И это для него тут высшая награда. И для Мазилы тоже. Поймите же, в конце концов, что все, происходящее с вами, закономерно. Это не есть всеобщее явление, ибо вас мало. И случаев таких мало. Это закономерное явление. Явление может быть закономерным, т.е. быть следствием действия законов данного общества, если даже оно вообще беспрецедентно. Более того, законом общества данного типа является тенденция к тому, чтобы такого рода исключительных явлений, как Клеветник и Мазила, вообще не было. Замечу между прочим, что АС есть нормальное проявление жизнедеятельности данного общества, хотя к нему и относятся как к врагу. А вы -- отклонение от нормы, хотя к вам и могут относиться как к своим или быть безразличными. Такого рода факты путают общую картину нашей жизни, загоняя в один лагерь качественно разнородные явления.

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Социальное действие (поступок) есть действие индивида, обладающее такими признаками, писал Шизофреник. Это есть действие по отношению к другому индивиду или к другим индивидам, так или иначе затрагивающее их интересы. Во-вторых, это есть действие сознательное. Индивид при этом отдает себе отчет в том, к чему приведет его действие для определенных или каких-то индивидов. В-третьих, это есть действие свободное, т.е. индивид волен осуществлять или не осуществлять его. Наконец, индивид осуществляет это действие в своих интересах.

Уклонение от действия также может быть социальным действием. Действие индивида по отношению к себе является либо неявно действием по отношению к другим (к неопределенным, возможным, любым индивидам), и тогда оно есть социальное действие (например, самосожжение), либо индикаторным действием, имеющим целью показать окружающим, что из себя представляет индивид, определить свое лицо в глазах лиц, в которых индивид заинтересован. И в этом случае оно также есть действие по отношению к другим, т.е. социальное действие. К числу таких действий относятся часто встречающиеся действия, которые можно обозначить как действия "Я готов на все, что вам угодно", "На меня можно рассчитывать", "Я с вами не хочу иметь дела" и т.п.

Обычно социальное действие сразу приносит результат и исчерпывает себя. Случаи, когда кажется, что действие осуществляется с перспективой на длительное время вперед (иногда -- на годы), либо социальными действиями не

являются, либо оцениваются как перспективные лишь постфактум, либо имеют неявные результаты, исчерпывающие их. Впрочем, этот вопрос для социологии интереса на представляет.

Что заставляет индивидов осуществлять те или иные социальные действия? Обычно в таких случаях говорят о целях и мотивах действий. Но я такой подход принципиально отвергаю как бессмысленный. Люди осуществляют социальные действия в силу социальных законов. И никакой более глубокой основы социальные действия не имеют. Что же касается целей и мотивов, то они относятся к действиям людей совсем в ином, несоциологическом плане, в частности -- в психологическом. С точки зрения социологической, они суть лишь маскировка социальных законов для себя и других. Возьмем такой пример. Человек А выступает на собрании и критикует В. Для себя он мотивирует свой поступок как заботу о В, как желание помочь ему встать на путь истинный. Кто-то другой оценивает поступок А как заботу о себе (выслуживается перед начальством). Третий оценивает поступок А как желание причинить В зло. А что имеет место на самом деле? Никакого "на самом деле" нет, ибо есть и то, и другое, и третье. Остается только общепринятость оценок, последнее слово, отсутствие оспаривающих, безразличие и т.п. Понятие цели здесь также неопределенно и пусто. Цель социального действия -- то, чего хочет индивид, осуществляя это действие. Но человек к себе относится часто как к постороннему наблюдателю и обманывает себя так же, как и окружающих. Кроме того, даже тогда, когда он осознает, что хочет причинить другим людям зло, он не отдает себе отчета в том, что относится к ним по социальному закону, заставляющему индивида делать все, чтобы ослабить социальные позиции своих собратьев. И что есть его цель на самом деле, установить в принципе невозможно.

Если индивид в некотором социальном действии по отношению к каким-то индивидам использует другого индивида в качестве посредника или средства этого действия, то этот индивид выступает для него не кав социальный индивид, а как любое другое средство (как нож, ружье, дубина и т.п.). Его действие по отношению к нему не есть социальное действие (если, конечно, этот индивид есть только средство). Такого рода случаи образуют одно из неконтролируемых направлении возникновения неожиданных последствий социальных действий. В частности, желая причинить кому-то зло, индивид может причинить другому индивиду добро, используя его в качестве посредника, ибо в этом случае поступок совершается не по социальным законам.

Люди совершают огромное число социальных действий. Последние различаются по степени важности их для лиц, на которых направлены действия. Ко многим из них люди привыкают, не замечают их, не придают им большого значения. Таковы, например, оскорбления людьми друг друга в местах скопления (в очередях, в транспорте), грубости продавцов в магазинах, намеренное задерживание посетителей в учреждениях, хамство всякого рода начальников, уверенных в безнаказанности, и т.п. Другие играют более заметную роль в жизни людей, влияя на их судьбы существенным образом. Таковы, например, предательство, ложный донос, удар в спину и т.п. Каждый индивид обладает более или менее устойчивой сложившейся в его индивидуальном развитии предрасположенностью совершать действия определенного типа, так что бывает возможно дать его поведенческую характеристику: двуличен, труслив, надежен, откровенен, мстителен и т.п. Но не всякая характеристика такого рода есть

характеристика социальная. Поскольку все индивиды подчиняются одним и тем же социальным законам, то социальная поведенческая характеристика индивида может содержать только чисто количественные и структурные свойства действий (говоря о структурных свойствах, я имею в виду, например, предрасположенность к действиям через посредников или без них). По этой причине нет и принципиально не может быть никаких объективно стабильных социальных оценок индивидов, кроме чисто количественных. И часто встречающиеся случаи, когда один человек высказывает о другом человеке различные и даже противоположные оценочные суждения, свидетельствуют не о какой-то порочности людей, а о том, что они суть лишь люди, и ничего более. Они поступают так в силу социальных законов, и угрызения совести их, как правило, не мучают.

Для двух или более индивидов имеет место социальная ситуация, если и только если каждый из этих индивидов совершает социальные действия в отношении других из них или сам является объектом действий Других (или то и другое), причем все индивиды осознают свое положение в этих действиях и положение других индивидов этой группы.

Прочитав этот отрывок рукописи Шизофреника, Социолог по забывчивости сунул его к себе в карман и унес домой.

СНИМУ КОМНАТУ

Вот уже много лет каждая осень для Клеветника начиналась с того, что он покупал бланки для объявлений и заполнял их таким текстом: одинокий ибанчанин научный работник снимет изолированную комнату в тихой квартире. Лица, сдававшие комнаты, по опыту знали, что жилец такого типа является наивыгоднейшим со всех точек зрения, и через несколько дней Клеветник находил комнату, вполне удовлетворявшую его сверхскромные потребности. Изучив за эти годы фактически существовавшую неофициальную систему сдачи комнат. Клеветник был потрясен следующими обстоятельствами. Снимающие платят за комнаты (и квартиры) огромные деньги. Число снимающих колоссально. В результате буквально сотни миллионов рублей перераспределяются в обществе, минуя официальную финансовую систему. Произведя несложные расчеты, Клеветник установил, что несколько десятков упрощенных гостиниц с повышенной оплатой окупились бы за несколько лет, приносили бы государству огромный доход и облегчили бы людям существование. Об этом он рассказал у Ларька. Член пришел в сильнейшее возбуждение. Болтун, как всегда, быстро разрушил иллюзии и посеял разочарование. Во-первых, сказал он, кому и как будут сдавать номера. Кому угодно? У нас этот номер не пройдет. Номера будут сдавать лицам, которые и без этого более удовлетворены гостиницами, -- командировочным и за взятки. А тем, кто снимает частным порядком, в большинстве случаев в гостиницу попасть не удастся. Разошелся, например, человек с женой. Дома метраж достаточный. Почему ему предоставлять гостиницу? Разводитесь и делитесь. И лица, снимающие комнаты сейчас, будут это делать по-прежнему. Во-вторых, такая система гостиниц противоречит принципу прикрепления человека к месту (паспортному режиму, скажем так) и принципу зависимости жилищных условий от социального положения индивида. Такая гостиничная

система будет увеличивать степень независимости (или, лучше сказать, ослаблять степень зависимости, так как говорить тут о степени независимости смешно) индивида от общества, что противоречит социальным законам этого общества. Наконец, в случае реализации Вашего проекта фактически никакой экономической выгоды не получится. В своих расчетах Вы не учитываете факторы социальные: если у нас сообщают, что строительство дома обошлось в миллион, то читайте это так, что разбазарили по меньшей мере два. Затем штаты. Умножьте Ваши цифры на три. Ремонт, -- а ремонтировать здания нужно будет еще до сдачи их в эксплуатацию. Цифры по амортизации умножьте на три или, лучше, на пять. Наконец, система управления. Над Вашими комплексами гостиниц вырастет такая система руководящих лиц, бухгалтерии, контор и т.п., что от Ваших сверхприбылей не останется ни копейки. И будет Ваша система жить по общим законам нашего общества так, что Вам даже в голову не придет мысль рассматривать ее как реализацию своей утопии. Клеветник поднял руки в знак капитуляции. С таким блестящим умом, как у Вас, сказал он Болтуну, Вам надо бы руководить крупными делами. Ерунда, сказал Болтун, для руководства нужны совсем иные качества. Спросите Шизофреника. Он в этом деле кое-что смыслит. Член сказал, что он все же этой проблемой займется.

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ

Жизнь, читал Инструктор, дана человеку один раз, сказал Литератор. Неизвестно, что будет с нами завтра. И пропадут наши наборные мундштуки, ножи и запасы сахара. Есть идея: устроить выпивон. У меня в городе есть баба знакомая, она все обделает. После получасовой дискуссии все выложили свои резервы, и один из караульных отправился вместе с Литератором к его бабе. Та, сверх всего прочего, подкинула мешочек домашних пышек. Выпивон получился необыкновенный. Такое единение людей им уже не пришлось видеть потом никогда. Патриот, успешно сачковавший на свободе за счет художественной самодеятельности, читал с выражением "Балладу". Особенно здорово у него получились места, посвященные караульной службе.

И в неделю пару раз
В караул гоняют нас.
До развода нам морали
Пуда на два прочитали.
Старшина потом приходит.
Ту же музыку заводит.
И чего, великий боже,
Часовой ему не должен!
Должен бодрствовать, не спать.
На посту как штык стоять.
Вот окончился развод.
В караул идет народ.
Карнача карнач сменяет.
"Как делишки?", вопрошает.
Руки жмут. Цыгарки крутят.
Над начальниками шутят.
Первый молвит: "Я тебе,
Братец, верю, как себе!".

Когда Патриот дошел до описания сцены смены караула, прибежал дежурный

по роте и призвал к тишине. Уходя, он сказал: "Живут же люди!".

Смена боком, по кустам,
Разбрелася по постам.
Звезды на небе блестят.
В карауле мирно спят.
Вся земля кругом уснула.
Спит начальник караула.
Огоньки горят вдали.
Рядом воют кобели.
Их с постов мои солдаты
Трехэтажным кроют матом.
Небосклон прозрачен, чист.
Вдруг раздался страшный свист.
Часовые все в тревоге:
Кто-то прется по дороге.
Разводящий сгоряча
Кроет матом карнача:
"Поднимайся, идиот!
Поверяющий идет!".

Далее шла живописная сцена подготовки караула ко встрече поверяющего, и глава заканчивалась так:

Поверяющий приходит
И порядочек находит.
Пишет в ведомости: "Тут
Службу бдительно несут.
Часовые на постах.
В карауле чистота".

Уклонист сказал, что это -- типичный пример расслоения общества на информативно автономные группы. Представители таких различных групп живут вроде бы вместе. Даже жрут в одной столовой и ходят в один сортир. А того, что называют правдой или истиной, они друг о друге не знают и знать не могут. Знание правды в таких случаях социально наказуемо для всех, и потому все ее скрывают. Поверяющий не заинтересовал в том, чтобы в части было Чрезвычайное Происшествие из-за того, что какой-то Ибанов дрыхнет на посту на бензоскладе, а Ибанов не заинтересован в том, чтобы его застукали за этим занятием. Правда в таких случаях вылезает наружу лишь в исключительных случаях, когда ее нельзя замять. И расценивается она не как обще нормальное положение дел, а как из ряда вон выходящее ненормальное исключение. Нормальная общественная жизнь сплошь состоит из таких сокрытий правды. Часовой сказал, что по его наблюдениям часовые почти всегда спят на посту. Он, во всяком случае, спать начал с первого же раза. Он спал даже у полкового знамени. Неудобно было -- ноги все время подкашивались и винтовка имела тенденцию вывалиться из рук. Но все равно спал. И никогда не попадался. Тут, надо полагать, в хромосомах заложена какая-то программа: никто не учит, как нужно правильно спать на посту, а все сразу же умеют это делать. Перед войной он служил на самой границе. На соседнем посту стоял бдительный кретин и во всю бодрствовал. Так его диверсанты прирезали. А он хорошо спрятался и уснул. Так его, оказывается, диверсанты не нашли, и он остался жив. Кто-то спросил, почему же он не проснулся. Часовой сказал, что

врожденная программа, о которой он говорил, рассчитана лишь на своих -- на разводящего, карнача, поверяющего и т.п. Мазила сказал, что можно установить на постах подсматривающие устройства, например, телевизор, и тогда не поспишь. Уклонист сказал, что это ничего не меняет, так как в качестве тайного средства телевизор недоказателен и подобен доносу, а в качестве официального средства он известен, и потому его можно обмануть. И потом, дело тут совсем не в технических возможностях наблюдения. Тут сказывается ситуация, в некотором роде противоположная ситуации в квантовой механике. В квантовой механике неизвестно, что происходит на самом деле, а утверждения об этом неизвестном можно доказать официально признанными методами. Тут же, наоборот, всем известно, что происходит на самом деле, а утверждения об этом невозможно доказать официально признанными методами. Вы что, не знаете разве, во сколько раз больше нас по стоимости потребляют сильные мира сего? А поди докажи. Мазила сказал, что у них был такой случай: бросали с парашютом, один курсант сдох в воздухе от страха, а когда хоронили, на гроб положили ленту с надписью "Безумству храбрых поем мы славу!". Интеллигент сказал, что надо учитывать переход правды во вранье, что, наверно, тоже заложено в генотипе. Вот, например, Литератор в будущем романе напишет: у сортира стояли ломы и лопаты, и это свидетельствовало о том, что тут работают, Но он умолчит о том, что работают плохо. А на самом деле, тут даже не столько работают, сколько плохо. Мерин добавил, что в обсуждаемой проблеме есть еще один аспект, -- оценочный. Старшина, например, для Сачка -- зверь, а для себя -- загнанная лошадь. Сачок для Старшины -- паразит, а для себя -- жертва травли и несправедливости. Когда люди говорят о житейской правде, то имеют в виду не какую-то объективную и беспристрастную истину, а некую справедливость, да еще в своих сугубо личных интересах. Интеллигент как наиболее трезвый (он совсем не пил) сказал, что так ни до чего ясного не договоришься, и предложил прекратить разговорчики. А в общем-то спор пустой, а проблема примитивная, сказал он Мерину. Истина -- то, что считается истиной.

ПРИЕМ У СОЦИОЛОГА

Вернувшись из очередной заграничной командировки и написав отчеты для Лаборатории и Института, Социолог устроил грандиозный прием. Были приглашены Претендент, Мыслитель, Сотрудник, Литератор, Художник, Шизофреник, Клеветник, Карьерист и многие другие. Поводов для приема было несколько. Во-первых, Социолог был в такой командировке в какой никто из приглашенных еще не был и вряд ли будет. Помимо разнообразных умопомрачительных вещей (джинсы, порнографические открытки, книги запрещенных здесь писателей и т.п.), Социолог привез впечатления и стремился их выложить во всеуслышание. Во-вторых, он наконец-то закончил меблировку новой квартиры, которую он, в отличие от большинства представителей творческой и прогрессивной интеллигенции (за исключением Претендента, Мыслителя, Литератора, Художника и кое-кого других), получил на службе за заслуги, а не купил в кооперативе. В квартиру были вложены огромные деньги. Два гарнитура мебели по четыре тысячи, один гарнитур за полторы тысячи, прочая мебель поштучно из

комиссионных магазинов, три хрустальные антикварные люстры, около сорока антикварных подсвечников, несколько распятий, полтора десятка икон, более десяти комплектов книжных полок, битком набитых заграничными книжками, и прочая и прочая и прочая. Социолог хотел было купить у Мазилы одну гравюру за двадцать пять рублей, но у него случайно не оказалось с собой денег, и Мазила подарил ему на новоселье пару гравюр по полторы сотни каждая. Все это великолепие надо было показать. Правда через это великолепие было практически невозможно пробраться в спальню, и та почти всегда пустовала. Но это мало беспокоило Социолога и Супругу, так как они в основном жили и работали на бесплатной даче, предоставляемой им Институтом на время написания отчетов и в коротких промежутках между ними. Но главным достоинством квартиры Социолога был дом, в котором она помещалась. Когда Социолог, гладя бороду и любуясь на себя, небрежно сообщал, где он получил квартиру, все делали круглые глаза и говорили "ого". Над квартирой Социолога жил Чемпион, а под ним -- Испытатель. У Чемпиона каждый вечер гремела музыка и топали так, что у Социолога тряслись хрустальные подвески в люстрах, а Испытатель поносил все на свете и в особенности наши порядочки с такой ужасающей силой, что подпрыгивали многочисленные подсвечники, а иконы и распятия начинали угрожающе раскачиваться. Но это не раздражало Социолога и его Супругу, а наполняло их сознанием своей значительности и причастности к высшим сферам. В-третьих, Супруга Социолога сшила по рисунку крупнейшего в Ибанске Модельера необыкновенное платье, заплатив за рисунок тысячу рублей, за шитье пятьсот рублей, за марлю (платье было из марли) пятерку и за раскраску марли масляными красками пятьсот рублей. О платье в Ибанске ходили противоречивые слухи, и чтобы внести в эту проблему ясность и определенность, платье было решено продемонстрировать публично. Стол был завален едой из закрытого распределителя. Шизофреник, увидев в огромном количестве красную и черную икру, севрюгу, судака, салями и прочие вещи, названия которых он не знал, спросил, настоящее ли все это. Болтун сказал, что он считал такие продукты давно вымершими ископаемыми. Вечер прошел непринужденно, весело и, как заметила Супруга, содержательно. Социолог говорил о том, на сколько порядков выше уровень жизни Там и как жалко мы выглядим в сравнении с ними. Супруга говорила, что Мы должны вместе. Нам нужно сообща. Мы должны Их. Претендент говорил, что Они невежды, реакционеры, хапуги и карьеристы, приводил примеры и излагал планы. Из его слов было убедительно ясно, что если Претендент не станет Директором, Мыслитель -- Редактором, Социолог -- Корреспондентом, Супруга -- Руководителем, а все присутствующие -- начальниками, заместителями, помощниками и сочувствующими Нам, то все достижения и успехи пойдут прахом, и цивилизация не сможет подняться на еще более высокий уровень. Мыслитель сидел, закинув одну вельветовую штанину на другую, подперев лысину пухлой ручкой с грязными ногтями и иронически усмехаясь. Было много вина, анекдотов, шуток, сплетен слухов. Говорили о тряпках, о мебели, о внутренней и внешней политике Поносили всех отсутствующих. Литератор рассказывал анекдоты про Заведующего. Однажды, говорил он, когда хохот и крик немного стихли, к нему постучали. Он подошел к двери, нацепил очки, вынул бумажку из кармана и зачитал: "Хто там". Сотрудник стал рассказывать о неизвестных фактах и известных мерах. Социолог сказал, что несмотря ни на что, Мы на целую голову выше Их в духовном отношении. У нас духовная драма, у Них нет.

Они с жиру бесятся, а Мы в нищете, хотя по уровню внутренней духовной культуры мы дадим Им сто очков вперед. Супруга сказала, что ей в последнее время приходит в голову мысль о том, что таинственная для Них (а не для Нас, конечно) ибанская душа есть результат полного непонимания Ими конфликта нашей богатой духовной жизни и бедных условий нашего существования, а не смешения Востока и Запада. Шизофреник и Клеветник потихоньку смылись. Какой-то кошмар, сказал Шизофреник. Они и нас с тобой зачисляют в свое Мы. А этой зажравшейся дуре, видите ли, мысли приходят в голову. Только куда они потом деваются? Неужели они свои идиотские бредовые сочинения в самом деле считают мыслями? Разумеется, сказал Клеветник. Как никак, это -- наша интеллектуальная элита, духовные вожди нашего общества. А насчет таинственной ибанской души она недалека от истины. Только с небольшим коррективом, сказал Шизофреник. Представь себе, что мозговые клетки -- это человечки со всеми социальными свойствами, связями и отношениями. И ведут эти человечки себя так же, как и мы. Так что ибанская таинственная душа -- это лишь ибанский общеизвестный бардак, возведенный в энную степень, перенесенный в ибанскую голову, но не преобразованный в ней. Труднее всего разгадать тайну, которой нет, сказал Клеветник. Скучно.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Социальная группа есть скопление из двух и более социальных индивидов, писал Шизофреник. Но не всякое такое скопление есть социальная группа. Во-первых, это есть скопление индивидов, вынужденное более или менее постоянными условиями их существования. Так что это скопление достаточно прочное и длительное и не является социальной случайностью для индивидов. С этой точки зрения скопление людей в автобусе и пьяниц у Ларька само по себе еще не есть социальная группа. Во-вторых, это есть скопление индивидов, само, в свою очередь, являющееся социальным индивидом. В нем имеет место разделение функций, и в первую очередь -- разделение индивидов на часть, образующую тело группы, и часть, образующую ее руководящий (господствующий) орган. В отличие от элементарного социального индивида здесь тело индивида и его руководящий орган сами состоят из индивидов. Отсюда и рождается все то, что подлежит вниманию социологии.

Социальные группы разделяются на простые (первичные) и сложные (производные). Первичная группа имеет, как правило, небольшие размеры. Наиболее часто встречающиеся группы такого рода не превышают десяти человек. Руководящий орган состоит из одного индивида -- руководителя. Случаи, когда здесь имеет место отклонение от нормы, рассмотрю ниже. Все члены группы социально равны (равны по социальному положению). Ни один из них не является руководителем по отношению к другому. И все они находятся в одинаковом отношении руководимых к одному и тому же руководителю. Имеющая место тенденция к образованию внутри первичной группы более мелких объединений иногда ведет к образованию групп, которые я называю квазисоциальными (даже из двух-трех человек). Но это не есть общее правило. И кроме того, если первичная группа не достигла размеров, превышающих критические, эта тенденция не ведет к образованию социальных групп в собственном смысле

слова.

Производные или сложные социальные группы образуются из индивидов, которые сами являются группами. Здесь образуется целая иерархия производных групп различных рангов. Определение ранга группы: 1) первичная группа имеет нулевой ранг; 2) если группа А имеет ранг n и при этом она есть индивид, непосредственно входящий в группу В, то группа В имеет ранг (n+ 1). Замечу, что группа А непосредственно входит в группу В, если в группу В не входит такая другая группа, в которую входит А. Например, отделение в армии входит непосредственно во взвод, но не входит непосредственно в роту, батальон, полк и т.д.

Социальные группы различаются как спонтанные и официальные. Пример первых -- банда грабителей, объединение революционеров, объединение ученых, заинтересованных друг в друге, не зависящее от научных организаций. Пример вторых -- отделение, взвод и т.д. в армии, сектор и отдел в научно-исследовательском институте, кафедра в высшем учебном заведении и т.п. Официальные группы суть социальные группы, признаваемые и поощряемые в данном обществе. Взаимоотношения упомянутых типов групп многообразны. Группа может возникнуть как спонтанная и затем превратиться в официальную, и наоборот. Группа может функционировать одновременно как спонтанная и официальная (например, использование официальных учреждений бандами жуликов, особенно -- в торговой сети). Спонтанная и официальная группы могут накладываться друг на друга, пересекаться, на время совпадать и расходиться и т.д. Например, система официальной власти в стране может лишь частично совпадать с фактической, которая образует спонтанную группу. Причем они могут иметь одного и того же лидера, и официальный лидер здесь может стать лидером спонтанной группы только потому, что он официальный лидер. Между этими группами имеют место существенные различия. Например, в спонтанных группах на роль руководителей (лидеров) выталкиваются часто наиболее авторитетные из членов группы лица (авторитетные с точки зрения той формы деятельности, которая является основой образования группы), тогда как в официальных группах руководитель назначается или "выбирается" (в общем, отбирается) по иным параметрам. Официальные группы имеют, в свою очередь, тенденцию к перерождению в спонтанные. Например, в руководстве учреждением устанавливаются такие личные связи ("семейственность"), что оно превращается в клику или организацию гангстерского типа, в которой члены оказываются объединенными круговой порукой. Поскольку при этом сохраняется официальная структура группы, не совпадающая со структурой этой же группы как спонтанной, неизбежны различного рода следствия, представляющиеся непонятными на внешний взгляд (цинизм, пошлость, хамство, продажность и т.п.).

Надо различать, далее, социальные и производственные группы. Различение это произвести достаточно строго трудно, поскольку социальные группы складываются для какой-то деятельности, а производственные группы накладываются на социальные (содержат и поглощают их). Но потому тем более здесь различие провести надо. Производственные группы складываются не только (а порой даже не столько) по законам образования социальных групп, но и по законам того или иного вида деятельности, на том или ином исторически данном материале, как результирующая длительной борьбы людей и т.д. Приводя примеры производственных групп, приходится приводить те же примеры социальных групп

(воинское подразделение, цех, завод, институт и т.п.), но рассматривать их с иной точки зрения. Чтобы строить пирамиды, сложные системы искусственного орошения земель, каналы, военные дороги и т.п., нужны были объединения большого числа людей. Это -- производственный аспект дела. Но внутри этих объединений складывались социальные группы, и сами они в целом могли в какой-то более сложной связи функционировать как социальные группы. Короче говоря, в чистом виде социальные группы как таковые не существуют. Выделение их есть лишь абстракция, но абстракция вполне правомерная и даже необходимая в рамках науки. Производственные группы, став официальными объединениями, оказывают огромное влияние на социальную структуру общества. Благодаря им более устойчивыми становятся социальные группы, последние объединяются в сложные социальные группы и т.д.

Производственные группы также разделяются на простые (минимальные) и сложные. Я не буду рассматривать эту тему (это -- область политэкономии, социальной политики, права и т.п.) и ограничусь здесь лишь кратким замечанием. Минимальной производственной группой в современном развитом обществе является группа, обладающая такими признаками: она имеет свою господствующую (руководящую) группу, которая не подчиняется прочим членам группы, но подчиняет их; имеет свою бухгалтерию и кассу, т.е. в рамках этой группы люди получают вознаграждение за труд; имеет свои средства эксплуатации индивидов, т.е. в рамках этой группы люди получают возможность трудиться; имеет возможность (и даже право) включать индивидов в состав группы и исключать (в частности, нанимать и увольнять). Имеются и другие признаки (например, у нас -- свой партком, свой местком, право представлять квартиры, путевки, командировки, представлять к наградам или выдавать таковые и т.д.). Сложные производственные группы менее зависят от условий той или иной формы деятельности, но они зато более подвержены соображениям экономики, политики, идеологии и т.д. Так что усложнение производственной структуры общества затемняет его социальную структуру также по иным направлениям.

От социальных и производственных групп надо отличать социальные слои. В один и тот же слой могут попасть люди самой различной профессии, национальности, должности и т.п. -- например, определенного типа писатели и артисты, министры, ученые и даже спортсмены. Данный слой образуют люди определенного уровня и стиля жизни, вкуса, культуры и т.д. Между ними устанавливаются личные связи. Внутри слоя частыми становятся браки, преемственность профессий и т.п. Имеет место взаимная выручка (связи, блат, знакомство и т.п.). Слой создает определенное общественное мнение, свою локальную этику, жаргон, моду, сходную реакцию на события. Слои частично совпадают с профессиональными кастами. Имеют тенденцию к замкнутости. Существование слоев еще более деформирует социальный механизм общества. Но тип личности, складывающийся по законам социальности, оказывает существенное (порой -- решающее) влияние на внутрислоевые отношения людей.

Социальные группы всех рангов имеют критические минимальные и максимальные размеры (которые, впрочем, довольно подвижны, изменчивы и относительны). Социальные группы имеют тенденцию к увеличению размеров (как следствие принципа самосохранения и упрочивания социального положения) и тенденцию к дифференциации. Если размеры группы достаточно заметно возрастают сверх критических, группа дифференцируется. Первичная группа

делится на две подгруппы, которые имеют тенденцию стать первичными группами. Причем, если первичная группа по норме содержит шесть человек, для деления не обязательно нужно двенадцать. Увеличение группы даже до девяти человек может привести к делению и последующему пополнению группы до нормы. Внутри сложных групп так или иначе образуются первичные группы. Причины дифференциации первичных групп -- взаимное отталкивание индивидов, столкновение интересов и т.п., явления, об основаниях которых скажу ниже. Официальность удерживает первичные группы от распада даже в случаях, когда группа находится в рамках нормальных размеров. Сокращение размеров группы также ведет либо к ликвидации группы, либо к перестройке ее структуры (в частности -- к изменению ранговости).

Первичные группы можно разделить на примитивно первичные и рангово первичные. Различение их связано со следующим обстоятельством. Руководящий орган группы может состоять из одного человека (например, командир отделения в армии, заведующий маленьким сектором в научном институте) или из нескольких людей (например, штаб полка, дирекция института). Причем число людей управляющего органа может достигнуть таких размеров, что управляющая группа становится целостной социальной группой. Она обладает признаками первичной и, вместе с тем, члены такой группы занимают более высокое социальное положение, чем рядовые члены примитивных групп. Они несут на себе часть власти руководителя, суть частичные руководители. Между ранговыми и примитивными группами имеют место переходные формы (например, командир взвода, помощник его и командиры отделений образуют руководящую группу, но это еще не есть полноценная социальная группа, закрепленная официально). Управленческие группы в свою очередь могут быть сложными. Например, таковы штабы крупных воинских соединений, министерства, президиумы академий наук и т.п.

В сложном обществе (вроде современных больших государств) устанавливаются настолько разнообразные отношения между социальными группами и входящими в них индивидами, что описать эти отношения буквально практически немыслимо. И тем более проконтролировать (между прочим, это один из источников люфтов и мутаций). Но это практически и не нужно. Отмечу только одно любопытное явление. Начиная с некоторого момента официальные отношения подчинения теряют практический смысл, и социальные индивиды и группы, находящиеся официально в отношении господства-подчинения, оказываются социально равноправными или, во всяком случае, равнопрестижными, а иногда даже фактическое отношение становится обратным официальному. Было бы, конечно, интересно проследить, по каким принципам формируется реальная система власти в отличие от номинальной, но я сомневаюсь в том, что это кому-нибудь удастся осуществить на деле. Теоретические же суждения об этом выходят за рамки моего трактата.

Социальная группа в качестве социального индивида выполняет волю руководящего органа (руководителя, руководящей группы). Разумеется, это лишь тенденция, и в полной мере -- лишь идеал. Но это фактически имеет место, по крайней мере, в отношении некоторых действий. Социальные действия группы суть совокупные результаты действий ее членов. Интересы группы суть интересы некоторых членов группы, и прежде всего -- руководящих лиц. Общие и единые интересы группы -- миф, обман или пустая абстракция. В крайней случае это бывает в порядке исключения. В качестве общих интересов группы ее

руководство навязывает ей нечто внешнее интересам ее членов. Разумеется, при этом как-то считаются с членами группы, но -- лишь в минимальной степени. Это один из источников конфликтов и неконтролируемых последствий. Официальное воспитание людей стремится сделать так, чтобы индивиды внешние им интересы воспринимали как свои собственные (по принципам "Это делается для тебя", "Это твое учреждение", "Здесь ты хозяин" и т.п.).

Величины признаков группы как индивида устанавливаются путем измерения соответствующих признаков входящих в них индивидов и переработкой результатов таких измерений некоторым стандартным способом. Например, интеллектуальный уровень (или потенциал) группы выясняется путем измерения интеллектуального потенциала ее членов и последующего вычисления по принятой схеме (в частности, как среднеарифметическое интеллектуальных потенциалов членов группы). Здесь возможны варианты. Но есть и общие принципы, в рамках которых эти варианты должны умещаться. Например, группа не может быть умнее самого умного ее члена и глупее самого глупого ее члена (подобно тому, как скорость перемещения роты не превышает скорости самого быстрого солдата и не меньше скорости самого медленного). В общем величина некоторого признака группы есть стандартная функция величины этого признака ее руководства и остальных членов группы. Наиболее обычное явление -- признаки группы эквивалентны соответствующим признакам ее руководства.

ИСТОКИ РЕАЛИЗМА

Через пару недель после описанной выше истории, читал Инструктор, Интеллигент обнаружил у Литератора несомненный литературный дар и посоветовал написать что-нибудь для большой литературы. Он заметил кстати, что многие великие писатели начинали так же. Мильтон. Дефо. Бомарше. Ибанов. Вскоре Литератор написал рассказ "Стоим на страже". Интеллигент исправил орфографические и синтаксические ошибки, сохранив творческую индивидуальность автора, сказал, что Литератор станет наверняка лауреатом, только вот "Ефрейтор" тут зря, могут прицепиться. Литератор сказал, что он пишет не ради денег и славы, а что касается "Ефрейтора", то это литературный прием, гипербола. На губу Литератор попал как самозванный ефрейтор после того, как на весь гарнизон растрепал, кто скрывается под таким псевдонимом. Хотя рассказ Литератора приобрел хрестоматийную известность, его нельзя не привести здесь полностью. Вот он. В нашей энской части в энском подразделении произошел такой случай. Пошли мы на стрельбище. Курсант товарищ Ибанов по дороге отстал от строя. Командир взвода товарищ лейтенант Ибанов неоднократно приказывал товарищу курсанту Ибанову: "Курсант Ибанов, подтянитесь!". Но курсант Ибанов все отставал. В результате на стрельбище он стрелял только на три, тогда как остальные стреляли на четыре и пять. Товарищ лейтенант Ибанов объявил за это перед строем курсанту Ибанову два наряда вне очереди. Но тут пришел политрук роты товарищ старший лейтенант Ибанов. Он спросил курсанта Ибанова: "А почему Вы, курсант Ибанов, отставал от взвода?". Курсант Ибанов сказал: "А потому, что у меня сапоги на три размера больше положенного". Товарищ старший лейтенант Ибанов спросил тогда: "А зачем Вы выбрал такой большой сапоги?". Курсант Ибанов ответил: "А я умный. Скоро зима. Я наверну на ноги газеты, и ногам холодно не будет".

Товарищ старший лейтенант Ибанов сказал: "Молодец, курсант Ибанов!". И объявил курсанту Ибанову благодарность перед строем. Так наши товарищи начальники всесторонне и чутко воспитывают в нас нового всесторонне развитого человека. Ефрейтор. Много лет спустя Сослуживец встретился с известным Писателем Ибановым (Ибанов -- это литературный псевдоним; настоящая его фамилия -- Ибанов). Вспомнили ИВАШП. Про губу он забыл. Но первый свой рассказ помнил дословно. На прощанье он сказал: "Я немало наработал впечатляющих вешщиц, оставивших след. Но до такого уровня подняться не мог, сознаюсь. Что поделаешь, юность! А в юности мы все талантливее". Сослуживец говорил, что Литератор -- сравнительно безобидная тварь. Дальше кражи портянок, самоволок, выпивок и анекдотов он не пошел. Гораздо опаснее стукачи-мыслители. Они доносят не столько о делах и даже не столько о словах, сколько о мыслях и намерениях людей. Например, некто Ибанов говорит, что у них в сохозе ни черта на трудодни не дали. Стукач-мыслитель доносит, что Ибанов отрицает сохозный строй. Некто Ибанов говорит, что Враги дошли уже до Ибанограда. Стукач-мыслитель доносит, что Ибанов не верит в нашу победу. Стукач-мыслитель более образован и лучше замаскирован. На него трудно подумать. Он может спать с тобой под одним одеялом и писать на тебя доносы так, что тебе и в голову не придет на него подумать. Одно тут утешительно: главным объектом внимания стукачей-мыслителей становятся самые благонадежные граждане, кровно заинтересованные в улучшении существующих порядков и сравнительно компетентные в своем деле. Стукач-мыслитель должен не просто сообщить что-то очевидное с точки зрения начальства, а должен докопаться до некоей тщательно скрываемой сути дела. Его донос должен быть в некотором роде сенсацией, ибо стукач-мыслитель тщеславен. Потому и получаются кажущиеся парадоксы. У нас во дворе был пьянчуга, который, как напьется, так на всю улицу орет всякие враждебные лозунги. Его не тронули. А наш сосед с дореволюционным стажем как-то предостерег его, чтобы тот был поосторожнее. Его тут же замели. После реабилитации выяснилось, что донос на него написала переводчица с французского. Интеллигент, терпеливо выслушав взволнованную речь Сослуживца, произнес фразу, смысл которой он до сих пор не понял: "Так ему и надо. В другой раз умнее будет".

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Подлинная, читал Инструктор, наука рождается как обобщение опытных данных. Клеветник и Мерин ухитрились проникнуть в столовую в тот момент, когда там расставляли по столам кастрюли с кипящим супом. На глазах у оторопевшего дежурного и кухонного наряда они схватили по кастрюле, сожрали с молниеносной быстротой и смылись, так что потом дежурный не смог даже их опознать. На губу они ввалились довольные, с раздутыми до предела животами, изо всех дыр из них валил пар. Арестанты щупали по очереди их животы, одни завидовали удаче, другие восторгались отвагой, третьи делали теоретические выводы. Главное, говорил Паникер, выбор момента. Приди они туда на пять минут раньше -- нет кастрюль, а приди на пять минут позже -- нет супа. Тут, продолжил мысль Паникера Уклонист, есть еще один аспект, совершенно не

изученный в современной науке. Клеветник и Мерин проглотили по восемь порций горячего отвратного супа за тридцать секунд, а Патриоту и Литератору хватило бы сосать на сутки. В чем дело? Привычка? Воспитание? физиология? Ерунда! Это заложено в самой сути личности. Я берусь доказать, что скорость пожирания пищи человеком не зависит от температуры, твердости и степени отвратности пищи. Люди с самого начала резко разделяются на быстрожрущих и медленножрущих. И никаких промежуточных форм! И никаких биологических причин! Это чисто социальные характеристики, не имеющие никаких основ, но сами являющиеся элементами основ личности. Причем, эти характеристики роковым образом влияют на жизненную линию человека. Быстрожрущий, например, никогда не сделает серьезной карьеры. Самое большое -- командир роты, заместитель заведующего кафедрой, ученый секретарь отдела, помощник, референт и т.п. Видел ты когда-нибудь быстрожрущего Директора, Генерала, Академика, Министра? Мерин сказал, что он вообще еще ни разу в жизни не видел жрущего директора, генерала, академика и министра. Но с Уклонистом он согласен. Более того, он считает, что люди также четко разделяются на быстрокакающих и медленнокакающих. Причем, поносы и запоры не влияют на эти социальные характеристики личности. Они лишь по-разному протекают у разных категорий. Понос у быстрокакающего -- это нечто сравнимое со скоростью света, а запор у медленнокакающего -- это нечто ни с чем не сравнимое. Скажи, видел ты когда-нибудь быстрокакающего директора, генерала, академика и министра? Уклонист сказал, что это противоречит теории и потому невозможно. Интеллигент предложил дополнить человекологию, основы которой только что были заложены Уклонистом и Мерином, особым разделом, изучающим сортирную, казарменную и прочую стенографию. Паникер сказал, что все это давно есть, и называется это реакционным фрейдизмом. Человек -- совокупность общественных отношений. Все остальное -- вздор. Если хочешь знать, что из себя представляет человек, узнай, каково общество, в котором он живет. А как изучить общество, не зная человека, спросил Мерин. Очень просто, сказал Паникер, надо читать газеты. Интеллигент сказал, что качества человека как социального индивида действительно определяются тем, какую совокупность общественных отношений он способен вытерпеть. Но определяются не в смысле детерминации или генетической и функциональной обусловленности, а в смысле возможностей определения терминологии и способов измерения. Уклонист сказал, что такие тонкие дистинкции чреваты последствиями и потому никому не понятны. Пришел Старшина и торжественно объявил, что жить стало лучше, жить стало веселей. После обеда он освобождает арестантов от сортира и посылает на кухню чистить картошку. Поднялся невообразимый хай, из которого Старшина в конце концов понял, что арестанты из сортира вылезать добровольно не будут, но не понял, почему. Больше всех распинался Патриот. Он кричал, что он тут сидит не за что-нибудь такое, а за такое, за что другим ордена и чины дают. Старшина сказал:

"Вот психи", плюнул в раскаленную буржуйку и ушел. Это замечание Старшины дело основание историкам усмотреть в факте бунта арестантов первую вспышку массовой шизофрении, которая впоследствии стала нормальным явлением. Уклонист сказал после ухода Старшины, что происшедшее его не удивляет. Наоборот, было бы странно, если бы было иначе. Самая привлекательная сторона губного образа жизни -- именно отвратность труда. Произведение коэффициента отвратности и коэффициента производительности труда равно единице плюс-минус

альфа, где альфа есть некоторая характеристическая константа формации в пределах от нуля до единицы. Вот, например, работа в сортире. Дайте мне пару человек, пообещайте двойной обед, и мы за пару часов снесем его с лица земли. А так мы еще неделю проторчим в нем, если он сам по своей воле не развалится. Патриот сказал, что это буржуазные идейки. Вы по паре порций заработаете, а мы? Нас, выходит, вагоны грузить или картошку чистить погонят? Нет, не выйдет так. Интеллигент сказал, что историки либо обвинят Уклониста в клевете, что еще полбеды, либо обойдут его мысли молчанием. Паникер сказал, что есть еще третья возможность: обвинят в клевете и обойдут мысли молчанием. Уклонист сказал "Аминь", и арестанты двинулись на работу в сортир. В сортире на этот раз было особенно уютно. Вспоминали дом, мать, молоко. Друг другу говорили "Братцы".

ДЕЛО ГРУППЫ И ИНДИВИД

Группа образует целое для какого-то вида деятельности, для дела, писал Шизофреник. Частный случай дела группы -- руководство людьми. Между индивидом и делом группы имеют место разнообразные отношения. Укажу основные из них. Всякое дело -- это прежде всего люди, получающие за счет дела средства существования, социальное положение, карьеру и т.п. Не люди изобретаются для того, чтобы делалось дело, а дело делается лишь постольку, поскольку за его счет какая-то группа людей осуществляет свое социальное бытие. Основная социальная тенденция здесь -- делать любое дело максимально возможными силами, причем делать при этом максимально мало. Так что имеется определенный коэффициент социальности я больший нуля. Если по расчетам для некоторого дела нужно т человек, то фактически этим делом будет занято число людей, не меньше произведения т на я. По моим наблюдениям я часто достигает десяти и даже двадцати.

Нормальный индивид не живет интересами дела, а участвует в деле ради своих интересов. В порядке исключения индивид может жить интересами дела, предпочитая участие в деле укреплению своей социальной позиции и карьере, но и он при этом предполагает некоторый устраивающий его минимум. По опыту мне известно, что обычно этот минимум выше среднего уровня индивидов, занимающих такое же положение.

Социальное положение индивида не зависит от состояния дела, а последнее не зависит от первого. Индивид стремится сделать ход осуществления дела и его результаты максимально зависимыми от своего участия в нем. Группа стремится сделать ход осуществления дела и его результаты максимально независимыми от участия в деле того или иного индивида (ибо если индивид нужен, то он более защищен, а если он не нужен, он беззащитен; если ход дела не зависит от особенностей того или иного индивида, его можно заменить любым другим).

ШУТКА ЧЛЕНА

В студенческие годы, говорит Болтун, я подрабатывал лаборантом на кирпичном заводе. Завод производил скорее впечатление музея допетровских времен, чем современного предприятия. В связи с возросшей потребностью в строительных материалах было решено радикально модернизировать метод изготовления устаревшего кирпича. Создали специальную лабораторию. Пять докторов, пятнадцать кандидатов, пятьдесят будущих кандидатов и пара сотен лаборантов. Во главе член-корреспондент. Лаборанты должны были совать кучу новейших приборов во всевозможные дырки в допетровских печках и записывать результаты измерений в толстые книги. Ученые изучали эти книги и искали формулу. Работа, надо сказать, была противная. Обегать десять раз в сутки все приборы и записать показания. Ни минуты отдыха. И я уже собрался было удирать в другое место, как в голову пришла идея. А зачем, собственно говоря, бегать. Печка та же все время, Глина та же. Приборы те же. Методика отработана столетиями, и выжать из нее что-то еще новое абсолютно невозможно. Если бы можно было, наши деды и прадеды додумались бы до этого сами. Значит, решил я, и показания приборов будут все время примерно одинаковыми. Посмотрел я книги за пару дней и вывел средние показатели и допустимые отклонения. Теперь я приходил на дежурство, за полчаса заполнял книги на сутки вперед и ложился спать или готовился к экзамену. За пару дней мой метод стал общеизвестным и был принят на вооружение всеми лаборантами. Почти год так работали. Книги с нашими записями на специальных машинах увозили в лабораторию. Их там тщательно изучали. Наконец, формулу нашли. И в соответствии с ней устроили экспериментальную закладку печи. Вместо положенных по старому методу восьми часов обжигать решили четыре часа, но температуру увеличили в 1,375 раза, а влажность сократили в 1,578 раз. Цифры были еще более точные, но я их уже не помню. Через четыре часа печи вскрыли и выкатили тележки с кирпичами. Что произошло, невозможно передать словами. Это надо было видеть. Все кирпичи лопнули, но каждый -- на свой манер. Ни одной пары одинаковых фигур. А фигуры получились. Бог мой! Ни в одном музее нового искусства таких не увидишь. Я валялся и подыхал от хохота. Меня буквально отливали водой. Член-корреспондент брал кирпич за кирпичом, обнюхивал и выкидывал в кучу битья. Я умолял сохранить это для истории, на комиссия была неумолима. На другой день нас всех уволили. А через неделю набрали новых лаборантов три сотни, добавили еще пять докторов, пятнадцать кандидатов и пятьдесят будущих кандидатов и начали заполнять новые книги. Член-корреспондент стал Действительным Членом.

Это дело мне хорошо знакомо, говорит Карьерист. Лет пять мы производили сложные расчеты, полученные результаты передавали одному математику, который не имел степени, но только ему одному известными методами здорово решал сложнейшие нестандартные и неразрешимые задачи, тот делал свое дело, и потом все шло обычным путем. Этот математик подписал какую-то бумажку, и его уволили. Пришлось на его место создавать особую группу из кандидата и трех помощников. Но дело у них не клеилось, и пришлось группу превратить в сектор, назначить заведовать доктора, добавить еще трех кандидатов и пять квалифицированных вычислителей. Пока сектор решал теоретические проблемы, без чего, оказывается, вычисления на этом этапе невозможны, нам приходилось

невероятно сложными и дорогими путями выходить из затруднения. Через полгода сектор перерос в отдел. По проблеме появилась масса публикаций. Устроили симпозиум. Потом поехали на другой симпозиум. Издали сборник и стали поговаривать о специальном журнале. Как-то я от нечего делать решил посмотреть документацию уволенного математика. И глаза у меня буквально полезли на лоб. Он, оказывается, открыл тривиальную истину, что расчеты в этом звене вообще излишни и не влияют на последующие операции. И писал, что бог на душу положит. Я доложил об этом на Ученом Совете. Так меня чуть не сожрали. Разнесли как невежду, мракобеса, консерватора.

Член сказал, что эта тема его волнует давно. Он подготовил важный документ. С цифрами и аргументами. Он добился приема у Заместителя. И сегодня идет туда. Так что пить он сегодня не будет ни капли. Болтун спросил у Карьериста, как обстоит дело с его поездкой. Карьерист сказал, что отменили. Болтун сказал, что он всегда так думал. Если бы поездку разрешили, то он был бы крайне удивлен. Вы, молодой друг, напрасно впадаете в пессимизм, сказал Член. Помяните мое слово, пройдет немного времени, и все, о чем вы, молодые, мечтаете, разрешат. Всему свое время. Там тоже не дураки сидят. Они знают, когда и что можно. Может быть, и разрешат, сказал Болтун, только будут ли при этом те, кто захочет и сможет воспользоваться разрешением. Проблема не в том, что запрещают, а в том, что ничтожно мало тех, кто требует разрешения. Член впервые в жизни отважился на шутку. Уходя, он сказал, что если он не вернется, то пусть его считают беспартийным. Но эта его шутка была и последней.

ПРИЕМ У ЗАМЕСТИТЕЛЯ

Заместитель по собственному желанию принял Мазилу. Беседа длилась целый час. Художнику стало дурно от зависти, когда он узнал об этом. Этот новоявленный "гений", утешал себя Художник, не додумается использовать представившийся ему шанс в свою пользу. Скорее, наоборот. Мазила потом рассказывал Клеветнику, что беседа была в общем пустяковая. С дифирамбами, восторгами, обещаниями, намеками и, разумеется, просьбами. Но его поразила одна вещь. Представляешь, Заместитель, ни с того ни с сего начал мне жаловаться на то, как им там трудно. И рассказал такой случай. Был у него молодой сотрудник. Способный парень. Три языка знал отлично. Биография в полном порядке. Из крестьян. Видный. От природы тактичный, аккуратный, скромный. Заместитель стал его выделять. Продвинул, минуя одну ступеньку. К награде представил. Пришлось как-то Заместителю по делам отлучиться на длительное время. Вернулся -- нет парня. Спрашиваю, куда же он девался. Говорит, сожрали. Кто сожрал, спрашиваю. Говорит, крысы сожрали. И знаешь, что он мне сказал на прощанье? Я, говорит, ценю Ваше творчество. И я мог бы дать указание устроить Вашу выставку. Так дайте, говорю, что Вам стоит! Бессмысленно, говорит. Все равно ничего не выйдет. Вы же знаете свою систему. Знаю, говорю. Искусство всегда нуждалось в протекции со стороны власть имущих. Подлинное искусство само по себе беззащитно. Без Вашей защиты меня просто сожрут. С моей помощью, говорит, Вас тоже сожрут. Что происходит? Обнажаются рычаги нашей истории, сказал Клеветник. Мы живем в

удивительное время с точки зрения возможностей познания действительности. Все до предела обнажается. Помяни мое слово, в ближайшие годы со всей нашей жизни и со всех нас сдерут все наши шикарные лохмотья и будут нас разглядывать голенькими. Кто это сделает, спросил Мазила. Это уже делают, сказал Клеветник. Желающих будет достаточно. А материал на редкость интригующий. Поразительно, сказал Мазила. Жизнь каждого из нас по отдельности до омерзения скучна, сера, бессобытийна. А все вместе мы рождаем феномен, вылезающий в центр внимания духовной жизни человечества. В чем дело? Нездоровый интерес сытых? Не думаю, сказал Клеветник. Во всяком случае, не только и не столько это. Скорей всего начинают задумываться о себе. Предчувствие опасности. В конце концов, их будущая история решается здесь у нас. И сейчас. Даже уже вчера.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

По некоторым очевидным признакам Шизофреник понял, что писать долго ему не дадут, и потому торопился, писал фрагментарно, не отрабатывая деталей. Ему хотелось хотя бы в первоначальном черновом варианте довести изложение своих идей до логического конца и самому себе уяснить, что наблюдаемые вокруг явления, которые официально принято считать чужеродными, случайными, единичными отклонениями от некоей благородной добродетельной основы и сути, на самом деле, суть необходимые, закономерные, регулярные, всеобщие следствия, вытекающие из самой сути социального бытия людей в существующих в высшей степени благоприятных для этих явлений условиях. Каждый раз, запираясь в своей комнатушке на крючок, он молил судьбу подарить ему еще день, и лихорадочно записывал то, что непрерывным потоком шло через его голову. Мазила в последнее время куда-то исчез. Мастерская его была все время заперта, и накопившиеся страницы было некуда девать. Вчера его разыскал Социолог, что-то долго и невнятно говорил о ситуации, обещал в чем-то посодействовать и просил дать почитать трактат.

Социальные отношения суть отношения индивида к своей группе, группы к своему индивиду, индивида к индивиду в группе, индивида к индивиду вне группы по стандарту отношений в группе, индивида к обществу как социальному целому и общества к индивиду, писал Шизофреник. Отношение индивида и его группы характеризуется двумя величинами: 1) степенью зависимости индивида от группы; 2) степенью зависимости группы от индивида. Степень зависимости индивида от группы имеет тенденцию к максимальному увеличению (к максимуму), а степень зависимости группы от индивида -- к максимальному уменьшению (к минимуму). Первое реализуется в стремлении создать для индивида такую ситуацию, чтобы все, что он получает от общества, он получал бы в зависимости от группы; чтобы все, что он может и хочет отдать обществу, отдавал бы в зависимости от группы; чтобы поощрения и наказания контролировались группой; чтобы все производственное и внепроизводственное поведение индивида контролировалось группой и т.д. Когда различного рода правдоборцы и социальные критики утверждают, что не соблюдается принцип "от каждого по способностям, каждому по его труду", то это есть свидетельство детски наивного непонимания сути дела. От каждого по способностям -- это

отнюдь не пропагандистски-демагогическое раскрытие всех способностей (хотя бы потому, что в массе люди посредственны, что способности суть отклонения от средней нормы по самому определению смысла слова), а принцип, согласно которому от человека требуется то, что он должен делать в данном его положении. Каждому по труду -- это отнюдь не абсолютно справедливая доля продукта за фактически отданный труд, а доля продукта, который считается справедливым человеку в данном его положении. Это цена социальной позиции человека. Если бы труд измерялся действительно в соответствии с затратой физических и умственных сил, то в обществе имела бы место совсем иная система распределения, чем существующая. Дело в том, что ценность того, что именуют трудом, есть социальная ценность. И труд человека, занимающего более высокую социальную позицию, чем другой человек, априори ценится выше, чем труд нижестоящего. Начальник получает больше не потому, что он тратит больше физических и умственных сил, чем подчиненный, и что он сильнее и умнее подчиненного, а потому, что его социальная позиция по социальным законам считается выше социальной позиции подчиненного. И потому считается, что начальник трудится больше и лучше, чем подчиненный. Замечу кстати, что именно по этой причине всякие попытки развить научные методы измерения социальных качеств людей либо обречены на неудачу, либо допустимы лишь в профессиональных кругах под контролем начальства. Я несколько отклонился в сторону. Возвращаясь к идее, с которой я начал, следует сказать, что ситуация, в которой карьера, зарплата, квартира, путевки, детсад и т.п. зависят целиком и полностью от группы, не есть нечто случайное и преходящее. Официальное стремление закрепить человека за группой здесь полностью соответствует социальной закономерности. Не случайно даже фразеологически это становится обычным делом. Все, что получает и имеет человек, изображается не как нечто заработанное им, а как дар общества ("ему государство дало то-то и то-то, а он..."). Существенно отметить, что, говоря о зависимости индивида от группы, я выражаюсь фигурально. Фактически есть зависимость индивида от других индивидов, принимающая лишь видимость зависимости его от группы в целом. Это есть насилие одних людей над другими, в самой ее основе -- взаимное насилие. Что же касается обратной зависимости группы от индивида, то тут господствует принцип: незаменимых людей нет.

Социальный индивид, сумевший добиться достаточно высокой степени независимости от социальных групп своего общества вообще, есть социальная личность. Степень личностной свободы общества определяется процентом таких личностей в населении общества и степенью их влияния на общественную жизнь. Но это -- между прочим.

Социальные отношения внутри группы разделяются на отношения сотрудничества и отношения господства-подчинения. Отношения сотрудничества базируются на принципе: наибольшую опасность для социального индивида представляет другой социальный индивид, превосходящий его по своим возможностям (по каким-то признакам, существенным с точки зрения социального бытия, -- по интеллекту, талантам в области искусства, изворотливости, красноречию, корыстолюбию и т.п.). Отсюда -- стремление ослабить социальную позицию другого индивида; не допустить усиления, если ослабить нельзя; свести усиление к минимуму, если нельзя помешать усилению. Так что обычно встречающиеся двуличность, доносы, клевета, подсиживание, предательство и т.п. суть не отклонение от нормы, а именно норма. Тогда как обратные им

качества суть исключения. Когда повсюду приходится слышать сентенции по поводу ненадежности людей ("никому нельзя верить", "ни на кого нельзя надеяться" т.п.), то удивляться приходится не факту массовой ненадежности, а тому, что она не воспринимается как нечто естественное. Просто для социальных законов сложились благоприятные условия. А сила инерции старого воспитания, мировой культуры и т.п. такова, что это воспринимается как нечто случайное, недопустимое и излечимое. Но, надо полагать, это состояние скоро пройдет. Особый протест у индивидов вызывают случаи, когда их реальные коллеги (сослуживцы) или лица аналогичного социального положения, добиваются в чем-то успехов, заметно превосходящих средний уровень (особенно -- в среде научных работников, деятелей искусства, в спорте и т.п.). В этих случаях они прилагают неимоверные усилия к тому, чтобы этого не допустить или свести успех коллеги к минимуму или, по крайней мере, каким-то способом хотя бы добавить ложку дегтя в бочку меда. Радость по поводу неудач сильных выражается в форме сочувствия. С другой стороны, слишком сильное ослабление позиций других индивидов также нежелательно, ибо оно угрожает хлопотами и заботой. Не случайно потому индивид, как правило, испытывает удовлетворение при виде уродов и при известиях о несчастиях других, что является формой проявления сочувствия. Неизбежным следствием рассмотренных принципов сотрудничества является тенденция к осреднению индивидов. Будь как все, -- вот основа основ общества, в котором социальные законы играют первую скрипку.

Для отношения сотрудничества имеют силу также и другие принципы (вопрос о том, какие из них являются основными и какие производными, я не рассматриваю), например -- такие: индивид стремится к максимальной независимости от всех других индивидов и стремится максимально подчинить, по крайней мере, одного-другого индивида; индивид стремится переложить на других неприятные дела, которые должен делать сам; если индивид может безнаказанно нарушить нормы морали в отношении других индивидов и ему это нужно, он их нарушает; если индивид имеет возможность безнаказанно причинить другому зло и ему это нужно, он его причиняет; если индивид может безнаказанно присвоить продукты чужого труда и ему это нужно, он это делает (примеры этого бесчисленны; взять хотя бы практику присуждения премий, выдачу авторских свидетельств на изобретения, поездки на конгрессы, плагиат и т.п.); индивид стремится уклониться от ответственности и переложить ее на других; и т.д. Перечень таких принципов можно продолжить. Они, в общем, известны каждому из его личного опыта (впрочем, лишь как недостатки других). Отмечу еще одно любопытное правило, часто вызывающее недоумение, но также вполне естественное. Это -- закон переключения и компенсации. Если индивиду нужно причинить зло другому индивиду, но он это не может сделать, он в порядке компенсации выбирает в качестве жертвы другого более или менее подходящего индивида, которому он может причинить зло с наименьшим риском для себя. Здесь можно предположить наличие какой-то социально-энергетической константы у каждого индивида, заставляющей его выделять в социальную среду определенное количество заложенного в нем зла.

Отношение господства-подчинения я более подробно рассмотрю ниже в разделе о руководителях. Здесь ограничусь лишь таким общим замечанием. Руководитель занимает более высокое социальное положение, чем подчиненный. Ранг руководителя определяется рангом руководимой социальной группы. Чем

выше ранг руководителя, тем выше его социальная позиция. Руководитель выполняет и производственные функции. Но в массовом исполнении это теряет значение, и позиция руководителя оказывается чисто социальной. Если обществу требуется миллион начальников, то бессмысленно говорить о способностях и осуществлять производственный выбор. Наверняка найдется десять миллионов, желающих ими стать и способных выполнить эту роль не хуже других.

Внегрупповые социальные отношения индивидов строятся по принципу переноса на них правил сотрудничества и господства-подчинения. Этому есть два основания. Во-первых, вырабатываются определенные навыки поведения. Во-вторых, всякий индивид, с которым приходится иметь дело данному индивиду вне его группы, воспринимается как возможный сотрудник, возможный начальник или возможный подчиненный. Кроме того, имеются многочисленные случаи, когда индивид по роду своей работы имеет дело с другими индивидами регулярно (продавцы, милиционеры, служащие канцелярий, преподаватели и т.п.), становясь по отношению к этим индивидам в положение, ничем не отличающееся от отношений в группах. Так что здесь складываются неоформленные квазисоциальные группы, действующие по принципам социальных. Более того, в таких случаях социальные законы действуют более открыто в силу того обстоятельства, что здесь менее эффективны сдерживающие факторы. Хамство и произвол мелких и крупных чиновников, грубость продавцов, произвол милиции, открытое взяточничество в системе услуг, в учебных заведениях, бесконечная бумажная волокита и т.д. -- все это не мелкие недостатки, а суть дела. Удивительно не то, что это есть. Удивительно то, что в этой среде удается что-то сделать. Правда, какой ценой -- ценой бессмысленной потери сил и времени, скверного настроения и сознания тупой бесперспективности.

Я ни в чем не обвиняю людей персонально и не хочу сказать, что они плохие. Я люблю людей. Я хочу лишь сказать, что если они выглядят плохими, то причина этого -- те ячейки социального механизма, в которые им волею обстоятельств удается забраться. Люди хороши только тогда, когда они из этих ячеек вылезают на то или иное время.

НЕМНОГО ОБ ИСКУССТВЕ

Огрызком карандаша Мазила выцарапывает на стене губы необыкновенные рисунки, читал Инструктор. Уклонист, потрясенный, не может оторвать от них глаз и твердит Мазиле, что он -- гений. Патриот говорит, что Мазила есть художник от слова "худо", и требует нарисовать голую бабу. Да чтобы при этом зад был поздоровее. Он, Патриот, любит, когда есть за что подержаться. Интеллигент говорит, что Патриот в своем художественном развитии остановился, судя по всему, на импрессионистах. Патриот говорит, что он не знает, кто такие импрессионисты, но зато знает, кто такие передвижники. Зашел Начальник Караула и сказал, что Мазила -- художник от слова "худо", что лучше бы нарисовал голую бабу, да чтобы зад был поздоровее, поскольку он, Начальник Караула, любит, когда... Потом пришел Старшина, обругал Мазилу за то, что стенки портит, и сказал, что он -- художник от слова "худо", что лучше бы нарисовал голую бабу, да чтобы зад бы... Потом пришел Сотрудник и сказал, что Мазила -- художник от слова "худо", что... Интеллигент сказал,

что он потрясен таким единомыслием в области эстетических воззрений общества, и попросил Мазилу нарисовать этим кретинам голую бабу. Мазила нарисовал голую бабу с такими мощными половыми органами, что даже арестантам стало немного стыдно. Патриот потребовал, чтобы Уклонист разъяснил ему смысл рисунков Мазилы. Тот сказал, что возможны различные интерпретации, зависящие от особенностей индивидуального жизненного опыта наблюдателя и от ориентации его сознания, и рассказал старый анекдот про одного посетителя выставки абстракционистов, который, глядя на любую из выставленных картин, думал о бабах, ибо всегда думал о бабах. Патриот сказал, что абстракционисты совсем не художники. Интеллигент сказал, что Мазила -- не абстракционист, а крайний реалист. Только он изображает не людей и не вещи, а мысли. А поскольку у этих кретинов мыслей нет, а есть только помыслы, то они никогда не поймут, что нарисовал Мазила. Мерин сказал, что он как-то читал книгу Ибанова и Ибановой "формалисты на службе у". Так в ней черным по белому написано, кто такие Пикассо, Неизвестный и Мазила. Патриот заинтересовался, но Мерин послал его на. Тут Литератор обнаружил, что у него пропали домашние пышки, которые ему принесла его баба. Интеллигент сказал по этому поводу, что для Литератора сложилась неразрешимая ситуация: он не может не писать донос о воровстве, но не может писать его, ибо стукачи на себя доносы не пишут согласно определению понятия доноса.

РУКОВОДИТЕЛИ

Приступая к написанию раздела о руководителях, Шизофреник прочитал в туалете стихи Литератора в последнем номере Газеты, посвященные как раз его теме:

Дорогу зря через года,
Наукой вооружены,
Гоните нас скорей туда,
Куда сочтете нужным.

Что ж, сказал Шизофреник, не берусь судить о литературных достоинствах, но суть дела схвачена правильно. И использовал стихи по назначению.

Вопрос о руководителях, писал Шизофреник, есть один из центральных для социологии, ибо это есть вопрос о том, что из себя представляют социальные группы данного общества. В принципе руководитель адекватен в социальном отношении группе ("каков поп, таков и приход"). Бывают исключения, но они скоро проходят. Социальный тип общества в значительной мере (если не в основном) характеризуется типом руководителя. Я не буду рассматривать соотношения раздвинуть официального и неофициального, фиктивного и настоящего и т.д. руководства. Факты такого рода общеизвестны. Независимо от них отношение руководства (господства) и подчинения есть такое отношение, в котором подчиненные выступают в роли безвольного немыслящего тела, а руководители -- в роли сознания и воли этого тела. Позиция руководителя есть более выгодная социальная позиция, чем позиция руководимого, что очевидно всем нормальным людям. Потому руководство не есть функция, которую благородные великомученики выполняют на благо народа. Это позиция, за

которую идет ожесточенная борьба. Чем выше ранг руководителя, тем выше его позиция, тем больше благ он имеет, тем защищеннее его положение, и потому тем ожесточеннее борьба за эту позицию. Это тривиальная истина. Проблема состоит не в том, чтобы ее констатировать, а в том, чтобы сформулировать социальные правила, по которым происходит выдвижение людей в руководители и по которым действуют руководители.

Основной принцип социальных действий руководителя -- представить свои личные интересы как интересы руководимой группы и использовать руководимую группу в своих личных интересах. Если руководитель и предпринимает какие-то действия в интересах группы, это есть лишь одно из средств достижения им личных целей, и прежде всего -- одно из средств карьеры (человек, хорошо организовавший дело, в некоторых случаях, но далеко не всегда, имеет больше шансов на карьеру). Но чаще карьера бывает успешнее за счет кажущихся, а не действительных усовершенствований и улучшений -- одна из основ очковтирательства, дезинформации, намеренного обмана. Надежды на то, что руководство примет меры, позаботится, улучшит и т.п., -- детски наивные иллюзии. Повторяю, руководство предпочитает демагогию об улучшении реальному улучшению (к чему оно, как правило, вообще не способно), а если и идет на улучшение, то из страха ослабить свои позиции без этих улучшений, из желания усилить свои позиции, из-за внутренних своих интриг и т.п. Что же касается действия социальных законов, то руководство не только не стремится их ограничить, но стремится их всемерно поощрить, ибо само оно -- наиболее концентрированный продукт этих законов. Аналогично обстоит дело с соотношением интересов дела группы и интересов руководителя группы. Лишь в силу внешних, а не социальных причин может случиться так, что руководитель группы добивается личных целей путем обеспечения интересов дела. В качестве социальной нормы имеет силу тенденция сделать ход дела группы независимым от руководителя не только с точки зрения его социального положения, но и с точки зрения организации самого дела. Что касается социального положения руководителя, то оно имеет тенденцию к независимости как частный случай общего закона для всех членов группы. Дело руководителя есть не дело группы, а дело по выдвижению в руководители, по сохранению этого поста, по использованию его в своих интересах, в том числе -- для карьеры.

Правила, по которым люди выдвигаются в руководители и делают служебную карьеру, вырабатываются исторически и становятся обычными. И надеяться тут на действие каких-то стихийных сил, которые сами сделают хорошее дело, бессмысленно. Таких сил нет. А есть лишь то, что общеизвестно и вызывает тоску и состояние безнадежности.

Прежде всего, в служебной карьере играет роль соотношение реальной и номинальной оценки качеств личности. Как я уже говорил, эти оценки не совпадают. И хотя здесь имеет место тенденция к соответствию, в отношении лиц, претендующих на роль руководителей или на по-вышение ранга руководителя, действует также закон, согласно которому предпочтение отдается лицам с наиболее благоприятным отношением номинальной и реальной оценки. И это не есть самообман или обман потребителя. Дело в том, что в реальных социальных отношениях реальной является лишь номинальная оценка личности, а реальная является лишь нереализуемой возможностью. Если нам известно, что А -- карьерист, готовый ради своей карьеры загубить тысячи людей, а начальство считает, что А есть деловой волевой организатор, то с точки зрения данной

социальной жизни лишь вторая оценка имеет смысл. Лишь в случае борьбы против этой социальности может приобрести смысл первая. Как устанавливается упомянутое благоприятное соотношение, зависит от типа служебной ситуации. Здесь два типа. Тип рутинный, когда предпочтение отдается лицам со средней степенью проходимости (последняя прямо пропорциональна видимой и обратно пропорциональна реальной оценке индивида), и тип переворотный, когда предпочтение отдается лицам с высокой степенью проходимости. И лишь в немассовых спонтанных группах степень проходимости для руководителя может быть низкой. Поскольку обычным является рутинный тип ситуации, то руководство общества формируется из лиц, относительна которых известно, что реально они суть посредственности, но имеют некоторую видимость значительности, т.е. из лиц, которые в качестве социальных индивидов считаются наименее опасными. Поскольку руководители высших рангов отбираются уже из числа руководителей низших рангов, то здесь опять-таки действует тот же закон отбора, и с повышением ранга руководителей происходит понижение реальной ценности индивида (в том числе -- снижение интеллектуального потенциала, уровня культуры, уровня профессиональности). Замечу между прочим, что положительные качества индивида с повышением ранга руководства сокращаются по формуле: исходная величина делится на число шагов, которые индивиду пришлось сделать в своей карьере фактически, и умножается на коэффициент ранговости, который меньше единицы и больше нуля. Отрицательные же качества увеличиваются по формуле: исходная величина умножается на число сделанных шагов и делится на коэффициент ранговости. Но индексы положительных и отрицательных качеств поста данного ранга измеряются так, что учитывается число всех возможных шагов (в нормальной карьере человек не должен перескакивать через ступени), так что возможны несоответствия индивидов посту. Так, иногда бывают случаи, когда высокий пост занимает человек, слишком умный и слишком порядочный для этого поста. Но это, повторяю, исключение, не вытекающее из сути социальных законов.

Имеются, однако, обстоятельства, компенсирующие эту тенденцию. Первое -- наличие огромных штатов помощников, референтов, заместителей и т.п., а также эксплуатация различного рода учреждений. Причем чем выше ранг руководителя, тем больше группа, реализующая его руководство. Например, доклады, читаемые крупными руководителями, составляются сотнями квалифицированных людей. Сами руководители, читающие свои доклады, не только не способны их написать, но в большинстве случаев даже толком в них разобраться. Однако, все упомянутые лица сами являются социальными индивидами. И попадают они в окружение руководителя по общим социальным законам делания карьеры. Отличие здесь лишь в том, что низкий интеллектуальный уровень, халтура, недобросовестность и т.п. здесь более тонко замаскированы знанием иностранных языков, умением отыскивать цитаты и т.п. Ум и талант группы не может превышать ум и талант членов группы. Он ниже таковых самых сильных членов группы. Так что рассматриваемая компенсация является фиктивной. Она создает лишь иллюзию ума, способностей, труда и т.п. Но ведь кроме иллюзии здесь и не требуется ничего иного. Второе обстоятельство более серьезное. Это -- эффект реальной неуправляемости громоздкой системы общества. Начиная с некоторого момента любые решения руководства по поводу некоторой проблемы имеют один и тот же результат. Например, решение сократить штаты с таким же успехом ведет к их увеличению,

как и решение их увеличить. Третье обстоятельство -- примитивизация функций управления с увеличением ранга руководителя. Дело в том, что индивид, какое бы положение он ни занимал, в силу своей физической ограниченности способен вступить в контакт лишь с ограниченным числом людей и высказать ограниченное число суждений. Тем более -- маломальски обдуманных. И любой самый средний (среднеспособный и среднеобразованный) индивид за среднекороткий срок способен овладеть функциями управления на любом уровне, пройдя соответствующие этапы карьеры. Трудность здесь состоит не в трудностях деятельности управления как интеллектуальной деятельности, а в трудностях самого делания карьеры как особого рода профессиональной деятельности. Профессия руководителя заключается главным образом в том, чтобы уметь удерживаться, пробиваться, лавировать, устранять и т.п. И лишь в незначительной мере она связана с внешним делом -- с руководством людьми. Потому на роль руководителей заявляют претензии лица, наименее связанные с соображениями морали и наиболее бездарные с какой-то иной, профессиональной точки зрения. Индивид, вступивший на путь карьеры руководителя, скоро убеждается в том, что это -- наиболее легкий с точки зрения ума и способностей и наиболее выгодный с точки зрения вознаграждения вид деятельности. Число лиц, отказывающихся потом от этой деятельности, настолько ничтожно, что их практически нет. Так что ничего ненормального нет в том, что выжившие из ума старики занимают руководящие посты и добровольно не покидают их. К тому же руководитель в таких случаях, начиная с некоторого уровня, становится лишь символом большой группы лиц, стоящих у власти.

Наконец, надо заметить, что социальное господство в условиях, когда нет никакой иной силы, от которой оно зависело бы существенным образом, порождает систему производства жизни, в которой есть господа, но нет хозяев, несущих личную ответственность за дело, вкладывающих в дело свою индивидуальность, -- систему бесхозяйственности, безответственности, обезличенности. Господа стремятся лишь урвать и занять более выгодное положение для этого, не думая о несколько более отдаленных последствиях. О последствиях, кстати сказать, думать вообще бессмысленно, ибо это одна из самых запретных тем для размышлений в обществе, живущем по преимуществу по законам социальности.

По изложенным причинам в системе руководства складывается гангстерская система сознания и форма поведения, сознание моральной незаконности и непрочности своего положения и потребность в постоянном оправдании, подтверждении, искоренении и т.п., -- короче говоря, все то, что всем хорошо известно по опыту.

Свойственное социальному индивиду стремление присвоить себе положительные результаты деятельности других и переложить ответственность за отрицательные результаты своих действий на других в случае с руководящими индивидами (и в том числе -- руководящими организациями) принимает такую форму. Все успехи, достигнутые каким-то образом данным обществом (общественной группой), считаются успехами, достигнутыми благодаря мудрости руководства. Причем не играет никакой роли степень и характер участия руководства в достижении этих результатов. Если даже они получены вопреки воле руководства, они все равно в силу приведенного закона рассматриваются как успехи этого руководства. Успехи, достигнутые при данном руководстве, суть успехи этого руководства. Этот закон имеет настолько мощную силу, что

даже все ранее гонимые и затем реабилитированные явления культуры изображаются как продукт высшей мудрости начальства. И даже явления, вообще не зависящие от руководства (например, хорошую погоду, старинные памятники культуры, природные богатства и т.п.), руководители склонны рассматривать как нечто, даруемое лично ими людям. Далее, ответственность за все отрицательные последствия хозяйничанья руководства несет не руководство, а те лица, слои, организации, которых руководство сочтет подходящими для возложения на них вины за эти последствия. Оно имеет возможность это делать и делает. Руководство не делает ошибок. Обычно виновные легко находятся. Но бывают случаи, когда найти подходящих виновных трудно, и тогда их изобретают. Поскольку различить явления, которые суть следствия плохого руководства, и явления, которые все равно имели бы место при любом руководстве, практически трудно и даже невозможно, то виновные отыскиваются для любых отрицательных явлений жизни, о которых можно подумать, что они могли бы быть результатом плохого руководства. В таких случаях руководство действует слепо формально. Общеизвестные случаи, когда руководители стремились представить свои преступные акции как волеизлияние народа или как одобряемые народом, суть частный случай действия рассматриваемых законов. Отсюда стремление руководителей представить свою деятельность как деятельность на благо народа, волею народа и самого народа вообще. Это удобно. Успехи народа всегда можно представить как успехи руководства народом, а отрицательные явления, в крайнем случае, можно представить как результат действия народа или действий, выражающих его волю и интересы. Стремление преступных или аморальных руководителей сделать как можно больше людей соучастниками своих преступных или аморальных действий есть не злой умысел отдельных лиц, а продукт действия социальных законов, которым следуют (часто -- с великим удовольствием) люди. И уж если бороться против зла, заполняющего наш мир, то надо бороться с этим злом не только в отдельных его ярких представителях, а во всех людях вообще. Бороться всегда и повсюду.

Поскольку власть в силу социальных законов присваивает ум и волю общества, она, естественно, стремится фактическое положение дела сделать максимально близким к этому идеалу и рассматривает своеволие лиц, которые без ее ведома начинают размышлять об обществе, о его законах, о системе управления, о состоянии хозяйства, права, печати, искусства и т.д., как незаконное вторжение не в свое дело. А если эти лица начинают лучше представителей власти разбираться в проблемах общественной жизни (а этого нетрудно добиться, ибо официальный уровень понимания имеет тенденцию к минимуму правды и максимуму заблуждения), то они представляются властям даже как преступники, хотя юридически никому не возбраняется понимать окружающее. Отсутствие юридической санкции легко обходят, представляя понимание общества частными лицами как заведомую клевету, подрывающую существующее устройство, на том основании, что это понимание не совпадает с официально предписанным.

О СУДЬБЕ

Утром увели Пораженца, читал Инструктор. Арестантов это потрясло, так как Пораженец был самым безвредным и ничтожным среди них существом. Мерин отдал ему на прощание запасные портянки. Уклонист сказал, что у карающих и караемых лиц разные критерии оценки степени преступности. Паникер что-то болтнул о превратностях судьбы. Завязалась дискуссия. Не подозревая того, высказали все точки зрения, которые имелись и имеются на эту тему в различного рода религиозных и философских концепциях. В конце концов вниманием завладел Интеллигент. Слово "судьба", сказал он, когда все забрались в сортир, почти выпало из нашего словесного обихода, а если и употребляется, то совсем в другом смысле, не имеющем никакого отношения к человеческой судьбе. Еще бы! В своем нормальном старом смысле оно таит в себе намеки на предопределенность, непостижимость, беспричинность и т.п. А это нам, как известно, чуждо. Наша жизнь ясна и прозрачна. Слушайся папу и маму. Слушайся учителей. Слушайся начальников. Случайность есть проявление необходимости, а необходимость -- закон. Всему есть причина, все можно научно объяснить. Так что понятие "судьба" для нас чужое. Но так ли уж все гладко на самом деле? Что такое предопределенность событий? Пусть некоторое событие произошло в такое-то время. Событие это считается предопределенным в том и только в том случае, если в любое время, предшествующее указанному, будет верно утверждение, что данное событие произойдет в указанное время. Поди докажи, что таких событий нет. Поди докажи, что есть события, в отношении которых это неверно. Наука тут ни при чем. Принимать или не принимать концепцию предопределенности -- это дело не науки, а отношения человека к потоку своей жизни. Это один из винтиков глубочайшего механизма его поведения. Это, так сказать, элемент стратегии его жизни. То же самое и с причинным объяснением всего и вся. Я берусь показать, что здесь ничего не докажешь и ничего не опровергнешь. И наука здесь ничего не дает ни за, ни против. Но мы, кажется, забыли про судьбу. Интуитивно мы, говоря о судьбе, выделяем в жизни человека нечто такое, что не определяется естественными и общественными законами, стечением причин и т.п., в общем -- нечто такое, что не находит успокоительного объяснения с точки зрения принятых в данном обществе способов объяснения. Судьбой интуитивно называют именно то, что в принципе не охватывается понятиями и принципами наших философов. Причем одно и то же событие в одно время для человека есть элемент судьбы, в другое -- нет. Одно и то же событие может быть элементом судьбы для одного человека и не быть таковым для другого, быть элементом судьбы в одно время и не быть таковым в другое. Потому тут фактически невозможно привести поясняющие примеры. Здесь ясность должна приходить не из отдельных примеров, а из наблюдения сложного переплетения жизненных обстоятельств многих людей и твоих собственных. Каждая эпоха, в которой мысль о судьбе играла существенную роль, имела свое понимание природы судьбы. Суть проблемы для нас с вами -- что есть судьба для человека нашего общества? Я могу дать вам лишь очень грубый и приблизительный ответ на этот вопрос. Событие, происходящее с человеком, есть элемент судьбы данного человека, если оно удовлетворяет, по крайней мере, таким условиям. Оно не зависит от воли данного человека. Оно может отвечать его желаниям или противоречить им. Но

это не играет роли. Судьбу не выбирают. Она выпадает. Событие, входящее в судьбу человека, играет важную роль в жизни человека. Оно касается жизненного статуса человека, его жизни и смерти, образа жизни в целом. Для современного человека в число событий его судьбы из общего числа событий его жизни выталкиваются такие, которые не связаны с законами природы (землетрясение, например, влияет на жизнь того или иного человека, но не определяет его судьбу) и с закономерными социальными конфликтами и потрясениями (война, например, может привести человека к смерти, но смерть в войне не есть элемент судьбы в современном смысле). Не входят сюда и события, которые считаются "чистой случайностью". Случайное событие есть случайное событие, и только. В судьбу попадают события в жизни человека, наступление или ненаступление которых зависит исключительно от свободной воли других людей. Люди сами определяют судьбу друг друга. Так что в судьбу человека входят происходящие с ним события, наступление которых целиком и полностью зависело от свободной воли других людей. Поскольку человек живет в окружении множества людей и практически невозможно установить, какие именно поступки людей в отношении к нему были продуктом свободной воли и каких именно людей, он воспринимает свою судьбу как ничем не детерминированную, но не случайную генеральную линию своей жизни. Иначе к судьбе относиться невозможно практически. Так что даже в нашем обществе, в котором головы людей битком набиты научностью, проблема судьбы человека оказывается в конце концов проблемой нравственного отношения человека к любому другому человеку -- к человеку вообще независимо от того, каков тот или иной конкретный человек. Патриот сказал, что это метафизика, что к человеку нужен конкретно-исторический подход. Уклонист сказал, что это из другой оперы. Требование различных моральных канонов в отношении различных людей есть конец морали как социально значимого феномена. Патриот потребовал привести хотя бы один пример такой надклассовой внеисторической морали. Интеллигент сказал: "Не доноси!". Патриот закричал "На что ты намекаешь?", и толкнул Интеллигента. Тот ударился о стенку, и сортир развалился. Когда арестанты выбрались из-под досок, пришел Старшина, руководивший строительством, сказал, что они молодцы, хорошо поработали. Поскольку стройка идет с большим опережением графика, на сегодня хватит. Сачок заявил, что у него повреждено ребро. Его отправили в санчасть, откуда он уже не вернулся. Стукач сказал, а Патриот подумал по этому поводу: "Везет же проходимцам".

СТАТЬЯ КИСА

О боже, сказал Мыслитель, прочитав статью Киса. Какая мразь! Кто бы мог подумать, что этот добропорядочный джентльмен такая гадина! Конечно, кое-какие мыслишки в статье есть. Сравнительно со статьей Секретаря статья даже совсем недурно выглядит. Неплохой язык. Поработать над ней пару вечеров, хороший материал можно сделать. И Мыслитель углубился в работу. И работа его увлекла.

Как говорила потом Супруга, Мыслитель сделал из статьи Киса конфетку. Клеветника удалось спасти, говорили доброжелатели. После краткого, но до неузнаваемости точности изложения главных пустяковых положений концепции

Клеветника в статье Киса-Мыслителя давалась корректная, но боевито-погромная критика модных там реакционных идей апологетов, находящихся на службе. Хотя эти идеи к Клеветнику отношения не имели, тем не менее они того заслуживали. Подлинная наука, справедливо говорилось в статье, подчиняется не низшей, формальной, а высшей, диалектической логике, которая по широте, глубине, степени, всесторонности, точности, полноте и правильности охвата действительности превосходит формальную в такой же мере, в какой водородная бомба по силе воздействия на психику превосходит ненатуральный кофе без цикория. Диалектическая логика учит нас тому, что все понятия и вещи вертлявы, изворотливы, скользки, перевоплощаются друг в друга и во все, что угодно, а вместо кухонного принципа "либо да, либо нет", в ней господствует принцип "и да, и нет, а если угодно, то ни то, ни другое". Клеветник же игнорирует все те новейшие и величайшие достижения Запада, которые сразу же после реабилитации стали подтверждать нашу правоту, и изобретает доморощенные устаревшие теорийки, опровергнутые всем ходом. Заканчивалась статья призывом, ставшим на длительное время почти что лозунгом ибанской демократии: все устаревшее и отжившее надо душить в зародыше.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Проходя мимо гарнизонной Бани, Болтун заметил новую мемориальную доску, на которой мраморными буквами было высечено, что здесь в скором времени собирается зачитать новый доклад сам Заведующий. Превосходно, подумал Болтун, это и мой труд вливается в труд моей республики. Мазила был уже на месте. Скоро пришел и Клеветник. Ходят слухи, будто ты смываешься, сказал он Мазиле. Вранье, сказал Мазила. Мое положение сейчас как никогда прочное. Заказы получил. Выставку обещают. Клеветник, сказал, что он очень рад этому, и на всякий случай рассказал одну историю. Мы как-то после воскресного перепоя плохо летали. Приехал сам командующий. Говорит не хотите служить, держать не будем. Кто не хочет служить в армии? Я поднял руку. И что ты думаешь? Всех вскоре демобилизовали, а меня еще полгода уговаривали остаться. Сулили повышение. Надоело, и я согласился остаться. Так на другой же день меня демобилизовали. Да с какой характеристикой! К счастью, тогда началась оттепель, и посадили меня совсем по другому поводу.

Потом стали говорить о предстоящей выставке, в которой Мазиле предложили, наконец-то, принять участие. Клеветник сказал, что он не стал бы участвовать в такой выставке. Унижений много, а толку мало. Мазила сказал, что он художник, и без выставки ему нельзя. Карьерист сказал, что это -- не выставка, а, как передали по радио, демонстрация выдающихся успехов и расцвета талантов. А поскольку Мазила не талант, а гений, ему там не место. Мазила сказал, что у него интуиция, что эта выставка сыграет роль, что ему нужны деньги, а для этого нужны заказы, и чтобы получить заказы, нужно официальное признание, что допуск на выставку в их системе есть разрешение начальства заключать со мной договора, что если он откажется, это будет истолковано против него так, будто он зазнался (так истолкует начальство повыше) и его не допустили, хотя он рвался (так истолкует начальство пониже и коллеги), так что если пропустят хотя бы какую-нибудь ерунду, это даст ему

возможность и т.д. Одним словом, закончил речь Мазила, давайте добавим что-нибудь посущественнее. У меня дома, сказал Карьерист, есть бутылка отличного французского коньяка. Подарок Президента одной тамошней фирмы. Поехали, и пусть они все катятся в...

КОНФЛИКТ

Инструктор перелистал последние страницы рукописи Шизофреника. Скоро конец, а результата никакого. После разрушения старого сортира, читал Инструктор, начали чистить, углублять и расширять яму. Парадоксально, сказал в связи с этим Паникер, но факт: яма есть фундамент для нового светлого здания сортира, и чем больше яма, тем величественнее строящееся на этом фундаменте здание. Патриот сказал, что Паникер -- трепач. Мазила спросил, что означает слово "сортир". Мерин сказал, что оно произошло от французского слова "сорте" ("удовлетворять естественные потребности"), которое на ибанской почве приобрело известное всем неприличное звучание. В шестнадцатом веке великий Утопист выдвинул идею построить специальное здание, в котором каждый мог бы свободно отправлять естественные потребности. Патриот сказал, что Мерин тоже трепач. Мерин дал Патриоту по зубам. Когда их разняли, Патриот пообещал Мерину еще пять суток за рукоприкладство. Уклонист сказал, что никакого рукоприкладства не было. Патриот сказал, что он только пошутил. Но на губе наметился раскол. К этому времени население губы разделилось на Левых и Правых. Левые спали справа от буржуйки, а Правые -- слева. Литератор, спавший в середине, примыкал к тем и другим. Наконец, на губу пришел Подписант, который в знак протеста против сортирной политики по ночам мочился в койку Старшины. Койку Старшины он выбрал по двум причинам: во-первых, Старшина крепко спал; во-вторых, койка его стояла вне поля зрения дневального. Старшина сильно переживал и даже тайно лечился гипнозом от моченедержания. Но однажды он ушел в самоволку, положив под одеяло вместо себя шинели, и Подписанта разоблачили. На губе Подписант сначала устроился среди Левых. После того, как он помочился в сапог Интеллигенту, его выбросили к Правым и он стал неуклонно мочиться в сапоги Патриота. Тот усмотрел в этом козни Уклониста и Мерина. И раскол принял классические в Новейшей Истории формы. Интеллигент сказал, что судя по всему назрели великие перемены, последствия которых общеизвестны.

ВЫСТАВКА

Когда Мазиле предложили принять участие в юбилейной четвертьфинальной выставке бездарностей первого полусреднего возраста, он пришел в неописуемый восторг. Наконец-то! Вот видишь, сказал он Клеветнику, и у нас кое-что сделать можно! Я оптимист! Ну-ну, сказал Клеветник. На отборочную комиссию Мазила представил больше сотни великолепных гравюр. Их все забраковали и попросили принести что-нибудь попроще. В конце концов пропустили одну малюсенькую гравюрку, которую сам Мазила считал неудачной и собирался выкинуть. Приятель Мазилы, заведовавший организацией выставки, поместил

гравюрку в самый темный угол за многочисленными работами Художника. Что же ты сделал, обиделся Мазила. Я же еще ни разу не выставлялся, а ты меня засунул подальше с глаз долой. Приятель обиделся, в свою очередь. Да ты, брат, наглец, сказал он. Тебя во всем мире выставляют. А ты еще и тут урвать хочешь! Мазила не нашел, что возразить, и отправился к Ларьку. Там его уже ждали Клеветник и Болтун. Ты, конечно, был прав, сказал он Клеветнику. И это меня убивает. Что убивает, спросил Болтун. То, о чем говорил Клеветник, или то, что Клеветник это предвидел? И то, и другое, сказал Мазила. Наша жизнь такова, что невозможно не предвидеть все до мелочей. Это ужасно.

Выставку посетил сам Заведующий. За могучими полотнами Художника, изображающими Заведующего на передовой, Заведующего у блямбинга, Заведующего на крысоферме, Заведующего, спасающего соседний народ от движения назад, а также другие стороны нашей многообразной и содержательной жизни, он не заметил невзрачную гравюрку Мазилы, изображающую не то палец, не то мужской член, не то взбесившуюся хромосому. И гравюра Мазилы Заведующему не понравилась. Нашему народу это не нужно, сказал он, поэтому что нашему народу нужно совсем не это.

Вечером создали чрезвычайную комиссию по борьбе с Мазилой и ему подобными. В комиссию вошли Художник, Литератор, Мыслитель, Приятель и Сотрудник. Мыслитель сделал доклад о неправильных направлениях. Сотрудник рассказал новые смешные анекдоты про Заведующего. Художник зачитал резолюцию: считать произведения Мазилы не имеющими цены и уничтожить во избежание вредных последствий, а самого Мазилу считать не существующим, так как такого чудовищного отклонения среди нас не могло быть в принципе. Резолюцию приняли единогласно. После этого Сотрудник с Мыслителем поехали к Мазиле, выпили у него бутылку водки, заняли сотню до получки, обозвали членов комиссии подонками и долго уговаривали Мазилу достать им девочек.

Художник кое-что из гравюр Мазилы спас от уничтожения и унес к себе в мастерскую. Он решил перерисовать более или менее терпимые гравюры. Но что бы он не срисовывал (палец, член, нос, женский зад, коленчатый вал, кишки и т.п.), у него все равно получался то портрет Заведующего, то портрет Заместителя, то (в лучшем случае) высокоудойная корова из газетной передовицы. Литератор сказал по этому поводу, что у Художника здоровое нутро и его даже силой не заставишь стать каким-нибудь ципципсионистом. Клеветник сказал, что они даже украсть как следует не могут, ибо даже не знают, что именно воровать нужно. Скульптуры Мазилы отчасти переплавили на утюги и кастрюли, а остальные выкинули на мусорную свалку. После этого молодые и прогрессивные художники, с удовольствием не знавшие о существовании Мазилы, которого не было и не могло быть в ибанской культуре в силу ее общей здоровости, откалывали от скульптур Мазилы куски камня и высекали из них каких-то неведомых уродцев. Уродцы членам комиссий напоминали что-то давно знакомое, но на выставки уже допускались.

БЕСЕДЫ О ТАЙНАХ ИСТОРИИ

На улице зверский мороз, читал Инструктор. На губе тепло, жгут доски, заготовленные для нового сортира. В лагере Правых говорят о жратве, бабах, орденах и портянках. В лагере Левых обсуждают проблемы мировой истории. Вся эта писанина, говорит Уклонист, утешение для слабоумных. На самом деле, просто одни обделывают свои делишки за счет других, из совокупности их мелких пакостей вырастают большие. Для них выдумывают подходящее оправдание, которое называют объективными законами. Выдумывают так, чтобы удобно было делать новые пакости, и называют это научным предвидением. Концепция слишком пессимистическая, говорит Интеллигент. Есть же какие-то твердые и устойчивые опоры. Опоры есть, говорит Уклонист, но очень хрупкие. Притом они приносят благо человечеству и страдания человеку. Если ты апеллируешь к морали, говорит Интеллигент, то она сама зависима и переменна. Нет, говорит Уклонист, то, что ты называешь моралью, не есть мораль. Это пропаганда, просветительство, нравоучения. В общем, нечто вполне официальное. Настоящая мораль всегда неофициальна. Она всегда одна. Она либо есть, либо ее нет. Она не имеет никаких основ, кроме решения отдельных индивидов быть моральными. Она тривиальна по содержанию, но невероятно трудна в исполнении. Не доноси, держи слово, помогай слабому, борись за правду, не хватай хлеб первым, не перекладывай на других то, что можешь сделать сам, живи так, будто всегда и всем виден каждый твой шаг, и т.п. Что проще? А много ли таких людей ты встречал? Мыслима ситуация, когда все общество держится на каком-то уровне только благодаря тому, что в нем живет один единственный нравственный человек. Если и такой исчезнет, то появление нового есть дело случая. Его может и не быть. Неутешительно говорит Интеллигент. Не остается места надежде. Мы мужчины, говорит Уклонист, и надежды нам ни к чему. Кроме того, если уж тебе так нужны надежды, то они вполне уживаются с сознанием невозможности и даже обреченности. Один мой знакомый говорил, что человечество должно быть благодарно ему за ту совокупность зла, которую он мог сделать, но не сделал. Это конечно, позиция, но позиция пассивности. Позиция активности, говорит Уклонист, ничуть не лучше. Все самые гнусные преступления в истории совершались во имя добра. Где же выход, спрашивает Интеллигент. В сортире, говорит Уклонист. Выхода нет, ибо он вообще не нужен. Проблема надумана. Некому выходить. Некуда выходить. Незачем выходить. Надо на все посмотреть с какой-то иной точки зрения. А с какой, я не знаю. Еще мальчишкой я вычитал в какой-то книге: "Люди бездумно творят никчемный процесс, не имеющий смысла и цели и наугад влекущий их в ничто. И только бессилие каждого перед безжалостной слепой силой всех придает этому процессу черты величия и грандиозности. Усилия отдельных личностей вырваться из него и обрести свободу ведут к успеху только путем самоуничтожения и потому бесплодны". Запомнить запомнил, но понимать начинаю только теперь. Жаль, слишком поздно. Пора спать. Странно, говорит Мерин, устроено общество. Одним боком оно всегда опережает свое время, а другим всегда безнадежно отстает. И никаким боком оно не живет нормально, т.е. именно в свое время. С одной стороны -- ракетные двигатели и цепные реакции, которые найдут серьезное применение лишь много лет спустя после войны. С другой стороны -- кавалерия, которая стала анахронизмом уже в конце той войны. Легенда Первой

конной была настолько сильна, что меня как человека с незаконченным высшим техническим образованием призвали в кавалерию, В дивизии у нас был, правда, танковый полк. Но и в нем были эскадроны, хотя не было ни одного человека со средним образованием. Через пару месяцев нам решили показать, что такое атака конной массы. Целый месяц мы изучали маршрут, по которому должны двигаться на место построения. И все же мы опоздали на час, а один полк заблудился в овраге и не явился совсем. Наконец протрубили какие-то сигналы. Наши боевые лошади, которые знали эти сигналы назубок еще с гражданки, рванулись вперед. Через мгновение мы барахтались в снегу, а наши лошади утопали в сабельный поход без нас и смылись на конюшню. Мы ползали в снегу в поисках потерь. Я потерял шомпол. Мой сосед -- штык. А наш помкомвзвода так яростно взмахнул шашкой, что клинок вырвался из рукоятки и исчез в неизвестном направлении, Помкомвзвода рыл когтями снег и последними словами поносил Первую конную. Комиссия поставила нам четыре. Два месяца потом изучали опыт учения. Войну я встретил тоже в кавалерии. Правда, я сидел в окопе, а моя обросшая как Хемингуэй "Пенелопа" паслась где-то в тылу. Но все же мне, как сказано в "Балладе",

Повезло на этот раз.
Вышел экстренный указ.
Всех умеющих читать
В авиацию забрать.

Во сне Мерин тихо ржал и лягался. Ему снилась массированная атака конной лавины. Впереди верхом на плачущем помкомвзвода скакала его волосатая монгольская кобыла. Она размахивала шомполом и кричала: "Донесу!".

КОШМАРЫ

Шизофреник тяжело болен, сказала Супруга. Надо его навестить и помочь. Они заявились к нему все сразу. И заговорили все сразу. И он отвечал всем сразу. И не понимал, о чем они говорят. И зачем говорят. И не понимал того, о чем говорил он сам. Когда Вы пишете об общественном строе, в котором без серьезных ограничений господствуют социальные (в Вашем понимании, конечно) законы, Вы имеете в виду, само собой разумеется, наше общество, сказал Социолог. Я никакое конкретное общество не имею в виду, сказал Шизофреник. Я осуществляю обычную абстракцию. Я формулирую некоторые правила поведения людей. Люди, по крайней мере, иногда поступают по этим правилам. Согласитесь, что это так. Я называю эти правила социальными. Если Вам не нравится, что я употребляю это слово, от него можно и отказаться. Это не принципиально. Назовем их, допустим, альфаправилами. Не возражаете? Далее, я ставлю вопрос: какой вид приняло бы общество, в котором люди поступали бы исключительно по альфаправилам без ограничения их путем установления таких общественных институтов, как мораль, право, гласность, оппозиция и т.п. Такое общество есть пустая абстракция, сказал Мыслитель. Совершенно верно, сказал Шизофреник. Это -- абстракция. Но она ничуть не хуже абстракции того изма, который вы критикуете второе столетие как реальность. Этот изм устойчив и существует в действительности, сказал Мазила. А Ваш изм не мог бы

просуществовать в действительности ни одного дня. Напротив, сказал Шизофреник, он настолько устойчив, что становится даже страшно от этого. Его предпочитает подавляющее большинство населения. В моем, как Вы выразились, изме, огромные массы людей получают сравнительно мало. Но зато они еще меньше (опять-таки сравнительно) работают. Так что коэффициент вознаграждения здесь довольно высок. Попробуйте, предложите нашим работникам выбирать: тяжкий труд и более высокая зарплата или более легкий труд и менее высокая зарплата, обеспечивающая удовлетворение основных потребностей. Уверен, что большинство предпочтет последнее. Далее, здесь большое число граждан может вести праздный образ жизни. Армия начальников здесь достигает таких невероятных размеров, что полностью удовлетворяет тщеславие и властолюбие человечества. Здесь выдающиеся по уму и способностям люди уничтожаются или низводятся до состояния, в котором невозможно стать значительными личностями, а ничтожества процветают и возвеличиваются. А ничтожеств неизмеримо больше. Благодаря официально сложившейся системе воспитания и образования и легкости овладения социальными навыками формируется тип человека, приспособленного жить именно в такой среде и неспособного жить в иной. Так что страхи начальства по поводу возможной массовой эмиграции лишены оснований. Именно этот тип человека затем оказывает обратное влияние на вид техники, организацию дела, искусство и прочие сферы общественной жизни, поддерживая тенденцию к развитию более грубых отраслей производства, более примитивных форм организации труда, деперсонифицированных форм искусств, лишенных социального содержания, что опять-таки устраивает большинство. Круг замыкается. Картина слишком пессимистическая, сказал Социолог. Смотря с какой точки зрения, сказал Шизофреник. Мы стоим у самых истоков желаемого. Надо все начинать сначала. А если мы начнем, то нам снова придется пережить все хрестоматийные ситуации и образцы. Конечно, моя позиция пессимистична с точки зрения одной жизни. История не считается с тем, что жизнь коротка. Но с точки зрения вечности никакого пессимизма тут нет. Существуют конфликты людей, неконтролируемые последствия, разнородность районов и стран. Кстати, если человечество и погибнет, то не от разъединения и драк, а именно от единения и однородности. Наконец, не исключается возможность появления высоконравственных личностей. Хотя состояние нравственности самое неустойчивое для социального индивида, а нравственная жизнь -- мученический подвиг, вероятность появления таких людей все же выше нуля. А влияние таких людей на ход истории мы явно недооцениваем. Я во многом согласен с Вами, сказал Мыслитель. И фактически мы делаем то же самое Дело, что и Вы. Но иначе. И, как видите, с иными последствиями. Там вверху ведь тоже не все злодеи и дураки сидят. Они кое-что понимают. Но практически действовать они не могут. Попробовали бы Вы провести хотя бы одну маленькую реформочку социального значения в масштабах государства, тогда, может быть, поняли бы, что это такое на деле. Критиковать и строить утопии теперь всякий может. Мы должны вместе делать одно Дело. Я никого не критикую и ничего не предлагаю, сказал Шизофреник. Я ничего не делаю в Вашем смысле. Я только думаю. А то, что Вы называете "Мы", действительно есть пустейшая абстракция. Вы даже не догадываетесь (если то, что Вы говорите, искренне), насколько наши позиции различны. Казнимый и палач тоже делают одно дело. И палачи всегда призывали казнимых к сотрудничеству. К сожалению, как правило, они имели успех. А Вы,

оказывается, моралист, сказал Сотрудник. Нет, сказал Шизофреник. Морализм есть формула демагогии, обмана и насилия. Я морален. А это нечто противоположное морализму. Моральный человек -- Красная Шапочка, а моралист -- Серый Волк, нарядившийся Красной Шапочкой. Еще в том трактате, сказал Сотрудник, Вы утверждали, что мораль не имеет никаких основ, кроме решения отдельных индивидов стать моральными. Значит, по-вашему, она -- продукт свободной воли. Но это же примитивная ошибка, непростительная для такого человека, как Вы. Я этого не утверждал и не утверждаю, сказал Шизофреник. Как же так, сказал Сотрудник. У Вас же тут прямо так и написано. Написано, сказал Шизофреник. Но это утверждаю не я, а Уклонист. Я же по этому поводу определенного мнения пока не имею. Это софистика, сказал Сотрудник. Писали-то все равно Вы. Из того, что я пишу какое-то утверждение, не следует, что я его принимаю за истинное, сказал Шизофреник. Вот Вы сейчас сами повторили фразу, которая написана в моем трактате. Но Вы же ее не считаете своим убеждением. Конечно, нет, сказал Сотрудник. Но что-то Вы хотите сказать своим трактатом. Что именно? Хочу, сказал Шизофреник, но это вопрос не юридический. Ответьте нам на него просто как на вопрос человеческий, сказал Социолог. Не буду, сказал Шизофреник. Вы не являетесь людьми, которых я признаю равноправными собеседниками. И я не хочу с вами говорить ни в каком ином плане, кроме юридического. Но Вам же отлично известно, что такого плана тоже нет, сказал Сотрудник. Есть лишь иллюзорно юридическая фразеология. А кроме того, какими бы безупречными с логической точки зрения ни были Ваши парадоксы, они для обычного человека выглядят как бесчеловечные отклонения от нормы. Все лучшие достижения цивилизации появились сначала как отклонения от нормы и изображались обычно как враждебные человеку, сказал Шизофреник. Цивилизация вообще есть уклонение, протест и защита от нормы. А что Вам цивилизация, сказал Претендент, живем-то мы один раз. Мы уже не живем, сказал Шизофреник. Нас уже нет. Так что подумайте лучше о тех, кто будет потом. Кто знает, может быть, мой потомок вот так же будет допрашивать Вашего. Это не имеет значения, сказал Сотрудник. Через два или три поколения биологическое родство людям безразлично. Но не безразлична причастность к прошлому, сказал Шизофреник. Вы просто не любите наш изм, сказал Мыслитель. И этим все объясняется. А если, действительно, не люблю, сказал Шизофреник. Но разве это преступление? Не преступление, конечно, сказал Сотрудник, но нечто более серьезное, а именно -- возможность и угроза преступления. Но я не питаю к нашему изму любви и ненависти, сказал Шизофреник. Я к нему отношусь иначе: я его понимаю. Вы ко всему прочему еще и наивны, сказал Претендент. Неужели Вы думаете, что познание сути нашей жизни играет какую-то роль? В конце концов, все решают люди дела. А они всегда имеют или специально изобретают ложные представления о жизни. Иначе они не могут действовать. Чтобы нанести удар по какой-либо стороне изма, надо выступать в качестве человека, укрепляющего ее. Наивность есть тоже идеология, сказал Шизофреник. А знание правды есть первое чисто человеческое дело. Вы это знаете не хуже меня. Знаем, сказал Социолог. И потому мы Вам не завидуем. Я не сделал ничего преступного, сказал Шизофреник. Помимо юридической преступности, сказала Супруга, есть социальная преступность. Вы же сами об этом писали постоянно. Я не употреблял такого выражения, ибо оно двусмысленно, сказал Шизофреник. Оно означает осуществление действий, опасных или вредных для общества, и

осуществление действий, которые направлены на ограничение социальных законов или противодействуют им, но которые не опасны и не вредны для общества как целого Скорее наоборот. Что Вы имеете в виду? Перестань выпендриваться, сказала Супруга и захихикала, ты такое же дерьмо, как и мы. И они все сразу же исчезли.

За перегородкой поносил свою не менее агрессивную жену пьяный хозяин. Плакал ребенок. У соседей гремел телевизор. За окном грохотал грандиозный мир, конструируемый согласно теории конструирования именно такого мира и на основе великих достижений реабилитированной релятивистской кибенематики.

ИТОГИ

Сотрудник сложил в папку трактат Шизофреника и заключения экспертов Социолога и Мыслителя и опечатал ее. Затем он дал указание принять меры к нераспространению или к пресечению распространения, если таковое имело место. Впрочем, подумал он, как и в тот раз, все это заглохнет само собой. Эту галиматью никто читать не будет. Скучно,

ДОКЛАД

Доклад Заведующего был закончен досрочно и с перевыполнением плана на сто пять процентов. Заведующему его доклад очень понравился, и он его зачитал дважды и велел опубликовать тремя изданиями. Через весь доклад красной нитью проходила правильная мысль о том, что у нас все правильно, за исключением некоторых неправильных пустяков, на которые надо обратить самое серьезное внимание, и что все у нас ведут себя правильно, за исключением некоторых единичных сумасшедших и еще более единичных врагов, которых мы единогласно осуждаем и по отношению к которым принимаем правильные меры. Приняли решение считать главным направлением работы всех сотрудников до следующего доклада пропаганду этого доклада и подготовку нового. В Журнале напечатали сто статей и заказали еще двести с разъяснениями глубокого содержания доклада Заведующего, комментариев Заместителей к докладу Заведующего и разъяснений Помощников к комментариям Заместителей к докладу Заведующего.

ИДЕЯ ЗАГОВОРА

Претендент в широком кругу незнакомых сказал после доклада Заведующего, что Заведующий вовсе не дурак. Мыслитель в узком кругу знакомых сказал, что Заведующий не такой уж кретин, как все мы думали раньше. Но ему это может повредить, так как другие там еще хуже. Поэтому его нужно поддержать. И в воздухе повисла идея заговора с целью укрепления существующего положения вещей. Наметились три враждебных направления. Радикальное левое крыло

настаивало на том, чтобы не допустить никаких улучшений сверх тех, которые захочет осуществить само Руководство. Правое умеренное крыло стремилось не допустить никаких ухудшений сверх тех, которые захочет осуществить само Руководство. Центристское болото не стремилось ни к чему, мечтая лишь о том, чтобы все осталось как есть, а уж если должно быть хуже, то чтобы оно коснулось их в наименьшей степени. Сразу же начались разногласия.

КОНЕЦ

Конец все ждали и точно предвидели, читал Инструктор последнюю страницу рукописи Шизофреника. И потому он наступил неожиданно. Однажды среди ночи их подняли и объявили, что создана маршевая рота на фронт, им всем простили их тяжкие грехи и всех, за исключением Патриота, Литератора и Сачка, зачислили в роту. Патриот и Литератор разошлись по своим подразделениям. Сачок перевернулся на другой бок на койке в санчасти. Остальные собрали вещички и присоединились к собравшимся во дворе. Пехотный старшина скомандовал: "В две ширинки виссссь!", потом: "С места песню шагыыыым аррш!". Паникер, окончивший в начале войны полковые курсы ротных запевал, рявкнул так, что завыли сразу все ибанские собаки:

Ты не хныкай, твою мать,
Моя дорогая!
Коль придется подыхать,
Знать, судьба такая.

"Выше головку, тверже ножку, подтяниииись!", крушил ночную тишину пехотный Старшина. И, как сказано в "Балладе",

Пошагали они прочь
Навсегда куда-то в ночь.

После их ухода губу перевели в подвал. Началась ее нормальная история. Она общеизвестна. В этой истории их уже не было.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Окончив читать рукопись Шизофреника, Инструктор плюнул в нее от разочарования и велел уничтожить за отсутствием подходящих улик. Потом он стал ждать дальнейших указаний снизу.

СКУКА

Клеветнику стало невыносимо скучно. Нет друзей. Нет семьи. Нет соратников. Нет учеников. Нет собеседников. Нет зарплаты. Нет даже противников. Никого. Ничего. Дело, оказывается, гораздо серьезнее, чем он предполагал. Исчез Человек. Индивиды вроде меня тут совершенно не нужны. Они тут чужие. Клеветник пошел к Ларьку. Там, как всегда, толпились пьяницы. Гремела жизнерадостная музыка. И нельзя было понять, откуда она исторгается.

Вот хор ибанской тряски завел популярные частушки на слова Литератора:

Ты, подружка, твою мать,
Пропоем страдание.
Сперва было бытие,
А потом сознание.

Последние две строчки Клеветник понял совсем иначе:

Сперва было битие,
А потом признание.

Их яма была занята незнакомой компанией. Когда он приблизился, молоденькая девочка с широченными плечами и полуобнаженным костлявым задом процедила ему сквозь сигарету, чтобы он мотал отседова, пока не схлопотал по рылу. Хотел бы я знать, подумал он, к какой категории отнес бы это явление Шизофреник? К антисоциальности? Вряд ли. Это -- не протест, а приспособление.

Жена выпить не дает,
Как собака лается.
Все по-прежнему течет
И даже развивается.

И Клеветник куда-то ушел, так как никому не был нужен. А над пустырем гремел и гремел жизнеутверждающий мотив:

У моей зазнобы в попе
Сломалася клизма.
Снова бродит по Европе
Старый призрак изма.

НАДГРОБИЕ

ЭПИТАФИЯ ЖИВОМУ

Чуть свет ты вскакиваешь с кровати. Наспех одеваешь заспанного ребенка. И торопишься отвести его в детский сад. И ты видишь, такой же человечек ведет такого же ребенка в такой же детский сад.

Схватив авоську, ты бежишь в магазин. И стоишь в очереди. И рядом с тобой стоит этот человечек. Человечек нервничает. Человечек опаздывает на работу. А продавщица работает медленно. Ей некуда спешить. Она на работе. Ей наплевать на работу. Ей все равно. А без очереди лезут другие человечки. А того, что нужно человечку, здесь нет. И нужно бежать в другой магазин. И стоять в другой очереди.

Ты с трудом втискиваешься в вагон метро. И рядом с тобой протискивается тот же человечек. Он наступает тебе на ногу. Ты проскальзываешь на место, на которое он метил по праву первопробившегося.

Ты прибегаешь в свое учреждение. Перевешиваешь свой номерок. И рядом с тобой все тот же человечек перевешивает свой номерок. И садится рядом с тобой за стол. И шуршит, как и ты, никому ненужными бумажками.

Он идет с тобой на собрание. И на другое собрание. И на третье. И вместе с тобой подыхает со скуки. И с нетерпением ждет бессмысленного конца. Вместе с тобой он голосует За. Вместе одобряет. Вместе голосует против.

Вместе осуждает. Вместе... Вместе... Вместе...

Ты о нем знаешь все. Знаешь, какой у него шкаф и стол. Какой диван. Как работает его унитаз. Какое у него давление. Куда поступают его дети.

Ты о нем не знаешь ничего. Ты не знаешь, что в его маленькой головке каждый день и каждый час думается маленькая-маленькая книга. Она никогда не будет написана. Никем не будет прочитана. В ней нет событий. Есть только маленькие мысли. Унылые мысли. Никчемные мысли.

Человечек думает свою жалкую жизнь. И эта жизнь есть главная и единственная его книга. И последняя.

Этот человечек есть Никто. Он всего лишь твой ничтожный сослуживец.

Этот человечек есть Все. Он полновластный господин твоей судьбы.

Этот человечек есть ты сам.

ИЗ СТАТЬИ СЕКРЕТАРЯ

Нас часто спрашивают, есть бог или нет, писал Секретарь. Мы на этот вопрос отвечаем утвердительно: да, бога нет.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИБАНСКОЙ ИСТОРИИ

История Ибанска складывается из событий, которые чуть было не произошли; почти что произошли, но в последний момент все-таки не состоялись; ожидались, но так и не наступили; не ожидались, но несмотря на это случились; произошли не так, как следовало, не тогда, когда следовало, не там, где следовало; произошли, но признаны не имевшими места; не произошли, но стали общеизвестными. Эту классификацию предложил Клеветник в узком кругу разномышленников в пивном баре на площади Учителя после четырнадцатой кружки. Его сослуживец Кис, наложивший в штаны совсем по другому поводу, заодно сообщил и об этой классификации. Клеветник исчез. Но к удивлению коллег, он через много-много лет посмертно вынырнул на девственно гладкую поверхность культурной жизни Ибанска, публично дал по морде Кису и начал искать подходящее место. Произошло это уже после того, как ибанцы, обливаясь горючими слезами, наконец-то проводили в долгожданный последний (как некоторые тогда наивно думали) путь Хозяина и наспех прикрыли кто чем мог свои разукрашенные шрамами и синяками голые зады, теоретически подготовленные для очередной всеобщей порки. Ожидаемая порка, к великому огорчению ибанцев, не состоялась, и они в ужасе предались робкому ликованию. Претендент за мужество был удостоен избрания. Мыслитель обозвал всех трусами, как они того и заслуживали, и сократил число цитат из Хозяина вдвое. И опять ничего не произошло. Мыслитель успешно защитил диссертацию. Социолог вместо обычного титула Хозяина "самый гениальный сверхгений из всех гениальнейших гениев" употребил сильно ослабленный титул "величайший гений". Ничего не произошло и на этот раз. И Социолог опять уехал за границу. Никого не брали. Боже мой, заплакал после этого от радости Кис, что же теперь будет, одна надежда теперь -- китайцы. Китайцы обрадовались не меньше Киса,

но сделали все по-своему.

Вернувшегося из небытия Клеветника с перепугу назначили чем-то заведовать. Воспользовавшись кратким замешательством, он изловчился напечатать малюсенькую книжонку о чем-то таком, о чем писать было еще рано тогда и стало уже поздно потом. В книжонке он все исказил, а остальное изложил неправильно. Вышестоящее начальство, которое после упомянутого радостного трагического события стало еще более вышестоящим и радикально изменило точку зрения, публично заявило по адресу Клеветника, что как волка не корми, он все равно смотрит в лес, и разослало закрытое письмо о том, что горбатого могила исправит. Клеветника тут же освободили от обременительного заведования и хотели выселить из Ибанска обратно как бездельника. Но время было уже не то. И Клеветник устроился (вот пройдоха!) в какое-то захудалое учреждение самым младшим сотрудником с самым низким окладом. Социолог, не сумевший помешать этому, приписал заслугу себе. Мыслитель сказал, что Хозяина воскресить уже не удастся, хотя к этому никто и не стремился. А на горизонте Истории Ибанска уже маячила колоритная фигура Хряка. В одной руке фигура держала маленький кукурузный початок, не достигший молочно-восковой степени зрелости, а другой делала большой кукиш. Одна нога у фигуры была босая, фигура громко икала и бормотала лозунги: НОНИШНОЕ ПАКАЛЕНИЕ, ТВОЮ МАТЬ, БУДИТ ЖИТЬ ПРИ ПОЛНОМ ИЗМЕ. Посмотрев в сторону абстракционистов, фигура погрозила им пальцем.

ПОХОРОНЫ ДИРЕКТОРА

Неожиданно для себя самого сдох Директор. Врачи пустили слух, будто от рака. Но Болтун утверждал, что это вранье. Директор сдох от самодовольства и калоизлияния в мозг. Его хотели повысить чуть ли не в самый верх, и от чрезмерного ликования у него лопнула кишка в голове. Подслушавший речь Болтуна способный сотрудник Кис заявил на это (так, чтобы слышали все присутствовавшие на кладбище), что это, во-первых, совсем не смешно, а во-вторых, острота тут совсем неуместна. Даже школьникам известно, что в голове помещаются большие полушария головного мозга, снабженные (правда, не у всех) извилинами, а не кишками. Стоявший рядом и подыхавший от скуки Неврастеник сказал, что Болтун прав, так как у высокого начальства в голове размещается именно кишка с соответствующим ей содержимым. Вспомните, что сказал Секретарь, когда Директор обещал написать девятитонную теорию нашей практики! Он сказал, что у Директора кишка тонка!

Хоронили Директора на Старобабьем кладбище. Помимо тех, кто обязан был присутствовать на похоронах по закону, а также тех, кто не мог не присутствовать в силу отсутствия закона, разрешавшего безнаказанно не присутствовать, пришли все те, кто имел шансы стать директором, а, может быть, и повыше. Они приложили огромные коллегиальные усилия к тому, чтобы Директора похоронили именно здесь, ибо это была забота об их собственном будущем. Похороны Директора на Старобабьем кладбище создавали невиданный в прошлом и заманчивый в будущем прецедент. Это было конкретной реализацией новой установки повысить руководящую роль руководящих кадров и

активизировать инициативу снизу. И вместе с тем они с нескрываемой завистью смотрели на пылающий кумачом гроб Директора. Вот проходимец, говорил весь их вид, ловко устроился! Урвал такое местечко! Неврастеник заметил это и шепнул Болтуну, что эти дегенераты завидуют директору. Представляешь, они заранее думают о том, какой будет некролог, кто его подпишет, где напечатают, на каком кладбище похоронят. Жуть берет! Откуда только такие люди берутся! Они совсем не люди, говорит Болтун. Они суть социальные функции без человеческих примесей. Они проходят такой отбор и такую дрессировку, что в них ничего человеческого сначала не попадает, а потом совсем не остается. Никакой психологии. Только социальный расчет. Некролог и кладбище -- это их неотъемлемые привилегии и конечная цель. Пообещай им похороны в Стене, они пойдут на любые пакости ради этого. Мне от этого страшно, говорит Неврастеник. Ведь они же всех людей сделают такими. Что же это будет такое? Сделали, говорит Болтун. Пойдем-ка лучше выпьем слегка и помянем Шизофреника. И они смылись с кладбища в самый ответственный момент, когда гроб с телом погибшего от ликования Директора сорвался с веревок и упал поперек. Кис проводил их презрительным взглядом и направился в сторону Сотрудника. Любопытно, сказал Неврастеник, кого они теперь назначат. В этой ситуации, сказал Болтун, наилучший директор -- наихудший прохиндей, достигший всего и не имеющий перспектив получить больше. Такой не будет мешать тебе ничего не делать. И будет делать все для того, чтобы вышестоящее начальство считало, что ты делаешь именно то, что нужно, и именно так, как нужно. Ну, а если ты хочешь работать, спросил Неврастеник. На всех не угодишь, сказал Болтун.

И никто тогда еще не знал и не мог знать того, что пройдет немного времени, и рядом с могилой Директора появится могила самого Хряка, которого даже за одну сотую выпоротых им ранее ибанцев должны были бы похоронить в Стене. Но хорошо отрепетированная история Ибанска уже начала давать перебои и создавать исключения. И уж тем более никто не мог тогда предполагать, что в связи с могилой Хряка разыграется один из самых нелепейших эпизодов в истории Ибанска, ставших благодаря своей исключительной нелепости характернейшим проявлением ее глубочайшего смысла.

ПЕРЕЛОМ

В жизни Ибанска произошел коренной перелом. Было признано официально, что эта самая жизнь, гениально предначертанная свыше еще более ста лет назад, подготовленная всем ходом развития материи за всю прошлую половину бесконечного времени и осуществляемая в полном соответствии с ее же собственными глубинными законами и анкетой под присмотром особого отдела, обнаружила некоторые недосмотры отдельных злоумышленников. В Газетах напечатали острый критический материал. В трамвае номер пять (водитель товарищ А, заведующий парком товарищ В, начальник управления товарищ С) пассажиры X и У, стоявшие поблизости от старухи 2, не уступили место старухе D. И лишь под давлением общественности пассажир Е был вынужден уступить место младенцу К, на которое и усадили старуху 2, несмотря на ее сопротивление, так как она уже проехала свою остановку. А гражданин А в

овощном магазине (заведующий товарищ B) толкнул гражданку C, которая нахально лезла без очереди, и не извинился перед кассиршей D, которая обсчитала гражданина E и справедливо обозвала его хамом. В отношении пострадавших приняли меры.

ИМПЕРИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Доказано, что ребенок рождается на свет со всеми возможными способностями. Из любого ребенка путем правильного воспитания по нашей теории можно получить физика, блондина, дворника, мужчину, продавщицу газированной воды и популярного киноактера. И уж, во всяком случае, художника. Эту истину даже и доказывать не надо было, поскольку в этом не было никакой надобности. Всякий родитель, желающий видеть свое одаренное чадо художником и имеющий к этому подходящие способности, по личному опыту знает, что это так и никак иначе. Прочих же родителей это вообще не касается, так как это не их дело.

Итак, родители, имеющие упомянутые способности, устраивают своих детей в многочисленные кружки и специальные школы. В специальные школы, конечно, труднее. Так что на этом этапе формирования художника происходит более строгий отбор наиболее способных родителей. Самые способные из обученных таким образом детей и родителей с правильной анкетой отбираются в менее многочисленные училища и институты. Здоровое соревнование на этом этапе становится еще более строгим, увлекая своим драматизмом родственников, знакомых и различные категории лиц, о которых все знают, но помалкивают во избежание недоразумений. Иногда лиц этой категории разоблачают. Но это бывает редко. Чаще разоблачают они сами. На каждом новом этапе роль способностей родителей несколько снижается, а роль неспособности детей сильно возрастает. Начиная с некоторого момента осознавшие свои таланты дети выпускают когти, обнажают клыки и уже без посторонней помощи начинают свое бескорыстное служение красоте и истине. Самые способные из окончивших училища и институты, усвоившие наряду с умением ваять и писать вождей, героев, коров и березки также и способности использовать эти самые способности, участвуют в общих выставках и со временем удостаиваются персональных выставок, получают заказы, премии, звания, квартиры, избираются в советы, комиссии и академии, создают бюст, торс, статую, портрет, пейзаж. Одним словом, портят свою и в особенности чужую жизнь по всем установленным свыше и не подлежащим сомнению законам красоты.

Чтобы упомянутые законы красоты свято соблюдались и чтобы не было досадных упущений, частично были изобретены и частично возникли самопроизвольно полчища мудрых наставников из расчета пять к одному (пять штук на одного дипломированного художника) из числа самих же наиболее преуспевших художников и прикрепленных к ним сотрудников и отставных полковников, которых уже не было никакой возможности вследствие чрезмерной перенасыщенности использовать на поприще науки. Наставники образовали мощную, хорошо управляемую, очень хорошо самоуправляющуюся и отлично самоуправствующую систему, для которой главной функцией стало производство кадров для расширенного самовоспроизводства, а производство художников стало

крайне второстепенным делом, от которого они охотно избавились бы, если бы вышестоящее начальство не намекнуло им, что с этим надо еще немного повременить. Главным ингредиентом рассматриваемой системы являются следующие учреждения. Академия Художеств. Ей подчиняются специальные Институты. Члены ее входят во все прочие учреждения системы. Союз Художников. Ему подчиняются Союзы рангом пониже, этим -- Союзы рангом еще ниже. И так до конца. Ему подчиняются также бесчисленные фонды, Мастерские, Комбинаты, Комиссии, Советы. Члены всех этих учреждений входят так или иначе во все другие учреждения. Министерство культуры, имеющее специальный Отдел культуры, имеющий специальный подотдел изобразительного искусства. Высший Комитет, имеющий Отдел культуры, имеющий специальный подотдел изобразительного искусства. Специальный Отдел в другом не менее важном Комитете, ведающий делами культуры в имеющий специальный подотдел, ведающий делами изобразительного искусства. Многочисленные специальные Издательства, Журналы, Газеты. Еще более многочисленные специальные отделы во всех прочих Издательствах, Журналах, Газетах. Плюс ко всему этому сверхбдительная армия добровольцев-ибанцев, которая тщательно следит за каждым микроскопическим кусочком пространства и времени, заполненным искусством, и имеет в том немалый опыт. Наконец, постоянно действующие Установки и отвечающие моменту Инструкции. Через эту систему в принципе не могли проскочить даже космические лучи, которые предпочитали огибать ее стороной, что породило в среде современных физиков, безумную идею (по которой они так тосковали) искривленности пространства и обратимости времени. Как сказал Клеветник, если хочешь узнать тайну, как из сотен одаренных мальчиков и девочек вырастают тысячи бездарных мужчин и женщин, по старинке называемых художниками, изучи эту систему. Возможность пробиться через эту систему настоящему художнику настолько же велика, как возможность для зажаренного в крематории и умирающего от крайней старости человека, изрубленного в мясорубке, растертого в порошок и спущенного затем в унитаз, вынырнуть на окраине Ибанска из канализационного отстойника в виде, пригодном для сдачи норм нового комплекса "Будь готов к труду и обороне".

И все же в системе образовались щели. И через них полезли унылые клопы-абстракционисты и вертлявые, но непризнанные тараканы-формалисты. И не стало от них спасения. Прогрессивные теоретики закричали во всеуслышание, что они против. И это не помогло. Но это было еще полбеды. Вылез ни на что не похожий Мазила и весело захохотал. Его обозвали абстракционистом. Не помогло! Потом формалистом. Опять не помогло! Потом экспрессионистом. И снова не помогло! Потом модернистом. Что за черт, и это не помогло! Не иначе, как бандит и валютчик, сказали реакционеры. Верно, сказали либералы, не иначе, как пьяница, гомосексуалист, наркоман и бабник. И тогда Мазила стал главой нового направления в ибанском искусстве, состоящего из него одного и не имеющего никакого направления ни налево, ни направо, ни назад, ни вперед. Болтун все же нашел выход из положения. Есть в общем два вида искусства, сказал он. Искусство из себя наружу и искусство в себя изнаружи. Я долго пытался найти причинное объяснение первому. И не нашел. Наоборот, нашел, что оно в принципе беспричинно. Это -- своего рода дырки в пространстве, через которые в наш хаотичный темный мир втекает упорядоченность и просветленность. Ученый сказал, что идея Болтуна вполне в духе идей современной физики.

После того, как неправильные направления в искусстве достигли угрожающих (по мнению начальства) размеров, были приняты меры, усугубившие вредные последствия. В частности, был выдвинут проект принимать в Союз Ибанских Художников лиц не моложе шестидесятилетнего возраста. Причем сначала принимать в кандидаты. И только после двадцатилетнего испытательного срока переводить в члены. Превосходно, сказал по сему поводу Болтун. Только в инструкции по приему надо добавить пункт: к заявлению о приеме в Союз следует прикладывать собственный гробик. И надгробие, сказал Мазила. Я в этом заинтересован как профессионал.

ХРЯК

Если бы год назад ибанцам кто-то сказал, что Заведующим будет Хряк, его бы осмеяли. А если бы им кто-то уже после прихода Хряка к власти сказал, что Хряк скоро будет разоблачать Хозяина, этого человека немедленно отправили бы туда, откуда после разоблачительного доклада Хряка стали десятками тысяч возвращаться поротые и перепоротые случайно уцелевшие ибанцы из числа тех очень отдельных, которых Хозяин тайно от своих Заместителей и Помощников и от всех остальных ибанцев невинно пожурил за какие-то пустяки. Но это невероятное событие произошло. Хряк более или менее внятно зачитал разоблачительный доклад, неизвестно кем, для кого и с какой целью составленный. Ибанцы были ошеломлены. Но не столько тем, о чем говорилось в докладе (ибанцы, разумеется, ничего подобного тогда еще не знали и ни от кого об этом не слышали, ибо это все делалось в строжайшей тайне, а теперь они этого уже не знают еще более), сколько тем, что об этом говорилось. И не на кого было за это доносить, ибо тот, кто говорил, сам мог донести на всех и всех выпороть. И никого не брали за то, что они это слушали и двусмысленно перемигивались. На этой почве даже были жертвы. Занимавший до этого довольно крупный пост Член вдруг начал бороться за правду и был за это уволен на пенсию. Один спьяну застрелился. Остальные отделались укорами совести, которой у них никогда не было.

Как ты думаешь, спросил Мазила у Болтуна, будет ли осуществлено возмездие? Твой вопрос смеха достоин, сказал Болтун. Во-первых, если осуществится возмездие, то число жертв по крайней мере удвоится. А во-вторых, кто его будет осуществлять? Тот, кто сумеет захватить функции возмездия, продолжит дело, начатое предшественниками. Возмездие в нашем случае исключено как историческое действие. Оно возможно лишь как моральное явление.

ЧТО ЛЕПИТЬ

Чтобы стать скульптором, Мазила пьянствовал (тогда все пьянствовали, как и сейчас), шлялся по бабам и занимался изучением гуманитарных наук, которые по наивности считал возможными в Ибанске, и философии, которую по еще большей наивности считал наукой. Это не существенно, говорил Клеветник по этому поводу. Может быть даже и лучше, что тут наукой и не пахнет. Зато

тут водятся идеи. А настоящий скульптор должен лепить не людей, героев и животных, а идеи и мысли. Пусть девять тысяч девятьсот девяносто девять наших скульпторов лепят коров и героев. Это -- необычайно важное дело. Но пусть хотя бы один займется пустяками и начнет лепить мысли. Шизофреник сказал, что мысли вроде бы почитаются нематериальными и вылепить их поэтому вроде бы довольно трудно. Клеветник сказал, что надо попробовать, вдруг получится. Если уж мудрить, так на всю железку. Притом надо лепить проблемы. Ставить проблемы вообще важнее, чем их решать. Решенные проблемы исчезают в прошлое. Поставленные рождают будущее. В особенности принципиально неразрешимые проблемы. Они вечны. Человек вообще начинается со стремления сделать невозможное.

АНАЛИЗ БОЛТУНА

В пивном баре на площади Учителя (он тогда еще был открыт и служил местом встреч нарождающейся мыслящей ибанской интеллигенции) отмечали неожиданное возвращение Клеветника. Говорили, естественно, о Хряке. Ему надо отдать должное, говорит Карьерист. Если бы не он, Клеветник не сидел бы сейчас с нами. Потом говорили все остальные. И сказали все, что можно сказать в такой ситуации, имея за плечами много лет шепота и молчания. Хотя сказали много умного и даже верного, Болтун заявил, что все это бред сивой кобылы. Вы же не глупые люди, орал он на весь бар (впрочем, кричали все, и потому никто не слушал друг друга), а не можете справиться с тривиальной задачкой. В одном этом событии переплетается множество разнородных проблем. Если их не расчленить и не добиться ясности по каждой из них, то это событие так и останется для вас загадкой, чудом, счастливым случаем, роковой ошибкой, решением сумасброда или разумным актом мудрой политики. Но тут нет никакой загадки, никакого чуда, никакого случая, никакой ошибки, никакой сумасбродности, никакой мудрости. И неверно говорить, что тут есть все понемножку, Здесь просто нужна совсем иная точка зрения.

Говорят, что Хряк разоблачил режим Хозяина и нанес по нему удар, там что теперь этого режима вроде бы и нет. Много ли сказано слов, а какая масса двусмысленностей! Что считать режимом Хозяина? Некоторые индивидуальные исторические особенности жизни нашего общества в это время или общую основу, породившую эти особенности в данных исторических условиях? Хряк не наносил никакого удара ни по какому режиму. Он спасал этот режим. И, спасая, предпринял некоторые не им придуманные акции для этого. Иное дело -- неконтролируемые последствия. А кто из тех, кто санкционировал эту акцию (а она -- плод решения многих власть имущих, а не одного), мог их предвидеть? Мы настолько привыкли к тому, что мы любую пакость проглотим безропотно как благодеяние свыше, а любое благодеяние воспримем как пакость, что никому даже в голову не могла прийти мысль о неконтролируемых последствиях. Они были немыслимы, и потому их не могло быть в принципе. Да уж если быть исторически точным, то основной удар по режиму был, действительно, нанесен. Но -- извне. Изнутри этот режим неуязвим. Удар был нанесен в начале войны. Именно тогда он закачался и рухнул в его иллюзорных одеяниях и нелепых крайностях. А потом эти крайности лишь агонизировали много лет. Они все

равно были бы сметены. Они были обречены со всех точек зрения -- с экономической, военной, человеческой. Они стали невыгодны всем -- и начальникам и подчиненным, у которых за время войны накопились свои "нет" и способности к сопротивлению. То, о чем говорил Хряк, было неожиданностью лишь для ханжей, лицемеров и самих палачей. И, может быть, для многочисленных кретинов. Для миллионов людей это был обычный нормальный образ жизни. Хряк, как и подобает власти в наших условиях, лишь ловко присвоил себе то, что сделали другие и что сделалось бы само собой. Он не заслуживает восхищения. Наоборот, он заслуживает презрения и насмешки.

Акция Хряка была отчасти акцией правящей группы, причем -- акцией самозащиты. Они боялись за себя. Сохранись прежнее положение, все они один за другим были бы ликвидированы теми, кто стремился бы сохранить статус-кво, т.е. ими самими же, но в очередности. Эта акция отчасти была выгодной акцией Хряка в борьбе за личную власть и в удержании ее. Тут даже нельзя сказать, что он преследовал свои личные цели, -- такие люди не имеют целей. Просто он слепо подчинялся механике взятия и удержания власти. У него что-то получилось в результате. Но не акт гуманизма, а акт, на какое-то время украсивший их власть и, между прочим, облегчивший жизнь многим людям. Это -- в последнюю очередь.

И вел он себя в этой в высшей степени выгодной для себя ситуации крайне глупо. Он лишь чуточку приоткрыл клапан, стравил излишнее давление а потом опять прикрыл. Преждевременно прикрыл. У него не хватило ума понять, что если уж бить, так бить во всю силу. Половинчатость в таких случаях кончается поражением. Говорите, ему не дали бы? Скинули бы? Не успели бы! Прежде, чем они очухались бы, он мог наломать таких дров, что потом принимать меры против него было бы уже поздно. Чем дальше он пошел бы, тем прочнее было бы его положение. Он, действительно, не мог ударить по-настоящему. Но не в силу понимания объективной невозможности полного удара, а в силу субъективного непонимания открывшейся возможности. И в силу нежелания бить сверх того, что нужно было ему самому в устройстве личных делишек. И в силу страха перед неведомыми последствиями. В наших условиях любой удар по Хозяину, как бы его не оформляли словесно, есть удар по всей системе, ибо Хозяин есть наиболее показательный ее продукт, а сам он в свою очередь врос во все сферы нашей жизни, в души всех людей. Причем даже слабый удар должен был вызвать могучий резонанс, буквально цепную реакцию крушения иллюзий. Не системы, подчеркиваю, а иллюзий. Если бы Хряк был мало-мальски умным человеком, он должен был бы это понять и идти до конца. А он занялся ликвидацией последствий своей акции. И породил новую ложную ситуацию, за которую еще всем (особенно Им самим) придется расплачиваться. Поразительно, что Они не могут понять очевидного: сама система необычайно прочна и устойчива. Война показала, что даже самое глупое руководство неспособно ее расшатать. Без идиотских иллюзий и сказок о рае земном, т.е. в своем откровенном виде, она еще устойчивее. Ошибкой была не акция по разоблачению режима Хозяина, а нежелание пойти в этом деле до конца. Помяните мое слово, эта ошибка еще даст о себе знать роковым образом. Здесь речь идет не о восстановлении исторической правды (скоро все это вообще перестанет интересовать широкие массы людей), а о создании более или менее нормальных условий существования данной социальной системы. Все равно на этом месте уже ничего другого не может быть. Надо это воспринимать как данность.

Что же касается снятия Хряка, то его, конечно, скинут. И довольно скоро. Но совсем за другое. Весьма возможно -- за нарушение меры соотношения личной и номинальной системы власти. Хозяин в свое время тоже создал систему личной власти, не совпадающую с номинальной, но потом он последнюю привел в соответствие с первой. Хряк тоже пытается идти тем же путем -- пример полного непонимания ситуации и неспособность к оригинальности. Но делает это карикатурно. Он оригинален только в глупостях. Какая грандиозная идея -- засеять пустырь кукурузой! И какие грандиозные прогнозы -- "нонишное пакаление будит жить при полном изме!".

ВОЗРАЖЕНИЕ НЕВРАСТЕНИКА

Все это, может быть, и так, сказал Неврастеник. Но он что-то пытается делать. Ездит по стране. Выступает. Ездит, сказал Болтун, и выступает. Где-то он даже сказал, что люди плохо живут, голодают. А попробуй теперь ты об этом где-нибудь скажи! Выпорют за клевету. Раз он сказал о недостатке, значит такого недостатка уже нет. Исправлен. Неврастеник прав, сказал Карьерист. Нельзя так с ходу все зачеркивать. Мазила сказал, что Хряк сейчас интересуется положением в искусстве. Хозяин тоже интересовался, сказал Болтун. Хряк тут не оригинален. Им положено по чину интересоваться всем тем, к чему они сами не испытывают никакого интереса и в чем ничего не смыслят. Но я готов держать пари, что ты еще заработаешь от него по морде.

ВОЗРАЖЕНИЕ КЛЕВЕТНИКА

Клеветник сказал, что он в целом разделяет концепцию Болтуна. Но считает, что индивидуальные психические качества исторических деятелей нельзя игнорировать полностью. Он уверен в том, что в рассматриваемой акции Хряка огромную роль сыграла его природная незаурядность, интуиция, энергия. Ведь не будет же Болтун отрицать, что личные психические качества Хозяина благоприятствовали случившейся трагедии и усиливали ее. Болтун на это выругался матом, хватил внеочередной стакан водки и запил ее внеочередной кружкой пива. Вы целиком и полностью остаетесь в рамках официального толкования событий, сказал он. Хозяин в борьбе за личную власть допустил, прибегал и все такое прочее. Да разве в этом суть дела! Подсчитайте, сколько в стране краев, областей, районов, союзов, трестов, объединений, заводов, дорог, домоуправлений, министерств, вузов, главков, рот, полков и прочая и прочая и прочая. Подсчитайте, сколько человек требуется на миллионы постов, исполняющих ту или иную форму власти. Погрузите это в исторические условия страны. Революция-то была! И контрреволюция! И гражданская война! Прибавьте к этому открывшуюся возможность для каждого желающего занять какой-то пост. И вы получите лишь первое бледное представление о том, кто был реальным автором и исполнителем разыгравшейся трагедии. А что касается индивидуальных психических качеств, они в массе не играли абсолютно никакой роли. Да их и не было вообще. Это лишь фикция. Дело даже не в том, что они не играют никакой роли. Подчеркиваю, их вообще нет. Что такое психика с социальной

точки зрения? Плохо организованное осознание своей больной физиологии. И ничего более. Наличие психики с социальной точки зрения есть лишь отклонение от нормы. А Хозяин, Хряк и миллионы их соратников социально нормальные. Психика им не нужна. И потому ее не было и нет. Психология же как наука (или, точнее, как претензия на науку), из которой мы судим о какой-то мифической психике, никакого отношения к психике на самом деле не имеет. Она есть мешанина из беллетристической трепотни за счет физиологии и архаического лепета старой логики по поводу мышления. Разговоры на тему о психике таких индивидов, как Хозяин и Хряк, беспредметны. Они имеют интерес не более, как интригующие сплетни. Да ну их к чертовой матери! Кто они такие, чтобы забивать свою голову их жалкими персонами? Давайте лучше тяпнем еще по одной.

ВЗРЫВ

Цикл скульптур "Война" Мазила закончил в самый неподходящий момент. Предстояла выставка, на которую допустили всех тех, кого раньше не только не допустили бы, но за счет которых значительно увеличили бы число поротых. А выставку должен был посетить сам Хряк. Опять-таки трудно судить, было устройство такой выставки проявлением новых веяний или коварных намерений консерваторов показать начальству, до чего докатилась подпавшая под тлетворное влияние запада молодежь. Клеветник утверждал, что новые веяния в промежуточные эпохи обычно прекрасно уживаются с консервативными умыслами, порождая характерные для таких эпох промежуточные формы, и предлагал рассматривать эти формы как самостоятельные, не сводя их к более резким классическим образцам.

Цикл "Война" толкуют как протест против войны. Что же, сказал Шизофреник. Можно и так. Но можно и иначе. Вот, допустим, скульптура "Срывающий противогаз". Пусть автор задумал изобразить, как человек срывает противогаз. Противогаз спас человека от зараженного воздуха. Опасность прошла. Можно снять его. Мораль? Какая нехорошая штука война! Смешно? Разумеется. Но посмотрите на рожу этого счастливчика, который спасся от смерти. Что она выражает? Радость? Нет, тут получилось совсем другое. Человека надули, сказали, что воздух заражен. На него надели маску, чтобы он не дышал зараженным воздухом. И вот человек срывает маску, так как невмоготу. И что же? Он поражен. Воздух, оказывается, чист. Все, оказывается наоборот! И "Взрыв" лишь навеян взрывом атомной бомбы. На самом деле, он о другом. Он о том взрыве, который происходит сейчас в сознании ибанцев. Я бы лучше назвал весь этот цикл словом "Хватит". Звучит красиво, сказал Болтун, но несколько высокопарно. Я бы предпочел несколько иной вариант: бунт сослуживца.

БУНТ СОСЛУЖИВЦА

У гражданина ..., писал Сослуживец, собираются компании. Судя по одежде и акценту, бывают иностранцы. Ведут антиибанские разговоры. Например, вчера

говорили о ненапечатанной у нас книге Правдеца и хвалили ее... Заклеив конверт, Сослуживец отнес его в ближайший почтовый ящик и тяжко вздохнул: до чего же эта гнусная система доводит порядочных людей! Вернувшись домой, Сослуживец начал обдумывать стихи для стенгазеты. Тема великолепная, думал он. Есть, где развернуться. Эпитафии на ныне живущих прохиндеев! Эх, и даст же он по мозгам кое-кому! Стихи Сослуживец писал с детства. Читал близким знакомым. Хвалили, но советовали спрятать подальше. Хотя времена и не те, но все-таки кое-кого и за менее опасные вещи привлекают. Лучше, конечно, выбросить. Но на всякий случай лучше сохранить. Всякое еще может случиться. Вдруг опять зигзаг какой-нибудь выйдет. Можно напечатать будет. И прогреметь. И как знать... А вдруг донесут!!! Народ у нас сволочной! Ни на кого надеяться нельзя. И лоб Сослуживца покрывался холодным потом, носик начинал мелко дрожать, а штаны наполнялись содержанием. А чего я боюсь? Хватить в конце концов! Надоело! Стихи получались злые. Смеху будет, думал Сослуживец. Подписывать, разумеется, нельзя. Секретарь будет оппонентом, это гарантия! А слушок, кто автор, пустить стоит. Потом завсегда отвертеться можно будет. Нет, все-таки слишком зло получается. Надо немного сгладить...

СТОЛКНОВЕНИЕ

Хряк, как увидел скульптуры Мазилы, интуитивно почуял, о чем они. Может быть, его предварительно и настроили против Мазилы. Но это маловероятно. Настраивать не надо было. Все и так было достаточно ясно. Произошло знаменитое столкновение Мазилы с Хряком. Хряк чуть было не лишился пуговицы. Мазила лишился большего и мог лишиться еще большего. Но, как справедливо заметил Мыслитель, время было уже не то. Разговор Мазилы с Хряком строился по старому классическому ибанскому принципу "Дурак -- сам дурак -- от дурака слышу". В конце концов. Мазила сказал, что он в своем деле сам себе премьер-министр и разбирается лучше Хряка и всей его компании. Это столкновение принесло Мазиле сначала известность гораздо в большей мере, чем достоинства его работ, из-за которых произошло столкновение, факт сам по себе показательный: любой независимый крупный художник в Ибанске самим своим появлением обречен на социальные акции. Потом все сваливали на форму. Но это лишь официально выработанный способ неприятия. Потом появились скульпторы, которые по форме лепили куда более абстрактно и формалистично, чем Мазила, а сам Мазила лепил вполне подходящие вещи. Но ситуация в принципе не изменилась, ибо остались и стали более явными факторы чисто социальные -- независимость и масштабность личности художника.

ПОСЛЕДСТВИЯ

После столкновения Мазилу исключили из Союза Художников. Левые члены Союза голосовали за исключение. Они отмежевались от него. Изгнание означало отсутствие государственных заказов и самостоятельной мастерской, недопущение на выставки. Были и другие мелкие неприятности. Поскольку они выглядят неправдоподобными, о них не стоит и говорить. Зато не посадили. Зато Мазила

продолжал работать в скульптуре. Уйдя с выставки, он в тот же день начал лепить "Орфея" и "Пророка" -- автопортреты своего положения и духовного состояния в то и во все последующее время.

КРЫСЫ

Болтун, чтобы было, что почитать дорогой, приобрел в ларьке книгу "Все о крысах". Разумеется, перевод. В предисловии говорилось, что авторы в течение нескольких десятков лет проводили эксперимент с колонией крыс. Колония была заключена в сравнительно изолированное помещение с целью наблюдать законы крысиной жизни в чистом виде. Однако помещение было достаточно большое и разнообразное, питание также в пределах естественной нормы. Во всяком случае, устанавливая размеры и структуру жизненного пространства и способ питания, экспериментаторы учитывали соответствующие характеристики в естественных условиях. В книге приводились результаты наблюдений и их обобщения. В ряде случаев обобщения были доведены даже до уровня математических формул.

Целью исследования, читал Болтун, было выяснение правил поведения (действий, поступков) крысиных особей друг по отношению к другу. Основу для них образует сложившееся в течение длительной эволюции стремление крысиных особей и групп к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социальности. Под социальностью здесь понимается более или менее устойчивое скопление особей для совместной жизни и ее воспроизводства в серии последовательных поколений. Соответственно, правила поведения крысиных особей друг по отношению к другу мы называем социальными, не вкладывая в это выражение никакого иного смысла и не предполагая при этом никаких аналогий с человеческим обществом, которое функционирует совсем по другим законам. В человеческом обществе, как известно, имеются такие исторически выработанные институты, регулирующие поведение людей, как правовые нормы и учреждения, нравственность, религия, общественное мнение, искусство и т.д. Ничего подобного нет в крысиной социальности. И хотя на первый взгляд наблюдение ее обнаруживает много сходного с социальностью человеческой и наводит на грустные мысли, однако это явление качественно иной природы. В этом читатель сможет убедиться сам из последующего отчета о результатах эксперимента.

Социальным правилам крысиные особи обучаются, а не приобретают их по наследству. Выросшая в сравнительной изоляции крыса оказывается лишенной тщеславия, не способна конкурировать с другими за лидерство, не способна отнимать у других пищу и делать доносы и т.п. Обучаются они на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания их другими крысами и т.п. Они напрашиваются сами собой. У крыс хватает ума открыть их для себя, а крысиное общество поставляет им гигантские возможности для тренировок. В большинстве случаев крысы...

Болтун так увлекся чтением, что проехал свою остановку.

ПРЕТЕНДЕНТ

Как повествуют ибанские историки, пути в трясину власти залиты кровью и слезами. Передовые деятели Ибанска внесли в эти дело свой заметный вклад. А самые гуманные из них изобрели недавно совершенно новый путь, залитый мочой, измазанный г....м и соплями и забрызганный слюной. Именно такой путь избрал покойный Директор и наверняка достиг бы желаемого, если бы не возликовал преждевременно. Претендент метил на то же самое место, что и Директор. И потому они были закадычными друзьями. Сначала Претендент хотел обойти покойного, заручившись поддержкой Теоретика и проскочив сразу в Действительные. Но Директор умело подставил ему ножку, намекнув Теоретику на намерения Претендента, и номер не удался. Претендент приуныл и слег в больницу с повторным аппендицитом. Известие о долгожданной смерти Директора застало его на операционном столе. Растолкав врачей и наспех засунув вонючие кишки в распоротое пузо, Претендент помчался на кладбище и едва успел произнести взволнованную речь. Спи, дорогой товарищ, и не вздумай просыпаться обратно, прорыдал он, брызгая слезой. Дело твое мы захватим и приведем к логическому концу. Потеря, которую потеряла наука из-за потери тебя, невозвратима. Но мы позаботимся о том, чтобы ее умножить.

Рыдая загробную речь, Претендент выглядывал место своего будущего торжественного захоронения. Надгробие поручу Мазиле, шевелилось в правой половине его мозгов, совершенно еще не изученной, как установила современная наука, в современной науке. Надо только предупредить, чтобы не выпендривался. Все-таки надгробие на какого-нибудь вшивого профессоришки, а как-никак самого... А что, если... Но об этом пока рано. Левая половина мозгов, ведающая, как точно установила современная наука, реченедержанием, в это время без запинки шпарила загробную программную речь Претендента. Говорить он, конечно, умел. Этого у него не отнимешь. Ошибки он делал реже других, не более трех в длинных иностранных словах и не менее одной в односложных ибанских. Из-за этого его не любили в кругах сотрудников и считали белой вороной. Что он лезет не в свое дело, говорили они промеж собой, занимался бы своей наукой. Спи, дорогой Друг, в десятый раз вопил Претендент. Мы подхватим выпавшее из твоих рук наше общее дело и понесем его...

Претендент понял, что ему представился шанс. И решил во что бы то ни стало стать директором. У тебя верный шанс, сказал Мыслитель. Ты должен стать директором. Надо только все обдумать. Надо найти основное звено, ухватившись за которое мы вытащим всю цепь. Претендент, расчувствовался, пообещал Мыслителю место редактора и полставки в Закрытой Школе с закрытым спецбуфетом. После этого Претендент уехал в заграничную командировку. Супруга Претендента позвонила Мыслителю. Одну минуту, сказал Мыслитель, полистав настольный календарь. Приезжай в пятницу от пятнадцати ноль-ноль до шестнадцати тридцати.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОШИБКИ

Итак, сказал Мыслитель, с самого начала обрекая Претендента и тем самым себя на провал, составим список всех возможных конкурентов, всех лиц, от которых зависит решение, и наметим наивыгоднейшую линию поведения Журнала. Как начинающие и случайно (т.е. не по законам делания карьеры в данном типе социальности) преуспевшие карьеристы. Претендент и Мыслитель понятия не имели о важнейшем и фундаментальнейшем социальном принципе делания карьеры. Карьеру не делают, карьера делается сама собой. Если она делается, ей не надо мешать. Всякая помощь делающейся карьере ведет к помехам. Если карьера не делается, надо подождать, когда она начнет делаться. Если это не происходит, карьера бессмысленна. Единственное, что требуется от индивида, жаждущего сделать карьеру, это обнаружить себя перед обществом в качестве потенциального карьериста, и ждать последствий. Как правило, желаемые последствия наступают. Надо только уметь их дождаться и вовремя распознать. Претендент, перескочивший, по крайней мере, через пять ступенек законного делания карьеры, а Мыслитель -- по крайней мере через три, не знали также другого фундаментального социального принципа делания карьеры. Карьерист, перескочивший хотя бы через одну ступень нормальной карьеры, должен убедить всех в том, что он удовлетворен достигнутым и не намерен прыгать далее. Претендент и Мыслитель поступили наоборот. Они всем дали понять, что намерены добиваться большего. И хотя все их последующие действия были сделаны по всем правилам карьеризма, исход дела был предрешен. Наконец, Претендент и Мыслитель не знали третьего фундаментального принципа делания карьеры в ибанских условиях: какими бы прогрессивными и передовыми ни были новые или старые веяния, делающий карьеру индивид должен убедить всех заинтересованных в том, что он менее прогрессивен и менее передовой, чем сами эти общие веяния. Претендент и Мыслитель так упорно распускали и поддерживали о себе слухи как о необычайно прогрессивных и передовых деятелях, что, несмотря на их фактическую деятельность, ничего общего не имеющую с прогрессом, многие ответственные лица поверили в то, что они на самом деле прогрессивны. И это их насторожило. А настороженность у нас почти равнозначна запрету. Причем тут совершенно не играет роли общеизвестное правило, согласно которому тот, кто собирается перестраивать, ничего не перестраивает, перестраивает лишь тот, кто заранее не собирался это делать. Причем делает он это помимо воли и не ведая о последствиях. Все эти соображения Болтун изложил Шизофренику в том же самом пивном баре, который доживал последние дни. Назревала мощная кампания по борьбе с пьянством, обусловленная почти полным крахом производства пива, и все пивные заведения готовились к превращению в молочные. При этом, правда, возникала проблема, где достать молоко при отсутствии коров. Но эта проблема уже не представляла трудностей, поскольку пустырь на том берегу речки Ибанючки уже засеяли кукурузой. А там, глядишь, остаются сущие пустяки до полного изма. А кого могут назначить, спросил Шизофреник. Директором будет Некто, а Редактором будет Никто, сказал Болтун.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МАСТЕРСКОЙ

Мазила получил мастерскую. Двенадцать квадратных метров полезной площади, миниатюрный туалет дореволюционного образца, в который можно было мочиться только через ноздрю Пророка или разорванную грудь Орфея, и антресоли, на которых разместился пружинный матрац и пара табуреток. С молниеносной быстротой Мазила завалил мастерскую скульптурами и рисунками с такой степенью плотности, что Болтуну пришлось специально разработать для него инструкцию, как с наименьшими потерями пробираться на антресоли, ставшие после закрытия пивных заведений одним из центров культурной жизни Ибанска. У тебя, говорил Болтун, получился типичный международный проходной салон. Кто тут только ни околачивается! Министры, генералы, потаскухи, итальянцы, художники, стукачи, католики, реабилитированные, подписанты... Тебя тут наверняка насквозь прослушивают, просматривают и пронюхивают. Этот пьяненький придурок, он наверняка там крупный чин. Наплевать, сказал Мазила. С какой-то точки зрения стукачи мало чем отличаются от наших либеральных друзей. Они по крайней мере не изображают из себя мировую скорбь. К тому же я хочу играть в открытую. У меня нет никаких тайн кроме тех, которые общеизвестны.

КРЫСЫ

Сразу же, буквально через несколько дней после начала эксперимента нам стало казаться, будто крысиная колония обречена на скорую гибель. Происходили поразительные и совершенно необъяснимые с точки зрения существующих теорий явления. Первым делом, стихийно образовались и затем были закреплены официально чрезвычайные группы крыс, которые стали вылавливать особей с наиболее высоким интеллектуальным потенциалом и разрывать их в клочья. Затем наиболее отдаленные участки крысятника были очищены от пищи и укрытий, и туда стали стаями загонять специально отобранных крыс и уничтожать там всеми доступными способами. По каким принципам производился отбор, установить пока не удалось. Были выдвинуты различные гипотезы, но ни одна из них не подтвердилась дальнейшим ходом эксперимента. Уничтожения шли волнами. Теория, объясняющая одну волну, оказывалась непригодной для другой. Тем более, что уничтожающие сами становились уничтожаемыми. Одновременно в крысятнике происходили процессы, которым также не найдено пока удовлетворительного объяснения. Так, одни участки, в которые экспериментаторы поставляли обильную пишу, окружались отрядами крыс, и пища разрушалась. А другие участки, лишенные пищи, превращались в специальные питательные пункты, в них доставлялись скудные объедки, и населению крысятника предоставлялась возможность добывать пропитание в ожесточенной борьбе друг с другом. Но самое, пожалуй, поразительное явление -- все застекленные участки крысария, через которые производилось наблюдение, постепенно стали закрываться крысиным пометом, и возможности наблюдения резко сократились. В глубине крысария образовались зоны, совершенно недоступные наблюдению. И о том, что там происходит, мы могли судить лишь по косвенным свидетельствам: гигантское количество трупов,

выбрасываемых из-за перегородок, ручьи крови, вытекающие постоянно из-под них, постоянные непомерные требования пищи и т.д.

Однако наши прогнозы относительно неизбежности гибели колонии крысария оказались ошибочными. Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что эксперимент продолжался несколько десятков лет. Уже через три года довольно точные подсчеты показали, что население крысария увеличилось почти вдвое (вместо ожидаемого сокращения вдвое), хотя при этом число насильно уничтожаемых особей неуклонно росло. И когда вдруг (опять-таки по неизвестным пока причинам) упомянутое уничтожение резко сократилось (временами оно почти прекращалось совсем; но потом снова начиналось, так что говорить о нем как о временном явлении пока нет оснований), то сразу же сократился прирост населения крысария. Загадочным также осталось и то обстоятельство, что несмотря на стабильное снабжение крысария пищей и даже сокращение питания уровень потребления на крысиную душу временами заметно возрастал при общем росте населения.

ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА

Конечно, говорит Карьерист, искривления были. Но не они же главное. Были же и успехи. И их было неизмеримо больше. И успехи эти достигнуты все-таки благодаря Хозяину, надо же иметь мужество признать это. Успехи достигнуты при Нем, говорит Клеветник, но не благодаря Ему, а вопреки Ему. Неверно, что благодаря Ему, и неверно, что вопреки Ему, говорит Болтун. И даже неверно, что при Его участии. Верно только одно: при Нем. Вдумайтесь в сами выражения "благодаря", "вопреки" и "участие". Что они означают? Первое означает следующее: "Если бы не Он, то было бы хуже". Второе: "Если бы не Он, то было бы лучше". Третье: "Если бы не Он, то было бы иначе". Общее логическое строение этих выражений такое: "Если бы не было Х, то было У". Но эти выражения в свою очередь суть лишь сокращение или замена для такой совокупности выражений: 1) на самом деле было Х; 2) имеются такие выражения А и В, что факты, обозначаемые выражениями Х и У, соответственно суть элементы множеств А и В (или суть частные случаи соответственно А и В) 3) верно утверждение "Если не -- А, то В". Без такого утверждения проверить ваши заявления невозможно. Можно ли такое утверждение получить? Попробуйте. Для этого надо хотя бы еще раз повторить прошлое с некоторыми вариациями. Не хотите ли Вы пережить пережитое еще разок, ради истины, конечно, но уже без Него? Нет? И не стоит. Вместо него будет другой Он, и для него потребуется все то же самое. Не будет никакого Он, не будет повторена ситуация. Не будет правила. Я не могу с Вами спорить, сказал Клеветник. Это все лишь логические ухищрения. А мы говорим о жизни. Но мы же говорим, сказал Болтун. А значит без логических ухищрений не обойтись, если мы стремимся к истине. Надо рассказать все, как было, сказал Клеветник. Ничего не скрывая. А где у Вас критерии различения того, о чем нужно сказать и о чем не нужно, спросил Болтун. Ведь абсолютно всего не скажешь. Допустим, Вам отведено для того, чтобы рассказать, как все было на самом деле, два тома. О чем Вы будете говорить? Об отклонениях? Об успехах? В какой пропорции? Клеветник будет настаивать на одной пропорции, Шизофреник -- на другой, Сотрудник и Социолог

-- на третьей и т.п. Какая из них подлинная? Пусть выскажутся все, сказал Клеветник, в том числе и пострадавшие. Пострадавшие, как правило, говорить не могут, сказал Болтун. Пусть за них скажут другие, сказал Клеветник. Кто, спросил Болтун. И кто им предоставит такую возможность? Добрые начальники? Случай? Хитрость? Обстоятельства? Вот мы и сидим опять у разбитого корыта, сказал Клеветник. Выходит, все разговоры на эту тему бессмысленны. Нет, сказал Болтун. Извините, но я должен заключить нашу беседу банальным назиданием. Разговор о прошлом в подобных ситуациях имеет реальный смысл тогда, когда из прошлого извлекают урок для будущего. Мера правды в таких логически неразрешимых ситуациях определяется тем, какой именно урок хотят извлечь из прошлого. Если не исключают возможности повторить прошлое, боятся ответственности или опасаются любого разоблачения, говорят "Благодаря Ему", "Он сыграл и положительную роль", "Нельзя отрицать, что Он..." и т.п. Если не хотят повторения прошлого, говорят "Вопреки Ему", "Не забывайте, что..." и т.п. Тут возможны варианты. Беспристрастность в таких случаях есть лишь форма сокрытия дурных намерений или страха.

БЕСЕДА С ТЕОРЕТИКОМ

Вскоре после столкновения с Хряком почти самый главный начальник по теории пригласил Мазилу к себе. Мазила вошел в огромный кабинет и увидел маленького человечка, который крутился на кресле. Человечек бросил на стол пачку писем. Так, значит, мальчиков и девочек совращаете, воскликнул он вместо приветствия. Откуда Вам это известно, спросил Мазила. Вот, читайте, сказал Теоретик. Анонимки, спросил Мазила. Анонимки, сказал Теоретик. Анонимки я не читаю, сказал Мазила. Разговор был длинный и взаимно бесперспективный. Последнее слово, как и положено, сказал Теоретик. Теперь, сказал он, Вам должно быть ясно, что Вам надо непременно разоружиться и отмежеваться.

ГЛАВНАЯ ОШИБКА

Главная ошибка Претендента и Мыслителя, как утверждал Болтун, заключалась в том, что у них была продуманная безошибочная программа действий, ибо в том деле, для которого эта программа была придумана, в принципе противопоказана какая бы то ни было программа. Программа ПМ состояла из двух частей -- из тайной и неосознанной, которая была абсолютно ясна им и всем окружающим, и открытой и постоянно декларируемой, которую они сами и все окружающие никак не могли осознать. Тайная часть заключалась в следующем. Во-первых, везде, где только можно, но ни в коем случае не печатно, дискредитировать Секретаря и всех его соратников и холуев как чудовищное порождение режима Хозяина, как угрозу наступившим новым веяниям, как реакционеров, невежд, бездельников. Во-вторых,   надо игнорировать, замалчивать и зажимать Клеветника и всю публику такого рода, но дать два-три материала, разоблачающих их грубую теоретическую ошибку. В-третьих, надо найти подходящую политическую ошибку и разоблачить ее так, чтобы было всем

известно, но не печатно. Для этого надо обратить внимание на Стенгазету, там эти хулиганы из группы Клеветника что-то готовят. Не надо им мешать. Пусть зарвутся. Секретарь и иже с ними, конечно, не рискнут вмешаться. У них репутация подмочена, да они и не поймут, в чем дело. Было бы неплохо, если бы хулиганы накинулись на Секретаря. Тогда и Секретарю влетит, они это смогут сделать здорово. И вместе с тем поправить их на таком материале!..

Открытая часть программы ПМ заключалась в следующем. Надо, во-первых, установить тесный и правильный (а не неправильный, как было раньше) контакт с естествознанием. Для этого надо регулярно в Журнале печатать статьи выдающихся (читай: давно выживших из ума) ученых по общим проблемам современной науки (читай: общий банальный треп по проблемам столетней давности). Надо, во-вторых, установить тесный контакт с практикой нашего строительства. Для этого надо регулярно печатать статьи работников руководящих инстанций (читай: конечно, для этого надо эти статьи им сочинять, но зато подписи должны быть подлинными и оригинальными). В-третьих, надо поднять теоретический и профессиональный уровень статей (читай: как можно больше непонятных выражений, зарубежных имен, туманных фраз и головоломных разглагольствований). Тайный замысел открытой части был детски прозрачен: заручиться поддержкой того и другого аппарата, обрести полную независимость от среды своих коллег, стать нужными самым высшим верхам. Но это не играло никакой роли, ибо не существовало как официальный факт.

Мыслитель встретился с Кисом и договорился относительно статьи на тему о соотношении науки и идеологии. Посоветовал посмотреть новую книгу Клеветника. Громить, конечно, не следует. Но можно дать вполне корректную критику. Тем более Клеветник наговорил много глупостей. Стенгазету повесили. Она имела успех. Претендент сразу нашел в ней то, что нужно, позвонил Помощнику. Газету сняли. Назначили специальную комиссию, в которую вошел Претендент. Стали известны кандидаты на пост Директора. Претендент фигурировал третьим номером. Это его не смущало, так как первые два, он знал, заведомо исключались. Первый хочет, но его не отпустят. Второй не хочет, но его не допустят. А над остальными надо поработать. Кстати, в статье Киса (ее надо срочно дать в номер) надо упомянуть, что один из конкурентов подписывал книгу Клеветника в печать, другой был ответственным редактором, а третий даже на нее сослался.

КРЫСЫ

Мы с самого начала обнаружили, читал Болтун, поразительное явление, а именно -- раздвоенность поведения крысиных особей. Один аспект поведения мы назвали собственно социальным, а другой -- официальным. Соотношение этих аспектов определяется следующими принципами. Официальность есть общепризнанная форма признания социальности. Официальность есть...

Болтун чувствовал, что он уже где-то читал нечто подобное, но вспомнить никак не мог. Например, читал он далее, лидер крысиной группы социально не может иметь интеллектуальный потенциал выше потенциала группы, а официально он не может быть глупее группы. Поскольку имеет место тенденция к

соответствию социального и официального, имеет место тенденция к снижению интеллектуального потенциала группы. Были зарегистрированы многочисленные случаи, когда буквально за несколько месяцев он падал в несколько раз и опускался ниже пороговой нормы, что приводило, в конце концов, к катастрофическим последствиям.

РОБОТЫ

Цикл "Роботы" -- трансформированные человеческие тела и комбинации частей человеческих тел, частей животных и технических конструкций. Тема цикла -- борьба в человеке духовного и животного, естественного и урбанистического. Шизофреник сказал, что это несколько туманно. Твои уроды не случайность. И не от ума. А откуда-то из желудка и даже из кишок. Эпоха Хозяина, продолжал Шизофреник, что это такое? Массовый террор? Всеобщее ликование? Крах сельского хозяйства? Взлет индустрии? Падение культуры? Выдающиеся успехи? Отчаяние? Радость? Что, в конце концов, было? Ошибки? Отступления? Гениальные планы? Что? Что угодно. Но не в этом суть. Суть в том, что в это время рождался и родился новый тип социального индивида и адекватная его природе система социальных отношений. Родился индивид, который на голову выше человека, но имеет очень маленькую головку (или совсем не имеет ее) и пустое сердце (или каменное сердце). Твои "Роботы" суть точный портрет этого индивида. Не "Давид" Микельанджело и не "Мыслитель" Родена, как изображают дело официально, а именно твои "Роботы". Если уж говорить о теме "Роботов", то точнее надо сказать так: борьба античеловеческого против человеческого в человеке, причем борьба, в которой человеческое терпит сокрушительные поражения и обречено на муки. Звучит красиво, сказал Болтун. И правильно. Только я бы предпочел что-нибудь попроще. Например, -- "Картинки с натуры".

ЛИЧНОСТЬ

Как животное человек есть возможность любых качеств, говорит Болтун. Чтобы стать социальным существом (гражданином), человек должен смотреть в себя и не противиться себе. Чтобы стать личностью, человек должен иметь поражающий воображение образец во вне, безотчетное желание стать похожим на него, преодолеть страх и совершить действие, объявляющее принадлежность к образцу. Несмотря на отдельные регулярно проводимые порки, жизнь ибанской интеллигенции текла почти безмятежно и временами даже радостно до тех пор, пока не выступил Правдец и не спросил у каждого "Кто ты?". И услышавшие этот вопрос пошли разными путями. Большинство ушло в гражданина, очень немногие в личность. По крайней мере потенциально. Но разве нельзя быть одновременно гражданином и личностью, говорит Ученый. Его поддерживает Карьерист, Неврастеник и Мазила. То, что Болтун занимается чисто словесными выкрутасами, очевидно. И на эту тему не хочется даже спорить. Но спорить все равно придется, ибо речь идет не о словах. А кого, собственно говоря, мы считаем гражданином, спрашивает Мазила. А что такое личность? Гражданин,

говорит Карьерист, живет интересами дела. Заботится об интересах и престиже государства. Патриот. Превосходно, сказал Болтун, когда спор достиг апогея неразберихи. Вот и применим ваши суждения на практике. Заведующий, он -- гражданин? Личность? А Правдец? А Мазила? Оставим в покое слова. Я много раз обращал ваше внимание на то, что наш язык, сложившийся под влиянием ибанской литературы прошлого века и западной культуры тоже в основном прошлых столетий, нуждается в основательной обработке для того, чтобы можно было более или менее строго разговаривать о наших сегодняшних проблемах и хотя бы чуть-чуть понимать друг друга. Это не пустяки. Состояние языка есть показатель состояния духовной культуры общества.

Дело в том, продолжал Болтун после того, как снова возник спор и снова выдохся из-за чисто словесной бесперспективности, что надо различать государство, право, мораль и т.п. как проявление и защиту антисоциальности и эти же институты как проявление и защиту социальности. Конечно, в реальности всегда действует какая-то смесь. Но все же более или менее определенные формы возникают и в действительности. Лишь в первом случае мы имеем в виду так называемое гражданское общество, в котором понятия гражданина и личности совпадают. Во втором же случае имеет место расхождение. По временам оно может достигать таких размеров, что всякая значительная личность оказывается антигражданственной. Не случайно поэтому мы так много спорим о том, был ли тот или иной наш деятель выдающейся личностью или нет. Спорим безрезультатно в силу многосмысленности понятий и многоплановости проблем. Известность, популярность, высокое положение, причастность к крупным историческим событиям (войны, договоры, открытия и т.п.) и прочие факторы исключают возможность применения общих привычных в отношении прошлого выражений и оценок.

Ученый сказал, что обсуждаемые проблемы вряд ли можно решить научным образом, поскольку нет достаточно устойчивых измеримых параметров. Вот, допустим, мы говорили о размерах личности. Как их измерить? Болтун сказал, что есть разные способы исследования, и надо найти или изобрести подходящие. Вы говорите об измерении личности? Что же, индикаторные признаки личности есть. И они так или иначе используются в фактических оценках. Например, крупная личность стремится по возможности уклониться от вершения чужих судеб, если это без надобности. Ничтожество стремится насиловать чужую волю при всех обстоятельствах, чтобы выглядеть сильным человеком. Крупная личность стремится к простоте и правде. Ничтожество стремится обманывать и путать, чтобы выглядеть умным и сложным человеком. Обработайте профессионально эти истины, и получите теорию измерения личности. А зачем она, спросил Карьерист. Хотя бы затем, сказал Болтун, чтобы вы убедились в том, что Хозяин был полнейшим ничтожеством, вполне адекватным вытолкнувшей его среде.

КРЫСЫ

Введем понятие социального индивида, читал Болтун, без которого немыслимы никакие теоретические обобщения. Социальным индивидом мы будем называть отдельную крысиную особь, группу крыс, объединение групп и даже целую относительно замкнутую крысиную колонию. Упомянутая замкнутость имеет

место и в естественных условиях, для которых достоверно установлено, что между крысиными колониями имеются строго установленные границы. Переход крыс из одной колонии в другую строго карается специальными группами крыс как с той, так и с другой стороны, и разрешается лишь в исключительных строго установленных случаях. Индивиды разделяются на простые и сложные. Простой индивид -- отдельная особь, сложный -- группа. Но они имеют общие признаки. Каждый нормальный индивид имеет орган, с помощью которого...

До чего же все это знакомо, думал Болтун. Где я все это читал? И он вдруг вспомнил Шизофреника.

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Чтобы достаточно полно и точно оценить особенности идеологических формирований нашего времени, писал Клеветник, надо хотя бы в общих чертах рассмотреть социальную ситуацию в современной науке, ситуацию в методологии науки, которая образует мост от науки к идеологии, и некоторые чисто фразеологические особенности методологии науки, без которых совершенно невозможно понять текстуальный вид идеологических феноменов.

С этой точки зрения надо принять во внимание, прежде всего, сам факт превращения занятия наукой из исключительного в самое заурядное массовое явление. Раньше наукой занимались единицы, теперь -- сотни тысяч, а может быть, и миллионы. Раньше слово "ученый" обозначало некоторую характеристику личности. Теперь оно звучит несколько юмористически и вытесняется выражением "научный работник", обозначающим одну из широко распространенных профессий. Раньше со словом "ученый" ассоциировали образованного и талантливого человека. Теперь выражения "безграмотный" и "бездарный" в отношении ученых употребляются не реже, чем в отношении деятелей искусства и литературы. Раньше ученый -- часто человек, ценимый за какие-то идеи и открытия. Теперь заслуги ученого чаще определяют количеством опубликованных работ, учеными степенями и званиями, а в основном -- занимаемыми должностями. В силу разделения труда все более отчетливо обнаруживается простота и даже примитивность интеллектуальных функций для подавляющего большинства лиц, занятых в науке. Происходит престижное обесценивание самой деятельности ученого сравнительно с уровнем недавнего прошлого. Вместе с тем, чтобы стать крупным ученым, теперь действительно требуется более высокое интеллектуальное развитие и выдающийся вклад в науку, или, на худой конец, -- более выдающиеся способности карьериста. Поэтому выбиться в крупные ученые исключительно за счет научных открытий теперь труднее, чем раньше. Талантом и интеллектуальным трудом рядовых работников науки благодаря самой социальной структуре научных исследований часто пользуются люди, занятые организационной деятельностью или занимающие ответственные посты. Все это создает определенную моральную и психологическую атмосферу в науке, ничего общего не имеющую с теми идиллическими картинками, которые можно вычитать в самых критических и обличительных произведениях художественной литературы и мемуарах, посвященных науке прошлого.

Современная наука не есть сфера человеческой деятельности, участники которой только и заняты поисками истины. Наука содержит в себе не только и

даже не столько научность как таковую, которая совсем не похожа на науку в общепринятом стиле, но и антинаучность, которая глубоко враждебна научности, но выглядит гораздо более научно, чем сама научность. Увы, этот мир так уж устроен. Здесь все раздвоено и вывернуто наизнанку. Принципы научности и антинаучности диаметрально противоположны. Научность производит абстракции, антинаучность их разрушает под тем предлогом, что не учитывается то-то и то-то. Научность устанавливает строгие понятия, антинаучность делает их многосмысленными под предлогом охвата реального многообразия. Научность избегает использовать те средства, без которых можно обойтись. Антинаучность стремится привлечь все, что можно привлечь под тем или иным предлогом. Научность стремится найти простое и ясное в сложном и запутанном. Антинаучность стремится запутать простое и сделать труднопонимаемым очевидное. Научность стремится к установлению обычности всего, что кажется необычным. Антинаучность стремится к сенсационности, к приданию обычным явлениям формы загадочности и таинственности. Причем, сначала научность и антинаучность (под другими названиями, конечно) рассматривают как равноправные стороны единой науки, но затем антинаучность берет верх, подобно тому, как сорняки глушат оставленные без прополки культурные растения. Научности в рамках науки отводится жалкая роль чего-то низкосортного. Ее терпят лишь в той мере, в какой за ее счет может жить антинаучность. В тенденции ее стремятся изгнать из науки насовсем, ибо она есть укор для нечистой совести. Это -- типичный случай борьбы социальности и антисоциальности. Причем, научность, представляет элемент и средство антисоциальности, тогда как антинаучность есть ярчайшее выражение социальности. Так что когда возлагают надежды на то, что наука будет играть роль средства прогресса цивилизации, то совершают грубейшую ошибку. Наука есть массовое явление, само целиком и полностью управляемое социальными законами и лишь в ничтожной мере содержащее в себе научность (т.е. лишь в ничтожной мере продуцирующее антисоциальность). А в условиях чистой социальности элемент научности в науке стремится к нулю.

КРЫСЫ

Качества социальных индивидов можно разделить на негативные и позитивные. Пример первых -- ум. Пример вторых -- глупость. Мы хотим обратить внимание на то, что...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРЕТЕНДЕНТА

Празднование дня рождения Претендента было задумано как единение всех сил ибанской либеральной мыслящей интеллигенции. Ужин проходил как обычно. Жрали. Пили. Произносили тосты. Претендент непрерывно разглагольствовал. Социолог пытался перекричать Претендента, а Супруга -- Социолога. Потом Претендент упился и уединился с Мыслителем и Мазилой. Общество распалось на группы. В одной из групп вертлявый молодящийся человечек, ближайший друг всех ибанских знаменитостей, стал рассказывать интересные истории про

китайцев. В том числе он рассказал и общеизвестную историю о том, как из-за грамматической ошибки нескольким десяткам тысяч человек вместо кос отрезали головы. Но рассказал он ее так великолепно, что все весело смеялись. Карьерист сказал по этому поводу, что ему однажды пришлось в Англии присутствовать на приеме у одного крупного математика (он назвал известное всему миру имя). Присутствовали всякого рода знаменитости, в том числе хорошо известный вам всем специалист по Ибанску. Он рассказывал о наших давно изжитых и позабытых событиях. Одна дама воскликнула: "Боже! Так они скоро друг друга насовсем перестреляют". Математик попросил у ибановеда какие-то данные эмпирического порядка и углубился в вычисления. Через полчаса, когда все уже забыли об этой теме, математик объявил, что по его подсчетам ибанцы смогут перестрелять друг друга лишь через сто лет. Сначала все были поражены, потом долго и весело смеялись. После рассказа Карьериста наступило неловкое молчание, быстро сменившееся смехом. А ведь действительно, сказал Мыслитель, они на нас смотрят так же, как мы на китайцев. Здесь есть одно отличие, сказал Карьерист. И я об этом сказал тогда своим английским собеседникам. История с древними китайцами не есть факт нашей жизни. А то, о чем говорил ибановед англичанам, есть факт в их собственной жизни. Причем настолько серьезный, что многое в их жизни нельзя понять, игнорируя его. Но эти кретины органически неспособны понять это.

В другой группе говорили о Клеветнике и Шизофренике. Неврастеник сказал, что Шизофреник пишет совершенно бредовый трактат в духе модных сейчас сенсационных разоблачений. Конечно, ничего особенного в нем нет. Но неприятности могут быть. И Социолог теперь вряд ли сможет его вытянуть, как в прошлый раз. Да, сказала Супруга, если бы не Социолог, то тогда Шизофренику был бы капут. А Клеветник, судя по всему, совсем выдохся и опустился. Когда-то он неплохо писал. Да и лекции читал интересно. Теперь вроде ничего уже не может. Что поделаешь, время идет, меняются критерии. Много талантливой и более образованной молодежи выросло. Вот у Мыслителя статью там перевели. Кстати, у меня вышла брошюра. Правда, она считается популярной. Но мне в ней удалось... Кис сказал, что он начал работать над очень сложной и важной темой. Такую тему надо годами обдумывать. А редакция требует, чтобы через месяц в набор сдать. Это несерьезно! Это же не землю копать. Они там привыкли писать всякое и не имеют ни малейшего представления... Та моя статья, которую перевели... Да, на английский... Хорошая статья... Теперь не часто можно прочитать такое... Так я над ней два года работал... Потому и получилась отличная работа.

Тут стало известно, что скоро приедет Помощник. Претендент мигом протрезвел. Кис покрылся красными пятнами и на всякий случай сходил в туалет. Все встали. И стоя руки по швам и затаив дыхание два часа ждали прибытия высокого гостя. Гость заехал на минутку. И просидел чуть не до утра. Есть отказался. И сожрал гуся с яблоками, утку по-пекински, банку черной икры, банку красной икры, кусок жареной телятины, шашлык и многое другое. И выпил стакан водки, стакан коньяку, три бутылки пива, опять стакан коньяку и опять стакан водки. Одновременно он кидал в благоговейно разинутые пасти собравшихся такие банальности, что фраза Супруги "Претендент среди Них -- белая ворона", сказанная в минуту припадка гражданского мужества, (после третьей рюмки), теряла комизм и обретала трагические очертания. В заключение Помощник (большой политик, ничего не скажешь, заметил после этого Кис)

объявил приятную для всех новость. За выпуск двенадцати юбилейных номеров Журнала со ста двадцатью юбилейными статьями Претендент удостоен высокой награды. Мыслитель тоже удостоен награды, чуть поменьше, чем Претендент, но тоже высокой. Потом все по этому поводу ехидно переглядывались. Ну и ну! Мыслитель на себе всю работу тащит, а Претендент только и делает, что околачивается в приемных и сидит в президиумах. Такова се ля ви, сказал Мыслитель грустно. Претендент и Мыслитель (а также все остальные приглашенные и неприглашенные) о награде знали давно (из-за этого, между нами говоря, и сборище устроили, но были потрясены неожиданностью и преисполнились уверенности. Всем стало совершенно очевидно, что вопрос о Директоре предрешен. И наступило некоторое успокоение. Супруга, однако, призвала к бдительности. Мы победили, это вне всякого сомнения, сказала она. Но эти гады без боя свои позиции не сдадут. Надо быть готовыми к любой их пакости. Если кому рассказать, что пришлось нам выдержать, прежде чем..., не поверят, сказал Претендент. Без борьбы ни одно большое дело не делается, сказала Супруга, и прослезилась. Удачная мысль, подумала она, надо записать, пока не украли.

КРЫСЫ

Социальными действиями мы называем такие действия крысиных особей и групп крыс, которые суть их действия по отношению к другим особям и группам, так или иначе затрагивающие их интересы. Причем эти действия являются преднамеренными (крысиные особи так или иначе отдают себе отчет в том, к чему приведут их действия для других особей), свободными (крысиные особи их могут осуществлять и не осуществлять) и эгоистичными (крысиные особи осуществляют их в своих интересах). Мы категорически возражаем в данном пункте против отождествления сознательности, свободности и заинтересованности действий крысиных особей с аналогичными качествами социальных действий людей. Сознательность человеческих действий означает, что они обдуманы и оценены с точки зрения исторически завоеванных правовых и нравственных (и, возможно, иных) критериев. Свобода человеческих действий означает, что человеку существующими общественными институтами и привычным способом жизни гарантированы возможности осуществления действий определенного рода (таковы, например, свобода слова, свобода совести, свобода передвижений и т.п.). Соблюдение своих интересов человеком предполагает учет интересов других людей и нахождение оптимальных вариантов поведения (соглашения, взаимные уступки, договор, слово и т.п.). Ничего подобного нет в отношении крысиных действий, ибо они исключают оценочные критерии и исторически завоеванные, преемственные и охраняемые обществом институты, лишь благодаря которым человеческое общество отделилось от обществ животных и оказалось способным к небиологическому прогрессу.

МНЕНИЕ БОЛТУНА

Неврастеник сказал, что он это предвидел. В общем, они победили. Теперь начнется дележ мест. Вопрос, в общем, решен. Болтун сказал, что все это ерунда, самообман, иллюзии. Претендент и его банда выдают желаемое за действительное и распространяют выгодные для них слухи. Награды никакой роли не играют. Теперь всех награждают. Претендент в директора все равно не пройдет. Речи Болтуна доходили до конкурентов, завистников и недовольных. Все знали, что Болтун -- не дурак, слов на ветер зря не бросает. Но не понимали, в чем основа его уверенности. Его прогнозы всегда сбывались, и его заявление внушало тревогу. Мыслитель пытался порасспросить Неврастеника и потом Мазилу, откуда у Болтуна сведения. Мазила сказал, что у Болтуна никогда никаких сведений не бывает, и потому он всегда говорит правду. Неврастеник сказал, что сведений пока еще ни у кого нет. Есть только предположения. А между тем основа уверенности Болтуна была проста. И он ее не скрывал.

Претендент не пройдет, говорил Болтун и предлагал всем желающим пари. Почему? Очень просто. Вы считаете, что Претендент -- талантливый карьерист, хотя и ничтожен как ученый и вообще сочинитель текстов. Я согласен. Но дело все в том, что талантливый карьерист в кругу карьеристов такая же редкость, как и талантливый писатель среди необъятного числа преуспевших ибанских писателей. Самый наивыгоднейший метод делания карьеры, к которому прибегает несомненно талантливый карьерист Претендент, в ибанских условиях, однако, дает колоссальные преимущества бездарным карьеристам. Даже сам Хозяин захватил власть и создал свою систему власти вовсе не благодаря тому, что был гением в своем грязном деле, а исключительно благодаря тому, что был полнейшим ничтожеством именно в этом деле. Он вполне адекватен своему делу и как личность. Предводителем крыс не может быть лев. Предводителем крыс может быть только крыса. Сотрудники с интересом слушали речи Болтуна. Одни из них потом информировали о них Мыслителя и Претендента, другие -- Секретаря и его банду, третьи -- Сотрудника и Инструктора. Претендент сказал Мыслителю, что, может быть, стоит этому трепачу заткнуть глотку и опубликовать какую-нибудь вшивенькую его писульку. Мыслитель сказал, что он пробовал с ним побеседовать, но он отказался.

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Наука влияет на идеологию общества не непосредственно, а через методологию науки, в которой резюмируются все идеологически значимые элементы науки. Но методология сама есть социальное образование.

В последние десятилетия появилось великое множество групп, секторов, отделов, отделений, семинаров, совещаний, симпозиумов, коллоквиумов, журналов, сборников, ассоциаций, конгрессов и т.д. по методологии науки. Печатается и пишется огромное количество докладов, сообщений, заметок, статей и книг. И еще большее количество остается ненаписанным и

ненапечатанным в умах лихорадочно мыслящего человечества. За всю прошлую историю не было столько раздумий и разговоров о методологии науки и не было написано столько страниц о ней, как за последние десятилетия. Одним словом, методология науки подобно физкультуре стала подлинно массовым явлением. Считается, что это знамение времени: наука, мол, стала настолько сложной и трудной, что без методологии она уже не может развиваться, что ученые не могут сделать нового шага вперед, предварительно не обдумав методологию этого шага. В этом, возможно, есть доля истины. Но чаще люди обращаются к методологии науки по иным причинам: не имеют в своем распоряжении фактических данных для обычных исследований; нет желания заниматься наукой; скучно заниматься наукой; нет способностей к науке и т.п. В методологию науки стекаются отходы из всех наук, которые волею истории оказались причастными к каким-либо проблемам методологии. Одним словом, есть основания видеть причину неимоверного разрастания методологии науки не только в гносеологических трудностях познания, но и в социальных возможностях превратить разговоры об этих трудностях в источник существования.

Литература по методологии науки угрожающе растет. Но это не вносит успокоения в умы. Обилие литературы вместо внесения ясности стало все более затруднять не только решение проблем, но даже их формулировку и однозначное понимание. И от трудностей такого рода не стремятся избавиться. Их культивируют. Специалисты по решению проблем уступают место специалистам по литературе, относящейся к этим проблемам, но не дающей их решения. Стремление понять чужое мнение уступает место активному непониманию, так что невозможно высказать мысль, которую не исказили бы коллеги и не отвергли бы на том или ином основании.

Трудно назвать хотя бы один методологический термин, который благодаря усилиям специалистов не превратился бы в бессмысленный путем приобретения неконтролируемой многосмысленности. Попробуйте узнать, что такое причина (уж кажется привычное и банальнее термина нет), и вы получите десятки несовместимых ответов.

С многосмысленностью терминологии тесно связан новый тип дискуссий по спорным проблемам. Научная дискуссия по идее должна заключаться в том, что одни ученые выдвигают некоторые точно сформулированные утверждения, а другие их оспаривают. Однозначность терминологии, однозначность понимания смысла спорных утверждений -- необходимые условия ведения такого научного спора. В дискуссиях нового типа нарушение этого условия является базой самой дискуссии. Поэтому вероятность того, что в этих спорах родится истина, столь же велика, как вероятность рождения слона от общения фокстерьера с мотоциклом. Истина теряется в споре.

Из науки, по преимуществу дающей некоторые, хотя и простые, но все же положительные советы, методология превратилась по преимуществу в собрание критических сочинений, дающих хотя и сложные, но чисто негативные разносы положительных решений проблем. А если уж методологи дают положительные советы, то от аналогии их с советами алхимиков уклониться никак невозможно. Как алхимики охотно продавали рецепты изготовления золота, но сами эти советы никогда не реализовали, так методологи охотно учат всех, как делать научные открытия, хотя сами ухитряются не делать открытий даже в своей собственной области. А что это за советы! Рассказывают такой анекдот: "Как определить пол зайца? Биолог ловит зайца и осматривает его. Методолог

отпускает зайца и смотрит: если побежал -- заяц, если побежала -- зайчиха".

Методология науки, естественно, стремится идти в ногу с развитием конкретных наук и быть современной и передовой. Но это стремление реализуется не путем разработки своего собственного понятийного аппарата и системы методологических принципов познания, а путем непосредственного приспособления идей, понятий и положений конкретных наук к методологической фразеологии. Так обстоит дело, в частности, с новыми подходами к старым проблемам, которые, получили широкое распространение в последнее время. Это системный, модельный, структурный, функциональный, информационный подход, А что из себя представляют строящиеся здесь обобщающие методологические теории, читатель может представить себе, предприняв, например, построить некую методологическую теорию функций, охватывающую математические функции, функциональный подход и функции профсоюзного актива на предприятиях текстильной промышленности. В конечном итоге мелькание слов "система", "системный", "информационный", "структура", "функциональный" "модели" и т.п. в мощном потоке методологической литературы чаще выражает лишь колорит эпохи, а не результаты серьезных исследований. Короче говоря, определяющим мотивом поведения и в методологии науки становится не бескорыстный поиск истины, а желание занять более удобное место в огромной армии людей, живущих за счет небольшого числа тривиальных проблем. Повышенный интерес к методологии науки и сложившийся в ней возвышенный стиль удивительным образом согласуются с процессами в науке, о которых я говорил. Одним из признаков психологической ситуации в науке является тоска по чему-то необычному, возвышенному. Хочется, чтобы труд хотя бы старшего научного сотрудника выглядел так же, как труд Ньютона, Галилея, Эйнштейна и т.п. Хочется облечь прозаическую работу рядового ученого в романтические одежды необычайной трудности и сохранить сознание исключительности труда ученого хотя бы ценой мистификации реальной картины научной работы. Методология науки как будто специально придумана для того, чтобы избавить деятелей науки от тоски по утраченным позициям и дать искомое утешение. Она вполне соответствует комплексу неполноценности рядового кандидата или доктора наук, имеющего несколько десятков оригинальных публикаций.

КРЫСЫ

Крысиные особи образуют группы. Не всякие их группы можно считать социальными. Например, скопление крыс у корки хлеба не есть социальная группа. Аналогично не является социальной группа дерущихся из-за лидерства крыс и толпа зевак, наблюдающих за этим увлекательным зрелищем. Социальная группа есть скопление крыс, вынужденное более или менее постоянными условиями их существования. В нем имеет место устойчивое разделение функций, и в первую очередь, -- разделение на руководящую и руководимые части. Руководящую часть, в отличие от простого индивида, здесь образует крыса или (в более сложных образованиях) группа крыс...

ПРОГНОЗ СБЫВАЕТСЯ

Газеты, журналы, радио, телевидение, книги, статьи, речи, картины, плакаты, фильмы превозносили мудрость Хряка и успехи, достигнутые под его мудрым руководством. Самое время его снимать, сказал Болтун. И в эту же ночь назначили нового Заведующего, а Хряка сняли. Когда через некоторое время после этого один иностранный ученый узнал, что Болтун знаком лично с Мазилой, он спросил его, чем кончилось тогда нашумевшее столкновение Мазилы с Хряком. А разве вы не знаете, сказал Болтун. Хряка после этого сняли. Присутствовавшие смеялись. Как обычно, ибанские трагедии вырождаются в смешные нелепости.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Человек, по инициативе которого я стал сумасшедшим, говорит Шизофреник, является типичным параноиком. Он ко мне прицепился еще в студенческие годы. На всех семинарах и собраниях поносил. Донос за доносом строчил. Все об этом знают. И не трогают. Удобный человек. В комитеты какие-то входит. Везде одно и то же, говорит Мазила. Вот послушай, что расскажу. Для поездки в Италию мне потребовалась характеристика. Характеристику должно утвердить Бюро. Бюротарь заявил, что я человек безнравственный, алкоголик и развратник. Характеристику, разумеется, не дали. И поездка сорвалась. Она сорвалась бы и в том случае, если бы характеристику дали, как потом срывались другие многочисленные поездки. Но дело не в этом. Бюротарь буквально за полгода до этого влип в неприятную историю. По пьянке он зацепил проститутку у вокзалов, привел в мастерскую и потом отказался заплатить. Девка как-то ухитрилась в суматохе вытянуть у него из кармана билет, направилась с ним в милицию и устроила скандал. Бюротарю хотели залепить строгий выговор, но ограничились отеческим предупреждением.

АД

Критики оценивали серию гравюр Мазилы к дантовскому "Аду" в общем одинаково: это жизнь человека в современном обществе. Только мне не совсем ясно, говорил Болтун, какого человека они при этом имеют в виду. Неужели они и свое благополучное существование считают адом? Я все-таки думаю, что твой "Ад" -- не про них, а про нас. Во всяком случае, сначала про нас. А про них лишь постольку, поскольку они до этого тоже рано или поздно докатятся. Твой "Ад" -- о положении творческой личности в нашем обществе. А может быть вообще о человеческом начале в социальных условиях. И я бы не сказал, что этот ад пессимистичен. Это не ад репрессированных и терроризируемых. Это ад сильной борющейся личности. Побеждающей несмотря на поражение. Впрочем, может быть, все как раз наоборот. Для твоего "Ада" нужен текст. Но не текст Данте, а какой-то другой, Я пока не представляю ясно, какой именно. Чувствую только общие контуры.

ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

В методологическом буме наших дней значительное место занимают разговоры о логике и разговоры о чем угодно с помощью языка логики. Но при этом использование языка и принципов логики выполняет не столько роль эффективного средства решения проблем, сколько роль сугубо престижную и маскировочную. И, как это ни странно, идеологическую. Стоит в аудитории, набитой докторами и кандидатами всевозможных наук, произнести слово "импликация", как наступает мертвая тишина и все замирают в ожидании чуда.

ДНЕВНИК НАТУРЩИЦЫ

Вот, почитай, говорит Мазила Болтуну. Тебе можно, ты человек нравственный. Болтун полистал ученическую тетрадочку. Это был дневник, который забыла натурщица. Какой страшный документ, сказал Мазила. Клянусь тебе, тут все правда. Дневник состоял из такого рода записей. Пришла в мастерскую X. Молодой еще. Симпатичный. На столе -- водка, колбаса, апельсин. Говорит раздевайся. Разделась. Говорит, ты мне нравишься. Выпили. Сделали чик-чик. Опять выпили. Опять сделали чик-чик. Через несколько страниц история с X кончается. X -- сволочь. Деньги зажимает. И делает такие штучки, что противно. Ушла к У. Еще не старый, хотя и лысый. На столе -- коньяк, колбаса, мандарины. Говорит, раздевайся. Разделась. Говорит, у меня хорошая фигура. Выпили. Сделали чик-чик... В нашей среде, сказал Мазила, так принято. И натурщицы сами относятся как к норме. Сочетают полезное с приятным. Ты говоришь, страшный документ, сказал Болтун. Думаешь, у нас лучше? Мой теперешний начальник -- полнейшее ничтожество. Каждый год меняет лаборанток и секретарш. Он их потом куда-то устраивает, куда-то проталкивает, куда-то помогает поступить. Не всех, но почти всех. И все девочки из школы. Представь себе, почти все -- по знакомству. Неужели родители не понимают? Впрочем, что поделаешь. Все равно через это надо пройти. А тут хоть выгода какая-то есть. Я боюсь на работу ходить. Посмотрю на этих младенцев -- тоска берет. И омерзение одновременно. Девочки думают, что они строят свою жизнь по своему усмотрению с учетом духа времени. А на самом деле -- они игрушки в чужой грязной игре. И ни к чему не придерешься. Все шито-крыто. Официально этого нет. Скажи об этом публично, скажут -- клевета.

ВЕЛИЧИЕ

Разоблачительная речь Хряка оказалась беспрецедентным явлением в ибанской истории не ее содержанием (чего только у нас не говорили!), а самим формальным механизмом действования. Все было правильно. Механизм работал правильно. А результат получился неправильный. Шизофреник говорил, что

никакого парадокса тут нет. Просто между речью Хряка и смятением умов нет причинноследственного отношения. Есть лишь совпадение и следование во времени. Они оба суть следствия общих причин. Но начальству важны были виноватые. А кто виноват, было ясно даже дураку. Болтун сказал, что дураку всегда все ясно, но его не поняли.

Однако анализ ситуации оказался слишком поспешным. После снятия Хряка он не исчез в безвестность и в пренебрежение, как его предшественники, а наоборот, стал более значительной фигурой, чем был в самый высший период своей власти. Он поумнел и обрел лицо гражданина. Он публично сожалел о том, что не довел разоблачение до конца, что не дал напечатать все книги Правдеца. Также публично заявил, что ошибался в оценке творчества Мазилы и интересовался его жизнью. Время шло, забывались великие и малые глупости. С именем Хряка прочно ассоциировались лишь две величайшие в ибанской истории акции. Одна -- разоблачение Хозяина и реабилитация миллионов пострадавших людей. Другая -- невиданное доселе расширение культурных и деловых связей с Западом. Потом Хряк умер. И тогда с ним произошло третье из ряда вон выходящее событие: его похоронили не в Стене, как он того заслуживал со всех точек зрения, а на Старобабьем кладбище рядом с могилой какого-то Директора. Принимая решение о месте похорон, Руководство намеревалось нанести Хряку удар, а сделало для него величайшее благодеяние. Оно поставило Хряка в исключительное положение. Похороны в стене были бы признанием Хряка своим, но это было бы наказанием путем признания, так как Хряк затерялся бы там среди десятков других заурядных в силу большого их числа деятелей. Похороны на Старобабьем кладбище были наказанием и отчуждением от себя. Но это наказание обособило и возвеличило Хряка в большей мере, чем все его собственные действия и бесчисленные дифирамбы в грандиозной системе возвеличивания власть имущих. Могила Хряка стала символом и местом поклонения. Так было создано второе святое место в Ибанске, маленькое и неофициальное в отличие от грандиозного официального первого, а потому более человечное.

ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Сознание современного среднеобразованного человека по многочисленным каналам (радио, кино, журналы, научно-популярная литература, научно-фантастическая литература и т.д.) начиняется огромным количеством сведений из науки. Безусловно, при этом происходит повышение уровня образованности людей. Но при этом складывается вера во всемогущество Науки, а сама Наука обретает черты, весьма далекие от ее академической обыденности. Научные сведения, проникая в сознание людей, попадают не на пустое место и не в их первозданном виде. Современный человек обладает исторически навязанной ему способностью к идеологической обработке получаемых сведений и потребностью в этом. А общество предподносит ему научные сведения в такой форме, что идеологический эффект оказывается неизбежным. Наука в итоге поставляет лишь фразеологию, идеи и темы. Но как распорядится этим материалом исторически сложившаяся сфера обработки сознания людей зависит не от одной науки. Достаточно сказать, что наука профессиональна, ее результаты

имеют смысл и доступны проверке лишь в специальном языке. Для широкого потребления они пересказываются на обычном языке, с упрощениями и пояснениями, которые создают иллюзорную ясность, но, как правило, не имеют ничего общего с поясняемым материалом. Достижения науки преподносятся людям особого рода посредниками -- "теоретиками" данной науки, популяризаторами, философами и даже журналистами. А это огромная социальная группа, имеющая свои социальные задания, навыки и традиции. Так что достижения науки попадают в головы простых смертных уже в таком профессионально препарированном виде, что только некоторое словесное сходство с отправным материалом напоминает об их происхождении. И отношение к ним теперь иное, чем в их научной среде. И роль их становится здесь иной. Так что, строго говоря, здесь происходит образование своеобразных двойников для понятий и утверждений науки. Некоторая часть этих двойников на более или менее длительное время становится элементом идеологии. В отличие от понятий и утверждений науки, которые имеют тенденцию к определенности и проверяемости, их идеологические двойники неопределенны, многосмысленны, недоказуемы и неопровержимы. Они бессмысленны с научной точки зрения. Например, утверждения физики о наличии у микрочастиц волновых и корпускулярных свойств, будучи извлечено из физики и подвергнуто идеологической обработке, превращается в выражение с неопределенными и многосмысленными словами "волна", "корпускула", "одновременно" и т.д. Теперь можно показать, что физические тела вроде не могут быть одновременно волнами и корпускулами, а с другой стороны, -- вроде бы могут где-то в глубинах материи. Это сказка. Но сказка, рассчитанная не на детей, а на взрослых образованных людей, жаждущих таинственности и загадочности. Чтобы рассказывать такие сказки, надо научиться довольно тонким и сложным манипуляциям с языковыми конструкциями, получить специальное образование в физике, да еще обрести какие-то навыки в методологии науки.

Общество оказывает давление на людей, заставляя их высказывать почтение к идеологическим двойникам науки. Так, многие положения теории относительности, в свое время гонимые как еретические в их идеологическом перевоплощении, теперь чуть ли не канонизированы. Попытки высказать что-либо, по видимости не согласующееся с ними, встречают отпор со стороны влиятельных сил общества (например, в форме обвинений в невежестве, в реакционности и т.п.).

Не любые истины науки удостаиваются чести иметь идеологических двойников, а лишь удобные для этой цели. Так, одна известная теорема о неполноте формальных систем определенного типа, имеющая смысл в логике, превращается в банальную истину о невозможности полностью формализовать науку и становится "притчей во языцех", тогда как другая истина о существовании принципиально неразрешимых проблем такой участи избежала, хотя из нее можно извлечь гораздо больше всякого рода назиданий. Здесь бывают свои разжалования и пожалования, реабилитации и выдвижения и т.п. Происходит это по видимости как явления в рамках науки. Идеология в данном случае жаждет выглядеть наукой.

КРЫСЫ

Социальные отношения в крысиной колонии суть отношения крысы к своей группе, группы к своей крысе, крысы к крысе в группе, крысы к крысе вне группы по стандарту отношений в группе, группы ко всей колонии в целом и колонии в целом к крысе. Отношение крысы к группе характеризуется...

СТЕНГАЗЕТА

Когда ибанцы узнали (с разрешения начальства, разумеется), что китайцы на стены домов и заборы вешают листки со всякого рода хвалебными критическими заметками, называемые дадзыбао, они надрывались от хохота. Ну и живут же люди! Впрочем, что с них взять! Китайцы! При этом ибанцы почему-то начисто позабыли о том, что у них у самих в каждом учреждении висят эти самые дадзыбао, по-ибански именуемые стенгазетами. Причина такой забывчивости ясна. К стенгазетам привыкли до такой степени, что перестали на них обращать внимание, и они как бы перестали существовать для средне нормального ибанца. Но стенгазеты являются необходимым элементом ибанской жизни. За невыпуск их привлекают к ответственности. Выходят они регулярно к праздникам, выдающимся юбилеям и отчетно-перевыборным собраниям. Подобно тому, как все ибанские газеты похожи друг на друга и различаются только названиями, все ибанские стенгазеты похожи Друг на Друга и различаются только стенками, на которых они висят. От газет они отличаются только способом изготовления (их печатают на машинке или пишут от руки), тиражом (они выходят в одном экземпляре) и числом номеров в год.

Выходила такая стенгазета и в Институте. И на нее, как и повсюду, никто не обращал внимания от одного отчетно-перевыборного собрания до другого, на которых старую редколлегию, в которую обычно включали половину сотрудников учреждения (художников -- писать заголовки и лозунги, рисовать портреты и наклеивать вырезанные из журналов картинки; представителей от всех подразделении -- собирать заметки; представителей всех общественных организаций -- проверять заметки; подходящих лиц -- для заведования в Газете производственным, культурно-массовым, молодежным, физкультурным и многими другими отделами; подходящих лиц, отобранных и намеченных свыше, -- на должности редактора, пяти заместителей и двенадцати наблюдателей за заведующими отделов; подходящих лиц, умеющих сочинять рифмы и писать длинные поклепы, -- на должности поэтов, прозаиков и фельетонистов для осуществления положенной острой критики и самокритики, которые, как известно, являются движущей силой ибанского общества), так вот эту старую редколлегию утверждали на новый срок, поскольку она хорошо справлялась со своими обязанностями. Так бы и выходила и выходила в Институте стенгазета с названием "Ибанский мыслитель", если бы не начались новые веяния и не докатились до пятого этажа, где был расположен Институт. Но они-таки докатились несмотря на то, что лифт с незапамятных времен находился в ремонте, обрекая ожиревших и одуревших от старости и безделья сотрудников на

новые модные пришедшие с запада болезни -- инфаркт, рак, инсульт, диспепсию, паранойю и т.п. И вот тут-то институтские либералы, демагоги, крикуны и молодые хулиганы, проверив и перепроверив материалы во всех руководящих инстанциях и убедившись в правильности общей обстановки, выпустили тот самый роковой номер стенгазеты.

У газеты сразу собралась толпа сотрудников. Ну и ну, говорили одни, вот дают! Безобразие, говорили другие, до чего докатились! Ха-ха, говорили третьи, здорово они их зацепили! Четвертые загадочно усмехались и обдумывали доносы, которые они немедленно напишут в различные инстанции. Пятые, убедившись в том, что их не тронули, с облегчением вздыхали и равнодушно отправлялись на свои рабочие (вернее, нерабочие) места. Шестые, заметив, что их как-то изобразили, бежали жаловаться в бюро на то, что их исказили и оскорбили личное достоинство. Одним словом, у газеты творилось что-то невообразимое. Претендент с трудом пробился через толпу, скользнул взглядом по передовице, по фигуре Учителя, нюхавшего ветку сирени на фоне телевизионной башни и метромоста, по заметкам производственного отдела и отделов разного рода общественных жизней и впился в свою собственную физиономию, до неузнаваемости изуродованную в отделе сатиры и юмора. Он был готов ко всему, но только не к этому. Претендент был изображен на заседании редколлегии в виде короля Людовика Четырнадцатого, а члены редколлегии (и даже Мыслитель!) -- в виде пешек. Мыслитель был изображен пешкой покрупнее. Под карикатурой была подпись на ибанском языке, но латинскими буквами:

Скажу вам, правду не тая,

Журнал, конечно, это -- я.

Карикатура была совершенно правильная, поскольку Претендент с мнением подчиненных демонстративно не считался и это было известно всем. Это был, конечно, пустяк, подчиненные такое отношение вполне заслужили. Но в такой момент, когда повсюду открыто говорили о восстановлении норм, это был удар ниже пояса. Пр-р-р-рредатели, прошипел Претендент, я вам покажу! Через пятнадцать минут газету сняли. Через полчаса создали чрезвычайную комиссию под председательством Помощника. Претендент в комиссию не вошел, но играл за кулисами первую скрипку. Вечером вожди либерального направления собрались на квартире Социолога. После того, как гости расселись за обычно сервированный редкими продуктами из закрытого распределителя стол и явился, наконец-то, задержавшийся на закрытом совещании Сотрудник, Претендент встал, поднял бокал с импортной ибанской водкой и сказал: группа безответственных хулиганов из охвостья Клеветника, Болтуна, Шизофреника совершила гнусное предательство наших общих интересов нашего общего Дела. Предательство, предательство, предательство..., -- зашуршали за столом чавкающие и жующие челюсти, ... предательство, предательство, предательство...

КРЫСЫ

Вопрос о крысах-лидерах есть один из центральных для крысологии, ибо это есть вопрос о том, что из себя представляют социальные группы данного крысиного общества. В принципе лидер адекватен в социальном отношении группе ("каков поп, таков и приход"). Бывают исключения, но...

ДЛЯ ДЕЛА

После замены Хряка новым Заведующим и, естественно, старого Теоретика новым, последний также изъявил желание побеседовать с Мазилой, и беседа состоялась и внушила Мазиле некоторые надежды. Правда, не надолго. В приемной он встретил Претендента, который пришел назначаться на новый пост. Претендент немедленно изложил Мазиле все свои замыслы, которые собирался изложить выше. Теперь мы такое закрутим, говорил он с искренним увлечением. Будем печатать Шизофреника, Клеветника, Болтуна, Мыслителя, Супругу, Неврастеника и вообще всех деловых и толковых ребят. Хватит трепаться! Надо же в конце концов дело делать! Об этой встрече Мазила рассказал Мыслителю. Как ты можешь разговаривать с этим негодяем, вскипел Мыслитель. Он же мразь, лживая, хитрая, изворотливая тварь. Ему ни на слово верить нельзя. Я же его как облупленного знаю. Но он мне показался искренним, сказал Мазила. Еще бы, возмущался Мыслитель. Он все делает искренне, предварительно настроив себя на то, чтобы быть искренним. С тобой он репетировал свой речь, заготовленную для Теоретика. Как же так, удивился Мазила, ты ведь с ним дружишь! Я -- другое дело, сказал Мыслитель. Мне это нужно в интересах Дела.

Странное все-таки содружество, говорил потом Мазила Болтуну. Ну что он имеет от этого? Он же влачит жалкое существование! Смотря на чей взгляд, сказал Болтун. У него не было ибанской прописки. Претендент помог ему получить ее. И квартиру получить. Квартиру он оставил бывшей жене. И за заслуги (за какие?) получил затем хорошую комнату на одного в хорошей квартире. Ты представляешь, что это означает в наших условиях? Клеветник чуть не двадцать лет снимал углы и комнатушки за бешеные деньги. Теперь Мыслитель обижен, ибо другие имеют квартиры. А почему бы ему не вступить в кооператив? Что ты, ему положено бесплатно! Помяни мое слово, ему скоро дадут квартиру. Потом, он председательствует чуть ли на половине заседаний редколлегии. Он сидит во Главе стола. Он ведет заседания. Делает умные замечания. За ним последнее слово. Для тщеславного человека это не так уж мало. А возможность регулярно печатать свою галиматью! А ссылки на его вшивые работы, которых в иной ситуации никогда не было бы! А поездки в заграничные командировки! Да за одно выступление по телевидению, которое недавно состоялось, можно полжизни отдать. Нет, дорогой Мазила, он имеет от своего содружества с Претендентом много. Очень много. И он панически боится все это потерять. Он достаточно умен, чтобы понять, что его выше не пустят. И потому он стремится урвать незаметно. И сохранить при этом видимость порядочности. Претендент тоже кое-что от него имеет, вернее -- думает, что имеет. Претендент -- кретин, он настолько привык всех считать кретинами, что вообразил, будто Мыслитель незаменим в качестве камуфляжа. А на самом деле теперь таких пруд пруди. Как только Претендент это поймет, он его вытурит. Тем более он уже начинает его слегка компрометировать в глазах начальства. Теоретик где-то говорил между прочим, что Претендент -- человек подходящий, а вот окружение его, в особенности Мыслитель, весьма и весьма сомнительное.

ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Одной из самых любопытнейших черт пропаганды научных достижений и

методологии науки является стремление придать конкретным научным открытиям не только вид переворота в понимании той или иной области действительности, но и вид сенсационного переворота в логических основаниях науки вообще. Иногда это делают прямо, заявляя о непригодности "старых" правил логики в каких-то новых областях науки. В частности, чуть ли не предрассудком в некоторых кругах стало мнение, будто для микромира нужна совсем иная логика, чем для макромира. Иногда это делают косвенно, подвергая критике некий косный и отсталый здравый смысл простых смертных, не причастных к великим тайнам современной науки. А вообще все это, как правило, суть спекуляция на том, что язык, на котором рассуждают об открытиях науки, плохо разработан именно с логической точки зрения. Главным образом это связано с современной физикой. Здесь сложилась гигантская литература с довольно ясной ориентацией. Выполняя в свое время благородную роль защиты и пропаганды новых идей физики, она вместе с тем преследовала свои эгоистические цели, сказавшиеся на ее интеллектуальном облике в особенности после того, как упомянутые идеи физики перестали нуждаться в защите и приобрели поистине чаплинскую известность. Стремление во что бы то ни стало поразить читателя, заставить поверить в то, что объекты микромира, пространство и время и т.д. обладают непостижимыми для здравого смысла свойствами, стало условием ее существования и лейтмотивом. Пространству, например, приписывается способность сжиматься и растягиваться, искривляться и выпрямляться и т.д., а времени приписывается способность двигаться (течь, идти), способность двигаться медленнее и быстрее, вперед и назад и т.п. При этом умалчивают о том, что упомянутые свойства вещей являются обычными именно с точки зрения здравого смысла. И если последний протестует против того, чтобы приписывать их пространству и времени, то вовсе не потому, что он необразован и консервативен, а потому, что даже на самом примитивном уровне здравого смысла ясно, что пространство и время заключают в себе что-то такое, что мешает рассматривать их как эмпирические вещи, которые можно пощупать, сжать, растянуть, сломать и т.п., и это "что-то" суть неявные соглашения о смысле употребляемых языковых выражений и правила логики, усваиваемые в какой-то мере в языковой практике. Все трюки с понятиями пространства и времени, которыми в течение многих лет потрясают воображение читателей, основываются на неясности и неопределенности привычных выражений, а также на их неявном переосмысливании. Эти трюки суть трюки языка, на котором говорят о пространстве и времени. Наука, язык которой отвечает нормам логики, не может вступить в конфликт со здравым смыслом, если последний есть некоторая совокупность истинных утверждений непосредственного опыта плюс некоторые правила логики, так или иначе усвоенные людьми. Словесные манипуляции с "новейшими достижениями науки" и полнейшее пренебрежение к логическим основаниям терминологии, возводимое в ранг все более глубокого проникновения в сущность микромира, пространства и времени и т.д., -- такова другая сторона реализации благих намерений рассматриваемой литературы. Такой тип методологической литературы рождается в изобилии и в других специальных областях науки. А это и есть идеология.

Такого рода спекуляции за счет плохой логической обработки языка и языковые трюки не случайны. Открытиями в конкретных областях науки теперь никого не удивишь. К ним привыкли. А к "переворотам" в науке, вступающим в конфликт с логикой, привыкнуть нельзя, факт, который невозможен логически,

но о котором авторитетные жрецы Науки говорят, что он происходит согласно последним достижениям науки, есть чудо в духе высокоразвитой культуры двадцатого века. Трудно, конечно, поверить в то, что пятью хлебами можно накормить несколько тысяч людей. Но чтобы поверить в то, что осуществимо невозможное, повторимо неповторимое, обратимо необратимое и т.д., -- для этого надо долго и упорно учиться. Да и сами по себе научные открытия удивительны лишь для самих специалистов, не понимающих в большинстве случаев их смысла. Мир сам по себе сер и прост. Сложность мира есть лишь нагромождение и путаница из простого. Мир не содержит в себе мистической тайны. Последняя должна быть привнесена в него извне.

НАДГРОБИЕ

В завещании Хряк просил, чтобы надгробие ему сделал Мазила. Все думали, что Мазила откажется. Все считали, что Мазила должен отказаться. Клеветник, который был на похоронах и положил на могилу цветы (не на самую могилу, к которой невозможно было пробиться из-за сотрудников, а символически, не очень далеко от нее), сказал Мазиле, что он обязан сделать надгробие. Мазила сказал, что он уже принял на этот счет определенное решение. Мое согласие может принести мне вред и потому я не могу отказаться. А во-вторых, путь это будет месть искусства политике.

Желание Хряка, чтобы надгробие делал Мазила, сказал Болтун, есть событие историческое. Пройдут века. Люди забудут о перелетах и гидространциях. А в истории нашего времени этот факт будет фигурировать наряду с революциями и войнами. Но поставить надгробие не дадут. Почему, спросил Мазила. Потому, во-первых, что Хряк в соединении с Мазилой -- это вдвойне Хряк, а Мазила в соединении с Хряком -- это вдвойне Мазила. Великий политический казус в сочетании с великим казусом в искусстве даст самую значительную и постоянно действующую достопримечательность в Ибанске.

Неврастеник предложил Мазиле такой проект надгробия. Гранитный постамент. На нем высечены початок кукурузы и слова "Нонишное пакаление, тваю мать, будить жить при полном изме", а наверху -- рука, показывающая кукиш, причем вместо большого пальца -- мужской член. Мазила сказал, что проект хорош. Тут возможны варианты. В частности, можно дать на постаменте огромный розовый зад с ушами и в шапке "пирожок". Но он исходит из несколько иной установки. Художник не может быть злее политика.

ВЫСТАВКА ВУНДЕРКИНДА

В центральном выставочном зале открылась выставка Вундеркинда. О выставке сообщили все газеты, журналы, радио и телевидение, афиши. Выпустили специальный фильм. Деньги за вход на выставку не брали. Вундеркинду нет еще и тридцати. Но выглядит он как взрослый. Рисовать начал с пяти месяцев. С тех пор накопилось около тысячи работ. И все они выставлены. Как отмечали комментаторы, рисунок у него еще очень слабый, а колорит детский, но у него еще все впереди. Надо, конечно, учиться. Рисовал Вундеркинд в основном

лошадок и сцены из той и другой войны. В интервью Вундеркинд сказал, что его с детства привлекали философские проблемы смысла жизни. У меня сказал Неврастеник Мазиле, есть гениальная идея. Давай, отрасти бороду. Мы объявим тебя вундеркиндом и устроим грандиозную выставку. Не выйдет, сказал Мазила. Я хотя бы рисовать умею. А это не скроешь даже от наших академиков.

СТЕНГАЗЕТА

Как потом выяснилось, в газете не было ничего особенного, а Клеветник, Болтун и тем более Шизофреник к ней не имели никакого отношения. Клеветник искал работу. Болтун дрожал в ожидании выгона с работы, а Шизофреник еще досиживал свой срок в санатории за прошлый трактат. Но это не имело значения, так как всем было очевидно, откуда и куда дует ветер. И в общем-то шум можно было не поднимать. Тем более Претендент публично заявил, что на карикатуру он не обижается, и дело совсем не в этом. Но раз уж шум подняли, то его уже нельзя было избежать, поскольку его все равно подняли бы, и тогда его избежать было бы уже никак невозможно. И комиссия приступила к тщательному изучению газеты, привлекши для этой цели (по совету игравшего первую скрипку Претендента) Мыслителя, Социолога, Супругу, Неврастеника и всех остальных, которых можно было так или иначе привлечь и использовать.

На поверхностный взгляд газета выглядела так. На первом листе был изображен Учитель на фоне телебашни с сиреневой веткой в зубах. Это не оригинально, сказала Супруга. Это уже было. Нет, сказал Неврастеник, привлеченный, как выяснилось, для оппозиции. Было не то. Был мартен, а не телебашня, а в зубах он держал ветку мимозы. Голубя, поправил Неврастеника Кис, надо не искажать факты, молодой человек. Вы же, понимаете ли, все-таки имеете хоть какое-то отдаленное отношение к науке. В моей статье, которую, кстати сказать, переиздали по-английски, по этому поводу черным по белому написано... Претендент сказал, что он с этим согласен, и Мыслитель по складам зачитал передовицу. В ней не нашли ничего предосудительного. И было бы удивительно, если бы в ней вообще что-нибудь нашли. Писал (вернее, переписал из прошлогоднего номера) ее сам редактор, проверил ее сам секретарь, перечитал и отредактировал сам исполняющий обязанности директора, дал согласие сам инструктор из района. В результате в ней до такой степени не осталось ничего, что в ней осталось одно только ничего. Любопытный случай для диалектической логики, сказал Неврастеник и поглядел на Киса. Утверждение и отрицание означают тут одно и то же. Такие случаи, сказал Кис, в нашей диалектической действительности встречаются на каждом шагу. Надо только иметь высокоразвитый ум, чтобы суметь их понять. Разумеется, сказал Неврастеник. Однажды мальчишкой при Хозяине мне пришлось попасть в городишко на границе двух областей с разными языками. Я увидел там два лозунга. Один висел с одной стороны вокзала, а другой -- с другой. На одном было написано "Хай живет товарищ Хозяин", а на другом -- "Нехай живет товарищ Хозяин". Я спросил у милиционера, как же возможно одновременно быть хай и нехай. Меня забрали, но по малолетству выпустили, а забрали других. Выходит, они не знали диалектической логики, Претендент призвал прекратить балаган.

После передовицы шел производственный отдел. Тут тоже в общем было все

в порядке. Был, правда, один критический материал, но о нем вспомнили лишь впоследствии по другому поводу. В заметке говорилось, что в секторе теоретического осмысления практики, освещаемой и направляемой теорией, была на ближайшие сорок лет запланирована коллективная монография ста восьмидесяти авторов в девяти с половиной томах. Но успешно работающий под руководством Секретаря и Академика коллектив явно не укладывается в эти тесные сроки и рамки. Надо увеличить объем монографии, по крайней мере, в пять раз, так как все равно еще ни один автор не дал свой материал для обсуждения и, судя по всему, в ближайшие годы не даст, так как тема новая и трудная, требующая расширения авторского коллектива за счет привлечения молодых способных сил, так как недооценка новых достижений науки и практики может сказаться отрицательно, и потому сроки окончания целесообразно отодвинуть еще на десять лет. Здесь вроде бы все в норме, сказал Претендент, и велел на всякий случай записать и проверить отмеченный факт (ибо заведующий сектором был Конкурент, не говоря уж о Секретаре),

После производственного отдела шла общественная жизнь. Тут тоже все было в порядке по той же причине, что и с передовицей. Две заметки, правда, обратили на себя внимание. В одной говорилось, что сотрудник А постоянно опаздывает платить взносы, и в заключение сотрудник А призывался платить взносы вовремя. В другой же говорилось, что сотрудник А платит взносы всегда досрочно, и все сотрудники призывались следовать его примеру. Кис сказал, что этого не может быть логически. Смотря какой логикой руководствоваться, сказал Неврастеник. Потом выяснилось, что это разные сотрудники, причем один из них -- бывший аспирант Клеветника. Хотя это был тот А, который платил аккуратно, Мыслитель все равно записал его фамилию в записную книжечку. Одна статья привлекла особое внимание Претендента, но он не подал виду, а только мигнул Мыслителю. В статье речь шла о работе отдела, руководимого другим конкурентом. И говорилось похвально. Лишь в конце автор заметки сказал, что после преодоления последствий работа пошла отлично, но еще рано почивать на лаврах и думать, что теперь все сделается само собой. Мыслитель взглянул на это место заметки, и у него созрела точно такая же мысль, как у Претендента.

КРЫСЫ

Факты образования крысиных групп, выделения лидеров, ожесточенной борьбы за лидерство, иерархии лидерства и т.п. мы наблюдали с первого дня существования крысария. У нас даже сложилось мнение, будто это есть основа основ существования крысиной колонии, объясняющая все наблюдаемые нами странности. Однако мы вскоре убедились в том, что это мнение ошибочно. Мы неоднократно наблюдали потом, например, случаи усиления террора в участках установившейся системы лидерства и снижения террора в участках, где шла ожесточенная борьба за лидерство и его упрочивание. Аналогичные отношения наблюдались для колонии в целом в разные периоды. Аналогично наблюдались все возможные сочетания ситуации в системе лидерства и ситуации в системе питания. Статистические данные не дали аргументов в пользу той или иной гипотезы. Так что установить устойчивые корреляции не удалось.

Прочитав это место книги, Болтун назвал ее авторов кретинами. Путают самые простые вещи -- эмпирические законы, устанавливаемые путем обобщения данных наблюдения, и абстрактные законы, для установления которых нужен мысленный и фактический эксперимент совсем иного типа. Самое большее, чего они могут добиться своим экспериментом, -- выяснить некоторые последствия сравнительной изоляции колонии. Но это можно предвидеть заранее. Для этого не нужно десятки лет наблюдать факты, априори исключающие возможность открытия эмпирических законов. Конечно, если понаблюдать тысячи фактов, то какие-то обобщения сделать можно. Но для этого нужна особая ориентация сознания, которой у них нет. Как-нибудь на досуге надо поработать над их цифрами. Заполучить бы у них все протоколы исследований!

И все же, читал далее Болтун, наблюдение за фактами борьбы за лидерство позволило сделать поразительное открытие. Это открытие, пожалуй, самое значительное за весь период эксперимента. Было открыто существование единой системы самоуправления крысиной колонией и установлена ее структура. Но самое любопытное в этом открытии состоит в том, что система самоуправления крысарием все время лежала на поверхности, и почему мы не замечали ее длительное время, не поддается никакому разумному объяснению.

Необъяснимо, подумал Болтун, потому что очевидно без объяснения. Не ожидали увидеть ничего подобного, не хотели увидеть, факт упорно лез в глаза, а они от него оборонялись. И когда от него не стало спасения, они его, видите ли, открыли! Действительно поразительное открытие! И Болтун почему-то вспомнил случай. В Ибанске длительное время гостил Ш., крупный западный ученый, коллега. Они часто встречались. Ш. в деталях изучал условия жизни и работы ибанского ученого. И все же, вернувшись домой, он вел себя так, будто только что сошел с ибанской газетной передовицы. Прислал приглашение приехать в гости, снял для этого домик на берегу моря. Болтун получил приглашение с опозданием на месяц. Знакомые посмеялись, назвали Ш. дегенератом. Болтун все-таки ответил, поблагодарил за приглашение, сообщил, когда он получил его, написал число, когда послал ответ. И Ш. все-таки ничего не понял и обиделся. Они не понимают, думал Болтун, даже тогда, когда видят. Если видят, они признают видимый факт, но отвергают общую основу, которая кажется им неразумной и потому не существующей в действительности. И потому они обвиняют нас лично, испытывая чувство превосходства.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

За академическое издание "Преступления и наказания" Достоевского с иллюстрациями Мазилы развернулось целое сражение. В нем приняли участие известные деятели культуры Ибанска. Многие из них занимали крупные посты. Несмотря на сильнейшее противодействие книга вышла. Книга вышла в тот период, который, как вскоре выяснилось, был кульминационным в либеральную эпоху, начавшуюся после смерти Хозяина и закончившуюся через несколько лет после снятия Хряка. По мнению Болтуна, эту эпоху точнее следовало бы назвать эпохой растерянности. В другое время (до и после) книга с такими иллюстрациями Мазилы немыслима. Как и в случае с "Адом" Данте "Преступление

и наказание" послужило для Мазилы лишь поводом высказаться на эту тему применительно к нашим условиям. Шизофреник дал такую интерпретацию этой серии рисунков Мазилы Одна и та же тема как предчувствие предстоящего события и как осмысление происшедшего события и формулируется и решается в некотором роде противоположным образом. Для Достоевского это тема личной ответственности за массовые преступления, для Мазилы. -- массовой безответственности за личные преступления. Для Достоевского преступление есть надуманное отклонение от некоей естественной нормы, а наказание есть норма. Для Мазилы -- преступление есть естественная норма, а наказание есть надуманное отклонение от некоей преступной нормы. Я вовсе не хочу сказать, что именно так и думал Мазила, создавая свои рисунки. Скорее всего, он думал совсем иначе. Я просто не нахожу в них иного смысла. Именно наказание должно быть выдумано, изобретено как противодействие массовой преступности. Это проблема не юридическая, а глубоко социальная. Теперь она оказалась невероятно простой с точки зрения общих формулировок и невероятно трудной (почти неразрешимой) с точки зрения конкретной программы действия. У Мазилы в его серии такой программы нет. И ни у кого ее нет. Ее еще предстоит изобрести.

ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Господствующую в том или ином обществе идеологию я называю основной, а идеологические образования рассмотренного здесь типа -- локальными. Основная идеология допускает лишь видимость влияния на себя локальных идеологий, да и то лишь в той мере, в какой это ей выгодно или не угрожает ее существованию и престижу, и лишь в тех случаях, когда она этого хочет сама или не может избежать этого по не зависящим от нее обстоятельствам. Локальные идеологии смотря по обстоятельствам стремятся навязать себя основной как нечто необходимое для нее, как-то повлиять на основную, ослабить ее, разрушить ее, реформировать, улучшить и т.п., одним словом -- сделать все возможное, чтобы укрепить свое положение, выжить, устранить конкурентов и т.п. Их отношения во многом аналогичны отношениям могучего государства и его мелких соседей. Иногда их интересы совпадают настолько, что они воспринимаются как единое целое. Особенность здесь состоит в том, что чем больше локальная идеология устраивает основную, тем ближе она к полному исчезновению.

МАЗИЛА И НОВОЕ ЗАПАДНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Для теоретиков, говорит Болтун, Мазила представляет не столько загадку, сколько досадное затруднение. То, что он не есть явление в нашем искусстве, очевидно. Все его идеи оттуда. А иначе откуда же им быть? Наши идеи известны заранее. Что это за идеи, между нами, теоретиками, говоря, нам-то хорошо известно. Говорят, что какие-то идеи когда-то были тут у нас, потом они ушли отсюда туда и вот теперь начинают возвращаться обратно. Но это, во-первых, сказки исказителей. А во-вторых, если это даже идеи наши, они все равно побывали там. А раз они побывали там, они уже не наши. Так что Мазила чисто теоретически не может быть явлением в нашем искусстве. Но есть ли он явление в западном искусстве? Согласно решению Академии Художеств, Союза Художников, Министерства Культуры, еще более высоких Учреждений, всех специалистов по

теории искусства и всех его знатоков, в новое западное изобразительное искусство включаются те западные художники столетней давности, которых уже нельзя считать старыми, но которые в чем-то похожи на наших и не вызывают отвращения у представителей упомянутых Учреждений, а также все те сочувствующие нам художники независимо от направлений, возраста и географической принадлежности, которых разрешено считать художниками. Так что согласно определению понятия Мазила не может быть отнесен и к западному искусству. В силу сложившейся ситуации в искусстве такого явления, которое называется Мазила, просто нет.

ВЫСТАВКА КОСТЕЙ

Крупнейшим событием сезона в культурной жизни Ибанска явилось открытие выставки старых костей, привезенных из несоседнего, но дружественного государства, в помещении музея изобразительных искусств. В связи с выставкой костей музей закрыли. За два месяца до выставки началась запись в очередь на получение талончиков на право стоять в очереди на выставку. Открытие выставки производилось на высочайшем уровне. Мазила на выставку попасть не смог. Неврастеник, попавший на нее по блату, сказал, что выставка, конечно, любопытная. Но стоять часами в очередях из-за нее не стоит. Болтун сказал, что люди истосковались по чему-нибудь настоящему и необычному. И готовы смотреть все, что угодно, лишь бы не наше. Мазила спросил, была бы или нет очередь на его выставку, если бы такая открылась. Неврастеник сказал, что если бы Мазила был представлен как западный художник, была бы давка. А если бы шел как наш, то очереди некоторое время все равно были бы, но поменьше. А со временем вообще исчезли бы. Болтун сказал, что, по его мнению, эффект от выставки Мазилы был бы ошеломляющий. Даже друзья не знают того, что он фактически сделал за эти годы. Или не ценят, поскольку это валяется в мастерской. Но гадать бессмысленно, ибо выставку Мазилы никогда не разрешат. Неужели никогда, спросил Мазила. Никогда, сказал Болтун. Какой бы ни был у тебя официальный успех, выставки не будет. Может быть лишь нечто противоположное ей. Что это такое, спросил Мазила. Ты сам знаешь, сказал Болтун. Знаю, сказал Мазила. Но мне не хочется об этом даже думать.

ИЗ КНИГИ КЛЕВЕТНИКА

Идеология и наука суть взаимоисключающие явления. Я не хочу этим сказать, что они враждуют. Враги могут жить мирно и даже временами выглядеть друзьями. Я хочу этим сказать лишь то, что это -- качественно разнородные явления. Наука предполагает (в тенденции хотя бы) осмысленность, точность и однозначность терминологии. Идеология предполагает бессмысленные, расплывчатые и многосмысленные языковые образования. Терминология науки не нуждается в осмыслении и интерпретации, фразеология идеологии нуждается в истолковании, в ассоциациях, в примысливании и т.п. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения или, в крайнем случае, установления их неразрешимости. Предложения идеологии нельзя опровергнуть и подтвердить, ибо они бессмысленны. С этой точки зрения распространение мнения, будто идеология состоит из знаков, ошибочно. Наука состоит из знаков, а идеология состоит из квазизнаков. Идеология

антизнакова. Она есть языковое образование лишь с точки зрения использования вещества языка. Так что многие явления в современной науке фактически суть явления в области идеологии. Наконец, если словом "научная" обозначать науку в целом, включая антинаучность, то научная идеология мыслима как часть антинаучности. Выражение "научная идеология" с этой точки зрения обозначает такую идеологию, которая сосет соки собственно научной части науки и маскируется под нее. Но идеология как наука в смысле собственно научности есть нонсенс. У нее совсем другие источники и другие цели, нежели познание действительности. Скорее наоборот. Лишь в сравнении с какой-то другой формой идеологии та или иная идеология может выглядеть как продукт познания и просвещения. Но это состояние скоро проходит. Идеологии в принципе не различаются с точки зрения степени научности понимания природы и общества.

Ненаучность идеологии не должна обижать ее. Быть наукой -- это не так уж почетно в наше время. Быть идеологией почетнее, ибо идеология господствует, а наука подчиняется. Стремление науки подчинять смехотворно. Если она и подчиняет, то лишь в роли идеологической организации, а не науки в собственном смысле слова. Стремление идеологии к наукообразности есть исторически преходящее явление.

Научная идеология есть такая же нелепость, как, например, научное искусство. В отношении искусства различают само искусство как особую форму деятельности и науку о нем, т.е. теорию искусства. Известно, что произведения искусства создают художники, а не ученые, изучающие искусство, а теорию искусства создают не художники. Случаи, когда один и тот же человек создает произведения искусства и вносит вклад в теорию искусства этого отношения не меняют. В отношении идеологии также следует различать деятельность по созданию идеологических предметов (текстов, предметов культа), которая не есть наука, и науку, изучающую эту идеологическую деятельность и ее продукты. Но этого фактически не делают. Молчаливо считается, что люди, создающие, охраняющие и сохраняющие идеологические предметы, суть ученые. А так как сами идеологические тексты считаются произведениями науки, то научное их изучение совпадает, как кажется, с самой их разработкой. А между тем это не так. Чем труднее провести различие, тем настойчивее и четче оно должно быть проведено. У идеологии как особой формы деятельности по созданию идеологических текстов и других предметов и науки об этой деятельности и этих предметах не больше общего, чем у искусства и теории искусства. Идеологические тексты строятся по принципиально иным правилам, чем тексты научные. Слабость современной официальной идеологии состоит, прежде всего, в том, что ей пытаются придать вид текстов, построенных по правилам науки. И стараются это сделать на самом деле. Наука не получается, а правила построения идеологии не осознаются и явно не используются. Получается скверная наука и не менее скверная с точки зрения профессиональной обработки идеология.

Казалось бы, что в силу исключительно важной роли идеологии в обществе она должна быть сделана наилучшим образом с профессиональной точки зрения. Однако именно с этой точки зрения она являет наиболее жалкое зрелище. Случайно ли это?

СТАТЬЯ КИСА

Полистав книгу Клеветника, Кис обозвал Клеветника мерзавцем и начал перефразировать мысли Клеветника применительно к требованиям Журнала, приписывая Клеветнику подходящие нелепости и с блеском опровергая их аргументами, взятыми из тех же книги. Статьей Киса занялся сам Претендент, попросив по-дружески Неврастеника ее отредактировать. Неврастеник сказал, что статья дерьмо, но отредактировать взялся. Он сдал в Журнал свою статью, публикация ее нужна была ему до зарезу (скоро переизбрание, а публикаций почти нет!). Отказ автоматически вел к тому, что его статью снимали из номера. Статья Киса получилась довольно приличная, и Кису она понравилась.

Окрыленный успехом. Кис задумал монографию о борьбе идей в нашу эпоху. К нему присоединился Мыслитель. Для большей уверенности тайно от Претендента пригласили в соавторы Секретаря. Во-первых, сказал Мыслитель, книга наверняка пройдет. Во-вторых, к нам никто потом не придерется. В-третьих, наверняка получим гонорар. В-четвертых, Секретарь кретин, ничего не поймет, и мы проведем свои идеи. Монографию включили в план. Под будущий гонорар Мыслитель взял в долг у Социолога крупную сумму, купил на нее икону для одной из своих знакомых неопределенной национальности и, намазав икону красной икрой из открывшегося для него закрытого буфета, подарил ее другой знакомой из одного посольства. Они не подумали только об одном. Секретарь сам для себя в жизни не написал на строчки. За него всегда писали другие. Мыслитель по производительности уступал даже Кису, а Кис мог вы давить из себя от силы статейку в год. Выход из положения нашел, однако, сам Секретарь. Он предложил принять за основу его старую книгу, написанную еще при Хозяине, и переработать ее с учетом новых установок. Вот влип в пакостную историю, говорил Мыслитель на вечере у Социолога. Вызвали нас с Кисом в Отделение и обязали работать с Секретарем над темой "Борьба идей". Отличную книгу можно сделать, сказала Супруга. Секретарь тут лишь для проформы, его можно в расчет не принимать. Кстати, сказал Кис Мыслителю, от Клеветника остались какие-то бумаги для второй части его книги. Дребедень, конечно. Но взглянуть не мешает...

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Жизнь ибанского мыслящего интеллигента -- это, прежде всего и главным образом, разговор. А разговор -- бессистемный и безрезультатный спор. Исторические явления надо оценивать по их последствиям, кричит Ученый. Можно, кричит Болтун. Но почему "надо"? Разве невозможен иной подход? А что вы называете историческим явлением? Наш разговор сейчас есть историческое явление? А поездка Заместителя в район Ларька? А речь Заведующего? А выступление Правдеца? А какими способами вы устанавливаете причинно-следственные отношения? Почему вы считаете сам факт революции причиной террора? Почему вы считаете коллективизацию причиной голода? Что вы имеете в виду, говоря здесь о причинах? Поймите же, в конце концов, что все слова, которые вы употребляете, стали бессмысленными. Чтобы наши разговоры приобрели хотя бы первоначальный ориентировочный смысл, надо выполнить, по крайней мере, такие условия. Описать стандартные способы, с помощью которых устанавливается (и даже измеряется!) характер и сила (степень) влияния данного события на людей. Различить влияние события на современников и в последующей истории. Для этого надо точно установить временные границы того,

что считается современным данному событию. Надо также установить временные рамки того, что считается последующим историческим периодом. Этот период -- не все время после времени современников. Если приняты определенные способы выяснения влияния событий на жизнь людей, то начиная с некоторого времени после данного события этими способами получить проверяемые утверждения нельзя. Наконец, надо иметь в виду, что оценки события для современников и для последующей истории не совпадают. Великое для современников событие может иметь незначительные исторические последствия. Между этими оценками есть зависимость. Если все понятия точно определены, и установлены способы измерения влияния исторических событий на людей, то можно чисто дедуктивно вывести из этого базиса некоторые общие следствия. Например, если событие социально незначимо для современников, оно не может быть социально значимым в истории. Случаи, когда кажется, что событие прошлого вдруг приобретает значение в последующей истории, суть результат смешения понятий и фактов. На самом деле, тут происходит иное. На самом деле, современные события, имеющие социальное значение, ассоциируются с событиями прошлого по тем или иным причинам, и значимость их приписывается событиям прошлого. Прошлые события лишь дают какой-то материал для работы воображения, фразеологии и т.п. Значимость события в истории не может превышать его значимости для современников не в силу каких-то объективных законов, а в силу принятых языковых правил рассуждения об этих событиях. Чтобы событие стало значительным для истории, оно должно быть предварительно значительным для современников. Эти чисто языковые соотношения затемняются еще тем, что очень часто о значительных для современников событиях не говорят публично, не печатают в газетах и т.д. Например, что вы читали о выступлении Правдеца? А видели ли вы сегодня хотя бы одну газету без портрета Заведующего и без описания его поездки в район Ларька? А что произвело более серьезное впечатление на ибанцев? Поездка? Да она не произвела никакого впечатления. О ней не то, что забыли. Ее даже не увидели, хотя и смотрели.

После речи Болтуна опять начался гвалт. Все в один голос закричали, что Болтун ошибается. О чем же можно говорить с другими, если даже вы не понимаете того, что понятие ошибки неприменимо к моим словам. Ошибаться может лишь утверждающий. А я говорил лишь о соглашениях, без которых невозможно утверждать, и ничего еще не утверждал.

ВЫХОДИ СТРОИТЬСЯ

Я всю жизнь живу с таким ощущением, говорит Болтун, будто вот-вот раздастся команда "Выходи строиться!", и я выбегу, встану в строй и зашагаю туда, куда прикажут, Я понимаю это, говорит Клеветник. Я всю жизнь живу с таким ощущением, будто вот-вот раздастся стук в дверь, мне скажут "Собирайтесь!", и я пойду туда, куда меня поведут. От прошлого надо очищаться покаянием, говорит Посетитель. Каяться должны грешники, говорит Болтун. А как очиститься от будущего, спрашивает Клеветник. Гнетет не прошлое, а ожидание неизбежного. Покориться, говорит Посетитель. Все равно осталось немного. Потерпите немного, и все кончится. И не будет ничего, А Ничто не страдает. И не имеет проблем. А я живу с таким ощущением, говорит Мазила, будто мне давно уже говорят и говорят "Пшел вон!".

КРЫСЫ

Болтун решил сам проделать такой эксперимент. Выдумать абстрактную схему, исходя из некоторых взятых из книги предпосылок, и посмотреть затем, что по этим вопросам написано в книге. Итак, сказал Болтун себе, начинаем. Крысарий есть замкнутое в силу какой-то необходимости скопление крыс, обреченных на длительное совместное существование. Либо это скопление остается хаотичным, и тогда оно погибает вследствие взаимоистребления. Нетрудно даже подсчитать, когда это произойдет, Либо оно как-то упорядочивается. Раз оно существует, размножается и с какой-то точки зрения процветает (средний вес крысы, кстати сказать, увеличился; удлинились хвосты; увеличились клыки и когти; стала глаже шерсть), значит упорядоченность достигнута. Но за счет чего? Крысарий автономен. Никакого внешнего давления на этот счет нет. Вещи и пища неподвижны. Единственное, что обеспечивает порядок, сами крысы. Все они систему порядка организовать не могут, ибо это и будет хаос. Следовательно, разделение функций: упорядочивающие и упорядочиваемые. Это лишь начало системы. Упорядочивающих много. Можно подсчитать минимальное их число, исходя из некоторого соотношения числа членов первичных групп. Они, в свою очередь, образуют иерархическую систему групп и лидеров.

Развив таким образом гипотетическую систему, Болтун начал читать соответствующее место книги и вскоре убедился, что был прав. И он тоже был потрясен, но не тем, о чем писали авторы книги, а тем, с какой точностью и детальностью он предсказал результаты эмпирических наблюдений. По всей вероятности, думал он, люди обычно достаточно точно предсказывают общие контуры социальных явлений, но никогда не верят в свои предсказания, и потому кажется, что они не способны постигнуть сложность бытия. Людям надо вернуть утраченную веру в свой собственный разум -- одно из непременных условий социального прогресса общества. Любопытно, что современная наука разрушает эту веру, что бы ни болтали в пользу противоположного мнения. Вера в разум не есть явление в сфере науки. Это вера, т.е. самый основной элемент идеологии. Официальная идеология, стремясь казаться научной, разрушает основу основ человеческого в человеческой истории -- веру в свой собственный разум.

УСПЕХИ

Дело с надгробием пошло сверх ожидания успешно. Мазила изготовил эскизы. Комиссия Союза Художников посмотрела их и одобрила. Только предложила вместо белого и черного мрамора использовать красный гранит. Красивее получится, И выделяться не будет. Но Мазила настоял на своем. Потом была специальная комиссия, которая эскизы тоже одобрила, но предложила вместо сочетания белого и черного мрамора дать сочетание серого и красного или, в крайнем случае, светлосерого и темносерого. А то могут неправильно истолковать. Потом была Комиссия самая высокая. Эскиз Комиссия одобрила, но предписала делать надгробие в одноцветном мраморе. Через год дело все же утряслось, и высшие власти утвердили эскиз Мазилы. Это ерунда, сказал Болтун. Мелкие успехи никогда не ведут к крупной победе. Крупная победа складывается только из поражений. Будут и поражения, сказал весело Мазила. И

начал делать рабочую модель надгробия. Модель была маленькая и не производила должного впечатления. Скорее наоборот, она производила комическое впечатление из-за малюсенькой головки Хряка. Это хорошо, что не смотрится, весело говорил Мазила. Значит все советы и комиссии проскочит. А вот потом посмотрите в натуре -- ахнете. Комиссия Союза модель одобрила. Поговорили опять о материале. Этот материал, говорил он, как красная тряпка быку. На форму они уж не смотрят. Модель одобрили комиссии выше, еще выше, сбоку, с другого боку и, наконец, на самом верху. Удрученный непривычным успехом Мазила собрался лепить надгробие в натуральную величину. Но тут пришло долгожданное поражение.

СТЕНГАЗЕТА

Предполагали, что главной причиной снятия газеты является отдел сатиры и юмора. Тут действительно было к чему придраться. На рисунке "Старобабье кладбище через сто лет" были изображены надгробия над могилами ныне здравствующих теоретиков. На надгробиях были написаны гнусные эпитафии. На могиле Троглодита, было написано:

Почти сто лет он вам вещал:
Первичен мир, вторичен разум.
Ни разу он в идеализм не впал,
Но и в науку он не впал ни разу.

На постаменте были изображены знакомые сапоги с усами, а из сапог торчали маленькие Троглодитики. Кис был изображен в невообразимо непотребном ни на что не похожем виде, но так, что его сразу узнавали. На постаменте была надпись:

Адам из глины создан был.
А Ева из ребра Адама.
Мыслитель из г...а слепил
Закопанного тут болвана.

Искажение личности, заорал Кис. Но Неврастеник сказал, что Кис напрасно принимает карикатуру на свой счет. Самый ужасный вид имело надгробие Секретаря. На постаменте распласталась зеленожелтокоричневая куча, кишащая червями. От кучи исходили зловонные испарения, на которых были написаны названия трудов Секретаря. На червях были написаны слова "Донос", "Клевета", "Плагиат" и другие еще более неприличные. Золотыми буквами была выписана эпитафия:

Какой титан от нас ушел!
Какое сердце перестало биться!
И как узнать, когда ышо
Такая мерзость народится!

Посредине кладбища высился обелиск с надписью:

Остановися, человек!
Здесь затаилася навек
Наставников твоих отцов
Ватага умственных скопцов.

Проглядев отдел сатиры и юмора, Комиссия удалилась на совещание. Институт затаил дыхание в ожидании решения. Двух старших сотрудников хватил инфаркт. Пять младших попали в вытрезвитель. Одного поймали с поличным, и на

Институте появилось пятно.

РЕШЕНИЕ

Что будет, шептались сотрудники, что будет! Ничего особенного, сказал Болтун, Ситуация, конечно, серьезная, и потому ее не следует принимать всерьез. Никто не может знать, что они там напишут. И потому это нетрудно предсказать. Дело в том, что все великие решения строятся по такому принципу. Решение провоцируют одни люди. Изучаются материалы деятельности других людей. Для формулировок используются идеи, не имеющие с ними никакой логической связи. Объектом решения становятся люди, вообще не имеющие к этому никакого отношения. Между всеми этими аспектами отсутствует причинно-следственная обусловленность. Тут нет даже совместности. Последняя привносится извне самим актом решения. Вы хотите знать, что будет? Это банально просто можно установить. Кто затеял дело? Не Секретарь и его банда, а Претендент и его банда. Зачем? Нанести удар по конкурентам и зарекомендовать себя в верхах. Кто конкуренты? Исполняющий обязанности директора, заведующий сектором теоретического осмысления и заведующий отделом. Исполняющего обязанности можно купить на серьезной ошибке, остальных -- на чем угодно, что роли не играет. Никакой ошибки Исполняющий не делал, но ошибку можно привнести и извне применительно к ситуации, пришив ему то, что он проглядел эту ошибку в газете. Что это за ошибка -- очевидно: последствия искривлений давно исправлены, как известно, но некоторые злостные элементы вопреки установке продолжают считать, что они еще есть. И стукнут в конце концов по Клеветнику, Болтуну и компании.

На другой день в Институте зачитали закрытое письмо. За последний год, говорилось в нем, газета улучшила работу. Напечатаны интересные критические материалы в адрес Секретаря и Заведующего сектором теоретического осмысления. Они должны учесть справедливую критику в их адрес и исправить. Однако газета допустила грубую ошибку, опубликовав ряд материалов, противоречащих установке. В этих материалах ошибочно утверждается, что у нас не все искривления преодолены. В особенности это касается такого-то отдела (заведующий такой-то), а также гнусных и грязных намеков в виде порочных карикатур, инспирированных группой безответственных лиц (Клеветник, Болтун и другие). В целях исправления исполняющего обязанности освободить и назначить другого, заведующим отделом и сектором строго указать, о Клеветнике и Болтуне поставить вопрос. Было отмечено также, что подлинную бдительность проявил Претендент.

Ну, что я вам говорил, сказал Болтун. И все равно этот кретин директором не будет. Когда слишком много побед, то дело в целом кончается поражением. На другой день стало известно, что множество конкурентов изменилось по составу, но зато выросло по числу. И Претендент в нем шел уже на пятом месте. Затевая свою игру и чувствуя себя в ней главной фигурой, Претендент и думать не хотел о том, что сам он при этом станет пешкой в чьей-то другой игре. И он не знал, что его судьба в этой игре давно решена и ему давали поиграть в свою игру только потому, что он еще не сделал до конца то, что от него требовалось. А там наверху уже давно решили, что Претендент на пост директора не годится, так как чрезмерно левый и прогрессивный. Сам-то Претендент еще ничего, но он под влиянием своего окружения. Особенно

подозрительны тут Мыслитель и Социолог, Пижоны! Начитались западных книжек и вообразили о себе! Претендента решили передвинуть на другой не менее высокий пост (пусть занимается наукой, он же ученый!), начисто исключающий возможность задуманной Претендентом карьеры. О судьбе Мыслителя не говорили, ибо это незначительная мелочь. Болтун предсказывал, что Претендента выкинут из игры вверх, но так, что он больше никогда не поднимется. А Мыслитель все пытался пронюхать, откуда у Болтуна такие сведения. Боже мой, что за идиоты, возмущался Болтун. Неужели они не понимают, что между бандой Секретаря и бандой Претендента есть еще более мощная банда, которая должна сместить банду Секретаря по общим законам социального изменения. Банда Претендента захватила инициативу случайно, благодаря исторически сложившимся благоприятным для нее обстоятельствам. Но эти обстоятельства уже исчерпали или почти исчерпали себя.

ПОРАЖЕНИЕ

Секретарша одного не очень большого, но и не самого маленького начальника вынула печать, подышала на нее и подняла руку в последнем завершающем шлепке. Все бумаги собраны и подписаны. Все печати поставлены, кроме этой, которую секретарша не очень большого, но и не самого маленького начальника поставит на самой последней уже подписанной ее начальником бумаге. Слава богу, подумал Мазила, кончилась эта бумажная волокита. Теперь за дело. Но... Но секретарша печать не пришлепнула. Она медленно опустила руку с печатью, бережно убрала печать в стол и закрыла его на ключ. Обождите минутку, я позвоню... Она назвала ничего не значащее имя. Вот тут у меня Мазила, сказала секретарша в трубку, он... Полчаса держала секретарша трубку. Полчаса стоял Мазила с рукой, протянутой за последней почти заверенной печатью бумажкой. Позвоните через несколько дней, сказала секретарша, положив трубку после слова "ага". И спрятала бумажку в стол.

Хотел бы я знать, что тут произошло, сказал Мазила. Указание свыше? Но они же дали согласие. Союз? Но они уже капитулировали. Тем более они думают, что я делаю ерунду и компрометирую себя. Органы? Но для них это пустяк. Это не их дело. Личная инициатива начальничка? Секретарши? А кто я им? Не ищи ответа, сказал Шизофреник. Его нет. Не потому, что трудно установить правду, А потому, что ты хочешь иметь ответы на вопросы "Кто?" и "Почему?". Но тут нет никакого "Кто" и никакого "Почему". Здесь работает механизм, а он не персонифицирован и безответственен. Да мало ли что могло быть? Есть люди, которые не хотят, чтобы ты делал надгробие? Есть. Делают они что-нибудь в связи с этим? Делают, Здесь даже говорение есть дело. Усмешка есть дело. Молчание есть дело. Отсутствие звонка есть дело. Звонок есть дело. Достаточно в машину через какой-то вход (а их -- миллион) ввести какой-то материал, и он может дать совершенно неадекватный ему эффект. Представь себе, судьбу одной книги Клеветника решила незначительная заминка в речи его поклонника. Поклонник (ответственное лицо, кстати сказать) произносит похвальную речь. Его перебили, задали пустяковый вопрос. Он на мгновение замялся и что-то невнятное промычал. И это было истолковано как руководство к действию, а все остальное -- как камуфляж. Я в свое время анализировал серию неудач Болтуна. Взял десять дел. Все дела разные. Участвующие лица разные. А эффект один и тот же. А твое дело очень серьезное. Необычайно

серьезное, фактически, неофициально оно с самого начала было решено отрицательно. Положительное официальное решение не есть лицемерие. Оно тоже реальность. Они там могут искренне желать тебе удачи. Но они тоже детали машины. Они могут даже не ведать того (хотя я в этом сомневаюсь), что, принимая положительное официальное решение, они принимают его так, что оно есть отрицательное фактическое решение.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ БАЗА

Наивысшего расцвета в Ибанске достигла мясология. Вообще-то говоря, сначала было плохо. Сначала мясологи разводили Муху и заграничную Хромосому и строили на этой основе чуждые нам теории. На Западе их, конечно, за это хвалили. А у ибанцев от них было полное засилие. Пришлось поправить. Вместо них назначили Великого Ветеринара. Был он невероятно глуп и косноязычен. И, как говорили ибанцы, не мог отличить Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от Кабеля, Кабеля от Кобеля, Кобеля от Гоголя, зато имел правильное происхождение и взгляды, соответствующие моменту. Он быстро наверстал упущенное. Опираясь на первоисточники, он начал проводить на необъятных просторах ибанского пустыря знаменитые опыты по скрещиванию арбуза с кукурузой. И добился выдающихся результатов. Коров в окрестностях Ибанска вывели. Молоко стали получать из порошка, а мясо -- из-за границы. После снятия Хряка выяснилось, что Великий Ветеринар допустил перегиб. Хромосому реабилитировали. И Претендент срочно написал смелую книгу, в которой изобличал Ветеринара и одобрительно отзывался о Хромосоме. Правильное соотношение Теории и Естествознания было восстановлено. В Журнале стали регулярно печатать статьи реабилитированного специалиста по Мухе и Хромосоме. Поддержка естественников обеспечена, сказал Претендент про себя. Теперь мы Их зажмем, сказал он вслух. Кого он имел в виду, знали, но думали, что он сокрушает Секретаря, Троглодита, Ветеринара и прочих сподвижников Хозяина.

НЕДОУМЕНИЕ

Смотри, сказал Болтун, показывая Мазиле свежий номер Журнала. Передовая ибанская интеллигенция совершает стриптиз. Мазила полистал статьи Киса и Мыслителя и выругался матом. Что творится? Наши друзья обнаруживают свое подлинное лицо, сказал Болтун. Период растерянности кончился. Теперь им надо устранить всех, кто значительнее их или хотя бы знает им цену. И набить себе цену. Обрати внимание, как это делается. Резко критикуются слабые и устаревшие по ориентации работы выживших из ума стариков и всяких проходимцев. Проводятся, а иногда даже с боем пробиваются работы, которые выглядят лучше тех. По сути эти работы такое же барахло, если не хуже. Но создается видимость прогресса. И если при этом не пропустят одну, две, три по-настоящему хороших работы (а хорошие работы всегда редкость), это пустяк. Стоит ли на это обращать внимание! В нашем деле можно пропустить тысячу работ и задержать только одну, чтобы стать подлецом, если эта одна была единственной точкой роста, а все остальные -- заурядные тупики. Мыслитель всегда был такой. Только раньше была вера в то, что у нас настоящих людей все равно не будет. И еще не было никакой власти. Никакой загадки и духовной

драмы тут нет. Банальная функция страха, стяжательства, паразитизма и бездарности.

ВСЕ ВЗАИМОПЕРЕПУТАНО

Дело обстоит вовсе не так, будто с одной стороны -- банда Претендента, а с другой -- банда Секретаря, говорит Неврастеник. Реальная ситуация такова. Секретарь -- начальник всех, Претендент -- ему подчиняется по одной линии. Но есть другая линия, по которой Претендент не подчиняется Секретарю. Секретарь вместе с Кисом и Мыслителем пишут книгу. Исполняющий обязанности работает на полставки у Социолога. Супруга защищала диссертацию на кафедре у ближайшего врага Претендента, оппонентом был один из ближайших соратников Секретаря. Продолжать? Мы образуем единую дружную семью. Распадение на враждующие группы -- здоровая критика и самокритика, интересы дела, забота о благе ибанской науки и о чистоте изма. Группы Претендента и Секретаря -- это даже не уплотнения в некоторой сплошной среде. Это некоторая тенденция многих людей совершать какие-то поступки таким образом, будто одни из них хотят помочь, а другие помешать Претенденту стать директором. И это бессмысленное брожение трясины или, скорее, дерьма субъективно переживается как борьба за какие-то идеалы. Здесь несоответствие страстей и оценок, с одной стороны, и реальной жизни, с другой, достигает таких чудовищных размеров, что мне по временам кажется, будто мы все сидим в сумасшедшем доме.

ВИДЕНИЕ ШИЗОФРЕНИКА

Где я, спросил Шизофреник у молодцеватого красивого парня, одетого в жутко знакомую форму, которую он никак не мог вспомнить. Вы, дорогой товарищ, находитесь в столице нашей родины -- в лагерь-сарае Чингиз-Хана, ответил парень, и свистком вызвал сотрудников в штатском. Посредине лагеря, видит Шизофреник, возвышается синхрофазотрон. На нем на корточках сидит Правдец и играет на балалайке. Мазила из конского навоза лепит бюст передовика монгола, который перевыполнил норму вырезки славян втрое. В сторонке Болтун, аккуратно посаженный на кол, читает лекцию об ибанском искусстве. Около него с автоматом стоит Мыслитель и внимательно наблюдает за тем, чтобы Болтун сидел симметрично. Вокруг, скрестив по-турецки лапки, расселись полчища крыс. Искусство, говорит Болтун, занимая более правильное положение, разделяется на официальное и неофициальное. Официальное искусство допускает возможность массового обучения ему. В принципе любой крысо-монгол при наличии достаточно способных родителей может стать заслуженным художником, лауреатом, академиком, депутатом. Образы официального искусства привычны и общедоступны. Они доступны самому Чингиз-Хану, Батыю, Мамаю. Оно не отвергает гиперболу, но только правдивую. Так, если художник изобразит ноги монгола кривее, чем они есть на самом деле, а лошадь его еще мохнатее, то это будет революционный романтизм, зовущий вперед. Прямоногий же монгол на английской кобыле есть абстракционизм чистой воды. Верно, закричали проснувшиеся для этой цели крысо-монголы, и выпустили тучу стрел в синхрофазотрон. Официальное искусство, продолжал польщенный Болтун, жизнеутверждающе. Но оно возможно и как обличающее. Не допустим, заорали

крысо-монголы. Разумеется, в меру и под контролем, поправился Болтун. При этом к нему предъявляются такие требования. Оно должно быть столь же бездарно, как и жизнеутверждающее искусство. Недостатки, обличаемые им, должны выглядеть как отдельные и преходящие. Из него должно быть видно, что мы боремся с недостатками и делаем это весьма успешно. Неофициальное искусство разделяется на разрешенное, безразличное и неразрешенное. Безразличное долго в этом качестве оставаться не может, если оно становится заметным. Так что остаются лишь две рубрики. Разрешено может быть любое неофициальное искусство, если только оно удовлетворяет таким требованиям. По уровню таланта оно не превосходит официальное. Не имеет широкого общественного резонанса. Не ставит художников в привилегированное или исключительное положение сравнительно с официально признанными. Бессодержательно или не выходит с этой точки зрения за рамки дозволенного. Остается лишь неофициальное неразрешенное искусство. С ним общество ведет борьбу всеми доступными средствами. И, разумеется, побеждает. Вот таких художников, продолжал Болтун, указывая на Мазилу, в принципе не должно было бы быть, если бы не два из ряда вон выходящих обстоятельства: эпоха растерянности после битвы на Куликовом поле и заигрывания с Западом. Благодаря первому обстоятельству Мазила сохранил шкуру, благодаря второму стал знаменитым.

Болтун окончил лекцию, поправил кол и спросил, какие будут вопросы. Руку поднял отличник Батый. Скажите, профессор, а мог бы появиться Мазила там у них на Западе, спросил он, кокетничая французским произношением и американскими джинсами. Мазила появился в своем месте и в свое время, сказал Болтун. Там он не мог быть, так как если бы там он мог быть, так уж давно бы там и появился, поскольку всякий, кто может, там непременно появляется. Там на это смотрят сквозь пальцы. У нас он раньше появиться не мог. Задушили бы. Верно, заорали крысо-монголы, задушили бы. И позже не может быть, сказал Болтун. Задушат. Верно, заорали крысо-монголы, задушим. Они бросились к Болтуну и потянули его за ноги так, что кол вылез из глотки. Аудитория разразилась бурными аплодисментами. Мыслитель презрительно пожал плечами. А что я мог сделать, сказал он Мазиле. Батый поблагодарил лектора за интересное сообщение и скомандовал поход на Ибанск. А ты, сказал он Мазиле, можешь отсюда катиться на все четыре стороны. Держать не будем. Рррота, с места песню, шагыыым арррш, скомандовал Старшина.

Ена-бена-труакатер,
Мадмазеляжураватер,

заблелял Мыслитель. И взяв на изготовку облезлые хвосты, крысы двинулись на Ибанск.

МЫСЛЬ О СМЕРТИ

Меня все время преследует мысль о смерти, говорит Неврастеник. Я тоже думаю, говорит Карьерист. Но мне страшно. Как подумаю о том, что еще мгновение -- и нет ничего, ужас берет. Я думаю о прошлом, говорит Ученый. Где оно? А люди-то были. Писали стихи. Доказывали теоремы. Мучились в лагерях. Где все это? Много ли осталось в памяти? Да и что память! Дело не в этом. Дело не в этом, говорит Посетитель. Что такое нормальная человеческая жизнь? Твое благополучие? Нет. Нормальная человеческая жизнь -- это когда ты

продолжаешь жизнь и дело других, они смотрят на твою жизнь и на твое дело как на свои, кто-то продолжает твою жизнь, и твое дело. И вы все -- одно. При этом создается состояние причастности к вечности, л страха смерти нет. Если люди при этом и думают о смерти, то не так болезненно, как вы, а как о деле. А как живете вы? На предшественников вам наплевать. Их у вас нет. А если они и были, вы стараетесь о них забыть и вести все отсчеты только от себя. Продолжателей вашего дела нет, и вы это знаете. На вас наплюют так же, как вы на своих предшественников. Родители? Дети? Тут еще хуже. А между тем даже с чисто биологической точки зрения тут мы потеряли. Говорят, продолжительность жизни увеличилась на двадцать лет. Нет, она сократилась на сорок. Нормальный человек есть единство по крайней мере трех поколений. Подсчитайте, сколько это. А мы -- мы просто обрубленные люди. Без прошлого. Без будущего. Мы и есть чистое мелькание. Потому-то мы и наполнены страхом смерти. Страх смерти есть лишь осознание этого факта разрушенности связи времен. А где же выход, спросил Неврастеник. Религия, говорит Посетитель. В условиях современного образования это пустое дело, сказал Ученый. Религия не только учение, сказал Посетитель. Религия есть еще человеческая общность. Старушечья общность, сказал Неврастеник. Замолчи, сказал Болтун. Он прав. Нужна антисоциальная общность людей и нужна для нее своя неофициальная религия. Не нравится слово религия -- путь будет идеология. Любопытно, говорит Неврастеник. Может быть, вы уже и роли распределили? Может быть, сказал Болтун. И как же, спросил Ученый. Ну хотя бы так, сказал Болтун. Правдец -- пророк. Мазила -- создатель иконики. А мессия, спросил Неврастеник. Кто мессия? Клеветник? Шизофреник? Нет, сказал Болтун. Они -- апостолы. Мессия идет. Где, спросил Неврастеник. В тебе. В нем. В нем. Во мне. Во всех. И откуда же исходит, спросил Ученый, Ваш мессия. Из науки? Из искусства? Из тюрем? Из политики? Из салонов? Из разума? Из сердца? Из желудка? Отовсюду, сказал Болтун. Кто знает, может быть, он уже пришел. А мы слепы, и потому этого еще не знаем. А зачем он нужен, спросил Карьерист. Восстановить разорванную связь времен и очистить твою душу от страха смерти, сказал Посетитель. Ну и разговорчики мы ведем, сказал Неврастеник. Неужели это серьезно?

РЕАКЦИЯ СОБИРАЕТ СИЛЫ

Кончился юбилейный год. Еще три года в Журнале допечатывали оставшиеся от него материалы. Начали готовиться к новому предстоящему через десять лет юбилею и печатать подготовительные материалы. Но поскольку установка на промежуток между юбилеями по каким-то причинам (наверняка, происки реакции!) задержалась, образовался промежуток, который не знали, чем заполнить. Секретарь заявил на заседании, что редколлегия не справляется, и потребовал ее укрепления. Создали комиссию, в которую вошли передовики предприятий, пенсионеры и видные представители. Комиссия начала допрос пострадавших. Претендент срочно вернулся из внеочередного отпуска. Стоит мне отлучиться на неделю, орал он на Мыслителя и всех прочих сотрудников редакции, как начинается бардак! Полная беспомощность! Все надо делать самому! Не хотите работать, так и скажите честно и открыто! Держать не буду!

Мыслитель предложил гениальный план -- выпустить серию совместных номеров: ибанскопольский, армянскобиологический, генетикочувашсконемецкий, а

также номер, посвященный союзу естествознания, науки и физики. Начать решили с интервью Академика, который только что выпустил сотый том своего эпохального труда "Одна минута одного открытия". Поскольку Академик страдал неизлечимым словонедержанием, вследствие чего при разговоре с ним его пасть приходилось затыкать специально изготовленным кляпом с глушителем, интервью поручили написать самому Мыслителю. Потом Претендент встретился с Кисом, который писал статью за самого главного руководителя реакции Троглодита. В статье давалась погромная критика Претендента. У меня гениальная идея, сказал Претендент, и они перешли на шепот. Только никому ни гу-гу, сказал Претендент. И Неврастенику, спросил Кис. Ему в особенности, сказал Претендент. Он ненадежен. И нашим. И вашим.

ЗАМЕТКИ КЛЕВЕТНИКА

Только официальная идеология может стать полноценной и даже великой идеологией. Неофициальные идеологические образования, как правило, несамостоятельны, уродливы, неустойчивы. В дальнейшем я буду иметь в виду только официальную идеологию. Я не собираюсь при этом строить целостную теорию идеологии. Я лишь хочу обратить внимание на некоторые стороны дела, важные с точки зрения перспективы социальных преобразований.

Официальная идеология -- это идеологическое учение и идеологическая организация людей. Задачи последней общеизвестны: поддерживать учение, следить за его чистотой (охранять от ревизий и ересей), следить за единством (охранять от сект и расколов), пропагандировать его людям, следить, чтобы к нему относились с почтением, искоренять тех, кто выражает к нему недоверие, и т.д. Идеологическая организация не есть просто одна из организаций общества наряду с другими (аналогичная, например, министерству какой-то отрасли промышленности или даже армии). Она есть организация общества в целом с этой точки зрения. Она пронизывает все сферы общественной жизни. Помимо многочисленных специальных учреждений различных рангов (Отделы, Институты, Школы, Группы и т.п.), профилей и функций, идеологической работой занимается многомиллионная армия агитаторов, пропагандистов, корреспондентов, журналистов, писателей, художников, ученых. От мала до велика. Газеты, журналы, радио, телевидение, книги, кино, концерты, театры. Почти каждый начальник отчасти есть идеологический работник. И огромная армия добровольцев. Особенно -- пенсионеры. Особенно -- отставные полковники. Почти каждый гражданин, достигший определенного возраста и имеющий маломальски терпимое образование, потенциально есть идеологический работник. И способен быть им, на самом деле, в силу особенностей отправления идеологических функций в нашем обществе и грандиозной организации идеологического просвещения (если можно так выразиться). И лишь благодаря этой системе идеологическое учение становится могучим фактором общественной жизни. Оно немыслимо вне этой системы как явление социальное. Вне этой системы оно есть лишь совокупность текстов, которые можно рассматривать с самых различных точек зрения -- с исторической, физической, логической, эстетической. Однако, если мы хотим их рассматривать именно как идеологические тексты, мы ни на минуту не должны забывать о деятельности могущественной организации людей. И тот, кто намерен посягнуть на идеологическое учение без учета этого обстоятельства, будет выглядеть как

наивный младенец или безумец. Но это еще не все. Это еще только начало.

Прошедший период растерянности был в высшей степени поучителен со многих точек зрения. Поучителен он и в плане рассматриваемой темы. До наступления этого периода казалось, что стоит сбросить идеологические оковы, превращающие способных писателей, художников, ученых и т.д. в бездарных лгунов, холуев и кретинов, как наступит расцвет всего и вся. В этот период перед людьми открылись огромные возможности. А много ли сделалось? Кое-что. И дело тут не в том, что не успели или не дали. Другого и не было. Отсутствие давления со стороны этого другого было одной из причин того, что возможности оказались неиспользованными. Все, что смогли, сделали. Сделали все то, что смогли. Дело в том, что подавляющая масса людей, не смогла сделать ничего другого потому, что ей это и не нужно было делать. Как выяснилось с полной очевидностью, подавляющая масса людей, так или иначе причастных к идеологии (кстати сказать, аналогичное явление имело место и в других сферах общественной жизни), оказалась заинтересованной именно в той форме официальной идеологии, какую они имели, представляли и потребляли. Она оказалась удобной почти для всех. Я не утверждаю ничего о том, какой она оказалась с точки зрения экономических, политических и других последствий. Я не утверждаю, что она оказалась хорошей. Я не утверждаю, что она оказалась плохой. Я лишь утверждаю, что она оказалась подходящей. И думать, будто она держится только на насилии ошибочно. Она принимается также и добровольно. Не берусь высчитывать проценты добровольности, безразличности и принудительности. Я не апологет этой идеологии. Но я считаю своим долгом констатировать следующий факт. Если даже по каким-то причинам аппарат идеологического принуждения перестанет действовать (например, будет физически разрушен), какие-то элементы официального идеологического учения сохранят свое значение в качестве добровольных элементов той или иной (официальной или неофициальной) идеологии. Мы здесь имеем дело все-таки с великой идеологией. Если бы это было не так, то не было бы проблемы. И кстати сказать, всеобщее презрение и пренебрежение к официальной идеологии ничуть не лишает ее статуса великой.

ОПЯТЬ УСПЕХИ

На свой страх и риск Мазила вылепил надгробие в глине в натуральную величину. Болтун, увидев его, ахнул. Никогда бы не подумал, что это будет так здорово. Эффект масштаба, сказал Мазила. И потом, какая бы это ни была маленькая частичка от меня, она сделана бескомпромиссно. Это все равно я. А в мраморе это будет смотреться очень и очень неплохо. Если этот мрамор будет, сказал Болтун. И все-таки, это Мазила двадцатилетней давности, да и то частичный. К тому же если дадут поставить. Начались снова комиссии, просмотры, утверждения. И завершились они успешно. Наконец главный архитектор Ибанска изъявил желание посмотреть надгробие. Дважды он выехал, но не доехал. Дважды его срочно вызвали вверх. Теперь он обещал быть наверняка, если не произойдет ничего непредвиденного.

КРЫСЫ

Мы установили, что специальные крысы-эксперты по одним им понятным

признакам производят отбор среди молодых крыс. Эксперты некоторое время наблюдают за крысиной молодежью, затем выделяют избранника, окружают его и обнюхивают. Затем собирается сборище из ранее отобранных крыс. Крыса-избранница выбегает в середину и что-то пищит (писки крыс были записаны и классифицированы; об этом в следующей главе). Затем выбегают по очереди еще две-три крысы и тоже пищат. Затем крысы поднимают хвосты. Как правило, поднимают почти все. Некоторые воздерживаются. За все время наблюдений было лишь два случая, когда подняло хвосты меньшинство крыс. И тогда избранница тут же была разорвана на куски и съедена. По всей вероятности это -- ритуальное пожирание, так как все собравшиеся обычно до этого нажирались досыта. После процедуры поднятия хвостов крыса-избранница тут же смешивается с массой других и выделить ее потом из массы практически невозможно. Из отобранных таким образом крыс затем избираются лидеры всех рангов. Система отбора построена настолько безукоризненно, что ошибок мы почти не наблюдали. Отобранных крыс мы называем отмеченными.

Да, сказал Болтун. Ошибок тут не может быть. Но не потому, что система разумна. А потому, что она абсолютно иррациональна. Ошибка всегда есть ошибка раздумья. Когда не думают, ошибок не делают.

Мы установили также, читал далее Болтун, что в сложной системе управления колонией регулярно производится смена крыс, реализующих управление, сопровождаемая мероприятиями, которые нам на первый взгляд показались нелепыми, но в разумности которых неоднократно убеждались в дальнейшем. Это осуществляется в такой последовательности: 1) стадия продвижения отмеченных крыс в круг особей, являющихся кандидатами в лидеры; 2) стадия вживания (ее результат -- снюхивание с определенными кругом крыс); 3) выталкивание в лидеры (захват поста); 4) замена чужих своими, обычно при этом происходит массовое уничтожение чужих; 5) массовый террор, имеющий целью устрашить всех и сделать покорными; б) некоторые преобразования крысария, имеющие целью завоевание популярности и оправдание сделанного ранее. Разумность систематически проводимых при этом массовых уничтожении не подлежит сомнению. Мы предприняли однажды попытку воспрепятствовать им, но результат получился плачевный. Находящиеся в системе управления старые крысы устроили такой погром, что потребовалось несколько лет, чтобы крысарий восстановил нормальный вид.

Только в этом пункте Болтун допустил неточность. Предсказанные им величины оказались вдвое меньше тех, которые получились в опыте. Но он объяснил несовпадение внешним вмешательством в ход процесса, которое было с научной точки зрения неправомерным отклонением от типа эксперимента.

ЗАПИСКИ КЛЕВЕТНИКА

Идеологическое учение содержит в себе учение о мире вообще, учение о человеке и учение о человеческом обществе. Подчеркиваю, учение, а не науку, если под наукой иметь в виду научность в указанном выше смысле. Если кратко и ориентировочно сформулировать суть идеологического учения, то она сводится к следующему. Мир, человек (т.е. ты) и общество (т.е. система большого числа таких "ты" со всеми их орудиями, средствами существования и т.д.) устроены так (или существуют по таким законам; или подчиняются таким законам; заметьте, подчиняются!), что общество, в котором ты живешь, есть наилучшее

изо всех мыслимых. Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжко трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна. Прекрасна только благодаря твоему мудрому начальству, которое руководствуется самой правильной теорией и т.д. Короче говоря, тут мы найдем все атрибуты божественной премудрости, доброты, провидения и прочая, и прочая, и прочая. Но тут есть одна особенность, на которую стоит обратить внимание. Особенность эта -- двадцатый век, несколько отличный по условиям существования человека от тех времен, когда создавались такие великие идеологии, как буддизм, мусульманство, христианство.

Учение о мире? Есть мощное естествознание. Есть физика, которая недвусмысленно заявила свои претензии на многое такое, что считалось неотъемлемой сферой философии (а философия стала частью идеологии; "стала", если не хотим сказать "есть"). Учение о человеке? Есть антропология, физиология, медицина, психология, педагогика, генетика, логика, лингвистика и т.д. Учение об обществе? Есть история, социология, политэкономия, социальная литература, социальная журналистика и т.д. Причем, человек сведения всякого рода на этот счет получает в любом количестве и регулярно. В результате перед идеологией возникает задача: занять определенную позицию по отношению ко всему этому (а позиция эта общеизвестна -- контроль, надзор, опека, цензура) и отвоевать у науки, литературы и прочих областей культуры свою собственную вотчину, в которой идеология являлась бы не только надсмотрщиком, но хозяином, исполнителем, созидателем, хранителем и т.п. Такую вотчину, которая стала бы неотъемлемой частью тела идеологии. И такую вотчину она имеет. Это -- некое общее учение о мире в целом (мировоззрение), некое учение о познании и мышлении и вся область общественных наук. Недавний печальный опыт социологии обрести если уж не автономию, то хотя бы право на отдельное название, красноречиво говорит о том, что сферу наук об обществе идеология никому без боя не уступит. Повторяю, захватив сферу общественных наук, сама идеология от этого не становится наукой. В отношении мира в целом и познания (и мышления) идеология имеет конкурента, с которым не так-то просто справиться, -- логику. И даже не столько конкурента, сколько постоянную угрозу быть уличенной в мошенничестве.

ВЫСШАЯ ВЛАСТЬ

У нас, говорит Карьерист, самая высшая власть -- это самая низшая власть. Имя Р. тебе, конечно, известно. Так вот, его окончательно выперли с кафедры. Р много лет заведовал кафедрой. Целую школу создал! Превосходная кафедра была. Кстати, я был у него аспирантом. Помнишь, эти истории с письмами? Подсунули и ему. Он человек порядочный, не смог отказаться, хотя к политике совершенно равнодушен. Ему предложили выступить публично и заявить, что его обманули. Он, разумеется, отказался. На другой же день освободили от заведования. Чтобы сохранить кафедру, назначили заведующим некоего Нолика. Абсолютное ничтожество. Непременный член всех делегаций за границу. Его просто присоединяли к делегациям, минуя все те сложные процедуры, через которые должен пройти наш брат. Назначая Нолика, говорили, что это для виду, что фактически руководить будет Р. Вроде бы так и оставалось некоторое

время. Но лишь по видимости. А фактически началось совсем другое. Жизнь кафедры -- это миллион мелких дел. И результат руководства сказывается лишь в итоге. Курсовые и дипломные работы студентов, отбор в аспирантуру, рекомендация для печати, обсуждения докладов, введение или исключение спецкурсов, назначение руководителей студентам и аспирантам, отметки на экзаменах, распределение на работу, допуск к защите диссертаций, отзывы... И почти в каждом конкретном случае есть выбор. Причем, взятый по отдельности акт выбора не принципиален. Его можно обосновать так, что не придерешься. А в целом постепенно, но неотвратимо складывается вполне определенная тенденция. Допустим, есть две темы, для научной работы: А и В. Разницы между ними на первый взгляд нет. Тема В вроде даже звучит как более передовая. Но Р знает, что тема А перспективнее. Правда, она труднее, нужно более сильное руководство и более настойчивый и способный исполнитель. Нолик знает, что Р об этом знает, и поступает наоборот. Он -- заведующий. Вопрос не принципиален. Р деликатен и не спорит. Он просто теряется, когда соприкасается с людьми такого типа -- типа Нолика. Проходит тема В. Два студента, допустим, есть: А и В. Примерно одинаковы. У В даже какие-то показатели предпочтительнее. Но Р предпочитает А, значит Нолик предпочитает В. Нолика поддерживают общественные организации. В аспирантуру оставляют В. Все это идет на глазах у всех. Все видят. Все понимают. Но никто не может противостоять. Декан? Да он всю жизнь завидовал Р. Он спит и видит, как бы его зажать. Притом зачем поднимать шум из-за пустяка. Начинается пока еле заметная деморализация общей среды кафедры. Обсуждается дипломник или аспирант Р. Придирки, замечания, затягивание. И все это под самым благородными предлогами и корректно. В общем, опять не придерешься. Обсуждаются дипломники или аспиранты Нолика. Все прекрасно. Мелкие дефекты. Легко исправить. Рекомендовать. Вроде и те и другие проходят. Но люди есть люди. И они понемногу начинают отдавать предпочтение Нолику. Так им жить спокойнее. Самые интересные идут пока к Р. Но их мало. А то и совсем нет. А Р разборчив, не всякого желающего берет. Освободилась ставка на кафедре. Претендуют двое: А и В. Один тяготеет к Р или хотя бы не тяготеет к Нолику. Другой готов на что угодно. По формальным показателям вроде бы одинаковы. Берется В. На кафедре начинают накапливаться сначала люди, лишь незначительно превосходящие Нолика, затем -- почти равные ему, наконец -- уступающие даже ему. И все это в рамках законности, с одобрения начальства, на виду. Люди Нолика более профессиональны в устройстве своих личных делишек, люди Р -- ученые, не способные оказать сопротивление. Вынужден покинуть кафедру ближайший ученик Р. Тем более был повод -- ошибочное выступление. Изменил другой. Как-то незаметно стушевался третий. Ушел на более выгодную и спокойную работу Л. Да, тот самый. Р оказался в итоге в полной изоляции. И почти без нагрузки. Разумеется, остаться на кафедре он уже не мог по собственному состоянию. Но ведь по результатам работы кафедры можно же судить, кто чего стоит, возмутился Мазила. Как? Студенты нормально учатся и выполняют прочие обязанности, кончают, устраиваются на работу, поступают в аспирантуру, пишут диссертации. Курсы лекций читаются. Экзамены сдаются. Заседания проводятся. Жизнь идет нормально. Даже немного лучше, чем у других. Повысилась воспитательная работа. Провели ряд эффектных мероприятий. Сотрудники кафедры довольны. Недовольные выглядят смешно или уходят. Кроме того, повсюду трубят, что Р и его группа работает на кафедре.

Почет. Результат, конечно, сказывается. Но так, что связь с истоками обрывается и ответственных не найдешь. Он сказывается в масштабах страны, в состоянии каких-то отраслей науки или хозяйства. Например, обнаруживается отставание в такой-то области. Где-то не полетела или взорвалась какая-то штучка. Виновные находятся, но не те и не там. Нолики неуязвимы. Кстати, его выдвинули в Корреспонденты. Не пройдет, конечно. Но сам факт выдвижения тоже есть признание заслуг. Хотя может и пройти, чем черт не шутит. Я все это в общей форме читал V Шизофреника, сказал Мазила. Но я, откровенно говоря, не очень-то верил в это, что это именно в такой форме реализуется в вашей среде. А где же выход? О каком выходе ты говоришь, спросил Карьерист. Люди Нолика какие-то дела делают не хуже, чем люди Р. Люди Р социально неудобны. У них есть достоинство, гордость, даже честь. Люди Нолика послушны и способны на все. Люди Р укрепляются, если чувствуется в них общественная потребность. Например, надо догонять, обгонять, в общем -- конкурировать с сильным противником Уничтожь такого противника -- вот тебе и выход. Надобность в людях Р отпадет. И никаких проблем. Правда, тогда начнется другое. Люди Нолика держатся на каком-то уровне из-за людей Р, а те терпятся из-за общей ситуации. Отпадут люди Р, придет новый Супернолик, сожрет Нолика и вытеснит его людей своими или заставит их опуститься еще на уровень ниже. Страшно, сказал Мазила. Ничего особенного, сказал Карьерист. Это норма. Это устраивает большинство или даже почти всех. Страдают лишь единицы. В перспективе страдают все, но люди Нолика -- в меньшей степени. И им на это наплевать. В глубине души даже приличные люди довольны, что Р пал. Это дает им возможность испытывать благородный гнев и притом чувствовать себя немного значительнее. Ну а ты сам как реагируешь на эту историю, спросил Мазила. Как все, сказал Карьерист. Видишь, жалуюсь тебе. Кстати, мы давали отзыв на работы Нолика. Разумеется, положительный. И я голосовал за. А что я сделаю? Я ведь не ты и не Р. Я всего лишь простой смертный. Я люблю удобства. У меня семья. Хочу поехать Туда на пару месяцев. Есть такая возможность. Проголосуй я против, поездка немедленно отпала бы. И потом у меня сын поступает на этот факультет. А Нолик там -- сила. Я слушал тебя, сказал Мазила, и у меня все время было такое ощущение, будто я через какой-то мощный прибор наблюдаю, как медленно и неуклонно образуется раковая опухоль у близкого мне существа, но не могу предпринять ничего, чтобы помешать этому. Страшно не то, что все это происходит. Наверно, так было и будет всегда и везде. Страшно то, что это происходит без какого бы то ни было прикрытия. Без психологии. Без нравственной драмы. Не будем сгущать краски, сказал Карьерист. Мы же живем. Работаем. Даже смеемся. И ведем умные содержательные беседы. Чего же еще? Сегодняшнй день и есть сама жизнь, а не подготовка к жизни.

СТРАХ

Несмотря на всяческие меры, принятые против, ибанская интеллигенция имела довольно полное представление об обличительной литературе последних лет. Во всяком случае, о ней говорили так, будто ее специально и в обязательном порядке прорабатывали в кружках антиполитграмоты. Последняя книга Правдеца, сказал Ученый, ошеломляюща. Мне стало страшно. Начали говорить о страхе. Я, сказал Болтун, различаю страх животного в человеке и страх человека в животном. Животное страшится убийств и насилий в общем --

зла, которое оно видит и предвидит сознанием. Человек страшится невозможности сделать добро, которое он способен сделать. Ужасно, конечно, что есть много людей, способных делать зло и имеющих для этого возможности, но еще ужаснее то, что мало таких, которые способны делать добро и имеют для этого хоть какие-то возможности. Настоящий ужас не в том, что есть отклонения от нормы, а в том, что есть норма, с необходимостью рождающая эти отклонения. Констатировать убийства, насилие, террор и все такое прочее и назвать виновных -- это, конечно, акт величайшей важности. Но меня интересует другое, а именно -- ужас ситуации, в которой никого не убивают, а делают нечто более страшное: не дают людям, способным стать Человеками, стать ими. Я тебя понимаю, говорит Мазила. Но эта позиция обрекает на бездействие. Смотря, что называть делом, сказал Болтун. Мы говорим -- это тоже дело. Не столь сенсационное, как книга Правдеца, но дело. В конце концов и книга написана для того, чтобы люди говорили. Иногда бездействие есть подготовка к делу. И все-таки, как мне кажется, ты недооцениваешь активного начала в человеке, сказал Мазила. В книге Правдеца приводится много примеров, когда активность даже нескольких человек давала эффект. Какой, спросил Болтун. Материал для книжки -- да. Все равно это допороговые явления. Исторически их нет и не было. Короче говоря, если ты мышь и недоволен этим, то что ты предложишь мышам для того, чтобы стать слонами?

ЗАМЕТКИ КЛЕВЕТНИКА

Мне вспоминается беседа с Ученым. Я говорил, что так называемое учение о мире (мировоззрение) есть чисто идеологическое явление, ничего общего, кроме словесной формы, не имеющее с наукой. Ученый, который всегда с презрением отзывался о философии, к моему удивлению встал в данном случае на ее защиту. Потом я неоднократно убеждался в том, что представители конкретных наук при всем их как будто бы пренебрежительном отношении к философии являются оплотом последней. Само их презрение есть форма признания, чисто субъективный и общепринятый способ выражения того, что у них за душою нет ничего другого позитивного. Когда говорят, что наше мировоззрение тесно связано с наукой, то говорят правду. Легко презирать то, что сделали другие. Попробуй, предложи что-то получше!

Какая-то доля истины во всем этом есть, говорил Ученый. Вот, скажем, утверждение о том, что в мире все изменяется. Это же действительно так! Банально, конечно, но верно. А все ли, спросил я. Изменяются ли неизменные предметы? А как изменяется, скажем, круглый квадрат? Это софистика, запротестовал Ученый. Вы же понимаете, о чем идет речь! К чему эти словесные придирки! Да, говорю я. Я-то понимаю, о чем идет речь. И потому не считаю это словесными придирками. Речь идет об определенных языковых выражениях. И я вправе смотреть на них именно как на факты языка. Придирки тут обязательны, если, конечно, Вы стремитесь к ясности. Вот Вы, например, утверждаете, что в мире все взаимосвязано. Что Вы этим хотите сказать? Что любое явление связано с другим любым явлением? А что Вы имеете в виду, употребляя слова "связаны" и "взаимосвязаны"? Откуда у Вас уверенность в этом? Подумайте, и Вы сами убедитесь в том, что Ваше утверждение -- пустая бессмысленная фраза. Но Вы даже и не подозреваете о том, какие ловушки таятся в таких заявлениях. Ладно, допустим мы как-то уточнили эту фразу и

получили утверждение, что все явления причинно или как-то иначе обусловленны. Вы здесь употребляете слово "все". Значит, это касается и таких явлений, которые причинно не обусловленны. Получится, что причинно не обусловленные явления обусловленны причинно. Ученый запротестовал. Мы же имеем в виду существующие явления, сказал он. Существующие -- когда? Сейчас, вчера? Где? Но это все равно не решает парадокса. Пусть все существующие эмпирические (добавим еще это ограничение!) явления причинно обусловленны. Согласно правилам самой техники построения языковых выражений всякое существующее причинно не обусловленное явление есть существующее эмпирическое явление, и к нему также относится общее утверждение. Так что все равно получим неразрешимый парадокс: причинно не обусловленное явление будет причинно обусловленно. Совершенно аналогично обстоит дело с утверждением "Все изменяется". Возьмем его даже в ограниченном виде: "Всякое существующее эмпирическое явление изменяется". Опять встает вопрос: как быть с эмпирическими явлениями которые не изменяются? Принять, что таковые не существуют? Прекрасно! Но с точки зрения техники построения научных языковых выражений это равносильно принятию такого соглашения: будем называть эмпирическими такие явления, которые обладают такими-то признаками и в том числе -- изменяются. Но идеологию это не устраивает. Для идеологии утверждение о том, что все изменяется, должно быть итогом длительного и мучительного познания человеком мира. Оно должно быть великим открытием, а не банальным соглашением о смысле слов. Начните докапываться до простой сути, дела изложите свои результаты публично, и тогда на своей шкуре испытаете, что это такое. Идеология тоже фиксируется в языковых выражениях. Но языковые идеологические феномены образуются, живут и действуют на людей совсем по иным правилам, чем языковые выражения науки.

Ладно, сказал Ученый, допустим, что в учении о мире вообще Вы в какой-то мере правы. Хотя мне тут еще многое не ясно. Но учение об обществе! Это же не философия! Это же наука! Какая разница, сказал я. Возьмем в качестве примера хотя бы идею бесклассового общества.

ОТСУТСТВИЕ ЯСНОСТИ

Споры кончались ничем или, в лучшем случае, руготней. Но начинались снова. И темы их были примерно одни и те же. Был Хозяин гений или нет? Был Хряк великий деятель или нет? Чтобы было бы, если бы не революция? Что бы было, если бы не Хозяин? Что бы было, если бы Правдеца в свое время напечатали? И так далее в таком же духе. Есть разные люди и среди порядочных людей, говорил Болтун. Одни сразу определяют свою позицию и начинают действовать: пишут, выступают, протестуют и т.п. Другим нужна интеллектуальная ясность. В особенности тем, для которых поиски ясности являются призванием и даже иногда профессией. Люди не могут действовать все одинаково. Если мое призвание и мое действие есть нахождение истины, почему я должен бежать на площадь и кричать "Долой"! Вот, к примеру, Т. Он вырос в деревне. У них в семье было много детей. Работали в сохозе. Труд адский, а зарабатывали крохи. Да и то по ночам, урывками. Воровали, естественно. Иначе сдохли бы от голода. И все же в сохоз пошли охотно. Думаете, их обманули? Нет. Большинство прекрасно знало, чем обернется для них сохоз. И если бы потом им предложили обратно единоличное хозяйство, большинство отказалось

бы. Разговоры на эту тему велись неоднократно. А им Друг пред другом врать было ни к чему. В чем же дело? Тут много сторон. В частности, в семье Т все дети вышли в люди. Один стал директором завода, другой полковником, третий доктором. Сестры уехали в город, стали домашними хозяйками или просто рабочими (одна -- шофером). Но главное, все так или иначе приобрели свой угол, свою комнатушку (это было огромным счастьем!). Да и сам труд в сохозе имел не только недостатки. С людей, например, снималась забота. Появились машины. Я не хочу вам говорить общеизвестные вещи. Надо учитывать фактическое положение дел. А оно было таково, что революция и все последующие мероприятия были также и величайшим благом для народа. Иначе вы никак не поймете всего, что там происходило и происходит. Надо быть круглым идиотом, чтобы рассматривать революцию и всю последующую деятельность правительства только как злодейства и глупость. Не бывает умных революций. Не бывает незлодейских революций. И неверно, что было частью добро, частью зло, что того-то больше, а того-то меньше. Было другое: была история. И есть другое: есть исторические проблемы. Не вчерашние, а сегодняшние и завтрашние. Вот, скажем, Правдец. Почему такой эффект? Страшные факты прошлого? Ерунда. Это лишь материал для размышлений о сегодняшней ситуации. Литературная и идеологическая формы для раздумий нашего современника о наших проблемах. Это явление сегодняшней жизни на фактах прошлой истории. И смысл ему придается различный у нас и у них. Будем говорить откровенно. Затрагивает он проблемы, непосредственно волнующие широкие слои населения? Незначительно. Мимоходом. Бесхозяйственность, головотяпство и т.п. Это не есть социальная проблема для самого населения. А интересы чиновничества? Разве реально сейчас угрожают чиновничеству массовые репрессии? Нет. А остальное -- мелочи, ибо оно власть. Интеллигенция? А что это такое? Деятели науки и культуры в подавляющей массе такие же чиновники, служащие. И она в том же положении. Имеют они основания для недовольства? Да. Но что это за недовольство? Люди всегда будут недовольны. А это их недовольство не таково, чтобы приобретало характер социального. Что же остается? Весьма разнородная оппозиция, в которой, как бы это дико ни звучало, представителей власти и лиц, близких к ней, не меньше, чем гонимых и ущемляемых.

ОПЯТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Превосходно, сказал Болтун. Еще один удар, и я начну верить в то, что надгробие разрешат. Но что, собственно говоря, произошло? Я сам не понимаю, сказал Мазила. Приехал главный. Был в восторге. Расхваливал так, что неудобно было. И притом все время допытывал, как относятся к этому делу вверху. Я говорю, прекрасно. Все утверждено. Все бумаги подписаны. Теперь нужна лишь Ваша санкция и распоряжение начальству кладбища. И больше ничего. А он все юлит и юлит. Кажется, я понял, в чем дело. Они там не дали ему никаких указаний. В общем, свалили дело на него. Будет скандал -- он виноват. Будет хорошо -- их заслуга. А он жук. Он на себя ответственность брать не хочет. Теперь все зависит исключительно от него. А он без гарантий ничего не сделает. Ему нужно не одобрение надгробия как явления в скульптуре, а указание свыше поставить надгробие. Причем, безразлично, какое именно. А такого указания нет. И что же теперь, спросил Болтун. Все начинать сначала, сказал Мазила.

ВСЕ РЕШАЮТ ЛЮДИ

По-твоему выходит, что от воли самих людей не зависит ничто, говорит Мазила. Почему? Потому что от них зависит все, говорит Болтун. Это игра слов, говорит Мазила. Хорошо, говорит Болтун. Пусть будет так: кое-что зависит и кое-что не зависит от воли людей. Ты "то хочешь услышать от меня? Нет, говорит Мазила. Это пустота. Но что-то делается само собой? Да, говорит Болтун. Но последствия сказываются через тысячелетия. И притом опять через волю людей. Ты чувствуешь, как движутся материки? Внутри таких геологических эпох общества социальная жизнь автономна. Возьми любую сферу жизни и увидишь: везде люди стоят перед проблемой свободного выбора. Я вынужден говорить опять парадоксы. Именно свобода рождает зависимость. Назови мне хотя бы один случай в нашей социальной жизни, когда решение не зависело бы от воли человека. Все зависит от того, сколько людей, где, когда и как скажут свое "нет". Это основа основ. На другое надеяться бессмысленно. Другого просто нет в природе общества и человека. Так значит, говорит Мазила, эти люди, сжигающие себя на площадях, объявляющие голодовку, кончающие жизнь самоубийством, сочиняющие свои глупные книжонки... Да, говорит Болтун, и они делают нашу историю. Но я же многих знаю, говорит Мазила. Они плохо образованы, многие психически больны, уродливы, неспособны, неустроены... А ты хочешь вступить в такую страшную борьбу и сохранить при этом душевное равновесие, хороший оклад, работоспособность, здоровую семью, физическое здоровье, спросил Болтун. Почему же они идут, спросил Мазила. Потому, что не могут не идти, сказал Болтун.

ТИПЫ ТРАГЕДИИ

Для творческой личности, говорит Неврастеник самому себе, самая большая трагедия -- невозможность сделать дело, которое, как чувствует личность, ей по плечу. Это общеизвестно. Мой вклад в эту проблему -- типология трагедий. Я различаю здесь три типа. Первый тип -- тип трагедии Правдеца. Ему не нужно от общества ничего, кроме возможности быть услышанным. Второй тип -- тип трагедии Мазилы. Ему от общества требуется помимо этого еще большие материальные средства (например, бронза, камень, большое помещение, площадь и т.п.). Третий тип -- тип трагедии Клеветника. Ему от общества требуются люди, ибо он непосредственно должен делать людей. Правдец и Мазила нуждаются в людях, воздействуют на людей. Но их непосредственная творческая продукция -- речь, книга, картина, скульптура. Клеветник -- воспитатель. Книги для него второстепенное дело, подспорье и побочный продукт. Главное для него -- лепить сознание конкретно данных людей. Каждого из представителей этих типов можно лишить возможности делать свое дело. Но -- разными способами и с разными последствиями. Обратите внимание. Правдеца выгнали из Ибанска силой. Мазила убежит сам. А Клеветник? Клеветник сам не сбежал бы, а если бы даже захотел, его не выпустили бы. Клеветник должен был просто исчезнуть, раствориться, сойти на нет. Не знаю, что хуже и что лучше. А еще хуже то, что мы даже не ощущаем трагичности происходящего. Мы делаем все, что в наших силах (а для этого мы всесильны!), чтобы погрузить трагедию в месиво житейской пошлости. Мы могли бы жить среди цветов. Но они нас раздражают. И

мы втаптываем их в свою собственную грязь. Без надобности. Потом Неврастеник, тронутый красотой своих мыслей, стал обдумывать свое выступление на предстоящей своей защите.

ПУБЛИКАЦИЯ КНИГИ

Это неверно, говорит Неврастеник, будто у нас трудно печататься. Наоборот, мы обязаны печататься. Есть даже нормы. Я, например, был обязан каждый год печатать пять-шесть авторских листов. Представляешь, -- два года -- книга. А Институт каждый год обязан создавать целую библиотеку научных открытий. И имей в виду, нам предписывается печатать только высоковалифицированные творческие оригинальные работы, вносящие вклад в развитие передовой науки. С каждым годом уровень наших работ должен повышаться. С целью обеспечить этот неудержимый прогресс разработана грандиозная система.

Само собой разумеется, что есть общая установка, определяющая развитие всей науки на данном историческом этапе. И все происходящее происходит в рамках и в свете этой установки. Через множество ступеней установка устремляется вниз в виде разного рода императивных документов вплоть до рядовых сотрудников. Те хватаются за голову и начинают думать, что бы такое им запланировать на предстоящие десять дет, затем на ближайшие пять лет и, наконец, на висящий на носу год. Что именно планировать, роли не играет, так как все равно все будут делать то же самое. Главное -- придумать новое название, которое порадует душу начальства или хотя бы не вызовет сильного гнева. Названия с трудом изобретаются. Из них комплектуется примерный план группы, сектора, отдела, института. Проекты планов теперь движутся обратно вверх, обогащенные конкретным содержанием. Доработанные и утвержденные вверху, они затем опять спускаются вниз, но уже как руководства к действию. Теперь сотрудник, включивший задуманное им сочинение в план, обязан это сочинение сдать в установленные сроки для обсуждения в назначенной для этого группе. Пройдя благополучно все эти инстанции и учтя критические замечания, сотрудник получает право включить книгу в план редакционной подготовки. После этого рукопись дорабатывается и снова проходит все инстанции, обрастая документами с печатями и подписями и отзывами. После обсуждения на Ученом Совете и на Дирекции рукопись направляется в Издательство, где ее просматривает редактор, старший редактор, литературный редактор, заведующий редакцией. Затем включается в план издания. После многочисленных встреч автора и редакторов рукопись, наконец, попадает в типографию, где ее и набирают. Сначала отвратительно. Потом плохо. Потом опять плохо, но несколько лучше. Наконец, плохо, но хотя бы терпимо. После серии дополнительных подписей и печатей рукопись идет в тираж и, побывав предварительно в Главлите (псевдоним цензуры), выходит в свет.

Если ты ленив и не укладываешься в сроки (читай: тема трудная, надо серьезнее отнестись к делу!) или сочинил нечто в высшей степени заурядное (читай: обнаружил высокую квалификацию, знание предмета, умение творчески решать проблему!), вся эта система даже не замечается. Ее как будто бы совсем нет. Тебя торопят или дают дополнительные сроки, хвалят, дают советы. Все друзья предлагают дать требующиеся отзывы. Ты можешь даже ухитриться гонорар отхватить, а уж премию -- наверняка. Но боже упаси тебя сделать

что-нибудь из ряда вон выходящее или, страшно подумать, выдающееся! Сразу обнаруживаются все звенья системы, и каждое звено обнаруживает свою несокрушимую власть. Тогда обнаружится, что любой желающий может провалить твою работу или, по крайней мере, задержать на неопределенный срок под любым предлогом. Даже под тем предлогом, что излагается новая, неапробированная точка зрения, торопиться не надо, надо еще как следует обсудить. При этом совершенно не играет роли то, что у тебя куча публикаций, что ты широко известен, имеешь хорошую репутацию. Незаурядная работа проходит так, будто ты -- начинающий автор, и пытаешься протащить свою первую стряпню. Все, причастные к прохождению незаурядной работы, вдруг оказываются специалистами в этой области, пусть даже сама эта область впервые открыта именно в этой работе. Причем, более квалифицированными, чем автор работы, хотя они и не имеют ни одной публикации по этой теме. Если лицо, причастное к прохождению работы, обнаруживает непонимание какого-то места в этой работе, то это означает, что автор в данном пункте допустил какой-то промах. В проходящей работе все должно быть правильным и ничего не должно быть неправильного. Все в ответе за нее. Всех заботит одно -- интересы мировой науки (или отечественной, в зависимости от конъюнктуры).

Не печатать? Какое-то время можно, конечно, писать без печатания. В стол. Или в мусорную корзину. Но человек не может долго нести свою дорогу с собой. Он ее должен оставлять сзади. Или ничего не делать. Или делать, как все.

УДАЧА

Как хорошо, что мы -- вымышленные персонажи, говорит Шизофреник. Мы можем говорить о страданиях, не испытывая голода, холода и боли. Мы можем говорить о неустроенности быта и не чинить водопроводный кран, не травить клопов и не нервничать из-за шумных соседей. Да, говорят Болтун, нам здорово повезло, что нас нет на самом деле. Мы, кроме того, можем делать открытия и не утруждать себя заботами о публикации книжек и о получении гонораров. Можем делать шедевры искусства и не мучить себя низменными хлопотами о выставках. В этом даже есть своеобразная приятность и красивость.

ПЛАГИАТ

Замысел Претендента был гениально прост: плагиат! Кис, пишущий статью для Троглодита, должен вставить в нее большой кусок из чьей-нибудь основательно забытой работы. Вставить без каких бы то ни было исправлений, иначе плагиата не будет. В условиях, когда все заимствуют у всех без указания источников, для плагиата нужно нечто большее, чем простое заимствование, сопровождавшееся обычно незначительными текстуальными исправлениями. Нужен достаточно большой (по крайней мере несколько страниц) кусок, делающий ситуацию юридически бесспорной. Идея плагиата напрашивалась сама собой. Троглодита уже уличали в плагиате родственники посмертно реабилитированных коллег Троглодита, на которых он в свое время писал открытые и закрытые доносы. Но это были пустяки. Во-первых, тогда Троглодит заимствовал целые статьи и главы для книг (некоторые намекали, что даже целые книги, но это не было доказано, так как репрессированные были еще

большие дегенераты, чем сам Троглодит), а доказать воровство большой работы труднее. Почти невозможно. Во-вторых, тогда все объяснялось трагизмом ситуации. Тем более Троглодит воровал у своих жертв такую дребедень, что образованная комиссия, из молодых, расследовавшая дело, плакала от хохота. Теперь иное дело. Теперь не свалишь на историческую необходимость. А удар по Троглодиту -- удар в самое сердце реакции. Только имей в виду, сказал Претендент Кису, вставишь плагиат в статью после того, как Неврастеник ее доработает. А то этот болван наверняка переработает и это место.

Работая над статьей Киса для Троглодита. Неврастеник, отъявленный лодырь по натуре, вписал в статью штук десять маленьких и побольше кусков из передовицы на ту же тему в прошлогоднем номере Журнала. Статью молниеносно напечатали в Установочном журнале. И на другой же день во все ответственные учреждения посыпались десятки писем, уличающих Троглодита в литературном воровстве. Создали комиссию на высоком уровне. И тут всплыли обстоятельства, которые поспешили замять, а инцидент постановили считать не имевшим места. Дело в том, что Кис вставил в статью Троглодита кусок из статьи Заместителя, взятый составителем статьи Заместителя из старой статьи Троглодита, которую тот спер у своего реабилитированного предшественника. А куски, вставленные Неврастеником, в свою очередь, оказались позаимствованными из передовицы Журнала тех времен, когда редактором был Секретарь. Откуда они были позаимствованы тогда, выяснять не стали, так как цепочка, судя по всему, могла привести к Основоположникам, а от них куда-нибудь подалее. Хотя история с плагиатом вроде бы кончилась ничем, все заинтересованные в ней почувствовали некоторое удовлетворение и истолковали в свою пользу.

ОППОЗИЦИЯ

Оппозиция у нас, говорит Болтун, есть факт. И она играет социальную роль. Но она неоднородна, и это надо принимать во внимание, в первую очередь. У нее нет общих объединяющих интересов. Вот ее примерное строение. Во-первых, либералы, стремящиеся к власти и воображающие, что они организуют жизнь лучше, чем консерваторы. Но их либерализм вырождается в демагогию или глупости. Во-вторых, деловые люди, недовольные тем, что плохо идут дела с чисто производственной точки зрения. Они даже не либералы. Они целиком и полностью в рамках системы. В-третьих, лица, недовольные тем, что в рамках данной системы они не могут развернуться и добиваться своих целей. Сюда входят даже некоторые уголовники. Им наплевать на моральные и социальные соображения. Они хотят, но им не дают. В-четвертых, творческая интеллигенция, не имеющая возможности реализовать свои возможности из-за высших установок и усилий выражающих установки коллег; в-пятых, лица, знакомые с западным образом жизни и недовольные тем, что они не могут жить аналогично здесь. В-шестых, лица, аккумулирующие в себе всеобщее недовольство крайностями режима, в первую очередь -- террором и насилием. Это, прежде всего, Правдец. В-седьмых, лица, так или иначе обиженные обстоятельствами у нас. Таков, например, Хряк. В-восьмых, лица, глубоко задумывающиеся над сутью бытия независимо от насилий, Запада, интересов дела и т.п. и, естественно, испытывающие враждебное отношение к себе со стороны всех. Таковы были Клеветник и Шизофреник. Все группы оппозиции, за исключением шестой и последней, рядятся в благородные одежды. Последняя

срывает их с них. И потому ее положение самое тяжелое. Лица шестой группы, по крайней мере, имеют скрытое сочувствие со стороны почти всей оппозиции. А если теперь взять конкретных лиц, то часто их нельзя отнести к той или иной группе с определенностью. Они частично тут, частично там. А если взять оппозиционное сознание, то несовпадение может оказаться еще большим. Вот и требуй тут какого-то единства действий. Его нет. И не может быть.

Разумеется, оппозиция не может пройти бесследно. И она оказывает свое влияние на ход ибанской истории. Как? Случаи индивидуальных и даже групповых действий тебе известны. Их нельзя сбрасывать со счета. Они свое дело делают. Но это не есть главная линия действия оппозиции. А главная линия действия оппозиции проходит через работу всего аппарата управления обществом. Причем здесь возможны даже такие случаи, когда действие аппарата, направленное против каких-то элементов оппозиции, имеет конечным результатом реализацию каких-то ее желаний. История, к сожалению, идет так, что идеи выдвигают одни, реализуют их другие, а плодами пользуются третьи. А человек живет один лишь раз.

ВЫЖИВАЕТ СРЕДНЕЙШИЙ

У нас в искусстве посредственность имеет больше шансов на успех, говорит Мазила. Я это знаю по опыту. Неврастеник утверждает, что так обстоит дело и в науке. Но неужели и в производстве так? Там же есть какие-то законы дела. Они же навязывают какой-то уровень и стиль работы. Во всяком деле, говорит Неврастеник, есть свои правила, свой уровень и стиль работы. И в твоем тоже. И в науке тоже. Какая разница? Притом я говорю о посредственности как о среднем. И не об успехе в данном деле, а о социальном успехе. Это все разные вещи. В искусстве, очевидно, посредственность не может добиться больших успехов в творчестве, но может добиться больших успехов в смысле званий, почета, денег, выставок. Посредственность может стать знаменитостью и почитаться всеми за выдающийся талант. Это -- социальный успех. Тебе все это хорошо известно. Причем, посредственность -- это не обязательно плохо. Я оценочные категории вообще не употребляю как многосмысленные. Все это касается и различного рода учреждений, раз они тоже суть социальные индивиды. Судя по моим наблюдениям, прав Неврастеник, говорит Карьерист. Понимаешь, если учреждение начинает работать заметно лучше других, на него обращают внимание. Если оно официально признается в качестве такового, оно скоро превращается в липу или в показной образец, который тоже со временем вырождается в среднюю липу. Если это не происходит, другие учреждения, которые задевает его успех, принимают меры. Возможности тут неограниченные. Например, не только для хорошей работы, но и вообще для любой нормальной работы приходится нарушать какие-то законы, инструкции, правила и т.п. Их столько и составлены они так, что не нарушить их нельзя. Так что всегда можно прицепиться. Раскол и склоки в руководстве. Зависть и желание кого-то спихнуть директора. Доносы и т.п. Одним словом, время идет, и так или иначе успех либо оказывается незаконным, либо дутым, либо временным и ненормальным и т.п. Наиболее выгодный вариант -- золотая середина и для видимости некоторое превышение ее, не раздражающее других. В общем, как все. А это в целом дает тенденцию к снижению уровню деятельности ниже реальных технических возможностей. Законы дела, конечно, навязывают

какой-то уровень и стиль работы. Но тут возможны варианты. Есть учреждения, в которых действует технический принцип: если дело делается, то оно делается хорошо; если дело делается плохо, то оно не делается вообще. Например, на плохо сделанном космическом корабле не полетишь на Венеру. Но есть учреждения, где действует другой технический принцип: даже плохо сделанное дело является сделанным. За примерами тут ходить не приходится. Подсчитать, какой вид имеет с этой точки зрения наше производство, невозможно практически. Так что трудно сказать, как фактически сказываются общие социальные тенденции на функционировании производства страны в целом. Это очень интересная и сложная проблема. Но, насколько мне известно, этим никто не занимается. Официально ведь считается, что у нас действует соревнование за лучшие показатели и взаимопомощь.

ИЗ РУКОПИСЕЙ БОЛТУНА

Сначала я никак не мог понять, почему люди, создающие видимость (имитацию) дела, добиваются больших успехов, чем люди, делающие настоящее дело. Почему Имитация дела жизнеспособнее самого дела. Не могу сказать, что я разобрался в этой проблеме до конца. Но кое-что теперь я понимать начал.

Проблема на первый взгляд представляется ошеломляюще парадоксальной. Для дела часто нужно совсем мало людей (иногда -- буквально два или три или от силы пять человек). В имитацию дела оказываются втянутыми большие массы людей. В десятки и даже сотни раз больше. Сначала я думал, что есть какой-то закон, согласно которому для осуществления дела нужна какая-то людская оболочка, подобно тому, как кости и мускулы обрастают жиром. Потом я убедился в том, что в большинстве случаев имитация дела возникает без самого дела, независимо от дела или уничтожает само дело, но при этом процветает еще успешнее. Дело часто можно сделать за несколько дней, месяцев. Имитация дела может тянуться годами и десятилетиями. Я искал некий общий механизм, объясняющий эти явления. И не нашел. Не то, что не сумел найти. А убедился в том, что в каждом случае работают разные обстоятелства. Из анализа их можно получить лишь некоторые общие суждения, не имеющие доказательной силы, но и не оставляющие места для сомнений. Вот некоторые из них. Для дела требуется ограниченное количество людей. Число людей, вовлекаемых в имитацию дела, в принципе не ограничено. Один мой знакомый, превосходный имитатор науки (как текстов науки, так и организации исследований) ухитрился создать исследовательскую организацию из нескольких сот человек и истратить не один миллион на проблему, которая не стоит выеденного яйца и решается в течение нескольких минут, причем -- отрицательно. Попытка разоблачить его не удалась, ибо в деле оказались заинтересованными высокие организации, а разоблачители сами были проходимцы. В деле нужен конечный результат, отчуждение его, беспощадная проверка по независимым от создателей принципам, внешняя оценка. В имитации дела достаточна лишь видимость результата, точнее -- лишь возможность отчитаться за прожитое время, проверка и оценка результатов производится лицами, участвующими в имитации, связанными с нею, заинтересованными в сохранении имитации. Ход дела -- незаметная, обыденная, скучная работа. Труд. Имитация -- житейская суета. Ход имитации может быть представлен как грандиозное театральное предствление. Совещания, симпозиумы, отчеты, поездки, борьба групп, смена руководства, комиссии и т.д. Для дела

нужен профессиональный отбор наиболее способных. Дело отсекает неотобранных, не заботясь о их судьбе. Участие в имитации доступно для многих. Здесь происходит какой-то отбор, устанавливающий некоторую профессиональную градацию. Но он не отсекает неотобранных. Последние остаются в имитации. Короче говоря, как сказал бы Шизофреник, имитация дела есть чисто социальное явление, защищенное всеми средствами социальной защиты. Для нее дело -- лишь повод, средство, форма. Дело же есть антисоциальное явление. Оно беззащитно само по себе. Оно нуждается в покровительстве. Его терпят лишь в той мере, в какой отсутствие или плохое состояние его угрожает существованию имитации. Для осуществления дела нужны ум, способности, трудолюбие, добросовестность, самокритичность и другие редкие человеческие качества. Требуется, таким образом, социально наименее приспособленный индивид. Для имитации дела достаточен средний социальный индивид с социально средней профессиональной подготовкой.

Обычно имитацию дела и дело не разделяют и первую воспринимают как второе. Она часто содержит дело и позволяет ему как-то делаться. Она кормит большое число людей. Некоторые из них благодаря ей могут делать какое-то полезное дело. Однако иногда имитация дела становится причиной или сопричиной тяжких последствий. В особенности -- когда объектом дела являются массы людей. Например, во время войны на дело руководства ведением войны наложилась мощная имитация системы руководства. Последствия этого общеизвестны. И вряд ли можно отрицать то, что имитация дела обеспечения государственной безопасности от врагов внесла свой существенный вклад в дело по уничтожению огромных масс людей, не представлявших никакой опасности для существования государства.

ОБМАН

Опять взяли машину и грузчиков и опять поехали на склад. Час просидели в приемной, хотя в кабинете у заведующего никого не было. И время было официально приемное. Наконец прозвенел звонок, секретарша скрылась за обитой и ободранной дерматином дверью с многочисленными табличками. Минут через двадцать она вышла и пригласила Мазилу войти. С заведующим Мазила встречался не первый раз, и тот наверняка знал его. Но он не ответил на приветствие Мазилы и не предложил ему сесть. Что тебе, спросил он с нескрываемым презрением и сознанием превосходства. И на физиономии его Мазила прочел "нет", независимо от того, какой будет его просьба или требование. Сейчас нет, сказал заведующий. Приходите на той неделе в четверг. Будет. Точно будет, спросил Мазила. Назначьте точное число, чтобы не приезжать напрасно. У нас люди, машина. Я сказал, будет, значит будет, сказал заведующий. И не попрощавшись, пригласил следующего.

Ехали обратно -- смеялись. Можете себе представить, говорил Мазила, Микельанджело ждет час в приемной (если этот сарай приемная!) у этого болотного хмыря. Входит. А тот ему: ты кто такой? Да мне бы, говорит, кусок мрамора. Хочу, вот, Пиету высечь. Нет, говорит хмырь. Приходи на той неделе. Шляются тут всякие! Работать мешают! Приехали "на той неделе в четверг". Заведующий не принял, был занят, у него сидели какие-то лица свыше. Можно сойти с ума, говорит Мазила. В чем дело? Неужели опять закрутилось? Вряд ли, говорит Карьерист. Мне кажется, что в данном случае работают общие принципы

нашей организации. В данном случае безразлично, кто ты -- Микельанджело, Неизвестный или Мазила. Но это же бессмысленно, кипел Мазила. Бессмысленная растрата времени и средств. Ведь мы же договорились! Что ему стоило сказать не этот, а следующий четверг! Это бессмысленно с твоей точки зрения, говорит Болтун. А на самом деле тут есть великий смысл. Вот, например, ты сдаешь чинить ботинки. Работы -- на пять минут. А в очереди ты стоишь минимум полчаса. Сдаешь. Пишут квитанцию. Указывают срок -- неделя. Раньше хотите, -- пожалуйста! -- пишите, срочно. Срок -- день, два, три. Роли не играет. Важно -- указан точный срок. Если ты неопытный в этом деле человек, ты приходишь в срок, стоишь в очереди, тебе говорят, что не готово, зайдите завтра. Ты приходишь не завтра, а послезавтра, стоишь в очереди, тебе говорят, что фабрика задержала, приходите завтра. Если ты опытный человек, ты сразу приходишь не в срок, а несколько дней спустя. Стоишь в очереди, тебе говорят, что не готово, приходите завтра. Что за черт, думаешь ты, мистика какая-то! Да, действительно мистика. Человек не может в такой ситуации уклониться от положенных процедур обмана, стояний в очередях, оскорблений, раздражения. Человек должен все время быть в состоянии растерянности, раздраженности, готовности к какой-нибудь неприятности. В этом и есть смысл. Человек должен все, получаемое им без затруднений, расценивать как дар судьбы, удачу, благодеяние. И быть счастлив, если ему, в конце концов, удастся иметь то, что он по идее должен иметь без усилий. Отсюда -- стремление сократить до минимума число общений с людьми, от которых что-то зависит, т.е. в конечном счете самоограничение потребностей. Отсюда стремление схватить то, что подвернулось, т.е. внешняя навязанность и внутренняя неконтролируемость твоих потреблении. С другой стороны, человека заставляют тратить попусту время, которое он мог бы использовать в своих интересах, в том числе -- на размышления о своей жизни, на искусство, в общем -- на осознание и возвышение своей личности. Имейте в виду, человек, стоящий в очередях и раздражающийся из-за бытовых мелочей, деградирует в личностном отношении. В очередях открытий не делают. В очередях сознание чести и человеческой гордости не укрепляют.

Меня, говорит Карьерист, в этом деле удручает другая сторона. Обман -- это не просто безалаберность, плохая работа, наплевательское отношение к людям. Это нечто большее. Мы еще студентами пытались найти некоторую формулу обмана, которая позволяла бы каждый раз высчитывать реальное положение. Например, тебе назначили в четверг на этой неделе. Вычисляешь, получаешь среду через две недели после этого. Ты тогда так и относишься к назначенному сроку. Сообщают, что план выполнен на сто двадцать пять процентов. Вычисляешь, читаешь: на девяносто два, самое большее. Однако такой формулы нет и в принципе быть не может. Дело в том, что обман в наших условиях иррегулярен количественно и по формам. Он с вершается принципиально. Он регулярен качественно. Ты знаешь о том, что на самом деле было, есть и будет не так. Но ты никогда не знаешь, в какой конкретной форме и в каком количественном выражении будешь обманут. Болтун сказал, что это вполне согласуется с тем, о чем он говорил. К регулярному обману можно приспособиться и воспринимать его как литературную форму чистой правды. Обман, поддающийся вычислению и предвидению, есть официальная форма правды.

Но ведь с этим можно как-то бороться, сказал Мазила. Государство же заинтересовано... Чушь, сказал Карьерист. С этим борются. Но кто борется,

какими средствами и с какой целью. Этот болотный хмырь, как ты выразился, он тоже борется. И кстати сказать, к нему не придерешься. Может быть, он нас не принял только потому, что у него в это время сидела комиссия, проверяющая соблюдение установленных норм. Милый мой, если бы заведующий был участником космического заговора против Мазилы, я бы воскликнул: жизнь прекрасна! Но увы, ему на высшие соображения наплевать в еще большей мере, чем на тебя. В каком-то смысле он даже твой собрат. Или, во всяком случае, на твоей стороне. Готов держать пари, что у него в изобилии есть все, что тебе нужно, но он не дает тебе это не потому, что не хочет, а потому, что не может в силу самой невероятно сложной организации его невероятно пустякового дела. Он может разбить нос о нужный тебе кусок мрамора, будучи убежденным в том, что такового на его складе нет. А где же выход, спросил Мазила. Поедем в следующий четверг, сказал Карьерист.

ЗАМЕТКИ КЛЕВЕТНИКА

Идея бесклассового общества в качестве идеи науки чудовищно безграмотна с чисто логической точки зрения. И потому она неопровержима. Она просто бессмысленна с чисто научной точки зрения. И потому она приобретает лишь тот смысл, какой прикажет соответствующее начальство. Вот вам пример чистой идеологии. Одного того, что я сейчас вам сказал, достаточно, чтобы меня выгнать с работы, а то и похуже что-нибудь сделать. И попробуй потом устроиться на работу по специальности! А грузчиком не возьмут, образование не позволяет. Иди, куда прикажут. И выслушивать тебя никто не будет. И тем более вдумываться в твои аргументы. Эта идея -- икона, один из божков нашей религии. Сам факт сомнения в ней есть ересь. Все это так, говорит Ученый. Но ведь в этой идее был же какой-то здравый смысл! Не идиоты же ее выдумывали! Имелись в виду определенные различия людей в определенном обществе и их определенные отношения. Ну, скажем, есть же что-то разумное в идее, что со временем исчезнет эксплуатация человека человеком. Я говорю не о происхождении данного языкового феномена, а о его теперешней роли, сказал я. Идея дуализма волны и частицы вообще пришла явно из физики, но в рамках идеологии она обрела все атрибуты иконки и божка. Второстепенного и временного божка, но божка. И потом, разберем языковые выражения, фигурирующие здесь. Слово "эксплуатация". Что оно означает? Использование. Скажите вместо выражения "эксплуатация человека человеком" выражение "использование человека человеком", и сразу увидите жуткую бессмыслицу всей трепотни на этот счет. Может человек жить, не используя другого человека в каких-то целях, в том числе -- в личных? Вот Карьериста возит шофер на казенной машине. Что, разве он не использовал шофера в своих личных интересах? И работает Карьерист в личных интересах. И Вы тоже. Разве не так? А какие вообще мыслимы интересы, которые не были бы личными? Неличные интересы -- абсурд! Даже когда говорят об общественных интересах, хотят, чтобы человек сделал их своими личными, Только мертвец или психически больной человек не имеет личных интересов. Хорошо, сказал Ученый. Но деление людей на классы -- факт. Как с ним быть? Я не отрицаю это, сказал я. Только что такое общественный класс? Или вы заранее в определение понятия "общественный класс" включаете строгое перечисление групп людей, считаемых классами, или не делаете этого. В первом случае получим: общественные классы

суть такие-то и только эти группы людей (рабы, рабовладельцы, крепостные крестьяне, феодалы, пролетария, капиталисты и т.д.). И тогда идея построения бесклассового общества будет выглядеть так: построим общество, в котором этих групп не будет. А будет ли при этом что-то другое? Во втором случае получим: общественные классы суть группы людей, обладающих сходными социальными признаками. Если укажем определенные признаки, вернемся неявно к первому случаю, а если не укажем, получим следующее. Классификация индивидов любого множества из двух и более эмпирических индивидов всегда возможна, если только, по крайней мере, два индивида этого множества различимы. В любом обществе людей можно разделять, например, на исключенных из активной социальной деятельности (те, кто доволен и не рыпается; изолированные) и вовлеченных в нее. Последние разделяются на людей "за" и людей "против". Группа "за" делится на приспособленцев, хапуг и карьеристов. Карьеристы делятся на активных и пассивных и т.д. И их, во всяком случае, разделение на начальников и рядовых есть факт. В обществе, в котором подавляющее большинство населения получает средства существования по форме как плату за труд, а по сути -- как плату за социальную позицию, в котором армия начальников достигает астрономических размеров, а группа с отношением социального господства и подчинения становится основной ячейкой, эти деления приобретают не менее важное значение, чем деление людей на капиталистов, помещиков, рабочих, крестьян и т.п. в традиционно классовых обществах.

КОНЦЕРТ

Ученый пообещал Болтуну сводить его на концерт Певца. Болтун любил песни Певца, но не до такой степени, чтобы терять из-за этого голову. Но ему было любопытно посмотреть, что из себя представляет автор знаменитых песен и его окружение. И он охотно принял предложение Ученого. Концерт неоднократно откладывали. Потом был слух, будто Певец уезжает. Потом его сменил слух, будто Певца выгоняют. Потом выяснилось, что уезжать он не очень-то и хочет, а выпускать его не очень-то и хотят. В общем, все осталось в прежнем положении, только значительно хуже, чем было раньше. Концерт был устроен на окраине города в частной квартире. Пробирались туда как на конспиративную явку. В квартире набилось уйма всяческого народа. Преобладали молодые, ребята в свитерах и с бородами и нестандаргные женщины. Было накурено так, что Болтун с трудом разглядел в углу комнаты самого Певца. Перед Певцом был небольшой столик, бутылки, вареная колбаса и микрофон. Собравшиеся имели вид заговорщиков или сектантов. Все производило впечатление убогости и причастности к какой-то обидной и унизительной тайне. Пел Певец старые песни, которые Болтун слышал много раз. И все равно это производило потрясающее впечатление. Всю ночь Болтун не спал, испытывая состояние непонятной тревоги. Должно быть, так же себя чувствовали первые христиане на своих сборищах в катакомбах, думал он. Что это такое? Секта? Великое искусство? Обедня? Сначала ему показалось, что Певец поразительным образом не соответствует своему низкому окружению. Но он тут же понял, что это ошибка. Присмотревшись к людям, он увидел интеллигентные умные лица. Хотя бы Ученый! Он же доктор в двадцать пять лет, ученый с именем. А я же сам кажусь им каким-нибудь юродивым! И тогда ему показалось, что Певец сам не соответствует его более высокому окружению. И на этот раз он тоже ошибся, и

понял это еще до того, как сформулировал мысль для самого себя. И вместо тревоги пришли тоска и ужас.

СПОР ОБ ИДЕОЛОГИИ

Предложение Правдеца отказаться от официальной идеологии детски наивно, говорит Карьерист. Руководство давным-давно фактически не считается с ней в своих действиях. Так, только для виду поговаривает. А почему бы от нее не отказаться официально, сказал Ученый, если от нее одни только беды. Полностью-то от нее отказаться нельзя, сказал Неврастеник. Да и смысла никакого нет. В нее все равно никто не верит. И фактическая роль ее в обществе ничтожна в сравнении с тем, как об этом говорит Правдец. Начался спор, который прекратился только потому, что все устали говорить. А ты что скажешь, спросил Мазила Болтуна. Позиция Правдеца, разумеется, нелепа, с научной точки зрения, сказал Болтун. А в этом-то ее сила. Серьезные разговоры на эту тему не будут иметь никакого эффекта. Серьезность воспринимается как серость, скука, пассивность, обыденность. Серьезность исключает массовый успех. А нелепость -- в духе времени. Нелепость создает иллюзию масштабности, дерзновенности. Чем нелепее претензия, тем сильнее выражен протест. Нелепость сенсационна. Она -- превосходный литературный прием массового воздействия. Ну а о сути дела что ты думаешь, спросил Мазила.

Идеология с одной точки зрения играет огромную роль в жизни общества, сказал Болтун. И никакую с другой. Она сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем. Отсюда весьма различные ее оценки, колеблющиеся в пределах от нуля до бесконечности. Отсюда наивные иллюзии, будто руководство страны может по своей воле изменить официальную идеологию и будто это существенно повлияет на его поведение. Руководство бессильно по своему произволу изменять господствующую в данном обществе официальную идеологию, если даже оно хочет это сделать и не верит в ее правоту. Неверие в истинность идеологии тут не играет роли хотя бы потому, что говорить об истинности идеологии вообще бессмысленно. Но если бы даже оно смогло это сделать, это не отразилось бы на социальной сути руководства и характере его деятельности. Для социальных механизмов важен сам факт существования какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не ее содержание. Содержание идеологии определяется конкретными историческими условиями духовной жизни общества. А формальный механизм -- его социальной природой и структурой. Если рассматривать идеологию как науку и как инструкцию для поведения, то не нужно много ума, чтобы заметить ее "ложность" и "непродуктивность". Но на то она и идеология, чтобы быть не наукой и инструкцией, а особого рода формой, в рамках которой делается нечто совершенно другое, порой -- прямо противоположное ее декларациям. Бессмысленно говорить о том, что от нее исходит зло. И так же бессмысленно говорить, что от нее исходит добро. Нет ложных идеологий. Нет и истинных. Ее роль в обществе описывается совсем в иной системе понятий. Общество нашего типа немыслимо вне каких-то идеологических форм. Оно есть идеологическое общество в самой своей основе. И любая форма официальной идеологии вызвала бы со стороны Правдеца такие же нарекания. Для него нападение на идеологию есть лишь удобная форма нападения на нечто иное. А если вам не нравится

текстуальный вид идеологии, придумайте что-нибудь получше. Попробуйте сами поработать в идеологии, и увидите, что даже при крайне оппозиционных настроениях вы начнете петь ту же песенку. Обратите внимание, все идеологические споры нашего времени так или иначе крутятся вокруг одних и тех же сюжетов, Случайно? Нет, конечно. Они -- законный продукт нашего времени. И других сюжетов нет. Или они незначительны и не всеобщи.

Говорят о незавершенности и даже неадекватности нашей официальной идеологии. Это фактическая ошибка. Наша идеология есть законченное и даже замкнутое целое. Не в том смысле, что ее в принципе нельзя улучшить с какой-то точки зрения и дополнить. А в том смысле, что она как особое социальное формирование исключает исправления и дополнения. Она в этом не нуждается. В ее рамках могут быть созданы отдельные работы, имеющие сильный эффект. Могут быть созданы идеологические тексты, отличные от официальной идеологии и более интересные с какой-то иной точки зрения. Но это будет идеологообразная литература или элитарная идеологическая беллетристика, а не идеология в собственном смысле слова. Это будет компот для духа. А идеология есть его черный хлеб.

Рождение идеологии неподконтрольно людям. Оно есть тайна, раскрыть которую в принципе невозможно, хотя весь процесс и проходит у тебя на глазах. Когда люди еще могут вмешаться в сотворение идеологии, они еще не знают, что это есть идеология. А когда они догадываются об этом, бывает уже поздно. Потому идеология рождается на свет сразу со всеми ее атрибутами. Историю имеют тексты. Но идеология в качестве идеологии истории не имеет, ибо ее рождение в этом качестве есть акт осознания не ее вида и содержания, а ее социальной функции. Идеологию принимают как факт и считаются или не считаются с ним как с природной необходимостью, а не как с явлением разумности или неразумности людей.

Ко всему прочему надо еще иметь в виду то, что руководство страной не есть однородная и монолитная группа. Оно вообще не есть даже социальная группа. Это -- множество лиц, разбросанных по разным группам, множество специальных групп, объединения лиц и групп, устанавливающие связи лиц управляющей системы. Отношение к официальной идеологии есть важнейший элемент в системе отбора лиц для руководства, в их карьере и в прочности положения. Человек, которому в голову придет идея хотя бы как-то реформировать идеологию (не говоря уж о том, чтобы отказаться от нее), не будет допущен на путь, ведущий к власти в любых ее звеньях. А если он выскажет такую идею уже достигнув власти, он сильно ослабит свои позиции вплоть до полной потери власти.

Это очевидно, сказал Карьерист. Это очевидно, сказал Ученый. Это очевидно, сказал Мазила. Это очевидно, сказал Неврастеник. Но мы же не об этом говорим. И спор вспыхнул снова. И снова было сказано все то же самое.

Правдец, -- что же это все-таки такое, спросил Мазила. Не ищи аналогий, сказал Болтун. Их нет. Правдец -- это огромный человек-ребенок, несправедливо и жестоко и бессмысленно обиженный. Это -- проблема номер один нашего времени. Это -- нечто большее, чем идеология, политика, мораль. Это -- фокус всего. Концентрация всех проблем. Только сумеют ли люди сохранить это достаточно долго!...

КОГДА

...Когда же все это кончится, сказал Болтун. Не раньше, чем прекратятся очереди ко гробу Учителя, сказал Посетитель...

ОШИБКА НАЙДЕНА

Написав по сотне анонимок в разные инстанции, сопровоцировав по полсотне неподписанных писем и сочинив собственное письмо Заведующему, Секретарь и Троглодит добились создания комиссии по расследованию деятельности Журнала. В письме Секретаря и Троглодита особое внимание обращалось на то, что Претендент не имеет жизненного опыта, так как родился на школьной скамье, и он окружил себя скрытыми иммигрантами, которые постоянно ездиют за границу и скрывают там, кто они такие. Они употребляют заграничные словечки и избегают употреблять наши, четко и открыто выражающие нашу позицию. Секретарь и Троглодит неоднократно обращали на это внимание, но их голос был гласом выпивающего в пустыне. Что же касается Мыслителя -- ближайшего помощника Претендента, то он хотя и есть талантливый самовыродок, однако до мозга и костей не наш человек. Учитывая общие перспективы, они настаивали...

Силы прогресса тоже не дремали. Претендент и Мыслитель, со своей стороны, приложили усилия, и в Комиссию включили лиц, на которых они могли рассчитывать. Секретарь и Троглодит тоже были довольны, ибо они тоже на этих лиц могли вполне положиться. Комиссии дали указание найти ошибку. Комиссия начала искать ошибку. В Комиссию включили Супругу, Неврастеника и Приятеля. Польщенные вниманием, они не настаивали на показаниях против Секретаря и Троглодита, но не препятствовали показаниям против Претендента и Мыслителя. В знак признания заслуг Супругу потом выпустили в поездку. Неврастеника допустили к защите, а Приятеля повысили. Что они делают, орал по сему поводу Претендент. Они же гробят все дело. А что им остается, сказал Мыслитель. Если бы не они, было бы хуже. Наконец, ошибка была найдена. В статье Киса была опущена основополагающая цитата, и статья приобрела такой смысл, который могли истолковать иначе. Узнав об этом, Кис опять наложил в штаны и тут же покаялся, свалив вину на Клеветника. Кроме того, он нашел ошибку в статье одного начинающего автора и обратил на нее внимание комиссии. Комиссия сочла эту ошибку грубым искажением и отметила ее в резолюции. Хотя начинающий автор был дурак и сам был готов на любую пакость, его уволили. И много лет после этого его имя поминали в резолюциях и докладах до тех пор, пока не нашлась другая подходящая к изменившемуся моменту ошибка другого подходящего к этому моменту автора, которых и включили в новую резолюцию и стали поминать в новых докладах до тех пор, пока...

ДВОЕМЫСЛИЕ

Омерзительное состояние, говорит Неврастеник. Сколько времени я потерял на эту идиотскую комиссию. И главное -- приходилось поддакивать, делать вид, что все это серьезно. А ты бы отказался, сказал Мазила. А ты почему член Союза, спросил Неврастеник. А ты почему член Комитета по защите кого-то от кого-то? Без этого мне нельзя, сказал Мазила. Ты думаешь, мне можно, спросил Неврастеник. Понятно, сказал Мазила. Двоемыслие, выходит, неизбежно.

Выходит, сказал Неврастеник. О каком двоемыслии вы толкуете, сказал Болтун. Никакого двоемыслия нет. Есть нечто совсем иное. Двоемыслие -- это от беллетристики прошлого века, когда к человеку еще относились серьезно. Тут другое. Есть стандартные механизмы общества. Одним кажется, что они подчиняются им добровольно, другим кажется, что их вынуждают. Разве все добровольно идут в армию? А почему тут не говорим о двоемыслии? Одни принимают положение как должное, другие -- переживают как душевную драму. Неврастеник переживает свою комиссию как человек, привыкший именно к таким реакциям. О своей диссертации он почему-то забыл. А что его объединяет с Претендентом? Теперь ничто. Статью-то в Журнале уже напечатали. Новую он пока не собирается делать. Является для него эта комиссия чем-то принципиальным? Нет. Ни за, ни против. В его личном деле она преходящая неприятная мелочь. Не преувеличивайте! Не возводите свою мелкую психическую неустойчивость по поводу мелких житейских делишек в ранг высокого двоемыслия. Двоемыслие -- это звучит слишком театрально. Мы тут все-таки рангом пониже. Мы -- в балагане. Притом имейте в виду, что нормальный человек по поводу каждого случая, когда приходится принимать решение, содержит в себе, по крайней мере, две возможности. Реализуется только одна. Остальные возможности так и остаются лишь возможностями. Иногда они получают иллюзорную реализацию. Например, разговоры шепотом с женой в кровати. Любой официально выражаемый склад мыслей предполагает естественным образом в одном и том же человеке возможность другого склада мыслей, по крайней мере частично противоположного официальному. Так что случай с Хряком -- не исключение выдающегося ума, а тривиальный пример более или менее нормальной посредственности. Вы же все были в армии и знаете, как меняются люди, становясь начальниками или лишаясь начальственных должностей. Вы знаете, между прочим, чем отличается гениальный писатель от посредственного? Думаете, глубиной и широтой понимания человека? Чушь! Исключительно способностью выдумывать что-то свое и из себя и приписывать это любому человеку. А потом литературные критики действительно замечают это в людях, ибо в людях в потенции есть все, что угодно (поскольку в них нет ничего). Неврастеник заявил, что он с этим категорически несогласен, поскольку такая концепция обедняет человека. Мазила его поддержал и заявил, что такая концепция оправдывает беспринципность. Болтун сказал, что принципиальность есть качество нравственное, привносимое в человека извне как ограничение его социальных потенций. И к данной теме оно никакого отношения не имеет. А насчет обеднения -- было бы что обеднять! Вас возмущает ложь в других, но вы боитесь признать ее в себе. Если хотите знать, самую глубокую основу всех мерзостей образует не безнравственность средних и худших представителей рода человеческого, а ущербная нравственность его лучших представителей.

КИБЕРНЕТИКА И ОБЩЕСТВО

Неврастеник назвал последнюю акцию ибанского начальства глупостью. Даже младенцу было ясно, чем это кончится, сказал он. Ученый с ним не согласился. Это сейчас кажется, что результат акции был очевиден заранее, сказал он. А возьмите те данные, которые имелись до совершения акции, и попробуйте рассчитать с ними наилучший вариант поведения! И Ученый стал рассказывать о том, насколько трудными являются задачи управления обществом и принятия

наилучших решений. В заключение он описал радужные перспективы, которые открываются на этот счет в связи с развитием и применением кибернетики. Кибернетике в общественной жизни предстоит сыграть великую роль, поверьте мне, закончил он свою в высшей степени квалифицированную речь. Но его подняли на смех.

Все это вздор, сказал Болтун. Пусть, например, группа А должна выработать линию поведения по отношению к В. Абстрактно говоря, А стремится к наиболее выгодной для себя линии поведения. Но пусть группа А внутренне расчленена и сама состоит из разнородных лиц и групп лиц. Встает вопрос: а кто и как вырабатывает эту линию поведения? Это не научное совещание. Хотя научные совещания теперь могут служить образцом бестолковости, и мое противопоставление лишено смысла. Внутри А есть люди, группы людей и организации, которые существуют за счет того, что возникают проблемы взаимоотношения с В. И рассматриваемая задача решается не как ученическая задача на отыскание оптимального варианта поведения, а как элемент в тех задачах, которые решают для себя упомянутые люди, группы и организации. Дело тут не в уме или в отсутствии оного, а в их реальных взаимоотношениях, не имеющих ничего общего с интеллектом. Можно применять машины, находящие наилучший вариант, как предложил Ученый. Но это не меняет положения. Машины обслуживают люди. Материал для машин поставляют люди. Теперь арена, на которой разыгрывается наша задачка, несколько сместится. Все то же самое будет проигрываться в форме отбора и оценки сведений, поступающих в машину, а также в оценке ее результатов и в принятии решений. Возьмите, например, множество лиц, от которых зависит назначение Претендента директором. В это множество входит некто А, который считает Претендента наилучшим кандидатом, некто В, который шепнул Теоретику, что Претендент хитрит, некто С, который пишет на Претендента доносы во все инстанции, и т.д. Спрашивается, умно или глупо, дальновидно или близоруко это множество лиц? Эти понятия применимы лишь к социальной группе как единому целому, как к индивиду. А тут социальной группы нет. Даже в случае группы возможны случаи, когда группа из гениев совершает поступки, достойные идиотов. Чего же вы хотите от множества разнородных лиц, объединяемых волею случая для решения задачи, на которую им наплевать, в которой они не разбираются, о которой они даже не подозревают. Суть дела тут не в том, что не могут принять умное, с нашей точки зрения, решение, а в том, что складывается система социальных отношений, вынуждающая принимать решения, которые кажутся глупыми даже с их собственной точки зрения.

ИНФЕКЦИЯ ЗЛА

Мы обижаемся на западную интеллигенцию за то, что они за нас не заступаются или заступаются ниже своих возможностей, говорит Мазила. А какое мы имеем на то право? У них свои дела и интересы. И в общем-то им на нас наплевать. Это так, говорит Посетитель. Но много ли нужно ума понять простую истину: если где-то в мире мучают людей, и ты к этому равнодушен, то это будет использовано как оправдание или образец мучений, направленных против тебя самого. Зло заразительно. Зло можно локализовать, говорит Мазила. Закрыть границы и изолировать страну. Поди, например, узнай, что творится в Китае. Можно, говорит Посетитель. Но изоляция одних областей мира ведет к

распаду и усилению изоляционных тенденций в других. А это сокращает внутренние способности каждой области противостоять злу. Откуда тебе это известно, говорит Мазила. Опыт истории, личные наблюдения и теория, говорит Посетитель. Можно построить теорию социальных систем, в которой мои утверждения можно доказывать как теоремы. Но они очевидны и без этого. И дело не в том, что их не понимают или не признают. Дело в том, что одни хотят делать зло, а другие хотят чего-то другого вне проблемы Зла и Добра.

ХИТРОСТЬ

На этот раз решили схитрить. Мазила поехал на склад. Болтун с Карьеристом остались в мастерской ждать звонка. В случае звонка они идут на улицу, хватают первую попавшуюся машину и едут на склад. Я частное лицо, говорит Болтун Карьеристу. Мои соображения -- результат наблюдения того, что на виду у каждого. А ты -- фигура. У тебя пост. Связи. Знакомства, Ты вхож в самые верхи. Скажи, как с твоей колокольни все это смотрится? Еще хуже, говорит Карьерист. А выход, спрашивает Болтун. Есть выход? Можно предложить что-то позитивное? Конечно, можно, говорит Карьерист. В предложениях недостатка нет. Вот, допустим, чем не идея: делать вещи так, чтобы их трудно было сломать, и так, чтобы ими легко было управлять. Это не решение, говорит Болтун. Пройдет время, привыкнут. И крепкое станет ломким. Легко управляемое -- трудным. Да, говорит Карьерист, это не решение. Я технарь. Думать -- твоя профессия. А что ты можешь предложить? Я продумал и просчитал тысячи вариантов, говорит Болтун. Решения нет. В принципе. Дело не в том, что надо придумать что-то очень умное. Ничего умного не придумаешь, так как суть дела тривиально проста. И в этом ее основная трудность. Нужна просто реформаторская деятельность руководства и давление на него снизу в этом направлении. Нужна свобода слова, свобода передвижений, социальное право, оппозиция, право руководителя на риск и другие пустяки. Если тебе так все ясно, так в чем же дело? Ясность в одном, говорит Болтун, рождает неясность в другом.

Позвонил Мазила. Болтун и Карьерист остановили грузовик и быстро сторговались. Когда приехали на склад, выяснилось, что он закрыт на учет. А заведующий спутал Мазилу с кем-то другим. Твою мать, сказал Мазила. И предложил поехать в мастерскую отметить это радостное событие.

НА ОВОЩНОЙ БАЗЕ

Всех, кто не сумел отвертеться под каким-либо соусом, погнали на овощную базу. Наряду с отрядами, посылаемыми во время уборки урожая в деревню, и с молодежными строительными отрядами, посылаемыми во время студенческих каникул во все уголки страны, это одна из принудительных и отчасти принудительных форм труда. Не берусь судить, насколько эти формы труда устойчивы и каковы их доля в экономике страны, сказал Неврастеник. Но то, что довелось увидеть мне самому, производит кошмарное впечатление. Табуны отъевшихся пьяных и полупьяных начальников и каких-то странных лиц, слоняющихся без видимой цели по грязным помещениям. Гниющие овощи. Толпы оторванных редко от важного дела и чаще от другого вида безделья людей, как правило, с высшим образованием и даже с учеными степенями. Использовать их

должным образом нет никакой возможности. Дни за днями проходят в полном безделье. Мужчины скидываются и устраивают небольшие выпивки. Рассказывают анекдоты. Поносят эту идиотскую систему разбазаривания человеческого времени. Болтун загадочно молчит, и это раздражает Неврастеника. О чем ты думаешь, спрашивает он. О том, что ответил бы тебе Шизофреник, говорит Болтун. А он ответил бы по всей вероятности так. Если какой-то факт нашей жизни поражает тебя своим несоответствием здравому смыслу, ищи в нем закономерную социальную основу. В конце концов, таких безобразий, как мы видим здесь, может и не быть. Но будет что-то другое. А общее имя этому -- острый дефицит рабочей силы там, где она нужна дозарезу, и избыток там, где без нее можно обойтись. И шире говоря, дефицит важного и нужного и избыток пустякового и ненужного. Но почему ты думаешь, что это нормально, спрашивает Неврастеник. Читай Шизофреника, у него на этот счет все разъяснения есть, говорит Болтун. Да я читал, кричит Неврастеник. Что ты носишься со своим Шизофреником. Младенец он! Младенец, говорит Болтун. Но его устами говорил бог. Представь себе, только после разговоров с ним я понял, почему у нас легче построить атомный реактор, чем хорошее хранилище для картошки. Легче подготовить десять тысяч докторов наук по теории картошки, чем десяток толковых кладовщиков по этой самой реальной картошке.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ И Т.П.

Теория Шизофреника в той части, в какой она затрагивает проблемы управления, любопытна, говорит Карьерист. Но чувствуется, что он сам не работал в системе управления и не знаком с ней в деталях. Впрочем, может быть, это даже к лучшему. Почему, спросил Неврастеник. Знание материала никогда не вредит построению теории. Как сказать, заметил Болтун. Какая-то мера, должно быть, имеется и тут. Я имел в виду не это, сказал Карьерист. При более близком знакомстве с практикой управления Шизофреник пришел бы в неописуемый ужас и не смог бы вообще писать. Мне кажется, что наша реальность не может быть описана ни в какой теории. Попробуйте, например, решите такой парадокс. У нас все до мелочей фактически планируемо и контролируемо. Официально же даем людям свободу действий. И при этом даже сравнительно небольшие по идее управляемые системы становятся фактически неуправляемыми. Они управляемы лишь с точки зрения официальных отчетов. Ничего загадочного тут нет, сказал Болтун. Как раз по теории Шизофреника это легко объяснимо. Стремление к мелочной опеке есть следствие одних социальных законов, а стремление к неуправляемости -- других. Безответственность, отсутствие личной заинтересованности, дезинформация, очковтирательство, стремление к безделью и т.п., -- все это имеет неизбежным следствием фактическую неподвластность достаточно крупных групп людей руководству. А что касается обилия фактов и их устрашающего вида, для настоящего ученого это не помеха. Наука не совпадает с житейским отношением к фактам. Может быть великое множество потрясающих воображение фактов некоторого рода, а наука ограничивается в отношении этих фактов парой малозначащих формул. И могут иметь место отдельные факты, почти не затрагивающие сознания людей, но представляющие огромную важность с научной точки зрения. Например, тысяча человек подверглась наказанию или миллион, может оказаться безразличным с научной точки зрения. А такой единичный феномен, как зажим Мазилы или

высылка Претендента, может стать предметом пристального внимания, ибо в нем одном могут скреститься более глубокие и важные проблемы социального бытия. Карьерист сказал, что он не специалист в этих делах и не настаивает на своих суждениях. По его наблюдениям в организации системы управления (а его такая проблема весьма интересует) решающими являются два момента. Первый -- выбор небольшого числа точек (параметров, как модно говорить) управления, которые действительно контролируются и владение которыми позволяет контролировать наиболее существенные стороны жизни. Второй -- выбор небольшого числа случаев, когда вмешательство управляющего органа необходимо. Вы знаете, чем, в частности, отличается опытный летчик от начинающего? Начинающий считает что за самолетом надо ежесекундно смотреть в оба, иначе он выкинет какой-нибудь фортель, и непрерывно дергает самолет без надобности. Опытный знает, что если самолет летит более или менее правильно, пусть себе летит, не надо ему мешать. Вмешиваться в управление нужно лишь тогда, когда без этого режим полета будет нарушен сверх допустимой нормы. Но общество -- не самолет, сказал Болтун. Кто определяет эти точки управления и время вмешательства в ход процесса? Это зависит не от каких-то чисто кибернетических идей улучшения, нахождения оптимальных вариантов и т.п. Это зависит от природы, интересов и целей управляющих, от их взаимоотношений с управляемыми и других социальных факторов. Общество не есть только машина для выпуска метров ситца, тонн картошки и стали, тысяч врачей, кандидатов и докторов наук и прочей дешевой продукции.

Тут вмешался Ученый и стал объяснять, насколько важно построение теорий, позволяющих прогнозировать и объяснять общественные явления. Насчет объяснения -- очевидный вздор, сказал Неврастеник. Насчет прогнозов -- тоже, сказал Болтун. Как добиться того, чтобы теория давала наилучшие прогнозы? Теоретики исходят из предпосылки, что сам предмет не зависит от них, и конструируют необычайно сложные математизированные системы, не имеющие никакой практической ценности. Не потому, что теоретики дураки. А потому, что предмет сам дурак, т.е. "неправилен" и исключает возможность "правильной" теории. Где выход? Кажется естественным сам предмет приспособить к теории -- упростить и стандартизировать. Прекрасная идея, сказал Карьерист. Так и делается фактически. Не сразу, конечно, а постепенно. На это нужно время и большие усилия. Государство вольно или невольно стремится усовершенствовать общество так, чтобы им было удобно управлять научно. Если бы я не знал, что Вы иронизируете, я бы подумал о Вас плохо, сказал Болтун. Теория Шизофреника при всей ее кажущейся наивности поразительно верна и эффективна. По его теории, всякие попытки государства усовершенствовать общественную жизнь, если таковые предпринимаются, реализуются людьми и организациями, погруженными в поле действия социальных законов со всеми вытекающими из них последствиями. Вам разве не известны попытки в последнее десятилетие усовершенствовать и упросить аппарат управления? Чем они кончились? Усложнением и запутыванием. В результате совокупности действий миллионов людей и организаций в течение длительного времени, действительно, складывается некоторое устойчивое состояние. Но лишь как равнодействующая всех сил и в полном соответствии с их социальной природой, а не как реализация некоего кибернетического идеала управления. А где же выход, спросил Ученый. Зачем выход, сказал Карьерист, не надо выхода. Нужна хоть какая-то стабильность.

БОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ БОЛЬШОЕ ПЛАВАНЬЕ

Теоретик вызвал Претендента и намекнул ему, что его хотят использовать на большой должности. И потому он должен отнестись к делу серьезно. Его окружают несерьезные люди. Надо от них отмежеваться. Выйдя от Теоретика, Претендент целых пятнадцать минут убеждал себя в том, что ради интересов Дела надо на это пойти. И встретившись с членами Комиссии, он откровенно рассказал обо всем. И как ему ни было жаль Мыслителя, Социолога и Приятеля, он вынужден был признать свою ошибку: да, ошибку допустили они. Комиссия сделала выводы и внесла предложения. С ними посчитались. Мыслителя, Социолога и Приятеля вывели из редколлегии. Вместо них ввели Секретаря, Неврастеника (талантливый молодой ученый, скоро защищает докторскую!) и Сослуживца, о котором никто не слышал ранее. Претенденту объявили благодарность и освободили от должности. Претендент ликовал. Он-то знал, к чему это. Новая желанная должность была в руках! Мыслитель после этого перешел на полную ставку в Закрытое учреждение, а на полставки в аналогичное Открытое учреждение. Социолог уехал на длительный срок за границу. Супруга объявила всеобщий оптимистический траур. Подождем немного, сказала она, Претендент укрепится в должности директора, и мы там создадим мощное ядро. Услыхав об этом. Претендент сказал своей голодающей для красоты злобной жене: с какими болванами мне приходится делать дело! Да я их всех к институту на пушечный выстрел не подпущу! Теперь-то я им всем цену знаю! И Претендент стал обдумывать, как он реорганизует институт, кого привлечет, кого выгонит, кого передвинет. И как благодаря этому резко поднимется уровень на новую более высокую ступень. А там!... И он захрапел, отравляя атмосферу Ибанска газами от плохо перевариваемых редких продуктов из спецраспределителя.

ФОРТЕЛЬ ЛИТЕРАТОРА

Как сообщила официальная пресса, Правдеца справедливо наказали. Передовая мыслящая ибанская интеллигенция сохранила при этом завидную выдержку. Наиболее мужественные ее представители высказали одобрение, остальные затаили дыхание в ожидании того, что вдруг и их заставят сделать то же самое. Лишь один Литератор выкинул очередной фортель. Он написал письмо Заведующему, в котором выразил протест, и дал по сему поводу интервью. Мазила сказал, что жест Литератора ему не совсем понятен. Что это? Искренняя реакция? Желание примазаться? Желание поправить репутацию? Задание? Всего понемногу, сказал Неврастеник. Удобный человек. Но ему же за это влепят, сказал Мазила. Могут из Союза исключить. Ничего подобного, сказал Неврастеник. Пожурят и отпустят. Это лишь фарс. И вообще, все то, что связано с Литератором, есть фарс. И если бы я хотел и имел бы возможность сейчас его наказать самым страшным образом, я бы не стал его наказывать. Но все-таки это хоть какой-то гражданский поступок, сказал Мазила. Инспирированный или разрешенный протест не есть протест, сказал Болтун. Я уверен, потихоньку Литератор раскается. Погодите до завтра. Но до завтра ждать не пришлось: выяснилось, что он раскаялся уже сегодня.

ОТКРОВЕННОСТЬ

На наших глазах разыгралась историческая драма, говорит Мазила. А мы помалкиваем. Трусим? Кто как, говорит Болтун. Если бы только трусость! Трусость явление преходящее. Из сотни трусов рождается хотя бы один храбрец. Дело не в этом. Большая часть нашей интеллигенции солидарна с властями вполне искренне. Ее позиция -- не столько трусость, сколько соучастие. Ты, например, сочувствуешь Правдецу. Но у тебя свое личное дело. Тебе наплевать на страдания других. Тебе важны только твои собственные страдания. Кроме того, тебя раздражает успех Правдеца. И вообще это не твоя игра. Приблизительно так, сказал Мазила. Ну а ты? Я тоже сочувствую Правдецу, сказал Болтун. Но будь иные условия, я бы, однако, скорее всего вступил с ним в полемику. В каком-то смысле наши позиции противоположны. Его волнует прошлое и прошлое в будущем. Меня волнует будущее и будущее в прошлом. Я обречен молчать и сочувствовать. Если я буду возражать ему, я буду выглядеть подлецом. А я не хочу им быть. А бежать в толпе за ним я тоже не хочу. Это тоже не моя игра. Я не хочу в ней участвовать. Не боюсь, а не хочу. Я живу совсем в другом плане, который априори обрекает на одиночество. Мои работы, как и работы Клеветника и Шизофреника, одинаково неприемлемы и тут, и там. В наших работах нет злободневности. Клеветник и Шизофреник погибли, потому что они везде чужие. Их гибель естественна. Правдец выжил только потому, что его поддержали там. Он выжил в силу социальности и полностью в ее рамках, только в более широких, чем рамки Ибанска. Не будь этого, ситуация была бы иная. Его бы придушили собратья по перу. А если бы его печатали, его принизило бы ужасающее равнодушие благоустроенных соотечественников. В ситуации, в которой извращены все нормальные формы реагирования и поведения, нормальный человек кажется то трусом, то подлецом, то двуличным. Я ученый, хотя это и звучит у нас смешно. И не хочу участвовать ни в какой политике. Моя политика -- мое дело. Я не хочу примыкать ни к каким партиям и группировкам. Я признаю одну партию, а именно ту, в которую вхожу один только я. Разве это преступление? Я много лет работал, но не нашел ничего, что дало бы мне точку опоры. Я словесно могу развить любую аргументацию в пользу любой концепции и против любой концепции. Но у меня нет своей концепции. Недовольство и раздражение не есть концепция. Равнодушие и отчаяние тем более. Для участия в делах нужна достаточно высокая степень непонимания. У меня ее нет. Я уверен только в одном. Мы стоим в самом начале долгой и трудной истории в борьбе за такой образ жизни ибанской творческой интеллигенции, который ее в какой-то мере устроит. А в ибанских условиях нормальный образ жизни творческой интеллигенции -- борьба за улучшения и преобразования. И чем более ибанская интеллигенция будет близка к своему идеалу, тем больше она будет иметь шансов повториться. Но я в такой истории участвовать не хочу. Я устал. Я исследователь, а не деятель. Как исследователь я знаю, что всякий изолированный процесс источники и причины всех своих явлений находит в себе самом. Как бы это не звучало дико, но даже режим Хозяина был защитой от самого себя, т.е. протестом против разгула социальности, порожденным законами самой этой социальности. Как исследователь я знаю, что это общество рано или поздно выработает адекватную ему форму культуры. Этот процесс -- трагедия для таких, как ты и я. Но благо для других. И тут нет никаких объективных критериев предпочтения. Как исследователь я убедился в том, что

наше общество не больное. Оно здоровое. Но у него свое представление о здоровье и болезнях. Посмотри на молодых людей! Они красивы и веселы. Им не скучно. Послушай они нас, они сочли бы нас сумасшедшими. В чем, собственно говоря, твоя проблема? Твоя проблема -- проблема "я". Сильного, способного, предприимчивого, борющегося. Приласкай тебя в свое время государство, ты был бы свой. И служил бы ему верой и правдой. Тебя и сейчас ласкают. Ты -- первый в Ибанске скульптор по заказам. Мировая слава. Денег достаточно. Мастерская терпимая, не надо лицемерить. Чего тебе нужно еще? Заслуженного? Народного? Академика? Еще большую мастерскую? Монографию о себе? А по какому праву? Да теперь тебя это уже не удовлетворит. Поздно. Моя проблема -- тоже проблема "я". Но слабого, незащищенного, исключенного из борьбы. Защити меня государство в свое время, был бы я благоустроенным более или менее известным профессором, читал бы лекции, имел бы кафедру и аспирантов, может быть создал бы школу. И все это на благо государства, а не вопреки ему. Но государство не захотело приласкать тебя и защитить меня. И не захочет. Вот в этом-то и состоит суть нашей личной драмы. Если даже оно и захочет это сделать в отношении нас с тобой, оно не сделает это в отношении других Мазилы и Болтуна, которые будут лучше нас. В этом суть общей драмы таких людей, как мы. Только такие, как ты, время от времени побеждают. Такие, как я, никогда. Ты не мыслишь себе жизни в рамках этой человеческой общности. Я не мыслю себе жизни вне ее. Выходит, даже нас с тобой свел случай. О каком же тут единстве реагирования можно говорить в отношении нашей интеллигенции в целом?

ПРАВО И ИСТОЛКОВАНИЕ

Поводом к дискуссии послужило заявление Карьериста, что сочинение Правдеца действительно антиибанское. Начался беспорядочный спор, окончившийся заявлением Болтуна, что все разговоры на эту тему бессмысленны.

Надо, сказал Болтун, прежде всего различать текст и его интерпретацию (или истолкование). Любой текст допускает неограниченное множество истолкований. Любое истолкование данного текста не содержится в данном тексте. Например, возьмем такой текст: "А хороший человек". В качестве истолкования его может быть предложено предложение "В сволочь" или "В лицемер". Ни одно из этих истолкований не содержится в истолковываемом тексте. Автор текста не несет никакой юридической ответственности за истолкование своего текста, каким бы ни было истолкование и кто бы его ни предлагал. Допустим, сказал Неврастеник. Но ведь есть разные системы права. Есть разные системы бесправия, сказал Болтун. Если автор текста несет юридическую ответственность за истолкование текста, то это автоматически означает отказ от юридической точки зрения. Какой текст считать антиибанским? Обратите внимание, здесь речь идет об оценке текста. Причем, об оценке юридической. Значит, должны быть критерии оценки. В связи с этой проблемой надо различать правовой обычай и правовые нормы. Выражение "правовой обычай" неточно. Правильнее было бы говорить "расправовый обычай". Но так уж и быть, оставим для однообразия первый. В чем состоит правовой обычай? В практике расправ фактически поступают так. Если некоторая группа лиц (обычно это власть имущие или причастные к ней) считает, что данный текст можно истолковать как антиибанский, и она так его и истолковывает, то

текст юридически считается антиибанским. Но сформулировать этот обычай как юридическую норму нельзя, ибо тогда нарушается фундаментальный принцип всякого права, а именно -- принцип независимости содержания правовых норм от исполнительной власти. Выход один: законодательная власть каждый раз должна издавать закон, согласно которому данный текст является антиибанским. Но до таких столпов правового бесправия не докатится даже наше законодательство. Выход находят в другом: прибегают к экспертизе. Специальная группа лиц назначается для того, чтобы дать оценку текста как ибанского или антиибанского и, тем самым, совершить беззаконие. Экспертиза правомочна только констатировать факты, но не правомочна давать оценки. Если есть некоторый текст, то правосудие само должно дать ему оценку исключительно на основе тех критериев, которые имеются для этого, т.е. специально принятых законов. Если таких норм для данного текста нет, он не подлежит юридической оценке. Юридическая оценка экспертом текста в принципе есть беззаконие. Более того, если сам обвиняемый вынуждается к такой оценке, это тоже есть беззаконие. Обвиняемый вправе настаивать на том, чтобы юридическая оценка текста была дана в соответствии с фактическим словесным и фразовым составом текста и принятыми нормами оценки.

Дело прежде всего не в том, плохое или хорошее право. Дело в том, есть или нет какое-то право вообще. Плохое право все равно право. Хорошее бесправие все равно бесправие. Я берусь доказать как математическую теорему, что в любом правовом обществе, каким бы плохим ни было его право, возможна оппозиция. Наличие оппозиции вообще есть признак правового общества. И отсутствие оппозиции есть признак того, что общество бесправно. Но ближе к делу. Возьмем некоторый текст А. Пусть имеется система правовых норм В, согласно которой этот текст оценивается как враждебный данному обществу (как текст "анти"). И человек, утверждающий А, привлекается к ответственности. А если, допустим, я выскажу такой текст: "Н утверждает, что А", я не утверждаю А, я утверждаю, что Н утверждает, что А. Спрашивается, каким будет с точки зрения В текст типа "Н утверждает, что А"? Текстом "анти"? Прекрасно, а как будет выглядеть прокурор, который на суде заявит по моему адресу, что я утверждаю текст "Н утверждает, что А"? Как человек, произносящий текст "анти"? Нет? А почему? Где формальный критерий различения? Допустим, что я один раз употреблял слово "утверждает", а прокурор -- два. Но если будет принят такой закон, я заранее выскажу такой текст: "М утверждает, что Н утверждает, что А". Я вам привел лишь один логический ход. А их очень много. Постройте мне кодекс В правовых норм, позволяющих оценивать тексты как "анти", и я вам берусь для любого текста, который оценивается как "анти", построить текст, который не может быть оценен так согласно В, но который все равно будет восприниматься как оппозиционный. Всякое строгое право априори есть возможность оппозиции. Но строгого права боятся, фактически существующее право содержит норму и систему оговорок, позволяющих ее обходить, т.е. есть завуалированная форма бесправия. Оно есть право до тех пор, пока ничем не угрожает власть имущим. Но как только появляется намек на такую угрозу, оно превращается в форму бесправия. Так что сочинение Правдеца может быть истолковано как оппозиционное, но никак не антиибанское, если термин "антиибанское" является юридическим. Юридически у нас нет таких норм, согласно которым оно антиибанское. Ваше мировоззрение в данном случае есть типичное мировоззрение людей неправового общества. Чего же вы хотите от

других?

САМОЗАЩИТА

Случай Мазилы, говорит Карьерист, беспрецедентен. Смотря с какой точки зрения, говорит Посетитель. С чисто социальной точки зрения -- нет. Прошедшая эпоха породила много личностей такого рода. Можно назвать десятки писателей, художников, ученых и т.п. того же социального типа. Немногие из них добились мирового успеха. Многие из них интегрировались с официальным обществом. Многие погибли. Мазила тут типичен. Он лишь наиболее ярко выражен. Вы же не будете отрицать огромный талант, работоспособность, житейскую нетребовательность, смелость, говорит Карьерист. Не буду, говорит Посетитель. Клеветник и Шизофреник были не менее талантливы, работоспособны, нетребовательны в быту и смелы. А где они? Работы Мазилы имеют широкий общественный резонанс, а Клеветника и Шизофреника -- нет, сказал Карьерист. Да, сказал Посетитель. Но не торопитесь с заключениями. Во-первых, работы Мазилы несмотря ни на что остаются весьма далеко от политики и даже от идеологии, работы Клеветника и Шизофреника говорят о самой их сути и основе. На работы первого можно взглянуть и испытать их воздействие. Работы вторых трудны с точки зрения доставания (практически они изъяты) и еще труднее для понимания. Они в принципе не рассчитаны на массовый успех. А во-вторых, дело обстоит не так, будто в самих работах есть залог успеха, а иначе. В сложившихся условиях люди избирают себе подходящего и удобного для них человека, творчество которого и делают выражением своих настроений. Между прочим, И и Е имеют не меньший успех. А что это такое, вам хорошо известно.

Посетитель прав, говорит Болтун. Мазила -- удобный материал для социологических наблюдений. Вот, скажем, проблема самозащиты. Есть официальные и неофициальные формы самозашиты. Первые общеизвестны. Вторые не изучены совсем. К ним относятся, прежде всего, антиофициальные общности людей. Некоторые из них сами образуют социальные группы. Последние вплетены в официальные, испытывают на себе их влияние, состоят из тех же социальных индивидов, сами в качестве общностей подчиняются хотя бы частично законам социальности. Лишь благодаря их антиофициальной позиции входящие в них индивиды и они сами в целом приобретают некоторые черты, позволяющие рассматривать их как антисоциальные явления. При всяком удобном случае они стремятся утратить эти черты. Их победа есть ликвидация своей антисоциальности и создание социальности как правило в еще более явном виде, чем ранее. Эта форма самозащиты пригодна для слабых индивидов, как правило, лишенных социальных потенций. Если сильные личности и попадают в общности такого рода, то лишь в качестве лидеров или организаторов их, причем в таких случаях общность фактически используется сильной личностью в своих эгоистических интересах. Другие общности рассматриваемого типа социальными группами не являются, поскольку между членами общности не складывается устойчивая жизненно необходимая связь и не происходит разделение функций. Такие общности складываются вокруг крупных художников, писателей, поэтов, артистов, ученых и т.д. Люди попадают в эти общности лишь вследствие своего личного отношения к объединяющей личности. Если последнюю изъять из такой общности, она распадается. Эта личность здесь не может быть заменена другой. Такого рода общности суть личностные общности. Они дают поддержку творческой

личности. Иногда -- очень сильную, если поклонники имеют социальный вес. Сюда можно отнести также профессиональные общности. Но они дают защиту лишь в очень узких пределах. Да и то лишь при том условии, если защищаемая личность соразмерна защищающим, не задевает их профессиональное самолюбие и нуждается в защите в ином (по отношению к данной профессии) качестве. Вторая форма социальной самозащиты -- самопожертвование. Наиболее существенную роль здесь играет вынужденный героизм, когда человек силою обстоятельств выталкивается на роль протестующего. Вообще-то говоря, врагами люди не становятся добровольно. Они сопротивляются этому Общество само делает своих врагов. Отчасти -- удобных врагов, с которыми легко вести эффектную борьбу. Отчасти -- жизненно необходимых врагов, которые защищают его и несут ему благо, то есть будущих героев. Тут действует нечто похожее на инстинкт самосохранения. Третья форма -- стать значительной личностью за счет своих способностей и продуктов своего личного труда и тем самым добиться некоторой независимости. Это -- персонализм. Но у нас крупные личности -- дело случая. Без ведома начальства крупной личностью стать нельзя. А начальство разрешает только имитацию крупной личности или контролируемую личность. Наконец, использование неоднородности объединений людей и несовпадения их интересов, выход за рамки данного объединения. В качестве примера напрашиваются международные связи. Но аналогичные явления возможны и внутри страны. Вспомните случай с "Прометеем" и взаимоотношения министров культуры и электроники. Случай Мазилы -- комбинация всех этих форм в условиях прошедшего периода растерянности. Прибавьте к этому умение использовать ситуацию и организовать дело... Все это так, сказал Неврастеник. Но невероятно скучно. Исчезает романтический эффект внезапного результата. Скучно потому, говорит Посетитель, что Вы не относитесь к этому делу серьезно и не хотите извлечь урок. Урок, сказал Неврастеник презрительно. А для кого? Для других, сказал Посетитель. Пустое занятие, сказал Неврастеник. Никаких уроков не бывает. Неверно, сказал Посетитель. Люди все делают по образцам.

КОНЕЦ ЗАПИСОК КЛЕВЕТНИКА

Дойдя до того места в записках Клеветника, начиная с которого он приступил к изложению официальной идеологии в наиболее рафинированном (с его точки зрения) виде, Мыслитель сказал, что тут Клеветник совсем деградировал, и выбросил рукопись в мусорное ведро. А напрасно. В конце рукописи имелся анализ причин, по которым всякая работа по реальному улучшению официальной идеологии во имя этой идеологии и в ее пользу (на самом деле, а не по видимости) есть одна из самых опасных форм деятельности в ибанском обществе. Ее можно было слегка перефразировать и опубликовать в Журнале с иными намерениями и как свои собственные соображения. На последней странице записок Клеветника Мыслитель заметил слова: если хочешь быть другом -- стань врагом, такова печальная участь всякого порядочного человека, дерзнувшего сделать благо. Но смысла этих слов Мыслитель не понял.

РУКОПИСИ ИСЧЕЗАЮТ

Ты не имеешь права жаловаться на свою судьбу, сказал себе Болтун, начав

просматривать и уничтожать свой архив. У Шизофреника не было никакого стола. У Клеветника не было письменного стола. У тебя -- изолированный письменный стол! И какой! Мечта графомана! У Шизофреника пропало все. Клеветник кое-что успел напечатать. Но большая часть его работ исчезла. А у тебя? Напечатал ты больше Клеветника. Архив твой невелик. И к тому же цел. Так что прогресс налицо. Теперь модно говорить, будто рукописи не горят. Какая чушь! Уцелеет одна-две, и уж концепция готова. Гореть-то они может быть не горят, поскольку их не жгут. Но они не рождаются. А родившись -- исчезают. Как? Никто этого не знает. Вот моя статья. Провалили ее реакционеры Секретарь и Троглодит чуть ли не двадцать лет назад. Тогда она имела бы эффект. И сейчас я ее не стыдился бы. А что делать с ней теперь? Теперь я ее печатать не могу. Даже хранить не хочу. Она теперь не моя. И дорога ей -- в мусорный ящик. Вот другая моя статья. Провалили ее Претендент и Мыслитель. Либералы! Друзья юности! Единомышленники! Тогда ее можно было напечатать без всякого для них риска. Теперь она не пройдет ни в коем случае. Через два-три года я не соглашусь ее печатать сам. Так что и ей дорога туда же. И так почти вся жизнь в мусор. Может быть, даже вся. Неужели вся? Умом я понимаю, почему так. А сердцем не могу никак примириться. Кто тут сошел с ума? Я же отдаю, а не беру! Я же не требую, дайте мне! Я же умоляю, возьмите от меня!

ФЕНОМЕН

Похоронили Ф., сказал Ученый. Кто такой, спросил Карьерист. Неужели не слыхали, удивился Ученый, фактический основатель модного сейчас направления... Более двадцати лет назад сделал работу, которая породила поток статей (без ссылок на первоисточник, конечно), но сама не была напечатана. К делу присосался не один десяток ловкачей. Потом пришли веяния с Запада. Все это перелицевали в новую терминологию. Погрузили в скопище зарубежных имен. И закрутили! Новая область науки. Журналы. Симпозиумы. Конгрессы. Институт. Тонны книг и статей. И все -- липа. Один ф работал как настоящий ученый. Его отпихнули, конечно. Сначала еще упоминали, а потом как будто не бывало. Обычная история, говорит Мазила. Большинство крупных деятелей культуры умирает непризнанными при жизни. Тут совсем другое, сказал Ученый. Он был признан. Все знали, кто он такой. Он не был признан официально в виде наград и званий. Об этом позаботились его коллеги. Но они-то знали Ф. Если бы они не ценили его, все было бы иначе. Они воспринимали его как угрозу своему положению. На кладбище ему пели дифирамбы. Говорили об издании трудов. Может быть, издадут. Хотя вряд ли. Идеи растащут. Скорее всего -- без ссылок на него. Скорее всего -- со ссылками на Запад. Там отчасти позаимствуют у него, отчасти переоткроют его результаты заново. Идеи Ф не пропадут, это всем ясно, но не как идеи Ф, а как идеи кого-то другого, на кого удобно будет ссылаться. Может быть, когда-нибудь найдется добросовестный историк науки. Раскопает Ф, изучит наше время. И удивится тому, что был такой удивительный феномен. Но не удивится тому, что он остался без последствий: последствия-то так или иначе будут. Имей этот Ф власть, сказал Карьерист, все было бы иначе. Был бы академиком, лауреатом, героем. От ссылок некуда было бы податься. Школа была бы. Чтобы удержать учеников, надо иметь власть, т.е. способность устроить их и накормить. Идеями теперь никого не удержишь. А вдруг сама судьба Ф есть лишь

имитация судьбы настоящего ученого, сказал Болтун. Где критерии? Представьте себе, работает Ф годами один, делает как будто бы дело. Банда проходимцев раздувает рядом грандиозную имитацию дела. Но ведь сама жизнь Ф в этих условиях может быть рассмотрена с точки зрения подлинности и подделки. Почти тридцать лет замкнутой жизни и труда! Какой ум и какая воля способны отличать тут дело и имитацию дела? А если сам Ф был занят имитацией дела, которая лишь с точки зрения индивидуальной судьбы выглядит как дело по отношению к официально раздутой имитации дела! Возможно, сказал Ученый. Трудно сказать. К нам тут приезжали американцы. Говорят, что Ф -- действительно крупная фигура. Во всяком случае, единственная значительная фигура у нас в этой области. А так кто знает... От чего он умер, спросил Мазила. От одиночества и от тоски, сказал Ученый.

ФОРМУЛА МОЛЧАНИЯ

Кто знает о том, что Клеветник был блестящим лектором, говорит Неврастеник. А кто его слушал? Много ли он прочитал? Кто знает о том, что Шизофреник был оригинальным художником и сделал тысячи рисунков? Где они Может быть, сохранилось в личных коллекциях несколько штук. Да и то лишь постольку, поскольку они лично касаются коллекционеров. Кто знает, что Болтун был великолепный писатель по проблемам культуры? Когда-то он по официальному заказу написал книгу о нестандартных идеях в культуре. Я читал ее. Если бы она вышла, был бы настоящий шедевр. Где она? Для таких людей наша формула очевидна: не рыпайся! Будешь рыпаться, уничтожим. Будешь молчать, не тронем. Комнатушку дадим. Зарплату. На много не рассчитывай. Но цел и сыт будешь! А это для таких, как ты, слишком много! Я не согласен с Посетителем, что молчание -- золото. За молчание у нас платят мало. Смотря за какое, сказал Посетитель. За вынужденное -- малое. За добровольное -- много.

О ПОТРЕБЛЕНИИ

Мы тут обо всем переспорили, сказал Неврастеник. Не спорили только об одном: о потреблении. А что об этом спорить, сказал Карьерист. Здесь все ясно. Безусловно, сказал Ученый. Очевидно, сказал Мазила. Не так уж очевидно, сказал Неврастеник. Вот я кандидат, а получаю меньше, чем водитель автобуса. Болтун доктор. И Социолог доктор. Как ученый Болтун не тысячу голов выше Социолога. А получает только в деньгах, по крайней мере, в два раза меньше. Я не считаю служебную машину, даровую квартиру, дачу, оплачиваемые командировки, закрытый буфет, гонорары. Социолог был у меня недавно, сказал Мазила. Хотел купить гравюру. Я назвал минимальную сумму. Вы бы посмотрели не его физиономию! Он тут же начал жаловаться на свою тяжкую жизнь. Говорил, что ученый в его положении на Западе имеет коттедж, по крайней мере пару машин, путешествия по миру, первоклассные отели, яхту. Я сомневаюсь, сказал Неврастеник, что ученый на Западе живет лучше Социолога. Я там бывал и видел. А какую сумму ты назвал за гравюру, спросил Болтун. Ты же знаешь, сказал Мазила. Думаешь, дорого? Вот я тебе скажу... Не надо, сказал Болтун. Я и так все знаю. Моя жена работала за сто рублей в месяц. Кончила вечерний институт. Стала получать девяносто. Успокойся, я не

сравниваю ваши творческие способности. Я не вижу в этом несправедливости. Я констатирую факт: ты запросил за гравюру больше, чем ее месячная зарплата. Поднялся гвалт. Как обычно. Замелькали имена. Пошли в ход безымянные начальники, имеющие надбавки и берущие взятки. Модные портные и парикмахеры. Фотографы. Через час вопрос запутали окончательно, исчерпали сплетни и эффектные новости. Исчерпали свой справедливый гнев по поводу несправедливостей оплаты труда. Так вот, сказал Болтун, к вопросу о потреблении. Я не посягаю на то, что вы имеете. Я готов допустить, что вы имеете несправедливо мало и по справедливости должны иметь больше. И не хочу сравнивать нас и Запад. Я хочу обратить ваше внимание на то, что мы все время обходим молчанием фундаментальнейший вопрос нашего бытия. Его как будто нет. Он как будто не играет роли. За границу не пускают? Безобразие! Слово сказать не дают, хватают? Безобразие! Книгу не печатают? Безобразие! А ведь, уважаемые мыслители, есть такая вещь, как зарплата. Есть официальная основная зарплата. И есть случаи, когда разница огромна. Бывает, что А получает раз в двадцать больше, чем В. Есть официальная дополнительная зарплата (надбавки, премии, гонорары). Есть скрытая дополнительная зарплата (машины, квартиры, дачи, распределители, командировки, путевки и т.п.). Есть законный и незаконный продукт личной изворотливости (базар, взятки, блат и т.п.). Да что об этом говорить. В нашей официальной и неофициальной торговле постоянно продаются и покупаются вещи, предполагающие весьма зажиточные слои населения. За мебельными гарнитурами ценой в четыре тысячи рублей (более сорока месячных зарплат моей жены!!) была очередь. Загляните в ювелирные магазины. В меховые. А какие деньги платят в кооперативах! А какая масса людей с удивительной легкостью может оплатить любую туристическую путевку за границу! Что это? Трудовые сбережения? Ладно, оставим эту сторону дела для Правдеца. Признаем очевидный факт: общество расслаивается на группы людей, располагающих так или иначе различным уровнем потребления. Важно оценить место этого факта в нашей жизни. И среди множества вопросов, возникающих в связи с этим, не мешало бы выяснить такие: как к этому факту относится наша либеральная интеллигенция и наше консервативное руководство. А тут мы имеем весьма любопытную ситуацию. Наше руководство всех рангов и типов не сомневается в справедливости своих привилегий, всячески их укрепляет и увеличивает. Народ по сему поводу слегка ропщет, но в принципе не считает это несправедливостью: начальство, ему положено! Интеллигенция в массе чувствует себя ущемленной и недовольна своим положением. Но не настолько, чтобы бунтовать. Стремятся найти какие-то законные и незаконные (но боже упаси, социальные!) способы компенсации. Часть интеллигенции (кстати сказать, не так уж плохо по нашим критериям обеспеченная) более явно чувствует себя несправедливо обиженной. Руководство стремится прижать эту часть интеллигенции. Оно не хочет, чтобы эта часть интеллигенции жила лучше, чем живет оно само, руководство. И оно действует в соответствии со своими представлениями о справедливости: они хозяева, и по идее должны жить лучше. Кроме того, оно постоянно указывает народу на зажравшуюся интеллигенцию, создавая видимость борьбы за справедливость, отвлекая внимание от себя, находя виновных. Сложность ситуации состоит в том, что либеральная интеллигенция печется о своих личных интересах и попадает в ловушку. С точки зрения оплаты за дело и за способности она жаждет справедливости. Но это желание не есть справедливость с социальной точки зрения, ибо по идее

распределение должно отвечать социальной структуре общества. Интеллигенция в данном случае выступает как антисоциальная сила. Ее борьба за свою справедливость выступает по форме как борьба за неравенство. Это дает мощный козырь в руки начальства и начисто отрывает интеллигенцию от того, что называют народом. Добавьте к этому стремление создать свою культуру и возможность выработать свой стиль жизни. И вы получите полную изоляцию определенной части интеллигенции от прочей части населения, хотя пространственно у нас все перемешаны. Более того, поскольку основная масса интеллигенции предпочитает обделывать свои делишки потихоньку, а по культуре и образу жизни еще не очень-то далека от прочей части населения, поскольку наиболее ловкие ее представители пользуются благами по высшим нормам (и хотят при этом еще большего!), то лучшие представители интеллигенции оказываются в полной изоляции и в своей среде. И Социолог -- интеллигенция, и Шизофреник -- интеллигенция. Один -- проходимец, другой -- настоящий ученый. Один процветает, шляется по миру, представляет ибанскую интеллигенцию, постоянно жалуется на свою горькую судьбу и поносит наш образ жизни. И, заметьте, совершенно безнаказанно. Даже за вознаграждение. А Шизофреник? Слышали вы когда-нибудь, чтобы он жаловался и поносил? А где он? Кто знает о нем?

ИМИТАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

У нас, говорит Неврастеник, идет международный симпозиум. Интересный, спросил Мазила. Для кого как, сказал Неврастеник. Грандиозная липа. Похоже на что-то настоящее. Но по сути дела сплошное очковтирательство. У меня складывается мнение, что у нас многие области культуры являются ложными в своей основе. Не только культуры, сказал Карьерист. Лучше сказать -- являются имитационными формами, сказал Болтун. В искусстве то же самое, сказал Мазила. Имитационные формы деятельности настолько удобны для людей и жизнеспособны в наших условиях, что вся наша жизнь принимает характер имитации цивилизации, сказал Болтун. Но со временем, может быть, эти имитационные формы заполняются реальным содержанием, сказал Карьерист. Примеры такого рода мне известны. Здесь и примеры суть имитация примеров, сказал Неврастеник. Заполняются, но с такой же степенью вероятности, с какой актер провинциального театра, играющий Наполеона, станет Наполеоном, сказал Болтун.

ПОСЛАНИЕ БОЛТУНУ ОТ ПРАВДЕЦА

В той же самой злополучной стенгазете было напечатано шуточное Послание Болтуну от Правдеца. Про стихи забыли. Не до них было. Но в связи с последними поступками Правдеца от сотрудников потребовали реагировать. Сотрудники подписали осуждающее письмо. Оказалось, мало! Подписали одобряющее письмо. Опять мало! Заклеймили. Мало! Собрали актив: что делать? Надо принять радикальную меру, сказал Претендент, и напомнил про стенгазету. Тут-то все сразу и вспомнили про Послание. Послание было безобидное, но содержало два намека. Один намек -- на то, что претензии Болтуна на значимость своих трудов смехотворны. Второй намек -- на то, что на труды Болтуна пора бы посмотреть и с этой точки зрения.

М-да, сказал Исполняющий обязанности, прочитав Послание. Это наше упущение. Сигнал был. А мы не отреагировали. Надо принять меру. Мера была принята. И отмечена в резолюции. Болтун занялся поисками работы. Но не очень активно, скорее для очистки совести, так как в сложившейся ситуации рассчитывать на работу по специальности было бессмысленно. Надо было просто чего-то ждать и ни на что не надеяться. Когда Болтун прочитал злополучные стихи Мазиле, тот сказал, что в Сослуживце погиб гениальный поэт. Гений и злодейство все-таки несовместимы. Наоборот, сказал Болтун. У нас гений немыслим без злодейства.

ДУХОВНЫЕ ЛИДЕРЫ ОППОЗИЦИИ

Когда вышли из мастерской, Журналист и Неврастеник разговорились о духовных лидерах ибанской оппозиции. Журналист сказал, что Мазила -- один из них по крайней мере. Это не совсем так, сказал Неврастеник. Через Мазилу до Вас доходит немногое из того, что продумано другими и только отчасти самим Мазилой. Мазила -- маленькая, но заметная извне и эффектная дырочка, через которую прорывается наружу духовное давление нашего общества. А кто же эти ваши настоящие лидеры, спросил Журналист. Они не имеют права на известность, сказал Неврастеник. И даже на существование. Они засекречены, заинтересовался Журналист. Нет, усмехнулся Неврастеник. Тут другое. Я затрудняюсь Вам объяснить. Поживите здесь подольше, может быть, сами разберетесь. А Правдец, спросил Журналист. Правдец ближе к делу, сказал Неврастеник. Но и он -- фейерверк и взрыв наружу. А духовные лидеры нашей оппозиции остаются внутри. Они взрываются без шума. И внутрь. Если хотите научиться понимать нашу жизнь, научитесь сначала ходить вверх ногами.

ПОСЕТИТЕЛЬ

Они искали то, чего нет, сказал Посетитель. Учение о мире? Его нет, ибо общие законы мира суть лишь соглашения о смысле слов. Учение об обществе? Его нет, ибо общие законы общества суть лишь правила поведения, изобретаемые людьми. Учение о человеке? Его нет, ибо человек есть все, что угодно, т.е. ничто. Человек есть лишь случайный посетитель этого мира. Когда он есть, его уже нет. Никаких опор, все истинно. И все ложно. Все имеет глубокий смысл. И все бессмысленно. Они все умные люди. Но ум не дает выбора. Ум исключает выбор. Наука тем более. Странно, сказал Мазила. Все говорят обратное. Потому что ищут формулу бытия, сказал Посетитель. А нужна формула жития. И такая формула есть, спросил Мазила. Возможна, сказал Посетитель. Например, сказал Мазила. Например -- добро и зло, сказал Посетитель. Не знаю, что это такое, сказал Мазила. Это -- вроде формальных символов у логиков, сказал Посетитель. Переменные, на место которых ты можешь подставлять свои представления о добре и зле. Неделание зла есть добро. Неделание добра есть зло. Добро отчуждаемо. Зло отчуждаемо. Отдаешь зло -- получаешь зло. Отдашь добро -- получишь добро. Потом -- страдания, удовольствия и спокойствие. Здесь, как в логике, есть свои строгие нормы. Нарушать нормы логики никто запретить не может. Да их и соблюдают невероятно редко. Но если хочешь иметь истину, соблюдай их. Нарушать нормы жития также никто не может запретить. Их соблюдают еще реже, чем нормы логики. Но если хочешь иметь в себе человека,

соблюдай их. Их надо, очевидно, изучать, сказал Мазила. Увы, сказал Посетитель, их надо еще изобретать. А религия, спросил Мазила. Старая религия содержит учение о житии, сказал Посетитель. Но оно не может уже удовлетворить потребности житейской практики современного человека, как аристотелевская логика недостаточна для потребностей современной языковой практики людей. Странные мы все-таки разговоры ведем, сказал Мазила. Странно, что об этом не говорили раньше и так мало говорят сейчас, сказал Посетитель. Человечество стоит перед выбором. Впервые в истории, имей в виду. Люди должны обдумать наш эксперимент. С полной откровенностью и беспощадностью. И потому они должны говорить. Сейчас разговоры такого рода -- главное дело человечества.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Дело идет к развязке, сказал Неврастеник. Редколлегию разогнали. Претендент продал Мыслителя, Социолога и Супругу. Из редколлегии их выгнали. Претендент пока уцелел. Но директором он все равно не будет. Туда им и дорога, сказал Болтун. Но они же все-таки лучше, чем другие, сказал Мазила. Они не хуже и не лучше, сказал Неврастеник. И не такие же. Они просто из другой оперы. В свое время, когда это все началось, я им говорил: представились кое-какие возможности, это не надолго, надо эти возможности использовать максимально. Надо было поднять престиж Клеветника, надо было напечатать работы Шизофреника. Они, в конце концов, могли Болтуна и его группу печатать. А что они сделали? Помогли раздавить Клеветника, Шизофреника, Болтуна и всех, кто с ними. Взбаламутили болото. Не предложили ничего принципиально нового и занялись устройством личных делишек. Сознательно упущенные возможности, вот что это такое. Сложи упущенные возможности в масштабах страны, получишь итоговую ситуацию. В самой первой акции прошедшего периода содержалось все то, что потом аналогичным образом было проиграно во всех социально значимых коллективах. Первый приступ даже не состоялся всерьез. Возможности упущены сознательно и добровольно, ибо те, кто прикоснулись к власти, не захотели ее использовать так, чтобы другие сделали свое дело. Произошло раздвоение. Сначала мы все шли вместе. Мы несли в себе творческие и деловые потенции и жажду власти и благополучия. Сначала казалось, что все есть к каждом. Когда открылась возможность реализовать то и другое, то выяснилось, что это несовместимые вещи. Они распределились между разными людьми. И мы уничтожили своими силами свою творческую и деловую часть, присосавшись с незначительным потерями к традиционной системе власти и благополучия. Вот и все.

КОНЕЦ КРЫСИНОГО РАЯ

И все же Крысиный рай (как мы для себя назвали экспериментальный крысарий) прекратил существование в тот момент, когда мы меньше всего ожидали это, читал Болтун. В крысарий проникли каким-то образом вши, расплодились с поразительной быстротой и создали свою социальность в точности по крысиным образцам. И тогда началось...

ПРИТЧА О СЕБЕ

Я расскажу тебе одну притчу, сказал Болтун. В армию я попал еще до войны. Приехали в полк. Привели нас в столовую. Посадили по восемь человек за стол. Принесли буханку хлеба. Делить взялся интеллигентный по виду парень. Разделил так. Один кусок самый большой. Другой -- чуть поменьше. Остальные как попало. Воткнул нож в самый большой кусок, крикнул "хватай!", подвинул второй по величине кусок здоровому парню своему соседу, который ему покровительствовал. Для меня наступил момент, один из самых важных в моей жизни. Или я подчинюсь общим законам социального бытия и постараюсь схватить кусок по возможности побольше, или я иду против этих законов, т.е. не участвую в борьбе. За долю секунды сработал весь мой прошлый жизненный опыт. Я взял тот кусок, который остался лежать на столе. Самый маленький. Эта доля секунды решила всю мою последующую жизнь. Я заставил себя уклониться от борьбы.

ПРИЕМ У СОЦИОЛОГА

Вернулся из заграничной командировки Социолог. Приехал радостно возбужденный. Привез кучу подарков. Забавных Матрешек. Банку икры. бутылку водки. И норковую шубу Супруге. Мы тут голову морочим себе и людям, сказал он на аэродроме встречавшим его Сотруднику и Мыслителю, а они там давно все эти проблемы решили наилучшим образом. Вечером был прием. Пришли Претендент, Сотрудник, Инструктор, Мыслитель, Некто, Карьерист, Ученый, Кис, Неврастеник, Сослуживец и раскритикованный молодой автор, оказавшийся аспирантом Супруги. После того, как все наелись, напились, выговорились и пересмотрели прекрасные альбомы, Социолог произнес речь. Я потрясен виденным, сказал он дрожащим от искренности голосом. Живут они как в сказке. Их мудрое руководство проводит единственно правильную и дальновидную внешнюю и внутреннюю политику. Искусства и науки процветают. Все прекрасно одеты. Продуктов питания -- изобилие. Никаких квартирных проблем. Все злобные слухи о них суть клевета. Недостатки, конечно, есть. Но -- отдельные. И они тут же преодолеваются. И недовольные, конечно, есть. А где их нет? Особенно -- среди интеллигенции. Эти ведь всегда недовольны, хотя сами не знают, чем. Но недовольных невероятно мало. Единицы. Причем и они быстро исправляются или излечиваются. Все слушали речь Социолога разинув от удивления и восторга рты. Вот с кого нам надо брать пример, сказал Претендент. Мыслитель предложил поднять тост за то, чтобы Ибанск последовал этому примеру. И все дружно его поддержали.

СОН

Все бумаги опять подписаны. Все печати опять поставлены. И стало грустно. Неужели пробили?! Неужели Болтун ошибся?! Наняли машину и грузчиков. Поехали на склад. Но на складе удалось получить только кусок черного мрамора для изображения темной стороны деятельности Хряка. Кусок белого мрамора, необходимый для изображения светлой стороны деятельности Хряка, заведующий складом не выдал, заявив, что на складе такового сейчас нет, хотя этот кусок валялся на дороге, и его пришлось объезжать. Мазила совал заведующему под нос бумаги с подписями и печатями самых высоких

инстанций. Заведующий кричал, что ему на это наплевать, мало ли что они там напишут. Они сидят там да бумажки подписывают. А тут сам черт ногу поломает. Поработали бы тут, так не так бы запели. Опять начались осложнения. Так бы и кончилась эта история ничем, если бы не Карьерист. Это пустяки, сказал он, поехали. И поехали на другой склад, не имеющий никакого отношения к искусству. За поллитра кладовщик дал выбрать самый подходящий кусок белого мрамора, которым до отказа был забит склад и на который тут не было никакого спроса, поскольку он тут вообще не был нужен. Это радостное событие отметили грандиозной попойкой. Вы только не обольщайтесь преждевременно, говорил Болтун. Создать шедевр -- это примитивные пустяки. Надо его еще поставить на предназначенное для него место. Поставим, говорил возбужденный успехом и вином Мазила. Это будет печально, сказал Болтун. Чтобы факт такого рода стал действительно историческим, нужно, чтобы он не состоялся. Карьерист сказал, что тогда это будет просто другой факт. И уехал на ответственное совещание в высших инстанциях. Все-таки, сказал Болтун, во всем этом есть что-то оскорбительное и фальшивое. Тут больше капитуляция искусства перед политикой, чем политики перед искусством. Каким бы ни был альянс искусства и политики, он рано или поздно обнаружит себя как мезальянс. Но Мазила уже упился до полного непонимания происходящего и уснул, положив голову на темный кусок мрамора, а ноги -- на светлый. Болтун взглянул на бронзовый бюст Хряка. Сдвинутая набок кепка Мазилы придавала Хряку вид хитрого пройдохи из овощной палатки. Болтун погасил свет и захлопнул дверь мастерской. Шел мокрый снег с дождем. По мутной улице, разбрызгивая липкую грязь, ползли потоки машин. Мелькали безликие тени. Начиналась безнадежная ночь...

А Мазиле снился сон. Снился ему прекрасный залитый солнцем город. Повсюду скульптуры Мазилы. И именно в таком виде, в каком он мечтал их построить. Вот улица имени Правдеца. В начале ее стометровый "Пророк", а в конце -- двухсотметровый "Орфей". А что это? Площадь имени Хряка! Посреди площади -- гигантский постамент. На нем -- волосатая рука, делающая кукиш, и надпись: нонишное пакаление, тваю мать, будит жить при полном изме. В витринах магазинов выставлены гравюры Мазилы. Поняли все-таки, подумал с удовлетворением Мазила. Оценили! Около одной витрины он увидел группу мальчиков и девочек. Его всегда тянуло к молодежи, и он не мог пройти мимо. Он незаметно подошел к ним и прислушался. Навязали нам этого дегенерата, твою мать, сказал один мальчик с тонким одухотворенным лицом. А ну этих м.....в, сказала одна девочка с тонким одухотворенным лицом. Я достала на время альбом гравюр Художника со стихами Литератора. Ура, закричали мальчики и девочки с тонкими одухотворенными лицами, выскребли из карманов медяки, купили бутылку вина и побежали скорее смотреть альбом гравюр Художника со стихами Литератора. Мазиле стало тошно. Он сделал попытку проснуться. И не смог.

КОНЕЦ ПРЕТЕНДЕНТА

Претендента назначили на высокий пост. Этот пост был выше поста директора, но находился на таком расстоянии от Ибанска, на каком когда-то находился от него Клеветник. Кроме того, этот пост исключал дальнейшее продвижение вверх. Всякое перемещение с него означало понижение и полное

выпадение из игры. Директором был назначен Некто. Мерзавцы, сказал по этому поводу Претендент, я вам еще покажу. И побежал скорее в сортир отвести душу. И тут он увидел: прямо перед его мордой на стене сортира горели слова:

Оглянись, засранец, перед тем, как сесть!

Претендент невольно оглянулся и прочитал на противоположной стене:

Все, что было, будет! Все, что будет, есть.

Претендент сделал попытку понять, но не успел, так как провалился в яму. В яме его уже ждали сам Хозяин, Директор, Секретарь, Троглодит, Хряк, новый Заведующий и даже тот Заведующий, который придет на смену новому. Здравствуй, племя младое, незнакомое, сказал Хозяин Претенденту. И обхватив его крест-накрест, начал заглатывать в страстном поцелуе. Помогите, в ужасе завопил Претендент. Но было уже поздно.

СКАЗАНИЕ О МАЗИЛЕ

РУКОПИСИ МУСОРНОЙ СВАЛКИ

В печати уже неоднократно не сообщалось о том, что на недавно открытой и давно заброшенной мусорной свалке случайно (т.е. без разрешения начальства) были обнаружены обрывки рукописи. В них рассказывалось о вымышленных событиях эпохи Хозяина -- легендарного основателя Ибанска. Согласно легенде, Хозяин сначала вывел предков ибанцев из темной пещеры на светлый путь и построил им счастливое будущее. Сделав это и победив всех врагов и друзей, он возгордился и стал наказывать остальных. И стало от этого намного лучше. Под старость он вдруг прозрел и всех уцелевших помиловал. В честь этого печального события дали ему новое имя Хряк и решили поставить монумент. Но вовремя одумались. Вокруг монумента и вырос Ибанск -- вымышленный поселок городского типа, который фактически был невозможен в силу ложной исходной предпосылки, а если даже и был бы возможен, то только не в Ибанске. Обрывки нашли недобитые подсиденты (от староибанского "подсиживать") и продали за родимые пятна валюты пережиткам иностранцев (так в старину называли предков новоибанцев, населяющих ныне наиболее отсталые окраины Ибанска). Иностранцы устроили из этого дела бузнес (от староибанского "бузить"), но у них ничего из этого не вышло. Вскоре после того, как были найдены и тут же уничтожены обрывки рукописи, при прокладке молокопровода и мясокабеля в районе площади Претендентов был по недосмотру обнаружен кусок гипса, напоминающий искаженную страданием человеческую фигуру. Однако, как выяснилось по ходу следствия, это была позднейшая подделка под работы неизвестного мастера Эпохи Растерянности, в которую никаких страданий уже не было (тем более слухи о страданиях в эпоху Потерянности не подтвердились). Споры вспыхнули с новой силой после того, как так называемые литераторы и бывшие ученые, рывшие с целью самовоспитания котлован для нового памятника древнего зодчества, наткнулись по вине задремавшего Сотрудника на обрывки новой рукописи, окончательно подтвердившие вымышленность легенды о Хозяине-Хряке и недопустимость разговора на эту тему. Ниже эти обрывки приводятся с сокращениями, но в том порядке, в каком они могли бы быть, если бы сохранились. Ибанск, 5974 год.

ПРОБЛЕМЫ

Наша жизнь состоит из попыток решить неразрешимые проблемы, говорит Болтун. Говорят, никакого Хозяина не было. А сапоги? Они охраняются, как священная реликвия. Не могли же сапоги править без Хозяина. А почему бы нет, сказал Мазила. Ты мне лучше помоги решить более важную проблему. Как раздобыть гипс, который валяется у меня в мастерской? Достал я его законно. Теперь надо дело по доставанию оформить так, чтобы оно было законно. Иначе мне могут пришить нарушение закона. А операция по узакониванию законно сделанного дела противозаконна! Плюнь, говорит Болтун. Я и плюю, говорит Мазила. Все так делают. Но возможность пришить уголовное дело остается. И при желании ее можно реализовать. Не рыпайся -- не пришьют, говорит Болтун. Будешь рыпаться, могут при случае такую возможность использовать. Но не думай, что это придумано специально для тебя. Это одно из типичных средств удерживать социальных индивидов в повиновении. И не думай, что это изобретено сознательно. Это сложилось само собой. И имеет скорее профилактическое значение: создать в подсознании человека психологический фон недозволенности и даже незаконности самого факта его существования. Пока ты лепишь корову или космонавта, этот фон не ощущается. Но стоит начать лепить вот таких уродов, как он вылезает из подвалов психики и говорит "Стоп!".

ДЫРКА В ЕВРОПУ

Еще в те романтические времена, когда Хряк учился считать на пальцах в Академии Ликвидации Безграмотности, он краем уха подслушал (тогда не слушали, а подслушивали), что где-то в далекой глуши была таинственная страна. Была эта страна такой отсталой, что не могла справиться даже с поляками. И появился у нее Великий Царь. Увидел он отставание и решил прекратить это безобразие. Засучив рукава, он взялся за дело и прорубил окно в Европу. После этого начался прогресс. Временно прекратив всеобщие порки, Хряк задумал сотворить нечто подобное. Не окно, конечно. Но хотя бы маленькую дырочку. Позвал он на Совет самых влиятельных лиц государства -- Жену, Зятя, Племянника, Свояка, Кума, Сотрудника и многих других, которые знали, где находится Заграница, что в ней едят, в чем в ней ходют. Хочу, сказал он, дырку в Европу сверлить. Давно пора, заорали советники, и разъехались по Загранице. Дырку сверлили по теории. С клапаном. Клапан открывался туда и закрывался обратно. Где было "туда" и где "обратно", засекретили так, что теперь сами не знают, что есть "туда" и что есть "обратно". И потому на всякий случай решили не пускать ни туда, ни обратно. Но было уже поздно. Прогресс все равно начался. Первым делом за границу уехал Хор писка и тряски и ездит по ней безвъездно до сих пор. Время от времени сотрудники Хора наезжают в Ибанск сдать валюту и сведения, загнать заграничное тряпье и получить дальнейшие задания. Но их тут же отправляют обратно (или туда?). Вслед за Хором уехала Академия Наук, которая сразу же приняла участие в коллоквиуме и установила контакты, сохранив в непорочности свою принципиальную позицию: в контакты не вступать. Наша задача, сказал Академик, донести на них, прошу прощения, донести до них свое слово. И он донес на Социолога за то, что тот не дал должный отпор, а Социолог в отместку донес на Мыслителя, что тот вел себя неправильно (Мыслитель сходил

в бордель без Социолога). И Мыслитель после этого жаловался Социологу, что его почему-то перестали пускать за границу, к которой он привык и жизни без которой уже не мыслил. Социолог обещал выяснить и помочь.

БЕЗДЕЛЬЕ -- НАЧАЛО ТВОРЧЕСТВА

Ты опять бездельничаешь, говорит Мазила. Бездельничаю я всегда, говорит Болтун. Сейчас мне за это только деньги не платят. А как же живешь, говорит Мазила. Кое-как, говорит Болтун. Переводы. Закрытые рецензии. "Соавторство" за половину гонорара без упоминания фамилии. Одному болвану докторскую диссертацию "отредактировал". Ты хорошо знаком с моим творчеством, говорит Мазила. Напиши от нечего делать что-нибудь по этому поводу. Чтобы писать об искусстве, надо хотя бы немного знать язык эстетики и искусствоведения, говорит Болтун. А я отношусь к нему с полным отвращением. Прекрасно, говорит Мазила. Теперь непрофессионалы пишут об искусстве интереснее профессионалов. Кроме того, говорит Болтун, для этого нужен какой-то талант. А я в принципе антилитературен. На литературные красоты мне наплевать, говорит Мазила. Пиши, что в голову придет. Не обязательно обо мне. Ладно, говорит Болтун, попробую.

ПСЕВДОНИМ

В полном соответствии с методами современной науки, писал Болтун, буду обозначать Мазилу для неузнаваемости термином ЭН. Чтобы легче было отличать обрывки моего сочинения об ЭН от прочих обрывков рукописи, буду выделять их звездочкой. Их можно не читать. Их можно было бы и не писать. Но я обещал ЭН это сделать, и как человек, по мнению начальства, неблагонадежный, привык свое слово держать. Как говорили наши предки, назвался груздем -- полезай в кузовок. Правда, что такое груздь, теперь этого не знают даже в Министерстве даров природы. Один мой знакомый крупный лингвист сказал, что это, по всей вероятности, нарушитель порядка, так как слово "кузовок" есть явная трансформация слова "кутузка". Устрашившись такой ассоциации, я побежал домой и фразу о мудрости предков на всякий случай вычеркнул. Тем более намеки на предков не столь уж безобидны, как это кажется на первый взгляд. Предки предкам рознь.

Я

Одна монография об одном великом Ученом начинается с того, что автор долго и нудно рассказывает, когда и где он родился, когда заболел свинкой и каким чудом вылечился от поноса, кто была его бабка по матери, где служил его отец, при каких обстоятельствах он женился на его предполагаемой маме. Лишь где-то на сороковой странице автор пишет, что он познакомился со знаменитой работой Ученого, и она произвела на него сильное впечатление, поскольку мысли Ученого полностью совпадали с теми воззрениями на мир, которые у самого автора уже сложились к этому времени. Так что если я свое исследование творчества ЭН начну с описания своего "Я", то я не буду в этом оригинален. Тем более я в некотором роде есть типичный потребитель продуктов творчества ЭН, и мои разговоры о себе можно рассматривать как примитивный

способ обобщения. А мою концепцию творчества ЭН можно рассматривать как потребительскую.

Итак, в соответствии с классической традицией сочинений о великих людях, я начинаю с описания того, что такое "Я". Я -- человек, у которого во дворе под окнами год назад выкопали огромную яму и второй год никак не могут засыпать. Обещали к празднику. Праздник прошел. Обещали к другому. И этот прошел. Надо ждать следующего. Но мы к яме привыкли. И если ее на самом деле засыплют, то нам будет чего-то не хватать. Несколько раз в месяц во двор приезжает бульдозер, фырчит минут десять, затем ломается или заваливается в яму. Часа через два приезжает другой бульдозер побольше и с ним приходит человек десять всякого народу. Они садятся невдалеке от ямы. Курят. Потом уходят. К вечеру возвращаются навеселе. Большой бульдозер вытаскивает маленький из ямы, и все удаляются куда-то, оставив яму в еще более ужасном виде.

Пришла из магазина жена. Говорит, опять обсчитали. И оскорбили к тому же за это. Не жалко копеек. Противно, что все тебя за дурака считают. Я говорю, плюнь на это. Пора привыкнуть и считать все это нормой. Делай на это допуск. Написано, что килограмм того-то стоит три рубля, считай, что девятьсот грамм стоят три с полтиной. У тебя даже кое-что будет оставаться. Тебе что, говорит жена, тебя еще тогда выдрессировали. А я живой человек.

ДЫРКА В ЕВРОПУ

Через дырку в Европу из Ибанска стали усачиваться картины, рукописи, скульптуры, иконы, люди. Один тип ухитрился даже тещу протащить с собой -- случай беспрецедентный в мировой истории. Даже при Великом Царе, когда через границу ездили на волах со всеми чадами и домочадцами, с крупным рогатым скотом, свиньями, овцами и курами, ничего подобного замечено не было. Зарубежная пресса писала по этому поводу, что ибанцы молчат-молчат да вдруг выдадут что-нибудь такое, от чего весь мир содрогается.

Началось все это с сущего пустяка. Один полоумный аспирант, сочинивший бредовую диссертацию и отчаявшийся ее защитить из-за высказанных в ней смелых передовых идей, в припадке мании величия закинул рукопись во двор одного иностранного посольства. Экс-аспиранта забрали тут же. Из здания посольства вышел иностранец, брезгливо взял двумя пальцами рукопись впавшего в гениальность экс-аспиранта и выбросил обратно. Экс-аспиранта выпустили и силой всучили ему его рукопись, которую он упорно отказывался брать, настаивая на немедленном ее издании на Западе. Слух о событии молниеносно распространился в среде творческой интеллигенции, и она сделала из него далеко идущие выводы. Примеру экс-аспиранта последовал Кандидат. Кандидат написал вполне ортодоксальную книгу, но дерзнул в ней что-то высказать от своего имени, а не от имени основоположников, которые на эту тему не хотели и все равно не успели бы ничего высказать. Рукопись была принята к печати в ибанском ответственном издательстве. Но Кандидат боялся, что она все равно не пройдет (привычка, оставшаяся от времени Хозяина!), и отнес рукопись за границу (новые веяния режима Хряка!). После этого Кандидат сильно испугался, раскаялся и написал обоснованный донос на всех своих друзей, которые не удержали его от этого шага.

Самый решительный шаг в этом направлении сделал Клеветник. Отсидев

много лет ни за что ни про что, он досконально изучил законы и заявил, что мы имеем право печатать что угодно и где угодно, лишь бы это не была государственная тайна и антиибанщина. Главное -- ухитриться передать туда. Поймают -- не пропустят, и только. Проскочишь -- твоя удача. Клеветник скоро убедился в своей детской наивности и в мудрости своего деда, который как аксиому принимал формулу: "Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло". Но прогресс уже начался. И потребовались значительные усилия, чтобы его остановить и ликвидировать его нежелательные последствия.

О том, каких чудовищных размеров достигла пропускная способность дырки в Европу, свидетельствуют такие факты. Один подпольный художник-модернист протащил через нее картину площадью в десять раз больше, чем "Сикстинская Мадонна", а подпольный скульптор-экспрессионист протащил железочугунную скульптуру весом в десять тонн. Пока скульптора просвечивали рентгеном и таможенники лазили пальцем в его задний проход, скульптура стояла рядом и мешала входу-выходу. Наконец, старший начальник разбил об нее лоб и приказал ее немедленно убрать с дороги на Запад. Через час шедевр был в Европе.

МОЙ ХУДОЖНИК

ЭН говорил, ты только начни, а там из тебя попрет... Судя по всему я уже начал. И кажется, пора вспомнить о том, ради чего состоялось это начало. ЭН -- мой художник, в том смысле, что все сделанное им -- это обо мне. О моей жизни. Не о социальной жизни -- такой жизни у меня нет или она настолько ничтожна, что ее почти нет. Она так мала, что вообще не может быть предметом внимания крупного художника. Это о той жизни, которая прошла в моей голове и не оставила никакого зримого следа в окружающем мире. В этой воображаемой жизни я сделал много. Я решил сложнейшие проблемы бытия, причем -- наилучшим образом. Прочитал курс лекций для широкой понимающей аудитории. Основал интересный журнал. Повысил уровень сельского хозяйства. Сокрушил полчища хапуг и паразитов. Устроил выставку ЭН. Я даже яму под окнами засыпал. Когда ЭН рисует или лепит, мне кажется, что он наблюдает происходящее в моей голове. Чтобы понять суть его творчества, надо сначала описать социальный тип тех людей, которые могли бы сказать, что ЭН -- "мой художник". Остальное потом всплывет само собой. Но такой социальный тип еще не сложился как осознавшее себя массовое явление. Людей, которые потенциально способны принять ЭН, как своего художника, пока не так уж много. Еще меньше таких, которые уже сделали это с глубокой искренностью и верой. Я наблюдал сотни людей, восхищавшихся работами ЭН. Но лишь немногие из них узнавали в них что-то свое и срастались с ними органически. Я понимаю, что надо различать чисто эстетическое отношение к произведениям искусства и их активное жизненное переживание, подобно тому как надо различать восхищение живописными лохмотьями нищего и сострадание к его несчастьям. Об эстетической красоте работ ЭН говорят много. Она теперь почти очевидна. О их жизненной силе я не слышал ничего. Об этом молчат даже друзья. Я не утверждаю, что произведения ЭН изображают духовную жизнь людей определенного социального типа. Это было бы просто глупостью. Я утверждаю лишь то, что в наши дни лишь люди этого социального типа вырабатывают в себе потенциальную способность получать от произведений ЭН интеллектуальное (а не чисто эстетическое!) удовлетворение подобное тому, какое получает искренне

верующий и тонко чувствующий человек от хорошей обедни.

ИНТЕРВЬЮ

Если рукопись, картину, скульптуру, икону, тещу и прочие материальные предметы опытный таможенник в принципе может обнаружить под двойным дном чемодана или в сувенирной "Матрешке", то остановить поток слов, устремляющихся на мировую арену из Ибанска в виде интервью, уж не стало никакой возможности. Ибанцы до того привыкли к интервью, что даже со знакомыми стали общаться через иностранных журналистов и иностранное радио. Произвели, допустим, у ибанца А обыск. И правильно сделали, не храни дома и не передавай другим книгу, не дозволенную к печати. Вместо того, чтобы ходить по знакомым и всем рассказывать, что с ним стряслось (а умолчать о таком деле никак нельзя!), А собирает иностранных журналистов, и на другой день весь мир (в том числе -- и знакомые А), знает об этом выдающемся событии. Или, допустим, ибанец В захотел съездить за границу (ишь, чего захотел!), а его не выпустили. И не сказали, почему. Опять-таки кличет В иностранных журналистов, и на другой день весь мир только и говорит о том, что В не выпустили за границу. Причем, говорит с таким видом, будто заграница без В уже жить никак не может. Слово "интервью" стало привычным. Один персональный пенсионер в поисках общественной уборной обратился к прохожим с просьбой дать ему интервью на эту тему. Прохожие шарахнулись в стороны. Подоспевшие на помощь дружинники забрали пенсионера. Хотя тот поклялся, что он не интеллигент, и в доказательство предъявил засиженный мухами и клопами диплом Наивысшей Академии Ликвидации Полнейшей Безграмотности, ему не поверили.

БЫТ

Что так долго, спрашивает меня жена. Очередь, говорю я. Тебе опять два яйца битых подсунули, говорит она. В магазины тебя пускать нельзя. У тебя на физиономии написано, что тебя надо обманывать. Мир висит на волоске от войны, говорю я, а ты -- про битые яйца! Плевать на войну, говорит она. Заставить бы их побегать по магазинам и поторчать в очередях, они бы живо... Я представил себе картину. ООН. В очередь за маслом и яйцами стоят Киссинджер, Садат, Помпиду и прочие. Голда Меир их обсчитывает. Черчилль лезет без очереди, уверяя, что он опаздывает на работу и что дома у него грудной младенец плачет. Кстати, говорит жена, ты собирался поговорить с Г насчет сына. Не забывай, в этом году детям интеллигентов прямо из десятилетки без связей путь в институты практически закрыт. А если в институт не поступит, в армию заберут. Не беда, говорю я, пусть послужит. Я не против армии, говорит жена. Но почему для Их детей нет проблемы института? Чем наш сын виноват, что ты не рабочий и не крестьянин? Позвонил НК. Ты знаешь, говорит, какая ужасная неприятность случилась со мной вчера! Зашел я в сортир. И прицепилась ко мне какая-то старушенция. Если бы ты послушал, как она на меня кричала! На всю площадь кричала что-то про молодежь, про бороду и даже про тлетворное влияние... Это я-то молодежь! Молодежь, говорю, понятие не возрастное, а социальное. Пока ты не заведуешь никем и ничем, ты молодежь. И твоя незначительность написана на твоей роже.

Представляешь, говорит, милицию звала, свистела! Может быть, она права, спрашиваю я. Может быть, ты на самом деле неправильно помочился? Может быть, говорит он. Там, знаешь, такая грязь. Я подошел на минимальное безопасное расстояние. Протокол не составили, спрашиваю я. Ну, слава богу. На работу не сообщат, успокойся. Я понимаю, говорит он, что пустяки все это. А работать не могу. Кстати, НМ все-таки уезжает.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Я позвонил НМ. Очень жаль, говорю, что уезжаешь. Что поделаешь, сказал он. Ты же все понимаешь. Желаю тебе удачи, сказал я. Я тебя никогда не забуду. Я тебя тоже не забуду, сказал он. Главное, я не чувствую, что делаю ошибку. Надеюсь, встретимся еще когда-нибудь, Отъезд НМ для меня некоторая потеря, хотя виделись мы очень редко. Познакомились мы лет двадцать назад. НМ тогда только что вышел из заключения. Просидел десять лет за стихи. Познакомил нас КК, мой хороший друг, очень симпатичный человек, сейчас известный специалист по эстетике. НМ читал стихи, написанные в лагере. Начиналось время, когда философы переставали ссылаться на Хозяина. Перед встречей я был на Ученом совете, на котором обсуждалась докторская диссертация с критикой Хозяина. Я тогда выступил и сказал, что мертвого льва может лягнуть даже осел, что автор диссертации при жизни Хозяина ползал перед ним в прахе и лизал следы его сапог. Один мой старый знакомый сказал мне по этому поводу, что я недобитый культист. Этот знакомый знал, что я еще в юности выступал против Хозяина. Этот знакомый во время войны служил в заградотряде, а студентом громил космополитов, менделистов и вообще всех, кого положено было громить. Теперь он становился таким прогрессивным и левым, что мне с моим чуть ли не прирожденным антикультизмом делать уже было нечего. Он был одним из многих. Стихи НМ теряли смысл. ЭН тогда уже сделал решительные и необратимые шаги в направлении к теперешнему большому художнику. Я дружил с ним уже несколько лет и был абсолютно уверен в том, что он состоится. В той ситуации, которая складывалась тогда во всех социально значимых сферах нашей жизни, четко обозначились два лагеря. Один лагерь составляли мракобесы и реакционеры. К этому лагерю себя не причислял никто. Другой лагерь составляли все те, кто был против мракобесов и реакционеров и стремился к демократии, либерализму, прогрессу. К этому лагерю причисляли себя все остальные. Они делились на молодых и старых. Молодые про себя считали старых мракобесами, а старые про себя считали молодых смутьянами, подверженными влиянию Запада. Вслух старались выражаться несколько иначе. Началась обыденная борьба за должности, премии, оклады, степени, звания, заграничные командировки и прочие блага. И были еще единицы, которые с самого начала понимали: надо уйти от всего этого в сторону, заняться своим делом, требующим труда, времени и способностей, и через это свое частное дело выходить в какой-то иной разрез бытия. ЭН был одним из них. Не знаю, было у него это продуманным актом или интуицией незаурядного человека. Я склоняюсь к последнему, ибо ясность в понимании социальной ситуации пришла позднее. Но факт остается фактом. Если начинается паническая сутолока, надо уходить в сторону и искать свою дорогу, которая не заведет в тупик. ЭН это и сделал. Здесь не было продуманного расчета. Все получилось само собой. Его просто вытолкнули в оригинальность. Что здесь

было решающим? Может быть ощущение огромной жизненной силы и почти болезненная жажда труда. Известный художник Г, с которым я тогда также был хорошо знаком, неоднократно говорил, что ЭН ухитрился, устроился, урвал. Я готов с этим согласиться. ЭН действительно ухитрился в том же смысле, в каком Шаляпин ухитрился петь басом, а Бетховен сочинять необычную по тем временам музыку. КК пошел вместе со всеми, среди молодых, но поближе к старым. И потому все эти двадцать лет он чувствовал себя крайне неуверенно. НМ как-то оказался ни при чем. Я позвонил КК. НМ уезжает, говорю. Надо попрощаться Я болен, ответил он. Ехать не надо, говорю я. Там сейчас суматоха, не до нас. Позвони. КК не позвонил. Мне искренне жаль его. И вообще грустно. От юности не остается почти никакого следа.

ЮНОСТЬ

Мокрый снег с дождем. Начало ноября. В траншее штрафного батальона по колена грязь. И никакого спасения от пронизывающего насквозь мокрого ледяного ветра. Нельзя лечь. Нельзя сесть. И даже есть уже не хочется. Состояние окаменелости. И ожидания неизбежности. И больше ничего. Никакой мысли. Никаких воспоминаний. Никаких желаний.

Люби меня, детка пока я на воле.

Пока я на воле, я твой,

уныло скулит Паникер.

Судьба нас разлучит, не свидимся боле.

Тобой завладеет другой.

Заткнись, кричит Лейтенант. Давай что-нибудь повеселее.

Нашел тебя я босую, беззубу, безволосую

И целый день в порядок приводил,

нехотя затянул Паникер. Взвод очнулся и скорее по привычке, чем от избытка оптимизма подхватил:

А ты мне изменила,

Другого полюбила.

Зачем же ты мне шарики крутила.

Ха-ха!

Отставить балаган, кричит Старшина. Выходи строиться! Плохо, ой как плохо в траншее. Но там, наверху, еще хуже. Тут хоть есть стены. Там нет стен. Шевелись, кричит Старшина. За каким... они нас вытащили, говорит Паникер. Не видишь, говорит Уклонист, указывая на Академика. Лекцию читать будут. Пошли они к... матери со своей лекцией, говорит Жлоб. Отставить разговорчики, кричит Старшина. Станови-и-и-и-и-сь!!

АБСУРД

Мокрый снег с дождем. Пьяные парни требуют прикурить и мешают идти прямо и непрерывно. Пытаюсь придумать что-нибудь для ЭН. Выдумывать правду -- тяжелый труд. А видимая жизнь непригодна для фразы. Все бесформенно до исчезновения. Все прямолинейно и угловато до тошноты. Ухватишься за что-то вроде бы важное и надежное -- видишь, что это пустяк или нечто, не имеющее даже названия. И нескончаемая слякоть слов, которыми нечего называть в реальности. Рисунки ЭН воспринимаются как злободневный памфлет. Потрепанный

интеллигент с модной бородкой и грошовым жалованьем, выслушивающий нотацию уборщицы в общественной уборной... уборщицы с интеллектом государственного деятеля... и титанические фигуры в работах ЭН... какая тут связь? Абсурд!
Да, абсурд. Но абсурд реальности, а не вымысла. Ведь потянуло же НК именно к ЭН, а не в иное место. Когда мои знакомые просят меня рассказать, что изображено на рисунках ЭН, я теряюсь и несу какую-то чепуху. О музыке, которую надо учиться слушать, и о пиве, к которому надо привыкать. Ссылка на музыку остается незамеченной. Ссылка на пиво убеждает. Когда сам ЭН начинает пояснять свои работы посетителям мастерской, я ухожу, чтобы не видеть физиономий слушателей.

НАШИ ДРУЗЬЯ

Вот смотри, говорит ЭН, две монографии. Выпустили их официальные издательства. По идее они меня не должны на пушечный выстрел подпускать. А в обеих монографиях приводятся мои работы. КК и ММ -- наши друзья. По идее они должны помогать мне всеми доступными средствами. А на деле? КК принимает меры к тому, чтобы в его журнале, упаси бог, не напечатали что-нибудь обо мне. Наше здание официально признано лучшим с точки зрения сочетания архитектуры и скульптуры. Его даже на премию выдвинули. Правда, без меня. А КК на полжурнала дает материал о второстепенном здании такого же рода в Т. Полгода ММ уговаривал меня написать статью в его журнал. Я бросил дела, написал. И что? Прошло два года. Про статью думать забыли. Рукопись, и то потеряли. Что происходит? БП, забежавший на минуту занять у ЭН полсотни, делает туманные намеки насчет установок. Это вздор, говорю я. Установки -- результат, а не причина. Даже хозяйские установки были лишь оформлением и завершением чаяний широких народных масс, а не вымыслами злодея. Что происходит? Ничего особенного. Идет до ужаса нормальная жизнь, и наши друзья поступают как обычные нормальные люди. Они защищаются от последствий твоего существования, и только. В отношении к тебе реализуется настолько четко выраженный социальный штамп, что происходящее кажется совершенно неправдоподобным. Мы привыкли к тому, что социальные законы прокладывают себе дорогу через множество случайностей как более или менее заметные тенденции. А тут никаких тенденций и случайностей, прямо в лоб. Это-то и вызывает недоумение. На эту тему мы разговариваем не первый раз. И я говорю не для того, чтобы просветить ЭН, а для того, чтобы самому высказаться и очистить душу. Конечно, КК мог напечатать материал об ЭН, а ММ мог напечатать его статью. Они обязаны были это сделать хотя бы как личные друзья, не говоря уже о принадлежности их к некоей духовной общности, к которой они причисляют и ЭН, т.е. и как духовные собратья. Они могли это сделать и как должностные лица без всякого служебного риска для себя. Но не сделали. Не сделали по доброй воле, а не по принуждению. Не хотели сделать, хотя для внешнего оправдания предполагаются некие происки реакционеров и запреты высших властей. Запреты, повторяю, бывают. Но высшие инстанции в таких случаях обычно санкционируют лишь желание коллег и друзей помешать человеку стать более значительной личностью, чем это допускается соображениями их социального спокойствия. Именно коллеги и друзья есть самая высшая инстанция для творческой личности. Они суть реальная их цензура и предержащая власть. Почему наши друзья не захотели сделать для ЭН ничего

такого, что способствовало бы укреплению его социальной позиций? Потому что, на самом деле, ситуация не такова, будто они вместе с ЭН противостоят как светлые силы неким темным силам, а такова, что они противостоят ему в качестве полномочных представителей этих темных сил. ЭН послужил невольным индикатором этого их фактического социального статуса. Понять это у них ума хватило. Не хватило мужества признать истинное положение вещей. К тому же ЭН своими масштабами катастрофически сократил и без того не очень-то большие размеры их как общественно значимых личностей. Я говорю о КК и ММ как о типичных представителях целой общественной прослойки. Поэтому ЭН стал как бы личным врагом целой группы людей, работающих в самых различных областях культуры. Если бы было возможно, они изъяли бы его из своего прошлого. Но они не в силах это сделать. В свое время проглядели. А бессилие вызывает злобу. Реакционерам (темным силам) ЭН не помеха. Они с ним соотносятся совсем в ином плане, не имеющем отношения к творчеству как таковому. В случае надобности они могут даже защитить его от светлых сил. Они не пустят его очень далеко, задержат на грани полупризнания и полузажима. Причем сделают это руками друзей и коллег. Наши друзья -- типичные представители той прослойки нашего общества, в которой должен жить и работать ЭН. Эта прослойка не имеет устойчивого названия, что соответствует ее реальной неустойчивости и бесформенности. В нее на то или иное время попадают деятели науки и искусства, поставленные в своей служебной среде в привилегированное или исключительное положение в следующем смысле: более высокая образованность, известность и успех, возможность безнаказанно высказываться по острым проблемам и событиям, знакомство и причастность к западному образу жизни и западной культуре, связи с культурными организациями и возможность активно функционировать в них, причастность к высшим властям. 8 некотором роде это -- наша интеллектуальная элита. По многим параметрам положение этой прослойки двойственно, В своей узкопрофессиональной и служебной сфере они -- явление исключительное. Сопоставляя себя с прочими лицами этой сферы, они создают о себе представление как о выдающихся личностях (мания гениальности, скажем так). Но в обществе в целом они суть элементы массового явления в ином разрезе этого общества. Их исключительность с этой точки зрения есть лишь результат разделения труда. Она оказывается иллюзорной. В качестве представителей массы людей такого рода они, как правило, обычны и заурядны. Отсюда комплекс неполноценности и стремление обрести более прочные социальные основания. Представители этой прослойки стремятся иметь все мыслимые в наших условиях блага -- бытовой комфорт, степени, звания, чины, ордена, премии, заграничные поездки, высокие оклады и гонорары и прочее. Вместе с тем они хотят выглядеть несправедливо обиженными, обойденными, затираемыми. Они и чувствуют себя таковыми, ибо перед их глазами постоянно маячат менее образованные и менее способные сослуживцы, достигшие более высокого социального положения и значительно больших материальных благ. Один мой знакомый, который недавно вернулся из США и которого почему-то не выпустили в Англию, как-то при встрече в течение часа поносил наши порядки в таком стиле, что я почувствовал себя отсталым консерватором. В Англию он все же через некоторое время поехал. Они стремятся быть вполне благонадежными в глазах начальства. Они способны делать все, что нужно для начальства, и делать лучше, чем их предшественники-реакционеры. Но при этом они хотят выглядеть оппозиционерами и даже гонимыми. Они даже свою способность делать

пакости лучше реакционеров преподносят как признак прогрессивности и гражданского мужества. Здесь имеет место двойственность не в смысле наличия в них двух равносильных начал, а в смысле несоответствия формы мимикрии ее социальной сущности. По сути они обычные стяжатели, карьеристы, осведомители, исполнители. По форме они бескорыстные несправедливо обиженные искатели истины, справедливости и красоты. Для начальства они не секрет. Они секрет лишь для самих себя. Для таких людей появление по-настоящему значительных личностей вроде ЭН весьма нежелательно, ибо последние отбирают у них все атрибуты творчества и оставляют им только их социальную функцию.

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Моя жизнь проходит в основном в мастерской, говорит Мазила. Читать нечего. По телевизору одну скуку гонят. Или хоккей. Или речи. Пошли как-то в кино, так потом два дня плевались. С коллегами говорить не о чем. Если исключить чисто деловые общения и посетителей (это работа), то уже много лет я регулярно общаюсь лишь с двумя-тремя людьми. Разговоры с ними составляют почти всю мою духовную жизнь. А другой светской жизни просто нет. Тебе повезло, говорит Неврастеник. К тебе люди ходят.

ДЕТИ

Дети -- это, братцы, сопли,
Диспепсия, коклюш, вопли.
Ночь без сна. В тревоге дни.
Неприятности одни.
(Из "Баллады")

Жлоб вынул из рванья, отдаленно напоминающего портмоне, маленькую фотографию маленькой девочки и показал Интеллигенту. Гляди, сказал он, правда, хороша? Фотография пошла по рукам. У нас в семье, сказал Пораженец, было одиннадцать детей. Жили впроголодь. В грязи. В рванье. Вы бы посмотрели, в чем я ушел в армию! А здорово жили! Весело. Я был единственным ребенком в семье, говорит Уклонист. Было значительно труднее, конечно, чем Пораженцу. Чистая комната. Регулярная жратва. Какие котлетки делала мама! Но все же было неплохо. У меня нет детей, говорит Интеллигент. И не будет. Я ни о чем не жалею. Я даже горжусь чуть-чуть тем, что помочился в сапог этому подонку Старшине. Хотя бы одну социальную акцию совершил в жизни! Многие ли могут похвастаться даже этим? Единственное, о чем я сейчас жалею, нет у меня сына. Лучше, дочки! Лучше, сына и дочки! В детях все-таки есть что то и положительное. Мой отец говорил, что дети в наше время -- единственное стоящее дело. Дети -- единственное, что без всяких условий привязывает человека к роду человеческому. Дети -- вечная и абсолютная основа нравственности. Относись к каждому человеку как к ребенку -- вот вам вся премудрость жития. Остальное обман. Я не понимал отца. И сейчас не понимаю. Но хотел бы понять и думать так же. А я, сказал Паникер, смотрю на это дело иначе. Помните, нас гоняли разгружать вагоны? Так пока вы там топтались, я успел разыскать какую-то девчонку, жениться и заделать ребенка. Так что если меня шлепнут, то я избавлюсь от верных алиментов. Хоть какая-то выгода будет.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эту историю мне рассказал очевидец. Как-то в либеральные времена собрались деятели культуры. Преобладали молодые и талантливые. Обсуждались всяческие проблемы, в том числе -- отношения академиков и молодых. Уговорили выступить ЭН. Тот нарисовал огромный зад и сказал следующее. Крепко взявшись за руки вокруг этой жопы стоят академики и лижут ее. За это она дает им деньги, чины, машины, ордена, дачи. Сзади напирает огромная толпа молодых. Академики кричат, что молодые рвутся кусать ее, и бьют молодых ногами. Бедная, бедная жопа! Она не знает того, что молодые не собираются ее кусать. Они рвутся ее лизать. Но лизать более квалифицированно и за меньшую плату. Коллеги со временем забыли этот блестящий социологический анализ ситуации, хотя обиделись на ЭН очень сильно. Но они никогда не забудут и не простят ему того, что он делает в своей мастерской. Один художник, посмотрев последний альбом ЭН, именно так и сказал. Чего же ты хочешь? Делать такие потрясающие вещи и рассчитывать на благожелательство! Нет, тебе этого они не простят! Кто "они"? Огромная армия художников и вообще лиц, причастных к искусству. Этот художник подвел случай ЭН под общий социальный закон.

НЕВЫЕЗДНЫЕ ЛИЦА

Мы с женой собирались поехать в Б по частному приглашению, говорит Неврастеник. Но нам даже в этом отказали. Чуть свет поехал в соответствующее учреждение, которое наш общий знакомый Сотрудник в шутку окрестил Отделом отказов в визе и неразрешений на выезд, и записался на прием к начальнику узнать, почему отказали. Проторчал полдня только для того, чтобы узнать, что причину отказа мне сообщить не могут. Причем, в течение года нас никуда не выпустят. Нас, конечно, не выпустят и потом, но -- по всей вероятности. А этот год -- наверняка. Я был уверен в том, что нас не выпустят. Я к этому давно привык. Моя жена даже карту мира завела, на которой черными крестиками отмечает места, в которые я приглашался, но не был выпущен. Карту она назвала картой международных несвязей. Я, сказал Мазила" получил приглашение в Ж. Собирать документы -- дело хлопотное. Может, не стоит, все равно не пустят. Конечно, не пустят, сказал Неврастеник, но документы все равно оформляй. Это действие. И отказ -- действие. Даром это им не пройдет все равно. Странно, говорит Мазила, все наши друзья регулярно выезжают за границу. И ни у кого это не вызывает особых эмоций. А когда я прошлый раз получил отказ и возмутился этим, знаешь, какая была реакция? Ишь, мол, чего захотел! За границу ему, видите ли, надо! А ведь мне-то как раз и надо. У меня же профессия такая! Я тут встретил одного старого знакомого, сказал Неврастеник. Ты бы посмотрел, как он хохотал, когда я ему рассказал о том, что нас не выпустили в Б. Вы, говорит, тут зажрались (это мы-то зажрались!). Я, говорит, из одной дыры в другую три года не могу перебраться, а вы тут про Париж, Рим, Лондон толкуете. Представь себе, если бы мы съездили в Б, он воспринял бы это как должное.

В чем дело? Очень просто, сказал Болтун. Если ты съездил, ты имеешь на то социальную привилегию. Это норма. Ты тем самым рангом выше его, Если тебя не пустили, ты в том же социальном ранге, что и он. А раз ты хочешь поехать,

ты хочешь выделиться из его среды, т.е. сделать что-то нечестное и с его точки зрения.

СЕКРЕТЫ

Сегодня у нас очень важное собрание, сказал Неврастеник. Принимается решение. Приедет сам Помощник. Ого, сказал Журналист. Хотел бы я посмотреть, как это у вас все делается. Пойдемте, сказал Неврастеник. Но для этого надо разрешение, сказал Журналист. Не надо, сказал Неврастеник. На Вас никто не обратит внимания. А если Помощник узнает, что в зале иностранец, он расскажет даже то, что рассказывать ему не положено. У нас любят иностранцев и не любят держать в секрете наши секреты. Наши секреты предназначены для широкого распространения. Чем секретнее секрет, тем быстрее и шире он распространяется. Тут как-то приехал в отпуск мой старый приятель. Пошли в ресторан. После первой же рюмки он на весь ресторан стал рассказывать мне про расположение секретных ракетных площадок и новые типы ракет. Рядом с нами сидел иностранный шпион и зашифровывал донесение о наших ракетных площадках. Сведения о них он получил от фарцовщиков за бешеные деньги. Представляете, что это за сведения! Так он вызвал администратора ресторана и попросил, чтобы моему приятелю глотку заткнули, ибо он мешает ему сосредоточиться.

МЫ

Вот, видишь, сказал ЭН, я рисую. Какое влияние на это оказывает то, что кого-то куда-то не пустили и кто-то куда-то уехал? Никакого. Я работаю спонтанно, независимо от потока текущих событий. Пусть так, говорю я. Допустим, что ты свалился к нам из космоса, и все сделанное тобой не имеет никакой связи с нашей земной жизнью. Ну и что? Я же думаю о будущем: будет такая связь или нет? С кем? Насколько прочная? Что будет значить твое творчество в сознании тех, кто сделает тебя выразителем своей личности? И хочешь ты или нет, это "МЫ" придадим строго определенный смысл твоим работам. С годами нас будет больше. В конце концов, Мы тебя канонизируем. Такова участь всех больших художников, произведения которых имеют общественный резонанс. Так что смысл твоих работ лежит не в них самих, а в тех устойчивых и повторяющихся социальных феноменах, которые рождают определенный социальный тип людей или отдельные черты характера людей. Люди по отношению к социальным законам разделяются на два неравных множества. К одному из них принадлежит подавляющее большинство человечества. Представители этого множества совершают поступки обычно в полном соответствии с социальными законами, т.е. с исторически выработанными правилами социального поведения. К другому множеству принадлежит ничтожное меньшинство людей, совершающих жизненно важные поступки вопреки социальным законам. Очень немногие из них могут это делать систематически. И буквально единицы из них находят в себе силы выстоять в титанической борьбе с обществом. И только благодаря этому им иногда удается сделать великое дело на благо того самого общества, которое стремилось их уничтожить или низвести до уровня нормального социального типа. Это множество людей можно назвать противосоциальным. Принадлежность человека к этому множеству не связана с

тем, выступает человек за данный политический строй или против него, разделяет данную идеологию или нет и т.д. ЭН -- экземпляр людей такого типа. У него к тем обстоятельствам индивидуальной судьбы, которые вытолкнули его в число противосоциальных людей, присоединились особенности работы художника такого типа в наших условиях, превращающие борьбу художника за свою творческую индивидуальность в будничное занятие. Потому мне просто комичной показалась беседа ЭН с одним известным западным писателем. Последний несколько часов подряд, ссылаясь на факты из истории культуры, современные философские концепции и данные науки, уговаривал ЭН бороться за творческую индивидуальность. Надо было видеть выражение лица ЭН в это время! Впоследствии он рассказывал. Человек сидит в лагере уже лет десять. Он отвык от женщин и удовлетворяет свои потребности с мужчинами. В лагерь приезжает представитель всемирного общества гомосексуалистов и начинает убеждать его в том, что с точки зрения новейших достижений культуры, науки, философии и т.д. высшей формой сексуальных отношений для мужчины является сожительство с другим мужчиной. Знаешь, я битый час не мог взять в толк, что он мне говорит. А когда допер... Представляю, какая у меня стала идиотская физиономия!

РЕШЕНИЕ

Зал был набит сверх всякой меры. Участники совещания сидели по двое-трое на одном стуле, стояли на подоконниках, висели на люстрах с квазихрустальными подвесками, торчали из-за портретов, на которых были изображены трудно различимые красавцы Заведующие и Заместители с необычайно умными и честными, но на все готовыми физиономиями. Дышать было нечем. Выручала десятилетиями отработанная на бесчисленных собраниях привычка дышать сероводородом и демагогией. Журналист сразу же впал в состояние клинической смерти. У них кишка тонка, сказал Троглодит, кивнув с усмешкой на Журналиста. Тонка, сказал Претендент. И они пожали друг другу руки. Помощнику пришлось пробираться в президиум по головам. Поскользнувшись о чью-то лысину (по одним слухам -- о лысину Мыслителя, по другим -- о зад Претендента), он вывихнул шею, вследствие чего был вынужден зачитывать доклад, стоя к аудитории одновременно задом и передом. Собравшиеся поняли это как указание и сделали то же самое. Шансы Претендента из-за этого опять снизились. После доклада и прений, в которых заранее назначенные и предварительно проверенные и перепроверенные участники совещания выступили с заранее проверенными и перепроверенными восторженными речами, приняли резолюцию. В постановляющую часть резолюции в раздел конкретных предложений включили пункт: с целью дальнейшего повышения уровня взять укрепленный пункт Н. Троглодит заметил было, что силенок маловато. Но Претендент его тут же уличил. А штрафники на что, торжествующе сказал он и уехал в командировку в Италию. Шансы Претендента сразу повысились. Предложение взять штурмом Н было принято единогласно, затем его включили в Генеральный План. Младшие и старшие сотрудники включили эту тему в свои индивидуальные планы. На Дирекции запланировали отчет о ходе выполнения плана по взятию Н и привлечение внеинститутских авторов. И не взять Н стало уже никак нельзя. Но почему все-таки они решили взять именно Н, а не Д, спросил Журналист. А какое это имеет значение, сказал Неврастеник. Вы думаете, Д лучше? Пусть

себе штурмуют что угодно. Лишь бы нас не трогали.

ОТКАЗ

Отказали, говорит Мазила. И не объяснили, почему. В чем дело? Не ломай голову, говорит Болтун. Причин можно навыдумывать сколько угодно. Но все это будет ошибочно. Смотри на свой случай не как на исключительный, а как на обычный, и не ошибешься. Поездка за границу у нас -- не норма человеческого общения двадцатого века, а привилегия, которой удостаиваются лишь лица определенной категории. Это общеизвестно. Ты к этой категории не принадлежишь. Причины отказа не объясняют потому, что у них нет никаких правовых и моральных аргументов. Это тоже общеизвестно. Исключительность твоего случая состоит лишь в том, что он будет иметь мировой резонанс.

ИНТЕРВЬЮ

О том. что Мазиле отказали, скоро стало широко известно. Мастерскую заполнили иностранные журналисты. Пришлось давать интервью. Мазила в основном говорил о своих творческих замыслах. По поводу отказа он сказал, что причину отказа ему не объяснили. Почему? Очевидно, она не имеет разумного оправдания. А заодно решается еще одна проблема. Раз человеку отказано, и ему не объяснили почему, его охватывает тревога. Он должен сам придумать причину, беря на себя вымышленную вину. Отказывающая инстанция, освобожденная от функции объяснения, приобретает атрибут великой тайны и тем самым присваивает себе функции провидения. И человек трепещет. Эта мысль произвела на журналистов сильное впечатление. Неврастеник, услышавший на другой день интервью Мазилы по иностранному радио, сказал, что ОНИ ему этого не простят. А что ОНИ могут сделать, сказал Посетитель. Судя Мазилу,) ни сами предстают перед судом истории.

ЖРАТВА

Только завтрак навернем,
Как уже обеда ждем.
Проглотив обед, мы тут же
Ждем, когда наступит ужин.
Остальное -- дребедень!
Так за днем проходит день.
(Из "Баллады")
Наши штатные дешевки
Чуть чего -- бегут в столовку.
(Из "Баллады")

Обед пропал. Прижавшись друг к другу, штрафники тряслись от озноба. Не спалось. Не бодрствовалось. Легко сказать, дешевки, говорит Уклонист. А кто из нас через это не прошел! Кто из нас сейчас не накинулся бы на любые объедки, лишь в них были калории! Был у меня такой случай, говорит Мерин. Был я дневальным по конюшне. В последнюю смену. Надо смену сдавать, а какая-то сволочь оголовье сперла. Сменщик не принимает. Пришлось ждать, забираться в соседний эскадрон и воровать недостающее оголовье. Все так

делали. В полку вообще не один десяток оголовьев пропал, а. до бумагам и отчетам -- все на месте. Сдаст один смену -- у него потом сопрут. Потом -- у этого. И так до тех пор, пока все не отчитаются. Так вот, сдал я смену. На ужин, конечно, опоздал. Пришел в столовую -- и что вы думаете! Осталось штук тридцать мисок шрапнели. Каждая миска -- на четверых. У меня аж голова закружилась. Тут пришел еще один опоздавший со смены. И мы с ним принялись за дело. Хотите верьте, хотите нет. Восемь мисок я навернул запросто. И еще наверно срубал бы. Да случайно взглянул на соседа. Тот слопал мисок пятнадцать. Гляжу -- глаза у него закатились, каша прет даже из ушей. И он как-то странно стал сползать со стула. Я в ужасе хочу встать, и не могу. Каша распирает. Расстегнул все пуговицы. С трудом выбрался на улицу и, как в бреду, поплелся в казарму. Отлежался. А парень тот умер. Это что, говорит Паникер. Мы в первоначалке втроем однажды съели второй завтрак на целое звено. Приехал Особняк. Поклялся, что легко узнает, кто съел. Воры объелись, и обед съесть не смогут. Пришлось обед рубать, как ни в чем не бывало. Особняк был потрясен. Умолял признаться, обещал не наказывать. Ему хотелось посмотреть на таких выдающихся обжор. А мы кто? Мы обыкновенные рядовые голодающие. Конечно, не признались. У нас, говорит Пораженец, штурман эскадрильи козу завел. Симпатичная скотина была. Везде за нами бегала. Как-то пошли мы в самоволку. И она за нами увязалась. Отгоняли-отгоняли назад, не уходит. Тут-то и пришла в голову идея. Это был первый и, кажется, последний раз в моей жизни, когда я от пуза ел свежее жареное мясо. У нас, говорит Уклонист, на втором аэродроме под боком был фруктовый сад винкомбината. Мы там, конечно, паслись потихоньку. Начальство комбината сдуру обратилось к нашему начальству с просьбой помочь охранять сад. Наше начальство, имевшее кое-что от начальства комбината, согласилось, и нас стали посылать патрулировать сад. Что после этого началось! За неделю обглодали даже кору на деревьях. Начальство комбината взмолилось убрать патрули. А это не так-то просто. Пока дело ходило в округ и обратно, кончился сезон, и мы сами перестали ходить в сад, хотя нас чуть не до нового года еще назначали. Вот поднабрались витаминчиков! На всю жизнь хватит! Пришел связной. Сержант, Интеллигент, Мерин, Убийца, сказал он. К комбату. Пойдете за языком, сказал Комбат. Без языка не возвращаться!

О СВЕТСКОМ ЛИЦЕМЕРИИ

В свое время, говорит Мазила, я выиграл конкурс в Ю у крупных западных художников. Случай беспрецедентный. И что же? Приехал домой. Привез кучу отзывов. Сдал в Союз. Хочу отчитаться о поездке. Но никто слушать не хочет. А ведь отчитываться положено. И принято. У нас любой, съездивший просто так куда-нибудь, потом в десяти местах выступает. В газетах, разумеется, ни строчки. А выиграй этот конкурс кто другой, раззвонили бы на весь Ибанск. Ладно, бог с ними. Пусть это нормально. Но друзья и знакомые! Представьте, никто меня даже не поздравил. Не знали? Все прекрасно знали. И молчали. Как будто ничего не произошло. Или в лучшем случае издавали подленький смешок. Мол, в Ю, смешно, какой пустяк! В это же время БА съездил в П. Никакого конкурса не выиграл. Просто принял участие. И сделал хреновину. Так после этого у нас только и разговоров было о том, что БА сделал эту хреновину. Ко всему прочему, говорит Неврастеник, тут сказывается непроходимый

провинциализм. Невоспитанность. Отсутствие светскости. Я все более укрепляюсь в мысли, что критическая литература недавнего прошлого, разоблачавшая лицемерие светского общества, сделала с этой точки зрения довольно гнусное дело. Она сочинялась по такому банальному принципу. Мол, человек в обществе ведет себя по отношению к другим людям прилично (улыбается; говорит, что рад видеть; поздравляет с удачей; сочувствует неудаче и т.п.), а про себя думает иначе (презирает этого человека, завидует ему, рад его неудаче, огорчен его удачей и т.п.). И в этом усматривалось лицемерие. Считалось, что дурные сами по себе люди в обществе притворяются хорошими. Но это не только и не всегда есть лицемерие. Это есть также результат воспитанности, которая есть одно из средств социальной самозащиты людей от самих себя. Способность людей держать себя в каких-то рамках, без чего невозможно нормальное общение. Без такой воспитанности жизнь превращается в кошмар. Без нее с людьми просто встречаться нельзя. О человеке нельзя говорить, будто есть некий скрытый истинный человек, который кем-то прикидывается в той или иной ситуации. В характеристику человека входит и то, что он есть дома, и то, что он есть на работе, и то, что он есть в обществе знакомых и друзей, и то, что он думает, и то, что он говорит. Только тут мало сказать, что отсутствует светская воспитанность, говорит Болтун. Тут следует сказать, что присутствует антисветская воспитанность. Игнорировать и принижать значительное и превозносить заурядное -- это тип воспитанности, а не пустое место. Лицемерие за счет отрицания лицемерия есть лицемерие в квадрате,

ЯЗЫК

Идея рассматривать творчество ЭН как изобретение особого языка в наше время, рехнувшееся на моделях, формализации, системах, структурах и т.п., не удивительна. И совершенно бессодержательна, пока мы точно не установим, что значит рассматривать то или иное явление как язык. Когда я об этой идее сказал Неврастенику, то тот заявил, что он давно так думал. Только он, как выяснилось, языком называл даже чириканье воробьев, кошачьи концерты и собачьи свадьбы. Если какое-то образование рассматривается как язык, то приходится употреблять понятия "знак", "значение", "смысл", "алфавит" и т.п. Фотография предмета не есть знак этого предмета. Аналогично -- натуралистический рисунок. Знак не изображает, а обозначает. Отсутствие сходства знака с оригиналом или по крайней мере преднамеренное несходство есть условие, необходимое для того, чтобы некоторый предмет стал знаком. По виду слова, например, нельзя судить о том, как выглядит обозначаемый им предмет. Значение знака считается известным, если известно, что именно он обозначает. Превращение предмета в знак предполагает волевое решение людей. Смысл знака считается известным, если известно значение всех фигурирующих в нем простых знаков и известны правила композиции простых знаков в сложные. Эти правила композиции сами не являются знаками, они имеют основу в активной творческой природе человека. Значение сложных знаков устанавливается путем установления их смысла, т.е. предполагает какие-то языковые компоненты, не являющиеся знаками. Говоря об алфавите языка, надо различать языковые средства, которые сами знаками не являются, но из которых строятся знаки и простейшие языковые единицы, к которым применимы понятия значения и смысла,

-- смысловые единицы языка. Различие их отчетливо видно в различии азбуки и коренных слов обычных языков. Из сказанного должно быть ясно, что понятие смысла применимо не ко всякому произведению искусства. Например, нелепо говорить о смысле натуралистического портрета коровы или государственного деятеля, если даже он написан таким художником, как Художник. Нелепо говорить о смысле бесчисленного множества скульптур (на лошадях и пеших), украшающих площади Ибанска. Понятие смысла уместно здесь лишь тогда, когда произведение искусства приобретает некоторые свойства знаковости. Непохожесть того, что художник лепит или рисует, на какие-то реальные вещи (в том числе трансформация последних) является необходимым условием уместности разговоров о смысле произведения искусства. Одно из средств создания произведений искусств с признаками знаков -- деформация и трансформация реальных вещей, например, элементов человеческого тела. При этом образуются сложные явления, которые лишь отчасти суть знаки. В них, с одной стороны, улавливается некоторое сходство с реальными вещами, т.е. сохраняется элемент изобразительности. А с другой стороны, они трансформируются так, что сходство в натуралистическом смысле разрушается. Комбинирование такого рода знаков позволяет образовывать знаковые конструкции, в целом не имеющие уже никакого реального аналога. В этих комбинациях окончательно исчезает элемент изобразительности, допускаемый в их отдельных элементах. Любопытно, что включение в такие комбинации вполне натуралистических элементов может быть сделано так, что они оказываются еще более далекими от реальности, чем самые невероятные трансформации реальных вещей. ЭН не изобрел никакой особой азбуки в изобразительном искусстве. Он изобрел другое. Он разработал целую систему особого рода смысловых единиц и правил их композиции в сложные образования -- в особые смысловые фразы и тексты. Можно составить конечные списки смысловых единиц и правил их композиции. Работа эта трудная. Но со временем искусствоведы это сделают с исчерпывающей точностью. Смысловые единицы ЭН имеют видимую сторону и невидимый в них самих смысл. Как видимые явления это суть фрагменты рисунков, гравюр и скульптур. Они могут быть даже самостоятельными произведениями. Как имеющие смысл явления они суть знаки для обычных человеческих страстей, желаний, переживаний, -- для возмущения, разочарования, гнева, надежды, восторга, прозрения, отупения и т.п. Причем эти значения не являются раз навсегда заданными. Они подвержены варьированию и изменениям. Они зависят от той или иной их комбинации, от субъективных состояний и особенностей зрителей и многих других параметров.

ЯЗЫК

Брать языка -- целая наука, говорит Убийца. Язык, например, должен быть самым информированным человеком в армии противника. Потому желательно взять начальника генерального штаба. И притом он должен быть таким, чтобы на его пропажу никто не обратил внимания. Потому желательно взять какого-нибудь сачка из хозвзвода. Как это совместить в одном лице? Очень просто: хватай первого подвернувшегося под руку. По этому принципу мы и действовали под К, говорит Сержант. Перешли линию фронта. Ночь темная, глаз выколи. Наткнулись на какого-то человека. Схватили. Кляп в рот. Сунули в мешок. И айда обратно. Одного своего потеряли где-то. Пришли в часть. Сняли мешок. И что же?

Оказывается, свой парень. Из соседней дивизии. Тоже в разведку ходили. А они нашего тяпнули! Представляете, как их допрашивали!! Зачем им язык, говорит Мерин. И так же все ясно. Тут же все на виду. Попросили бы -- я бы им за пять минут нарисовал, что и где. Кто ты такой, говорит Убийца. Тебе верить нельзя. Нельзя, говорит Мерин, так зачем же в разведку посылают. Это другое дело, говорит Убийца. Твое дело -- взять языка. Верить будут языку, а не тебе. Почему, говорит Мерин. Потому, что он враг, говорит Убийца. Им без языка нельзя, говорит Сержант. Положено брать языка. С них спросят. Сержант мудр, говорит Интеллигент. Они играют по своим правилам. Играют за наш счет, говорит Мерин. Играют всегда за чужой счет, говорит Интеллигент. Вот что, братцы, говорит Сержант. Выхода у нас нет. Так что этого идиотского языка надо взять во что бы то ни стало. Авось кто-нибудь из нас и уцелеет.

ОСНОВЫ ОПТИМИЗМА

Вы слишком мрачно смотрите на жизнь, говорит Журналист. Правительства всегда и везде проводят политику кнута и пряника. Кнут вы получили. Теперь ждите пряник. Вы правы, говорит Неврастеник. Но Вы не учитываете одну нашу особенность. Вы предполагаете, что кнут и пряник достаются в одинаковой мере одним и тем же лицам. Но мы -- вымышленные персонажи в вымышленной стране. У нас бьют одних, а пряник дают другим. Причем, когда дают пряник, первых опять бьют. Вы о нас, ибанцах, думаете так, будто мы все находимся в одинаковом положении и не вступаем между собою в свои внутриибанские отношения. А между тем почти все, с кем Вам приходится иметь дело и кто Вам жалуется на свою горькую судьбу, принадлежат именно к тем кругам, кто имеет пряники и держит кнут в своих руках.

ПОДЛИННОЕ ИСКУССТВО

А где критерии настоящего и ненастоящего искусства, спрашивает Ученый. Лично для меня тут проблемы нет, говорит Неврастеник. Вот, например, я зашел в мастерскую к Художнику. Смотрю и чувствую, что в принципе такое я научиться делать могу. Значит это -- барахло. Теперь я в мастерской Мазилы. Смотрю и чувствую, что если я буду учиться даже сто лет, я никогда не смогу сделать такое. Аналогично в поэзии. Вот, пожалуйста, стихи Литератора в сегодняшней газете. Я такое могу сочинять километрами. Значит это дерьмо. Я всего Литератора мог бы придумать за полгода. А вот стихи О -- никогда. Вы слишком высокого мнения о своих способностях, говорит Ученый. Наоборот, говорит Неврастеник. Я бездарен. Ну, хорошо, говорит Ученый. Попробуйте, сочините что-нибудь. Извольте, говорит Неврастеник. Если запнусь на минуту, засчитайте мне поражение.

УДАЧА

Мы, говорит Мерин, подползли вплотную. Вдруг как рванет! Я с Убийцей спрятался в воронку. Вылезли двое ихних. Зачем? А кто их знает. Мы одного пристукнули, и домой. Немного осталось, как Убийце прямо в жопу залепили, сволочи. Пришлось двоих переть. Теперь может судимость снимут, говорит Пораженец. В школу обратно отправят. Везет же людям! Не могу поверить, что

Интеллигента нет, говорит Уклонист. Это несправедливо. Почему? Не могу объяснить. Сержант, Убийца -- это справедливо. Война. А Интеллигент -- это несправедливо. Послушайте, что я сейчас сочинил, говорит Паникер.

Нас под вечер командир к себе позвал.
Строго-настрого обоим наказал.
Душу вон, а чтобы целы вы пока,
Не являться без живого языка.
Что поделаешь. На то она война.
И не их, конечно, в деле том вина,
Раз положено, чтоб лучше наступать,
С языком им с духу на дух толковать.
Вот по полю мы во тьмущей тьме ползем.
Языка того по-матерну клянем.
Где ты, сукин сын, язык, е.... мать,
К утру ведено которого подать?
Но отмерен в жизни каждому удел.
И на мину мой напарник налетел.
А я жив, кажись. Я вроде цел пока.
Мне назад никак нельзя без языка.
Подползаю, Вижу -- срать пошел один.
Ты-то, думаю, и нужен, господин.
Я за голу жопу хвать его рукой.
Не желаете ли рандеву со мной!
В общем утром на КП я приволок
Языка и от напарника кусок.
Язык малый оказался в доску свой.
Только сведений с него ни в зуб ногой.

Неплохо, говорит Мерин. Если выкинуть "е.... мать", в газете могут напечатать. Лучше наоборот, говорит Уклонист. Напечатать "е.... мать", а остальное выкинуть.

СТРАННОСТИ ОБЫЧНОГО

После интервью для меня сложилась странная ситуация, говорит Мазила. С одной стороны, дела пошли лучше, с другой, застопорились. По одному и тому же делу одни стали торопить, хотя им должно быть наплевать, а другие стали затягивать, причем -- наиболее заинтересованные. Оживились старые стукачи, о которых я и думать забыл, а постоянно действующие стукачи-друзья, не вылезавшие из мастерской, все испарились. Ничего особенного и странного, говорит Неврастеник. По законам системы все, причастные к твоим делам и твоей персоне, должны отреагировать. Пока никто не знает, как. Обозначают готовность отреагировать так, как прикажут. Стараются пронюхать, какие будут установки. На всякий случай держат в запасе ту и другую возможность. Установки нет, ибо там тоже еще не знают, как быть. Начинается брожение, в результате которого что-то получится. Что именно -- трудно предсказать конкретно. Это может быть нечто совершенно неожиданное для них самих. Во всяком случае, тут неотвратимо действуют правила, которые, в конце концов, и сделают свое дело. Во-первых, всякий, кто в этой ситуации может причинить тебе безнаказанно или с малым наказанием какое-либо зло, будет его

причинять. Во-вторых, всякий, кто в этой ситуации может сделать Для тебя безнаказанно или с малым наказанием какое-либо добро, не будет его делать. В-третьих, твой поступок в принципе наказуем, и потому чем больше он тебе принесет блага сейчас, тем больше он принесет тебе зла потом. Наказание последует. Все дело лишь в его форме, мере и сроках. Не исключена возможность, что тебя накажут лаской. Выпустят за границу. Пропустят официальную работу. Дадут какое-нибудь почетное звание. А я и не против, говорит Мазила. Я не политик и не идеолог. Я художник. Конечно, говорит Неврастеник. Но дело в том, какой ты художник.

БАБЫ

Бабы -- что! Кругом взгляни!
Только хлопоты одни.
Коль приспичило вот так,
Молча делай в свой кулак.
Чистоту свою блюди!
Сколько выгод -- сам суди.
В грязь шинельку не стели.
Не прилипнут патрули.
Не подцепишь эту штучку.
Избежишь за это вздрючку.
Не настукают враги.
И целее сапоги.
Так дотянешь до седин.
Будешь честный семьянин.
(Из "Баллады")

После еды заговорили о бабах. Еда была скудной, и разговор приобрел не столько практический, сколько чисто теоретический характер. Вот скажи мне сейчас, что там в кустах лежит Венера Милосская, и делай с ней, что хочешь, говорит Паникер, я даже не шевельнусь. А за пайку хлеба я бы пожалуй остатки Сержанта и Интеллигента приволок. Такой жратвы, говорит Мерин, едва хватит на то, чтобы расстегнуть штаны. А уж об застегнуть и речи быть не может. Кому как, сказал Жлоб. Я бы сейчас пару штук запросто сделал. Все знали, что это не пустое бахвальство. Когда батальон был на переформировании в Д (вот житуха была!). Жлоб за ночь обходил все деревни в радиусе пятидесяти километров и трахал по двадцать штук попадавшихся по дороге баб. А утром, как ни в чем ни бывало, становился в строй. Обидно только, говорил он, что ни одну в рожу не видал и звать как, не знаю. Убьют -- чей образ будет, стоять перед глазами, чье имя будут шептать уста? У нас в училище, говорит Пораженец, был курсантишка. По фамилии Членик. Малюсенький-малюсенький. Кто-то в шутку сказал что у Членика даже член больше, чем он сам. Слух об этом распространился по гарнизону, и Членик имел бешеный успех в среде офицерских жен. Хотя они его скоро дезавуировали, он успел приобрести мощный опыт и стал грозой гарнизонного начальства. Он подкупал (а зарабатывал он на этом деле здорово!) всех дежурных, дневальных, часовых и старшин и каждую ночь отправлялся в самоволку. Он даже Сотруднику ухитрялся подкидывать кое-что из того, что ему перепадало от его же собственной мегеры. Утром у себя над койкой на стенке палочки чертил. Большие -- число баб, маленькие --

число раз. Если верить этой бухгалтерии -- выдающийся талант был. И чем же закончилась его карьера, спросил Уклонист. Обычно, сказал Пораженец. Зависть. Подловили и за самоволку отправили в штрафной.

ВТОРИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Я в твоей мастерской наблюдал всяких людей и всякие человеческие страсти, говорит Посетитель. Очень любопытные бывали случаи. Вот, например, проблема Шизофреник-Неврастеник. Первый относится к типу творцов, характеризуемых такой формулой: несмотря ни на что сделать дело, на которое они способны и которое их захватило. Неврастеник способный и умный человек. С какой-то точки зрения он, может быть, умнее Шизофреника. Но он относится к типу людей, характеризуемых такой формулой: они решаются, но никак не могут решиться начать делать дело, на которое они не способны, но относительно которого они думают, что они более способны, чем люди типа Шизофреника. Неврастеник есть имитация и отражение Шизофреника. Если нет первых, нет и вторых. Первые порождают вторых, но своим существованием обрекают их на бесплодие. Никто так не заинтересован в уничтожении Шизофреника, как Неврастеник. Но с уничтожением первого исчезает его отражение во втором. Второй этого не понимает. Он претендует на самостоятельное бытие. Проблема сальеризма, говорит Мазила. Нет, говорит Посетитель. Тут что-то иное. Возможно, проблема самоуничтожения творчества. Творческую личность образует не один индивид, а некоторое множество, по крайней мере, из двух (скорей всего -- более двух) индивидов. Творческий индивид есть группа индивидов со своеобразным распределением функций. Моцарт и Сальери есть раздвоение единого в одном плане, Шизофреник и Неврастеник -- другом. Мазила и Болтун -- в третьем. С этой точки зрения ты немыслим без Болтуна. Болтун, в некотором роде, есть соавтор твоих работ. И даже я, если ты не возражаешь. Выдающаяся творческая личность есть лишь официальный представитель творческой группы-индивида. Выходит, говорит Мазила, что директор института, в котором сделано крупное открытие, по справедливости есть автор открытия. А почему бы нет, говорит Посетитель. Но между мною и таким директором есть же какая-то разница, говорит Мазила. Есть, говорит Посетитель. Эти лишь различные типы представительства творческой группы. Кошмар, говорит Мазила. Почему, кошмар, говорит Посетитель. Почему в таком случае ты не считаешь кошмаром законы тяготения? Но меня это не устраивает, говорит Мазила. И плевать мне на твои законы. Это другое дело, говорить Посетитель. Когда люди захотели наплевать на законы тяготения, они изобрели самолет.

МЕТОДЫ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Позвонил архитектор Ш, уговоривший в свое время Мазилу сделать барельеф на фасаде здания, которое он собирался строить. Привет, старик, сказал он. Вынужден тебя огорчить. Барельеф зарубили. Что? Нет! Это никак не связано с твоими фокусами. Они даже не знали, что барельеф должен был делать ты. Отменили независимо от авторства. Как вообще делишки? Я слышал, у тебя опять там выставка... Что это такое, спросил Мазила у Болтуна. Скорей всего -- начало, сказал Болтун. Возможно, он сам спровоцировал запрет барельефа. Возможно, сразу согласился. Возможно, не очень энергично отстаивал. Во

всяком случае, теперь сотрудничество с тобой повредило бы его положению и карьере. Если ты выкрутишься, он не так уж много теряет. Тем более у него совесть чиста. Он хотел тебя привлечь. Ему не дали. Репутация порядочного человека сохранена. В глазах начальства он тоже безупречен. Но мы же с ним дружили двадцать лет, сказал Мазила.

ПЕДАГОГИКА

Два часа занимались строевой подготовкой. Отрабатывали обращение к начальству и приветствие старших по чину. Потом ворчали по поводу бессмысленности и бесчеловечности этих занятий. Лейтенант сказал, что эти занятия чисто педагогические цели преследуют. Педагогика -- вещь серьезная, сказал Жлоб. У нас у одного курсанта рефлексы запаздывали. Инструктор (большой педагог) пошел на хитрость: стал все команды подавать раньше. И курсант вылетел самостоятельно, окончил школу и улетел на фронт. А чем он кончил, спросил Уклонист. Сбросил бомбы после того, как эскадрилья возвращалась уже домой, сказал Жлоб. Это что, говорит кто-то в темноте. У нас в первоначалке один курсант боялся без инструктора сажать самолет, хотя летал прилично. Инструктор решил тоже взять его на хитрость, отсоединить ручку управления в воздухе и выкинуть за борт. Курсант узнал об этом и захватил в кабину с собой запасную ручку. Летят. Инструктор отсоединил ручку, показал курсанту и выкинул за борт. Мол, теперь веди самолет сам. И сажай сам. А курсант показал запасную ручку инструктору и тоже выкинул ее за борт. И чем это кончилось, спросил Жлоб. Инструктор сошел с ума, сказал говоривший, а курсант посадил машину, попал на фронт, заработал сначала кучу орденов, а потом десять лет. За что, спрашивает Уклонист. За разговорчики, сказал Юморист. В наше время слово есть самое серьезное дело. За слово дают больше, чем за дело. Да, сказал Уклонист. У нас за словом идет Дело.

НЕОБОСНОВАННЫЕ НАДЕЖДЫ

При попытке произнести слово "межконтинентальная" Заведующий вывихнул челюсть. В связи с этим в среде передовой интеллигенции стали циркулировать слухи. Теперь, наверняка, слетит, говорили все в один голос, понимающе усмехались (мол, давно, пора!) и питали необоснованные надежды. Но надежды оказались не вполне обоснованными, так как челюсть была искусственной, и ее заменили на новую, более высокого качества (по слухам такие челюсти делают специально для космонавтов), вследствие чего о снятии Заведующего никто не стал даже думать. Рано! Не беда, сказал Ученый. Скоро Заведующий будет делать доклад по проблемам науки. Так уж он непременно коснется достижений генетики. А там ребята подсунут ему словечко "дезоксирибонуклеиновая кислота", от которого его тут же хватит инсульт. А что хорошего, сказал Карьерист. Думаете, новый будет лучше? Пусть хуже, говорит Неврастеник. Но все-таки какая-то приятность от этого будет.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

У вас, говорит Журналист, все-таки пока еще нет настоящего изма. У вас государственный капитализм. Ерунда, говорит Неврастеник. Это бред ваших

истов, которые ни разу не были у нас. У нас государственный феодализм. Я не могу с этим согласиться, говорит Мазила. У нас скорее всего государственное рабовладение. И ты тоже ошибаешься, сказал Болтун. Вы не учитываете одного решающего обстоятельства. Наша страна выдумана, причем -- из таких предпосылок, которые не могут быть вообще реализованы. Мы плод больного воображения Шизофреника. И все употребляемые тут ваши понятия к нам не применимы. Рабство, феодализм, капитализм, -- это все в рамках цивилизации. А мы антицивилизация. Если бы мы реализовались на деле, мы прошли б в своем развитии те же стадии, что и цивилизация, только с обратным знаком.

СМЫСЛОВАЯ КОМПОЗИЦИЯ

Я подхожу к самому трудному, пожалуй, пункту изложения своего понимания творчества ЭН. И потому буду здесь более многословным и буду говорить о таких вещах, которые даже у представителей официальной эстетики и официального искусствоведения могут вызвать усмешку. Но я не вижу иного выхода. Тайны нашего бытия лежат не в каких-то еще неведомых людям глубинах мира, а в переориентации внимания на трижды известные лежащие на поверхности явления. Есть произведения искусства, при рассмотрении которых уместно различить то, о чем хочет сказать автор, и то, как он это делает. Среди них есть такие, для которых материал для ответа на вопрос "Что?" усматривается в них самих. Таковы, например, многочисленные произведения классической художественной литературы. Но среди них есть (правда, не так уж много) и такие, для которых в них самих не содержится никакого материала для ответа на вопрос "Что?". Таковы, например, многие иконы и фрески в наших церквях. Именно таковы работы ЭН. Но если в отношении икон и церковных фресок ответ на вопрос "Что?" дан в веками сложившейся религиозной идеологии, то в отношении работ ЭН ситуация выглядит иначе. Чтобы ответить на вопрос "Что?" применительно к творчеству ЭН, надо еще только проделать такую работу. Надо сформулировать определенную систему общих утверждений о современном мире человека и о его месте и судьбе в этом мире, т.е. построить определенную идеологическую концепцию. В каком-то аморфном виде, фрагментарно и в контексте общей духовной жизни общества эта концепция уже зародилась и есть. ЭН жил и живет в поле этой концепции. Он фактически работает над ее воплощением в рисунках, гравюрах и скульптурах, -- работает над созданием предметов культа этой концепции. Но такой концепции пока еще нет в виде четко локализованных и более или менее широко признанных идеологических текстов. То, что делал Шизофреник, есть шаг к этому. Но вместе с тем это шаг в другом направлении, противоположном идеологическому. А пока такой четко определившейся концепции нет, продукты творчества остаются в ином качестве. К ним подходят с обычной меркой, хотя они уже не есть произведения искусства в обычном смысле. Они есть нечто большее и иное. Поскольку ЭН создал целый мир вещей, которые потенциально могут стать явлениями культа, это облегчает задачу выработки упомянутой концепции. Здесь влияние взаимное. Но я оставлю вопрос о том, какой вид должна принять идеологическая концепция, ассоциируемая с творчеством ЭН, и перейду к более техническому аспекту дела. Я говорил, что смысловые единицы у ЭН объединяются по особым правилам композиции в смысловые фразы и тексты. Существенно здесь то, что эти правила композиции имеют природу не имманентную искусству как таковому (т.е.

обусловлены не средствами изображения), а имманентную рассматриваемой идеологической концепции. Без последней они суть непонятное нагромождение непонятных форм. Без идеологических связей в работах ЭН нет никаких фраз и текстов. Таким образом, поднявшись от работ ЭН до некоей предполагаемой идеологической концепции, мы затем должны от нее опуститься обратно, т.е. должны как бы привнести в работы ЭН заложенный в них смысл теперь извне как нечто совершенно постороннее. Здесь, как видим, действует некоторый общий принцип функционирования вещественных воплощений идеологических феноменов. Интересно, что смысловые фразы у ЭН образуют не обязательно смысловые единицы, расположенные рядом (например, в одной комнате, на одном листе бумаги), а рядом расположенные единицы могут быть единицами из разных фраз -- основа и скрытый ритм его полифонии. Нужна память и хорошее знание большого комплекса работ ЭН, чтобы читать их именно как фразы и совокупности фраз. Конечно, их можно упорядочить, что облегчит их изучение новичками. Но для этого надо еще построить общие правила идеологической грамматики языка.

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

Зато Монумент Павшим пошел с необычной скоростью, сказал Мазила. К чему бы это, спросил Неврастеник. Скоро открытие, сказал Мазила. Без меня не успеют. Ясно, сказал Неврастеник. А потом тебя из списка авторов выкинут под каким-нибудь соусом. Вполне возможно, сказал Мазила. Они там без меня внесли пустяковое изменение и трубят о нем как о радикальном пересмотре проекта. Да я и сам не очень-то стремлюсь быть автором этой штуки. Дело не в том, чего хочешь ты, говорит Неврастеник. Дело в том, как ведут себя они. Бывают ситуации, когда любые действия людей имеют один и тот же смысл. Почему? Потому, что все они в этой ситуации обозначают положенное реагирование. Ну и черт с ними, сказал Мазила. Все это ничтожные пустяки. Так-то оно так, сказал Неврастеник. Из тысячи мелких удач не сложишь одной большой. Но из тысячи мелких пакостей складывается одна большая мерзость.

ДОБАВКА

Жлоб и Мерин раздобыли пару буханок антрацита -- черного хлеба необыкновенной степени твердости. Где это вам удалось, спросил Лейтенант. Там, неопределенно махнул рукой Мерин, за часы. Эх, если бы к такой жратве да граммчиков сто, вздохнул Пораженец. У меня тут кое-что есть, сказал Лейтенант и вытащил из вещмешка почти новые хромовые сапоги. Можно их реализовать? Запросто, сказал Пораженец, схватил сапоги и через полчаса ввалился в блиндаж с полным котелком неочищенного спирта. В нашей родной и далекой школе, мечтательно говорит уклонист, после выпивки, была разработана целая теория, как раздобыть добавку. Но, к сожалению, всякая подлинно научная теория имеет ограниченную сферу приложения. Попробуй, например, реализуй здесь такой фундаментальный принцип: если у поварихи есть дочка, женись на ней; если у поварихи нет дочки, женись на поварихе! А с помощью нашего всеобщего изма тут кроме пятерки по политподготовке не заработаешь ничего. На кой.... она тут?!.. Когда-то я помнил эту теорию назубок. Изящная теория!! Куда до нее электродинамике! А это, скажу я вам, одна из самых красивых теорий в науке. Электродинамика в сравнении с прибавкологией

выглядит примерно так же, как Жлоб в сравнении с Дон-Жуаном. Теперь одни обрывки остались в памяти. Вот, к примеру, основополагающий постулат добавкологии: нет ничего невозможного. Помните Сачка? Сволочь порядочная, но теорию знал. Это у него не отнимешь. Так он в соответствии с этим постулатом через отдушину над плитой, в которую с трудом пролезала рука, вытащил с плиты огромную налитую до краев кипящим маслом миску, не пролил ни капли, проглотил содержимое миски вместе с миской и скрылся неопознанным. Миску потом выплюнул чистенькую. Сотрудник, полный профан в теории, месяц трудился у этой дырки, пытаясь протянуть через нее с плиты карандаш. Ничего, разумеется, не вышло. Методы приобретения добавки разработаны с учетом конкретных условий. Диалектика высшего класса! Отправляясь шакалить, оцени общую ситуацию в подразделении, количество имеющегося в твоем распоряжении времени, особенности кухонного наряда и особенности поварской смены. Если, например, в подразделении суматоха, не раздумывая, смело иди на кухню или в хлеборезку, деловито бери то, что первым подвернется под руку -- буханку хлеба, кастрюлю щей, кусок сала или мыла, -- и спокойно уходи. Если у тебя много свободного времени, можешь, например, сделать вид, что ты пришел в столовую почитать книжку, а то в казарме покоя не дают, выждать подходящий момент и незаметно стянуть что-нибудь. Не исключена возможность, что тебе при этом что-нибудь подкинут сами повара добровольно. В зависимости от особенностей поварской смены можешь пользоваться традиционно психологическим методом или методом парапсихологии (сейчас это особенно модно!). Вот один из приемов традиционной психологии. Подходишь к раздаточному окну и невинными глазами смотришь на повариху. Тебя отгонит дежурный по столовой. Вернись и смотри снова. Тебя отгонит дежурный по части. Вернись и смотри снова. Смотри, и больше ничего. Рано или поздно повариха не выдержит и сунет тебе в рыло миску второго: отвяжись, мол, зараза! Парапсихология предполагает более высокий уровень интеллекта. Приходишь к окну и упорно смотришь не на повариху, а на кастрюлю. Главное, сосредоточить на ней все внимание и не отвлекаться. Через десять-пятнадцать минут кастрюля начнет подпрыгивать на плите. Через полчаса она сама поплывет к тебе в руки. Сказки все это, сказал Жлоб. Антинаучные идеалистические сказки. Как сказать, усмехается Уклонист, факты были. И ты это видел, спросил Жлоб. Я -- нет, усмехается Уклонист. Но люди видели. А показаниям очевидцев надо верить. Вспомни-ка, что приснилось тебе, когда Сержант и Интеллигент напоролись на мину! В землянке наступила зловещая тишина. Тоска, сказал Лейтенант. А ну, гони что-нибудь отвлекающее!

В семнадцать лет еще мальчишка
Служить в пилоты я пошел,

не то запел, не то заплакал Паникер.

В машине быстрой и послушной
Себе подругу я нашел,

зашептал опьяневший взвод. Слушать "летчиков" пришли из соседнего взвода. Стало теплее.

Прошли года, промчались версты
Войной исхоженных дорог.
Ах где ты, где ты потерялся,
Мой не взлетевший ястребок.

ТИПИЧНОСТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Я полностью согласен с тем, что мы составляем ничтожную часть населения, говорит Болтун. Но значит ли это, что наши проблемы несущественны для этого общества? Мазила, например, может быть вообще один в нашем обществе художник такого масштаба и типа. И именно реакция на Мазилу обнаруживает, что из себя представляет данное общество с такой-то точки зрения. Этим объясняется, почему художников такого типа у нас нет или почти нет. Или они не процветают. Наши проблемы не типичны в смысле общности или массовости. Но они глубже, ибо они характерны. Они суть индикаторные или характеристические проблемы нашего общества. Мне не совсем ясно, говорит Мазила, в каком смысле они характерны. Представь себе, говорит Болтун, есть некая среда, которую ты хочешь изучить. Есть разные способы изучения. И в частности -- такой способ. В среду погружается некое экспериментальное тело с заранее установленными свойствами. И по каким-то признакам фиксируют реакции изучаемой среды на это тело. Потом на вопрос о том, что из себя представляет эта среда, указывают именно на эту реакцию. Особенность нашего случая состоит в том, что такие характеристические тела вырастают сами внутри данной среды, а не помещаются в нее извне, являются ее законным продуктом и, вместе с тем, испытывают на себе воздействие этой своей родной среды как чужеродные ей явления. А поскольку эти тела имеют душу, мечтают, любят, ненавидят, страдают, творят и т.п., возникают специфические для них проблемы. Общество усиленно старается избавиться от этих проблем и представить дело так, будто это не его проблемы. Но, увы, они суть его собственные проблемы в неизмеримо большей степени, чем все те проблемы, которые оно официально рекламирует как органически присущие ему. Естественно, говорит Мазила, общество прячет свои болячки. Нет, говорит Болтун, это не болячки. Тут наоборот, общество стремится спрятать и ликвидировать заложенные в нем самом здоровые начала. Общество прячет свои здоровячки.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Почти все искусствоведы, изучающие творчество ЭН, отмечают двойственность его положения. С одной стороны, он не выставляется, при всяком удобном и неудобном случае его поносят, его имя вычеркивают из списков авторских коллективов, за границу его не пускают, никаких званий у него нет. С этой точки зрения он занимает самое низкое положение в системе нашего изобразительного искусства. С другой стороны, он выполняет работы, которые у нас доверяют выполнять лишь немногим скульптурным генералам. В чем дело? Случайность? Наличие двух борющихся сил в стране? Мне кажется, дело тут гораздо серьезнее. По идее, ЭН должен был бы быть признанным государственным скульптором. Он мог бы дать гениальное воплощение в скульптуре идеологии этого общества. Те люди, которые привлекают его для создания грандиозных барельефов и монументов, чуют это. Но наше общество сложилось в определенных исторически данных условиях и живет в определенной международной среде. Есть исторически сложившиеся традиции. Взять хотя бы такой пример. Засилие колонн в архитектуре до войны и первые годы после войны. Откуда это? Ясно, от прошлого. Мы" то пережили. Усвоили модернистские формы в архитектуре. Традиции передвижников, и те уже фактически пережиты.

Однако, эти случаи пока единичны. В целом же у нас господствуют традиционные представления в искусстве и об искусстве (в особенности -- в самой среде искусства), с точки зрения которых ЭН выглядит как нечто враждебное официальному искусству. Его коллеги усиленно культивируют такое представление о нем. Отсюда -- приниженность его положения. Вот и получается очередной парадокс: ЭН есть враг существующего положения в нашем искусстве вследствие того, что мог бы стать его блестящим представителем.

ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Прислали к нам в полк одного типа из высших сфер, говорит Юморист. Ему, видите ли, нужно дать большой орден, а для этого нужно участие в боях. Посадили ко мне стрелком. И полет-то был пустяковый. Слегка постреляли зенитки, пара истребителей попугала. А он всю машину мне облевал. Прилетели домой. Говорю, чисть машину. Он на меня, мол, с кем разговариваешь. Вытащил я пистолет. Если не вычистишь машину, говорю, пристрелю. Вычистил. А если бы отказался, спрашивает Паникер. Пристрелил бы, говорит Юморист. Из-за такого пустяка, говорит Мерин. Иногда пустяк становится символом чего-то значительного, говорит Юморист. А чем кончилось, спрашивает Уклонист. Каждый получил по заслугам, сказал Юморист.

ПОДЛИННОЕ ИСКУССТВО

Вы правы, говорит Неврастеник. В наших старых писателях чувствуется двойственность. В чем ее причина? В писатели они отбирались по старым критериям, т.е. как талантливые люди. А врали они уже по новым канонам. Для теперешних писателей это противоречие снято. Они отбираются в писатели в полном соответствии с теми задачами, которые им предстоит решать. Для этого вполне достаточно посредственности. Поскольку несколько десятков тысяч писателей, это несколько десятков тысяч посредственностей, то гармония полная. Значит Ваша литература, не есть искусство в собственном смысле слова, говорит Журналист. Нет, говорит Неврастеник. Она-то и есть искусство в собственном смысле слова. Так же, как и ваша. У вас только качество нормального писателя повыше, тип несколько иной. Может быть отдельные таланты ухитряются выжить. В общем, различие такое же, как в любом другом виде массовой продукции. Мы предпочитаем читать ваших писателей по той же причине, по какой предпочитаем носить импортные штаны и жрать импортных кур. Значит все идет нормально, говорит Журналист. К чему же драмы? Какие драмы, говорит Неврастеник. Вы спрашиваете, мы отвечаем. А говорить правду -- еще не значит драматизировать. Драматизируете вы сами, глядя на нас. Мы же просто живем.

ЧЕЛОВЕК И НАУЧНО ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В конце концов все решит прогресс науки и техники, говорит Ученый. Жилье, предметы бытовой культуры, транспорт, одежда и даже питание, -- разве это не продукт современной науки и техники? А возможности их в принципе не ограничены. Так-то оно так, говорит Неврастеник. А научно-техническое мясо что-то на прилавках не появляется. Поразительные мы все-таки люди, говорит

Болтун. Видим одну проблему. Формулируем ее так, что перескакиваем на другую. А обсуждаем затем третью, не имеющую к ним никакого отношения. Мы начали с вопроса: влияет или нет развитие науки и техники на социальную структуру общества. Сформулировали ее так, что получился другой вопрос: сказывается или нет развитие науки и техники на субъективном состоянии людей. А говорим на тему, как это развитие сказывается на условиях жизни человека. И в чем тут, собственно говоря, проблема? Факт остается фактом: в Париж за два часа летают одни, а в часы пик в автобусы и вагоны метро врываются другие. Значит есть что-то в социальной структуре общества, что не зависит от научно-технического прогресса. В чем состоит это "что-то"? В формуле человеческого счастья фигурируют не абсолютные величины благополучия и неблагополучия, а их отношения. Человек, например, не станет счастливее от того, что ему положение улучшат на десять процентов, а другим -- на пятьдесят. Уровень счастливости как субъективного состояния прямо пропорционален величине социальной ценности человека и обратно пропорционален величине своего собственного представления о своей субъективной ценности. Первая имеет тенденцию к снижению, вторая -- к увеличению независимо от научно-технического прогресса. А что такое человек? Какие качества вы имеете в виду? Кровяное давление? Мебельный гарнитур? Человек -- это, между прочим, честь, совесть, стремление к свободе воли и выбора, к свободе перемещений, к свободе творчества и т.п. Человек есть еще и гражданин. Как тут участвует развитие науки и техники? Они тут совсем не причем. Из человека-скота надо еще лепить человека-гражданина. Лепить совсем из других источников. По особым правилам. Особыми средствами. И каждый раз заново. И воевать за это надо. Тут есть своя автономная история. Человека гражданином делает не наука и техника, а искусство, нравственность, религия, идеология, постоянный опыт сопротивления. Не любое искусство, не любая мораль, не любая идеология. И не всякая борьба за свое "я". Суть дела тут в том, какие именно искусство, мораль, идеология и т.д. способны делать из человека-скота человека-гражданина. Кто именно этим занимается профессионально и будет заниматься. Литератор или Правдец? Мазила или Художник? Клеветник или Троглодит? Убери эту персональную конкретность, получишь официальную пустую схему: человека надо воспитывать. Мазила по скульптуре знает, какими неуловимыми бывают иногда переходы от подлинности к подделке. Я уж не говорю о том, что опыт сопротивления может дать антигражданина.

ПРАВИЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЖИЗНИ

Хочешь счастливо прожить,
Научися блох ловить.
(Из "Баллады")

Самая страшная вещь в жизни, говорит Жлоб -- это блохи. Когда их много. Одна блоха -- всего лишь блоха. Десяток блок -- терпимо. Но сотни блох, кидающихся на тебя сразу со всех сторон -- это кошмар. Их не видно. Непонятно, где они кусают, как, за что. Никакого спасения. Лучше со стадом львов сражаться. Или даже с волками. На худой конец -- с шакалами. Но с полчищами блох сражаться бессмысленно. Блохи -- не самое страшное, говорит Мерин. Я в кавалерии служил. У нас блохи дохли от изнеможения сами.

Кавалерия ж это вам не школа жизни. Это академия жизни. Главное условие счастливой жизни, это я понял только благодаря кавалерии, научиться нормально жить задом наперед и вверх ногами. Едва успели мы обучится залезать без посторонней помощи на наших боевых подруг с дореволюционным стажем, как нас стали учить... Чему бы вы подумали? Джигитовке! Заезжаем в манеж. Посредине старшина с хлыстиком. Вольт налево дела-а-ай! К пешему бою с посадкой слеза-а-а-ай! Ножницы дела-а-а-ай! Перевернешься с грехом пополам задом наперед, тут-то и наступает главное событие сезона. Армейские лошади усваивают не только команды, но и солдатские шутки. Как только твоя склонная к юмору Осока, Акула или Лорелея заметила левым глазом, что ты отважился задрать кверху ноги, она прямым ходом из манежа мчит тебя к полковому штабу. Весь штаб вылезает наружу и надрывается от хохота во главе с командиром. Потом она прет тебя к штабу соседнего полка. И там повторяется та же картина. Потом к санчасти. Потом к ветлазарету. Потом к клубу. Потом к дому начсостава. Ты мертвой хваткой вцепился в хвост и в гриву. Перед самым носом у тебя мелькают мощные подковы. Одним щелчком такая может пробить череп мамонта. А твою пустую хрупкую черепушку разнесет вдребезги. Всем смешно. А каково тебе? Объехав так все дивизионные службы, ты мчишься за десять верст к штабу дивизии. Тут твоя Пенелопа начинает вытворять такое! Только что на хвосте не стоит! Ни в одном цирке не увидишь! После того, как командир дивизии уписается от хохота, ты мчишься в манеж родного эскадрона и как ни в чем не бывало включаешься в общий строй. Вольт налево дела-а-а-ай! К пешему бою с посадкой слеза-а-а-ай! Если выйду из этой передряги живым и разведу детей, первым делом научу их жить задом наперед и вверх ногами. Пусть хоть дети будут счастливы.

ПОТОК

ЭН -- художник не отдельного состояния и даже не серии состояний, а потока. Это очевидно в отношении его графики и не столь очевидно в отношении скульптуры. В скульптуре он более известен как монументалист в обычном смысле слова (хотя и оригинальный) и официально много работает в этом качестве. Но я хорошо знаком с тем, что остается в его мастерской и в неизмеримо большей степени находится в состоянии замыслов. За многие годы нашего знакомства я научился зрительно представлять себе эти замыслы реализованными. И здесь преобладает то же стремление к форме потока, которую он нашел в графике и в которой достиг виртуозного совершенства. Если эти замыслы удастся реализовать в предполагаемых гигантских масштабах, то человечество станет обладать одним из самых изумительных шедевров за всю историю мирового искусства. Я нисколько не преувеличиваю, ибо даже в малых камерных масштабах и в отдельных фрагментах скульптурный поток, уже созданный ЭН, есть явление в изобразительном искусстве уникальное. ЭН не сразу пришел к форме потока. Вот грубая схема его творческой эволюции. ЭН работает как скульптор. Намечается тенденция к проблемам трансформации. Делает рисунки. Но лишь -- для скульптуры. Я тогда назвал их скульптурной графикой. Рисунки, сами по себе, прекрасные. Они приобрели самостоятельную ценность в глазах почитателей. Это оказало какое-то давление на ЭН. Плюс к тому -- невозможность реализовать какие-то замыслы в скульптуре и легкость реализации в графике. В результате начинается ЭН-график. В графический

период, который еще не завершился, ЭН постоянно работает как скульптор. Но его дальнейшее качественное развитие как художника проходило главным образом в графике. Две линии здесь непосредственно вели к форме потока: композиционно сложные виртуозные гравюры и серии из большого числа гравюр, связанных единым переживанием. Иллюстрации к Данте и Достоевскому -- переломный пункт. Это еще не поток. Но они уже содержат нечто такое, из-за чего их уже нельзя свести просто к сериям. В это время ЭН создает сотни гравюр различного содержания, а вернее -- без определенного, в обычном смысле слова, содержания. Или с абстрактным содержанием: возникновение, превращение в противоположность, разрушение, созревание и т.п. В этот графический период был накоплен колоссальный опыт разработки абстрактных тем, в созданном материале как-то сами собой обозначились циклы, связи, переходы и т.д. Наметился какой-то детерминированный порядок для отдельных наборов гравюр. Я не раз обращал внимание ЭН на возможность объединять многие его гравюры в упорядоченные и внутренне связанные циклы. Думаю, что это замечали и другие. Думаю, что и сам ЭН заметил это. Важно то, что явление, о котором я пишу, было сначала создано в некотором пока еще аморфном виде. Затем оно было понято как факт и оценено с точки зрения дальнейших перспектив. Наконец, оно получило осязаемое воплощение в заранее задуманных циклах рисунков, физически скрепленных в единое целое. Я имею в виду беспрецедентные альбомы ЭН. Так родилась новая форма в графике, которую я условно называю здесь потоком. Далее форма потока, найденная в графике, оказывает обратное влияние на скульптуру. Но что такое поток? Это синтетическая форма. Описание ее требует длительного труда и специальных исторических сопоставлений. Я могу сделать по этому поводу лишь несколько замечаний. Поток противопоставляется отдельному состоянию как упорядоченная совокупность состояний. Состояние и поток состояний надо, как мне кажется, отличать от статики и динамизма. Состояние может быть динамичным, а поток может быть статичным. В поточных формах ЭН есть и статика и динамика. В них часто можно увидеть в высшей степени статичные фигуры. Создается впечатление, будто автор их приложил немало усилий к тому, чтобы остановить в этих местах непрерывное движение. Я думаю, что работы ЭН вообще не казались бы такими динамичными (а динамизм отмечают все его рецензенты, ибо он бросается в глаза как результат), если бы не содержали в себе четко сделанную, но не столь явную статику. Различие потока и состояния я вижу не в различии динамики и статики, а совсем в ином плане. Далее, поток как упорядоченный непрерывный ряд достаточно большого числа рисунков, гравюр и скульптур надо отличать от серии. Отличие состоит в том, что в серии каждый элемент имеет самостоятельный смысл, если, конечно, к ним применимо понятие смысла. В потоке же каждый элемент предполагает и продолжает по смыслу некоторый другой элемент, сохраняя при этом значение самостоятельной смысловой фразы. Независимо от альбомов, где это очевидно и предполагается заранее, в целом ряде случаев рассмотрение отдельных гравюр ЭН побуждает невольно отыскивать другие гравюры в качестве предшествующих или последующих. Причем не любые гравюры отбираются на эту роль. Иногда наборы из нескольких гравюр располагаются в завершенные циклы, имеющие начало и конец, а также внутренний порядок, отвечающий какому-то чувству наблюдателя. Наконец, поскольку основу потока рисунков, гравюр и скульптур образует смысловое единство и смысловая упорядоченность, то поток как произведение

искусства воспринимается и переживается аналогично тому, как воспринимается и переживается балет или симфония. Конечно, работы ЭН доставляют эстетическое наслаждение как элементы серий, и как самостоятельные единицы независимо от других. Но это наслаждение оказывается выше и иного качества, если удается научиться воспринимать их именно как потоки в том смысле слова, как я это описал, сознаюсь, весьма приблизительно.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Все это -- преходящие пустяки, сказал Журналист. Один пустяк уходит, другой приходит, сказал Посетитель. А система пустяков остается. Зайдемте сюда, я Вам кое-что покажу. Видите -- очередь? Три человека. Смотрите, стоят и стоят. Видите, сколько людей за прилавком? Да, сказал Журналист, но почему они не отпускают? На Ваш вопрос ответить невозможно, сказал Посетитель. Причин нет. Говорить о причинах тут бессмысленно. Смотрите, очередь уже двенадцать человек. Нервничают. Сейчас вот эти люди полезут без очереди. Думаете, им это нужно до зарезу? Ничего подобного. Вот парень получил без очереди и теперь стоит без дела. Сейчас кто-нибудь из очереди сделает замечание тем, кто лезет без очереди. Видите? А в очереди обязательно найдется тот, кто будет защищать нарушителей и обвинять в мелочности сделавшего замечание. Что он от этого имеет? Ничего. Цель? Никакой. Теперь кто-то начнет ругать продавцов. Кто-то начнет ругать тех, кто ругает продавцов. Обратите внимание на стоящих в очереди. Обычные люди. Увидите их на улице. Вам и в голову не придет, что они могут стать элементом социальной проблемы, которую я Вам демонстрирую в натуре. Итак, сколько прошло времени? Сколько испорчено настроения? Для Вас это пустяки. Для нас -- стиль жизни. Я мог бы провести Вас по всем жизненно важным точкам соприкосновения человека с другими людьми и показать, что эти пустяки заполняют всю нашу жизнь. Мы имеем с ними дело ежеминутно. В большом и малом. На работе и дома. Везде. Мы от них не можем уйти. Вы говорили" что все ибанцы, с которыми Вам приходится иметь дело, неврастеники. Не хочу употреблять медицинских терминов. Но что-то похожее есть. Человеческие нервы способны выдержать большую нагрузку. Но при одном условии: если она рациональна, т.е. имеет причинное или целевое объяснение. Здесь же все иррационально. Вы спрашивали, почему люди эти так себя ведут и каковы их цели. Тут нет причин. Нет целей. Нет злого умысла. В этой системе не работают привычные опоры социального поведения "почему", "за что", "для чего". Короче говоря, здесь отсутствуют критерии социальной ориентации. Выражаясь научно, индивид здесь не может установить свое положение в социальном пространстве, у него для этого нет системы отсчета. Отсюда странности в поведении у всех в тех или иных ситуациях, когда от них зависят другие люди или они зависят от других. А восприятие поведения остается обычным. Причем, свое поведение в отношении людей воспринимается как норма, ибо оно в духе обстоятельств, чужое -- как отклонение от нормы, ибо оно противоречит здравому смыслу и иррационально. Отсюда обычная формула: "Люди посходили с ума!", "Люди взбесились!", "Что творится с людьми!". Вы слышали когда-нибудь, чтобы человек воскликнул: "Я посходил с ума!", "Я взбесился!", "Что творится со мной!"? Где выход? Лезть в начальство как можно выше. Многие так и делают. Но далеко не всем это удается. Притом на этом пути люди погружаются в трясину иного рода,

аналогичную с рассматриваемой точки зрения той, от которой они бежали. Заниматься самовоспитанием, встав на путь крайнего самоограничения. А многие ли на это способны. Социальные преобразования. Я не либерал. И даже не причисляю себя к прогрессивным силам. Потому могу позволить себе сказать то, о чем стыдятся говорить другие. Кто будет проводить преобразования, какие и как? Люди типа Претендента? Избави боже! Они еще власть не взяли, а уже руки выламывают. По программе Правдеца? Она практически нелепа и неосуществима. Я эту проблему изучал много лет. Наш прогресс всецело в руках высшего руководства. А оно даже при желании не может забежать далеко вперед от реальных возможностей, А Ваша личная программа, спросил Журналист. Она касается лично меня, сказал Посетитель. Я ее не скрываю и передаю свой опыт всем желающим. Но это лишь для странных одиночек вроде меня. Суть ее -- создать внутри самого человека такую систему отсчета, чтобы он окружающую иррациональную действительность воспринимал как нормально организованное общество и хорошо себя чувствовал в нем. Приспособиться, спросил Журналист, Можете называть так, сказал Посетитель. Но что, в конце концов, главное для людей? Сумма счастья. Но ведь этим же делом занята ваша официальная идеология, сказал Журналист. Она апеллирует к науке, законам, к истине, к причинам и следствиям, к планам и т.п., сказал Посетитель. Потому она сама без надобности ставит себя в положение лгуна и лицемера, хотя обвинять ее во лжи и лицемерии бессмысленно. Попробуйте, подсчитайте, какова теперь доля ее участия в сумме человеческого счастья!

РЕШЕНИЕ

Есть Решение, сказал Большой Полководец Полководцу Поменьше. По этому Решению тебе предстоит трудная, но почетная задача. К Празднику возьмешь пункт Н. Возьму, сказал Полководец Поменьше. И вызвал Полководца Ещеменьше. К Празднику возьмешь пункт Н, сказал он. Пункт Н, удивился Полководец Ещеменьше, Вроде бы незачем. Да вроде бы и нечем. Есть Решение, сказал Полководец Поменьше. Людей к Празднику порадовать надо. Возьмешь Н, иначе... Возьму, сказал Полководец Ещеменьше. Только силенок маловато. Подкинем штрафников, сказал Полководец Поменьше. Благодарю за доверие, сказал Полководец Ещеменьше. Возьму Н точно в дцать-ноль-ноль. И поехал брать Н. Приказываю взять Н в дцать-ноль-ноль, сказал Полководец Ещеменьше Начальнику. Слушаюсь, сказал Начальник. Силенок только маловато. Будут штрафники, сказал Полководец Ещеменьше. Возьмем, сказал Начальник. Правда, сорок километров по грязи -- вымотаются. В атаку не поднимешь. Да и вооружение -- одни винтовки. Перебрось в тыл Заградотряд, сказал Полководец. Усиль отряд пулеметами. И главное -- не забывай, что они тоже люди. У нас человек на первом месте. К людям подход нужен. Слушаюсь, сказал Начальник. И поехал к штрафникам применять свой подход к человеку, который у нас на первом месте. А штрафники после сорокакилометрового марш-броска в беспамятстве стояли по колена в грязи, забыв о пропавшем завтраке, обеде и ужине. Гляди, говорит Уклонист. Видишь? Это конец. Метрах в трехстах в тылу штрафного батальона занимали позиции сытые, хорошо одетые парни с пулеметами и автоматами. Вижу, говорит Паникер Авось пронесет. Я везучий.

ВЛАСТЬ

Покопайте любого нашего начальничка, говорит Неврастеник, и найдете посредственного инженера или бездарного аспиранта, бесперспективного студента, зубрилу-школьника, двоечника, фискала, труса, лодыря и т.п. Соберите их и дайте им простенький диктант на уровне пятого класса. В каждом предложении наделают минимум по паре ошибок. Про задачку на две трубы в бассейне я уж не говорю. Но дела-то все-таки делаются, говорит Журналист. Не все же они такие. Все, говорит Неврастеник. Дела делаются благодаря тому, что одни эксплуатируют в свою пользу интеллект, терпение и мужество других. Жизненные соки общества текут по не зависящим от них артериям. Они их сосут. Надо изменить принципы отбора людей в систему власти, говорит Журналист. Это невозможно, говорит Неврастеник. В обществе есть миллионы точек, в которых происходит выталкивание людей в систему власти и подготовка к этому. За этим не уследишь. Да и кто будет следить? Те, кто за этим следит фактически (десятки миллионов лиц, причастных к данной системе власти), делают именно то, что нужно и что ведет к результату, с которого мы и начали. Но так же не может продолжаться вечно, говорит Журналист. Наша история находит для себя свойственный для нее традиционный выход, говорит Неврастеник. Вокруг высшей власти складывается постепенно "просвещенный" слой. В основном -- из их собственных детей, зятьев и т.п. Этот слой начинает оказывать какое-то влияние на высшую власть, последняя начинает давить на низшую. В итоге происходит сдвиг на один миллиметр в сто лет. Приезжайте к нам через сто лет, сами в этом убедитесь.

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ИГРА

Побеждает лишь тот, кто ухитряется создать для себя беспроигрышную партию, говорит Неврастеник. Вот возьми, например, надгробие. Поставят -- хорошо. Не поставят -- тоже хорошо. Причем, неизвестно, что лучше А возьми историю с Т, Выпустят на конгресс -- отлично. Он знает язык, прекрасный оратор. И сказать есть что. Эффект будет сильный. Не выпустят -- тоже хорошо. Шум поднимется. И трудно сказать, от чего будет сильнее эффект -- от присутствия или от отсутствия. Ты прав, говорит Болтун. Но для этого надо вести игру так, чтобы твой противник наносил тебе удары там, где тебя уже нет, т.е. по твоему прошлому. А для этого надо иметь огромный запас прошлости. Такой, чтобы даже прекращение жизни сработало в твою пользу. Значит, надо работать, сказал Мазила. Работать! Вот, смотрите, что я задумал...

ТИП НАШИХ ПРОБЛЕМ

Вот мы идем по улице, говорит Журналист. Дома, конечно, не очень красивые. Но приличные. У вас действительно заботятся о жилье для рабочих и служащих. А Вы думаете, это вытекает из Их замечательных душевных качеств и отеческой заботы о детях-людях, говорит Болтун. Думаете, это дар добрых хороших людей, которые могли это и не делать? Попробовали бы не строить! Ко всему прочему строительство -- сфера общественной жизни, за счет которой существуют миллионы людей. Проанализируйте всю эту систему заботы. Работу планирущих и директивных организаций. Строительных организаций. Систему

распределения жилья. Ход строительства и эксплуатации. Понятно, говорит Журналист. Но я не об этом. Смотрите, ведь неплохая улица. Сколько зелени! Отличные автобусы. Да, говорит Болтун. А вон, видите, эту прекрасную улицу перекопали. Ее всегда где-нибудь роют. Видите, деревья ломают. А можно было не ломать. Что стоило на три метра объехать! Я не об этом, говорит Журналист. Это все ясно. Вот учреждение. Отличное здание. Смотрите, какие люди в него идут. Хорошо одеты. Выглядят здоровыми, интеллигентными. Они получают гарантированную зарплату. Путевки. Премии. Отпуска. Детские сады. Да, говорит Болтун. И это тоже от трогательной заботы? Это учреждение. Но вот, смотрите, еще одно. Еще одно. И еще одно. И еще. Подсчитаем, сколько их в этом доме. На этой улице. В этом квартале. В этом городе. Зайдем в учреждения, и посмотрим, чем заняты люди. Каковы их отношения. Какие драмы разыгрываются из-за премий. Сколько они ждут места в детском саду. Надбавку к зарплате. Это все понятно, говорит Журналист. Но где основы для Ваших проблем? Я их не вижу. Вы не хотите их видеть, ибо Вы смотрите извне и потому выражаете нашу официальную точку зрения. Я все время хочу обратить Ваше внимание именно на основы наших проблем, а Вы не хотите смотреть. Пусть все то, что Вы говорили, верно. Пусть даже это забота, хотя слово "забота" здесь не имеет никакого смысла, кроме стремления представить некоторый естественный ход дела как заслугу лиц и организаций определенного рода. Но начните изучать все это внимательнее, и вы дойдете до законов, действие которых в наших условиях и порождает наши проблемы. Действие социальных законов, порождающих наши проблемы и примеры, на которых можно их иллюстрировать, растянуто во времени, суммируется в событиях, о которых не подумаешь, что они суть порождения этих законов. Оно дает о себе знать и вылезает наружу в индивидуальных событиях, которые кажутся чистой случайностью. Например, случай Мазилы. Или случай Т. Разве они обычное дело? Они исключение, если взять процент таких людей в общей массе людей такой профессии. Социальные законы действуют для всех. И результат этого (в случае с Мазилой) -- почти все художники превращаются в художников типа Художника, а если кто-то ухитряется стать художником типа Мазилы, с ним так или иначе расправляются. Перерыли только что заасфальтированную улицу? А рядом не перерыли. И эту не перерыли. Случайность? Недосмотр? Вот в этом новом доме уже раз десять ремонтировали новый лифт, и ремонт обошелся дороже, чем новый лифт. Пустяк, случай? А в этом учреждении на высокий пост назначили ничтожного человечка, а способного работника оттерли. Пустяк? Не со всеми же так? Вы говорите, что такого рода случаи имеют место и у Вас. Ну так что же? Если что-то случается и у вас, нам от этого легче? Нам, выходит уж и думать об этом нельзя? А разве мы настаиваем на том, что наши проблемы -- не ваши проблемы? Суть дела не меняется от того, что какие-то проблемы оказываются общими. Суть дела состоит в том, что эти проблемы по самой природе обдумываемых явлений таковы, что требуется иной способ обдумывания, чем тот, какой нам постоянно навязывают. Я готов допустить, что построят великое множество домов, всем дадут по квартире, озеленят улицы, сократят еще более рабочий день, увеличат зарплату и все такое прочее. И все равно те основы, которые рождают наши проблемы, остаются. Социальные законы все равно без тех ограничителей, которые изобрела цивилизация и изобретение которых образует суть цивилизации (право, мораль, гласность, общественное мнение и т.п.), дадут о себе знать в стиле и уровне жизни, в тех или иных кризисных явлениях

и катастрофах. Это могут быть совершенно неожиданные и непонятные для большинства (но предсказываемые и объясняемые людьми, думающими об этом) явления. Например, одуряющая скука в среде молодежи с сопровождающими ее следствиями, спад исследований в какой-то области науки, крах в какой-то области хозяйства и т.п. Сейчас ведутся исследования по продлению жизни людей до ста и даже до двухсот лет. Представляете, что будет твориться, если изобретут такое средство! Кому будут продлевать жизнь до двухсот лет? Кто будет это делать? Как это будет оформлено идеологически, морально, законодательно? Вы можете себе представить, на что пойдут люди, имеющие возможность и желание жить до двухсот лет? Люди обречены на постоянную борьбу. Всеобщее лобызание -- миф. Или форма насилия. И что Вы предлагаете, спрашивает Журналист. Ничего, говорит Болтун, если не считать способа понимания. Странные вы все-таки люди, говорит Журналист. Ничего в нас странного нет, говорит Болтун. Мы -- это вы с очень небольшим коррективом. Мы сначала ходим с вами в одну школу, а потом разъезжаемся жить по разным деревням.

ПОМОГИТЕ СИЛЬНОМУ

Слабые научились стоять за себя, сказал Посетитель. Сильные оказались беззащитными. Сильные нуждаются в помощи, сказал Мазила. Это нечто новое в истории. Помоги-и-и-те сильненькому! Каково звучит? Трогательно, сказал Болтун, но бесперспективно. Если сильный нуждается в защите, ему помочь невозможно.

НАЧАЛЬСТВО УМНЕЕ ПОДЧИНЕННЫХ

Что это за законы, возмущается Неврастеник, Такие законы любой дурак открыть может. Они общеизвестны. Главное не в этом. Главное -- объяснить, почему именно так происходит, а не иначе. Не так-то уж эти законы общеизвестны, говорит Болтун. После того, как ты прочитал трактат Шизофреник а, тебе стало казаться, что ты сам знал о них до этого. А попробовал бы ты это сделать впервые! Искомые тобою объяснения, может быть, столь же тривиальны. Но ты найди их сам! Неврастеник обиделся и ушел по чужим делам. Мы настолько привыкли пренебрежительно относиться к продуктам труда других, присваивать их безнаказанно и преувеличивать ценность своих мыслей, сказал Болтун, что даже не замечаем чудовищности этой привычки в себе. Мы замечаем ее только в других и только тогда, когда это больно задевает нас. А в чем состоит твоя точка зрения, спросил Мазила. Ты будешь разочарован, сказал Болтун. Законы вообще не нуждаются в объяснении, поскольку их и изобретают именно для этой цели, и не имеют никаких порождающих их механизмов, ибо они сами суть конечные механизмы происходящего. Возьмем, допустим, такой закон: начальство умнее подчиненных. Неврастеник требует объяснить, почему так, поскольку он жаждет сложных формул и глубинных механизмов. Начальство тоже заинтересовано в объяснении, ибо оно убеждено в том, что в начальство выходят самые умные индивиды. А между тем вопрос "Почему?" тут лишен смысла. Дело в том, что подчиненным по самому их положению невыгодно быть умнее начальства, ибо это ослабляет их социальные позиции и даже ведет к конфликтам, в которых умников-подчиненных как правило постигает жалкая

участь. Потому подчиненные добровольно стремятся быть глупее своего начальства. И добровольно фактически становятся такими. Происходит самооглупление, в результате которого интеллектуальный уровень начальства в общем становится выше такового у подчиненных. Это и есть сам закон, который фиксировал Шизофреник в нарочито афористической форме: начальство умнее подчиненных. Раз ты начальник, а я подчиненный, то именно поэтому ты умнее, чем я. Я с этим тоже согласен, сказал Мазила. Я сам так всегда думал.

БЕЗ ДУШИ

Возьми любую нашу житейскую ситуацию с участием многих людей, говорит Болтун. И если ты укажешь мне хотя бы одно ее звено, которое без юмора можно было бы изобразить как духовную драму, ставлю бутылку коньяку. Теперь люди обходятся без механизма, именуемого духовной жизнью. Во-первых, для нас это слишком тонкое и хрупкое сооружение. Оно ломается при первом же соприкосновении с ближними. Да и времени на все нам отпускается так мало, что механизм души не успел бы сработать и остался бы не у дел. Он рассчитан на дистанцию между людьми и неторопливый образ жизни. А во-вторых, ему просто негде работать. Духовная жизнь в собственном смысле слова предполагает достаточно высокую степень независимости индивида от общества и высоко развитое чувство моральной ответственности индивида за свое поведение перед своей совестью. Она и вырастает как особый механизм, связывающий индивида с обществом в таких условиях. Она не нужна, если ею нечего связывать. Психологизм есть тип общественных отношений, а не природное качество человека. Интеллектуализм есть знамение нашего времени. Мы вот часто говорим, что наша жизнь якобы дает великолепные сюжеты для психологической литературы. Не нужно даже голову ломать. Записать все, как есть, и получатся гениальные книги. Попробуй, запиши! В наших условиях искусство, претендующее на психологизм, ложно по самой этой претензии, ибо психологизм не есть реальный феномен нашей жизни. А факты? Воспроизведи их в языке и увидишь, какое это унылое убожество. Твое искусство антипсихологично и антифактуально. И потому оно правдиво. Оно интеллектуально и идеологично. Но это уже совсем другое дело.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ БЕЗДУМЬЯ

У правительства есть разные способы привлечь на свою сторону творческую интеллигенцию, сказал Болтун. Но в условиях, когда творческая интеллигенция исчисляется десятками тысяч, а выдающиеся деятели культуры исчисляются единицами, наиболее эффективное средство такого рода -- устранять самых крупных и непохожих на остальных. Если бы нашим писателям предложили на выбор, сокращение гонораров или изгнание Правдеца, подавляющее большинство предпочло бы последнее. Значит, действия руководства по отношению к Правдецу разумны, сказал Мазила. Нет, сказал Болтун. Оно думало лишь о том, каким способом избавиться от Правдеца, а не о том, что от него надо избавиться. Последнее есть факт социальной природы, а не продукт размышления.

ПОГОДА

...нескончаемая осень, переходящая в нескончаемую зиму...

НАСТОЯЩЕЕ И НЕНАСТОЯЩЕЕ

В юности я ходил к одной девчонке на свиноферму, говорит Посетитель. За двадцать километров к ней ходил по грязи. А в промежутках между моими редкими посещениями мое место занимал симулянт, изображавший инвалида. Ходил и молил судьбу послать мне хотя бы одну настоящую любовь и настоящую весну. Вот я и прожил свою жизнь. Оказывается, эта потаскуха-свинарка и слякоть и были моей настоящей любовью и весной. Был у меня друг. Спали под одной шинелью. Делились каждой коркой хлеба. А он обо всех наших разговорах доносил, куда следует. И я молил тогда судьбу послать мне настоящую мужскую дружбу. Жизнь прошла. И что же? Оказывается, этот мой друг-доносчик и был моей настоящей мужской дружбой. Потом решил я из армии уйти. Поломал успешную карьеру. Сколько неприятностей вынес из-за этого. Семья намучилась со мной. Жена, в конце концов, не выдержала и ушла с ребенком от меня. Об одном молил судьбу: выдержу любые трудности, но дай мне возможность сделать в жизни хотя бы одно настоящее дело. Жизнь прожита. Надеяться еще на что-то бессмысленно. Итог? Оказывается, этот мой идиотский шаг и был единственным настоящим делом моей жизни. Так что же есть настоящее и ненастоящее? Настоящее есть лишь абстракция от реально происходящего, говорит Болтун. Оно реализуется как ненастоящее и есть само это ненастоящее. Когда оно проходит, в памяти оно очищается от плоти и крови и вызывает умиление. Только прошлое имеет реальную ценность. Только ожидание прошлого создает иллюзию прекрасного. Ты прав, говорит Посетитель. Обидно только то, что живешь в одиночку. Страшно не то, что живешь трудно, а то, что никто не хочет знать о том, как ты живешь, ибо в принципе все знают, как ты живешь. Наша жизнь не имеет тайны и не вызывает ни у кого любопытства. Однажды мальчишкой я съехал на лыжах с горы, с которой никто съехать не отваживался. Я сильно переживал из-за того, что никто этого не видел. Я был один. Потом я не раз повторял это при свидетелях. Но эффект был такой же, как будто я был один, Я ничего этим не добился. Потом я вроде бы привык к этому. И все-таки жаль. Не себя. Свидетелей жаль. Им-то ведь еще хуже.

МЫ ВСЕ СОТРУДНИКИ

Скажи откровенно, спросил Неврастеник, Социолог -- ваш сотрудник? Наш, сказал Сотрудник. А Мыслитель, спросил Неврастеник. Наш, сказал Сотрудник. А Супруга, спросил Неврастеник. Наш, сказал Сотрудник. Какой кошмар, сказал Неврастеник. Почему кошмар, сказал Сотрудник. Норма. У нас все сотрудники наши. Но я, положим, нет, сказал Неврастеник. Ты -- потенциальный сотрудник, сказал Сотрудник. Мы тебя имеем в виду. Впрочем, я ведь в принципе не против, сказал Неврастеник. За хорошую плату, конечно. Я мог бы делать доклады для вас не хуже Социолога. Социолог, кстати, халтурщик, дилетант и лгун. Да, сказал Сотрудник, последнее время он начал много врать и халтурить. И потом его престиж там сильно снизился. Пора заменить. Поговорим на эту тему потом. Ну, а Правдец, спросил Неврастеник. Правдец тоже был потенциально нашим сотрудником, сказал Сотрудник. Если бы Хряк не сглупил в свое время, Правдец сейчас был бы заведующим над писателями. Хряк, удивился Неврастеник. Но ведь он же его и выпустил в свет. Да, сказал Сотрудник. Но

он же испугался и приказал потом его зажать. Какой все-таки кошмар, сказал Неврастеник. Странно это слышать от тебя, сказал Сотрудник. Нельзя быть членом нашего общества, не испытав на себе его влияния. Как только человек у нас рождается на свет, он первым делом становится нашим сотрудником. Потом он учится ходить, говорить, писать. И научившись этому, начинает сочинять доносы. Дело в том, что наши сотрудники разделяются на две группы: на актуальных и потенциальных. Актуальные делятся в свою очередь на три группы: на регулярных, спорадических и стыдливых. Регулярные либо состоят в штате, либо систематически выполняют наши поручения. Спорадические выполняют наши поручения при случае. Иногда -- всего один раз. Стыдливые либо не подозревают, что они сотрудничают с нами (но практически так не бывает; я, во всяком случае, не знаю ни одного случая такого рода), либо делают вид, что не подозревают. Таких очень много. Невероятно много. От них просто спасения нету. Потенциальные сотрудники -- все остальное население. Они остаются таковыми либо потому, что непригодны по тем или иным причинам, сотрудничать с нами, либо потому, что у нас нет возможности их использовать, либо потому, что не пришло их время. Ну, а оппозиционеры, спросил Неврастеник. Оппозиционеров мы делаем сами, сказал Сотрудник. Или по недосмотру. Или по мере надобности. Поскреби всех наших самых рьяных оппозиционеров поосновательнее, и увидишь неудавшегося Социолога, Мыслителя, Супругу, Претендента и т.п. Оппозиционеры -- это пустяк, не стоящий серьезного внимания. А что заслуживает внимания, спросил Неврастеник. Стоящие вне и над, сказал Сотрудник. Независимые. Это -- чужеродные вкрапления в наше общество. Их очень мало. Но они опасны, ибо они суверенны. Один такой независимый может причинить нам хлопот неизмеримо больше, чем миллионная оппозиционная партия. Я бы лично партии разрешил. У нас они все равно выродились бы в ублюдочную комедию. Без принуждения. В силу внутренних причин. И вообще я противник принуждения. Тех же целей можно добиться и без насилия. И даже лучше. Надо только иметь терпение и уметь подождать. Когда людей насилуют, им кажется, что они способны на многое. Дай им свободу, и скоро всем станет ясно, что они не способны на что. Способность сделать нечто есть мутация. Звучит наукообразно, сказал Неврастеник. Откуда эти идеи? В свое время я читал Шизофреника и Клеветника, сказал Сотрудник.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Допустим, меня сейчас вышибут отсюда или я сдохну, что ожидает меня здесь, спросил Мазила. Быстрое забвение, сказал Болтун. Через пару месяцев жизнь будет здесь выглядеть так, как будто тебя тут не было вообще. Неужели я тут совсем не нужен, спросил Мазила. Нужен, сказал Болтун. Но тут каждый сам должен доказывать и навязывать свою нужность другим. Конкуренция тут ни при чем. Конкуренция есть борьба сильных. Она заставляет помнить. Тут же -- борьба слабых против сильных. А оружие слабых в этой борьбе -- забвение сильного. Сильный должен бороться за свою нужность обществу даже тогда, когда он уникален. В последнем случае -- в особенности. Чем исключительнее личность, в которой нуждается общество, тем более ожесточенную борьбу с обществом она должна выдержать для утверждения своей нужности. К тому же люди активно предают забвению свою прошлую культуру, Чем рафинированнее и тоньше эта культура, тем больше нужно приложить сознательных усилий к тому,

чтобы ее не забыть. Чтобы человека помнили, о нем надо постоянно напоминать. Память в истории тоже есть работа. Выброси Шекспира из школьных хрестоматий и прикрой всякого рода организации, поддерживающие память о нем, и через пару поколений даже о нем забудут. Наконец, ты тут нужен не персонально, а в качестве неопределенной потребности. Твое потенциальное место может занять другой. Или никто. Потребность не обязательно удовлетворяется. Более того, такого рода потребности осознаются в качестве потребности лишь тогда, когда есть чем их удовлетворять или даже когда обстоятельства вынуждают к этому насильно.

ПСЕВДОЛОЖЬ

Мы живем кругом во лжи, говорит Неврастеник. То, что врут газеты, радио, журналы, кино и т.п., это само собой разумеется. Им по штату положено. Они выполняют миссию. Я имею в виду нашу обычную жизнь. Вот сегодня, например, я беседовал с заведующим отделом. Он мне пытался всучить одну вшивую тему и врал о ее великой теоретической и практической важности. Я врал ему, признавая важность темы и настаивая на том, что ее должен разрабатывать более опытный и широко образованный Р. А Р, на самом деле, законченный старый кретин и невежда. Я выторговал себе другую тему. Не менее паскудную, но фразеологически более европейскую. Потом мы обсуждали книгу другого кретина С. Все хвалили, хотя все знали, что книга -- пустая болтовня. И я хвалил. Это не ложь, говорит Болтун. Это лжеподобная форма поведения, вполне естественная для данного общества. А может быть, и для любого. Это -- ложная ложь. Представь себе такую ситуацию. Некто Н произносит речь перед группой людей Х с целью убедить ее в чем-то. Н сам считает, что его речь есть ложь. У него, очевидно, есть для этого свои критерии оценок. Пусть некто Б заявляет, что речь Н есть ложь. Ты уверен, что у него те же самые критерии оценок, что у Н? Значит, не исключено, что у Б другие критерии оценок, чем у Н. Он тоже считает, что Н лжет. Но у него это имеет уже другой смысл. Очевидно, будет защищаться, пускал в ход аргументы. Какие? Такие, чтобы его речь выглядела как правда с точки зрения некоторых критериев оценок, официально признанных в группе Х. И если ему это удается, то он не лжет с точки зрения критериев Х. Где тут правда и где ложь? Твои личные критерии -- твое личное дело. Считай себя лжецом. Считай всех других лжецами. Значение имеют только официальные критерии -- то, что входит в планы, решения, отчеты, отзывы. Тут бывают ошибки, но не ложь. Просто наши официальные критерии, с точки зрения которых оцениваются слова и дела людей, таковы, что с точки зрения наших субъективных критериев наше поведение выглядит как ложь. Все это так, сказал Неврастеник. Но я же сам убедил заведующего отделом в важности своей темы. Я ее выдумал, хотя знал, что это ерунда. Теперь ее включат в план. И она официально будет считаться важной. Значит, я способствовал введению ложного, с моей точки зрения, критерия оценки. Это верно, сказал Болтун. Но когда ты выдумывал тему и убеждал заведующего, ты аргументировал, учитывая официальное положение дела, т.е. аргументировал от имени официальных критериев. Твою тему приняли только потому, что она отвечала им. Так что не ты их выдумал. Но я участвовал в этом, сказал Неврастеник. Во всяком случае, я участвовал в их поддержании. Да, сказал Болтун. Но это твое участие уже не подлежит оценке в терминах лжи

и истины. Оно идет совсем в другом плане. Где правда, где ложь, без поллитра не поймешь, сказал Ученый. Вы слышали, конечно, что в институте у Ж. изобрели искусственную икру. Так это сначала была липа. Им нужно было выбить деньгу на опыты, не имеющие пока выхода в производство. Пять лет денежки, отпущенные на икру, транжирили на какие-то никому ненужные соединения (сейчас-то выяснилось, что эти соединения важнее их идиотской икры!). Пора отчитываться. Достали где-то ведро отличной натуральной икры. Разложили по баночкам, пригласили экспертов и предложили им отличить искусственную икру от настоящей. Те, разумеется, не смогли. На радости институту отпустили огромные деньги на доведение дела до серийного производства. На эти-то денежки в институте и сделали то самое знаменитое открытие. Про икру забыли. Икру они тоже, надо сказать, довели до конца. Как настоящая получилась. И цена как у настоящей. Правда, она не переваривается. Но зато преимущество перед настоящей неоспоримое имеет: съешь, выкакаешь, помоешь, спрыснешь одеколончиком и опять на стол. Иностранцев угощать, сказал Неврастеник.

БЕЗ ПРОШЛОГО

В молодости даже я пытался кое-что сделать, сказал Клеветник. Я, конечно, все уничтожил. Барахло. Осталась случайно только эта вот бумажка. Послушайте!

Пускай дневальный снова закричит подъем.
Пусть старшина, как прежде, заорет, вставайте, разгильдяи.
Пусть будет шагом марш. Пусть с места "Бронепоезд" запоем.
Пусть даже будет, чтобы в нас со всех сторон стреляли.
До слез обидно. Но не от того, что жрали мы говно.
И не из-за того, что матерей своих пришлось забыть давно,
Что бесконечно темными бессонными ночами
Беседы сокровенные за жизнь вели со стукачами.
И не из-за того, что первую любовь с блядями мы делили.
Обидно потому, что все осталось так, как будто мы не жили.
Как будто не клялись мы: погодите, мы придем
И в хвост и в гриву всех Их разъебем.
Мы Им покажем, где зимуют раки.
Мы влепим Им сполна за Их дела и враки.
Ах если бы опять дневальный закричал подъем,
И старшина спросонья заревел, живее, раздолбаи!
Тогда бы мы... Тогда мы снова "Бронепоезд" пропоем.
К Их старым мерзостям еще Свои добавим.

Подумать только, больше двадцати лет исчезло в никуда, сказал Клеветник и порвал бумажку. И никто не остановил его. И никто не собрал обрывки.

РЕАЛЬНОЕ И ИЛЛЮЗОРНОЕ ДЕЛО

Два года назад, говорит Ученый, нам назначили нового начальника по научной части. Представительный человек, переполненный сознанием собственной значительности. Встретишь на улице -- не иначе, как министр не очень соседнего и до безобразия демократического государства! В науке, разумеется, абсолютное ничтожество. Так, может быть, он талантливый администратор,

говорит Мазила. В Америке такие ценятся выше, чем ученые. Об этом я и хочу сказать, говорит Ученый. Пришел к нам этот выдающийся Начпонауч, и началось! И третий год идет так. Каждый из нас каждый месяц пишет бумажки о том, что он сделал все то, что ему положено было сделать за месяц (хотя мы делаем совсем не то или не делаем ничего!). Бумажки идут к нашему непосредственному начальнику. Тот на основе этих бумажек (как будто мы с ним не видимся сверх всякой меры!) приказывает секретарше заполнить на каждого из нас бумажку по установленной форме, затем -- бумажку на технических сотрудников, затем -- на младших научных без степени, затем -- на младших научных со степенью... В общем, бумажки заполняются во всех административно возможных разрезах. Аспектах, как принято у нас теперь выражаться. Все эти типы бумажек стекаются в канцелярию и бухгалтерию. Специальные люди занимаются их изучением. Цель -- выявить тех, кто согласно этим бумажкам что-то не выполнил или недовыполнил или выполнил не так. Что это за человек -- обнаруживается при выдаче зарплаты. Зарплату ему не выдают и направляют к начальнику по научной части. Тот беседует с жертвой пару часов, выясняет, что вышло недоразумение, и издает бумажку, разрешающую жертве получить зарплату. За два года я не помню случая, чтобы зарплату не дали совсем (по закону не могут не дать!) или наказали человека как-то иначе (человек у нас в принципе не может не выполнить план!) Выступил я как-то на производственном собрании по сему поводу. Предложил давать сведения только на тех, кто не выполнил план. Это в месяц пять-шесть бумажек всего, а то и того меньше. Ты бы послушал, как они все на меня орали! Все без исключения! Почему? Очень просто. Назовем нашу научную работу делом А. Деятельность по составлению и передвижению бумажек о делании А назовем делом В. По идее дело А есть основное дело, а дело В производное. Но только по идее. С социальной точки зрения безразлично, какое из А и В породило другое. Важно лишь, какое из них социально значимее. С точки зрения социального бытия именно дело В становится реальным делом, а А -- иллюзорным. Ход А становится практически безразличным. Но не об этом речь. Что значит организовать дело В умно? Организовать его так, как предлагал я. Между прочим, школьный отличник и не зубрила. А для такой организации дела В, как это устроил Начпонауч, достаточен двоечник, второгодник и зубрила. В таком виде это дело не содержит ни крупицы ума, ни крупицы таланта какого бы то ни было рода. Бездушность, мелочный педантизм, непроходимая тупость, удручающая серость, -- вот его качества. И способность участников этого дела на любую мерзость -- на донос, на клевету, на любую подделку... Ход дела А у нас не нуждается в талантливой организации по идее обслуживающего его дела В. И потому дело В становится самодовлеющим и главным. Оно, собственно говоря, и есть Дело, а наука наша -- лишь его арена. А такое Дело в принципе исключает способности и интеллект. Оно антиинтеллектуально по самой своей природе. Талантливый администратор в нем еще менее терпим, чем талантливый ученый в деле А.

РЕЛИГИЯ

Вы молитесь, спросил Посетитель. Да, сказал Болтун, иногда. И к кому Вы обращаетесь, спросил Посетитель. Разумеется, к Богу, сказал Болтун. Не к коллегам же! Не к директору же! А с чем Вы обращаетесь к Богу, спросил Посетитель. Когда как, сказал Болтун. Иногда ругаю. Но это бывает очень

редко. Иногда благодарю за то, что есть. Когда мне плохо, молю, чтобы не было хуже. Когда терпимо, молю чтобы осталось так. И помогает, спросил Посетитель. Да, сказал Болтун. Молитва смещает оценки и приносит некоторое успокоение. Выходит, Вы верующий, сказал Посетитель. Боюсь, что я Вас разочарую на этот счет, сказал Болтун. Позвольте, я прочитаю Вам маленькую лекцию. Есть три формы обращения человека к другому конкретному человеку, к группе лиц, к организации, -- просьба, благодарность, порицание. Это обращение персонифицировано. Уберите теперь из этой схемы конкретную персонификацию. Представьте, что человек обращается, но ни к кому. Но обращение как языковая форма не может быть таким неполным. И пустое место заполняется формой персонификации как таковой. И то, к кому теперь направляется обращение, по определению есть Бог. Это все чисто языковые трюки, сказал Посетитель. А что поделаешь, сказал Болтун. Мы живем в цивилизации. Из нее вырваться невозможно. Здесь все в языке и через язык. И даже религия здесь принимает форму чисто языковой деятельности.

СТРАХ ПРАВДЫ

Панический страх правды о себе -- вот знамение времени, говорит Посетитель. Не боязнь разоблачения, а именно страх правды о себе. Люди жаждут быть обманутыми. Искусство самообмана достигло таких высот, что самое время собирать по этому поводу конгрессы, организовывать институты, издавать учебники. Это, очевидно, общий закон, говорит Мазила. Люди в массе никогда не имели верного представления о себе и своей эпохе. Но в разные эпохи по разным причинам, говорит Посетитель. Раньше из-за невежества. А теперь? Теперь потому, что грамотны и могут понять свою суть и свое положение в обществе. Это их унижает и удручает. Страх правды в наше время есть страх не перед неведомым, а перед очевидно ведомым. Люди боятся самих себя, так как знают, кто они.

КТО КОГО ПРЕДАЛ

Слышали, говорит Мазила, не вернулся Т. Да, говорит Неврастеник. Читал письмо его коллег. Они его назвали предателем. Предатель, сказал Посетитель. С какой легкостью они это говорят. А ведь они-то очень хорошо знают этого человека. Они знают, что он не предатель. Я с Т был знаком с юности. Он отличником окончил школу и обнаружил выдающиеся способности в институте. По доносу ближайших друзей его забрали. Заступилась за него школа, в которой он учился десять лет? Заступился за него институт? Соседи? Знакомые? Даже родители не пикнули! А он у них был единственный сын! Так кто же кого предал?! Прошли годы. Он стал видным ученым. Вся его жизнь шла на глазах у всех. Какая-то кампания началась, и его опять по шапке. Заступились за него коллеги? Студенты? Аспиранты? Друзья? Кто же кого предал?!! И еще прошли годы. Началось самое либеральное время в нашей истории. Т приобретает широкую известность. Его знают за границей. На конгресс приглашается он, едут другие, В Академию избираются люди, которые в сравнении с ним ничто. На премию выдвигают группу ученых, где он играл первую скрипку. Его выбрасывают. И все это происходит на глазах у всех. Все знают, что такое Т и что такое те, кто ездит, избирается, награждается. Так кто же кого

предал?!... Наконец, он начал создавать школу, о которой заговорили за границей. Коллеги сделали все, чтобы ее разрушить. И добились своего. Разгром группы Т проходил совершенно открыто. Об этом говорили дома, в коридорах, в ресторанах. Но никто не шевельнул пальцем, чтобы остановить это преступное дело. А ученики? Где они? Как они защитили своего учителя и руководителя? Кто же кого предал, черт возьми!!!

КТО МЫ

Я здесь у вас, говорит Журналист, встречался с самыми различными людьми из самых различных слоев общества. И все вы говорите об одном и том же, хотя и в несколько варьируемом языковом выражении. У вас бесхозяйственность. Безответственность. Дефицит необходимых вещей. Вы прикреплены к месту жительства, к работе. Никакой свободы инициативы. Нечего читать. Нечего смотреть. В руководстве дураки и стяжатели. Глупость то. Глупость это и т.д. Так говорит и рабочий, и писатель, и министр, и актер... Все говорят и говорят... И ничего не делают, чтобы изменить. Я много раз встречался с людьми с Запада, говорит Болтун. С писателями, художниками, учеными, студентами, бизнесменами. И все вы говорите о нас одно и то же: что мы все говорим одно и то же, говорим и ничего не делаем. Я каждый раз спрашивал. Спрашиваю и Вас. А разве я говорил Вам это? Нет. И не буду. Я говорил Вам совсем другое. Но Вы, как и Ваши предшественники, пропускаете все это мимо ушей. Я для Вас не существую. Такие, как я, для Вас не существуют. А нас, таких, не так уж мало. Дело не в том, чтобы открыть правду о себе. На это много ума не нужно. Дело в том, как после этого жить. Для нас не секрет, кто мы. И жалуемся отчасти потому, что немного стыдимся этого или кокетничаем своим глубокомыслием. Кстати сказать, лица, причастные к высшей власти и располагающие благами жизни, поносят нашу жизнь больше, чем лишенные этого. Им виднее. И аппетиты у них больше. К тому же безнаказанно можно выглядеть мыслящими и мужественными. Конечно, мы все хотим лучшего. Тем более, глядя на вас, мы потеряли невинность. Но желать -- одно, а мочь -- другое. Мы свои желания можем реализовать только через нашу жизнь тут. А это значит, что плачем мы одинаково, а действуем различно и хотим разного. Насчет бездействия Вы неправы. Мы все действуем. Вы знакомы с Академиком? Жаловался? Жаловался. Вы думаете, он бездействует? Действует, да еще как! Оттирает во всю Троглодита и Секретаря. Захватил половину постов, которые они занимали раньше. Повсюду проталкивает своих холуев. Думаете, лучше стало? Нет. Он-то думает, что лучше, поскольку он, а не кто-то другой захватил эти места. А он, между прочим, больше всех сделал, чтобы раздавить Клеветника. Вы знакомы с Претендентом. Жаловался? Конечно. Бездействует? Нет. Он свои жалобы и желания реализует так, как может в силу своего положения и своей натуры. Уж он-то до печенок убежден в том, что на всех парах перестраивает страну по западным образцам. С Социологом и Мыслителем Вы десятки раз говорили. И они, по-вашему, бездействуют? Им противно смотреть на очереди, грязь, беспорядки. Но Вы думаете, их это глубоко волнует? Они даже будут опечалены, если это исчезнет. О чем тогда говорить? На каком материале чувствовать свое превосходство над другими? На каком материале чувствовать себя жертвами? А чего они хотят? Напечатать труд, продуманный десятилетиями? У них его нет! Дать дорогу подлинному таланту? А

скольким талантам именно они закрыли дорогу! Их допустили до власти только потому, что Троглодит и Секретарь в теперешних условиях неспособны отличить талант от посредственности и стали пропускать отдельные талантливые работы. Мыслитель и Социолог не пропустят. И они прекрасно действуют в этом духе. Люди, озабоченные преобразованиями нашей жизни, у нас тоже есть. Вы о них знаете. И знаете, что они тоже кое-что делают. И знаете, как с ними поступают. Их рассматривают как врагов, клеветников, предателей и т.п. Кто? В том числе те, с кем Вы беседовали и кто жаловался Вам на свою горькую участь и на наши скверные порядки. В том числе -- некоторые из тех, кого Вы в своей последней статье зачислили в духовные вожди нашей интеллигенции. Вы пишите книгу про нас, насколько мне известно? Хотите пари? Вы в ней не напишете обо мне и об этом нашем разговоре ни слова. А если и напишете, то все наоборот. У меня нет к Вам претензий и не будет. Ваше поведение определяется не тем, что Вы слышите и говорите, сейчас, а социальной позицией там, у себя дома. Вы же человек. Так чего же Вы хотите от нас? Мы всего лишь люди, а не актеры в желательном для Вас спектакле.

ИСКУССТВО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Принято говорить, что искусство оказывает огромное влияние на науку, говорит Болтун. В доказательство приводят многочисленные примеры. Причем чем крупнее ученый и художник, оказавший на него влияние, тем убедительнее звучит пример. Так, Эйнштейн сознавался, что на него оказал влияние Достоевский. А уж если сам Эйнштейн испытал влияние самого Достоевского, то какие могут быть сомнения! Но попробуйте исследовать хотя бы один случай влияния искусства на науку не по воспоминаниям великих деятелей культуры, а путем наблюдения этого случая в момент его осуществления! Такая ситуация вполне мыслима. Уверяю вас, самое большее, что вы при этом откроете, это факт наложения во времени различных психических рядов. Субъективно это наложение переживается как причинно-следственное отношение. На самом же деле тут бессмысленно искать какой-то причинный закон, ибо процессы научного и художественного творчества описываются в разноплановых системах понятий, исключающих, по самим определениям этих понятий, применение к обозначаемым ими явлениям понятия причинной или какой-либо иной эмпирической связи. Можно, конечно, в этих процессах найти сходство. Но сходство не есть связь. Кроме того, сходство можно обнаружить в любых двух произвольно взятых процессах. Короче говоря, все то, что говорится о влиянии искусства на науку, пока есть ни к чему не обязывающая беллетристика. Я с тобой согласен, говорит Мазила. А как насчет обратного влияния? Конечно, такое влияние есть, говорит Болтун. И примеров сколько угодно. Космические полеты и открытия атомной физики -- характернейшие примеры научно-технического прогресса. Оказали они влияние на искусство? Конечно. Но намного ли больше (в относительных величинах, конечно), чем открытие велосипеда? Великое искусство рождается не из глубин космоса и атома, а из фактов человеческой души и жизни, лежащих на поверхности и доступных всеобщему обозрению, -- из общедоступного и общеизвестного. Великое искусство есть лишь одна из форм организации этой общеизвестной земной жизни. Научно-технический прогресс дает образы и сюжеты. Но не принципиальные проблемы. Если он и касается сути дела, то лишь постольку, поскольку он порождает новую или обостряет обычную

духовную ситуацию в тех или иных слоях общества или в обществе вообще. Тут-то и выступает на сцену искусство. Я имею в виду не искусство вообще, а искусство, специально ориентированное на духовную ситуацию такого рода. Не искусство, изображающее научно-технический прогресс и его последствия, а искусство, отвечающее духовным состояниям людей, оказавшихся в сфере действия этих последствий. Этим-то ты и занимаешься. Ты даешь людям искомое ими утешение.

ПОДХОД К ЛЮДЯМ

Сыны мои, рявкнул могучим голосом Начальник. Родина не требует... Родина просит вас... Родина умоляет... От имени... объявляю вам всем амнистию, гремит Начальник. Ура, кричат амнистированные штрафники. За Родину, за Хозяина, даешь Н, гремит Начальник. Ура, кричат амнистированные. Какие будут просьбы, спрашивает Начальник. Есть просьба, кричит Уклонист. Можно только за Родину? Начальник посмотрел на Заместителя, Заместитель на Сотрудника, Сотрудник на Начальника. Можно, рявкнул Начальник. Ура, закричали обреченные штрафники. И падая от истощения и усталости, они побрели брать Н.

ТУПОСТЬ ВЕЗДЕ ТУПОСТЬ

Меня удручает не столько то, что они -- карьеристы, говорит Неврастеник, сколько то, что они бездарны даже как карьеристы. Как и везде, говорит Мазила, талант -- редкость. Но ты же не будешь отрицать, что Хозяин, например, был талантливый карьерист. Буду, говорит Неврастеник. Он вылез только благодаря тому, что был феноменально посредственным во всех отношениях. Как же так, говорит Мазила. Есть же воспоминания, из которых видно, что он был незаурядный человек. Скажи мне, кто с твоей точки зрения идеально бездарный человек, говорит Неврастеник. Прекрасно, поставь его хотя бы во главе вашего Союза. Подожди лет десять. И он начнет такие штучки выдавать, что можно будет собрание выдающихся афоризмов этого кретина издавать. Бездарность, развязавшая себе руки, начинает вести себя так, будто она гений. И усилиями огромного числа людей создается иллюзия гениальности. Ты возьми это вшивое дело с Претендентом! Я с Мыслителем десятки раз говорил на эту тему. Но кто я такой для него? Всего лишь Неврастеник, который не может даже квартиру себе устроить и толком организовать защиту диссертации. А тут речь идет о делах большой государственной важности. А между тем задачка была тривиальной. Я ему говорил: ты человек выше среднего уровня, во всяком случае -- начальство и окружающие воспринимают тебя так. А ведешь себя так, как должна себя вести выдающаяся посредственность. Это ненормально. Либо уходи туда, где твоя талантливость будет выглядеть обычной посредственностью. Уходи, например, к Социологу. Там все такие. Либо постарайся убедить всех, что ты на этом месте такое же дерьмо, как и все остальные. Так он похлопал меня снисходительно по плечу, сказал, что я ничего не смыслю в политике. А чем кончилось -- тебе известно. Понимаешь, тут по самим правилам делания карьеры самым способным карьеристом оказывается тот, кто наиболее бездарен именно с точки зрения делания карьеры. Способностями становится отсутствие каких бы то ни было

способностей в смысле незаурядности. Решающей становится готовность совершать социальные поступки определенного рода. Но тут речь идет уже о способности совсем в другом смысле, -- в том смысле, что человек может совершить поступок (донести, солгать, оклеветать, приказать убить, самому убить). Готовность совершать те или иные социальные поступки не есть признак одаренности в том смысле, в каком мы говорим о талантливых певцах, художниках, спортсменах, ученых, политиках. Талант прирожден, а социальное поведение -- нет. К таким, как Хозяин, Хряк, Претендент, Троглодит и им подобным неприменимо понятие таланта, ибо они добиваются успеха не за счет прирожденных способностей, а за счет отсутствия таковых. Готовность совершать пакости в поведении есть компенсация за отсутствие прирожденных способностей или за их незначительность.

ОПЯТЬ МЫ И ОНИ

Обсудили мою книгу. У меня никогда не было иллюзий насчет ума и нравственности моих коллег. Многие годы я их знал лично. Кроме того, я знал, что в отношении средне нормальных творческих индивидов, к числу которых, за редким исключением, принадлежат мои коллеги, имеет силу социальный закон: они либо делают подлости в силу глупости, либо глупости в силу подлости. И все же я до последнего времени их идеализировал. Отчасти -- из естественной потребности иметь приличное окружение. Но главным образом потому, что в прошедшую "либеральную" эпоху многие ничтожества при наличии желания, ловкости и некоторых способностей могли прослыть мужественными и значительными личностями. Причем, без особых усилий и жертв, и даже с выгодой для себя. Они были весьма распространенным и временами даже господствующим явлением в наших кругах. Они делали грани между людьми расплывчатыми и неопределенными. Шли годы. В силу взятой на себя роли они вели себя прилично ровно настолько, чтобы сохранить репутацию. И это рождало некоторые иллюзии, главным образом -- в их представлениях о самих себе. И большие претензии и самомнение. Но эпоха кончилась. Роль исчерпала себя. Остались претензии судить. Последствия этого я испытал на своей собственной шкуре. Можно, разумеется, сказать, что мой случай есть индивидуальное стечение обстоятельств. Однако в общественной жизни общее не только проявляется через индивидуальные судьбы, но и суммируется из этих индивидуальных судеб. В среде моих коллег годами копилась злоба по отношению ко мне. Я ее постоянно чувствовал, но мог не принимать во внимание. Теперь она вырвалась наружу в большом количестве и в откровенном виде. Давно я с такого близкого расстояния не видел, как человеческие души источают грязь. Состояние такое, будто столкнулся с удивительно ничтожной и потому неодолимой силой. Такое состояние у меня бывало во время войны, когда ночью в землянке на нас нападали полчища блох. Хотелось буквально выть от сознания силы и в то же время беззащитности. ЭН говорит, что у них происходит то же самое, что у нас. И методы борьбы те же. Знаешь, я не против драки. Но чтобы дрались по-мужски. Открыто. Кулаками. Пусть палками, ножами. Пусть зубами. Но когда меня начинают бить соплями, у меня опускаются руки. Я говорю, что в людях накопилось слишком много злобы и ненависти. Боюсь, что их локальные вспышки могут перерасти во всеобщие и принять опасные масштабы. Если, конечно, их умело направят. ЭН говорит, что у него тоже такое ощущение,

будто надвигается что-то очень серьезное. Я говорю, что сейчас так многие думают. Причем, люди будут даже разочарованы, если ЭТО не наступит. Они не предчувствуют ЭТО, а жаждут! И делают все для того, чтобы ЭТО пришло. Мое маленькое дело дает повод для разговора обо всем, что происходит в мире и вызывает тревогу. Я смотрю, как работает ЭН, и мое дело уже кажется мне незначительным и недостойным внимания. Я говорил, что ЭН -- мой художник. Это сказано слишком слабо. Творчество ЭН есть неотъемлемая часть моей жизни. Не могу себе представить, чтобы было бы со мной, если бы его не было. Я прихожу в мастерскую ЭН как в храм и очищаюсь от житейской грязи. А вдруг, говорит ЭН, на самом деле ОНИ правы, и все, что я делаю, ерунда? Где критерий великого и ничтожного? Что стоит все это сломать, расплавить, сжечь?! Критерий есть, говорю я, не будь его, не было бы ЭН. Ты такой критерий имеешь: это твой собственный разум. Он есть наивысший судия того, что ты создаешь. А насчет "расплавить" и "сжечь" -- дело не в этом. Страшно тут совсем другое. Гибель человека -- трагедия этого человека. Гибель миллионов -- грандиозная трагедия, но трагедия людей. А есть еще трагедия рода человеческого. Но люди и есть род человеческий, говорит ЭН. Не совсем так, говорю я. Люди разбросаны в пространстве. Род человеческий устремлен во времени. Эти иной аспект бытия. Род человеческий живет за счет того, что в нем время от времени появляются точки роста, выдающиеся из массы людской отростки необычного. Срежь их -- вроде бы никаких последствий. Вроде бы и незаметно даже. А кто знает, к каким последствиям приведет это невинное, на первый взгляд, дело. И как знать, чего уже успело лишить себя человечество таким путем. Ты одна из таких точек роста. Твоя трагедия есть трагедия рода человеческого. Трагедия отсеченных возможностей. А ты, спросил ЭН. Мое положение, сказал я, еще хуже. У меня нет даже трагедии. Мне не удалось даже прорасти.

УЧЕНИЕ О ЖИТИИ

У нас, сказал Неврастеник, возрождаются многие традиционные явления ибанской жизни. Вот, к примеру, Посетитель. Он сочиняет свое доморощенное учение о житии. А знаете, сколько таких учителей жития было когда-то в Ибанске? Он бескорыстен? И такие были. Не пропагандирует? Но он и не скрывает этого. А у нас, если человек не скрывает своих убеждений, он воспринимается как пропагандист. А что из себя представляет его учение о житии, спросил Журналист. Я его слушал не раз, но запомнил только обрывки, сказал Неврастеник. Это кустарная дребедень, и я не старался запоминать. Его учение содержит систему правил сохранения физического и духовного здоровья, правил поведения по отношению к знакомым (друзьям и родным, в том числе), к сослуживцам, к начальству, к случайно встреченным лицам, с которыми приходится вступать в контакт, к подчиненным, к лицам, от которых ты зависишь, к лицам, которые зависят от тебя, а также правил отношения к материальным благам, к почестям, к карьере, к удачам, к неудачам и т.д., -- короче говоря, систему правил поведения на все случаи жизни. И он сам им следует, спросил Журналист. Судя по всему, да, сказал Неврастеник. Он всю жизнь занимался самовоспитанием, и только под старость это вылилось у него в самодельную концепцию. Его учение содержит позитивную и негативную часть. В позитивной говорится о том, что должен делать человек, чтобы сохранить

физическое и духовное здоровье, а в негативной -- о том, что он не должен делать. Первые суть правила-предписания, вторые суть правила-запреты. Я излагаю Вам уже свою обработку идей Посетителя. У него самого это не так четко сделано и не в столь откровенной форме. Он же самоучка. Правила жития прилагаются к поступкам людей по отношению к себе и к другим людям. Те поступки, которые не охватываются ими, житийно безразличны. Но сам Посетитель убежден, что если строго следовать его учению, то таковых не будет. Основные принципы для правил жития. Они не зависят от ситуации, т.е. если поступок обязателен (или запрещен), то он обязателен в любой ситуации (при наличии, конечно, условий поступка, указываемых в правиле). Например, если ты обещал человеку что-то сделать, сделай это независимо от того, что это за человек, как изменились ваши отношения и т.п. Твое отношение к человеку не зависит от твоего отношения к другим людям и от отношения этого человека к другим людям. И так далее в таком духе. Это невероятно скучно. На такой основе развивается своеобразная система психогимнастики и ограничений. Не пей. Не кури. Не занимай должностей. Минимум вещей. Минимум трат. Минимум еды. Минимум сна. Минимум контактов с людьми, в которых устанавливаются отношения социальной зависимости. Не стремись к почестям и известности. Умей молчать, когда говорят другие. Умей слушать, если хочешь быть выслушанным. Никаких жалоб. В общем, нечто подобное йоге, но на наш манер и с учетом способа нашей жизни. Это любопытно, сказал Журналист. Самая любопытная часть его учения -- психогимнастика, сказал Неврастеник. Тут он действительно достиг высот. Вы знаете, сколько ему лет? Что Вы! Ему далеко за шестьдесят! Он был в крупных чинах. Во всяком случае, войну он закончил полковником. Вы видели, как он одет? Живет на тридцать рублей в месяц. А по подсчетам экономистов минимум прожиточный -- шестьдесят. Чем же все это кончится, спросил Журналист. Как обычно, сказал Неврастеник. Все выродится в анекдот. Или умрет в одиночестве из-за банальной простуды, или попадет за решетку, ввязавшись в какую-нибудь запретную чужую ему историю. Я знаю одного человека, который двадцать лет набивал себе бицепсы гантелями для самозащиты, а воспользовался результатами своих титанических усилий лишь один раз: дал по морде пьяному, который потребовал у него закурить и, получив отказ (мой знакомый, естественно, не курил), оскорбил его по ибанскому обычаю грязными словами.

МАССОВОЕ ИЛИ ЭЛИТАРНОЕ

Относится творчество ЭН к области массового или элитарного искусства? Это -- спор о словах, а не о сути дела. Что называть массовым и элитарным искусством? Во-первых, искусство, доступное массам, и искусство, доступное многим, это не одно и то же. У нас, когда говорят о массах, имеют в виду самые низкокультурные и малообразованные слои населения и слои населения, получившие образование и культуру, но утратившие их за ненадобностью и живущие так, будто ничего подобного не было. Сюда относится, например, огромная армия техников, инженеров, учителей, врачей, офицеров и т.п. Творчество Пикассо, например, непонятно массам в этом смысле. Но нельзя сказать, что оно понятно немногим. Число людей, которым оно понятно -- огромно. Элитарно оно или нет? Работы ЭН можно распространять массовыми тиражами. Если отпечатать его альбомы -- очереди стоять будут. В несколько

дней раскупят. Скульптуры ЭН надо конструировать индустриальными методами. Если даже допустить, что его успех будет локализован в среде научной интеллигенции, сама эта среда -- типичное массовое явление. А обстоятельства вынуждают ЭН к роли элитарного художника в том смысле, что почти все его произведения остаются у него в мастерской, доступные лично для него и очень небольшого числа его знакомых. Если в понятие массового искусства включать массовость продуцирования, распространение среди достаточно широкого круга людей, массовый эффект, массовое сопереживание, массовую стандартную реакцию и т.д., то ЭН -- потенциально характернейший художник такого рода. Он предназначен для этого. Великое искусство нашего времени немыслимо как искусство немассовое (в этом смысле). Ему потому и не дают выйти в это великое. Он элитарен по принуждению.

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ АТАКА

Получив удар под сраку,
Мы кидаемся в атаку.
И ползем в грязи по брови
Средь капусты и моркови.
Обезвреживая "мины",
Жрем от пуза витамины.
(Из "Баллады")

До Н километр, говорит Паникер. В запасной роте мы проползали и поболее. Там стимул был, говорит Уклонист. За одно переползание мы съедали по пять кочанов капусты и по полсотни морковок. Вот житуха была, говорит Паникер. Кончай курить, говорит Лейтенант. Помните, ребята! В нашем положении выживает тот, кто бросается на амбразуры! Пошли! С трудом вытаскивая пудовые ноги из липкой грязи, ребята пошли в атаку на Н. Через сотню шагов Лейтенант упал. Амнистированные и обреченные штрафники залегли в грязь. Пулеметы застрочили сзади. Лейтенант встал, шагнул вперед и упал насовсем. Поднялся Уклонист. Потом Паникер. Потом остальные, оставшиеся в живых. И побрели дальше. Лейтенант остался в грязи. Ему повезло. Он был убит, и потому ему предстояло жить. Правда, эта жизнь будет вымыслом.

СЛЕДСТВИЯ

Из абстрактных допущений Шизофреника вытекает, говорит Неврастеник, что прогресс общества, базирующегося на таких предпосылках, возможен только по воле и инициативе руководства обществом. Персонализм как образ жизни и как идеология здесь исключен. Либерализм вырождается в мразь. А оппозиция в принципе не может сформулировать никакую серьезную положительную программу преобразований. Она рождается и уничтожается как болезненное явление и не имеет никакой поддержки в массе населения. Выводы удручающие, говорит Журналист. Ничего страшного, говорит Болтун. Это же абстрактная, а не реальная страна.

В реальности все наоборот. В реальности прогресс общества невозможен даже по воле начальства, персонализм исключен, либерализм рождается как мразь, а оппозиция не рождается совсем. Так что никаких оснований для пессимизма нет. А кто он, этот ваш Шизофреник, спросил Журналист. Никто,

сказал Неврастеник. Просто человек, который однажды вдруг заметил, что он, помимо всего прочего, есть еще член определенного общества, удивился этому и растерялся. Но растерялся не от неожиданности и непонимания, сказал Болтун, а от того, что все предвидел и все понял. И не оставил в своей душе никакого места для надежд и иллюзий, сказал Посетитель.

ВСТРЕЧИ

Привет, сказал Сослуживец, когда стало ясно, что он не успеет сделать вид, будто не заметил Болтуна. Привет, сказал Болтун. Как живешь, сказал Сослуживец. И не ожидая ответа, сказал, что сам он живет прекрасно. Что в институте у них новый отличный директор. Что они с Секретарем, Мыслителем и Кисом закончили эпохальный труд, и им даже выплатят гонорар, учитывая особую важность труда в борьбе с ихними течениями. Что Троглодита, кажется, отправляют на пенсию, так как он лежит в больнице вторую неделю после крупного инсульта, и это большая НАША победа. Что стихи он давно забросил. Что он с Супругой только что вернулись из-за границы. Там, в общем, ерунда. Ничего интересного. Что НАША КНИГА будет на голову выше и не оставит камня на камне. Извини, сказал он в заключение, я тороплюсь. Заседание. Да, представь себе, у нас будет новый журнал. Отличная редколлегия. Социолог входит. И я, конечно. Привет Мазиле. Как он там? Слухи ходят, что... Зря он все это затеял... Проговорив еще час и построив наиболее правдоподобную модель поведения Мазилы (тщеславие, зависть к Правдецу, эгоцентризм, неуверенность в себе, изоляция от мировых достижений искусства, некритичное окружение и т.п.), Сослуживец ушел, не попрощавшись.

КТО МЫ

Мы вам кажемся загадкой не потому, что мы неизмеримо сложнее амебы, говорит Неврастеник. С точки зрения способа понимания мы даже проще. А потому, что вы к нам пробиваетесь через систему собственных предрассудков, нашего официального камуфляжа и всеобщего желания скрыть от посторонних, кто мы на самом деле. Но, может быть, люди скрывают из-за неведения, говорит Журналист. Так не бывает, говорит Неврастеник. Нельзя скрыть то, чего не знаешь. Скрываем, значит, знаем. И знаем, что это не стоит показывать. А почему вы об этом говорите, спрашивает Журналист. Потому что хочу, чтобы мы стали лучше, говорит Неврастеник. А для этого мы должны себя делать по каким-то образцам, совершая над собой усилие. А чтобы люди в массовых масштабах (а не одиночки) занялись этим, нужно обнажить, кто они есть на самом деле. Люди должны перед кем-то посторонним устыдится своей грязи и принять меры к тому, чтобы ее не было. А пока мы ее прячем.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЖИВАНИЯ

Проблема ЭН есть, прежде всего, проблема выживания творческой личности в современных условиях. Клеветник и Шизофреник с чисто творческой точки зрения были личностями не менее крупными, чем ЭН. Но их нет, а ЭН есть. В чем сила этого человека? Личные качества? Стечение обстоятельств? Связи и поддержка интеллигенции? Поддержка некоторых кругов руководства? Все это,

конечно, было. Но не в этом суть. Сначала творчеству ЭН у нас не придавали серьезного значения. Казалось, что он стоит где-то в стороне от главных проблем и направлений духовной жизни общества, не мешает ее официальному торжественному шествию и занимается какими-то нелепыми пустяками. За это время он успел вырасти. Когда хватились, было уже поздно. Он стал огромен и сместил центр духовной жизни общества ближе к себе. За это время он сумел сделать свои творческие интересы личными интересами достаточно большого числа людей, способных что-то делать и как-то влиять на ход событий.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Молодежи, говорит Неврастеник, на нас наплевать. Она даже не знает о нашем существовании. А если узнает кое-что, то в искаженном с той или с другой стороны виде. У нас с ней просто нет никаких контактов. Почему нет, сказал Болтун. Я много лет преподавал и имел контакты. Ну и что, спрашивает Мазила. Контактов нет, говорит Болтун. Мы изолированы не только в пространстве, но и во времени. Но был же кто-то до нас, говорит Мазила. Были, говорит Болтун. Но мы о них узнали после того, как стали тем, что есть. Но будет же кто-то после нас, говорит Мазила. Будет, но они узнают о нас (если только узнают!) лишь после того, как они станут кем-то. Кем -- невозможна предвидеть. Я вчера был в гостях у Сослуживца, говорит Неврастеник. Говорили о войне, о Хозяине, о Хряке, о Претенденте, о Правдеце. В общем, обычный треп. Когда на мгновение наступило молчание, маленькая дочка Сослуживца сказала, что у них в детском саду одна девочка не ела манную кашку, и воспитательнице пришлось ее наказать за это -- ее не взяли на прогулку. У молодежи своя манная кашка и свои наказания. А на нас им наплевать. Но есть же какая-то преемственность идей, говорит Мазила. Есть длительность и повторяемость проблем, говорит Болтун. Потом приходит какой-нибудь мудрец и усматривает в прошлом некую эволюцию. Так неужели все бесследно, говорит Мазила. Почему бесследно, говорит Болтун. Следы остаются, но они уходят вглубь и теряются бесследно.

МОРАЛЬ АБСОЛЮТНА

Человек, говорит Посетитель, становится тем, что он есть в нравственном отношении, по собственной воле и по собственному желанию. Нормальный человек имеет перед своими глазами достаточно большое число примеров, чтобы научиться различать зло и добро. Нормальный человек по опыту знает, что такое зло и что такое добро. Нельзя стать злодеем по принуждению или по неведению. Нельзя стать порядочным человеком за плату. Если человек -- негодяй, он хотел стать таким и приложил к тому усилия. Человек сам несет полную ответственность за свою нравственность. Тот, кто снимает с человека эту ответственность, безнравственен. Оценка поступков как добрых и злых, абсолютна. Она не зависит от того, кто совершает поступок (от поступающего), от того, на кого направлен поступок (от поступаемого), от отношения поступающего и поступаемого к другим людям, от отношения других людей к поступающему и поступаемому. Зло и добро есть всегда и везде зло и добро. Те, кто настаивает на относительности добра и зла, т.е. на зависимости моральных оценок от конкретных ситуаций, те априори исключают

нравственность. В этом случае вместо нравственности преподносят видимость нравственности, антинравственность. Не в смысле аморализма -- аморализм есть явление в рамках нравственных оценок, -- а в смысле нравственности с обратным знаком.

ТРУД НЕ ПРОПАДАЕТ, НО ДАРОМ

Вот я и выполнил твою просьбу, сказал Болтун, вручая Мазиле "Сказание о Мазиле". Распоряжайся по своему усмотрению. Надеюсь, ты простишь многочисленные дефекты этого сочинения. Это все-таки экспромт. Но не думай, что дефектов было бы меньше, если бы я писал долго и всерьез. Мазила статью прочитал и сказал, что он сам всегда думал так же. Болтун пожал плечами. Потом статья где-то затерялась.

ДЕЛО ГОВОРЕНИЯ

Наши разговоры -- пустая болтовня, говорит Неврастеник. С этим надо кончать. Мы начинаем повторяться и пережевывать одно и то же. Ты прав, говорит Болтун. Но вот мы кончили говорить. А дальше что? Говорить -- мое призвание. Продукт моей деятельности -- мысли, обработанные в слова. А приведут они к каким-то последствиям или нет, меня не интересует. Я не честолюбив. И не такое уж это праздное занятие. В нашу эпоху человечество оказалось перед проблемой сознательного выбора своего дальнейшего пути. И потому оно в гигантских масштабах обдумывает свой прошлый опыт, теперешнее состояние и перспективы. И потому оно, естественно, необычайно много говорит на эту тему. Если хотите знать, дело говорения сейчас может быть поважнее, чем космические полеты и физические исследования. А раз общество в гигантских масштабах думает и говорит, должны появиться профессиональные думальщики и говоруны. Не мы, так другие. Рано или поздно они до чего-то договорятся. А это уже не просто болтовня. Это легко прикрыть, сказал Неврастеник. Прикрыть нельзя, сказал Болтун. Можно создать систему запретов, которая превратит дело думанья и говорения в достояние идеологических сект со всеми их гнусными признаками -- тупость, жульничество, надрыв, нетерпимость и т.п. Это будет кошмар. Это уже было, сказал Мазила. Было же время, когда правду ибанцам изрекали юродивые, кликуши, эпилептики, шуты. И художники, сказал Неврастеник. Тут есть другая опасность, сказал Болтун. Дело говорения само стало массовым явлением. В нем поэтому господствует не стремление к ясности, определенности и откровенности, а стремление утопить в мутном потоке бессмысленных слов все жизненно важные социальные проблемы современности. Не по злому умыслу, а из стремления к самоутверждению и из-за отсутствия логических навыков обращения с языком. Языковая практика людей с логической точки зрения -- зрелище, достойное кисти сюрреалиста. Речи политических деятелей, прокуроров, юристов, журналистов, пропагандистов, ученых и т.п., больше всего претендующие на логичность, на самом деле дают выдающиеся образцы логической бессвязности и несуразности. Я не имею никаких иллюзий относительно того, что деятельность по логическому улучшению языка может радикально повлиять на языковую деятельность человечества. Глас человека, призывающего к логическому порядку, есть глас вопиющего в пустыне. Он имеет не больше шансов быть услышанным, чем глас призывающего "Не убий!".

И все же если есть какая-то маленькая надежда хотя бы в ничтожной степени, но повлиять на размышления людей о своей жизни и судьбах человечества путем логической обработки языка, ее надо использовать. Когда люди повторяются и пережевывают одно и то же, они при этом занимаются, между прочим, и логической обработкой своих мыслей. Это, конечно, суррогат. А кто может предложить иной способ, пригодный сразу для многих без специальной подготовки? Кстати сказать, профессиональная логика, успехи которой так широко рекламировались, сама превратилась в типичное массовое социальное явление и вследствие этого оказалась весьма далекой от задач усовершенствования языка.

ПЕРСОНАЛИЗМ

В вашем кружке, говорит Журналист, я ни разу не слышал разговоров о судьбе ибанского народа, ибанской науки, ибанского искусства. Неужели это вас не волнует? Ибанский народ, говорит Болтун, не нуждается в нашей заботе о нем. Его вполне устраивает забота о нем его любимого начальства. Ибанский народ давным-давно не есть забитая и невежественная масса, которую просвещенные герои-интеллигенты должны наставлять на путь истинный. Ибанский народ достаточно образован, начитан и вполне отдает себе отчет в своем положении. Он знает, чего хочет. И в общем имеет именно то, что хочет. Деятельность начальства отвечает его интересам. Во всяком случае, ни о каких принципиальных конфликтах народа и руководства у нас и речи быть не может. Подчеркиваю, не потому, что начальство зажимает народ. Начальство народ не зажимает. А потому, что начальство народно, а народ начальственен. Народ несет полную ответственность за деятельность своего руководства. Он соучастник всех его добрых и злых дел. О народе у нас есть кому заботиться. Не будем отбивать у них хлеб. А кто позаботится о нас, если мы даже сами на это не способны? Ибанское искусство, говорит Мазила, тем более не нуждается в моей тревоге за него. Грубая фактическая ошибка думать, будто у нас плохо обстоит дело с искусством. У нас искусство процветает. Оно вполне в духе народа. И в духе начальства, которого у нас так много, что хватило бы на народ для целого большого государства. Я хочу лично сделать то, что в моих силах. И больше ничего. Но, стремясь к самовыражению, вы вынуждены совершать поступки, которые выглядят так, будто вы боретесь за свободу творчества, слова, передвижения и т.п., говорит Журналист. А разве это не есть забота о судьбе своего народа и своего искусства? Неужели ибанский народ не будет вам признателен за ослабление эмиграционного режима, за публикацию книг вроде книг Правдеца, за выставки художников типа Мазилы? Народу это не нужно, говорит Болтун, начальству тем более. Но кто-то заинтересован во всем этом, говорит Журналист. Да, говорит Неврастеник. Ничтожный в массе населения слой критически настроенной интеллигенции, не имеющий социальной силы в стране, не способный даже защитить себя. Но в перспективе страна выигрывает от развития этого слоя, говорит Журналист. Народ и руководство народа никогда не думают о такого рода перспективах, говорит Болтун. А катастрофы, кризисы и прочие отрицательные явления всегда можно свалить на внешние обстоятельства. И на интеллигентов-смутьянов. Конечно, если в стране образуется влиятельный и способный к самозащите слой критической интеллигенции, то такая страна, в конечном счете, выигрывает. Но это "если"

есть дело истории, а не одного дня. К тому же, как показывает опыт, общество способно существовать (как -- другой вопрос) и без реализации этого "если", передавая функции этого слоя (в карикатурно искаженном и урезанном виде, конечно) вполне послушной части либеральной интеллигенции и чиновничества вроде Литератора, Художника, Мыслителя, Социолога, Карьериста, Сотрудника, Претендента и т.п., которую без особого труда можно в случае чего одернуть. Разыгравшаяся на Ваших глазах трагикомическая история с Претендентом -- типичный пример того.

КТО МЫ

Мы ваше законное дитя, говорит Неврастеник. Конечно, вы принимали противозачаточные средства, и они оказались непригодными. Но зачаты мы были вами. Как выразился один наш крупный теоретик, мы родились на большой дороге мировой цивилизации. И если мы ведем себя не так, как хотелось бы вам, так это обычное дело. Не одни мы такие. Вы отрекаетесь от нас, делаете вид, будто мы явились откуда-то извне. Но ничего из этого не выйдет. Мы существуем в таком виде только благодаря тому, что были и пока еще существуете вы, и мы ваши законные наследники. Мы существуем и в вашем доме, хотите вы этого или нет. И вашим наследством мы распорядимся по-своему. Вы рисуете мрачные перспективы, говорит Журналист. Почему мрачные, говорит Неврастеник. Что хуже, что лучше, не вам и не нам судить. Просто будет иначе, и исчезнет материал для нежелательного сравнения. К тому же никакой проблемы выбора у человечества нет, это все сказки. Так что надо думать о том, как лучше устроить жизнь на этой основе.

РЕШЕНИЕ КОЛЛЕГ

Сверху запросили Союз мнение о моем интервью, говорит Мазила. Союз рекомендовал исключить меня из членов Союза и даже выгнать из Ибанска. Это хорошо, говорит Болтун, что такие крайности заявляют о себе. Наверху их сами панически боятся. И потому они будут вынуждены тебя защищать от них. И что это даст, спросил Мазила. Ничего, сказал Болтун. Просто способ, каким тебя придушат, будет выглядеть как проявление гуманизма и терпимости. Все-таки прогресс!

В СТАНЕ ПОБЕЖДЕННЫХ

Вот итоги, говорит Неврастеник. Человек, с которым ты дружил чуть ли не двадцать лет, оказывается, уже несколько лет тебя потихоньку продает и затем открыто совершает по отношению к тебе подлость. К тому же изображает дело так, будто это ты сам совершил подлость в отношении его. И никаких угрызений совести. Человек, который десять лет твердил, что он никакой не ученый, не то, что ты, что ему лишь бы защититься и иметь свой кусок пирога, начинает поучать тебя как студента начальных курсов, разносит твою работу, над которой ты думал полжизни и в которой он не смыслит ничего, и кончает тем, что распускает о тебе клевету. Люди, которым ты делал только добро и с которыми имел хорошие отношения, начинают ложно истолковывать каждый твой шаг, приписывать тебя несвойственные тебе мысли, мотивы и поступки,

взрываться злобой по твоему адресу из-за каждого пустяка. Это все вроде бы обычные вещи. Но сейчас они почему-то воспринимаются особенно остро. Почему? Потому, говорит Болтун, что сейчас наше окружение есть стан потерпевших поражение. А кто же победитель, спросил Мазила. Никто, сказал Болтун. Мы все вместе потерпели поражение от самых себя. Не сумели справиться с той мразью, которая накопилась в нас самих. Ты прав, говорит Неврастеник. Мы сдохли в ожесточенной борьбе за грошовые блага, привилегии, почести. Сожрали друг друга из-за мелкой зависти. Туда нам и дорога. И по закону компенсации, говорит Болтун, мы теперь сами избираем последние жертвы и доводим дело до конца. Какие жертвы, спрашивает Мазила. Тех, кто остался покрупнее и независимее. Тебя, например. Нам нужно во что бы то ни стало сначала сделать так, как будто они такое же дерьмо, как мы. Затем заставить их самих поверить в это. Вытолкнуть их из нашей среды как чужеродные тела. Если можно, уничтожить. Неужели вы и себя причисляете к таким людям, спросил Мазила. Нет, сказал Болтун. Но нас же нет на самом деле. Мы -- это ОНИ. И что теперь будет, спросил Мазила. Неуправляемое падение на самое дно, сказал Болтун. Но, может быть, это преувеличение, говорит Мазила. Поищи ответа в себе, говорит Болтун. Если найдешь в себе самом какую-нибудь зацепочку, ты прав. Если нет, так найдешь ли ты ее в других? Поищи, и ты поймешь еще один парадокс нашего бытия: в такой ситуации самой либеральной силой в стране начинает выглядеть высшее руководство и даже карающие органы. Ты прав, говорит Мазила, и с энтузиазмом начал приводить примеры. И это не от нормы, сказал Болтун, а норма: в рамках тех допущений, из которых исходил Шизофреник, даже функции оппозиции должны быть присвоены теми, против кого они направлены и кто ее подавляет.

ПРОБЛЕМЫ ПРИХОДЯТ НОЧЬЮ

Когда наступает ночь, Сослуживец говорит себе, что, в конце концов, хватит, что, наконец-то, пора, сколько можно, и начинает думать о жизни. Через минуту сознание его переключается на эпохальный труд, который они создают под руководством Секретаря, который должен подвести итоги, наметить перспективы, нанести сокрушительный удар. Это, конечно, главное, говорит себе Сослуживец, и приступает к чтению замусоленных бумажек, которые ему удалось урвать у паразита Мыслителя. Бред какой-то, говорит Сослуживец. О боже, что за идиот! Придется все переделывать заново самому! Неужели эти скоты не заплатят гонорар? Столько сил вложено! А Секретарь что-то не торопится с назначением. Надо нажать! И Сослуживец опять начинает думать о жизни, которая неумолимо уходит, оставляя после себя горы эпохальной макулатуры. Ребята из вновь созданного Заградотдела просили стихи для стенгазеты написать. Шуточные, но серьезные. Сослуживец злорадно хихикает и начинает сочинять шуточный гимн Заградотдела.

Регулярно до усеру кашу жрем.
Оттого-то мы счастливей всех живем.
И на весь на мир уверенно орем.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!

Ты один. А мы -- оравой.
Если хочешь каши тоже,
Становись на нас похожим!
А не то -- получишь в рожу!
Во вчерашнем дне уверены вполне.
В критиканах не нуждаемся извне.
Если что, так это все по их вине.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!
Ты один. А мы -- оравой.
Будешь тихим -- дадим лопать,
Будешь ихним -- будем шлепать.
Так что лучше с нами топать!
Как учил нас сам Хозяин наш отец,
Нам дозволено лупить судом и без,
Потому как мы несем с собой прогресс.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!
Ты один. А мы -- оравой.
Кто виновный тут, кто правый,
Смысл подсказывает здравый:
Ты -- один, а мы -- оравой!
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!

ПАРАДОКСЫ

Но нельзя же совсем без надежд и иллюзий, говорит Мазила. Больше нельзя с надеждами и иллюзиями, говорит Болтун. Да их и фактически уже нет. И людям не становится от этого хуже. Ты нарочито придаешь всему форму парадокса, говорит Мазила. Наоборот, говорит Болтун. Я из чудовищно парадоксальных форм бытия стремлюсь извлечь мало-мальски правильные фигуры. Вот смотри! Наше население прекрасно знает, что из себя представляет наша система жизни. И знает, что эта система далеко не идеальна, как об этом трубят газеты, радио, телевидение, кино, книги и т.д. Вместе с тем эта система удобна для подавляющего большинства населения. Оно поносит свою систему во всех звеньях и на всех уровнях. Но не сменяет добровольно ни на какую иную. Наше руководство по идее должно гордиться не тем, что оно руководит наилучшей из мыслимых систем. Это теперь не их заслуга. Оно по идее должно гордиться тем, что несмотря на нашу систему, за которую оно не несет никакой ответственности, оно сумело добиться чего-то, выходящего за рамки этой системы. А что происходит? Не стоит продолжать, говорит Мазила. Я сам все

время хожу кругами, но мне казалось, что я заблудился. А оказывается, что это и есть прямая дорога.

СООБЩЕНИЕ ИЗ БУДУЩЕГО

Тайное рано или поздно становится явным, говорит Мазила. Наши дотошные потомки все равно докопаются до правды. Это -- оптимистическая гробокомедия, говорит Болтун. Хочешь знать, до чего докопаются наши потомки? Вот тебе примерная информация, допустим из 8974 года. При раскопках пустыря на окраине Ибанска геологи ошибочно обнаружили более десяти миллионов кубометров человеческих костей. По современным масштабам эта цифра незначительна. Но поскольку население Ибанска в ту эпоху было в несколько раз меньше, такое массовое захоронение, естественно, не вызвало никакого интереса в кругах специалистов. Благодаря усилиям большого коллектива исследователей и общественности удалось не найти объяснения тому факту, что во многих черепах в затылочной части имеется круглое отверстие, а лобные доли забиты трухой оптимизма и иллюзий. Были предприняты попытки возродить реакционную теорию реального существования Хозяина-Хряка. Но они были заблаговременно пресечены. Методом мученых атомов было установлено, что если бы такое захоронение и было на самом деле, то оно относилось бы к более позднему, постхряковскому периоду. С помощью первоисточников ученые доказали, что такого захоронения на территории Ибанска вообще быть не могло. Осуществленные затем новейшими методами закопки пустыря лишний раз подтвердили правильность нашей теории. Ну как? Рассчитывать на потомков просто глупо. Правда о прошлом возможна только тогда, когда она не вызывает эмоций. Если прошлое вызывает эмоции, оно непознаваемо. Живи сейчас.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Общественные процессы теперь все более ускоряются, говорит Ученый. Избитая фраза, говорит Болтун. Если какую-то фразу повторяют всегда и всюду, это верный признак того, что она есть идеологическая бессмыслица. Пусть даже она выскочила на свет по всем правилам науки из атомного реактора или выползла из хромосомы. Можно указать лишь ее психологическую основу. Раньше люди как-то рассчитывали наступление событий, и те их в общем не подводили -- наступали в предполагаемые сроки. Теперь люди часто сталкиваются со случаями, когда они ожидают наступления событий в одно время, а те наступают раньше. Карьерист, например, женился на своей молоденькой секретарше. Человек он бывалый. Знал, что жена заведет любовника. Но по законам старой истории ждал это событие лет через восемь. Она же наставила ему рога через восемь дней. Такие устойчивые ошибки в прогнозах и называют ускорением общественных процессов. Говорить об этом стало признаком образованности и прогрессивности. Но разве все ожидаемые события наступают раньше? А сколько их наступает позже или не наступает совсем? Кто подсчитал их соотношения? Но пусть ход истории ускоряется. Что это вам дает? Вы ожидаете, что, по вашим расчетам, вас будут пороть всерьез через два года, а начнут, на самом деле, раньше, допустим -- через год. Но и положительные явления ускоряются, говорит Мазила. Конечно, говорит Болтун. Вы ожидаете некоторой свободы

поездок за границу, например, через двести лет, а она наступит намного раньше -- через сто. Всего сто лет, и если вы за это время не наделаете очередных глупостей, вас может быть выпустят посмотреть Париж под контролем Сотрудника или Социолога.

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ

Несколько десятков штрафников из нескольких тысяч случайно уцелели и добрели до брошенного противником Н. Остальные остались лежать в грязи. Уклонист, Юморист и Паникер шарили по брошенным блиндажам в поисках жратвы. За каким чертом мы брали этот Н, ворчит Уклонист. Явная бессмыслица. Помяни мое слово, вечером отведут обратно. Если, конечно, нас не шлепнут эти, говорит Юморист. На всякий случай. Чтобы не было лишних разговоров. Амнистия до боя -- липа для мертвых, а не для живых. Откуда тебе знать, что бессмысленно и что нет, говорит Паникер. Может, иначе нельзя. Что ты этим хочешь сказать, спрашивает Юморист. То, что они там поступили наилучшим образом в не зависящих от них обстоятельствах? Или что они поступили так в силу своей натуры? Это далеко не одно и то же. В первом случае предполагается разум и целесообразность дела. Во втором -- нет. Но ведь где-то решали, брать или нет этот Н, говорит Паникер. Кто-то обдумывал это! Кто и где обдумывал это, установить невозможно, говорит Уклонист. Раз мы взяли Н, значит они думали правильно. За это кому следует дадут ордена, звания, должности. Оставим мы Н -- одно из двух. Либо так надо из тактических или даже стратегических соображений. Может, это нужно для того, чтобы Их Величество король Ломай-Сарай-Кирпич-Углы укрепился у власти и повел свой давно вымерший народ сразу к полному изму, минуя все промежуточные ступени. А может, это нужно для того, чтобы ввести всех в заблуждение. И тогда опять кому следует дадут ордена, звания, должности. Либо так не надо. И тогда, тем кто решит, что так не надо, дадут ордена, звания, должности. Наступила тишина. Состояние обреченности сменилось надеждой. И потому вернулись тревога и страх. С той стороны, откуда они вечность тому назад пошли в атаку, донеслась песня.

Мы от пуза до усеру кашу жрем...

У нас даже песни и те доносятся, говорит Юморист. Откуда возникла идея взять Н, продолжал Уклонист, роли не играет. Возникнув, она стала фактором совсем в другой игре, не имеющей отношения ни к какой целесообразности. Тот, кто говорил "да", тот сохранял или улучшал свое положение. Кто говорил "нет" (сомневаюсь, что такие были!), ухудшал. Вот вся нехитрая механика дела. Страшно от того, что все так ясно и откровенно, говорит Юморист. Никаких загадок на века вперед. Лейтенант убит, говорит Паникер. Мерин тоже. Жлоб тоже. Нам повезло. Живем, братцы!

Во вчерашнем дне уверены вполне...

Песня становилась громче и ближе. Стал слышен топот сапог и скрежет гусениц-цитат.

Как учил нас сам Хозяин наш отец...

Смотрите, сказал Юморист. Они идут. С авторучками наизготовку к ним стройными рядами направлялись сытые и тепло одетые ребята из Заградотряда -- Троглодит, Мыслитель, Секретарь, Социолог, Претендент, Кис, Сотрудник, Директор, Супруга, Карьерист, Академик, Инструктор, Сослуживец, Ученый,

Художник, Литератор. За ними, подталкивая и направления их, двигались полчища Ноликов.

Кто виновный тут, кто правый,
Смысл подсказывает здравый:
Ты -- один, а мы -- оравой!
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!

ОСТАЛОСЬ НЕМНОГО

Что Вы сейчас испытываете, спрашивает Посетитель. Смятение, говорит Болтун. Чего Вы хотите, спрашивает Посетитель. Спокойствия, говорит Болтун. Так верьте, говорит Посетитель. Вера не дает уверенности, говорит Болтун. Смиритесь, говорит Посетитель. Не дают, говорит Болтун. Нам навязывают состояние тревоги и осатанелости. Боритесь, говорит Посетитель. Не могу, говорит Болтун. Бороться не за это. Ну что же, говорит Посетитель, потерпите. Осталось немного.

НИКАКИХ ПРЕТЕНЗИЙ

Заказы аннулированы, говорит Мазила. Судьба моя решена. Решена, говорит Болтун. А за что, спрашивает Мазила. За намерение быть независимым, говорит Болтун. Скажи откровенно, если бы тебе сейчас простили все твои грехи и вернули прежнее состояние, дало бы это тебе удовлетворение? Нет, сказал Мазила. Избрали бы в Академию, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Дали бы Премию, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Выпустили бы за границу, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Устроили бы выставку, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. А если тебя выгонят из Союза, будешь ты огорчен, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Отнимут мастерскую, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Выгонят из Ибанска, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Уничтожат твои работы, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. Значит, житейские невзгоды ни при чем, спросил Болтун. При чем, сказал Мазила. Если бы их не было, я бы не говорил "нет". Чего же ты хочешь, спросил Болтун. Работать, сказал Мазила. А ты, чего хочешь ты? Ничего, сказал Болтун, я не претендую даже на наказание.

РЕШЕНИЕ

ЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОДНОГО ПЕРИОДА ИБАНСКОЙ ИСТОРИИ

Цель очерка -- выявить основной результат этого периода.

При выдумывании очерка автору никто не помогал. Никто этот очерк не читал. Никто не высказывал ценных критических замечаний. Дружеских -- тем более. И автор всем благодарен за это.

Конечно, кое-кто догадывался о том, что автор что-то сочиняет. Догадывались, прежде всего, Вездесущие и Всеведущие Органы. Им положено обо всем догадываться заранее. Целый год они систематически исследовали помойку

в нашем дворе. Но они допустили непростительную для такой мощной и опытной организации ошибку: они рылись не в той помойке! Наш корпус прикреплен к помойке слева, а они рылись в помойке справа. Ошибка произошла по всей вероятности потому, что автор, объясняя одному своему старому приятелю расположение помойки, стоял к дому задом, а приятель передом. Догадывались также близкие друзья. Они очень боялись, что автор вдруг напишет что-нибудь серьезное, и постоянно допытывались, не делает ли он это на самом деле. Ну где мне, говорил им автор, я же не Правдец и не Певец. Я же рядовой член. Успокоенные друзья похлопывали автора по плечу и советовали писать. По глазам они видели, что тут все же что-то не так, и на всякий случай осторожно распускали слушок о том, что автор строчит обличительную книгу. Автор должен их разочаровать. Он действительно настрочил книгу. Но не обличительную, а апологетическую. Подпольная книга в защиту ибанского образа жизни, -- было ли что-либо подобное в истории? В западной истории наверняка нет. А вот в ибанской истории, судя по всему, это становится обычным делом.

Ибанск. Год безразлично какой.

У ВАС ЕСТЬ ВЫБОР

Ваши сообщники признали вину и раскаялись, сказал Сотрудник. Вы один упорствуете. И напрасно. До суда мы Вас все равно не допустим. Не надейтесь на это. Направим на медицинскую экспертизу. При современных достижениях науки уже через несколько дней ни один психиатр в мире не признает Вас психически здоровым и не возьмется вылечить. Вам сохранят способность осознавать свое положение. А это очень мучительно. Вы будете постоянно страдать. Десять лет. Двадцать. До конца жизни. И никто из-за Вас шума поднимать не будет. В деле Срамиздата Ваших следов не осталось. Ваши сообщники избегают упоминать Ваше имя. Как ученый Вы не такая уж заметная величина, чтобы на Ваше исчезновение обратили внимание и связали с политикой. Если же Вы признаете вину и раскаетесь, получите небольшой срок. История с Правдецом в деле фигурировать не будет. Это уже согласовано. Вам дадут возможность нормально жить и заниматься научной работой. Даю Вам еще сутки на размышления. Последние. Выбирайте.

Прогресс, подумал Крикун. Они теперь дают возможность выбирать себе меру наказания. В обмен на сотрудничество, конечно. И какие перемены! Раньше невиновные торопились признаться и покаяться. А теперь даже виновные торгуются. Нет, голубчики! Не зря все это было. Не зря. Десять лет? Двадцать? А какое это имеет значение? Мгновение. И нет ничего.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД СНАРУЖИ

Журналист, проживший целый месяц в Ибанске в гостинице Интуриста около Сортира и наблюдавший ибанское общество изнутри, написал большую книгу о том, как это общество выглядит объективно, т.е. снаружи. Книга имела большой успех в Ибанске. В рецензии на книгу в Газете отметили, что даже буржуазные деятели Запада вынуждены признать... И далее шла большая выдержка, критикующая ибанскую действительность. За это Журналисту разрешили вывезти из Ибанска две банки красной икры и икону. Так что книга Журналиста заслуживает доверия. И мы на нее в дальнейшем будем неоднократно ссылаться

при описании интересующего нас периода ибанской истории.

В рассматриваемый период, говорится в книге Журналиста, в Ибанске имел место мощный подъем духовной жизни. Показателем этого является публикация остро критических стихов ведущего поэта Распашонки, любимца молодежи, армии и Органов, а также взлет Театра на Ибанке, по-новому прочитавшего старую пьесу и поставившего злободневную новую пьесу талантливейшего публициста Брата, написанную им в соавторстве с Шекспиром и Достоевским и посвященную положению Гамлета в физическом Институте Академии Наук (сокращенно ФТИАНИИ ХУЯЦЧШЩЭЫЮ). Спектакль начинался с бессмертного монолога кандидата физико-математических наук Гамлета, которого реакционеры во главе с Председателем Месткома не выпускали по туристской путевке за границу, так как не без оснований опасались, что он сбежит. Итак, спектакль начинался с монолога Гамлета.

Быть или не быть -- пустяковый вопрос,

Если к нему подойти с позиций ибанизма,

и шел под бурные аплодисменты интеллигентно настроенных зрителей до тех пор, пока Гамлету, в конце концов, не разрешили посетить Монголию. Надо было видеть зрителей в этот момент! Они чувствовали себя победителями. Попробовали бы Они не выпустить его, говорили зрители шепотом. Мы бы Им...

Среди прочих значительных явлений духовной жизни Ибанска Журналист упомянул о предстоящем открытии надгробия Хряку работы скульптора-модерниста Мазилы, у которого, по слухам, в свое время была тесная дружба с Хряком, о публикации серии статей Супруги о новых левых на Западе и серии статей Мыслителя о старых правых на Западе, о выпусках Срамиздата -- машинописного журнала, критиковавшего крайности режима, о политических песнях Певца, о неопубликованных романах Правдеца, которые суть явления не столько в области культуры, сколько в области политики.

Ну что же, сказал Мазила. Картина в общем объективная и довольно полная. Больше-то у нас, пожалуй, ничего серьезного и не было.

Сволочь этот твой Журналист, сказал Учитель Неврастенику, который пропил с Журналистом две зарплаты. А что ты он них хочешь, сказал Неврастеник. Они же, как девочки из приличной семьи, думают, что если хулигану открыть глаза на предосудительность его поведения, то он устыдится и станет пай-мальчиком.

СТРАНИЧКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Как известно, Хозяин обладал не только мощнейшим интеллектом за всю прошлую и будущую историю человечества, но и мощнейшим членом. По преданию, членом он уничтожал своих самых заклятых врагов. Делал он это так. Вызывал врага к себе поздней ночью, заставлял покаяться ради интересов Братии и назвать сообщников, вынимал свой мощный член и слегка стукал им по пустой черепушке врага. А-а-а-х, крякал он при этом. Череп врага разлетался вдребезги. А тыпэрыча, говорил добродушно Хозяин, подбыры за сабой свае дырмо и ухады. И впред буд умнэя, балван. Враг подметал за собой осколки уже ненужного черепа, забитого еще недавно трухой ибанизма, и покорно уходил сочинять донос на своего ближайшего друга и соратника, с которым они вместе просидели в юности пятьдесят лет в одной камере-одиночке.

В честь члена Хозяина складывались песни, были названы города,

устраивались торжественные шествия. На углу улицы Хозяина (ныне -- улицы Заведующего) и Хозяйской улицы (ныне Заведующевской улицы) в честь члена Хозяина построили Забегаловку. На главной стене ее лауреат всех премий и носитель всех званий Художник изобразил мощный член Хозяина в рабочем состоянии, насадив на него всех видных политических деятелей Европы и Америки. Под картиной на мраморной плите золотыми буквами высекли стих лауреата почти всех премий Литератора:

Ты к нам грязный нос не суй,
А не то получишь... член!

Поскольку Хозяин был занят государственными делами по наведению порядка в лингвистике, позировал Художнику любимый жеребец легендарного Полководца, избранный после этого в Президиум и назначенный главным начальником по культуре.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИБАНСКА

Ибанск со всеми его проблемами, решениями и прочей требухой выдумал Шизофреник, сидя в компании Сотрудника, Болтуна, Крикуна, Мыслителя, Супруги, Мазилы и всех остальных в Забегаловке. Сделал он это сразу после того, как выдул без закуски поллитра водки и запил его пятью кружками пива. Не закусывал он не из мелкого пижонства, а потому, что в это время в Ибанске закусывать имели возможность только спекулянты, начальники и их холуи. Шизофреник был в ударе. Собравшиеся с почтением заглядывали ему в рот и старались не пропустить ни слова. В особенности стукачи, которых ибанцы стали все менее принимать в расчет и сделали предметом необычайно остроумных шуток, демонстрируя тем самым свою прирожденную смелость. Лишившиеся былого могущества стукачи временно приуныли. Но доносы начали строчить с еще большим рвением и во всяком случае с большей квалификацией, поскольку число лиц с высшим образованием увеличилось в десять раз по сравнению с тринадцатым годом. К тому же демобилизовали два миллиона полковников, которые были непригодны ни на что другое. Правда, они очень пригодились для разработки теории ибанизма. Но много ли тут было свободных мест? Тысяч сто, от силы -- двести. А куда податься остальным?

Итак, Шизофреник дул водку и пиво и разглагольствовал. Остальные дули водку и пиво и заглядывали Шизофренику в рот. Обслуживавшая их официантка Жаба задевала за физиономии тощим задом и мощным бюстом. Стукачи затаили дыхание. Запахло идеей создания организации и свержения существующего строя. Я категорически против, закричал Учитель. Жабу во главе государства ставить нельзя. Тогда всю полноту власти захватит ее будущий фаворит Кис. А он установит тиранический режим похлеще Хозяина. Тщеславный Кис раздулся от важности и пообещал демократические свободы. Но после того, как посадит всех стукачей и палачей. Это не пройдет, сказал Сотрудник. Тогда никто не останется на свободе.

Вот какие это были времена! Трудно поверить, что они вообще когда-то были. Но уцелевшие очевидцы говорят, что в этом есть доля правды.

А на тот свет провожали Шизофреника только двое -- Болтун и Мазила. Даже Неврастеник не пришел. Сказал, что как раз в это время выступает оппонентом у какого-то кретина. На самом деле струсил. Я бы поставил на могилу надгробие, сказал Мазила. Не жалко. Но ведь сопрут, бляди. И не

жалко, что сопрут. Изуродуют и выкинут. Пускай сопрут, сказал Болтун. Пускай изуродуют. Все равно надо что-то поставить. Мне сейчас некогда, старик, сказал Мазила. Да откровенно говоря, и не до этого. У меня своих дел по горло. Это верно, сказал Болтун. Это не твое дело. Твое дело -- надгробие Хряка. Ничего не скажешь, задача благородная. И, главное, эффектная. Не сердись, сказал Мазила. Пока. Я спешу. Болтун пошел в контору договориться о металлической дощечке за полсотни, на которой будут написаны имя и годы короткой и безвестной жизни замечательного гражданина Ибанска. Вот как изменились времена!

БЕЗОБРАЗНЫЙ ГИМН

После того, как Шизофреник выдумал Ибанск, последнему потребовался свой собственный гимн. Объявили закрытый конкурс по пригласительным билетам и пропускам. А пока назначили временно исполняющим обязанности гимна стихотворение лауреата всех премий Литератора, вошедшее в золотой фонд ибанской поэзии:

Светлое
послезавтра
сообща
куя,
Зря
грядущее
скрозь время
призму,
Мы не признаем
и не желаем
ни..., т.е. ничего,
Акромя
изма!
Начхать нам
на Америку
и Европу!
Мы и сами
не лыком
шиты!
Перегоним
и покажем им
голую..., т.е. задницу,
Мол, завидуйте,
паразиты!
А осмелится кто
нас пугать,
Тому мы
мигом
поставим
клизму!
Мы обязательно
будем,

растуды
вашу мать,
Жить
при изме!

Гимн очень понравился Заведующему, которого за это наградили Большим Членом за военные заслуги и стали считать автором гимна. Участников конкурса мобилизовали, так как Заведующий решил следующее внеочередное переиздание своего переполненного собрания сочинений выпустить по просьбе трудящихся в стихах и привлечь для этой цели самых талантливых поэтов эпохи. Молодому поэту Распашонке, любимцу молодежи и Органов, за это дали сначала по шее, а потом дачу.

Музыки гимн не имеет. Исполняется молча, стоя руки по швам до тех пор, пока не поступит распоряжение посадить всех.

ЧАС ПЕРВЫЙ

Весь день Мать пахала бесплодную землю. Под вечер распрягла клячу, залезла на печку и родила очередного сына. Прибрав за собой, она дала сыну черный хлеб в тряпочке и пошла кормить скотину. А сын кричал. И никто не понимал, почему, так как все было в порядке. Ишь, крикун какой, сказал Отец. Ну чего кричишь, дурень! Этим же все равно ничего не добьешься. И сын умолк, как будто понял все сразу и с самого начала. Так на свет появился Крикун.

Когда Крикун окончил начальную школу, родители стали решать его судьбу. Пусть сапожником будет, сказал Отец. У него руки золотые. Пусть учится на портного, сказала Мать. Он такой сообразительный. Его надо учить дальше, уговаривал школьный учитель. Пятьдесят лет учу детей, а такого не видывал. Такие рождаются раз в сто лет. Он может стать гордостью нации. Отец и Мать не знали, что такое нация, хотя определение нации Хозяином уже долбили во всем Ибанске, и спорить не стали. Пусть учится дальше, сказал Отец. Как-нибудь выкрутимся. Выкрутимся, заплакала Мать. Да и что ему тут с голоду околевать. Собрали кое-какое рванье. Продали дедовские воскресные сапоги, давно не стрелявшее отцовское ружье и чудом уцелевшее материнское обручальное кольцо. Надели на шею Крикуна медный крестик и отправили в город к Дяде. Дядя поставил на кухне коммунальной квартиры в сыром подвале ящик, нагрузил его картошкой на зиму, бросил сверху рваное грязное одеяло и выругался матом. Живи, коли так, сказал он. И ушел пропивать задаток.

Долго ругались соседи. Но народ добр, когда у него нет ничего. К вечеру кто-то покормил мальчика. Кто-то сказал, живи, раз такое дело. Ладно, сказал Крикун. И сжался в комочек под рваным несогревающим одеялом. И в голове его само собой сложилось такое:

Холод залез под кожу.
Есть без конца хочу.
Дай же мне крылья, боже.
К маме я улечу.
Дай, мама, хлеба, скажу я.
Укрой чем-нибудь с головой.
Дай, руку твою подержу я.
Как хорошо с тобой.
Оставь меня тут навеки.

И в мир чужой не гони.
Пусть лучше, как вы -- человеки,
В навозном тепле буду гнить.
Но скажет мама, мой мальчик,
Тепла здесь нет и не жди.
Здесь нет никому удачи,
Не поздно пока -- уйди.
Но скажет мама, родимый,
Взгляни -- тут пусто кругом.
Пусть лучше сгинем одни мы.
Беги, пока цел, бегом.

Он думал, что это стихи. Но это была беспросветная проза. Ибанская жизнь для стихов еще не годилась. Стихи были ложь.

Как пролетело время! Давно ни за что погиб Отец. Давно умерла изможденная даровой работой Мать. Давно разбрелись по свету и приткнулись к чужой жизни братья и сестры. Давно изменила и ушла в лучшую жизнь жена. Отреклась дочь. Исчезли друзья. Предали сообщники. От призраков бытия не осталось ничего. Что это, спросил себя Крикун. Я же был добр, смел, трудолюбив, бескорыстен, честен. Что это? Жизнь, ответил он себе. Обыкновенная заурядная жизнь. Это история мимоходом и невзначай прошла через мою душу.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

А времена изменились, несомненно, к лучшему, сказал Супруга на новоселье у Сотрудника, обнажив сорокалетние жирные ляжки с фиолетовыми жилами и заграничными штучками, которым пока еще нет приличного названия в ибанском языке. Мы многого добились. Вот я только что из Англии, например. Читала лекцию о будущем развитии сортиров в ибанском обществе. Успех колоссальный. Читала почти без переводчика. Так меня послали, а не Троглодита. И не Секретаря. И даже не Академика. Я завтра еду в Италию, сказал Мыслитель, закинув одну вельветовую штанину на другую и поглаживая волосатой лапой с грязными ногтями облезлую лысину. Руководителем группы матерей-одиночек. Симпозиум по проблемам зачатия без отцов и без презервативов. Полностью с вами согласен, рыгнул Сотрудник. Историю вспять не повернешь. Не позволим! Не те времена. Сослуживец угодливо захихикал, помог Сотруднику добраться до туалета, отделанного под мрамор, и расстегнул ему ширинку. Из ширинки вылез старый член с довоенным стажем и похлопал Сослуживца по плечу. Маладэц, сказал он добродушно и сплюнул Сослуживцу в рожу. И они решили вместе написать книгу о борьбе идей нашего века.

СТРАНИЧКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Когда Хозяин, сдох, как и жил, противоестественной смертью (он, по слухам, подавился своей собственной цитатой), член Хозяина набальзамировали и положили в Пантеоне величайших граждан Ибанска. Но лафа была слишком кратковременной. Не успел он растолкать соседей и занять подобающее ему центральное место, как на трибуну вылез Хряк и" спотыкаясь на всех гласных, согласных и шипящих, прочитал знаменитый разоблачительный доклад. Член

пришлось изъять из Пантеона и временно зарыть снаружи как какого-нибудь рядового руководителя государства. Могилу завалили цементной плитой, так как член имел тенденцию напоминать о себе. На плите написали: видный деятель какого-то движения начала века. Забегаловку переименовали в Павильон. Художник намалевал на стене новую картину, более отвечающую духу времени. Он изобразил трех здоровенных полуголых баб с загорелыми рожами и пятками и одного здоровенного полуголого механизатора. Механизатор (так стали называть трактористов, конюхов и счетоводов) держал недозревшее яблоко и не знал, какой из баб его отдать. А бабы хихикали от удовольствия, физиономия механизатора выражала нечто аналогичное тому, что выражала физиономия Хряка в Америке, когда ему не успели подсунуть следующую страницу речи, а когда подсунули, оказалось, что не ту. Если бы это была поллитровка, думал Механизатор, я бы ее мигом разлил поровну на этих трех потаскух. А тут -- задачка, скажу я вам. Без кибернетики не обойдешься. Под картиной на мраморной плите высекли стих Литератора:

Ты, подружка, меньше вони,
Ни гу-гу и ни ку-ку!
Мы Америку догоним
По мясу и молоку.

Внизу мелкими буквами высекли примечание: в слове мясу ударение на втором слоге. Зарождающиеся ибанские интеллектуалы облюбовали Павильон для своих попоек и основопотрясающих бесед и стали называть его Тремя грациями, поскольку были образованными и критически настроенными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИБАНСКА

Дайте мне любые исходные предпосылки, говорил тогда Шизофреник, и я выведу из них любое общественное устройство. Какое хотите. На заказ. Из допущения свободы и равенства выведу отеческий террор и привилегии. Из допущения насилия выведу разгул свирепой демократии. Содержание предпосылок не играет роли. Для построения любого общества достаточно иметь некоторое множество индивидов и предоставить их самим себе. Задать им какую-нибудь цель, и пусть творят, что заблагорассудится. Содержание цели тоже безразлично. Пусть хотя бы даже ваш сверхгениальный изм. Цель есть лишь организующая форма истории. Проделайте достаточно большое число экспериментов в одинаковых условиях и получите все логически мыслимые варианты. Никакой исторической необходимости того или иного варианта нет. Строго научно можно говорить лишь о степени вероятности возможных вариантов, что не имеет никакой прогностической ценности в случае индивидуальных событий. Историческая необходимость есть лишь идеологическое извращение прошлого с намерением оправдать настоящее и обеспечить какие-то гарантии на будущее.

Сидевший напротив Шизофреника Мальчик, который недавно дал согласие быть осведомителем Органов, перестал что-либо понимать в его пьяной трепотне, махнул на нее рукой и решил просто сообщить, что Шизофреник отвергает основополагающие принципы изма. Идея, сказал Супруга, только тогда становится материальной силой, когда она овладевает массами. Это -- азбучная истина.

Азбучная чепуха, сказал Шизофреник. Индивидам вообще наплевать на идеи.

Достаточно того, что они не возражают, когда кто-то приписывает им эти идеи.

После этого Шизофреник допил водку и выдумал Ибанск. Просто так. Шутки ради. Смешно, сказал он в заключение. Стоит выдумать какую-нибудь ерунду, как ей тут же придают вид исторической закономерности. Это еще полбеды, сказал Учитель. Берегись, люди, как правило, становятся жертвами своих собственных измышлений. Однажды, это дело было вскоре после войны, решили мы с приятелем...

ЧАС ВТОРОЙ

Как-то в школе устроили осмотр. У Крикуна обнаружили на шее медный крестик, а в рубашке вшей. Крестик выбросили, а рубашку поручили постирать одному из членов родительского совета. При стирке рубашка развалилась. Собрался педагогический совет и постановил выдать Крикуну ордер на покупку рубашки. Смотри, сказали ему, помни о том, какую заботу о тебе проявляет государство, и учись как следует. А его уговаривать учиться не надо было. Учился он так, что родители примерных учеников стали испытывать тревогу. Когда научная комиссия, выяснявшая профессиональные перспективы учеников, зачислила Крикуна в ткачи, (он быстрее всех продевал нитку через дырочки), родители несколько успокоились. Но науку эту отменили.

Крикун был хорошим товарищем. Его любили даже отличники, так как он не мешал им быть отличниками и сам не стремился к этому, а взрослые позаботились о том, чтобы он им не стал. Только однажды учитель математики взбунтовался и заявил, что такие головы появляются раз в сто лет одна на миллион. Но учитель был под подозрением, которое, разумеется, подтвердилось. И Крикуну за это снизили отметки.

Его некому было защищать, и он научился драться. За ним некому было смотреть, и он перепробовал все кружки. У него не было дома, и он проводил время в чужих домах. И видел все. Как-то раз его пригласил к себе домой сосед по парте, -- красивый воспитанный мальчик, к которому на "вы" обращался даже сам директор школы, а Наставник молодежи лично провожал до дому, чтобы оградить от хулиганов. Крикун был ошеломлен большим числом комнат в квартире Соседа и обилием непонятных красивых вещей. У нас в деревне, сказал он, одна изба и горенка. А народу! Одних ребят штук шесть. Остальные разъехались. Старики не в счет. Весело жили! Когда хлеба хватало, конечно. Красивая мама Соседа угостила Крикуна пирожным. Что это, спросил Крикун. Пирожное, сказала мама. Неужели ты никогда еще не пробовал пирожное? Попробуй! Крикун попробовал, и кусок застрял в горле. Не нравится, спросила мама. Нет, сказал Крикун. Моя мама с рассвета до ночи работает, как вол, а нам даже хлеба досыта поесть не дают. Это провокация, сказал папа Соседа. Я бы хотел дружить с тобой, сказал Сосед. Но папа запретил. А как же равенство, спросил Крикун. Мы против уравниловки, сказал Сосед и пересел на другую парту. Место рядом с Крикуном осталось свободным. После уроков его позвали к директору. Перед директором на столе лежал финский нож. Вот он, бандит, сказал Наставник Молодежи. Этот нож нашли в кармане его пальто. Он связан с бандитской шайкой. Это не мой нож, у меня нет пальто, хотел сказать Крикун, но промолчал. Он понял, что говорить бесполезно. И его исключили из школы. И потребовали направить в колонию малолетних преступников. Но вскоре арестовали папу Соседа и заодно Наставника Молодежи. Ученикам объяснили, что

они оказались врагами народа и что это они подстроили исключение Крикуна из школы. Но Крикун не поверил никому. Много лет спустя он встретил Соседа в солидном чине. У нас, как Вам должно быть известно, сказал Сосед, не ожидая вопроса, дети за родителей не отвечают. Допустим, сказал Крикун. Но родители должны испытывать ответственность за детей, если хотят, чтобы было кому за них отомстить.

СТРАНИЧКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

От природы Хозяин был средне-посредственный человек. Из среды сверстников он ничем не выделялся, если не считать повышенной склонности к ябедничеству. И говорил он как обычный средне-безграмотный крупный государственный деятель. Но когда перед ним открылась перспектива стать вождем, он заметил одну очень важную в карьере вождя закономерность. Народ любит, когда вождь выделяется не умом и красотой, а каким-нибудь заметным недостатком. Например, хром, горбат, косноязычен, лыс и т.п. Народ не любит умников и красавцев. Народ любит убогеньких. Когда убогенький вождь вдруг изречет, что дважды два -- четыре, народ приходит в неистовый восторг. Глядите, глядите, ликует народ. Наш-то! Дурак дураком, а чешет что твой академик. Вот и не смотри, что урод! И Хозяин решил приобрести недостаток, достойный вождя -- вождя всех времен и всех народов. Какой? Ответ напрашивался сам собой: акцент. Ученые собрались на специальное тайное совещание и стали думать, какой акцент привить Хозяину, чтобы он после этого стал ни на кого не похож. И решили: акцент павиана. На сей раз Хозяин проявил выдающиеся способности. За пару лет он научился говорить с таким блестящим павианьим акцентом, что его речь любой ибанец даже спросонья может отличить от всех прочих звуков на свете. Чтобы окончательно проверить силу воздействия своего акцента на народные массы, Хозяин отправился в павианий питомник. Павианы-самцы приняли Хозяина за самку-павианиху и хором его изнасиловали. После этого Хозяин стал слегка заикаться, ходить пятки и коленки врозь и трясти левой рукой. Это еще более усилило эффект. Теперь пора, решил он. И собрал заседание. Ымэетса прыдлажэниэ, сказал он онемевшим от изумления соратникам. Тыпер я не просто рукавадытэл. Тыпэр я вож-ж-ж-д! Конкуренты заикнулись было, но противопоставить ничего не могли. Тыпер всэх убырат, сказал вождь. И их всех убрали. Ученых тоже. Чтобы не разгласили тайну.

ГЕОГРАФИЯ ИБАНСКА

Где расположен Ибанск? Чтобы на этот вопрос дать научно обоснованный ответ, нужны те самые сумасшедшие идеи, о которых тоскуют самые передовые и вслед за ними самые глупые физики нашего сверхнаучного века. Но сумасшедших идей нет, хотя сумасшедших людей, имеющих идеи, очень много по данным Органов. Если бы сумасшедшие идеи были, их бы наверняка открыли сами физики, которых в Ибанске теперь почти столько же, сколько сотрудников Органов. А по мнению Учителя, сама проблема поставлена неправильно. Ее надо сформулировать так: как попасть в Ибанск? И тогда сразу станет ясно, что проблема банальна. Чтобы попасть в Ибанск, надо написать заявление, представить характеристику, заверить справку и заполнить анкету. В анкете указать всех своих и чужих

умерших родственников. Взять с них подписку о невыезде и неразглашении. Уплатить взносы, пройти через комиссию маразматиков-пенсионеров, вывернуть карманы и согласиться на все. После того, как вы это сделаете, вам уже не нужно будет знать, где находится Ибанск, ибо вы уже будете находиться в нем. Более трудной является другая проблема: где находится то, что не находится в Ибанске? Но тут уже нужен донос.

Ибанск занимает почти всю сушу и граничит со всеми странами мира. Эти границы сильно раздражают ибанцев. Но не потому, что их не выпускают за границу. К этому они привыкли, поскольку не привыкли к тому, чтобы их выпускали. Их раздражает то, что на свете есть счастливчики, которые незаслуженно живут за границей. Мы тут вкалываем за гроши, мучаемся, ни черта не видим, а они...!!!

Левые интеллектуалы стали было ломать мозги над тем, где же расположен этот не населенный никем населенный пункт, который сразу граничит со всеми и до всех имеет дело. Но тут выступил слегка обруганный и сильно обласканный ведущий поэт Распашонка и сказал:

Раздумья мрачные гнетут
Незрелый разум мой.
Ибанск -- он где? Не там. Не тут.
В твоей кишке прямой.

Вот дает, сказали левые интеллектуалы и понимающе переглянулись. Они еще не догадывались, что их время давно прошло.

ПОГОДА

Мы нэ можым ждат мыластэй ат прыроды, сказал Хозяин. И велел установить в Ибанске самую хорошую погоду с учетом времени года, местных условий и нужд сельского хозяйства. Народ с энтузиазмом взялся за дело. Провели субботник. Выдвинули встречный план. По почину ткачей за полгода до наступления зимы досрочно начали зверские морозы, сменяемые снегопадами и еще более зверскими морозами. Жыт стало лутшэ, жыт стало вэсэлэя, сказал Хозяин. Экономисты подсчитали, что по числу градусов на душу населения ибанцы превзошли Европу и вплотную приблизились к Америке. Хотя экономисты считали не те градусы, философы единодушно заявили, что полюс тепла, как и предсказывали классики, переместился в Ибанск. И ничего не значит, что мы от Америки отстаем. Мы вовсе и не отстаем. Хотя у нас градусов на душу населения меньше, чем у них, наши градусы работают лучше, ибо они служат не эксплуататорам, а трудовому народу.

Когда Хозяин сдох, перегибы в области погоды исправили. Мы не могем ждать милостей от этой... как ее... вашу мать... я и говорю, от природы, сказал Хряк. Пора за Америку браться. Кукуруза тепло любит. И установили зверскую жару, сменяемую суховеями и еще более зверской жарой. Все шубы ибанцы продали за границу, а вместо мяса стали питаться бананами.

После того, как Хряка скинули, сама собой установилась нормальная слякотная погода, сменяемая проливными дождями, переходящими то в снег, то в мороз.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ

История Ибанска распадается на три неравные половины. Первую половину образует период Потерянности. Это -- самая большая половина. В этот период часть ибанцев сидела в лагерях, другая их сторожила, третья ковала кадры для первой и второй. А все вместе они успешно строили изм. Этот период подробно описан в книгах Правдеца. Этих книг в Ибанске никто не читал, так как в них все неправда. Правдец, например, утверждает, что в этот период за дело справедливо пострадало пятьдесят миллионов ибанцев, тогда как по данным самих Органов их было всего сорок девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек.

Вторую половину образует период Растерянности, называемый в западной исторической литературе Случайным Растерянсом. Это -- самая маленькая половина. Этот период отчасти описан в книге Двурушника, которую в Ибанске тоже никто не читал.

Третья половина -- период Процветания. О размерах его пока трудно судить, поскольку он еще только начался. Но, судя до всему, он может превзойти первые два во всех отношениях. Описывать этот период уже некому, так как Правдеца выгнали, Двурушник сбежал сам, деятелей Срамиздата посадили. И хотя Двурушник пророчески заявил, что свято место не бывает пусто, это пророчество оправдывается пока лишь в отношении мест не столь отдаленных.

Сложность периодизации ибанской истории связана с тем обстоятельством, что третий период начался с одной стороны и не начался с другой стороны, точнее говоря, он начался снизу и еще не начался сверху. Ибанский народ, за исключением самого высшего начальства, уже вступил в третий период. Он готов ко всему и удивляется, что нет команды свыше начинать. А высшее начальство не приказывает. Оно живет иллюзиями второго периода и пытается сделать по-хорошему. Но разве с нашим народом по-хорошему можно? Начальство ведь терпит-терпит, да и разгневается, что не получается по-ихнему. Подраспустили кое-кого. Начальство пониже терпит-терпит, да и скажет свое решительное слово.

Короче говоря, роли не играет, что произойдет на самом деле, сказал Болтун. Важно, с каким сознанием живет ибанский интеллектуал. А он думает так. Либерализм кончился. Старое руководство вот-вот скинут. Новое обвинит старое в слишком либеральном отношении к оппозиции и в заигрывании с Западом. Одним словом, спасайся, кто может. Ибанские интеллектуалы не верят в просвет впереди, и поэтому его не будет. Его не будет независимо от намерений начальства. Его не будет вследствие того, что уже произошло. А то, что возможно, не может предотвратить последствий случившегося. Будущее не исправляет прошлого. Самое большее, на что оно способно, это -- стать приличным прошлым. Но это уже касается будущих поколений, которые сейчас еще только учатся ходить.

ЧАС ТРЕТИЙ

На каникулы Крикун поехал в деревню. В это время как раз начали крестьян загонять в дармахозы. Загонять, разумеется, добровольно. Уполномоченный произнес речь, в которой обрисовал земной рай ближайшего будущего деревни. Записались все, кто не успел сбежать. Ну как, мужики, спросил полупьяный уполномоченный, не жалко расставаться со старорежимной

жизнью? Говорите откровенно -- не бойтесь. Мужиков в деревне почти не осталось, но уполномоченный и баб из уважения называл мужиками. Себя-то не жалко, сказал Отец. Все одно погибать. Скотину вот жалко. Ни за что пропадет. И Отца забрали. Его тут же увели с собрания за антиибанскую агитацию. И никто за него не заступился. И Крикун понял азбучные истины бытия. Если начальство думает, что делает тебе добро, оно на самом деле делает тебе добро. Начальство не делает зла. И если оно милостиво разрешает тебе быть чуточку против, именно в этот момент оно больше всего хочет, чтобы ты был за. Самый ненавистный враг для начальства тот, кто осмелится воспользоваться свободой, дарованной ему самим начальством. Если начальство разрешает то, что оно не хочет разрешать, то это есть самая сильная форма запрета. И Крикун после этого никогда не верил в официальные разрешения. И еще Крикун понял, что человек всегда остается один, если вздумает стать человеком. Его уже не защитит никто. Он должен тогда надеяться только на самого себя, Или ни на кого.

Верст пять бежал плачущий Крикун за телегой, в которой пьяные начальники увозили трезвого, тихого, доброго, умного Отца, не сделавшего никому зла и до самозабвения жалевшего безответную скотину. Когда он пошел обратно домой, в соседней деревне его окружила группа мальчишек с намерением избить как слабейшего, по обычаю предков. Крикун пришел в неистовство. Он так избил всех десятерых, что родители избитых пожаловались в район и потребовали отправить хулигана в исправительную колонию. Яблочко от яблоньки недалеко падает, говорили они.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Когда Двурушник начал писать книгу о периоде Растерянности, перед ним встал вопрос о методе исследования и изложения. И он обнаружил следующее.

Жизнь ибанцев бедна событиями и ничтожна по душевным переживаниям. Конечно, и здесь иногда случаются из ряда вон выходящие события. Например, землетрясения, авиационные катастрофы, эпидемии поноса, засухи, падежи скота, верхушечные перевороты в сфере власти и справедливые наказания мыслящих. Иногда здесь даже появляются инакомыслящие в результате тлетворного влияния Запада, и их искореняют в зародыше. Иногда... Но ибанцам ни о чем подобном не говорят. Зачем такими пустяками омрачать их светлые и радостные трудовые будни! Из душевных переживаний ибанцам разрешается только радоваться успехам, благодарить за заботу и восторгаться мудростью руководства. Так что средства обычной художественной литературы не пригодны в качестве метода описания ибанской жизни. Сам факт существования великой художественной литературы есть показатель того, что в самой реальности есть нечто такое, что пригодно быть предметом ее внимания. Если в стране нет великой художественной литературы, это не означает еще того, что в стране нет талантов или что начальство зажимает таланты и не дает возможности развиться настоящей литературе. Это скорее всего означает, что в стране просто-напросто нет ничего такого, описание чего дает настоящую литературу даже со сравнительно слабыми талантами и сильными запретами. Страшно не столько то, что не дают писать, сколько то, что не о чем писать. О чем писать? О профсоюзном или партийном собрании? О стоянии в очередях? О хлопотах по поводу квартиры и надбавки к зарплате? О поисках знакомых,

которые помогли бы при поступлении сына в институт?

С точки зрения науки ибанское общество есть всего лишь громоздкая по размерам и числу элементов, но примитивная по организации социальная система, стремящаяся к полной однородности и стабилизирующаяся на минимальном уровне положительных параметров и максимальном уровне отрицательных параметров. А так как различение параметров, как положительных, так и отрицательных, относительно и зависит от распоряжений свыше, то ибанское общество с такими же основаниями есть социальная система с максимально высоким уровнем организации, предельно разнородная, стабилизирующаяся на максимуме положительных и минимуме отрицательных параметров. Не случайно же Журналист писал в своей книге, что в Ибанске все точно так же, как у них на Западе, только чуть-чуть наоборот. Поэтому методы науки хотя и пригодны для исследования ибанского образа жизни, они дают какой-то результат лишь ценой отвлечения от особенностей Ибанска сравнительно с Западом. А зачем в таком случае с риском для жизни писать науку про Ибанск, если можно то же самое сделать на примере Запада и получить за это поощрение? Не зря, значит, Супруга, Социолог, Мыслитель, Неврастеник и прочие пишут все время про Запад. Они знают, что они делают. Только знают ли об этом на Западе и в Ибанске?

Каким же методом руководствоваться, спросил Двурушник. Никаким, сказал Болтун. Это дерьмо вообще не стоит исследовать. Пиши, что в голову взбредет. А в Органах сами разберутся, какими методами ты руководствовался. Так-то оно так, сказал Двурушник. Но мне бы не хотелось идти дорогой Правдеца. А ты и не иди, сказал Болтун. Не думай об этом. Другой дороги все равно нет.

ПЕВЦЫ

В период Растерянности в Ибанске появилось великое множество певцов, которые сами сочиняли песни и музыку к ним и сами их исполняли. Выступали они обычно в частных квартирах за выпивку и закуску. Да и то лишь постольку, поскольку выпивка и закуска была необходимым элементом исполнения и восприятия исполняемого. Среди певцов заметно выделялся яркой социальной ориентацией Певец. Певцом он стал совершенно случайно. Попал он как-то на такую вечеринку, попросил гитару и вдруг спел:

Объявляем вам, козявки-человеки!
Установлено отныне и навеки.
Вплоть до старости и с самого измальства
Все за вас решать намерено начальство.
Ему лучше знать, что кушать вам и пить.
И в каких штанах по улицам ходить.
И какие книжки следует читать.
И про что стихи и оперу писать.
Для здоровья лопать будете кефир,
А для духа слушать вечером эфир,
Как на север улетел аэроплан,
По железу перевыполнили план.
Для активности почти что через день,
Не читая, в урну пхнете бюллетень.
Чтобы было с заграницею о'кей,

Вам покажут, что такое их хоккей.
Но за счастие приходится платить.
Не советуем про это позабыть.
Как платить -- наивнейший вопрос.
Дело наше, и не суй в него свой нос.

Такие песенки начальству не очень-то нравились. Но время было такое, что на них смотрели сквозь пальцы. Дети начальства гоняли эти песенки дома и на даче во всю магнитофонную мощь. Сами начальники слушали их в одиночестве, говоря про себя: вот дает, стервец! А ведь правду чешет! Только чего этим добьешься? Все равно ничего не сделаешь.

Мне эти законы наши
Положено знать по чину.
Чем больше руками машешь,
Тем глубже тонешь в трясину.

И велит начальник своей супруге подать бутылку коньяка. И пьет ее в одиночку, запершись в кабинете.

ХРОНОЛОГИЯ

Западные историки периодом Растерянности называют промежуток в истории Ибанска, расположенный в промежутке между промежутком, когда заведующим был Хозяин, и промежутком, когда хозяином стал Заведующий. Но у западных историков неправильный метафизический метод и ошибочная идеалистическая теория. Потому они не поняли главного, а остальное запутали. Ибанские историки единодушно отвергают существование периода Растерянности на том бесспорном основании, что в истории Ибанска был, есть и будет только один период, -- период Процветания. В Ибанске различают две ступени -- низшую и высшую. Но это -- ступени, а не периоды. Ступени характеризуются понятиями "ниже" и "выше", а периоды -- понятиями "раньше" и "позже". Поскольку высшая ступень еще не наступила и все время откладывается по уважительным причинам, низшая ступень временно исполняет обязанности высшей. Так что она, по приказу, выше всего того, что было и есть там у них на Западе. И никакого деления на периоды уже не требуется. Западные историки ничего этого, конечно, не знают и умышленно замалчивают в угоду капиталу. Одним словом, периоды Хозяина и Заведующего принципиально не различаются и имеют одну и ту же генеральную линию.

Один западный теоретик, окончивший в свое время по секрету Институт Передовой Профессуры, желая посрамить своих западных коллег, но при этом не выдать себя, задал такой вопрос: был ли хотя бы какой-нибудь период в тот самый период, когда по мнению западных историков был период Растерянности, а по мнению ибанских историков такого периода не было? Ибанские историки обратились в высшие инстанции за инструкцией. Не ваше собачье дело, ответили сверху. И опубликовали ноту. В ноте говорилось о том, что западные историки грубо вмешиваются в наши внутренние прошлые дела, и мы этого не потерпим. Мы в ваши внутренние дела не вмешиваемся. Делайте, что хотите. Имейте только в виду, что вся писаная история человечества есть лишь предыстория ибанской истории и пережиток прошлого в сознании человека. Неосторожного историка обвинили в антиибанизме и фамилию его из списков вычеркнули. После этого его пришлось отозвать из-за границы домой и уволить на пенсию.

Если период Растерянности был, сказал Учитель, то он начался значительно раньше, а кончился еще раньше. Причем закончился он раньше, чем начался. А начался после того, как закончился. И Учитель написал бесспорную формулу, из которой это следовало с полной очевидностью. Болтун сказал, что Учитель нашел точное математическое выражение идей Шизофреника. Тебя ожидает бессмертие, сказал он. Меня завтра вызывают к следователю, сказал Учитель. За что, спросил Болтун. По поводу Крикуна, сказал Учитель. Это и есть конец периода Растерянности, сказал Болтун. А начала не было.

Но Болтун ошибся.

Начало было.

ЧАС ЧЕТВЕРТЫЙ

В старшем классе Крикун принял участие в математической олимпиаде. Он быстрее всех решил задачи и предложил несколько оригинальных вариантов решений. Но в нем никто не был заинтересован лично. Не подходил он и по другим параметрам. И его не включили даже в число отмеченных. И он понял, что быть талантом без ведома коллектива и начальства нельзя, что таланты в Ибанске назначаются из наиболее достойных кандидатов. Подлинный талант в Ибанске проявляется не в результатах и в признании, а лишь в форме поведения и в личной судьбе.

В это время Крикун влюбился и начал писать странные стихи.

Мы за счастье будущих поколений,
Чтобы путь их был прост и ровен,
Всех вас жизни лишим, с голоду поколеем,
А социзм построим.

Она испугалась и попросила придумать что-нибудь лирическое. Он тут же придумал.

Ах, какая благодать!
Скоро снег растает.
И не даст под утро спать
Птиц крикливых стая.
Ручейки споют, звеня,
Песенку простую.
Неужели и меня
Тоже арестуют?

Она испугалась еще больше и ушла к другому. По дороге она мимоходом занесла стихи в Органы. Так в деле Крикуна появился первый документ. Тут что-то не так, решили в Органах. И поручили друзьям Крикуна прощупать его. И друзья охотно выполнили поручение.

СУТЬ ПЕРИОДА

Суть исторического периода обнаруживается по его результатам и последствиям, т.е. после того, как он проходит. Но если результатом периода является отсутствие результатов, а последствиями -- ликвидация возможных последствий, то установить суть исторического периода можно только до того, как он начался, по принципу: что могло бы быть, если бы это произошло. Суть такого периода устанавливается потенциально, а не актуально. Именно таким

является период Растерянности.

Итак, в чем суть этого периода?

МНЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЯ

Прогрессивные силы общества растерялись перед неожиданно открывшимися возможностями прогресса, не знали, что нужно делать для прогресса, и не сделали того прогресса, который они могли бы сделать, если бы не растерялись. Воспользовавшись растерянностью прогрессивных сил, реакционные силы собрались с силами и прикрыли возможности для прогресса. Когда прогрессисты опомнились и сообразили, что нужно делать, было уже поздно.

ВЫВОД ТРОГЛОДИТА

Ведущий теоретик реакционных сил Троглодит на опыте этого периода сделал ценный практически, но бесполезный в силу неспособности реакционных сил последовать ему теоретический вывод: если хочешь посеять в рядах прогрессистов панику, предоставь им внезапно полную возможность делать прогресс. Сделать это надо внезапно не только для них, прогрессистов, но и для нас самих, реакционеров. И через некоторое время, когда им покажется, что они нас задавили, бери их голыми руками и делай из них еще больших реакционеров, чем мы сами.

МНЕНИЕ НЕВРАСТЕНИКА

Прогрессивные силы растеряли открывшиеся перед ними возможности по пустякам -- на взаимные склоки, степени, должности, премии, поездки, квартиры и т.п.

ЗАМЕЧАНИЕ СЕКРЕТАРЯ

Другой ведущий теоретик реакционных сил заметил по этому поводу, что прогрессистам надо предоставить все то, о чем они мечтают тайно, но помалкивают. Если, например, прогрессист заявляет, что такое-то положение изма устарело, это следует понимать как желание стать доктором.

МНЕНИЕ АКАДЕМИКА

Руководство растерялось перед неожиданно открывшимися возможностями делать прогресс и оказалось неспособным руководить начавшимся прогрессом в нужном направлении. Надо было кое-кого снять и назначить меня. Я бы показал...

МНЕНИЕ ТЕОРЕТИКА

Мы допустили излишнюю мягкость в отношении смутьянов, которые под влиянием идеологической диверсии с Запада начали порочить и клеветать.

МНЕНИЕ СУКИ

К стенке надо было ставить.

МНЕНИЕ МАЗИЛЫ

....
....
.....
МАТЬ!

МНЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

Все это беллетристика. Вот, взгляните, формула организации социальных систем ибанского типа. Вот так получается величина полной организованности или полного порядка. А вот так получается величина дезорганизации или полного беспорядка. Видите, они совпадают. Им, правда, можно приписывать обратные знаки. Но какое это имеет значение? Во всех последующих расчетах они берутся в квадрате. И вообще все величины порядка суть лишь зеркальное отображение величин беспорядка, и наоборот. Так что совершенно безразлично, будем мы рассматривать прошедший период как наведение беспорядка или как наведение порядка. В этот период действительно происходило возрастание индекса организации. Но это совсем в ином плане и по иным причинам. Ваши социальные факторы выражаются с этой точки зрения такими ничтожными величинами, что их вообще невозможно учесть в вычислениях. Ваши проблемы, уважаемые интеллектуалы, с научной точки зрения вообще не существуют как реальный фактор социальной жизни.

ВОЗРАЖЕНИЕ НЕВРАСТЕНИКА

В такие периоды малые причины могут давать очень серьезные последствия. В твои формулы нужно ввести коррективы насчет усиления социальных величин.

ВОЗРАЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

Насчет малых причин больших последствий -- типичный предрассудок старой философии. Математически если причины и следствия соизмеримы, то следствия не превосходят свои причины по величине. А коррективы такого рода я пробовал ввести: даже при бесконечно больших показателях социальных параметров результат их воздействия дает большую, но мнимую величину. Он иллюзорен.

ЗАМЕЧАНИЕ КЛЕВЕТНИКА

Ход рассуждений мне не понятен. Но вывод правилен.

ЗАМЕЧАНИЕ КРИКУНА

Твою формулу можно переписать вот так. Теперь твои парадоксальные выводы не получишь.

Здорово, сказал Учитель. Ты гений. Это же открытие! Дарю, сказал Крикун. Только это открытие имеет один слабый пункт. Чтобы эту систему

развалить, здесь должна быть приложена энергия, близкая к бесконечности. Где ее взять? Или к нулю, сказал Учитель, если объединить наши формулы. Тогда выходит, что она развалится сама без всяких усилий. Да, сказал Крикун. А какова величина времени при этом?

МНЕНИЕ БОЛТУНА

Вы говорили о реакционных силах, прогрессивных силах, руководстве, интеллигенции, интеллектуалах, оппозиции, диссидентах и т.п. Можно подумать, что они образуют какие-то целостные объединения, члены которых вступают в более или менее устойчивые связи друг с другом и которые проявляют себя во вне как нечто единое. Но ведь ничего подобного нет. Это лишь слова, удобные для классификации. Реально таких групп, объединений и даже просто скоплений нет. Правдец, например, ни разу в жизни не встречался с Двурушником и не знал о его существовании до самого последнего времени. И даже встретил его появление враждебно. Аналогично для пары Двурушник -- Мазила. Реально имеются сотни миллионов индивидов и сотни миллионов групп из индивидов, объединенных миллиардами ниточек-связей в некое целое. Люди, о которых вы говорили, вкраплены в клеточки этого целого в самых различных местах, группах, организациях. Если даже они общаются между собою, как мы, например, они не образуют социальных групп. Если даже допустить какие-то возможности объединения усилий интеллектуалов, например -- в виде особого журнала, вы все равно в принципе не измените ситуацию. Интеллектуал, активно работающий в упомянутом гипотетическом журнале, все равно остается членом какой-то иной группы, организации, учреждения. Он там должен числиться работающим и работать на самом деле, получать зарплату, испытывать давление коллектива и т.п. Если он позволит себе переступить какие-то грани в упомянутом гипотетическом объединении, в отношении его немедленно будут приняты акции в его реальном социальном объединении. И так в отношении всех категорий лиц, о которых вы говорили. Даже в отношении руководства. На Западе делают грубую ошибку, когда эти категории лиц у нас рассматривают по аналогии со своими. Даже выражение "ибанские ученые" имеет различный смысл у нас и у них. У нас это выражение есть либо общий термин, обозначающий индивидов, разбросанных в системе ибанского общества в различных его частях так, что указать предмет, соответствующий ему, невозможно. И в этом случае имеют смысл лишь выражения "ибанский ученый", "ибанский интеллектуал", "ибанский художник" и т.п. Либо выражения "ибанские ученые", "ибанские художники", "ибанские писатели" и т.п. обозначают Академию Наук -- официальную организацию, объединяющую тысячи учреждений, в которой лиц, являющихся "подлинными учеными" ничтожно мало, Союз Художников из многих тысяч людей самого различного толка, Союз Писателей и т.п. Странно, что все эти вещи общеизвестны, но знание их не оказывает влияния на строй мышления. И это вполне устраивает официальную точку зрения. Ибанские писатели заклеймили Правдеца. Запад удивляется: как они могли! А они не могли иначе, ибо они суть социальные организации, живущие по своим социальным законам, а не по принципам чести, достоинства, независимости убеждений и т.п. некоей мифической писательской организации. Ибанские ученые заклеймили Двурушника. На Западе удивляются: как они могли! Они же ученые!

МНЕНИЕ НЕВРАСТЕНИКА

Верно, если бы сейчас, например, человек пятьдесят более или менее значительных интеллигентов объединились и сделали совместное заявление политического порядка, эффект был бы ошеломляющий. Но попробуй, набери этих интеллигентов хотя бы на одну акцию! Не случайно, между прочим, у нас с таким остервенением набросились на подписантов. Запахло оппозиционными объединениями.

МНЕНИЕ БОЛТУНА

Так что я тоже склонен думать, что никакой растерянности не было. Было скорее всего крайнее обнажение социальных механизмов нашей жизни. Наша социальная система на виду у всех, спокойно, не спеша сработала как автономная безжалостная машина и установила сама по себе наиболее соответствующее ей состояние. Она просто слегка перестроилась применительно к изменившимся обстоятельствам. И с точки зрения истории сделала она это в поразительно короткий срок.

МЫСЛЬ КРИКУНА

Скоро вся эта размазня кончится. И что останется от всей их болтовни? И все вернется на круги своя. И никто не подумает о тех, кто молча работал и сработал весь этот интригующий период. Их частично уже уничтожили. Скоро уничтожат остатки. И опять должны будут родиться мальчики и девочки, способные пойти на все или хотя бы на многое. А родятся ли они?

ЖИВИ, КАК ВСЕ

Пытался спросить,
Как правильно жить
И быть при этом счастли-и-вым.
И должен признать,
Бессмысленно ждать
Отве-е-тов правди-и-вых.
Враги и друзья
Врут почем зря.
Кричат, вопрос-де, мол, сло-о-жен.
Не пей, не кури.
С женой не дури.
Начальников слушаться до-о-лжен.
А годы летят,
А люди твердят,
Не лезь напрасно из ко-о-жи.
Чем чище живешь,
Скорей пропадешь.
Никто тебе не помо-о-жет.
От тоски от такой
Завоешь порой

Смертельно раненым зве-е-рем.
От боли молчишь.
До боли кричишь.
Никто тебе не пове-е-рит.
Но стоит спросить,
Как пристроиться жить,
Чтобы добиться уда-а-чи.
Помочь норовят,
В один голос твердят,
Живи, как все мы, не ина-а-че.

А выть-то, собственно говоря, не из-за чего, сказал Социолог, делавший заключение экспертизы об этой песне Певца. Жизнь в Ибанске значительно улучшилась. Вот вам факты. Исчезла только копченая колбаса. А вареная-то осталась. Цена на мясо выросла не в пять раз, как ожидали, а только в три с половиной. Посадили не тридцать оппозиционеров, как планировали, а всего лишь двадцать девять целых и три десятых. И влепили им не по десять лет, как следовало бы, а лишь по семь с последующим пребыванием в лагерях особого режима четыре года. Распустились, сказал Сотрудник. Да, сказал Супруга. Они нам очень мешают работать.

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

У нас, говорит Неврастеник Журналисту, порядок такой. Если признают, что недооценили такое-то направление в науке, значит, его разгромили. Если признают, что в отдельных случаях докторские степени присуждаются не по заслугам, значит, докторская степень превратилась в средство карьеры, стяжательства, престижа, очковтирательства. И дело тут не в той лживой форме, в какой это преподносится официально. К этому привыкли. И желающие делают скидку на систему. Дело в том, что процессы, ведущие к таким даже официально критикуемым ситуациям, проходят у всех на глазах. Их последствия очевидны с самого начала. Но нет никаких сил им противостоять. Возьмите, например, историю с докторами. Только в нашей сфере в доктора ежегодно проходило несколько сот человек. Думаете, это ученые? Даже по нашим крайне низким критериям это почти на сто процентов невежды и шарлатаны. Но это руководящие деятели, их ближайшие холуи и фактические авторы их вшивых сочинений, растущие карьеристы, сотрудники ответственных организаций и т.п. Проходят заседания секторов, кафедр, ученых советов, редколлегий, комиссий. Все знают, что к чему. Но все ведут себя так, будто обсуждаются новые идеи, ценные результаты, глубокие мысли. Спектакль за спектаклем. Из года в год. И попробуй, пикни. Разорвут в клочья. В такой ситуации если чудом проскочит действительно талантливый и продуктивный ученый, его так или иначе раздавят. Или приручат. Для рекламы. Или, скорее, для прикрытия. Но вот по каким-то причинам обнаруживаются последствия этих спектаклей, которые начинают мешать самим их участникам. Надо принимать меры. И принимают. Как? Другая серия спектаклей с теми же исполнителями. Они готовы выполнить любые указания, провести любые мероприятия. Но по-своему. Так, чтобы сами они не пострадали. Сейчас, например, установили более строгий отбор в доктора. И кто же пал первой жертвой нового порядка? Те, кто по идее должен был бы быть доктором в первую очередь. Более высокие инстанции, говорите? Так ведь там тоже

спектакли. Другие, но спектакли. Вы думаете, их дело -- добиться, чтобы наши доктора стали подлинными учеными? Да для них подлинный ученый, как и подлинный художник, писатель и т.п., есть первый враг. Для них все подлинное враждебно. Им нужна бутафория, муляж, камуфляж, румяна. Их реальное дело -- дать указание, обсудить, принять решение. И проследить, чтобы нижестоящие инстанции отреагировали положенным в их спектакле способом.

ЧАС ПЯТЫЙ

Был день рождения друга. Немного выпили. Разговорились. Добрались до проблемы власти и свободы личности. А кто им дал право распоряжаться мною, как пешкой, сказал Крикун. Такого права нет. Это не право. Это -- грубое насилие. Право предполагает добрую волю. А тут происходит умышленное смешение понятий. Законодательное закрепление насилия -- это одно. Если вы хотите употреблять тут слово "право", говорите о праве-насилии или, если вам это не нравится и вы хотите выглядеть гуманным, о праве-один. Законодательное закрепление сопротивления насилию -- это другое. Говорите тут о праве-свободе. Конечно, это вызывает нежелательные ассоциации. А у нас, как известно, рай свободы. Ну, говорите тут о праве-два. И какие бы вы слова тут ни употребляли, право-один есть противоположность права-два. Принуждение есть противоположность свободе, хотя они и касаются одних и тех же явлений. И в языке определяются друг через друга. Вы говорите о революции, войне, стройках, перелетах, плотинах, выставках и прочих свидетельствах правоты доктрин. А я тут при чем? Это их дело, а не мое. Я пришел в этот мир не по своей доброй воле. И не по просьбе, во всяком случае. При рождении я не давал подписки одобрять все то, что они натворили. Я застал мир таким, каким он стал независимо от меня. И я никому ничего не должен. Отплатить за образование? А много ли оно стоит? И кому платить? А то, что моя мать годами работала даром, это что? Тоже благодеяние? Я сам работал в дармохозе. И что получил за это? Шиш. Мало? Ладно, я работать буду. С меня сдерут еще в десять раз больше, чем дали мне. Но это все из другой оперы. Не надо передергивать. Мы не об этом говорим. Мое моральное право что-то приникать в этом данном мне мире, а что-то отвергать. Для меня он есть нечто изначальное, а не результат.

Друзья не поняли речь Крикуна. Они поняли только то, что Крикун знает и понимает нечто запретное, с их точки зрения, и недоступное им. И написали совместный донос в Органы с просьбой спасти их товарища, подпавшего под чье-то дурное влияние. Вопрос о влиянии кого-то другого был бесспорен. Не мог же Крикун, который учился с ними в одной школе, читал одни и те же книжки, хуже одевался, хуже питался, реже ходил в кино, совсем не ходил в театр и не имел умных взрослых друзей, сам додуматься до всего этого. И слова у него не наши.

Вечером в подвал спустился незнакомый молодой человек и предложил Крикуну прогуляться. Крикун сразу понял, в чем дело, и собрал свои скудные пожитки. Там ему было даже неплохо. Впервые в жизни он спал на отдельной койке и питался три раза в день. С ним вели длинные разговоры большие начальники. Он их ставил в тупик своими вопросами и суждениями. Они хотели узнать, кто его научил так говорить. А его не учил никто. То, что он им говорил, было для них ново и удивительно. И они не могли приклеить его к

чему-нибудь знакомому. И его решили выпустить на время, чтобы проследить связи. А он, не заходя домой и не сказав никому ни слова, сразу уехал в деревню. С этого момента он все свои наиболее важные решения в жизни принимал внезапно. Оказалось, что это был единственный правильный способ остаться на свободе.

Прошло полгода. Как-то поздней осенью соседка позвала мать и сказала, что про Крикуна спрашивали в районе. Схватив горбушку хлеба и трешку денег, Мать побежала в поле, где Крикун работал. Беги, сказала она ему. Она не проронила ни слезинки. А когда он ушел, и она поняла, что больше никогда его не увидит, она упала на серую мокрую холодную землю и впилась в нее зубами. Помоги ему, господи, шептала она. Ничего больше не прошу. Только помоги ему. Это моя жизнь. Это мука моя, И твоя тоже, господи. Что ты без него!

На станции на мешках сидели пьяные мужики, завербованные на Дальний Север. Они сидели жалкие и серые. И заунывно скулили:

Вот скоро-скоро поезд грянет,
Гудок уныло загудит,
Кого-то здесь у нас не станет,
Кого-то поезд утащит.

Крикун вскочил на замедливший ход товарняк и забился между бревен. Ледяной ветер продувал насквозь. Ничего, говорил он себе, терпи. Это только начало. А слезы капали на черствую краюху. И была она вкусна и мягка.

Если бы люди изобрели такой прибор, чтобы можно было разглядеть чистую юную душу после безжалостного погрома! Какими наивными им показались бы поля сражений величайших войн нашего времени! Разве это можно когда-нибудь забыть!

Когда до него добрались в городе, он успел уйти добровольцем в армию. И они потеряли его из виду. Они нашли его лишь много лет спустя.

Никуды ты от нас не уйдешь!
И нигде ты от нас не спрячисся!
Потому что -- кто ты? -- вошь!
Ну а мы -- это власть трудящихся!

НАВЕКИ СОЛНЦЕ

После многих лет холода и слякоти выглянуло Солнце. По радио объявили, что даже погода вместе с нами радуется нашим успехам. Одновременно объявили об очередном нарастании классовых боев, нищеты, повышения цен и понижения зарплаты там у них. По телевидению выступил Заведующий и сказал, что это достигнуто под мудрым руководством руководимого им руководства. Добровольно доверчивые ибанцы возликовали и избрали Почетный Президиум. Когда принимали Приветственную Телеграмму по поводу досрочного перевыполнения по почину и по инициативе, Токарь-Универсал сказал: мы заверяем наше любимое и мудрое руководство и нашего любимого и гениального. Заведующего лично в том, что мы верим даже в то, во что на самом деле не верим, и выполним все, что на самом деле не выполним. Заведующий был тронут и оценил это как пример исключительно высокого уровня сознательности. С такими людьми, сказал он мы не то что полный изм, а кое-что и похлеще построим. Дайте только срок. Выберемся из временных затруднений, а там пошлем всех этих американцев и прочих засранцев куда-нибудь подальше.

Известный философ Портян, круглый дегенерат и полный невежда, автор самой глупой "Диалектикодиалектической высшей логики", случайно встретил на улице Неврастеника. Солнце, сказал он глубокомысленно глядя в себя, это, брат, теперь навеки. А зонтик давно пора выбросить в мусорную яму истории, где валяются ваши вонючие маркузы, карнапы, расселы, пикассы, парсонсы и прочая мразь. Ну-ну, сказал Неврастеник и раскрыл зонтик. Как раз начал накрапывать дождь, пошел снег с градом, и Солнце исчезло насовсем, как будто его вообще и не бывало. Портян промок до нитки и продрог до печенки. Прибежав домой, он впал в мрачный оптимизм и начал писать донос на Неврастеника, который в солнечную погоду вышел на улицу с зонтиком, выразив тем самым неверие.

Болтун брел неизвестно откуда и неведомо куда, не обращая внимания на погоду. Как дела, спросил его Неврастеник. Как всегда, ответил Болтун. Без работы, спросил Неврастеник. Работаю, сказал Болтун. Без работы нельзя. Выселят как тунеядца. Захотят -- выселят и с работой, сказал Неврастеник. Ага, сказал Болтун, выселят.

Выступая по телевидению, Заведующий сказал, что даже плохая погода не помешает нашему праздничному настроению.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Здесь прекрасные дачные участки, говорит Крикун. Еще бы, говорит Учитель. Зато они и дерут, сволочи. Кому они принадлежат, спросил Крикун. Начальству третьего, а то и четвертого сорта, говорит Учитель. Мой хозяин, например, был главой крупного района Ибанска. Эта дача принадлежит бывшему полковнику Органов. Эта -- бывшему ректору института. У моих хозяев пенсия больше моей зарплаты. А что же они сдают, спросил Крикун. Дом все равно пустует, говорит Учитель. А за такие денежки почему бы не сдать? Деньги они любят. Тут все сдают что-нибудь. За десять лет они полностью окупают дачу. Здесь, как видишь, неплохо. Но это пустяки по сравнению с дачами писателей и академиков. Отсюда километрах в десяти дачи Совета Министров. Там еще лучше. Я уж не говорю про еще выше. В городе как-то не обращаешь на это внимания. Лично мы с ними в быту не общаемся. И не видим, как они живут. А тут само все прет наружу. Тут они не скрываются. Посмотришь на это и поверишь, что они искренне любят этот их строй, этот их изм. Им есть за что его любить. Это их строй, их изм. Они живут хорошо. И добровольно ничем не поступятся. А их очень много. Это -- основа основ. Если покопаться основательно в нашем либеральном движении, то и его суть ты найдешь тут. Либералы тоже хотят иметь свой кусок от благ жизни. В этом нет ничего особенного? А я разве говорю, что это есть нечто особенное? Нет, ничего особенного, увы, нет. Суть дела всегда банальна.

Да ну их всех к черту, говорит Учитель. Хочешь, я расскажу тебе одну сентиментальную историю? Видишь, какой дворец! Это -- участок Органов. У них повсюду такие таинственные как будто бы пустые особняки. Сюда иногда приезжает отдохнуть или поработать какой-нибудь сотрудник. На всем готовом, конечно. А вот в этом доме снимал комнатку с верандой Двурушник. Когда его не пустили на один конгресс, потом на другой, вышибли из Университета и перестали печатать, у него вдруг обнаружилось свободное время. И тогда ему пришла идея написать книгу. Эту самую знаменитую книгу. И он решил уехать

подальше от стукачей. И вот снял эту комнатушку под самым крылышком у Органов. То ли он сам проговорился, то ли хозяин что-то заподозрил (жилец печатает целый день, а хозяин -- из тех, кого уговаривать следить не надо). Только дошло до Органов, что Двурушник что-то сочиняет. Кто такой Двурушник, они знали. И боялись повторения истории с Правдецом. И к делу отнеслись серьезно. Этот шикарный дворец сразу заселили целой оперативной группой. Вот тебе сюжет для драмы. Тут одинокий, измученный, оскорбленный, униженный человек творит бессмертную книгу. Спит урывками. Питается кое-как. А тут дюжина здоровых молодцов на полном пансионе, в прекрасных условиях, с новейшей аппаратурой и криминалистической наукой старается установить, чем занимается этот одинокий человечек, и придумать способ, как можно помешать этому человечку.

А как же они его прохлопали, спросил Крикун. Представь себе, он их обвел вокруг пальца, сказал Учитель. Он одновременно делал две книги -- научную и эту самую. Научную он тщательно прятал, но так, чтобы заметил хозяин. И черновики ее аккуратно выбрасывал в бочку для бумаги. А эту самую книгу оставлял на столе в пачке с чистой бумагой. Три месяца он делал так. За три месяца сделал две книги. Научную у него в конце концов конфисковали. Нужен же им был какой-то трофей за прекрасно проведенную операцию. Когда книга вышла на Западе, хозяина затаскали. А тот, старый член и прожженный стукач, сам чуть не повесился от тоски. Говорят, до сих пор не может очухаться. Как он переправил книгу на Запад, спросил Крикун. Ну, этого уж я не знаю, сказал Учитель. Он мужик оказался умный и смелый. Наверно, и тут придумал что-нибудь гениально простое. А почему тебя это интересует? Уж не сочинил ли ты сам что-нибудь подобное? Нет, сказал Крикун. Мне надо помочь одному человеку. Ну что же, сказал Учитель. Давай обдумаем эту проблему всесторонне. Мы все-таки ученые. И говорят, неплохие. Не зря же мы столько лет убили на всякие головоломки.

Подошла дочь Учителя и сказала, что мама велела идти обедать.

ЛЮБОВЬ К ИНОСТРАННОМУ

Как говорится в популярной песне,
Настоящие ибанцы
Уважают иностранцев.

Но это не совсем точно. Ибанцы обожают иностранцев и готовы отдать им последнюю рубаху. Если иностранец рубаху не берет, его называют сволочью. И правильно делают. Дают -- бери, бьют -- беги. Раз дают, бери, пока по морде не дали. Не выпендривайся. От чистого сердца дают. От всей души. Бери, пока дают, а не то... Если иностранец рубаху берет, а делает по-своему, его опять называют сволочью. И поделом. Зачем было брать. Если уж взял так будь добр. Мы ему от всей души. Бескорыстно. А он, сволочь, на тебе. Жди от них благодарности. Сволочь, да и только. Ну а уж если иностранец и рубаху взял, и сделал по-ибанскому, то тогда он тем более сволочь, поскольку тогда он свой, а со своими церемониться нечего. А, говорят ибанцы в таком случае, этот -- наш, сволочь.

И все иностранное ибанцы тоже любят. Во-первых, потому, что оно дороже и достать его труднее. Доставать-то приходится из-под полы втридорога, во-вторых, в иностранном сам себя чувствуешь чуть-чуть иностранцем и

чуть-чуть за границей. Заветная мечта ибанца -- чтобы его приняли за иностранца. И тогда, кто знает, может без очереди пропустят, может не заберут, может номер в гостинице дадут без брони высших органов власти и без протекции уборщицы. А еще более главным образом для того хочется ибанцу быть как иностранцу, чтобы прочие ибанцы подумали про него: глядите-ка, вон иностранец идет, сволочь!

ЧАС ШЕСТОЙ

Но начало было. Его никто не заметил, ибо оно произошло в нем, а не вне его, и он скрыл его от всех. Иначе не было бы его. И не было бы начала. Начало всегда есть тайна.

Это случилось тогда, когда Крикун трясся на голых досках товарного вагона, тащившего его на далекую окраину Ибанска служить в армию. Им нельзя прощать, говорил он себе. Отныне и навсегда твое дело -- не прощать. Ты один. Это уже кое-что. Единица есть начало ряда. Но это мало. Какое оружие противопоставить им? Ум? Науку? Конечно, можно построить точную науку про это общество. Оно не такая уж сложная штука. Скорее, оно примитивно. И наука о нем вряд ли принесет славу выдающегося ученого ее создателю. К тому же выводы науки годятся для повторяющихся явлений, а не для индивидуальных в их исключительности. К тому же Они тупы и равнодушны. И жестоки в силу тупости и равнодушия. Их образованность -- трофеи. Наукой Их не прошибешь. Так что? Сумасшествие? Каприз? Дерзость отчаяния? Безрассудство? Нет, это пока рано. Не заметят. Это потом. А сначала -- самоотречение и безвестность. С честолюбием надо покончить раз и навсегда. Ты один. И слава тебе ни к чему. Отныне твое дело будет известно только тебе одному. Даже те, над кем ты будешь работать, не будут знать, кто ты.

Он вспомнил, как заполняли на него документы, когда он принес заявление о призыве в армию. И ему стало весело. Они тебе лгут на каждом шагу, а от тебя требуют безусловной правдивости. Они уверены в том, что их не посмеют обмануть. И странно, их почти не обманывают. А они обманывают всегда. Он потом не раз наблюдал случаи, когда обманывали их, и поражался тому, что они не способны обнаружить мало-мальски продуманный обман. Документы на него заполняли с его же слов. Он не сказал, где его Отец, что его исключили из института без права поступления, что он сам выбросил в мусорную урну членский билет Союза Молодежи, когда вышел из главного здания Органов. И уж тем более не сказал о своих взаимоотношениях с Органами.

Он был спокоен.

У него было дело. Великое дело.

Все, в конце концов, решают сами люди,

думал он. Как говорил наш любимый вождь, кадры решают все. Надо работать с людьми. Работать индивидуально, настойчиво, без спешки. Никаких внешних эффектов. Внешние эффекты суть средства массового воздействия. Для них сейчас не время. В обществе сначала должны поработать единицы, десятки, сотни, тысячи таких, как я. А уж потом можно будет устраивать массовые спектакли. И он придумал в шутку:

Смешно про нас стихи писать.
Для этого и проза не годится.
Бензину лучше литров пять достать,

На площадь выйти.
Не спеша облиться.
Чиркнуть спичкою успеть.
И на глазах у всех сгореть.
Для этого, быть может, стоило родиться.

Это было за двадцать с лишним лет до того, как первый мальчик, тогда еще не родившийся на свет, сжег себя на площади. Одним словом, сказал он себе, спокойно засыпая, эту мразь надо начать расшатывать. И я это буду делать.

Он не мог тогда знать, что даже этот его труд Они тоже присвоят себе и на весь мир провозгласят о нем как о своем собственном деле. Как о благодеянии, дарованном ими самими людям. И провозгласит это один из ближайших сподвижников главного палача. Хитрый и пронырливый малограмотный человечек с интеллектом заведующего баней нахально оттолкнет всех, имеющих на то право, и влезет в историю на пьедестал Освободителя. И никто не укажет на капли крови, стекающие с него. И никто не упомянет даже намеком о таких, как Крикун. Молчать будут даже те, кто знал о подлинном деле Крикуна и был ему обязан. Они оттолкнут его в сторону и предпочтут считать даже его труд над ними своим собственным делом.

Боже, почему тебя нет!
Где же ты, черт тебя побери?
Приди же, в конце концов!
Без тебя тут так трудно!

ИДЕЯ НЕРАВЕНСТВА

Сами все время меня вынуждаете говорить, а потом обвиняете меня в том что я трепотней занимаюсь, говорит Болтун. Ну да черт с вами. Денег же с вас я не беру. Самой прогрессивной идеей в наших условиях, если уж вы хотите слышать мое мнение по сему поводу, была бы идея неравенства. Идея равенства в условиях ибанского общества имеет смысл, противоположный тому, какой она когда-то имела на Западе. Она тут звучит примерно так же, как звание революционера в применении к работнику органов или партийного аппарата. Здесь идея равенства есть принцип власти, направленный не на себя, а только на подвластных. Суть его -- не допустить того, чтобы человек добился за счет своих личных способностей и труда благ, положенных лицам определенного социального ранга, не занимая социального положения этого ранга. Субъективно это несправедливо. Субъективно, например, ничем не оправдаешь таких ситуаций, когда два чиновника не различаются по личным способностям и затратам труда, но получают разные блага, поскольку занимают разные посты а талантливый и продуктивный ученый получает столько же, сколько бесплодный и бездарный коллега, поскольку они занимают одинаковые должности. Все попытки руководства навести тут справедливый порядок вырождаются в пустую демагогию, ибо они не затрагивают иерархию распределения. Выход один: восстановить справедливое неравенство путем создания условий повышения социальной позиции индивидов за счет личных способностей. Но это противоречит самой идее иерархии, априори исключающей различие личных достоинств индивидов. В результате этой неразрешимой на уровне разума ситуации складывается тенденция к снижению творческого потенциала общества и социальному застою.

Эти параметры страдают потому, что они не являются продуктом суммирования. Одного умного не заменишь двумя дураками. А социальный уровень общества не превышает уровня социального самосознания самого социально развитого его гражданина. Творческий уровень общества не выше такового у самых одаренных его представителей. Он, на самом деле, намного ниже. Как видите, куда ни кинь, всюду клин.

СТРАНИЧКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Во времена Хозяина был установлен единый общеибанский стандарт штанов. Один тип штанов на все возрасты и росты. На все полности и должности. Широкие в поясе, в коленках и внизу. С мотней до колен. С четко обозначенной ширинкой и карманами до пят. Идеологически выдержанные штаны. По этим штанам ибанцев безошибочно узнавали во всем мире. И сейчас еще на улицах Ибанска можно иногда увидеть эти живые памятники славной эпохи Хозяина. Их демонстративно донашивают пенсионеры-соратники Хозяина. Донашивают ли? Однажды Журналист спросил обладателя таких штанов, как он ухитрился их сохранить до сих пор. Пенсионер потребовал предъявить документ. Потом сказал, что он эти штаны сшил совсем недавно. Когда Журналист уходил, пенсионер прошипел ему вслед: распустились, мерзавцы, к стенке давно вас не ставили. Это, конечно, смешной курьез. К стенке можно ставить и в узких штанах И даже без штанов. Даже удобнее.

Выработан всеибанский тип штанов был в ожесточенной борьбе с уклонами и классовыми врагами. Левые уклонисты хотели сделать штаны шире в поясе, а мотню спереди опустить до пят. Они рассчитывали построить полный изм в ближайшие полгода и накормить изголодавшихся трудящихся до отвала. Своевременно выступил Хозяин и поправил их. Лэвые укланысты, сказал он, савершыли тыпычную ашыпку. Аны атарвалыс ат масс и забыжалы впэрод. Левых уклонистов ликвидировали правые уклонисты. Те, напротив, хотели расширить штаны в коленках и ликвидировать ширинку. Они не верили в творческие потенции масс и все надежды возложили на буржуазию. Опять своевременно выступил Хозяин и поправил их. Правыэ укланысты, сказал он, савэршылы тыпычную ашыпку. Аны атарвалыс ат масс и забыжалы назат. Правых уклонистов ликвидировали левые.

Когда Хозяин сдох и ибанцы наревелись досыта, стали появляться несколько зауженные штаны. Потом появились совсем узкие. С узкоштанниками повели решительную борьбу. Разрезали штаны публично, выгоняли из институтов, увольняли с работы, штрафовали, писали фельетоны. Но зато уже не расстреливали. И расправу производили не Органы, а сами широкие народные массы по собственному почину. Страшили не узкие штаны сами по себе. Они были даже выгоднее, так как благодаря им производство тканей в стране выросло сразу вдвое. Узкие штаны были признаком и символом растущей непокорности, своеволия, неверия. Но в конце концов узкие штаны, как и кибернетика, были очищены от идеологических искажений и признаны отвечающими идеалам изма. Как раз к этому времени они устарели.

Как говорил сам Хозяин, новоэ пышшыт, но лэзыт и пабыждаэт.

ГИМН ШТАНАМ

Когда узкие штаны завоевали право на существование, в Ибанске получил распространение гимн штанам.

Было же время такое
Нашей великой страны.
Носило все племя мужское
Учрежденные свыше штаны.
Пенсионеры и дети,
Подростки и их отцы
Были всегда одеты,
Как один, в штаны-близнецы.
Рабочие и почтальоны
И ветераны войны
Носили, будто знамена,
Стандартные чудо-штаны.
Отчаянные молчальники,
Отпетые болтуны,
Ответственные начальники,
И у всех, как одни, штаны.
Серьезные и проказники,
Честные и шпана
В будни ходили и в праздники
В как две капли схожих штанах.
Носили и думать не смели
Лишиться такой красоты.
И с завистью не глазели
На узенькие порты.
Ошибочно думать, что это
От бедности нашей страны
Были все люди одеты
В одинаковые штаны.
Порывом могучим движимы,
В тех прошлых великих годах
Мечту вековую несли мы
В единых стандартных штанах.
Но годы те отгудели.
И чашу испив до дна,
Породившие их идеи
Мы в модных несем штанах.

Автор гимна остался неизвестен. Одни приписывали его Певцу. Другие Распашонке. А некоторые даже Крикуну.

НАДГРОБИЕ

Когда в тот единственный раз выглянуло Солнце, оно первым делом осветило надгробие Хряка. Можно было подумать, что оно и выглянуло-то специально для этого. На бронзовой голове Хряка лежала кучка грязного снега, похожая на давно не мытую детскую шапочку. На кучке сидела драная ворона и орала на все Старобабье кладбище: Укр-р-р-ал! Укр-р-р-р-ал! А выражение морды у Хряка было такое, как будто он только что наложил в мраморные

черно-белые штаны, которые по замыслу художника выражали сложность и противоречивость натуры Хряка. Напротив Хряка по стойке смирно стояла статуя Директора, переделанная из статуи Большого Полководца, которую недавно заменили конной статуей кондотьера. А все-таки красиво получилось, сказал Мазила. Вещь, во всяком случае, бескомпромиссная. Конечно, сказал Болтун, если отсутствие требований компромисса есть бескомпромиссность. Как же так, сказал Мазила. Ведь борьба-то была! Они боролись с собой, а не с тобой, сказал Болтун. Кстати, кажется, решено Хряка перенести в Пантеон, а надгробие за ненадобностью отдать на дрова. Одним словом,

Я памятник воздвиг ему нерукотворный.
На Старобабьем, а не около Стены.
Он был, конечно, человечек крайне вздорный.
Но лист истории засиживают мухи, не слоны.

Чье это, спросил Мазила. Болтун пожал плечами. В это время Солнце скрылось, пошел дождь, потом снег.

ТРАГЕДИЯ И ФАРС

Среди множества неопровержимых истин ибанские интеллектуалы усвоили также ту, что история повторяется, причем -- один раз как трагедия, а другой раз как фарс. Трагедия была, а фарс не так уж и страшен. Но эта утешительная истина не помешала ибанским интеллектуалам ходить с полными штанами. Певец сказал по сему поводу:

Раньше трагедией это все было.
Пикнешь, и дырку получишь в затылок.
Вякнешь, и имя твое на помойку,
Попробуй потом его чисто отмой-ка.
Теперь это фарсом у нас называется.
Берут за идею -- за блядство считается.
Посадят как психа -- читай за политику.
Попробуй потом проясни эту мистику.

Гениально, сказал Брат. Переписал стихотворение в свою записную книжечку. Вечером он прочитал его в компании Режиссера, Сотрудника, Социолога, Актера и Мыслителя. Хотя время Растерянности уже началось, Певца посадили. Правда, не за стихи, как ходили слухи, а за гомосексуализм. Надо спасать Певца, кричал Брат и собирал подписи. Регулярно повторяющийся фарс и есть трагедия, сказал Болтун. Брат записал эту фразу в свою книжечку и потом вставил ее в свою прогрессивную статью.

ЕДИНСТВО

Сначала не было ничего, и потому было полное единство. Разногласия, конечно, были. Но не принципиальные. Сотрудник, например, звал к себе домой, где после юбилея высокопоставленного папаши осталась куча недопитого зелья и недоеденного корма. Учитель отвергал объедки, если даже они с королевского стола, а не со стола какого-то захудалого министра, и звал к Трем Грациям. Кис говорил, что дети не отвечают за родителей, и звал к Сотруднику, где намеревался быть представленным министру и высказать свои соображения. Для этой цели он даже выучил пару латинских цитат о законах. Распашонка

настаивал на забегаловке поближе к его дому. Кис как всегда ныл, что у него на этот раз нет денег с собой, и клянчил закурить у всех подряд. Все знали, что деньги у Киса водились порядочные, так как он был скуп и копил на дачу. Но это было милое чудачество. Да и много ли нужно на одну-другую кружку пива! И Крикун, заработавший накануне на разгрузке вагонов с картошкой десятку, говорил, что он угощает.

Разногласия наступили позже. И совсем по другой причине. И еще не тогда, когда Кис перестал пить и курить чужие сигареты, Сослуживец защитил диссертацию. Мыслитель стал референтом, Сотрудник приобрел еще более шикарную, чем у его ушедшего на персональную пенсию папаши, квартиру, Супруга пару раз съездил за границу, Болтун дважды лишился работы, Учитель... А еще позже, когда четко определилось не только различие положений и образа жизни, но и мировоззрений. Когда Сотрудник, приказав привести Крикуна, спросил его имя, возраст, род занятий...

А тут разногласия быстро урегулировали и направились к Трем Грациям. Пока ждали пиво, поносили начальство и рассказывали анекдоты. Ибанский солдат, говорит Сотрудник, заскочил в аптеку, схватил банку с надписью "Царская водка" и бежать. Стойте, кричит хозяйка, это же Царская Водка! Вот и хорошо, говорит солдат, попробуем, что цари трескают. На другой день солдат как ни в чем не бывало заявляется в аптеку. Вы живы, удивилась хозяйка. Это же смесь серной и соляной кислоты! Ах вот оно что, говорит солдат. То-то я вчера, когда мочился, сапог прожег. Посмеявшись, стали хвастаться выдающимися способностями ибанского солдата. Поразительно, сказал Учитель. Вы все в качестве достоинств солдата называете недостатки общества: плохая жратва, плохая одежда, бессмысленное времяпрепровождение... Это закон, сказал Болтун. Чем меньше разрыв между образом жизни страны в мирное время и образом жизни солдата в военное время, тем более солдат приспособлен к войне. А кто это доказал, спросил Учитель. Я сам кое-что видел. И должен сказать, что слухи насчет солдат сильно преувеличены. Принесли пиво, и бессмысленный спор прекратился. Выпьем за то, чтоб им всем было плохо, сказал Брат.

О БОГЕ

Считается, что чудес не бывает, говорит Двурушник. Ничего подобного. Бывают. Вчера я жаловался жене, не могу, мол, больше работать. И писать не могу. Выложился до предела. Хотя бы какой-нибудь захудалый университет Запада пригласил лекции почитать. И представь себе, только сказал, звонок в дверь. Заказное письмо. Приглашение! Теперь я сомневаюсь, что бога нет. А если нас выпустят, могу и поверить. Бог есть, говорит Учитель. Но не для всех. Если ты сам бог. Или близок к этому. Очевидно, ты -- бог. А ты, спросил Двурушник. Я пока не хочу верить, сказал Учитель.

СПЕЦКУРСЫ

Одна из особенностей периода Растерянности -- обилие специальных курсов лекций, читавшихся самыми различными людьми в самых различных научных и учебных заведениях на самые различные темы. Такие курсы читались даже на дому. Клеветник начал читать нашумевший в свое время курс сначала в одном

идеологическом учреждении, затем его оттуда выгнали, и он пристроился в одно академическое учреждение подальше от идеологии, а закончил в комнатушке, которую снимал за половину с большим трудом зарабатываемых грошей. Вернее, не успел закончить, так как успел закончиться сам период Растерянности.

Я не собираюсь делать никаких сногсшибательных открытий, говорил Клеветник. Открытия теперь делаются в таких количествах, что давно пора пересмотреть само понятие открытия. Возьмите, например, даже царицу наук -- математику. Математики прошлого относили к числу школьных упражнений все то, что можно было решить без особого труда и на что не требовался талант. Математики нашего времени даже теоремки, доказываемые в два-три шага, преподносят как научный результат. А если уж в математике дело обстоит так, что же тогда творится в остальных науках? Ураган научных открытий нашего времени в значительной мере (если не в основном) есть социальный ветер, а не ветер познания. Настоящие открытия тоже, конечно, делаются. И не мало. Больше, чем раньше. Но они в большинстве случаев скрыты, несенсационны, непохожи на открытия вообще. Лет через сто мы узнаем, кто был настоящий ученый в наше время и что действительно ценного было открыто не с точки зрения открытия фактов, а с точки зрения понимания их. Но это я сказал так, между прочим.

Но сказанное так, между прочим и вызывало главный интерес у слушателей. Это было нестандартно. В этом отсутствовала какая бы то ни было скованность. Это запоминалось само собой.

Я хочу, говорил Клеветник, лишь обратить ваше внимание на самые обычные и общеизвестные факты и сказать, что они имеют в жизни нашего общества гораздо более важное значение, чем им приписывает высокая официальная идеология и не менее высокая наука. Я не отвергаю науку. Наоборот, я считаю, что она в данном случае может сделать нечто подобное тому, что дала классическая механика для наблюдаемых фактов перемещения тел или квантовая механика для результатов наблюдений явлений микромира. Отличие от микрофизики здесь состоит в том, что здесь не нужно открывать сами факты. Они здесь налицо. Все факты налицо. И не нужно каких-то закрытых статистических данных, тщательно скрываемых как важнейшая государственная тайна. Все факты, повторяю, налицо. Надо их лишь как-то суммировать и придумать теорию, с точки зрения которой их можно предсказывать и которая даст достаточно убедительную основу для уверенности в том, что жизненные явления будут случаться так, а не иначе. Помяните мое слово, скоро самой главной государственной тайной станут не ракетные площадки и не фактическое поголовье скота, а общеизвестные привычные явления нашей жизни.

МЕСТО В ИСТОРИИ

И я мог бы написать что-нибудь такое, за что меня взяли бы за шиворот, говорит Распашонка. А смысл какой? Сейчас меня читают миллионы. И я так или иначе влияю на умы. В особенности -- на молодежь. Имей в виду, в наше время сама техника искусства оказывает революционизирующее влияние на людей. Важно не столько то, о чем ты пишешь, сколько то, как ты пишешь. А сделай я что-нибудь политически скандальное, меня начисто выметут из ибанской истории. Двадцать лет труда пойдет прахом. Конечно, говорит Учитель, форма искусства играет роль. В особенности, когда нечего сказать. А если есть что

сказать значительное, о форме не думают. Она приходит сама собой. Причем -- адекватная содержанию. А надолго ли ты собираешься застрять в ибанской истории? На век? На тысячелетие? И в какой истории? В официальной? А стоит ли официальная ибанская история того, чтобы в ней застревать? Ты же не младенец. Миг -- и ничего не останется. Ни Ибанска. Ни планеты. Ни Галактики. Жить ради места в истории? Неужели ты так дешево ценишь свою жизнь? Напакостить этой тошнотворной истории, поломать ее лживую правильность, -- это еще куда ни шло. По крайней мере по-мужски. А расчет на место в истории оборачивается, в конечном счете, тряпками, дачами, мелким тщеславием, упоминанием в газетке, стишком в журнальчике, сидением в президиуме. Ты на что намекаешь, возмутился Распашонка. Погоди, сказал Учитель. Учти! Ибанская история капризна. Она сейчас нуждается в видимости подлинности. Пройдет немного времени, и тебя из нее выкинут, а Правдеца впишут обратно. Торопись, тебя могут обойти! Распашонка побледнел и побежал писать пасквиль на ибанскую действительность. Пасквиль получился острый, и его с радостью напечатали в Газете.

Когда угрюмою толпой
Из домны лезут хлеборубы,
Покрыты морды чернотой,
Видны один плохие зубы,
Гляжу, за них сознаньем горд,
Своей стыдяся чистой рожей,
Средь сотен этих грязных морд
Не вижу ни одной похожей.
И понял я в расцвете лет,
Вне этих масс поэта нет.

Гениально, сказал Учитель. Теперь если ты попросишься выйти из ибанской истории, тебя из нее не выпустят. Разве что в краткую командировку. Блестяще, сказал Брат, и напечатал в Журнале большую статью о месте поэта в строю. Сволочь, сказал Распашонка. Но осталось неясным, кого он имел в виду.

ЧАС СЕДЬМОЙ

Трагедия начинается с комедии. Работа чуть было не сорвалась в самом начале. Крикун сблизился с одним парнем. Тот сам начал рассказывать такое, что Крикун себя почувствовал новичком. Те немногие факты, которые лично ему были известны и казались ужасными и знание которых казалось сокровенной тайной, были невинными пустяками в сравнении с тем, о чем говорил новый приятель. Скоро к ним присоединился еще один. Этот вообще считал Хозяина своим личным врагом. Не пойму, в чем дело, говорил он. Жили мы неплохо. Все твердили мне, что Хозяин -- гений и великий гуманист. Отец. Друг. А вот ненавижу я его и всю его банду. И не верю ни единому их слову. Ты поосторожней с ним, говорил Крикуну первый парень о втором. Что-то мне в нем не нравится. Прошло несколько дней, и Крикуна вызвали в Особый отдел. По первым же вопросам он понял, что кто-то из этих двоих донес. Кто? Надо было решать мгновенно, И он решил: первый. Лишь потом, много лет спустя, он восстановил логику своего решения. Дело не в знании обличающих фактов и в умении произносить критические оценки, а в общем нравственном состоянии личности. Потом он много раз наблюдал, что самые страшные антиибанские

разговоры велись в среде сотрудников Органов, стукачей и вообще лиц, находящихся под крылышком власти. А уж фактов-то своего беззакония сами Органы столько насобирали при подготовке доклада, прочитанного потом Хряком, что собственные сведения Крикуна было даже стыдно обнаруживать. Они были ничтожны.

Надо было так же мгновенно найти выход из положения. Если растеряюсь, начнут копать. И раскопают. И тогда конец, И он пошел ва-банк. Ваш осведомитель, сказал он, назвав первого парня, работает плохо. Я давно хотел Вам сказать об этом, но не имел права. А откуда тебе известно, что он осведомитель, спросил Особняк. Это элементарно, сказал Крикун. Я же окончил специальную школу. Я Вам говорю об этом только из-за исключительности ситуации. У меня особое задание. Особняк даже вытянулся, услышав про особое задание. Для Крикуна наступило золотое время, и он отвел душу. Его даже перестали назначать в наряды. И он попросил, чтобы этого не делали, ибо это демаскирует его. Если бы до высокого начальства дошло, о чем говорили между собой рядовые части, весь командный состав части расстреляли бы без суда и следствия. Особенно усердствовал первый парень, стукач. А что сделаешь, говорил он Крикуну. Засекли меня как-то за разговорчиками. Вызвали. Или, говорят, будь осведомителем, или засадим. Я согласился, конечно. Я им еще наработаю, дай бог!

Скоро в полк пришла разнарядка в школу младших командиров для Органов, послали в нее второго приятеля Крикуна. Первый ругался последними словами. Обещали, сволочи. А выбрали этого, чистенького. Ясно. У него же папа сам из этой системы. Крикун был сначала ошарашен происшедшим. Но, обдумав его, долго хохотал. До слез. К черту театр, сказал он себе. Все гораздо проще, чем ты думал. Жить в грязи и не испачкаться -- это невозможно.

Когда в полк пришла разнарядка направить несколько человек в авиационную школу, Крикун сказал Особняку, что должен быть в их числе, ибо разнарядка прислана специально для этого. Стукач плакал, когда они расставались, и просил писать. Больше они не встретились.

ГРУППЫ

Характерным явлением периода Растерянности были также своеобразные идеологические группы. Возникали они по самым различным поводам, в самых различных местах и в самой различной форме. Наиболее значительными и устойчивыми из них были группы, которые по видимости занимались разработкой научных проблем, а по сути были прикрытием для идеологических сект. Сами участники групп, как правило, не отдавали себе отчета в том, что они такое, и воображали себя подлинными учеными-новаторами. Некоторое время их и воспринимали именно таким образом. Группы такого рода складывались даже в рамках изма с намерением развивать подлинно научный изм. Эти группы прогорели в первую очередь. Но не столько из-за того, что их участники были вопиюще невежественными шарлатанами, сколько из-за того, что они начали иметь официальный успех и конкурировать с обычными представителями изма.

Идеологический характер рассматриваемых групп обнаружился несколько позднее, когда редкие настоящие ученые, волею случая начавшие свою карьеру в их среде, покинули их, шарлатанство перестало приносить успех, и творческое бесплодие их стало для всех очевидным. Отдельные из таких групп превратились

в официальные учреждения. Хотя и эти оказались столь же бесплодными с научной точки зрения, они оказались весьма удобными в иных планах. В частности -- для налаживания международных связей определенного сорта, для проникновения в различного рода международные организации и для пускания пыли в глаза. Смотрите, мол! Вы там кричите о застое, зажиме, гонениях и прочих ужасах у нас. А это все клевета. У нас есть все! Социология? Можем делегацию в тыщу человек поставить! Кибернетика? У нас каждый второй кибернетик! Науковедение? Да у нас целый институт такой есть! Системные исследования? Ха-ха! У нас даже журнал такой есть. Во как!

Сборища групп проходили в виде семинаров, симпозиумов, коллоквиумов, лекций, докладов и т.п. И о науке, разумеется, говорили. Собственно говоря, только о науке и говорили. Но как! Чтобы всем было ясно, что к чему. О изме молчали. К тому же с усмешечкой. Выступает какой-нибудь гениальный мальчик, взявшийся бог весть откуда, и чешет без запинки: будем рассматривать общество как гомогенную систему из конечного множества суперперсонализированных элементов, отображаемую на гомоморфное подмножество кортежей... Начальство не придерется. Зубры изма, поджав хвосты и бледнея за свое вопиющее невежество, уползают кто куда. А всем понятно, что к чему. Еще пара-другая таких открытий, и мы их придавим. Что они могут против науки?... Или собрался, например, симпозиум по изматической критике психоанализа. Главный докладчик -- Мыслитель, Социолог, Супруга или даже Сослуживец. Или все вместе. Не все ли равно. И пошли разговоры. Главное -- как можно больше наговорить, нечто невнятное, с десятками непонятных терминов, со ссылками на десятки западных имен. В особенности на таких, которые недавно опубликовали по одной статейке. Это -- новейшее слово в науке. Пара слов о том, что это все не противоречит изму. Для начальства и отчета. Но так, что всем ясно, что к чему. Без этого же нельзя.

А в коридорах, на квартирах, в ресторанах, забегаловках и в кабинетах почтенных учреждений шли нескончаемые разговоры о положении в стране, о жизни на Западе, о Хозяине, о Хряке, об узких штанах и коротких юбках, о неореализме и сюрреализме, о лагерях и арестах. Поносили все свое. Восторгались всем западным. Короче говоря, просыпались от вынужденной спячки периода Хозяина, открывали глаза на действительность и рвались развернуть свои творческие потенции, зажимавшиеся столько десятилетий.

ЧАС ВОСЬМОЙ

На другой же день после того, как Крикун прибыл после школы в полк на фронт, старший летчик, его ближайший командир, попросил его об услуге: пойти к полковому врачу, сказать, что он подцепил триппер, и попросить сульфидин. Старший летчик уже имел тридцать боевых вылетов, пару орденов, был представлен к третьему и боялся, что из-за триппера ему этот третий заслуженный орден не дадут. Хороший, вроде бы, парень. Но он не подумал о том, что для Крикуна начинать службу в полку с гонореи -- значит с самого начала закрыть всякие пути к наградам и повышениям. Крикун не мог ему отказать. Хотя потом в этом полку он сделал более шестидесяти боевых вылетов, ему дали всего одну железку. Самую маленькую притом. А по закону он должен был бы иметь их минимум пять. А старший летчик на другой же день растрепал всем, как он подсунул вместо себя Крикуна. В полку все знали, что

Крикун не был болен. И смеялись над ним. И начальство регулярно вычеркивало его из списка представляемых к награде. Теперь-то он им благодарен за это. Они выработали в нем презрение к званиям и наградам. Но каково ему было тогда! Ему же не было еще двадцати. И он тогда еще ни разу не имел женщину. И больно ему было не за себя, а за них. Он не мог понять, почему хорошие люди делают пакости. Потом он убедился в том, что самые гнусные поступки в жизни совершают обычно порядочные люди.

К истории с триппером скоро присоединилась еще одна, и Крикуном заинтересовался Особый отдел. Ему повезло: ранили, а после госпиталя он переучился на новый тип самолетов и попал в другой полк. А история такая. Он сидел в землянке эскадрильи и играл в шахматы с инженером полка. Вошел командир эскадрильи и попросил его отрулить его машину -- она на посадочной стоит -- на край аэродрома. Когда Крикун вернулся, отрулив машину, в землянке хохотали. Когда он узнал, в чем дело (бомба зависла), он первый и последний раз в жизни потерял самообладание. Ах ты, сволочь, закричал он. Трус! Ты мог бы объяснить, в чем дело! Я бы осторожнее рулил! И он залепил комэску по физиономии. Историю замяли, так как на офицерском суде чести всплыла бы ее подоплека. Кроме того, это подорвало бы репутацию полка, и командир полка не получил бы награду, к которой его после многих усилий представили. Но не забыли.

Старший летчик, для которого Крикун достал сульфидин, погиб через день с недолеченным триппером, а комэск взорвался, пытаясь запустить трофейный мотоцикл. Жертвы оказались напрасными. Жертвы всегда напрасны, сказал себе Крикун. Сознание жертвенности поступков мучительно, ложно и бесплодно. Поступки должны оцениваться и переживаться исключительно по цели и результатам. И главный результат поступка -- в тебе самом. Отсутствие внешнего результата не должно разочаровывать. Мы не на базаре, а перед лицом своей совести.

В дивизии о Крикуне ходили легенды. Его дружбы искали наиболее умные и образованные летчики. К этому парню надо приглядеться, сказал однажды заместитель командира полка начальнику особого отдела. В нем что-то есть. Свободно говорит по-немецки. Английский изучает. Тут что-то не так. Но Крикуну повезло. Его сбили.

ЕДИНСТВО

После второй кружки Кис стал задумчиво поглядывать на изображение трех граций на обшарпанной стенке пивного бара. Ничего бабы, сказал Сотрудник, уловив взгляды Киса. Есть за что подержаться. После третьей кружки Кис глубокомысленно изрек, что у Жабы фигура лучше. Немного старовата, сказал Учитель. Но теперь, кажется, старые бабы входят в моду. А если ей вставить зубы, она даже премиленькой будет. По моим наблюдениям, сказал Сотрудник, она к Кису неравнодушна. Точно, сказал Сослуживец. Везет же некоторым. Кис отнесся к словам собутыльников с полной серьезностью. И когда Жаба принесла им по четвертой кружке, он похлопал ее по тощему заду. Не встретив отпора, он осмелел и сунул руку под юбку. Жаба, собирая пустые кружки, хихикала от удовольствия, но дальше фиолетовых трико, затянутых сверху и снизу пеньковым канатом в палец толщиной, Кисину блудливую лапу не пускала. И все было бы хорошо, если бы не сидевшая за соседним столом группа полковников из

Генерального Штаба, среди которых был новый любовник Жабы. Он долго терпел грязные поползновения Киса. Сказывалась фронтовая выдержка. Полковник, разрабатывавший во время войны проект приказа о вторичной выварке обглоданных костей, дважды выезжал в прифронтовые районы, за что был награжден пятью орденами и еще до тридцати лет стал полковником. Эта-то блестящая карьера и сразила Жабу, когда она решилась поделить свою любовь между кладовщиком винного склада и полковником. Но всему есть предел. Эй ты, сопляк, рявкнул полковник, когда Кис поплелся было за Жабой в посудомойку. Не трожь девушку! И залепил Кису в глаз коркой черного хлеба. Обалдевший от разбавленного водой пива Кис наделал в штаны и попросил извинения. Но Учитель иначе оценил обстановку. Он вылил недопитое пиво за шиворот ближайшему к нему полковнику. Тот в ответ залепил по морде Сотруднику. И началась заварушка. Подоспевшие милиционеры не смогли разобрать, кто виноват, и встали на сторону полковников. Вызвали подкрепление. В суматохе уклонившийся от драки Сослуживец спер полковничью папаху и сунул в мусорную урну. Кис с полными штанами тоже смылся на улицу. Осмелев, он пару раз плюнул в папаху и обозвал ее символом этой самодержавной власти. Бой вели Учитель, Сотрудник, Крикун, Болтун и добровольцы из посторонних. Когда полковник обнаружил пропажу папахи, наступила мертвая тишина. Под трибунал, заорал полковник. Всех в штрафной! Разжаловать! Побелевший от ужаса Кис, числившийся по военной линии необученным рядовым, молча направился к урне и двумя пальцами брезгливо извлек оплеванную папаху. Возьмите Вашу паршивую шапчонку, процедил он сквозь зубы. Полковник растерялся от такого неожиданного поворота дела и сам не заметил, как ахнул Киса пивной кружкой по голове. Это была первая человеческая жертва в его блистательной военной карьере. Кис свалился замертво. Перепугавшийся полковник упал в обморок. Именно в этот момент подоспело подкрепление милиции. Поскольку было очевидно, что во всем виноваты полковники, их отпустили с миром, а студентов, на всякий случай, переписали. Киса отвезли в больницу с проломленным черепом. Сотрудник, придерживая заплывший глаз, пригласил Учителя, Крикуна и Болтуна к себе домой, Сослуживец увязался за ними без приглашения. Это было первое и последнее сражение в его жизни, в котором он почти что участвовал. Пока бойцы залечивали раны, Сослуживец сочинил стих:

Угроз мы на ветер зазря не кидали.
Они нас задели -- мы сдачи им дали.
Они нас по морде -- мы двинули в рыло.
Они на нас с фланга -- а мы на них с тыла.
Они нас по шее -- а мы им по уху.
За высшие принципы -- за потаскуху.

Блестяще, сказал Учитель. Теперь мне ясно, почему ты такой трусливый. Ты, оказывается, поэт.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Я хочу составить себе объективную картину ибанского образа жизни, говорит Журналист. Это исключено, говорит Неврастеник. Почему, спрашивает Журналист. Потому что у Вас привилегированное положение, говорит Неврастеник. Вам не надо думать о квартире, ходить на собрания, бегать по магазинам, стоять в очередях, добиваться повышения зарплаты,

приспосабливаться к цензуре. А в этом-то и есть суть нашего образа жизни. Но я буду жить как рядовой ибанец, говорит Журналист. Тогда У Вас не останется времени и сил для наблюдения, а раздражение помешает быть объективным. А где же выход, спрашивает Журналист. Чтобы понять Ибанск, не надо ехать в Ибанск, говорит Неврастеник. Сюда надо приезжать только на тренировку и на практику. Но есть же у Вас что-то такое, что незаметно со стороны и видно изнутри, говорит Журналист. Нет, говорит Неврастеник. У нас есть только то, что незаметно изнутри и хорошо видно снаружи. Не думайте, что у нас есть какие-то скрытые подземелья, где разыгрываются страшные драмы. Наши самые страшные драмы разыгрываются у всех на виду. Это наша обыденная жизнь. Любое собрание. Любое заседание. Любая речь. Любая газета. Смотрите. Читайте. Слушайте. Это и есть наша реальная жизнь, а не маскировка и обман. Обмана нет. Обманываетесь вы сами по своей доброй воле. Вы видите то, что хотите видеть, ибо всему придаете какой-то смысл. А смысла никакого нет. Вот, к примеру, такую-то область за то-то наградили орденом. Область! Такой-то Заместитель поехал туда. Речь произнес. Орден вручил. Это не спектакль. Это -- реальная жизнь. Сама жизнь, а не мираж. Гораздо более реальная жизнь, чем кукиши в карманах наших интеллектуалов. А если и есть у нас интригующие вас подземелья, то происходящее там столь же обыденно и серо, как наши очередные собрания. Мы отбываем номер. Везде и всегда. Положено, и все тут. Ничего за кулисами у нас нет, ибо у нас нет кулис. Мы сами все за кулисами. А зрителей мы стараемся ликвидировать, чтобы они не заметили, кто мы на самом деле. Ужас нашего бытия -- в грандиозных масштабах и безысходности пустяка.

ГРУППЫ

Состав групп был крайне разнородный, начиная от талантливых ученых, сделавших потом себе имя в науке (их были единицы), и кончая бездарными шарлатанами, жаждавшими легкой поживы в удобной конъюнктуре (их было большинство). А конъюнктура была в высшей степени удобной. Делалась карьера. Росла репутация порядочного и прогрессивного человека. Сложился даже особый тип интеллектуалов, которых Болтун обозначил термином "якобы репрессированные". Их идеал -- в шикарном ресторане или богатой квартире жрать цыплят табака и шашлыки, запивая хорошими сухими винами, пить французский коньяк или английское виски, спать по очереди со всеми приглянувшимися бабами или мужиками и выглядеть при этом несправедливо зажимаемыми и гонимыми. Классическими особями такого типа была Мыслитель и Супруга.

Научные и учебные учреждения сначала охотно допускали у себя такие группы. Еще бы! Все хотели идти в ногу с прогрессом и быть передовыми. Образовывались новые сектора, кафедры, отделы и даже институты. И даже целые отрасли науки.

Одной из таких групп была группка, сложившаяся вокруг Учителя. Сам Учитель по мнению специалистов, приложивших немало усилий, чтобы не допустить его в официальную науку, был способный ученый, но был заражен вздорными социальными идеями и не умел себя вести в приличном обществе. Члены его группы были неплохие поначалу люди. Но они были бездарны, как и прочие нормальные люди, и в меру безнравственны. Они обворовывали своего учителя, печатали статейки с его идеями, но без ссылок на него. А когда

ситуация изменилась к худшему, они потихоньку и постепенно предали его и разбрелись кто куда. Из их среды вышли наиболее способные погромщики идей Учителя.

От работ Учителя не сохранилось почти ничего. Несколько маленьких заметок в малоизвестных журналах. И небольшой отрывок из рукописи по теории социальных систем, которую под своим именем опубликовал Мальчик, выступавший экспертом по делу Учителя и сделавший приличную карьеру за счет науки.

ГОСУДАРСТВО

В применении к ибанскому обществу все традиционные понятия социальных наук потеряли смысл, говорил Клеветник. Это относится в первую очередь к понятиям государства, братии, политики, права. Официальная точка зрения по этим вопросам общеизвестна. И я не буду ее излагать. Не буду с ней и полемизировать, ибо она есть явление вненаучное.

Государство есть система социальной власти данного общества. В ибанском обществе это есть система из огромного числа людей и организаций. В системе власти здесь занята по меньшей мере пятая часть взрослого населения. Поскольку общество в целом рассматривается как социальный индивид, государство есть его управляющий волевой орган.

Подавляющее большинство представителей власти суть низкооплачиваемые служащие. Это власть нищих или нищая власть. Это весьма существенно. Отсюда -- неизбежная тенденция компенсировать низкую зарплату путем использования служебного положения. Поэтому ничего удивительного нет в том, что многие представители власти с низкими окладами живут значительно лучше более высоко оплачиваемых сограждан. Так что власть привлекательна материально даже на низших ступенях. Подавляющее большинство представителей власти официально обладают ничтожной долей власти. Отсюда тенденция компенсировать неполноту власти за счет превышения официальных полномочий. И возможности здесь для власти практически неограничены. Неудивительно также то, что практически огромной властью располагают ничтожные чиновники аппарата власти.

Отсюда, между прочим, ненависть рядовой власти к научно-технической интеллигенции и деятелям искусства более высокого ранга, распространяемая по закону компенсации бессилия на самую незащищенную и бедную часть творческой интеллигенции. Ненависть к интеллигенции вообще есть элемент идеологии всей массы ибанской власти хотя бы еще потому, что в низших звеньях власть образуется из низкообразованной и наименее одаренной части населения, а в высших звеньях из лиц, которые с точки зрения образованности и талантов повсюду и всегда уступали и уступают многим своим сверстникам, выходящим в ученые, художники, артисты, писатели и т.п.

Ибанская власть всесильна и вместе с тем бессильна. Она всесильна негативно, т.е. по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно, т.е. по возможностям безвозмездно делать добро. Она имеет огромную разрушительную и ничтожную созидательную силу. Успехи хозяйственной (и вообще деловой) жизни страды не есть заслуга власти как таковой. Эти успехи, как правило, есть неизбежное зло с точки зрения власти. Тем более -- успехи культуры. Это вообще не есть функция власти. Иллюзия того, что это -- продукт деятельности власти, создается потому, что здесь формально обо всем принимаются решения, составляются планы, издаются распоряжения, делаются

отчеты. На самом деле здесь имеет место лишь формальное наложение, а не отношение причины и следствий. Существование самодовлеющей власти облекается здесь в форму руководства всем. Даже погодой. Даже биологической природой человека.

Всемогущая власть здесь бессильна провести до конца и заранее задуманным способом даже малюсенькую реформочку в масштабах страны, если эта реформочка призвана повысить уровень организации общества, т.е. позитивна. Она одним мановением руки способна разрушить целые направления науки и искусства, отрасли хозяйства, вековые уклады и даже целые народы. Но она не способна защитить даже маленькое творческое дело от ударов среды, если последняя вознамерилась стереть это дело в порошок.

Власть ибанского типа принципиально ненадежна. Она не способна достаточно долго и систематически выполнять свои обещания. Не потому, что она состоит из обманщиков. При наличии самых искренних намерений что-то сделать, власть не способна сдержать свое слово по условиям своего функционирования. Это касается, конечно, позитивных намерений в первую очередь и лишь в некоторой мере негативных. Почему? Лиц, обещавших дело, легко заменить лицами, которые само это обещание истолкуют как ошибку (для дискредитации сменяемых лиц). Общая тенденция к отсутствию стабильности норм жизни и тенденция властей к преобразованиям может изменить ситуацию так, что прежние обещания теряют смысл или забываются. Сменят, например, Хряка. Кто вспомнит о том, что он обещал бесплатный городской транспорт в таком-то году и удвоенные нормы выдачи жилья? Власть имеет, как правило, ложное представление о состоянии дел в стране, необходимым элементом которого является преувеличение хорошего и преуменьшение плохого. Власть в принципе исключает научный взгляд на свое общество и исходит при этом в своих намерениях из общих ложных предпосылок. Хряк, например, убежден в успехе своей кукурузной программы. И попробуйте, растолкуйте ему, что эта затея обречена на провал в силу самих социальных принципов этого общества!

Ненадежность обещаний властей становится привычной формой государственной жизни. Властям в глубине души никто не верит. Не верят и они сами. И принимая решения, это предполагают априори. Неявно, конечно. И, повторяю, в том, что касается позитивной деятельности. А в том, что касается негативной деятельности, стоит только дать сигнал. Ломать -- не строить.

Плюс ко всему прочему почти полная безответственность за ход государственных дел. Присваивая себе все положительное независимо от его природы, власть строит свою деятельность так, чтобы не нести никакой ответственности за промахи и недостатки. Внутри власти для этого есть система круговой поруки. Наказания тут исключение и не такая уж страшная вещь. Что это за наказание, если первого заместителя министра сделали начальником главка или вторым заместителем? В крайнем случае находятся козлы отпущения, на которых сваливают все.

Ибанской власти придают вид добровольно выбираемой населением. В этом есть грандиозная ложь и глубокая правда. В чем тут ложь, вам хорошо известно. О каких свободных выборах может идти речь, если кандидаты на выборные должности отбираются властями, выбирать приходится из одного, избранные имеют лишь одну функцию -- аплодировать высшим властям, одобрять все то, что им прикажут свыше. И вместе с тем, ибанская система власти есть продукт доброй воли населения. Ибанские власти поступают нелепо, сохраняя

надоевшую всем и вызывающую насмешки бутафорию выборов. Им надо бы просто заставить смотреть на добровольность власти с иной точки зрения.

О СЛАВЕ

По западному радио передали интервью Правдеца. Я человек не тщеславный, сказал Учитель. Но сейчас я хотел бы быть знаменитым. Я тебя понимаю, сказал Крикун.

Боже, ты видишь, -- плачу.
Могу на колени встать.
Пошли мне, боже, удачу.
Хочу знаменитым стать.
Ты знаешь, я не тщеславен.
И не корыстолюбив.
Я равнодушен к славе.
Доволен уж тем, что жив.
Мне слава нужна для дела.
Давно я о нем молчу.
В душе моей накипело,
Я в морду им дать хочу.
Мне слава нужна для силы,
Как молоту нужен пар.
Чтоб крепче я им влепил бы,
Чтоб тверже был мой удар.

ПЛАТА И РАСПЛАТА

За блага, которые имеет ибанский народ, надо платить, говорит Неврастеник. Начальство, например, не хочет выглядеть смешным, глупым, жестоким, несправедливым. И народ должен считать его серьезным, умным, добрым, справедливым. И не только считать. Народ должен вести себя так, как будто начальство на самом деле не смешное, умное, доброе, справедливое и т.п. Аналогично в отношении оценки всех прочих сторон жизни общества. Вы заметили, конечно, что каждый ибанец по отдельности поносит наше общество и наше начальство, а когда они вместе, то восхваляют все наше и готовы в клочья разорвать хулителей. Тут нет противоречия. В первом случае имеет место осмысление своей жизни, во втором -- плата за ее достоинства. Плата вносится публично. Понимание индивидуально и не имеет социальной ценности.

Но это со временем приведет к катастрофическим последствиям, говорит Журналист. А какое это имеет значение, говорит Неврастеник. Если катастрофа кратковременно, она воспринимается как случайность. Если она растянута во времени, она не воспринимается как катастрофа. Недовольные верят только прорицателям и пророкам, которые всегда несут чушь. А довольные не верят никому. Не верят даже руководству, которому доверяют полностью. Вера есть субъективное состояние, а доверие -- общественный договор. А для руководства всякие предсказания, не соответствующие его сегодняшней демагогии, суть клевета. В результате тот, кто расплачивается, не знает, что он расплачивается за чужие грехи. И потому всем на все наплевать.

ЧАС ДЕВЯТЫЙ

Кружку спирта закусил я рукавом.
Дым махорки -- облака под потолком.
И коптилки еле светится огонь.
Тары-тары без конца скулит гармонь.
Мне везет. Со мною есть сегодня ты.
У ребят об этом даже нет мечты.
Пусть скорей дежурный делает отбой.
Потемнее уголок найдем с тобой.
Я шинель свою на землю положу.
В жизни первый раз, люблю тебя, скажу.
А ребята не уснут и будут ждать,
Все потребуют в деталях рассказать.
Тебе утром, говорит она, в полет.
И какой, скажи, пожалуйста, расчет
Мне с тобой напрасно время проводить.
Может, даже будет неча хоронить.
Так что Вы уж извиняйте, лейтенант.
Ждет меня для этой цели интендант.
Для меня к тому же слишком ты хорош.
Жив останешься -- красавицу найдешь.
Лишь под утро я в звено свое вернусь.
Далеко запрячу злость свою и грусть.
И небрежно им скажу: сама дала.
И представьте, братцы, целкою была.
А себе скажу, гороховый ты шут,
Для тебя открыт всего один маршрут.
Не пиши обратный курс себе в планшет.
У тебя обратно курса в жизни нет.

ПРИЗНАНИЕ

Знаешь, за что я тебя люблю, говорит Учитель. За то, что ты молчишь и никому не читаешь нравоучений. Это теперь удивительная редкость. Теперь все тебя учат. Все открывают тебе глаза на существующие порядки. Можно подумать, что они вообще для кого-то тайна. Они очевидны и общеизвестны. Дело не в том, чтобы их понять, а в том, чтобы определить свое отношение к ним. С этой точки зрения все наши фрондеры, открывающие нам глаза на язвы ибанского образа жизни, горой стоят за этот образ жизни. Это их болото. Они хотят только привилегий, которые, как они думают, принадлежат им по праву. Они же умнее всех, образованнее всех, за границей бывали, книжки заграничные читали. Болтовня. Болтовня. С ума сойти можно от потока слов. Я человек дела. С меня хватит всего этого. Нужны дела. Безразлично какие. Какие-нибудь. Лишь бы это были дела. Дело имеет свои законы, отличные от законов слова. Слово не есть начало дела. Начало дела есть дело. Начало дела есть всегда абсурд с точки зрения слова. Например, самосожжение. Чем отличается дело от слова? Последствиями. Дело заметно, запретно и наказуемо. И слово, если оно заметно, опасно и наказуемо, есть дело. Но для этого оно

должно быть сказано достаточно громко. Теория? Я убежден в том, что прогресс общества изобретается, а не открывается как нечто, заложенное в природе общества. Прогресс противоестественен и противозаконен. Не будет активных людей и их изобретательской фантазии, не будет никакого прогресса. Теория прогресса общества как объективного естественно-исторического процесса, совершающегося по неким объективным законам, на самом деле означает одно: не рыпайтесь, все сделается само собой под руководством вашего начальства.

ЕДИНСТВО

Не успели как следует распиться, как потушили свет и выгнали из ресторана. Сволочная жизнь, сказал Сотрудник. У порядочных людей только начинается светская жизнь, а они все увеселительные учреждения закрывают. Айда на вокзал, сказал Учитель. Там до часу. Ерунда, сказал Сослуживец. Пока дойдем. Пока закажем. И уж пора кончать. Предлагаю оптимальный вариант, сказал Шизофреник. Берем пару бутылок у швейцара и пьем в подворотне. На закуске сэкономим. И романтика. Пошли ко мне, сказал Брат. Жена будет рада. И покупать ничего не надо. Нам из деревни привезли бутыль самогона. Учитель, питавший органическое недоверие к Брату, настаивал на предложении Шизофреника. После бурной дискуссии решили идти к Брату.

Когда добрались до квартиры Брата, произошло так, как предсказывал Учитель. Жена Брата после длительных переговоров нехотя впустила компанию на кухню и, не поздоровавшись и не попрощавшись, ушла спать. Гони самогон, сказал Сослуживец. Какой самогон, удивился Брат. Ты что, рехнулся что ли? Ах ты, гадина, взревел Учитель и бросился на Брата. Я так не оставлю, хлюпал разбитым носом Брат. В суд подам. Свидетелями будете. Настроение испортилось. Все разбрелись по домам. Зря ты его так, сказал Шизофреник. Таких учить бесполезно. А я не ради него, а ради самого себя, сказал Учитель.

ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ

Деловая жизнь Ибанска идет по строго установленному порядку. В высших сферах принимается решение все поднять, повысить, улучшить и устранить все недостатки. Задачи вполне выполнимые, так как недостатков обычно бывает мало. И они все, как правило, отдельные. Такое решение принимается обычно тогда, когда старое руководство сменяется новым, новое списывает все недостатки за счет старого, замалчивает достоинства старого, чтобы потом приписать их заслуги себе. Если старое руководство спихнуть не удается, то под давлением требований времени старое руководство меняет старые хорошие намерения на еще лучшие новые или, точнее говоря, придает старым идиотским намерениям вид новых гениальных идей. Поскольку сразу все улучшить и исправить нельзя, делается это в строгой очередности: домны, вычислительные машины, коровы, картошка, стихи, романы, хромосомы, алкоголики, прогульщики. Атомы, ракеты и оппозиционеры улучшаются и устраняются систематически и вне всякой очереди. Постановлений по ним не принимается, но делается это в строжайшей тайне.

Строгий порядок соблюдается и внутри каждого этапа улучшения исправления. Принимается, например, установочное решение поднять уровень по

мясу и молоку и догнать и перегнать Америку. О Европе и говорить не стоит, зачем с такой мелочью связываться! Делать -- так по-большому! Разрабатываются конкретные меры для этого: 1) увеличить число голов парнокопытных млекопитающих, производящих молочный порошок и сгущенку (в миллионах копыт); 2) увеличить надои с каждой доярки (в миллионах поллитровок); 3) увеличить поголовье съедобных скотов (в миллионах шашлыков на душу населения); 4) увеличить настриг мяса с каждого скота и т.д. Хотя коровы в Ибанске давно перевелись (их заменили на мотоциклы и электродоилки), решение увеличить их число в пятьдесят раз производит ошеломляющее впечатление на западную печать. Само собой разумеется, ибанская печать захлебывается от самодовольства. Ибанцы же цену всему этому знают, газеты не читают и рассказывают по сему поводу анекдоты. Западные специалисты ибанологи и ибановеды, в особенности -- заклятые враги, в один голос заявляют, что ибанское руководство, наконец-то, решило исправить трудное положение с продовольствием и разработало практические меры по подъему сельского хозяйства. Все расценивают это как несомненный сдвиг в сторону демократизации ибанского общества. Ибанское руководство подтверждает это публично, уверяя, что демократизировать у нас в принципе нечего, так как мы и без того самые демократичные, и демократичнее быть не может. Друг Ибанска американский миллиардер Хапуга призывает бизнесменов вступать в деловые контакты с Ибанском на взаимноневыгодных условиях. В ибанских газетах начинают печатать материалы, разоблачающие их нравы и свидетельствующие о тяжелом продовольственном положении на Западе. Экономисты приводят неопровержимые цифры. Например, в Америке, где острый дефицит мяса, приходится всего один килограмм мяса на душу населения в неделю, а у нас принято решение, что будет приходиться по пятьдесят килограммов. А под шумок потихоньку сажают нескольких оппозиционеров.

Одновременно все силы общества нацеливаются на решение поставленной задачи, хватаются за самое слабое звено и начинают натягивать на себя всю цепь. Выдвигаются встречные планы. В результате сроки сокращаются вдвое, а цифры увеличиваются втрое. Ибарники изматического труда берут на себя повышенные обязательства и становятся на трудовую вахту. Токарь-универсал обязуется один выдоить всех козлов Ибанска, а ХлебоSystem -- настричь по сто и более клочков шерсти с каждой паршивой овцы. В сети политпросвещения начинают изучать постановление и сдавать зачеты. Аспиранты поспешно и успешно защищают кандидатские, а кандидаты -- докторские диссертации. Философы обобщают практику строительства и поднимают ибанизм на еще более высокую ступень. В Журнале печатают серию статей и собирают круглый стол, на который сажают сподвижника Чарльза Дарвина, открывшего превращение обезьяны в ибанца. Группа сотрудников уезжает в заграничные командировки. В газетах и на стенах домов появляются призывы к труженикам вымя, шкуры, хрюка и т.п. повысить удои, усилить сдир шкур, и увеличить свинство. Новейшие достижения науки внедряются в производство. Кибернетики предлагают в свинарниках запускать классическую музыку, от которой у поросят с поразительной быстротой отрастают необычайно длинные хвосты и уши. Коровам показывают полотна абстракционистов и сюрреалистов с комментариями ведущих эстетиков-ибанистов, от чего коровы еще более глупеют и отдают молоко задаром. В Газете на первой странице печатают поэму обруганного, но прощенного Распашонки, любимца молодежи, Органов и американцев:

Поголовье скотов
Мы утроим вдвое.
Урожаи --
раз во сто.
В двести раз --
удои.
И начнем
опять
цвести
Буржуям
для
зависти.

Примечание: в слове Буржуям ударение на я. В Журнале печатают еще одну серию статей о стирании граней. Претендента собираются выдвигать в Академию. Потихоньку забирают еще несколько подозрительных и судят их за валютные спекуляции, гомосексуализм и нарушение паспортного режима. Еще нескольких сажают в сумасшедший дом для профилактики.

Меры намечены. Установлены сроки исполнения. И в эти точно установленные сроки труженики вымя, шкуры, хрюка и т.п. начинают рапортовать о досрочном перевыполнении плана. Сроки досрочного перевыполнения и процент перевыполнения намечаются заранее. Заранее намечаются также кандидатуры инициаторов борьбы за досрочное перевыполнение. В заключение дают ордена и звания. Мяса, колбасы, овощей и прочего все равно не хватает или нет совсем. Но это уже клевета разложившихся элементов и тунеядцев, подпавших под тлетворное влияние. Высшее начальство едет за границу бороться за мир во всем мире и заодно закупает хлеб, мясо, картошку и зубную пасту.

Через некоторое время завершается общий деловой цикл, и все повторяется снова, на более высоком уровне. Ибанск, как известно, движется к полному изму по спирали, высшие витки которой опускаются ниже низших, за счет чего и достигается поступательное движение вперед.

После мероприятий по коровам, картошке и кукурузе перешли к литературе, потом к телевидению, потом к кино, потом к хоккею с шайбой и стоклеточным шашкам. Наконец добрались до науки. И схватились за голову: весь Ибанск, оказывается, до отказа забит докторами наук. Ага! Так вот в чем дело! Так вот почему везде нехватки, недочеты, просчеты, загибы! Надо взяться за докторов и ликвидировать их как класс!

НАЧАЛО

Начнем, командир, сказал Почвоед, Начнем, пожалуй, сказал Учитель. Забавное у нас с тобой содружество получается. Ты за, я против. Ты веришь, я нет. Это все ерунда, сказал Почвоед. Я тебя знаю по фронту. Такие, как ты, не меняются. Ты глубоко наш человек. Если хочешь звать, я тебе доверяю больше, чем всем нашим демагогам вместе взятым. Ты не бросишь в беде. И не предашь. И оставим эти препирательства. Мы давно не дети. Да, сказал Учитель, не дети. Но понимаешь ли ты, чем эта затея для тебя пахнет? У нас больше всего не любят искренних ибанистов и улучшенцев. Если пронюхают, тебя просто уничтожат. И знать об этом никто не будет. Тебя тоже, сказал Почвоед. Чего нам бояться? Вспомни тот наш разговор перед боем. То, что мы живы, это

дар судьбы. Главное -- надо ухитриться сделать дело. Попробовать хотя бы. Нельзя иначе.

Установим сначала основные направления работы. Потом займемся обработкой фактического материала. Тут тебе все карты в руки. Я со своей стороны предоставлю тебе такие материалы, какими не располагает ни один ибанский ученый. По любой отрасли хозяйства. По любой области. Потом наметим позитивные предложения. Тут ты должен послушать меня. Я практик. Я по опыту знаю, не все, что хорошо в теории, годится на практике. Не все, что кажется нелепым теоретически, плохо на практике. Ты произведешь все необходимые расчеты для обоснования. Помощников у нас не будет. У меня нет никого, кроме тебя, кому я мог бы довериться. Надо продумать, где и как ты будешь работать. Имей в виду, создана огромная группа, которая будет делать нечто аналогичное для Заведующего. Их будет обслуживать не один десяток институтов и лабораторий. Силы не равные, как видишь. К тому же они будут работать официально. А если узнают про нас -- нам обоим капут.

Ориентировочно основные направления подбора и обработки материала. Бессмысленное разбазаривание государственных средств. Низкий коэффициент полезного действия. Паразитизм больших масс населения. Паразитарные организации. Безответственность и обезличенность. И так далее в таком духе. Ты меня понимаешь? Понимаю, сказал Учитель. Обдумай независимо от меня позитивные предложения. А потом сравним наши выводы. Цель -- разработать такую систему мероприятий, которая автоматически обеспечила бы экономное и прогрессивное хозяйствование. Нечто, подобное конкуренции в буржуазном обществе. Но -- целиком и полностью в рамках принципов ибанского общества. И дело тут не в том, что я чего-то боюсь. Я ничего не боюсь. Просто для меня это основа и отправной пункт. Я много думал на эту тему и пришел к окончательному выводу: это -- великий результат истории, все иное -- шаг назад. К сожалению, сказал Учитель, я ничего не могу возразить, хотя этот результат истории мне не по душе. Но нам так же не нравится то, что мы умрем. А что с этим поделаешь? В общем, на меня можешь рассчитывать. Я полностью в твоем распоряжении. Начнем. Это все-таки какое-то дело. Хотя, честно говоря, в практический успех его я не верю. Это я беру на себя, сказал Почвоед. Коньяк? Виски?

Они не знали того, что вся их беседа была не только прослушана, но и записана. И что по ней было принято решение. Пусть пока работают. Как только работа будет завершена, тогда... Прогресс в обществе все-таки произошел. И в первую очередь -- в сфере подслушивания и записывания подслушанного.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Основная трудность понимания общественных явлений, писал Учитель, состоит не в том, чтобы обнаружить какие-то сенсационные факты, собрать статистические данные или получить доступ к тщательно скрываемым тайнам государственной жизни, а в том, чтобы найти способ организации видения очевидного и нескрываемого, т.е. способ понимания повседневности. С этой точки зрения не играет роли, десять или пятьдесят миллионов человек было репрессировано. Не играет роли Даже то, были ли вообще репрессии. Если сейчас, например, будет принято считать, что в Ибанске вообще не было несправедливо осужденных, суть ибанского общества от этого не изменится.

Власти инстинктивно чувствуют, что гораздо большую опасность для них представляют не книги о концлагерях, а книги о закономерностях наших светлых праздничных будней. Книгу Правдеца напечатали. Книгу Клеветника о социальных системах, в которой не было ни слова о репрессиях, потихоньку зарубили. Изъяли и уничтожили прекрасные работы Шизофреника на ту же тему.

Не знаю, хотят этого сознательно или нет. Но объективно получается так. Устраивая сенсационные гонения на сенсационных лагерных писателей, власти тем самым отвлекают внимание (в особенности -- западных деятелей культуры и политики) от главного и без шума душат малейшие попытки коснуться самой сути дела. Лагерей могло и не быть. Они могли и не повториться. Это хотя и характерное проявление сути ибанского общества, но не единственное и даже не главное.

Я пока не могу предложить метод, о котором упомянул выше, в готовом виде. У меня его просто нет. Я хочу обрисовать только общие его контуры и отдельные детали, которые мне удалось продумать, да и то в черновом исполнении. Я вижу свою задачу лишь в том, чтобы стимулировать исследования социальных явлений в одном определенном направлении, а именно -- в направлении построения общей теории эмпирических систем и ее применения к системам ибанского типа.

ПОДПИСАНТЫ

Ибанское общество является самым наилучшим со всех точек зрения. Это общеизвестно. Каждому гражданину об этом твердят ежеминутно в течение всей его жизни. И он не может не знать об этом. Так что если ибанец является психически нормальным, он не будет критиковать ибанское общество и возмущаться какими-то его язвами. Ибанское общество язв не имеет и иметь не может. Это еще классики установили. И возмущаться тут нечем. А если кто-то критикует и возмущается, с железной логической необходимостью напрашивается вывод: этот человек психически болен или уголовник. Естественно, если где-то объявляется возмущенец и критикан, его вежливо хватают и сажают на исправление или на излечение. И исправляют и лечат до тех пор, пока он не закричит ура и не пошлет приветственную телеграмму. А пока опытные специалисты заботливо приводят его в состояние нормального ибанского гражданина, друзья, родственники, коллеги и примкнувшие к ним сочиняют бумагу на имя Заведующего, Папы Римского, Патриарха, Секретаря ООН или начальника Органов с требованием освободить невинно излечиваемого или исправляемого критикана. И собирают подписи. Лица, подписавшие такое послание, называются подписантами. Сначала подписантов тщательно отбирали и располагали в иерархической последовательности: сначала Лауреаты, потом Академики, потом Профессора, где-то в середине шли Генералы и Доктора, и в конце шли прочие, удостоившиеся такой чести по знакомству. Потом, когда выяснилось, что это дело не безопасно, стали ловить кого попало и подсовывать лист с подписями без самого послания. И многие подписывали. Одни из принципа. Другие из безразличия. Третьи из деликатности. Еще подумают, что струсил.

Неожиданно обнаружилось, что такого рода послания имеют действенную силу. Из сумасшедшего дома пришлось выпустить двух-трех задержанных. В панике выпустили даже одного нормального психа. Тот на радости написал на

листе бумаги печатными буквами лозунг: Да здравствует ибанская конституция! И вылез с ним на улицу, не успев даже побриться. Его пришлось разгонять с конной милицией. На подписантов обрушили шквал репрессий по месту работы, незаметный для иностранцев, но настолько ощутимый для самих подписантов и членов их семей, что эпидемия подписантства прекратилась сама собой так же внезапно, как и началась. Ибанский либерал был готов на многое, но только не на снижение или полную потерю и без того мизерной зарплаты. Не говоря уж о прочих благах вроде защиты диссертаций, улучшения жилищных условий, премий, поездок за границу.

Большинство подписантов признало вину и раскаялось. Немногие упорствовали. Но о них сначала не знали, а потом забыли совсем.

ЧАС ДЕСЯТЫЙ

Война приближалась к концу. И решило начальство хотя бы одну крупную операцию провести по всем правилам военного искусства. Для учебника. Разведка засекла мощный аэродром противника. Охрана -- несколько десятков истребителей и шесть зенитных батарей. Начальство решило поступить так. Одна эскадрилья выводит из строя взлетное поле. Другие две эскадрильи полка подавляют зенитные батареи. А другие два полка дивизии громят стоянки самолетов и склады бомб и горючего. Здравый смысл подсказывал иное, более простое решение. Пополнять самолеты, бомбы и горючее противнику все равно неоткуда. Надо с одного захода сразу разбомбить склады бомб и горючего и стоянки и удирать на бреющем. Потери будут минимальные. Взлетное поле и зенитные батареи можно будет и не трогать, они будут уже ни к чему. А это -- самая опасная часть работы. Но такой вариант не вошел бы в учебники.

По плану, самая опасная часть работы выпадала на долю первой эскадрильи. Если налет делать с рассветом, почти наверняка всех посшибают. Потери будут меньше, а эффект налета сильнее, если начать еще до рассвета. Но самолеты не приспособлены для полетов в темноте. И лишь один человек в полку был способен привести эскадрилью на цель. И этот человек сидел на губе. Сидел за драку в ожидании офицерского суда чести. Сам командир полка отправился на губу. Полетишь, спросил он. Полечу, сказал Человек. Если снимете губу и не будет суда. Не могу; сказал командир. Не положено. Но суд учтет полет в твою пользу. А снимать с губы на боевой вылет положено, спросил Человек. А если сшибут? О суде домой не сообщим, сказал командир. Бессмыслица, сказал Человек, Что Вам стоит отменить суд? Все равно ведь меня сшибут. Вы же ничего не теряете. Так чего же ты торгуешься, спросил командир. Как и Вы, из принципа, сказал Человек. А может, ты струсил, спросил командир. Вы допустили грубую ошибку, употребив это слово, сказал Человек.

Эскадрилья улетела без него, С рассветом. Когда ребята шли на аэродром, он сидел у караульного помещения. Сачкуешь, спросили ребята. Сачкую, сказал Человек. А мы при чем, спросили ребята. А кто тут вообще при чем, спросил Человек, Ребята ушли. И не вернулись. И было в этой истории что-то не поддающееся никакой оценке. Но неприятное. Жестокое. И несправедливое. Из принципа, подумал он. При чем тут вообще принципы? Принципиальность чужда этому обществу. Они его не поняли и не поймут. Принципиальных они быстро загоняют в безвыходные тупики и обрекают на страдания. Они просто не имеют в

себе такого органа. В данном случае я чувствую себя обязанным чем-то ребятам, хотя я никому ничего не должен. Они обязаны были не допустить меня до такого положения. Но они об этом забыли. Надо избегать таких ситуаций, когда человек вынужден сам облекать их насилие в свои собственные нравственные принципы.

Видишь, небо пожаром объято.
Слышишь, там начинается бой.
Умирать улетают ребята.
Только ты остаешься живой.
Жизнь пройдет, пронесется на бреющем,
Будешь время, не деньги, сорить.
Молодой, пожилой и стареющий
Одну мысль про себя говорить.
Помнишь, небо пожаром объято?
Помнишь, тот твой пропущенный бой?
Помнишь, там погорели ребята?
Для чего ты остался живой?

Но ничего подобного на самом деле не было. Это был лишь бред в ночь перед боем. Перед рассветом на губу прибежал связной и махнул без слов рукой. Человек затянул ремень, надел шлемофон и пошел на КП. На обратном пути его сбили. Через несколько дней он добрался до полка. Где ордена, спросил Особняк. Где документы? Где стрелок? А пошел ты на..., ответил он. Ему было все равно. Он знал, что все равно посадят. Но время было трудное. Летчики были нужны. И его выпустили. И он опять летал. И не раз был бит и сбит.

Помнишь, как погибали ребята?
Для чего ты остался живой?

Ты начинаешь раскисать, сказал он себе. Хватит сентиментов!

ПОЛЕМИКА О СУДЬБЕ

Если бы Крикун в детстве ел досыта и спал на простынях, сказал Мыслитель он не стал бы заниматься всякой ерундой. Он стал бы крупным ученым. Крикун не мог стать ученым вообще, сказал Болтун, так как был для этого слишком умен и талантлив. Он сделал нечто большее, чем научное открытие. Он совершил историческую глупость. Какую, спросил Мыслитель. Не знаю, сказал Болтун. Мы этого, судя по всему, никогда не узнаем.

ЕДИНСТВО

Ты не любишь наш изм, сказал Кис, кидая похотливые взгляды под грязную и мятую юбку Жабы, из-под которой кокетливо торчала поролоновая комбинация. А изм все-таки есть воплощение чаяний. Чаяний идиотов, сказал Сотрудник. А если и не любит, так разве это преступление, сказал Мыслитель. Заткните этому кретину пасть Жабиной сиськой, сказал Супруга. Мальчик растерялся, решил переписать всех без разбора. И пусть потом сами разбираются. Сослуживец, обняв Претендента, затянул:

Коллективные умы
Дегенератов многих,

Это -- хор глухонемых
И балет безногих.

Силен, бродяга, сказал Сотрудник. Какой талант гибнет. А Сослуживец, отбивая такт о череп Претендента, импровизировал без передыху:

Раньше первым был агент.
А теперь -- антилигент.
Подождем еще немного,
Пошагают оба в ногу.

Захмелевший Мальчик впал в состояние откровенности и рвался кому-нибудь излить душу. На него не обращали внимания. Меня вчера вызывали, сказал он наконец Учителю. Туда! Ну и что, сказал Учитель. Предложили стать осведомителем, сказал Мальчик. Поздравляю, сказал Учитель. Ну а ты? Обещал подумать, сказал Мальчик. Учитель знал, что такая ситуация возникает лишь после того, как человек уже дал свое согласие, и совет он спрашивает для очистки совести. Его немного удивила лишь циничная простота проблемы. Все равно не отвертишься, сказал он. Верно, сказал Мальчик. И лучше, если у них будет наш человек, а не чужой. Чудак, подумал Учитель. Чужой -- это сначала всегда свой. Но промолчал. На всякий случай лучше знать своих стукачей в лицо, решил он. Не будет же он буквально обо всем доносить! Свой все-таки! Но Учитель ошибался. Мальчик еще месяц назад написал обстоятельный отчет о деятельности группы Учителя, в которую он входил и был активным деятелем.

ДОНОС

Я не знаю ни одного человека из числа своих знакомых, о котором не говорили бы, что он -- штатный сотрудник или стукач, сказал Болтун. Когда напечатали первую книгу Правдеца, то даже о нем говорили, что это сделано по заданию Органов. О Мазиле и говорить нечего. Девяносто процентов ибанских художников уверено, что он по меньшей мере полковник Органов. Иначе им нельзя понять, почему он до сих пор на свободе. Каковы причины этого явления? Их много. Начиная от пустяковых. Например -- модный способ унизить человека. Зарекомендовать себя с определенной стороны. И кончая серьезными. Назову главные из них. Во-первых, навязываемая всем идеология, согласно которой у нас даже все оппозиционные акции совершаются с ведома Органов и под их контролем. Органы обо всем знают с самого начала. И если что-то произошло, то, значит, так нужно было. Это допустили с заранее намеченной целью и вовремя пресекли. Иначе было бы хуже.

Во-вторых, колоссально раздутые штаты Органов и их постоянных осведомителей. Их представители имеются во всех учреждениях. А стукачей приходится минимум один на десять взрослых. Плюс к тому все граждане регулярно выполняют функции стукачей, даже не подозревая зачастую этого и не видя в этом ничего предосудительного. Например, вызывают порядочного гражданина А и спрашивают, не замечал ли он чего-либо плохого за гражданином В. Гражданин А возмущен. Он бросается защищать В. И при этом выкладывает все, что ему известно о В.

Однако аппарат Органов и вся его грандиозная система осведомительства есть типичное и даже сверхтипичное ибанское учреждение. Отбираются туда наиболее социабельные индивиды, из которых вырастают обычные хапуги, лодыри, лгуны, карьеристы. Они работают хорошо только тогда, когда нужно напустить

сотню таких сотрудников на одного беззащитного человечка. Тогда они проявляют чудеса идиотской изобретательности и сообразительности. Бездари, лодыри и лгуны, как правило, суть виртуозные выдумщики нелепостей. Так что грандиозный аппарат сыска, доноса и надзора еще не определяет сам по себе психологию стукомании ибанского общества.

Основу этого явления образует общая система взаимного доноса, вырастающая из социальных основ общества как норма и привычная форма его бытия. Мы к этому привыкаем с детства, живем в этом ежедневно и даже не замечаем. А посмотрите, на нашу жизнь со стороны. Газеты, кино, журналы, романы, собрания, симпозиумы, заседания, разговоры, отчеты и т.п. Что это такое? Доносы. Доносы. Доносы. На себя. На соседа. На коллегу. На начальника. На подчиненного. То, что называют системой отчета и контроля, и есть официальная система доноса как форма нормальной жизни общества. Информация о ходе дел, о результатах работы и т.п. в этом занимает крайне ничтожное место. Результаты видны и без отчетов, бесед, докладов, сообщений и т.п. Все это делается как социальная, а не познавательная и управленческая акция. На каждого гражданина тем самым создается своего рода незримое (а во многих случаях и зримое) досье, которое в любое время может быть пущено в ход. Человек просвечивается насквозь по всем направлениям так, чтобы в нем не было тайны. И человек приучается не иметь тайны и избегать ее. А человек без тайны есть социальная штучка, и не более. Пустышка. Голая форма для функции.

Так что аппарат Органов не есть отклонение от норм нашей жизни. Он есть ее законное порождение и выражение. Не быть органов, общество так или иначе выполнило бы их функцию. Может быть, даже в еще более страшных формах. Например, завели бы свои камеры в каждом доме и учреждении. Органы даже немного лучше, чем породившее их тело, ибо они в какой-то мере профессиональны. И если бы не было никакой надобности ловить шпионов и врагов народа, если бы не действовал принцип, так хорошо в свое время выраженный Литератором:

Завсегда среди нас
Враг скрывается,
Так как классов война
Обостряется,

все равно сложились бы Органы в их теперешнем виде как подлинное выражение одной из существенных сторон ибанского образа жизни. И, кстати сказать, выражение все еще таинственной для Запада ибанской души.

БРАТ

Самый загадочный персонаж Ибанска -- Брат, говорит Сослуживец. Не хочу ничего слышать про этого подонка, кричит взбешенный Мыслитель о своем друге. Они только что посмотрели выступление Брата по телевидению. Брат излагал новое прочтение темы Моцарта и Сальери, по которой Мыслитель считался крупнейшим специалистом. Как его выпустили, удивился Неврастеник. Такая одиозная фигура... Ничего особенного, говорит Социолог. После погрома Правдеца, Двурушника, Срамиздата и прочих надо создавать видимость того, что у нас интеллектуалы процветают. Теперь в ход пойдет Ибанка, Брат, Распашонка и прочее подобное. Даже Мазилу сейчас начнут публично поминать. Ничего

загадочного в Брате нет, говорит Супруга. Обыкновенный стукач. А по-моему он штатный сотрудник, говорит Мальчик. Ерунда, говорит Сотрудник. Там таких трепачей не держат. Если он и стукач, то доброволец. А скорее всего у него другие функции. Какие? Те самые, какие он только что выполнял. Он провокатор, говорит Мыслитель. Очень может быть, говорит Супруга. Но он -- обаятельный и неглупый человек.

А между тем все они ошибались. Брат был действительно загадочной фигурой на арене ибанской истории этого периода. Он был воплощением широты, глубины, сложности и мятежности ибанской души. Он был загадочен, ибо был типичен. Гипертрофированно типичен. Он сам не знал, кто он и что он. Когда он, например, клялся Правдецу, что слухи о его причастности к Органам распускают сами Органы с целью расколоть и ослабить движение, он говорил правду, так как никто не поручал ему идти к Правдецу и выведывать, чем сейчас тот занимается. Но он говорил и неправду, так как по выходе от Правдеца побежал к своим друзьям из Органов и рассказал о новой потрясающей книжке которую сейчас пишет Правдец. Мы, ребята, говорил он с жаром, должны сделать все, чтобы книга была напечатана. Вы должны убедить Теоретика в том, что в ней нет ничего антиибанского. Я вам принесу почитать куски. Только -- под величайшим секретом. Правдец глубоко наш человек, сами увидите. Я за него ручаюсь. Даю слово иста, он не подведет.

ПРОГРЕСС В ТЮРЕМНОМ ДЕЛЕ

Мне предложили заведовать кафедрой в Тюремной Академии, сказал Мыслитель. Где, удивился Болтун. Неужели такая существует? А как же, сказал Мыслитель. Что же ты думаешь, в обществе прогресс, и чтобы он не коснулся такой важной сферы его существования?! Тут прогресс, пожалуй, более значительный, чем в твоей науке. Теперь надзиратель -- минимум со средним образованием. Коридорный -- обязательно с высшим. Начальник блока -- кандидат наук, доцент. Начальник тюрьмы -- доктор, профессор. И какие же факультеты в этой академии, спросил Мазила. Всякие, сказал Мыслитель. Им надо отдать должное, они использовали новейшие достижения науки и поступили весьма радикально. Например, у них такие факультеты уже во всю работают: идеологический, строительный, кибернетический, физкультурный, медицинский, экзекуционный, психологический... Сейчас мы, пожалуй, на первом месте в мире по этому делу. В Академии более тысячи иностранных слушателей. Прекрасно, сказал Болтун. Образованные тюремщики! Приходит такой на работу наниматься где-нибудь во Франции и Америке. Какое образование? Ибанская Тюремная Академия. Замечательно! Берем с двойным окладом! Ценные специалисты нам нужны! А что ты иронизируешь, говорит Мыслитель. Образование никогда никому не вредило. Кстати, они ведут большую научную работу. Читал в газетах, выбрали в академики А и В и дали премию А, С и Д? Так это сотрудники ИТА. Возможности у них большие. В частности, они установили, что нормы питания уголовников были несколько занижены, так что им питание будут улучшать. А нормы питания политических были несколько завышены. Будут снижать. Премию как раз за эти исследования дали. Ну и как, спросил Мазила, ты согласился? А почему бы нет, сказал Мыслитель. Народ там лучше, чем у нас. Без комплексов по крайней мере. Работа -- не бей лежачего. В течение года квартиру дают. Оклад -- за заведование, за звание (присваивают сразу звание), за выслугу. И

всякие спецнадбавки. Свои закрытые магазины и буфеты. Уровень образования выше университетского. На идеологическом факультете, например, преподается в полном объеме социология, социальная психология, психоанализ, история религии. Два языка. Практика за границей. В конце концов, какое значение имеют названия? Это -- первоклассное учебное заведение и научный центр. Я думаю, что реальный прогресс Ибанска вообще пойдет по этим линиям. Это только поначалу так, сказал Болтун. Пройдет немного времени, и превратится твоя ИТА в обычное ибанское учреждение закрытого типа и с привилегиями, т.е. в сборище хапуг, карьеристов, лодырей, халтурщиков, лгунов, насильников. А мне страшно от всего этого, сказал Неврастеник. Тюремное дело, поставленное на современную научную основу, -- это перспектива! Зачем все это нужно, говорит Мазила. На уголовниках это все равно существенно не скажется. А политических не так уж много. Их можно давить и без науки. Мало ли что можно, сказал Мыслитель. Тюремщики тоже люди. Им тоже надо жить полноценной жизнью. Им тоже нужен свой спектакль на уровне всех достижений современной цивилизации. А заключенный им нужен как основа и материал для их деятельности. Как генералу нужен солдат. Воспитателю -- воспитуемый. Шахтеру -- уголь. Летчику -- самолет. Без заключенного и работы с ним все грандиозное тюремное дело и возвышающееся над ним дело отправления правосудия теряет смысл. Кошмар, говорит Мазила. Как можно говорить такие вещи! А что тут особенного, сказал Мыслитель. Тут нет ни добра, ни зла. Ни любви. Ни ненависти. Тюремщик не имеет личностного отношения к заключенному. Это -- поле, объект и продукт его профессиональной деятельности, а не личность. Личностные отношения возможны только между взаимно независимыми индивидами. Что это он так разговорился, сказал Мазила, когда Мыслитель внезапно ушел. Оправдывается, сказал Болтун. Себя уговаривает. Как ты думаешь, спросил Мазила, он согласится? Конечно, сказал Болтун. Раз построена теория, согласно которой Тюремная Академия прогрессивнее Университета (и в этом он, пожалуй, прав, если иметь в виду свободу преподавания), то не может же передовой мыслитель не последовать ей. Тем более это крайне выгодно во всех прочих отношениях. А репутация, сказал Мазила. Думаю, что самые рьяные его поклонницы будут приняты на работу в его Академию, сказал Болтун. Ну в этом-то как раз ничего особенного нет, сказал Неврастеник. А я разве говорю, что это -- нечто особенное, сказал Болтун. Это -- обычность.

БРАТ

Когда Брат уговаривал Правдеца написать письмо Заведующему с просьбой о помощи, он был искренен. Когда же он говорил при этом, что Заведующий неплохо отзывался о Правдеце, он врал. Когда он говорил Мазиле, что пришел к нему от имени Органов, он врал. Когда же Мазила гнал его вон, называя самозванцем, а он в ответ кричал, что они выбросят Мазилу вон и не дадут ему вывезти ни одной работы, он был искренен. И не искренен, так как бежал к друзьям из Органов и умолял спасти ибанскую культуру, так как Мазила уезжает. Мазила глубоко наш человек, говорил он убежденно. Я за него ручаюсь. Он не подведет, даю слово иста. А в докладной записке для Теоретика он писал, что известность Мазилы на Западе имеет скорее политический характер, так как художников таких на Западе пруд пруди.

Когда нужно было спрятать оригиналы коллективных писем, Брат взялся это сделать. Он спрятал их в старом диване своего школьного приятеля. И когда того стали днем и ночью беспокоить какие-то темные личности с целью сфотографировать письма или сделать из них выписки и он взмолился, чтобы Брат их забрал, Брат был искренне потрясен неблагодарностью ибанского народа. Эх ты, ибанский народ, говорил он, размазывая по небритой роже пьяные слезы. Тебе в кои веки дали возможность послужить делу освобождения народа, а ты... Ладно, черт с тобой! Выброси это дерьмо. Оно давно никому не нужно. Вот подлец, сказал Приятель. Но Брат не обиделся и взял у Приятеля в долг до получки. Ему плюй в глаза, а ему все божья роса, говорил потом Приятель. Какие сволочи у нас люди, говорил Брат потом Лидеру. Я оставил ему на одну ночь, а он снес их в Органы. Кстати, что это за мудак был у тебя, спросил он Крикуна, с которым столкнулся в дверях. По-моему, типичный стукач. Говорят, стукач, сказал Лидер. Но это даже забавно. Делать такое дело руками самых Органов! Коньяк? Виски? Можно, сказал Брат. Вообще-то мне надо на Ибанку. Худсовет. Хотя, эти говнюки могут и подождать. Все равно они без меня ничего не сделают.

Брат считался одним из духовных вождей передовой ибанской Интеллигенции этого периода и имел известность на Западе. И потому он до всего имел дело, везде был вхож и приглашаем.

Жуткая мразь, говорил о нем Болтун. Типичный ибанец, вывернутый наизнанку.

ЧАС ДЕСЯТЫЙ

Не пойму, чего ты хочешь, говорит Инженер. Тебе двадцать три года всего, а ты уже капитан. Куча орденов. Парень ты способный. Впереди блестящая карьера. Что тебе еще нужно? Давай, обсудим дело спокойно, говорит Крикун. Я боевой летчик, а кого назначили командиром эскадрильи? Он же не воевал. И по званию ниже меня. А я лишь заместитель. Пока. Возьми комэска второй. Он майор. Вылетов в два раза меньше, чем у меня. Орденов больше. К Герою представили. За что? Я стал капитаном и получил кое-какие награды потому, что был нужен в самое трудное время. Теперь я не нужен. Никакой карьеры у меня нет и не будет. В Академию, как тебе известно, послали не меня. Я бы сдал экзамены элементарно. А он провалился. Но его оставили на подготовительный. Нет, дорогой мой оптимист, у меня тут перспектив никаких нет и не будет. Стоит им взглянуть на меня и стоит мне открыть рот, как они сразу видят, что я -- не наш человек. Чутье! А там, думаешь, лучше будет, говорит Инженер. Хочешь верь, хочешь нет, говорит Крикун, но для меня проблемы, лучше или хуже, нет. Мне надо многое обдумать и пересмотреть. Поэтому мне нужна не только внешняя, но и внутренняя независимость. И надо быть в самом центре. Там хоть какая-то жизнь. Напряжение. Устремленность. И материал для размышления. А тут -- пьянки, бабы, карты, служба. Потом, может быть, семья, благополучие, карьера. Нормальная скромная жизнь, говорит Инженер. Меня это не устраивает, говорит Крикун. Шах. И, кажется, мат. Хочешь еще одну? Нет, говорит Инженер. С тобой неинтересно играть. Я чувствую, что играю сильнее тебя, но почему-то все время проигрываю.

БРАТИЯ

Что такое Братия в ибанской общественной жизни, вам точно так же хорошо известно, говорит Клеветник. Но я все же остановлюсь на этом вопросе несколько дольше обычного, ибо это -- ключевой вопрос для понимания всей видимой жизни ибанского общества.

Определение того, что такое Братия, излишне и невозможно. Здесь нужно просто описание этого явления и его функционирования, подобно тому, как это делается в отношении нервной системы человека. Братия есть эмпирическая реальность ибанского общества, имеющая определенное строение и функционирование. Я хочу обратить ваше внимание лишь на некоторые ее признаки, имеющие первостепенное значение с точки зрения анализа переживаемой нами эпохи.

Братия в ибанском обществе есть суть государственной власти, ядро всякой власти и объединение всех форм власти в единую систему власти. Это -- социальная власть как таковая или власть в ее чисто социальной функции. И чтобы понять ибанскую государственность, надо понять суть Братии. Тут надо отбросить свои симпатии и антипатии и быть объективным. Иначе неизбежны заблуждения. Лучше даже немного апологетики, чем тенденциозное отрицание. Я думаю, что в оценке роли Братии ее апологеты ближе к истине, чем ее враги. В Ибанске на самом деле, а не только в демагогии и пропаганде. Братия есть единственная сила, способная сохранить порядок в обществе, в какой-то мере ограничить буйство социальных сил и обеспечить некоторый прогресс. Не самая мощная, а единственная. И не считаться с этим фактором нельзя. Несерьезно. Между прочим замечу, что массовые репрессии периода Хозяина произошли в какой-то мере потому, что определенные силы в стране сумели поставить себя над Братией и подчинить ее своей воле.

Братия состоит из людей. Потому исходный вопрос в ее понимании -- вопрос о ее членстве. Надо признать как бесспорный факт, что членство Братии есть дело добровольное. Зачем вступают люди в Братию, ясно всем: главным образом -- из корыстных и карьеристических соображений. Но делается это добровольно. Быть членом Братии -- желанная цель многих. Но не все удостаиваются этого блага. Об этом ниже. Есть случаи, когда люди вынуждены вступать в Братию по условиям работы. Например, безбратийным почти невозможно работать в области многих гуманитарных наук. Но это не отменяет принципа добровольности. Люди добровольно выбирают себе эти сферы деятельности, как правило, зная заранее, что им придется добиваться принятия в члены Братии. Руководители учреждений, как правило, являются членами Братии. Они добровольно рвутся в руководители и вступают для этого в Братию. Тот, кто говорит, что он был вынужден вступить в Братию, помимо воли, тот лицемерит.

Возможны и имеют место случаи, когда люди, вступая в Братию, не верят в ее идеалы, в чистоту ее морали и поведения, презирают Братийную дисциплину, демагогию, собрания и т.д. Таких очень много. Но это не играет никакой роли, раз люди формально ведут себя так, как должны вести себя искренние члены. Братии. Главное -- фактическое поведение. Ничего безнравственного в этом нет, ибо нет никакой возможности обнаружить, что человек лишь прикидывается, не является искренним в отношении программы, идеологии, демагогии и т.д. Братии. Если такие случаи обнаруживаются (они -- исключительная редкость), человека исключают из Братии, и все. Неискренность при вступлении в Братию

не отвергает принципа добровольности, а подтверждает его. Это тем более делается согласно собственному расчету и решению индивида.

Добровольность членства Братии есть основа всей ибанской государственности. Объяснить, как на базе полной добровольности вырастает самая полная и оголтелая принудительность власти, -- вот задача для любителей решать житейские парадоксы. Насилие есть равнодействующая свободных воль индивидов, а не злой умысел тиранов. Тираны такие же пешки в руках добровольно вырастающей власти, как и их жертвы. Неограниченная власть тиранов есть иллюзия, рождаемая ситуацией всевластия жертв власти.

Второй принцип членства Братии -- принцип отборности. В Братию идут добровольно, но не все в нее принимаются. В нее отбираются по строго определенным принципам. Этот отбор и определяет то направление, в котором будут суммироваться добрые воли отдельных индивидов их совокупной власти. Однажды сложившись, система отбора лиц в члены Братии воспроизводится в стабильном виде изо дня в день, из года в год, испытывая незначительные изменения в связи с общими изменениями состава населения страны.

Надо признать, далее, как факт, что в Братию отбираются далеко не худшие граждане. Возьмите среднее ибанское учреждение и посмотрите, что из себя представляет, его братийная организация. Конечно, в силу массовости Братии и общих условий жизни многие члены Братии оказываются жуликами, развратниками, пьяницами, взяточниками и т.п. Это неизбежно. Но в относительных величинах уровень преступных и аморальных явлений, обнаруживаемых официально, в братийной среде ниже, чем в среде небратийного населения. Я не хочу этим сказать, что в Братию отбираются только хорошие люди. Оценки такого рода тут вообще неуместны. В Братию отбираются индивиды, являющиеся лучшими гражданами с точки зрения официальных критериев оценки ибанского общества. Эти индивиды должны быть психически нормальны, иметь минимум политической образованности (читать газеты и запоминать их содержание), соблюдать нормы бытовой морали, соблюдать нормы трудовой дисциплины, быть социально активными (выполнять общественную работу) и т.п. Мы даем этим качествам другие названия: карьеризм, стяжательство, беспринципность и т.п. Но эти слова двусмысленны. Они имеют социологический и морализаторский смысл. В социологическом смысле, например, карьеризм есть нормальное и здоровое явление. В морализаторском -- это есть нечто иное. Это делание карьеры морально предосудительными методами.

Короче говоря, в Братию отбираются граждане, обладающие четко выраженными качествами социального индивида, формально они удовлетворяют всем требованиям морали, права и дела. К ним не придерешься. А так называемая фактическая сторона официально не существует. Ее нельзя разоблачить. В разоблачении ее никто, кроме отдельных правдоборцев и оппозиционеров, не заинтересован.

ПРОБЛЕМА ЭМИГРАЦИИ

После нескольких лет бессмысленной волокиты уехал за границу Двурушник. Насовсем, Не понимаю, почему ты этому придаешь такое значение, говорит Почвоед. Это же единичный случай. И что ты ни говори, это -- предательство по отношению к своему народу. Бросить свой народ в беде... Дело не в количестве, говорит Учитель. Проблема эмиграции есть лакмусовая бумажка

нашего общества. Дело в том, как мы на нее реагируем. А реагируем мы омерзительно. Человек двадцатого века имеет право выбирать себе место жительства по своим желаниям и возможностям. Ничего преступного и аморального в этом нет. Преступно и аморально препятствовать этому. Возьми нашу внутреннюю жизнь. Сколько народу с окраин бежит поближе к центру и в центр. А это тоже эмиграция по отношению к тем районам, откуда бегут. Мы же с этим смирились как с нормой. II о какой беде ты говоришь? Странно это слышать от государственного деятеля. А если уж ты так печешься о народном благе, так оно немыслимо без соблюдения элементарных прав человека, в том числе -- права выбирать место жительства. Это пустые абстракции, говорит Почвоед. Я знаю, к чему на практике приведет реализация таких лозунгов. Утечка мозгов и творческих потенций... Мозги Двурушника тут никому не нужны, говорит Учитель. Его от всего отстранили и изолировали независимо от этой злополучной книги и еще до нее. Кстати, в книге ничего антиибанского нет. Скорее наоборот. На эту тему мы с тобой вряд ли договоримся, сказал Почвоед. Это принципиально.

Любопытно, думал Учитель. Начинают работать глубинные основы мировоззрения. Было время, когда они отошли на задний план и казались пустяковыми. А размежевание происходит (и это -- несомненный факт) не по проблемам, которые еще недавно выглядели очень острыми и политичными, а по малоприметным проблемам, на которые раньше вообще не обращали внимания. Проблема эмиграции выросла в социальную проблему лишь в последние два-три года. И превратилась фактически в проблему приятия или неприятия самих основ нашей жизни. Что бы там ни говорили желающие удрать, они бегут от изма как такового. Это факт. И это чувствуют наши вожди. Размежевание происходит не по массовым проблемам, а по индикаторным, касающимся очень немногих личностей, но зато глубоко.

Ладно, сказал Учитель. Черт с ними, с эмигрантами. Мы же не эмигранты. Мы никуда не сбежим. Будем работать на благо народа. Не кинем его в беде. Только как он отнесется к этому нашему намерению? Боюсь, что хуже, чем к Двурушнику. Пусть, сказал Почвоед. Отступать все равно поздно. Вот, смотри...

НАУКИ

Науки юношей питают,
Надежду старцам подают,

писал один древненеибанский поэт. С тех пор положение несколько изменилось. Науки возросли и превратились в непосредственную производительную силу. И питают они теперь не столько юношей, сколько старцев. Троглодит и Академик например, каждый по отдельности прожирают, по крайней мере, в два раза больше, чем весь первый курс среднего факультета Университета. А юношам остается зато надежда пробиться в старцы. Как сказал Портян, все переходит в свою противоположность путем отрицания отрицания по спирали в форме перехода количественных изменений в качественные скачкообразно, причем у нас это происходит под руководством и по заранее намеченному плану, который... Извини, старик, сказал Неврастеник. Мне некогда. Ты продолжай в том же духе. Через час я вернусь и дослушаю конец твоей замечательной мысли. Не забудь, сегодня получка. Портян, услыхав о

получке, захлопнул пасть на полуслове и помчался в институт. Его как крупного ученого к кассе пропускали без очереди.

Ибанские науки разделяются на естественные и неестественные. К естественным наукам относятся хорошо, поскольку они стали непосредственной производительной силой согласно предсказаниям и указаниям классиков и помогают строить материально-техническую базу полного изма. Вообще-то говоря, ибанцы на своем личном опыте убедились в том, что полный изм можно построить и без такой базы. И даже легче. Меньше волокиты. Собрали главных начальников, приняли решение, провели разъяснительную работу, и готово. А если кто вздумает, то... Но как-то неудобно перед классиками. Старики мечтали сделать дельце на хорошей материально-технической базе. Чтобы все было как следует, в полном согласии с объективными железными законами. Тогда если кто и вздумает пикнуть, ему и сунем в рожу базу. Смотри, мол, сукин сын, против чего ты прешь! Против железных законов! Против исторической необходимости!!! И по шее. А лучше в затылок. Научнее.

Ко всему прочему -- заграница. Ах, если бы ее не было! Тогда бы мы в два счета. А там вечно что-то выдумывают. А с ними тягаться надо. Преимущество свое доказывать. Не успеешь стянуть у них одну машинку, как нужно тянуть другую. Пока внедряли, устарела, сволочь! А тут без науки никак не обойдешься. Ну, и угроза, разумеется. Угроза -- это главное. Надо противостоять. И всех защищать. Пропадут же без нас, сволочи! Тут и на науку потратиться не жалко. Пусть себе развивается! Мы не против. Кто сказал, что мы против? Клевета! Мы всегда за. Наука -- она, ха-ха-ха, штука серьезная. Авось придумает что-нибудь такое. Придумает, сволочь! А если не придумает, мы им... Придумает, не смеет не придумать. Ученые же там сидят, а не какие-нибудь... За что, спрашивается, деньги им платим? И какие деньги! Мало -- еще дадим. А нет, так ведь и урежем. Пусть как все. Придумают! Вот тогда-то мы ка-а-а-к бабахнем! И скажем свое слово. Хватит, туды растуды вашу мать! Попили кровь мирового пролетариата и угнетенных отсталых народов! Вы ответите нам за все! Теперь наша очередь! Что вы сделали с нашими папуасами? Бабах! Что вы делали с нашими бизонами? Бабах! Кто навел руку в нашего...?... Бабах! Ах, если бы не заграница! Мы бы тогда все силы бросили на мирный атом, конечно. На космические полеты! Не вечно же на Земле нам сидеть!

Конечно, внутри у нас не все на должном уровне. Есть отдельные недостатки. Развиваемся, но не такими ускоренными темпами, как хотелось бы. Мешают. Мы стараемся, а они мешают. Мы для них, а они... Хлеба не хватает. Мяса, говорят, нет. Преувеличивают, конечно. Но нет дыма... Говорят, наука помогает. Врут, сволочи! А вдруг и в самом деле поможет? Выдумает что-нибудь такое! Ведь выдумали же икру! Есть, правда, нельзя. Не переваривается, сволочь. Но продавать можно. Американцы вон за милую душу ее лопают. И еще просят. Выдумает, не посмеет не выдумать! И тогда руководить можно будет как следует. Вызовешь на дцать ноль-ноль. Прикажешь. И жди результат. Не терпится -- прикажи, досрочно сделают. За что им деньги платим? А результат не может не быть. Не смеет не быть. Обязан быть. С перевыполнением. И до срока. А если что -- снимем. Судить будем.

Короче говоря, без науки-то лучше было. Жили без теории относительности. И без хромосом. И без обратной связи. И без информации. И неплохо жили. По крайней мере, не было ни Правдеца, ни Певца, ни Двурушника,

ни Срамиздата. И еще неизвестно, чем все это кончится. Прихлопнешь одного, другой вылезет и заорет на всю вселенную: помогите, зажимают, не выпускают, сажают, лечат... Давить их, гадов, надо. Давить в зародыше. А если уж без науки пока нельзя, так проверять надо. Следить. Контролировать. Достойных отбирать. Мало ли кто что выдумает!

С другой стороны -- обещают жизнь продлить до двухсот лет. И никаких болезней. Перелеты опять же. Воздух очищают. И кины показывают смешные. Это ежели годам к восьмидесяти изберут или назначат, так за сто с лишним лет можно будет так зажать, что Хозяин позавидует. То есть счастливыми всех сделать. За пятьсот лет потом не наблагодарятся. Сколько встреч и переговоров за сто-то лет! А юбилеев сколько! А наград! Ха-ха, десять человек на особых щитах за тобой носить будут. А речей! В год по тому -- минимум сто томов. Надо на полиграфическое дело внимание обратить. Отстало малость от общего неудержимого движения вперед. А то последнее полное собрание пришлось печатать за границей. Стыд-то какой, если узнают. Не узнают, сволочи! Пусть, попробуют...

Хотят слухи, что американцы научились любые органы заменять на новые. Надо делегацию послать. Сотрудников, конечно. Можно включить и пару врачей. Риск, сбежать могут. Отобрать надо. Надежных. А рискнуть стоит. Если они любые органы меняют на новые... Вот бы!...

ТРАГИЗМ КОМИЧЕСКОГО

Жизнь Ибанска комична, если на нее со стороны посмотреть. Но боже упаси тебя попасть в сферу действия этой комедии. Однажды Хозяин заключил пари со своим сыном, что тот не принесет ему в зачетке не только двойку, но даже тройку. Ставка была крупная, и Сын решил постараться. Пошел сдавать экзамен к одному редкостному проходимцу. Зачетку зажал. Отвечал плохо. Поскольку двойки было ставить нельзя (институт включился в борьбу за стопроцентную успеваемость), Профессор решил поставить Сыну тройку. Разумеется, он не знал, что это -- Сын. Когда Сын на радости протянул ему зачетку, Профессора хватил инфаркт. Несколько раз Сын ездил в больницу, уговаривал Профессора поставить тройку. Тот боялся провокации и настаивал на пятерке. Наконец, он пошел на хитрость. Пообещал тройку, а закатил пятерку. Взбешенный Сын в отместку пустил слух, будто Профессор поставил пятерку за взятку: Сын обещал протолкнуть его в академики. Профессора сунули в лагерь, где он вскоре сдох, так и не осознав, что стал жертвой собственной глупости, а не бессмысленной жестокости режима. А сдох напрасно, так как распущенный сыном слух дошел до Президента Академии, и он приказал на ближайших выборах избрать Профессора в академики.

СОМНЕНИЯ

Чем больше Учитель вникал в ту грандиозную информацию, которую ему поставлял Почвоед, тем больше он убеждался в ее полной бессмысленности с научной точки зрения. С научной точки зрения все эти данные можно предвидеть заранее с очень высокой степенью приближения. И он проделывал это не раз. Прежде чем приступить к обработке материала, он заранее прикидывал возможный результат. Через несколько недель каторжной работы он получал примерно то же

самое. Это, конечно, давало блестящее подтверждение разрабатываемой им теории. Но его теория в таких подтверждениях не нуждалась. И жалко было терять время впустую. А Почвоед не признавал никаких теорий. Он требовал таблиц, графиков, процентов. На кой черт все это нужно, думал Учитель. Кого убедишь этими таблицами и графиками. Все же знают, что наши цифры -- липа, и ни за что не поверят в правдивые данные. А выводы, которые напрашиваются из анализа этого моря цифр, очевидны сами собой без всяких исследований. Их можно услышать в пивных, а кухнях, в коридорах, в автобусах... Везде и ото всех. Боже мой, в какую историю я влип. Надо с этим потихоньку кончать. Это не моя игра.

РЕАБИЛИТАЦИЯ КИБЕРНЕТИКИ

Реабилитировали кибернетику. Заодно -- ряд других буржуазных лженаук. Структурную лингвистику, формальную генетику, конкретную социологию и т.п. В Газете напечатали установочную передовую статью "Кибернетика на службе изма". В Журнале напечатали серию разъясняющих статей крупнейших ибанских структуралистов, генетиков, кибернетиков. В передовице слегка намекалось на некоторые недооценки и искривления, зато прямо и откровенно было сказано, что подлинно научное понимание кибернетики впервые дано классиками изма, которые хотя о кибернетике не знали, но цитаты по сему поводу высказали, и ибанскими учеными. В статьях специалистов было убедительно доказано, что кибернетику и все остальные современные науки впервые открыли в Ибанске. Вскоре на каждой улице открыли институты и лаборатории кибернетики и всех остальных современных наук, имеющих необычайно важное значение для практики строительства изма. В каждом доме открыли свою социологическую лабораторию. Тогда-то Социолог и разработал знаменитую допросную..., извиняюсь, опросную анкету, в которую впервые в истории мировой науки ввел фундаментальнейшие проблемы: Любите ли Вы своего Заведующего? Хотите ли Вы строить изм? Доверяете ли Вы справедливости Органов? И многие другие. Потом эту анкету запретили из гуманных соображений. Вдруг кто-нибудь по ошибке или сдуру скажет нет. Тогда его по закону надо сажать за клевету. А сажать пока преждевременно.

Благодаря реабилитации кибернетики и прочих исконно ибанских областей науки прогрессивные силы неожиданно получили средство идеологического и организационного объединения, санкционированное свыше. Им были предоставлены помещения для сборищ, трибуны для ораторов, печать для пропаганды. Начальство попалось на удочку истории и не ведало, что творило. Ему было невдомек, что сам выход на трибуну этого, например, худосочного очкарика воспринимался собравшимися как открытый протест против режима. Раньше его давно бы посадили, и за дело. А теперь он кривляется на трибуне, что-то бормочет про энтропию и информацию (а не про материю и сознание!). И пишет на доске иксы и игреки с таким видом, будто не было стольких десятков лет такой славной истории Ибанска. А когда этот, например, косноязычный шизофреник написал на доске функцию пси от альфы и беты, собравшиеся интеллигенты поняли это как призыв покончить с зажимом и даровать свободы. Научного смысла функции никто не понимал, ибо его и не было, ибо смысл ее и состоял исключительно в призыве к свободе.

Реакционные силы братийным чутьем чувствовали, что в Ибанске всякие

новые идеи на первых порах обретают идеологическое звучание и становятся враждебными изму. И предупреждали об этом. Понимать не понимаю, говорил Троглодит, но чувствую, что это не наше. Погодите, говорил Секретарь, кончится тем, что придется вводить войска. Реакционные силы по опыту знали что новые идеи только тогда начинают лишний раз подтверждать изм, когда безнадежно устаревают и начинают вызывать скуку. Но на них прикрикнули руководители из прогрессивного крыла своих же родных реакционных сил, и они сами на всех парах устремились в прогресс, заняв в нем руководящую роль. Троглодита назначили председателем по кибернетике. И под его опытным руководством прогрессивные силы первым делом доказали, что новые идеи подтверждают правоту изма на новом этапе, и начали догонять Запад по кибернетике. По мясу и молоку Ибанск уже догнал и перегнал Запад, и о мясе и молоке ибанцы забыли думать. А он неплохой мужик, говорили прогрессивные силы о Троглодите. Главное -- не мешает работать. Смотря, кому, сказал Учитель.

Теперь тебе лафа, сказал Неврастеник Учителю. Ерунда, сказал Учитель. Теперь у нас все кибернетики. Первое, что сделали наши прогрессисты, отпихнули меня подальше, обвинив в невежестве и кустарничестве. Смешно! Человек, обвинивший меня в этом, переложил для кибернетического сборника статью одного западного математика как последнее слово науки. А тот просто излагал мои идеи, опубликованные еще пять лет назад. Причем, прямо называл меня как первоисточник. Недавно у нас было всего пять-шесть кибернетиков. Все состояли на учете в Органах. Почти все сидели. На прошлой неделе был симпозиум. Съехалось более тысячи специалистов. Так что никакой лафы. Даже наоборот. До сих пор было хотя бы состояние исключительности. Негативное, но признанное. Теперь и этого нет. Перспективы? Они очевидны. Начинается бум. Дело раздуют. Присосется всякий сброд. Нагреют руки. Защитят диссертации. Получат звания, ордена, премии. Поездят за границу -- высшая награда за заслуги в нашем обществе. Потом бум стихнет. За это время ототрут и раздавят приличных людей. Наступит всеобщее разочарование. Идеи исчерпают объединяющее идеологическое значение. Останется чисто официальное массовое явление со всеми атрибутами ибанских учреждений. А поскольку новых идей такого масштаба не предвидится, прогрессивные силы распадутся на социальные атомы -- на отдельных индивидов с нелепой формой поведения. Перспектив тут никаких. Социальная оппозиция должна перестать рядиться в чуждые ей оболочки науки, искусства, хозяйствования. Она должна выступить в своей собственной роли, без камуфляжа.

ПЕРЕМЕНЫ

На крыше нового полунебоскреба редакции Газеты и Журнала вспыхнули зеленые слова:

АЗЕТ -- ОВО РАЗВЕ

УРНА -- ПОЛ С ВЕ ЧИ

Что это значит, спросил Журналист. Сейчас узнаем, сказал Неврастеник. После нескольких подмигиваний на табло вспыхнули ярко-красные слова:

ПУСК БАНЕ ТАР И МАЛ

ПРОЧ ГАЗЕТУ И ЖУРНАЛ.

В переводе на английский, сказал Неврастеник, это означает:

ГАЗЕТА -- НОВОГО РАЗВЕДЧИК,
ЖУРНАЛ -- ПОЛЕЗНОГО СОВЕТЧИК.
ПУСКАЙ ИБАНЕЦ СТАР И МАЛ
ПРОЧТЕТ ГАЗЕТУ И ЖУРНАЛ.

Как видите, мы и в области рекламы наступаем вам на пятки. И все-таки, сказал Журналист, тупо уставившись на вывеску магазина АСТРОНОМ, за эти годы у вас произошли грандиозные перемены. Вчера, например, я встречался с Распашонкой. Он читал прекрасные стихи. Смелые. Глядите, сказал Неврастеник, это тоже из Распашонки.

КАЖДЫЙ ИБАНЕЦ ОБЯЗАН ЗНАТЬ
НАУКУ ОДНУ
КАКУЮ?
ОТВЕТЬТЕ-КА!
ЭТА НАУКА
-- НАУК НАШИХ
МАТЬ,
ОРУЖИЕ НАШЕ
-- САМА ДУБАЛЕКТИКА!

Это пустяки, сказал Журналист. Нельзя же без этого. А без этого, спросил Неврастеник, указывая на табло.

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ НУЖНЫ --
ТЕРПИ.
НО ЕСЛИ ДАЖЕ
ОБОСТРЕНЬЕ УТИХНЕТ,
ИДЕОЛОГИЮ
НАШУ
ВО ВСЮ КРЕПИ
И ВОВСЮ ВОЮЙ
С ИДЕОЛОГИЕЙ
ИХНЕЙ!

Да, сказал Журналист. Это уже не шутки. Какой-то проходимец на этом большие денежки нажил. Этот проходимец -- Ваш любимый Распашонка, сказал Неврастеник. Может быть зайдем куда-нибудь слегка выпить? Идея, сказал Журналист, указывая на забегаловку, над которой сверкали исполинские разноцветные буквы КУСОЧНАЯ. Вот сюда! Уже закрывается? Странно. Еще так рано. Тогда пошли сюда. Очередь! Часа полтора стоять! Нет, это не по мне. Журналист задумался. Он уже не реагировал на огромный плакат в окне кафе, на котором был изображен произносящий речь Заведующий, а под ним -- слова:

ЧТОБЫ В ПОЛИТИКЕ РАЗБИРАТЬСЯ ХОРОШО,
РЕЧЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО ИЗУЧИ С КАРАНДАШОМ.

Неврастеник хотел сказать, что это -- тоже Распашонка. А портрет рисовал трижды лауреат... Но ему было лень из-за такого пустяка открывать рот. Он ждал. Пошли в Интурист, сказал Журналист. Меня туда не пустят, сказал Неврастеник. Тогда в Националь, сказал Журналист. Там уже с открытия нет свободных мест, сказал Неврастеник. Тогда пошли ко мне в номер, сказал Журналист. Вы хотите, чтобы мне дело пришили, спросил Неврастеник. Вот сволочи, сказал Журналист. У вас тут ничто не меняется! Когда Неврастеник показал ему на табло, на котором сияли слова из новой поэмы Распашонки, он махнул рукой. Я не читая знаю, что там будет, сказал он.

К СВЕТИЛУ ГОЛОВУ ВОЗДЕВ,
ОРУ ЕМУ ДЕВИЗ МОЙ:
ВПЕРЕД,
И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ,
К ПОБЕДЕ ПОЛНОЙ
ИЗМА.

ПО ЗАСЛУГАМ

Смотри, говорит Она. Троглодита и Теоретика выбрали в академию наши друзья-соседи. Большая статья о их выдающихся научных заслугах. Господи, что творится. Они же полнейшие ничтожества в науке! Потому и выбрали, говорит Он. Потому и статью дали. Учителя, между прочим, в трех академиях Запада избрали. А у нас об этом ни строчки. Почему? Потому что он стал крупной фигурой в науке без ведома начальства. И вопреки ему. Неужели у этих Троглодитов и Теоретиков совесть спокойна, говорит Она. Конечно, говорит Он. Незаслуженные награды люди принимают с гораздо большим удовольствием, чем заслуженные. Если награда заслужена, значит человек сделал дело, и об этом знают. А сделанное дело и известность об этом само по себе уже укрепляет социальную позицию человека. Награда только констатирует это и может быть чуть-чуть усиливает. Очень частый случай поэтому, когда к заслуженным наградам люди относятся равнодушно. Это не поза. Это искренне, представь себе. Более того, люди меньше переживают, если их лишают заслуженных наград, чем если им не удается получить незаслуженные награды, которые вот-вот должны были им дать. Назови мне хотя бы одного настоящего ученого, которого провалили в академию и которого вследствие этого хватил бы инфаркт. А когда проваливают ничтожества, те все без исключения после этого отправляются в больницу. Незаслуженная награда сама по себе укрепляет социальную позицию человека. А людям ведь больше ничего в таких случаях и не надо. Неужели мы все такие, говорит Она. Нет, не все, говорит Он. Большинство вообще не допускается до такого уровня социальности. Им просто не Дают стать такими. Очень немногие воюют с собой и одерживают какие-то победы. Человек в высоком смысле слова есть социальный индивид, победивший в себе нормального социального индивида. Это -- продукт культуры. Нечто, выводимое искусственно. Естественный человек -- это Хозяин, Троглодит, Теоретик, Претендент, Сотрудник, Социолог и прочие наши знакомые за редким исключением. Ты в эту компанию не входишь, говорит Она. Разумеется, нет, говорит Он. И Учитель нет. И Болтун нет. И даже отчасти Неврастеник. И что же с вами будет, спрашивает Она. Будут систематически истреблять, говорит Он, пока не появится какая-то форма защиты и самозащиты. И она появится, спрашивает Она. Из законов этого общества она не следует, говорит Он. Если появится, то случайно.

БРАТИЯ

Братия, говорит Клеветник, занимает особое положение в ибанском обществе в том смысле, что это не есть обособленная социальная группа или скопление таких групп. Социальные группы образует лишь братийный аппарат,

подчиняющийся общим социальным законам общества. Члены Братии как социальные индивиды являются членами внебратийных социальных ячеек, существуют и действуют в этих ячейках. Если член Братии есть работник аппарата Братии, он входит в соответствующие социальные группы не в качестве члена Братии, а в качестве работника этой группы, выполняющей какие-то деловые функции. Член Братии -- не профессия. Это -- отобранный по определенным правилам рабочий, инженер, учитель, ученый, писатель и т.п., который призван сыграть в обществе определенную роль. Что это за роль?

Почти все лица, исполняющие власть во всех ячейках общества (по крайней мере -- в жизненно важных), отбираются из членов Братии. В крайнем случае они рассматриваются как будущие члены Братии и обычно вступают в нее. Так что члены Братии -- это множество индивидов, из которых отбирается власть любого рода. Это резерв власти.

Рядовые члены Братии, далее, служат основой для иерархии братийных органов вплоть до высших сфер, т.е. аппарата Братии. Если сами они не образуют особые социальные группы, то формируемый на этой основе и отбираемый из них аппарат Братии -- это есть система особого рода социальных групп. Она есть высшая власть в стране на всех уровнях иерархии власти. Ей принадлежит вся полнота власти. Когда говорят о различии братийной и хозяйственной власти в Ибанске и даже о конфликтах между ними, то проявляют полное непонимание сути ибанской власти. Никакой особой хозяйственной власти нет. Есть хозяйственные функции власти, поручаемые особого рода организациям. А власть одна -- власть Братии, ибо хозяйственная власть сама образуется из членов Братии. Иное дело -- сам аппарат власти есть совокупность лиц и организаций, живущих по общим социальным законам. Здесь бывают конфликты. Они бывают даже между различными группами самого братийного аппарата. И даже между различными членами одних и тех же групп. Но это не касается принципиальной сути и структуры власти.

Внутри социальных групп члены Братии образуют добровольную и надежную опору власти как по линии братийной иерархии, так и по линии иерархии власти с точки зрения организации дела. Собственно говоря, несовпадение системы социальной организации общества и системы деловой его организации и создает условия для такого своеобразного явления власти, как Братия.

Классики в свое время говорили, что при полном изме Государство и Братия отомрут. Не хочу обсуждать этот вопрос. Замечу лишь одно. Опыт истории Ибанска говорит о том, что скорее отомрут фиктивные формы власти вроде так называемых выборных органов, которые являются чистой бутафорией для пропаганды, чем Братия. Что касается отмирания Братии как политической организации, то тут я полностью согласен с классиками. С одним лишь коррективом: Братия в Ибанске давно уже не является политической организацией. К этому вопросу я вернусь в дальнейшем.

ГИМН ЧЛЕНУ

Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Ведется с неких пор.
Опора нашей жизни... Член.
И нет других опор.
Как ни мозгуй, что ни толкуй,

Бумажку подписать
Идешь в контору. Занят... Член.
Извольте подождать.
Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Пора и отдыхать.
Прилег -- трясет за жопу... Член.
Шагай голосовать!
Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Не грех и наградить.
Берет анкету тот же... Член.
Придется отклонить!
Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Ты книжку накатал.
Принес в печать -- все тот же... Член
В два счета раздолбал.
Как ни мозгуй, что ни толкуй,
Не худо бы в Париж.
Принес бумаги -- снова... Член.
Кричит, да ты дуришь!
Как ни мозгуй, что ни толкуй,
С кем речь ни заводи,
Как, говорят, так ты не... Член?
Чего ж ты ждешь? Иди!

Кто автор гимна, неизвестно. Есть предположение, что Певец. Но по мнению Сотрудника, который лично курировал следствие по делу Крикуна, почти все безобразные стихи политического содержания сочинил Крикун. Но доказать это Сотрудник не смог, так как сам Крикун свое авторство не признавал, а многие официально признанные поэты не отказывались, когда слухи приписывали авторство им.

Не может быть, чтоб ты не... Член!
Ты, братец, не муди!

НАУКИ

Неестественные науки занимают в Ибанске особое положение. Рядовые ибанцы не знают и не понимают их содержания, хотя учат их всю жизнь, и потому юмористически называют их общественными науками. Специалисты тоже их не понимают, но зато знают их содержание. И раз уж они связались с ними до гробовой доски, они серьезно называют их общественными науками. К тому же последние дают им хлеб насущный. А когда этот хлеб обретает для них зримые формы ученой степени, высокой должности, приличного оклада, огромного гонорара, бесплатной квартиры, почетного безделья и даже бог весть за что пришедшей известности, неестественные науки для них становятся сверхъестественными. Для юмора места тут не остается. Если хотите иронизировать, то для этого есть Запад, где общественные науки находятся в состоянии полного маразма, ибо служат не передовому классу пролетариев, а загнивающему империализму. Их и науками-то там называть нельзя. Начальство Ибанска тоже называет неестественные науки общественными. Но теперь в этом слове звучит предостережение и угроза. Угроза по адресу всех тех, кто

подлежит действию законов общественных наук. Ибанское начальство все делает согласно этим законам. Если оно что-то сотворило такое, что кажется не совсем того, так знайте же, это -- согласно общественной науке. Погодите, мерзавцы, сами поймете, что делалось это для вашего же блага. Да иначе было нельзя. Наука! Мы тут ни при чем. Законы! С них и спрашивайте. Угроза по адресу своих же специалистов. Что же это вы, братцы! Деньги вам платим. И немалые. А вы все на месте топчетесь. Обобщайте же, дармоеды, нашу передовую практику! Двигайте вперед нашу и без того передовую теорию! Сколько раз вам надо повторять, что надо творчески, творчески, творчески...

Общественные науки Ибанска братийны. Этим они отличаются от естественных наук, которые в Ибанске тоже в некотором роде братийны, но не так, как общественные. Насчет естественных наук еще можно поспорить. А в отношении общественных никаких споров быть не может. Они братийны во всех возможных смыслах.

Они братийны в том смысле, что в них число членов Братии не меньше, чем в самом аппарате Братии и в Органах, которые считают общественные науки своим светским филиалом. Они братийны также в том смысле, что отражают интересы классов. Заграничные общественные науки отражают интересы эксплуататорских классов, и потому они вовсе не науки. Ибанские общественные науки отражают интересы пролетариата, руководимого им беднейшего крестьянства и перешедшей на их сторону и руководимой ими обоими трудовой интеллигенции, И потому они науки. Правда, пролетариата в Ибанске уже нет. Беднейшего крестьянства тем более. Примкнувшую было к ним интеллигенцию в свое время повывели, а новая интеллигенция вроде бы уже и не интеллигенция, а просто трудящиеся на благо. В Ибанске теперь все трудящиеся, за исключением Правдеца, Певца, Мазилы, Двурушника и других отдельных отщепенцев. И ибанские общественные науки вынесли свою классовую основу во вне. Они теперь отражают интересы мирового пролетариата и руководимых им угнетаемых народов. Чьи интересы будут отражать общественные науки, когда во всем мире установится полный изм, пока трудно сказать. Они тогда отомрут, сдуру ляпнул как-то Троглодит. Его поправили, но не очень настойчиво. Скорее всего, действительно отомрут.

Вершину, основу и глубочайшую суть общественных наук Ибанска образует дьяволектический ибанизм.

ДУМЫ

Почему у нас такая нетерпимость друг к другу, думал Почвоед. Мы же все стремимся к лучшей жизни. Мы же все представители одного народа. И все хотим блага своему народу. Мы по-разному понимаем это благо и пути его достижения? Ну так что ж. Можно же обсудить и договориться. Найти какие-то точки соприкосновения. Неужели Учитель прав, и найти такие точки соприкосновения невозможно? Тогда для чего и для кого я стараюсь? Ради чего я рискую головой? Как это ни странно, а я рискую больше, чем все они, вместе взятые. Ради чего все это? Неужели реализация моей программы не решит ни одной социальной проблемы нашего общества, как считает Учитель? И даже обострит их? К черту теорию! К черту интеллигентские прогнозы! Народу не станет хуже от того, что будет больше квартир, хлеба, мяса, тканей. Что будет свободнее и удобнее транспорт. Что будет проще с высшим образованием. Что будет больше

газет, журналов, фильмов. Это же бесспорно! Разве работа в этом направлении не стоит того, чтобы ради нее жертвовать временем и даже жизнью. Учитель считает, что ничего из этого не выйдет. Почему? Кое-что все-таки выходит. Они присвоят себе мои идеи, а меня выбросят? Исказят их? Но хоть что-нибудь войдет в их тупые головы и потом в жизнь? Не может быть, чтобы не вышло. Пусть присваивают и переиначивают по-своему. Я не претендую на авторство...

Но эти мысли Почвоеда не прослушал и не записал никто. О них не знал даже Учитель. Но это и хорошо, что еще не научились подслушивать мысли. Почвоед думал и о другом.

БРАТ

Странный человек этот Брат, говорит Мазила. Прячет материалы подписантов -- никаких последствий. Распространяет выпуски Срамиздата -- проходит по их делу лишь свидетелем. Помогает Правдецу, и опять ничего. Стукач, говорит Неврастеник. Провокатор. Нет, говорит Болтун. Тут другое. Он помогает, чтобы помешать. Мешает, чтобы помочь. Спасает, чтобы угробить. Гробит, чтобы спасти. А суть всей его возни простая: низвести всех до своего уровня. Мы все барахтаемся в одном дерьме. Мы все одно дерьмо. Правдец вылезает. Певец вылезает. Мазила вылезает. Хорошо! Слава ибанской культуре! И вместе с тем нельзя, ибо они такое же дерьмо, как и мы. Правдец ускользнул. И Певец ушел куда-то мимо него. Теперь Мазила вот-вот уйдет куда-то в вечность. Наде помочь. Гений же! Но помочь так, чтобы остался Мазила в этом же дерьме. Чтобы хотя бы про себя или между собою можно было с облегчением сказать: да, до гения все-таки не дотянул и остался таким же дерьмом, как и мы все. Увы, мол, такова трагическая наша судьба. Мы, мол, ибанские талантливые интеллигенты все обречены на бесплодие. Поймите, Брат никому не служит. Он служит только себе.

ГОСУДАРСТВО

Из сказанного следует, говорил Клеветник, что никакие верхушечные перевороты не влияют на общую ситуацию в государственности Ибанска. И не думайте что она навязана ибанскому обществу насильно, вопреки его воле. Она есть продукт доброй воли граждан Ибанска. Это не следует понимать так, будто они собрались и постановили: быть посему. Тут имел место сложный, запутанный и страшный процесс становления. Но сложившись в современном виде, ибанская государственность воспроизводится на этой основе, о которой я говорил ранее. И если в обществе случаются малые или большие мерзости вроде тех, о которых писал Правдец и говорил Хряк, и свидетелями, жертвами и участниками которых были многие наши современники, то будет грубой ошибкой видеть причину их в отдельных лицах и даже группах людей и целых организациях. Эти мерзости суть такой же законный продукт жизнедеятельности лучших граждан этого общества, как и всемерно рекламируемые успехи. Это их дело.

ПЕРЕМЕНЫ

И все-таки, говорит Она, перемены колоссальные. Да, говорит Он. А ты можешь разграничить, что есть продукт времени, а что -- новой системы жизни?

На Западе перемены тоже произошли. И не малые. А социальный строй в принципе не изменился. Если хочешь найти долю системы в этих переменах, найди относительные величины. Да еще второго или третьего порядка. Не просто на душу населения, а место по шкале величин на душу населения. Тип импорта и экспорта и т.п. Я этого не понимаю, говорит Она. И никто, кроме тебя, этого не понимает. Люди принимают лишь факты как таковые. Питаемся лучше? факт. С жильем лучше? факт. Одеваемся лучше? факт. Бытовая культура неизмеримо лучше? факт. А все остальное -- домыслы критиканов. Да, сказал Он. Домыслы.

Мы мало спали, плохо жрали.
Мы гнули спину круглый год.
Свобод в глаза мы не видали,
И все -- по милости господ.
Теперь картошки до отвала,
Из книжек знаем про господ.
Полдня храпим. И как бывало,
Ее не гнем, а чешем год.
А что касаемо свобод,
По горло ими сыт народ.
Свобод, вот не было печали,
Они нам столько накачали,
Еще чуть-чуть, и мы пропали.
Вот!

ПРЕИМУЩЕСТВА АБСТРАКЦИИ

Не забывайте, что мы -- существа из вымышленной, абстрактной страны. Мы бестелесны. Абстрактным индивидам можно не есть, не одеваться, не иметь семьи и т.п. И притом вести разговоры на возвышенные темы с таким видом, будто ничего подобного вообще не требуется. Преимущества неоспоримы. Теперь, когда нам, абстрактным ибанцам, подкинут иногда вареную докторскую колбасу или три квадратных метра жилья на душу населения, мы приходим в дикий восторг и начинаем похихикивать над жизненными трудностями Запада, где число сортов колбас с полсотни резко снизилось до сорока девяти, а дома стоят незаселенными по причине классовых боев. Мы, как и положено абстрактным индивидам в абстрактной стране, заняты более важным делом. Мы строим изм. А изм можно строить из лозунгов, директив, докладов, отчетов, воззваний, постановлений, рапортов, починов, инициатив и прочего необычайно прочного материала. Когда-то, лет тридцать-сорок назад, рассказывали такой анекдот. Собрали собрание в одном дармахозе. Повестка дня: пункт первый -- строительство сарая, и пункт второй -- строительство изма. В связи с отсутствием досок пункт первый отменили и сразу перешли ко второму. Раньше над этим анекдотом смеялись. А зря. В нем истина. Такой материал в изобилии водится у нас. В западном мире сейчас ощущается его острый дефицит. Мы на этом можем сыграть. Проложим туда от нас измопровод, и начнем по нему качать наши замечательные апробированные строительные материалы. Бескорыстно! Нам этого добра не жаль. От себя будем приплачивать, чтобы они хотя бы частично дали нам возможность откачать его от нас. А то задохнемся от изобилия. Имейте только в виду, что и абстракции имеют свои законы. Так, абстрактный ибанец, который не есть, не пьет, не бьется за квартиру, дачу, машину и

т.п., логически возможен. А абстрактный ибанец, который не произносит речи, не рапортует, не приветствует, не аплодирует и т.п., логически противоречив. И потому он невозможен фактически.

УТОПИЯ

Формой развития общества, говорит Брат, является утопия. Она дает светлые идеалы, к которым люди так или иначе стремятся. Бред, говорит Болтун. Почему же, говорит Мазила, факты свидетельствуют... Что такое утопия, говорит Болтун. Абстракция от данной действительности. Утопия строится так. Берутся положительные и отрицательные свойства действительности. Положительные молчаливо признаются или сознательно усиливаются. Отрицательные исключаются. Есть две формы исключения. Первая: признается, что таких свойств в действительности не будет. Вторая: допускается, что будут противоположные свойства. Попробуйте, сочините сейчас утопию, дающую светлые идеалы. И вы получите ибанское общество, но без карьеристов, доносчиков, лодырей и т.п. Изобретатели утопий, все как один, допускают стандартную ошибку. Они игнорируют следующее обстоятельство. Как положительные, так и отрицательные свойства действительности, участвующие в формировании утопии, являются порождением одного и того же строя жизни. Одни немыслимы без других. Тут имеет место строгал зависимость. Нельзя уничтожить плохое свойство действительности, не уничтожив какое-то связанное с ним хорошее. Нельзя создать хорошее свойство, не породив какое-то связанное с ним плохое. Как в аэродинамике. Нельзя увеличить скорость самолета, не увеличивая лобовое сопротивление. Такого рода зависимости имеются и в социальной жизни. Нельзя, например, устранить американский гангстеризм, не устранив или значительно не ограничив свободу предпринимательства и демократию. Установите такие зависимости. Пересмотрите все возможные логически допустимые их комбинации. И вы среди них не найдете ни одной известной утопии, ибо утопии по самому способу построения логически противоречивы. Потому они и фактически неосуществимы. А что касается светлых идеалов, они всегда были прозаичны и односторонни. И потому иногда достижимы. В конце концов, нам торопиться некуда. Проделаем эксперимент. Придумайте утопию. Изложите. И мы ее публично проанализируем. Может быть, вам это покажется диким, но лишь одна форма утопии в наше время может дать светлые идеалы. Знаете, какая? Вырожденный случай утопии с пустым множеством отрицательных свойств действительности. А это значит -- беспощадный анализ нашей сегодняшней жизни. Без преуменьшений и преувеличений. Без приукрашивания и приухудшивания. Объективное беспристрастное научное описание того, что мы такое есть. Ну, вот это -- действительно утопия, сказал Брат. Кто это способен сделать? Кто это допустит? Это действительно из области фантазии. А в его словах есть что-то верное, сказал Мазила, когда Брат умчался на заседание художественного совета на Ибанке. Неужели ты допускаешь возможность научного описания общества? В наш сверхнаучный век, сказал Болтун, модно отрицать настоящую науку об обществе. Кстати сказать, это на руку начальству. И таким вот проходимцам. Но я честно тебе скажу. Если бы начальство предложило мне для нужд государства построить научную теорию нашего общества, пусть секретную, я знаю людей, с которыми мы это сделали бы за пару лет.

ОСТОРОЖНО, ВЫ В БУДУЩЕМ

Я присутствовал на открытии Дворца Детей, говорит Журналист. Прекрасное здание. Это у вас не отнимешь! Наше правительство не способно на такой подарок нашим детям! Странные вы люди, говорит Неврастеник. Рождаетесь, растете и живете в атмосфере здравого смысла, а попадаете к нам -- от него ни крупицы не остается. Поймите, Вы здесь находитесь в цивилизации нового типа. Здесь много прекрасного на вид и похожего на настоящее. А притронетесь -- ядовитые колючки. Вы знаете, во что обошлось это прекрасное здание? Сколько людей на нем руки нагрели? Сколько паразитов будет кормиться около этого дела? Какие тут будут кружки? Здесь будет много кружков изобразительного искусства. Ситуация в нем у нас Вам известна. И даже тысячи таких дворцов не исправят ее. Но даже не это главное. Вы говорите -- подарок нашим детям. Можно подумать, что это -- всем детям. Нет, далеко не всем. Да и вообще оно не детям, а взрослым. Сегодня в газетах было сообщение о том, что в Зеленом районе приняли в эксплуатацию новые жилые здания. Вы знаете, что это за здания? Квартиры по десять комнат. С бассейнами. С двумя туалетами. Для кого они? А в газетах сообщили об этом как о прекрасном подарке строителей ибанским трудящимся. С Вами невозможно спорить, говорит Журналист. Вы не оставляете места для живого. А Вы не спорьте, говорит Неврастеник. Вспоминайте время от времени о том, что Вы находитесь в обществе будущего. И потому будьте осторожны.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА

Это действие вашего руководства кажется, по меньшей мере, странным, говорит Журналист. Ничего странного, говорит Неврастеник. Самая заурядная глупость. Но не может же быть, чтобы там не было ни одного умного человека, говорит Журналист. Не может быть, чтобы туда попал умный человек, говорит Неврастеник. Но почему, спрашивает Журналист. В силу принципов отбора, говорит Неврастеник. Если в некоторое множество людей будет отбирать только карликов, уродов, дебилов и т.п., сможете ли Вы в этом множестве обнаружить хотя бы одного великана, красавца, умника? Когда среди них обнаруживается индивид, близкий к среднему уровню, он нам кажется исполином и гением только потому, что мы интуитивно не ожидаем от них ничего подобного. Изымите самого способного из них из их социальной среды и поживите рядом с ним на обычном уровне. Вы будете потрясены феноменальной серостью этого человека. Они при этом производят впечатление только тем, что соприкасались с известными именами, решениями и акциями, т.е. исключительно как абстракция от ранее недоступной для общения реальности. Но принципы отбора можно изменить, говорит Журналист. Попробуйте, говорит Неврастеник. Это ваша страна, вы и пробуйте, говорит Журналист. Это ваша идея, а не моя, говорит Неврастеник. Я как житель этой страны знаю, что эти принципы изменить нельзя. Они не во власти ибанцев. Но есть же точка зрения, согласно которой любая тысяча людей равноценна любой другой, говорит Журналист. Внутри множества людей одной категории, говорит Неврастеник. Если не происходит искусственного отбора. Действительно, любая тысяча начальников данного ранга равноценна любой другой того же ранга. Но тут этот принцип неприменим. Тут речь идет об

искусственном отборе и эволюции людей при этом условии. У нас считается, что все люди с интеллектуальной и психической точки зрения примерно одинаковы, и что мозг с этой точки зрения не эволюционирует. А кто знает, как люди различаются с этой точки зрения? Кто знает, к каким биологическим последствиям в эволюции людей приведет систематический отбор в наиболее привилегированные слои общества тупиц, бездарностей, подхалимов, доносчиков, трусов и т.п.? Я лично убежден в том, что это не пройдет безнаказанно. Как люди вроде бы внезапно оказались перед проблемой засорения окружающей среды и оскудения природных ресурсов, так они однажды так же вроде бы внезапно окажутся перед проблемой оскудения интеллектуальных и психических потенций людей, причем -- в гигантских масштабах. И никаким образованием это не компенсируешь. Если человечество опомнится, что маловероятно, то потребуется может быть не одно столетие, чтобы вернуть утраченные потенции хотя бы небольшой части людей путем искусственной их изоляции и охраны. Охранять, разумеется, будут не их, а от них.

МЕЧТЫ

Если нам удастся удрать, говорил Двурушник, я сына своего устрою учиться в какое-нибудь самое консервативное заведение. Чтобы никакими передовыми идеями там не воняло. Отчего бы это? Я же потомок холопов и крепостных. Просто мы обожрались революционностью, говорит Учитель, и нас от нес тошнит. Мы на своей шкуре испытали, чем она в конечном итоге оборачивается.

ЗАКОНЫ ПОЭЗИИ

И что бы там о нас ни говорили, мы, ибанцы, имеем неоспоримые достоинства, говорит Она. Вот смотри... Не спорю, говорит Он. Мы -- прекрасный народ.

Умен народ ибанский,
Аж завидно, умен.
И стойкостью спартанской
Он в генах наделен.
По доброте душевной
Он учит всех, как жить.
В житухе повседневной
Что нужно есть и пить.
Какие людям книжки
Не велено читать,
Какие ребятишкам
Устои прививать.
Но гегемон-ибанец
Спасаемым на смех
Живет как голодранец
Почти что хуже всех.

Ты во всем найдешь теневую сторону, говорит Она. Не теневую сторону, а то, что отбрасывает тень, говорит Он. Пусть так, говорит Она. Какая разница?

Разница есть, говорит Он. Ты знаешь, что не отбрасывает тени? Что,

спрашивает Она. Призраки, говорит Он.

В том, что ты импровизируешь, говорит Она, я всегда чувствую что-то ужасно знакомое. Ничего удивительного, говорит Он. Об этом говорят и пишут многие, А в поэзии есть свои законы. Задай тему, настроение и тип человека, и все напишут примерно одно и то же. А я не поэт. Я же просто так. Я не стараюсь отличиться от всех, и выдумываю самую суть дела, т.е. то, что придумывают все остальные. Задай мне какую-нибудь тему. Я не знаю, что придумаю. Но наверняка придумаю что-то такое, что тебе покажется знакомым. Верный признак того, что я не поэт. Или очень плохой поэт. Или, что одно и то же, гений. Хорошо, говорит она. Вот тебе тема: лохмотья нищего и прекрасное в искусстве. Тема банальная, говорит Он. Но изволь, раз уж такое дело.

Мнить красоту в лохмотье?
Зрить ее в этакой грязи?
Изощряться в такой заботе?
Нет, не буду! Ни в коем разе.
В деле этом пока еще вольно
Вещи чувствовать, кажется, разно.
Лохмотья -- это все-таки больно.
А то, что больно, то безобразно.

Постой, постой, говорит Она. Знаешь, у кого я это уже читала? Не знаю, говорит Он. Попробуй, произнеси фразу, которую до тебя не произносил бы никто другой! Разве в этом дело? И потом, я могу ведь и не сочинять.

ЧАС ОДИННАДЦАТЫЙ

Штопор считается фигурой высшего пилотажа. А между тем это -- самое примитивное упражнение для начинающего летчика. Как только курсант научится самостоятельно взлетать и сажать машину, его тащат в зону (специально отведенный для тренировок кусок неба) и учат сваливать машину в штопор и выводить из него. Делается это очень просто. Убирается газ, чтобы потерять скорость. Руль глубины берется на себя и одновременно до отказа вперед дается какая-то нога. После нескольких попыток самый тупой курсант научается это делать. Обычно машина охотно входит в штопор. Но не всегда охотно выходит. Это не значит, что складывается драматическая ситуация, о которой надо писать книги и снимать кино. Это значит, что надо еще проделать какие-то манипуляции, о которых даже говорить не стоит. Если машина не выходит из штопора, то значит произошло какое-то обычное житейское событие: либо в машине, либо в пилоте что-то сломалось.

Был в полку один летчик. Настоящий. Единственный в полку настоящий летчик. Остальные были летчиками по должности и по званию. На худой конец -- по профессии или стечению обстоятельств. А этот делал на машине своей такое, что никто кроме него не мог делать во всей авиации. Командир дивизии в припадке откровенности говорил иногда, что такие летчики рождаются один на сто тысяч. Говорить Летчик считал пустым занятием. Жил он только в полете. Остальное время пил и спал. Иногда ни с того ни с сего откалывал номера, из-за которых его отставляли от очередных наград. Пока была война, командир дивизии любил говорить: пусть дерьмо на земле, лишь бы в воздухе был ас. И приводил в пример Летчика. Кончилась война, и все переменилось. И тот же

командир дивизии сказал однажды: теперь пусть Дерьмо в воздухе, лишь бы на земле был ас. И влепил пять суток Летчику за пьянку. Летать почти перестали. Так, тренировочные пятиминутки на всякий случай. Летчик затосковал и жутко запил. Потому его не направили в школу летчиков-испытателей. Отправили одного отличника боевой и политической подготовки, прибывшего в полк уже после окончания войны. Однажды в понедельник после крупной воскресной попойки Летчик не вывел машину из штопора. Никто не знает, что с ним произошло. Машина врезалась в землю, и от Летчика не осталось ничего. Хоронили парашютную сумку, набитую окровавленными комьями земли.

Пока сбивали нас, пока была война,
Была на нас совсем не та цена.
Свой в доску парень -- генерал не раз
Шутил, журя за перепои нас:
Пусть на земле ты дрянь, зато будь в небе ас!
Теперь же все пошло наоборот.
Забыт-перезабыт давно порядок тот.
Случись чуть что -- велят построить нас
И строевой велят потопать битый час.
А генерал долбит: пусть в небе дрянь, тут на земле будь ас!
Ас на земле? Так это же мура!
Не может асом стать, что было дрянь вчера.
И если трезво наперед взглянуть,
К чертям собачьим эту вашу муть!
Раз на земле ты дрянь, зачем тогда тянуть!
Как нас учили, надо газ убрать,
Руль на себя и до отказа ногу дать,
Минуту-две спокойно подождать,
Скрепя зубами: бляди, вашу мать!
И пусть тебя потом попробуют собрать!

На другой день Крикун подал рапорт о демобилизации. Не изучает опыт войны, не работает с подчиненными, замечен в контактах с местным населением и т.п., написали ему в характеристике. Характеристику писал приятель. Не обижайся, сказал он. Тут же все правда. Правда, сказал Крикун. Если не считать пустяков. Опыт войны устарел еще до ее окончания. Он пошел на свалку вместе с нашими устаревшими машинами. Подчиненных у меня нет, и ты сам помог мне в этом. Ты сам виноват, сказал Приятель. Не надо было пить. Не надо было, сказал Крикун. Ты мне подсунул неразбавленный спирт. Закусить даже не дал. И не сказал, что меня вызывают к генералу. Вернее, сказал, когда я уже выпил. Ты знаешь, как это называется? И ты думаешь, добился этим чего-нибудь? Полк все равно расформируют, помяни мое слово. И тебе все придется начинать сначала. Подонок ты! Много лет спустя они случайно встретились на улице, но не узнали друг друга.

Бывает, застынешь вдруг.
Навстречу, глаза тая,
Проходит твой бывший друг,
Былая любовь твоя.

ИНТЕРВЬЮ ПРАВДЕЦА

Я возмущен поведением Двурушника, сказал Правдец. Ни один ибанец не должен добровольно покидать свою родину. Каждый ибанский интеллигент обязан думать о благе своего народа. Ибанский народ болен. Преступно покидать больного, не пытаясь ему помочь. Каждый... Долг... Обязанность...

МНЕНИЕ ЖУРНАЛИСТА

Позиция Правдеца кажется по меньшей мере странной и вызывает досадное разочарование.

МНЕНИЕ НЕВРАСТЕНИКА

Не надо его осуждать. Поймите его положение. Формируется человек в одиночку. Пишет так, чтобы никто об этом не догадывался. Если критика -- пристрастный несправедливый погром. Если сочувствие -- пристрастные некритичные дифирамбы. Образец для сравнения -- официальная апологетическая лживая и бездарная литература. Западная культура почти неизвестна. Более того, она чужда и даже враждебна. Никаких элементов научного анализа ситуации. А без этого в наше время немыслима серьезная литература. Никаких контактов с молодежью. Продолжать? Правдец есть жертва обстоятельств, хотя и играет роль пророка. Потому и претендует на роль наставника и судьи.

ДУМЫ

Почвоед думал и о другом. Закончу работу и представлю Заведующему, думал он. Заведующий не глуп. Поймет, что тут можно кое-чем поживиться и заработать на бессмертие. По идее он должен приблизить меня. Не с этими же кретинами -- заместителями делать дело. Они спят и видят, как бы его спихнуть и занять его место. А что, если... Надо все обдумать как следует. Не торопись. Спешка нужна только при ловле блох. Заместитель номер пять имеет, конечно, хорошие шансы. Дело идет к тому... Это более или менее ясно. Предложить ему? Этот уцепился бы руками и ногами. А рискнет ли на такое? Если Заведующий клюнет, я имею шансы в Заместители выйти. Почти наверняка. А там... Учитель слишком острые формулировки дает. Надо сгладить. Посмотрим, что он тут начеркал.

ОДИНОЧЕСТВО

Мы должны расстаться, говорит Она. Хорошо, говорит Он. Я тебя люблю, но у меня все-таки семья, говорит Она. Я тебя не виню, говорит Он. Муж знает, говорит Она. Сейчас все интеллигентные женщины имеют любовников, а мужчины -- любовниц, говорит Он. Твой муж знает это не хуже тебя. Он знает, что это -- ты, говорит Она. Он говорит, кто угодно, только чтобы не этот шизофреник и авантюрист. И стукач, говорит Он. И стукач, говорит Она. Чем я хуже других, спрашивает Он. Он считает, что ты меня доведешь до решетки, говорит Она. И не хочет носить мне передачи. И не хочет, чтобы ребенок рос без матери. Резонно, говорит Он. Ты жалеешь, что мы расстаемся, спрашивает Она. Нет, говорит Он. Вот все вы так, говорит Она. И плачет. Не надо, говорит Он. Иди.

Ты опять один, говорит Он. Это хорошо. Это хорошо. Спокойно. Спокойно. Спокойно. Все правильно. Не надо ни на кого обижаться. Не нужно злобы. Не нужно зависти. Не нужно признательности. Все в отношении тебя справедливы. Время промчится, не заметишь. Еще миг -- и ничто. Главное -- данная минута. Береги ее. Цени. Живи ею. Главное -- сознание того, что ты делаешь свое дело. То, что хочешь делать и что считаешь нужным делать. Что об этом думают другие -- наплевать. Не имеет значения.

Учитель хочет ввести понятие степени исполняемости решения. Зачем это ему нужно? Впрочем, это его дело. Он что-то затеял. Пусть. Это его дело. Тут возможны разные способы измерения. Например, единица, деленная на число людей, от которых зависит перевод решения в стадию исполнения. Но лучше, пожалуй, так...

ИНТЕРВЬЮ ДВУРУШНИКА

Я не хочу спасать ибанский народ ни от каких напастей, сказал Двурушник. Его нечего спасать. Ему ничто не угрожает, кроме него самого. Он сыт, одет. И к тому же свободен. Даже слишком свободен. Я не шучу. Он свободнее, чем об этом думает даже его собственное руководство. И все, что происходило и происходит в Ибанске, есть продукт народной свободы, а не насилия над народом. Наоборот, это -- продукт насилия народа над чем-то иным, и в том числе -- над самим собой. Правдеца выгнали по воле народа, а не по произволу правителей, оторвавшихся от народа. Правители спасли Правдеца от народа. Не сделай они этого, народ разорвал бы его в клочья. Народ не любит, когда о нем говорят правду. Он предпочитает ложь о себе. Правду он знает и без Правдеца. И я был вынужден добровольно уехать по воле свободного народа. С той только разницей, что я в конце концов сам захотел уехать, и потому меня два года не выпускали, ибо само мое добровольное желание выполнить желание и волю народа есть своеволие. А свободный народ не может этого допустить. Он даже свою волю в отношении меня хочет выполнять вопреки моей воле. Он жаждет осуществить насилие, и больше ничего. Глупо все сводить к козням реакционного правительства. Теперешнее правительство Ибанска прогрессивнее своего народа. Я боролся только за свое личное право поступать по своей воле в рамках норм морали и права, официально признаваемых и в Ибанске.

МНЕНИЕ ЛИТЕРАТОРА

Литератор написал большую статью о книге Двурушника, которую, как он сам признался в статье, не читал и не намерен читать. Заканчивалась статья стихами:

Это жь гнусная каркатура!
Это жь злобная клевета!
Мы жь народная диктатура!
Воплотившаяся мечта!

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Это все мелочи, написал Учитель на полях рукописи Почвоеда как раз

около тех мест, которыми Почвоед гордился больше всего. Почвоед предлагал ликвидировать систему налогов и взносов, произведя простой пересчет в зарплате. И другие мероприятия, которые по идее должны принести огромную экономию средств. Нужны кардинальные идеи, писал Учитель. Это же не доклад на семинаре в братийной школе, а проект государственных преобразований. Эти идеи должны развиваться по таким трем направлениям. Первое -- минимизация аппарата управления и паразитарных слоев и организаций. Второе -- свобода действий руководителя и ощутимая персональная ответственность за результаты. Третье -- право руководимых на самозащиту и средства для этого. В каждом из этих направлений надо считаться с соответствующими социальными законами и вводить ограничители для них. Например, если какая-то функция социальной группы отделяется от нее в виде функции особой самостоятельной группы, то число лиц, реализующих ее с необходимостью возрастает в определенном отношении. Установить это отношение несложно. Как с этим бороться? Установить, какие функции социальных групп допускаются для отделения и обособления и какие нет. Это можно сделать путем эмпирического пересмотра. Например, есть смысл сделать функцию власти по руководству молодежью принципиально неотделимой от функций братийных органов. Тогда отпадет громоздкий аппарат молодежных организаций, а дело руководства молодежью улучшится. Для обособляемых функций можно установить строгие нормы. Например, не просто дробление данных организаций, а отделение функции в сочетании с централизацией мелких организаций такого рода. Чтобы процент руководства и паразитов не увеличивался. У нас пока рост числа социальных групп ведет к увеличению этого процента. А можно его стабилизировать. Можно ввести также правило компенсации: образование одних социальных групп уничтожает другие.

Чем далее Почвоед читал замечания Учителя, тем более убеждался в том, что он может влипнуть (если уже не влип!) с ним в неприятную историю. Пока не поздно, думал он, надо с этим кончать. Недавно он присутствовал на заседании комиссии по подготовке проекта новой конституции и был потрясен до глубины души. Почти все члены комиссии, за редким исключением, молодые люди. Наверняка ни один из них не был на фронте. Судя по бесконечным ссылкам на западных авторов, все знают минимум по два языка. Что это за люди? Откуда они? Учитель говорит, сынки. Второе и третье поколение начальства. Из привилегированных институтов. Референты, помощники, соавторы, обозреватели, консультанты. Ладно, черт с ними. Пусть так. Но что они говорят? Они с удивительной легкостью как о чем-то крайне второстепенном творят о том, что он, Почвоед, годами вынашивал в своей душе. Еще в окопах. В госпитале. На стройках вдали от Ибанска. Они говорят все то же самое, что мог бы сказать и Почвоед. И вместе с тем -- это что-то совсем другое. В чем же эта противоположность? В манере речи? В развязности? В том месте, какое его идеям отводится в системе прочих идей? Неужели Учитель прав, и действительно нельзя придумать ничего такого, что не смогли бы придумать десятки других людей? И дело действительно в умении отобрать главное, в установлении необходимых связей и пропорций, в отыскании таких точек приложения сил, нажим на которые заставит всю машину заработать в определенном направлении? А в каком? Как будет после этого выглядеть весь строй общества? Без Учителя ему в этом не разобраться. А мальчики из комиссии просто болтуны. Нахватавшиеся верхушек благополучные преуспевающие болтуны. Учитель один

стоит их всех вместе взятых. Но он гнет куда-то не в ту сторону. Он становится опасен. С ним надо кончать. Пора...

Главное, самое главное в реализации общей идеи экономизации и прогрессивизации общества, читал он далее замечания Учителя, -- это система средств самозащиты управляемых от управляющих, граждан от своей собственной власти, индивида от своей среды, от массы. Без организации такой самозащиты любые мероприятия по улучшению общества в желаемом направлении обречены на провал. Такая самозащита есть единственная реальная обратная связь, без которой немыслимо существование и развитие самоорганизующейся социальной системы ибанского типа. Обратную связь здесь образуют не сводки, рапорты, доклады, отчеты и т.п., -- они идут совсем в ином плане жизни (не говоря уж о их ненадежности), а именно способность граждан отстаивать свои интересы в борьбе с властями и коллективами.

Вон ты куда гнешь, подумал Почвоед. Нет, это не пойдет. Надо все это уничтожить. А то с такими штучками можно напороться на крупные неприятности. Зря я с ним связался. Зря. Так можно загубить важное дело.

СВОЙ ГОЛОС

Что Вы скажете о поэзии Певца, спросил Журналист у Распашонки. Поэзия непереводима, сказал Распашонка. Меня, например, невозможно перевести даже на ибанский язык. А на каком же языке Вы творите, удивился Журналист. Каждый крупный поэт имеет свой язык, сказал Распашонка. У меня свой голос и свой язык. Попридержи свой язык, сказал Начальник. А не то останешься без голоса. Собирайся-ка в Америку. Вот тебе задание: покажешь всему миру, что у нас в Ибанске полная свобода творчества. Только с тряпками поосторожнее. Знай меру. А то сигналы поступили. Не больше десяти шуб, понял?

Приехав в Америку, Распашонка прочитал стихи.

Не боюсь никого,
Ни царей, ни богов.
Я боюсь одного --
Боюсь острых углов.
Где бы я ни шагал,
Где бы ни выступал,
Во весь голос взывал:
Обожаю овал!

Как он смел, кричали американцы. И как талантлив! Ах, уж эти ибанцы! Они вечно что-нибудь выдадут такое! Мы так уже не можем. Мы зажрались. Как видите, я здесь, сказал Распашонка журналистам. А я, как известно, самый интеллектуальный интеллектуал Ибанска. Когда я собрался ехать сюда, мой друг Правдец сказал мне: пропой, друг Распашонка, им всю правду про нас, а то у них превратное представление. А мой старый друг с детских яслей Мазила...

А ведь в самом деле смел, сказал Учитель. Цари и боги -- это вам не какие-то пустячки вроде Органов. Тут ба-а-альшое мужество нужно. Сослуживец, завидовавший мировой славе Распашонки, сказал, что это вшивое стихотворение надо исправить так:

Где бы я ни стучал,
Чей бы зад ни лобзал,
С умиленьем мычал:

Обожаю овал!

Вернувшись из Америки, Распашонка по просьбе Сотрудника написал обстоятельную докладную записку о творчестве Певца. Для Самого, сказал Сотрудник. Так что будь объективен. И Распашонка написал, что с точки зрения современной поэзии Певец есть весьма посредственный поэт, но как гражданин заслуживает уважения, и он, Распашонка, верит в его искренность и ручается за него... Граждан у нас и без всяких там певцов навалом, сказал Заместитель номер один, а посредственные поэты нам не нужны. Посадить! Либерально настроенный Заведующий предложил более гуманную меру: выгнать его в шею! Зачем нам держать плохих поэтов? У нас хороших сколько угодно!

ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Двурушник прав, сказал Болтун. Правдец сделал великое дело. Самое великое, может быть, за всю историю Ибанска дело такого рода. Но позитивная его программа смехотворна. А роль пастыря выглядит довольно неприглядно, если не сказать большего. Надо исходить из позитивных предпосылок. Из отрицательных ничего, кроме озлобления и разочарования, не получишь. Надо признать как бесспорные факты следующее. Для ибанского народа революция была величайшим благом. Народ фактически получил все, о чем мечтал. Он получил еще кое-что сверх того, но это уже другой вопрос. Прогресс страны за эти десятилетия был ошеломляющим. Народ свободен и в общем доволен. Правительство выражает интересы народа. Братия -- единственная сила, способная сохранить порядок в стране, предохранить в какой-то мере от разгула насилия, обеспечить какой-то прогресс. Недовольство в большинстве случаев не глубоко и не принципиально. Оно еще не затрагивает самые основы жизни населения. Я готов признать почти все, что об ибанском образе жизни говорит официальная доктрина и пропаганда. Отрицать все это бессмысленно. Но суть дела не в этом. Все то, о чем наша официальная пропаганда молчит и разговоры о чем у нас считаются клеветой, есть также законный продукт всех позитивных достижений ибанской жизни. Из благ, расписываемых и рекламируемых у нас на все лады, с неотвратимостью вырастают и все наши замалчиваемые и отрицаемые всеми методами мерзости. Они имеют тот же самый источник. Из народной свободы вырастает насилие над личностью и затем над самим же насилующим народом. Из коллективизма вырастает индивидуализм. Из фанатизма -- цинизм и неверие... Есть естественные законы социального бытия, над которыми не властны народы и правительства. Когда Двурушник собрался уехать, ему сулили златые горы, чтобы остался. Сам Заведующий обещал свое покровительство. Думаю, что искренне. Говорят, он в принципе неплохой мужик. Двурушник пытался пояснить ему, что не во власти Заведующего реализовать свое обещание. Откуда он возьмет ему способных студентов, увлеченных наукой как таковой? Для этого надо, по меньшей мере, изменить всю систему школьного образования и приема в институты. Как он их заставит учиться ради науки, а не ради устройства мелких житейских делишек? Для этого, как минимум, надо радикально изменить систему ценностей в обществе и возможностей реализации способностей. Как установить другую программу обучения, другой способ оценок, отбора в аспирантуру, устройства на работу, публикацию статей, защиту диссертаций и т.д.? Кто этим всем будет заниматься? Те же самые люди и организации, которые создали и поддерживают существующую систему жизни и

сделали его, Двурушника, чужеродным элементом в ней. Бороться? Он боролся тридцать лет. Итог? Полный разгром всех его усилий. Короче говоря, Заведующий ничего этого понять не смог, разгневался и велел выгнать Двурушника, но оформить как добровольное бегство отщепенца. Прогресс, конечно-Раньше расстреляли бы. Заведующий все-таки проводит демократическую линию, антихозяинскую. Страшно, сказал Мазила. Страшно, сказал Болтун. Мы тут прикасаемся к типу истории, в которой время отсчитывают тысячелетиями, а людей миллионами. Тут есть другой разрез бытия, о котором молчит Правдец. И все прочие. Ибанский народ переживает трагедию нереализовавшихся возможностей. А это -- самая страшная трагедия для цивилизованного народа. Двурушник идет в этом разрезе, и Правдец понять его не сможет никогда.

РЕПЛИКА НЕВРАСТЕНИКА

Правдец все-таки бьет в самое больное место ибанского общества. В самое главное. В самый нерв его. Дело в том, что ибанский народ пока еще живет с сознанием совершенного преступления. Еще немного, и это сознание исчезнет. Одно поколение, и Правдеца перестанут понимать. А пока еще есть какой-то шанс заставить народ признаться в совершенном преступлении и очиститься от недавнего прошлого. Если это не произойдет сейчас, то через десять-пятнадцать лет будет поздно. Тогда это не произойдет никогда. И тогда народ будет обречен жить с чистой совестью, но с натурой преступника. Я боюсь, что признание и раскаяние не наступят. Почему? Потому что события недавнего прошлого не есть случайность для ибанского народа. Они коренятся в его сущности, в его фундаментальной природе. Правдец этого не понимает. И хорошо, что не понимает, говорит Болтун. Пока есть малейший шанс очиститься, его надо использовать.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ ДВУРУШНИКА

Ибанский народ обречен влачить счастливое существование под мудрым руководством своего любимого начальства, сказал Двурушник. Народ прекрасен. Начальство еще лучше. Пусть плох я сам. Но я не хочу быть таким же хорошим, как они, и быть счастливым вместе с ними. Я не совершал никаких моральных и правовых преступлений, и за это был справедливо наказан. Меня долго не хотели выпускать. И поделом. Чтобы выехать за границу, это надо еще заслужить. При этом говорили, чтобы я убирался вон. И тоже поделом. А если бы Вас не выпустили, спросили Двурушника, что бы Вы сделали? Дальнейшая жизнь для меня в этом распрекраснейшем их обществе стала принципиально невозможной, сказал Двурушник. Бороться за его изменение я не хочу. И считаю это дело бесперспективным. Я устал.

ЧАС ДВЕНАДЦАТЫЙ

Ранним солнечным утром Крикун, сверкая орденами и погонами, вышел на привокзальную площадь Ибанска. И его тут же забрали в комендатуру за пластмассовые пуговицы, которые успели запретить, пока эшелон демобилизованных дотащился до Ибанска. В комендатуре таких набралось больше сотни. Добродушный комендант приказал погонять нарушителей час-другой

строевой и отпустить с миром. Крикун шагать отказался, снял погоны и выбросил их в мусорную урну. Его примеру последовали многие другие. Один капитан отвинтил свои ордена и медали и сунул их небрежно в карман. Бляди, сказал Капитан. Кто, спросил Крикун. Ясно, кто, сказал Капитан. Сам знаешь. Их продержали до глубокой ночи. Но все-таки отпустили. Раньше за это посадили бы, сказал Капитан. Пойдем ко мне, тут рядом. Отметим наше славное возвращение домой. И то хлеб, что живы и целы. И пока на свободе, сказал Крикун.

ТРУДНОСТИ ПРОФЕССИИ

Наша работа тоже не сахар, сказал Сотрудник. Когда мы установили наблюдение за Нытиком, знаешь, что отчебучил этот подонок? Что, спросил Мазила. Он стал в свои черновики завертывать объедки, сказал Сотрудник, стал плевать в них и даже, представь себе, мочиться и какать. Культурный человек, называется! А мы изволь все это дерьмо чистить, склеивать, реставрировать. И это нас злило больше, чем содержание его паршивой книжонки. И если его не выпустят еще год, то этим он обязан исключительно себе. Почему, спросил Мазила. Он нарушил правила игры, сказал Сотрудник. Он обязан был даже виду не подавать, что заметил слежку. Это же для нас как-никак работа, а не развлечение. У нас же есть профессиональное самолюбие. А насчет содержания книги у нас к нему претензий нет. Книга полунаучная, и никакого успеха на Западе иметь не будет. Они не поймут. Книга слишком умна для этих зажравшихся дегенератов. И без внешних эффектов. Сенсации, одним словом, не будет,

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В оценке Хозяина мы перегибаем палку, говорит Супруга. Он же не только расстреливал. Кое-что положительное он тоже делал. И не мало. Верно, говорит Сотрудник. Были плотины, перелеты, победы. Верно говорит Певец.

Мы по-разному видим Мир.
Каждый в точку свою глядит
Этот тип для тебя -- кумир,
Для меня же он просто бандит.
Для тебя он -- мудейший вождь,
Для меня он -- убийца и вор,
Для меня он -- гнуснейшая вошь.
И бессмысленен этот спор,
И бессмысленно рыпаться мне.
Правды слов результаты -- шиш.
Ты поставишь меня к стене:
Одним звуком наш спор решишь.

Ты перегибаешь палку, сказал Сотрудник. Теперь не то время.

СТРАНИЧКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Хозяин был выдающимся ученым во всех областях науки, пока за них не брался. Однажды он высказался по проблемам происхождения человека на

конгрессе антропологов. Сагласна ызму, сказал он, абызяна сначала жыла на дэрэва, а патом слэзыла на зэмлу, и кыругазор ые рашшырылся. А сверху-то виднее, шепнул один академик другому, лично наблюдавшему в свое время происхождение человека и досконально знающему, как это делалось на самом деле. Академика посадили. Потом другого. Потом всех остальных. Когда Хозяину сказали, что академик пошутил, он ответил: шутыка -- вэшч сырыозная, а эслы шутыка нэ сырыозна, ана просыта смышна.

СИМПОЗИУМ ПО МАТУ

Три года прогрессивные силы пробивали в верхах идею всеибанского симпозиума по проблемам теории и практики ибанского мата. Сначала не знали, по какому ведомству проводить симпозиум. Лингвистическое начальство сваливало на математическое, математическое -- на философское, философское -- на педагогическое, педагогическое -- на психологическое. Лингвистические же низы тянули к себе, математические -- к себе, философские -- к себе... И не было никакой возможности договориться. Органы предупреждали, что к симпозиуму примажутся сомнительные личности и пойдут неправильные разговоры. После речи Заведующего о тесной связи передовой науки с передовой практикой строительства изма Заместитель по Науке как-то заметил, что о симпозиуме по мату стоило бы подумать. Замечание приняли как руководство к действию Создали Оргкомитет под руководством Секретаря. Через год Оргкомитет выработал программу симпозиума. Еще через год наметил список докладчиков общим числом пятьсот человек, разбив их по секциям. По философской секции наметили такие основные темы: 1) мат и диамат; 2] классики о мате; 3) мат в трудах классиков; 4) матореализм как высшая стадия материализма до возникновения диамата. По математической секции: 1) формализация матологии квазиупорядоченных полуструктур; 2) погружение исчисления двухэтажного мата в теорию гидрокомплексных тензоров мнимого подпространства квазибулевых булеанов первого порядка с отношением равенства; 3) теория алгорифмов; 4) конечные автоматы; 5) понятие числа у ибанян. По лингвистической секции: 1) структура трехэтажного мата; 2) мат сапожников в староибанских диалектах; 3) мат извозчиков в ибанском языке прошлого века; 4) проблема машинного перевода мата на иностранные языки и обратно. Впрочем, нет необходимости излагать программу симпозиума, поскольку все материалы его уже опубликованы.

Симпозиум прошел с грандиозным размахом. Открыл его сам Президент. С приветственным словом выступил сам Заместитель номер девять. Приехали представители дружественных братии и иностранные ученые. Когда Секретарь зачитывал свой доклад и лил слезы умиления, вспоминая, какие рулады закатывал его дед, лупцуя его ремнем по голому заду, Заместитель спросил у Президента, что общего у мата и диамата. А в самом деле, что, спросил Президент, заранее надрываясь от хохота. И тот и другой есть мощное оружие в руках пролетариата, сказал Заместитель, только вчера узнавший эту хохму от своего референта. А чем они различаются? А в самом деле, чем, спросил Президент, брызгая слезами на красное сукно стола президиума. Тем, что мат все понимают, по делают вид, что не понимают, а диамат -- наоборот, сказал Заместитель, держась за вибрирующий от хохота живот. Президенту стало дурно, и его заменили другим, более прогрессивным. А зря, так как прогрессивный оказался еще хуже.

Что свое великое внес ибанский народ в мировую культуру в результате своего имманентного развития, читал Секретарь свой доклад, написанный для него Мыслителем. Мат! Это действительно величайшее изобретение человечества. Универсальный сверхязык, на котором можно обращаться не только к трудящимся всей планеты, но и к внеземным цивилизациям. Не случайно наш замечательный ибанский поэт сказал:

Когда в доме подыхает телефон,
Когда не с кем даже пару слов сказать,
Когда видишь, как друзья со всех сторон
Начинают тебя грязью поливать,
Когда в будущем не светит ни черта,
Когда незачем о помощи просить,
Когда жизни подытожена черта,
И захочешь по-звериному завыть,
Когда скулы от молчания свело,
Когда все не верят, что не виноват,
Когда видеть не хотят, как тяжело,
Лишь одно спасет тебя, -- ибанский мат.

Многотысячная аудитория реагировала на это бурными овациями. Даже Заместитель аплодировал стоя. Это был кульминационный пункт единения всех прогрессивных сил Ибанска и вершина либерализма. На другое утро начался спад. Заместителя перевели на другую должность рангом ниже.

БЕЗОБРАЗНЫЙ СТИХ

В период Растерянности наряду с общеизвестной эпидемией анекдота вспыхнула также эпидемия сочинительства безобразных стихов. Эпидемия менее заметная, но все же достаточно серьезная, чтобы быть отмеченной в данном исследовании. Сочинители безобразных стихов не были профессиональными поэтами и совершенно не заботились о поэтической технике. Они использовали любые уже известные поэтические формы и образцы, подчеркнуто подражали им и пародировали их. Но это не было просто подражание известному и пародия на него. Это было совершенно своеобразное явление, которое следует рассматривать по каким-то иным параметрам. Как правило, авторы безобразных стихов намеренно прибегали к наиболее примитивным поэтическим средствам, в частности -- к избитым рифмам. И добивались тем самым поразительного эффекта. Гораздо более сильного, чем эффект от утонченных виртуозных стихов поэтов профессионалов. Может быть это была вовсе и не поэзия, а всего-навсего лишь примитивно зарифмованная грубая проза. Но какое значение имеет название? Цель безобразного стиха -- сжать в малом размере и в заданной привычной литературной форме какое-то значительное жизненное содержание. Если цель достигнута, то не все ли равно, что скажут специалисты. Это предназначено не для них. На гонорары, премии и даже на публикацию авторы не рассчитывают.

Сила воздействия безобразных стихов была огромной. Гораздо большей, чем классической поэзии прошлого. И неизмеримо большей, чем стихов лучших и талантливейших поэтов нашей эпохи, получивших официальное признание. В одну весьма эстетичную компанию пригласили как-то самого Распашонку. Больших усилий стоило уговорить его. Согласился лишь после того, как участники

вечера скинулись и купили поэту дорогой подарок. Подарок был согласован с ним заранее. Распашонка читал свои самые удавшиеся, как он говорил, стихи. Ему, конечно, аплодировали. Потом попросили что-нибудь прочитать присутствовавшего на вечере автора безобразных стихов. Тот долго отбрыкивался. Говорил, что ему неудобно со своей стряпней вылезать в обществе такого прославленного поэта. Распашонка пообещал быть снисходительным и сделать скидку на любительство. И безобразный поэт согласился в конце концов. Он прочитал отрывок из поэмы о Хозяине. Наступила неловкая тишина. Всем присутствовавшим, и Распашонке в том числе, стало очевидно, что безобразная поэма о Хозяине на голову выше всех сочинений Распашонки вместе взятых. Спросили мнение Распашонки. Занятно, сказал он. Поэтически слабовато, конечно. Но мысли кое-какие есть. Для капустника не так уж плохо. Собравшиеся с облегчением вздохнули. Ну, конечно, на уровне капустника терпимо. А с точки зрения подлинной поэзии... Собравшиеся были люди образованные. Они прекрасно понимали, что если и могло что-то значительное родиться в ибанском искусстве, то только из капустника. И все же они были довольны. Они нашли оценку и поставили автора незаконного безобразного стиха на его законное место вне искусства. У нас в части, говорил потом один из участников вечера, был такой случай. Мы готовились к соревнованиям и толкали штангу. Мимо проходил один солдат, совершенно не причастный к спорту. Кто-то шутя предложил ему поднять штангу. Солдат взял ее одной рукой и без усилий выжал. Мы вытаращили было глаза. Но потом успокоились. Солдат сделал не по правилам.

Если бы в Ибанске были хотя бы ничтожные возможности для публикации безобразных стихов и для непредвзятой публичной их оценки, на этой основе могло бы сложиться интересное литературное направление. Но это не произошло, как и многое другое в Ибанске. Официальная поэзия была крайне не заинтересована в том, чтобы приобрести в лице безобразной поэзии опасного конкурента. И у авторов безобразных стихов даже мысль не появлялась дерзнуть сунуться в печать. Но главное препятствие было не в официальной поэзии и даже же не в поэтической власти и цензуре. Главное -- слушатели и сами авторы. Слушатели, получив удовольствие от безобразного стиха и пищу для размышлений, не могли закрепить свое отношение к нему некоторым официально признанным способом. И не хотели это делать. Кто такой, спрашивается, автор, чтобы это делать? Свой парень. Такое же дерьмо, как и все мы. А может быть и еще хуже. Пьет. А этот из сумасшедшего дома не вылазит. Стихи, конечно, гениальные. Но это же наши, местные стихи. Кому они нужны? Может быть, они пустяки, если пошире взглянуть?

Положение авторов в обществе не менялось от того, что их стихи вызывали восхищение. Денег за стихи не платили. Званий и премий не давали. Известность ограничивалась узким кругом знакомых или сослуживцев. А если до начальства доходили слухи об авторах, так им же от этого хуже становилось. И авторы отрекались от своих произведений. Не имея объективной оценки, авторы не ценили свои сочинения. Многие даже не хранили их. И постепенно безобразный стих где-то терялся и забывался. Лишь иногда в пьяной компании вспомнит кто-нибудь две-три строчки. Повздыхают. Гениальный был поэт, скажут. Хорошее было время, скажут. И тут же заговорят на более актуальные темы -- о дачах, о машинах, об иконах, о Париже, о предстоящих выборах и выдвижениях.

Среди авторов безобразных стихов были выдающиеся в своем роде таланты. Один из них, довольно широко известный в кругах ибанской гуманитарной интеллигенции, написал таких стихов на большую книгу. Если бы он последовал примеру Правдеца, Певца и Двурушника и опубликовал свою книгу на Западе, он за короткий срок приобрел бы мировую известность. Но он не решился. Побоялся. Напечатает -- с работы выгонят. А то и похуже. И не было все той же уверенности в общечеловеческой значимости написанного. А где ее взять без публикации? А время идет. И кто знает, пройдут годы. Ибанский безобразный стих однажды вдруг станет предметом заинтересованного внимания в мировой культуре. И его бросятся собирать, как бросились собирать старые ибанские иконы. И много ли от него к тому времени останется? Умрет в сумасшедшем доме один выдающийся мастер этого стиха. Иссохнет в борьбе за улучшение жилищных условий другой. Растратит свой необыкновенный дар на пошлую книжку по официальной философии в соавторстве с каким-нибудь зубром ибанизма третий. И никто не воскликнет: люди, опомнитесь, вас же обкрадывают! Поймите же, в конце концов, каждый раздавленный талант в твоем соседе есть отмененный праздник в твоей собственной жизни. Поймите же, в конце концов, для гибели целого направления культуры достаточно бывает гибели нескольких ее носителей. А чтобы не родилось новое направление в культуре, бывает достаточно погубить одного единственного человека. Твоего соседа или сослуживца, не получающего за свой гений признания и гонорара.

Безобразная поэзия тесно переплеталась с песнями. Многие песни Певца, например, получившие широкое распространение, появились сначала как безобразные стихи или были их переработкой.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Социальные системы, писал Учитель, относятся к числу эмпирических систем. Это суть скопления большого числа эмпирических предметов. Они локализованы в пространстве и достаточно долго существуют во времени. Элементы их находятся во взаимной связи. Предметы и их связи, образующие систему, более или менее однородны, регулярны и устойчивы.

В связи с эмпирическими системами надо различать два типа исследовательских задач: 1) исследование самой системы как таковой, дающее ответ на вопрос, что из себя представляет данная система; 2) решение каких-либо проблем с учетом того, что приходится иметь дело с системой такого-то рода. В первом случае устанавливается, из каких элементов состоит система, каковы их связи, каково их число, каковы пространственные размеры системы, какова ее иерархическая структура и т.п. Во втором случае устанавливается, как сказывается на том или ином явлении тот факт, что оно поставлено в зависимость от характера данной системы. Во втором случае речь идет об эффекте системности.

Рассмотрим такой пример. Уровень состояния науки в стране определяется (среди прочих показателей) числом кандидатов и докторов наук, числом публикаций, научных конференций, журналов и т.п. Принимается решение повысить уровень науки. В качестве меры, естественно, будет выступать увеличение числа кандидатов и докторов наук, публикаций и т.п. И на это отпускаются деньги. Но решение -- решением, а исполнение -- исполнением. Если бы наше общество реально было таким, как его изображает официальная

пропаганда и как о нем думает (по крайней мере официально) руководство, то проблема решалась бы просто: чисто количественное изменение указанных параметров в определенном отношении означало бы улучшение ситуации в науке в соответствующем отношении. А что происходит реально в силу особенностей системы, в которой принято решение? Начинают с большей легкостью брать в аспирантуру, присуждать степени, публиковать работы и т.д. Причем, открывшимися возможностями, в первую очередь и главным образом, пользуются посредственности, хапуги, карьеристы и прочие категории лиц, обладающих наиболее высокой способностью укрывать куски от общественного пирога. Конечно, кое-что перепадает и настоящим ученым. Но в относительном выражении доля их в деле резко сокращается. Уровень науки может несколько повыситься. Но далеко не в той пропорции, как это должно было бы быть с начальственно-пропагандистской точки зрения. Здесь, может быть, найден некоторый коэффициент системности, вносящий корректив в теоретически ожидаемые результаты.

Продолжим пример. Обнаруживается, что ученые степени утратили прежнее значение и превратились в липу для большинства их обладателей. Принимается решение изменить систему оплаты научных работников. Вводится новая система, учитывающая подлинную ценность научных исследований. Кто будет это делать? Беспристрастные справедливые боги? Нет, те же самые доктора и кандидаты наук, из-за которых весь сыр-бор загорелся. И они сделают все по-своему. Почти ничто не изменится. Пострадают лишь самые незащищенные продуктивные и талантливые ученые. Их мало. Но они -- душа и нерв науки. И последствия того, что пострадает именно это нерв науки, еще скажутся роковым образом. Этот -- пример качественного эффекта система. В таких случаях любые преобразования сохраняют статус-кво, нанося ущерб лишь наиболее высокоорганизованным явлениям системы. И если уж руководство действительно хочет добра, оно должно стремиться к стабильности, а не к преобразованиям, проводя политику протекционизма в отношении наиболее значительных деятелей культуры вообще.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО НАУКЕ

Наконец добрались до науки. Провели специальное заседание. Приняли установочное решение повысить, улучшить и исправить. Разработали Конкретные мероприятия: 1) увеличить число кандидатов и докторов наук; 2) повысить качество подготовки научных работников и повысить научно-теоретический уровень диссертаций; 3) увеличить число публикаций по актуальным проблемам науки и т.д. Сказано -- сделано. Как говорится, заяц трепаться не любит. И через полгода число кандидатов наук увеличилось в сто раз, а число докторов -- в девяносто девять. Объем публикаций возрос до ста миллионов тонн. А что мелочиться? Делать, так по-большому. И скоро Ибанск оказался битком набит наукой. Один захудалый райончик, население которого перешло к изму сразу от Дикости и лишь за год до этого получило свою письменность, которую еще не успело освоить, по числу докторов наук превзошел Францию и Англию, вместе взятые.

Воспользовавшись суматохой, в науку пробрались несколько настоящих ученых и возомнили о себе. Когда этот недосмотр обнаружили, решили принять неотложные меры. Началась антидокторская кампания. Велась она с таким

размахом, будто все ибанские доктора невежды и проходимцы, хотя все газеты в один голос твердили, что все доктора в Ибанске хорошие, за исключением некоторых, которых проглядели. Но все знали, что к чему. В частности, все доктора упомянутого выше района Ибанска, превзошедшего Англию и Францию, вместе взятые, защищали одну и ту же диссертацию, которую первый защищающийся переписал из популярной брошюры для домашних хозяек. Он стал Президентом Районной Академии Наук. В печати дали статью о слесаре-водопроводчике, который превзошел докторов технических наук, и о конюхе, который утер нос докторам гуманитарных наук. Стало ясно, что без преобразований дальнейшее движение ибанской науки вперед будет убыстряться не так быстро, как оно будет убыстряться после преобразований.

БЕЗОБРАЗНЫЙ СТИХ О ДОКТОРАХ

Кому -- красота. Выпадает судьба.
Города, Континенты. Дороги.
Ну а мне -- пустота. Ну а мне -- завсегда
В НИИ обивать пороги.
И в слякость, и в сушь. И в мороз, и в жару,
Пока я в могилу не слягу,
На всякую чушь штаны свои тру,
Наверх сочиняю бумагу.
Слов паутину бумажный паук
Годами плету я им, доктор наук.
Не раз я божился все это кончать,
Послать это к черту и к богу.
И спать я ложился с намереньем встать
И смело пуститься в дорогу.
Пустое волненье, по правде сказать,
Мне утром кажется странным:
Как можно дипломов штук пять потерять
И три языка иностранных?
Не зря же по горло наелся я мук,
Став доктором модных и нужных наук.
Семейство к тому же. Пара детей.
Им тоже лет двадцать учиться
И им тоже нужно с десятком статей
В каком-то НИИ очутиться.
К тому же отмерено раз навсегда
Паршивому антиллигенту:
В дорогу -- не велено, шиш -- города,
Под дых получай, континенты.
И чтоб ты не вздумал отбиться от рук,
Помалкивай, сукин сын, доктор наук.
Напрасно хлопочешь. Уйми свою страсть,
Ведь вас расплодилось безмерно.
Палкой захочешь в собаку попасть,
В доктора влепишь наверно.
Пора бы уж знать, есть порядок кругом.

Не суйся в чужую дорогу.
Осмелишься пикнуть о чем-то другом,
Останешься вмиг за порогом.
Хотя ты и доктор новейших наук,
На место твое таких несколько штук.

ЕДИНСТВО

Основная проблема нашей жизни, кричит Учитель, раскрепощение человека.

Да, да! Мы все рабы. Сверху донизу, все рабы. Посетители Павильона переглядываются. Недоумение вызывает не то, о чем говорит подвыпивший студент. Они сами говорят о вещах пострашнее. А то, что студент кричит об этом вслух, и никто его не забирает. Посетители поглядывают на дверь, откуда по идее должны были бы появиться привычные сотрудники в штатском. Но их нет. Рушится привычный строй жизни, и посетителей охватывает тревога и страх. Все это неспроста. Допустят, дадут проявиться, а потом ка-а-к долбанут! И с отчаяния они сами начинают кричать. И крики Учителя им кажутся детским лепетом не видавшего жизни мальчишки. В их криках слышатся страшные слова: взяли, карцер, донос, вышка, палач, кретины, мерзавцы, голод... Попробуй, перемени место работы, кричит Учитель. Или переехать из города в город. Достать номер в гостинице. Высказать несогласие. Поехать за границу... Да что ты мне толкуешь про этого долдона, кричит однорукий за соседним столиком Нашел героя! Знаю я его. С начала войны. Знаешь, сколько этот мерзавец тысяч людей угробил! Забавно, думает Крикун. Обо всем этом я знал и думал еще мальчишкой. Когда-то я считал это своей великой тайной. Теперь об этом говорят все. Я ушел вперед и открыл для себя бытовое закрепощение человека. Теперь это предмет пьяной болтовни. Мне наступают на пятки. Раз это известно многим, значит не в этом суть. Надо идти дальше. Я не буду говорить и делать то, что могут сказать и сделать другие без особого риска для себя.

Лучшее средство от облысения, говорит Супруга лысеющему Сослуживцу, не мыть вообще голову. Так вши же заведутся, говорит Сослуживец. Ерунда, говорит Супруга. Сейчас против вшей есть надежные средства. Человеческая голова сложилась в результате длительной биологической эволюции так, что должна быть грязной в нормальном состоянии. Кто его знает, думает Сослуживец. Может она права. Надо попробовать. Грязь вообще нормальна в нашей жизни. Это чистота есть уклонение от нормы. Когда чистота становится всеобщим явлением, это уже пахнет режимом. Чистота привлекательна только тогда, когда все кругом в грязи.

А я пацифист, говорит Кис, и меня ваши военные подвиги не интересуют. Лучше быть рядовым в мирное время, чем генералом во время войны! Кис выражается только афоризмами. Они зарождаются у него где-то очень глубоко, в районе бывшего аппендицита, и вылезают наружу, как глисты, неожиданно для него самого и окружающих. Каждый трус, говорит Сотрудник, есть естественный пацифист. Я придерживаюсь диаметрально противоположной точки зрения. На мой вкус лучше быть генералом в мирное время, чем рядовым во время войны.

Человек всегда закрепощен, говорит Супруга. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Я говорю не о свободе от общества, а о свободе в обществе, говорит Учитель. Не передергивай! Речь идет об элементарных правах человека, являющегося преемником... Мы преемники Хозяина и его жертв, ляпнул

сдуру Кис и от страха за возможные последствия наделал в штаны. Это серьезно, подумал Мальчик. Об этом надо сообщить.

Вот, гляди, кричит Однорукий. Я тебе нарисую. Видишь? Тут же младенцу все понятно! Что делать? Уходить! Куда? Верно! А я что говорил! Это младенцу понятно. А что делает твой военный гений? Неделю держит нас тут. Жрать нечего. Боеприпасы кончились. Зачем? Высшие соображения? Вздор! Просто не головой они думают, а жопой. Просто им насрать на людей. Забота о людях -- это вранье и демагогия. Насрать им на нас. И думают они все наоборот. Выпендриваются, ублюдки, друг перед другом. А мы плати за их идиотизм. Вот, взгляни, кругом! Каким же нужно быть дегенератом, чтобы построить такую красоту! Знаешь, во сколько обошлось нарисовать этих блядей? Три дома построить можно было! А эти колонны, зачем они? Да затем, чтобы столиков поменьше поставить. Чтобы проходить неудобно было. Чтобы официантки чертыхались. То-то! Со всем этим надо кончать. Не для того мы в Братию шли, чтобы всякие...

ЧАС ТРИНАДЦАТЫЙ

Жить в подвале стало невозможно. Крикун не помещался на сундуке между печкой и уборной и спал на полу. К тому же в армии он отвык от такой ужасающей грязи и вони. Поживи пока у меня, сказал Капитан. Научишься делать деньги -- будешь снимать. Или женись на квартире. За такого парня любая дочка министра пойдет. И они начали делать деньги. Сначала устроились разгружать вагоны. Деньги бригадир зажал. Вместо денег дал ящик яблок. Загоните, сказал, в три раза больше зашибете. На продажу яблок пришлось убить еще пару часов. И почти половину выручки пришлось отдать постовому. Заработанных денег еле хватило на обед. А на выпивку пришлось загнать гимнастерку Капитана. Невыгодная работа, сказал Капитан. На толкучке он успел кое-что заметить и предложил гениальный план. Надо скупать хлебные карточки и отоваривать, т.е. получать хлеб сразу за двадцать дней вперед. Для этого нужны справки об отпуске. А хлеб загонять. Смотри, что получается, подсчитал Капитан. Недурно, сказал Крикун. Жить можно. На другой день он за почти новые сапоги достал на факультете пачку бланков для отпускных свидетельств. Капитан насобачился делать печати. И дело пошло. Зарабатывали много. Но пропивали еще больше. Потом они попали в облаву, -- оказывается, таких умников расплодилось невероятно много. Еле выкрутились. Спас иконостас из орденов Крикуна. Так дальше не пойдет, сказал Крикун. Эту лавочку надо прикрыть. Пропадем ни за что. Я завязываю, Как хочешь, сказал Капитан. В общем, ты прав. У тебя перспективы. А я? У меня же даже десятилетки нет. Агентом в артель детской игрушки идти? Гроши. Предлагают старшим инженером в артель замков. Но там еще меньше платят. К тому же там жулик на жулике сидит. Им явно лопух нужен. Карточки, конечно, дешевка. Да скоро им вообще конец. Я тут встретил ребят. Предлагают крупное дело. Может рискнешь напоследок? Нет, сказал Крикун. Не для этого я ушел из армии. Ты ушел сам, сказал Капитан. А меня ушли. Я ничего другого, кроме войны, делать не умею. И не хочу. Буду воевать до конца. Прощай.

Больше они не виделись.

Один знакомый предложил Крикуну неплохую работу -- переводить техническую документацию для трофейных станков. Знакомый достает работу,

Крикун переводит, деньги пополам. Потом нашлась работа еще выгоднее. Те же переводы, но уже для печати или для внутреннего пользования. Условия те же. Но платили лучше. И денег стало больше. И он снял комнатушку на окраине города. Купил первый в жизни гражданский костюм, белую рубашку и галстук. И почувствовал себя счастливым. Теперь, сказал он себе, можно делать предложение. Но кому? Пока он осматривался, его выбрали самого. Однажды на вечере в Университете (тогда такие вечера устраивались чуть ли не каждую неделю) к нему подошла Она и сказала: дамский танец, я Вас приглашаю.

Я о тебе мечтала, говорила Она. Где ты пропадал? Почему пришел так поздно? Я замужем. У меня ребенок. Семью я не брошу. Не могу. И не хочу. Мне так удобно. А тебя я безумно люблю. Не хочу, чтобы на тебя заглядывались другие девочки. И ты не смей. Ты мой! Она приносила ему фотографии. Это я, говорила она. Смешная? Это в пятом классе. Это в десятом, на выпускном вечере. Это с папой. Твой отец военный, спросил он. Хуже, рассмеялась Она. И муж тоже. Он большая шишка. Будет еще больше. А это мы на море... Неужели мои мечты неосуществимы, потому что они о прошлом, думал он. Неужели весь я -- лишь тоска по идеализированному прошлому? Человек, говорят, есть лишь лишившаяся хвоста обезьяна. Может быть потеря чести, верности, надежности, совести, искренности, последовательности и прочих добродетелей, выдуманных литературой прошлого века, и есть прогресс? Чушь. Дело не в этом. У тебя тут идеальный порядок, говорит Она. За тобой кто-нибудь ухаживает? Неужели сам? Не может быть. Тут бывает кто-нибудь, кроме меня? Смотри! Я этого не потерплю. А что, говорит он, пожалуешься мужу? Или даже папе? Не шути так, говорит Она. С этим шутить нельзя.

МИСТИКА

Черт с ним, с прошлым, говорит Мазила. Давай думать о будущем. Будущее есть неотвратимая реальность. Перед будущим все бессильны. Чепуха, говорит Шизофреник. Люди бессильны только перед прошлым. На будущее надеяться бессмысленно. Оно бесперспективно. То, что обычно называют воплощением чаяний наших предков, вызвало бы дикий протест прежде всего со стороны самих чаятелей. Чаяния всегда воплощаются лишь как второстепенные детали какой-нибудь крупной мерзости. Надеяться можно только на прошлое. Его нельзя разрушить. Если ты был в прошлом, то ты будешь и в будущем. Но неверно обратное. Будущее есть зеркальное отображение прошлого. Жизнь идет на стыке прошлого и будущего. Неверно думать, будто она идет от прошлого к будущему. Она сразу идет и в прошлое и в будущее. Это допущение не более мистично, чем первое. Но твой стык прошлого и будущего перемещается во времени, говорит Мазила. Нет, говорит Шизофреник. Он сам есть время, а время не может перемещаться во времени. Это бессмыслица. Нет никаких критериев проверки суждений об этом. А появление новых имен в прошлом, говорит Мазила. Новые имена в прошлом появляются не на стыке, а в глубине, говорит Шизофреник. Как ты установишь, появились они или были? Прошлое характеризуется не понятием появления, а понятием бытия. В прошлом исчезают, но не появляются. К тому же у врат в прошлое проверяют документы и обыскивают. В этой галиматье есть что-то очень пластичное, говорит Мазила. Это не такая уж галиматья, говорит Шизофреник. Это законы языка, на котором мы думаем о судьбе. Тебя волнует проблема бессмертия, меня -- где бы зашибить полсотни. Потому ты настроен

грубо материалистически, а я -- утонченно идеалистически. Твоя проблема разрешима. Моя -- утопия. Привет!

МОЛИТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

К тебе обращаюся, боже, я.
Не корчь из себя глухого!
Пусть сбудется все хорошее,
За исключением плохого.
Должности дай претендующим,
Удесятери им зарплату,
Дай победу враждующим,
Привилегий всяких по блату.
Увесь их рожами улицы,
Награди их всех орденами.
Пусть в телевизор красуются,
Пусть властвуют. Но... не над нами.

Нам важно знать, говорит Сотрудник, кто автор такого рода сочинений. Фольклор, говорит Социолог. Определенного автора нет. Одни выдумывают первооснову. Другие дорабатывают и варьируют. Не думаю, говорит Сотрудник. Частично, может быть, и так. Но в основном потоке чувствуется единство стиля, темы и мировоззрения. Что ты скажешь насчет Крикуна? Крикун, удивляется Социолог. Вряд ли. Он же математик. Где ему! Скорее Сослуживец. Ты недооцениваешь Крикуна, говорит Сотрудник. Сослуживец отпадает. Он в ином духе. К тому же все его сочинения от первой до последней строчки у нас есть. У меня к тебе серьезная просьба. По поводу Крикуна... Ясно, говорит Социолог. Надо будет к этому делу подключить лингвистов. Семиотиков. Там талантливые ребята есть. Они в два счета установят... Вот и порядочек, говорит Сотрудник. Действуй. А насчет Англии не волнуйся. Задержка не из-за тебя лично. Мы это уладим быстренько. Пока, старик.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ибанские физики открыли новую элементарную частицу. Назвали ее в честь изма изматроном. Изматрон обладает удивительными свойствами, которые в корне меняют старые представления о материи, оставляя незыблемым ее философское понятие. Изматрон не имеет размеров, скорости, массы и заряда. Обнаружить его с помощью приборов было принципиально невозможно, и потому его пришлось открывать с помощью высшей формы познания -- теории изма. Физики открыли его ранее намеченного срока и с перевыполнением плана в два раза. Изматрон представляет собою единство противоположностей, все время переходит из количества в качество, одновременно находится и не находится в одном и том же месте, развивается от низшего к высшему путем отрицания отрицания по спирали и регулярно переходит на сторону пролетариата. Доктор философии Портян заявил, что об изматроне неоднократно писали классики. Изматрон так же неисчерпаем, как электрон. Западные физики, узнав об открытии ибанских коллег, сказали, твою мать, и сдохли от зависти. Посадили двух интеллигентов за хранение и распространение выпусков Срамиздата.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Любимец Органов и американцев Распашонка вернулся из Америки с десятью тринитротолуолхлорвенилпаралоновыми шубами и новыми стихами.

На пляже двое: черный -- белый.
По роже вижу: белый -- беглый.
Кишками чую: черны оба
И будут черными до гроба.
А я, прикрыв свой желтый зад,
Понял: не наш у них уклад.

В слове Понял ударение на букву Я. Сослуживец, завидовавший предсмертной славе Распашонки, заметил ехидно:

Сказал подонок Распашонка,
Чесая желтую мошонку.

Ибанские деятели культуры, сказал Неврастеник, превосходно решают чужие проблемы, в особенности такие, которые на Западе своими силами решать не хотят.

ПРОБЛЕМА САМОСОЖЖЕНИЯ

В Газете пишут, что некий никому не известный, но психически ненормальный гражданин сделал попытку поджечь себя, говорит Она. Подоспевшие милиционеры с группой дружинников мужественно бросились на горящего и потушили его. Злоумышленник доставлен в... В отделение милиции, говорит Он. И там его еще избили до полусмерти. Откуда это тебе известно, спрашивает Она. Это будет сообщено в ближайшем выпуске Срамиздата, говорит Он. Кто этот человек, спрашивает Она. Мальчик, говорит Он. Студент. Математик. Очень талантливый парень. Психически вполне здоровый. Может быть, сильно впечатлительный и болезненно честный и справедливый. А зачем, спрашивает Она. В знак протеста против нашей освободительной миссии, говорит Он. Бедный, говорит Она. Как он должно быть страдал. Это не больно, говорит Он. Вернее, ужасно больно первые секунды. Верхний слой кожи обгорит, и все. Я не об этом, говорит Она. Что с ним будет? Вылечат, говорит Он. Один глаз, правда, пропал. Другой под сомнением. Потом сгноят в сумасшедшем доме. Как же так, говорит Она. Надо меры принять... Надо, говорит Он. Удивительный все-таки мир. Бензин он достал у какого-то хапуги за бешеные деньги. Тот еще сострил что-то насчет самосожженцев. А бензин был разбавленный. Долго не загорался. У нас все разбавляют, говорит Она. Забавно, говорит Он. Много лет назад другой мальчик, тоже склонный к математике, придумал в шутку:

Бензина литров пять достать.
На площадь выйти.

Дальше забыл. Я этого не приемлю, говорит Она. Это изуверство. Как люди решаются на такое! Кто как, говорит Он. Значит, не могут иначе. Но не думай, что это легко. Решиться на это при всех обстоятельствах надо иметь большое неподдельное мужество. О боже, говорит Она, Как бы я хотела хоть чем-нибудь облегчить его муки. Для этого, говорит Он, тоже нужно мужество. Вспомнил:

Чиркнуть спичкою успеть.

Кошмар, говорит Она. Неужели он спичкой чиркнул? Не знаю, говорит Он. За эти годы произошла научно-техническая революция. Может быть, у него была

зажигалка.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО НАУКЕ

Для научных работников ввели новую более прогрессивную систему оплаты труда. По этой системе ученые стали получать зарплату в зависимости от количества баллов, начисляемых по единой шкале: директор института -- 500 баллов, заграничная командировка -- 450 баллов, донос -- 300 баллов, руководство сектором -- 100 баллов, докладная записка для вышестоящих инстанций -- 250 баллов, общественная работа -- 50 баллов, монография -- 3 балла, статья -- 1 балл, открытие -- 0, 5 балла и т.п. И уровень науки начал неуклонно повышаться. Самые талантливые и продуктивные ученые включились в борьбу за руководящие посты, разъехались по загранице, засели за пропагандистские статьи и доносы. Синхрофазотроны стали зарастать сорняками. Тех, кто не набирал достаточно большого числа баллов, сначала направили на уборку картошки, а потом уволили, ибо они бросали тень на здоровый коллектив.

ТЕАТР НА ИБАНКЕ

Огромной популярностью в этот период пользовался Театр на Ибанке. Полное его название -- Малый Неакадемический Полухудожественный Театр Правды и Комедии на Ибанке имени Органов и т.п. Сокращенно -- МНАПХТПИКНИИОБХС. Народ его называл просто Ибанкой. Он и сейчас в большом почете. А после того, как ибанское руководство, передушив всех неповинившихся и нераскаявшихся, решило показать всему миру, что в Ибанске никаких гонений на интеллектуалов нет, Театр, наряду с Художником, Распашонкой и столетним академиком, в юности дружившим с Исааком Ньютоном, выдвинулся в число ведущих явлений духовной жизни Ибанска на зависть БАПХТПИТЗИИБ... (Большому Академическому Полнохудожественному Театру Правды и Трагедии за Ибанкой имени Братии), Литератору и тремстам молодым академикам по физике, открывшим недавно изматрон. Но в то время его роль была качественно иной. Это был одновременно Якобыльский клуб, Кумвент и Винсовет интеллектуалистского движения Ибанска. Душой Театра был Режиссер, мозгом -- Брат, совестью -- Распашонка.

Первоначально, еще во времена Хозяина, Театр был самодеятельной студией при Органах, где допускалась значительно большая свобода творчества, чем в прочих учреждениях Ибанска. После того, как Хозяин сдох, а его Член выбросили из Пантеона и зарыли у стены как рядового главу государства, студию отобрали у Органов и превратили в Театр, несколько сократили свободу творчества, зато разрешили новаторство. И Театр с поразительной быстротой расцвел и стал центром духовной жизни левых интеллектуалов. Тесной связи с Органами театр не терял, ибо без их поддержки он не просуществовал бы и недели. Не выдержал бы нападок со стороны Министерства Культуры, Это нормально, говорила по сему поводу Супруга. Театр Шекспира был при короле. Театр Мольера был при короле. Ибанский балет зародился под покровительством Императора. Даже БАПХТПИ... возник под покровительством Шефа Жандармов. Святая истина, поддакивал Брат. Бомарше был стукач. Мильтон был стукач. Оскар Уайльд был педераст. Бернард Шоу был... Всякое великое искусство

нуждается в покровительстве со стороны сильных мира сего, сказал Распашонка. Разговор происходил в личной ложе Начальника Органов, от которой у Распашонки имелся собственный ключ.

Театр выдвинул и провел в жизнь два подлинно новаторских принципа. Первый принцип -- актеры и декорации в театре не играют никакой роли. Играет режиссер. Это -- театр режиссера, а не актера. Второй принцип -- содержание пьесы не играет роли. Все зависит от того, как ее прочитать. И читать нужно старые пьесы, но по-новому. Например, они по-новому прочитали Шекспира. Гамлет выглядел как засидевшийся в кандидатах физик-лирик, воображающий себя гением, но не способный написать даже статейку в реферативный журнал, и обвиняющий в этом ужасные порядки при дворе датского короля, напоминающие порядки в рядовом НИИ Ибанска. Сам Шекспир, в общем положительно отозвавшийся о спектакле, заявил, что ему такой Гамлет даже не снился.

Исследователи долго будут ломать голову над секретом необычайного успеха Ибанки. Но секрета нет. Или, как установил Болтун, секрет был, но не в Ибанке, а в Ибанске. Если бы не было Ибанки, ибанские интеллектуалы избрали бы какое-нибудь другое, столь же безопасное место для своих сборищ и переживаний.

А дело происходило так. Избирает Режиссер пьесу, разрешенную начальством и бичующую язвы капитализма. Прочитывает ее по-новому. Совместно с Братом, разумеется. И с участием Распашонки, любимца Органов и американцев. И вот -- спектакль. Зрителей битком. Половина -- иностранцы. Другая -- стукачи. Третья -- остальные. В кассе билеты купить невозможно, ибо они распределяются по посольствам и министерствам. В зал со сцены летят слова: Репрессии, Расстрел, Концлагерь. Палачи... А у кого репрессии? У нас, конечно. У кого расстрелы? У нас. Кто палачи? Наши. И зал разражается бурными аплодисментами. Все встают и с восторгом смотрят друг на друга и на сцену. Все чувствуют себя участниками великого дела. И идут по домам продолжать трепотню с таким видом, будто они только что были на баррикадах или, по крайней мере, заявили смелый протест. Видя такое дело, начальство просит выкинуть из пьесы намеки на некоторые явления ибанской жизни недавнего прошлого. Теперь пьеса, бичующая язвы капитализма, изображает его так, будто там ничего подобного нет. Смотрите, говорят теперь зрители. Репрессий-то у них нет! А у нас? Концлагерей-то у них нет! А у нас? И разражаются бурными аплодисментами. И идут по домам обсуждать те же проблемы. А кое-кто из зрителей обдумывает при этом, под каким соусом посадить Н, чтобы особого шума не было, кого из знакомых зрителей привлечь в качестве эксперта, а кого -- в качестве свидетеля.

Суть Ибанки, говорил Болтун, состоит в том, что в качестве декабристов начинают воображать тех, кто ставит разрешенную начальством пьесу о декабристах, предварительно обсудив постановку на братсобрании и заручившись одобрением высших идеологических инстанций. А зрители расценивают эту пьесу и свое участие в ее просмотре как участие в восстании. Это -- явление в рамках ибанской официальности, желающее, чтобы его воспринимали как нечто выходящее за эти рамки, но не желающее из-за этого страдать и лишаться благ жизни.

ЕДИНСТВО

Ты слышал, о чем трепался Однорукий, говорит Учитель. Я его понимаю. Я сам был в этом котле. Но он не прав. Дело тут не в глупости. Тут серьезнее. Проблема была действительно банальной. Но именно в этом и заключалась трудность ее решения. Ее решали сотни умов, а они не могли признать проблему банальной уже в силу того простого обстоятельства, что сотни умов не могут возиться с банальной проблемой. Если уж они с проблемой возятся, то она не банальна. И они ищут небанальное решение проблемы. А тут есть закон, я установил его и берусь со временем строго обосновать: небанальное решение банального вопроса есть ошибка. Взгляни с этой точки зрения на многочисленные акции нашего руководства во внешней и внутренней политике. Они производят впечатление невероятной тупости. Но это не тупость. Эти проблемы тщательно продумываются. Среди участников этого продумывания немало грамотных и умных людей. И все же такой эффект. Почему? Действует мой закон. Почему они не могут подойти к таким проблемам как к банальным? Это -- другой вопрос. Это социальный вопрос. Тут действуют уже социальные законы. В частности, социальная оценка проблемы как важной или не важной не совпадает с ее гносеологической оценкой как трудной или не трудной. Но в силу социальных отношений важная проблема оценивается и как гносеологически трудная. Она имеет высокий социальный ранг. И по ее чину ей положено определенное число решателей, причем -- решателей определенного ранга. А раз складывается группа решателей высокого ранга, проблема начинает рассматриваться как адекватная ей. Ошибка неизбежна как социальное явление. Вот в чем штука. Превосходная идея, говорит Крикун. Ерунда, говорит Сотрудник. Просто каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Я участвовал в этом бою, говорит Учитель. Тогда я, кстати сказать, был в штабе армии и вместе с другими офицерами предлагал банальное, но правильное решение. И чем это кончилось, спросил Сослуживец. Отчислили в часть на должность командира взвода, сказал Учитель.

ГОСУДАРСТВО

Известны различные способы воспроизводства власти, говорил Клеветник. Наследование по рождению, наследование по завещанию, узурпация, выборы и другие. Какова с этой точки зрения ибанская государственность? Хотя ее усиленно пытаются представить как выборную, она таковой, на самом деле, не является. Выборы здесь -- спектакль, маскирующий полное отсутствие фактической выборности. Поскольку суть спектакля всем известна, то они становятся одной из официально учрежденных и привычных форм ложного поведения. Что это за выборы, если избирателям навязывают заранее назначенного свыше человека, к тому же единственного. Суть дела не изменится, если будут назначать двух и более человек, предлагая выбрать из них одного. Все равно это будет насильно навязанная свыше кандидатура. Выборы здесь суть лишь демонстрация лояльности по отношению к невыборной самодовлеющей власти, фиктивны выборы и в случае выборов братийных органов. Хотя здесь порой и разгораются страсти, возникают конфликты, отводят намеченных кандидатов и выдвигают новых, это идет в рамках дозволенного свыше. В противном случае строптивым вправляют мозги. Тем более сами по себе избранные в органы власти лица никакой реальной властью не обладают. Властью обладают лишь вторично выбранные лица и органы. А уж их предустановленный

характер очевиден с самого начала. Второплановые работники аппарата власти не избираются даже по видимости. А начиная со второй ступени иерархии власти отбор в систему власти производится полностью независимо от рядовых граждан вообще и от членов Братии в том числе. Последние отбираются, но не отбирают сами, пока не добрались до ячеек в системе власти, позволяющих им принимать участие в отборе других.

Воспроизводство ибанской системы власти производится как чисто деловая замена отдельных клеточек стабильной ткани власти, сложившейся раз и навсегда. Сама власть здесь есть дело, главное дело, дело по преимуществу и в собственном смысле слова. Воспроизводство власти есть часть этого дела. Специальные профессионалы-властители решают, какие именно лица должны быть отобраны для тех или иных ячеек власти. То, что внутри отбирающей группы возможны различные мнения и конфликты, положения не меняет. Любая социальная группа, даже имеющая целью приведение мнений к единству и ликвидацию конфликтов, как социальное явление обретает все качества группы вообще, в том числе -- расколы и конфликты. Способом воспроизводства власти здесь так или иначе остается не выбор снизу, а отбор сверху, совершаемый как деловая операция.

Имеется иерархия отбора. Высшие ее ступени накладываются на социальную и хозяйственную иерархию так, что практически их разделить невозможно. Одни и те же лица, как правило, фигурируют в этих различных планах власти общества. Лишь сравнительно небольшая группа лиц в чистом виде выступает как власть. Но разделение можно произвести в абстракции, взяв за основу, например, способ назначения на должности. Ни один директор завода, института, магазина и т.п. не назначается без санкции братийных органов.

НЕПРАВОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как можно говорить о преступности целой системы власти и даже целого общества, говорит Она. Это же бессмыслица. Просто данное общество имеет такую-то систему права и морали. Нет, говорит Он. Концепция сменяемости систем права, которую ты только что изложила, есть лишь маскировка концепции бесправия. Есть общие основы всякого права. Если они нарушаются, то общество нельзя считать правовым. Вот некоторые общие принципы правого сознания. Все равны перед законом. Независимо от места в социальной иерархии. Если действие индивида не подлежит правовой оценке (а для этого имеется правовой кодекс), оно не может быть оценено как преступление, и индивид не подлежит суду. Судебное наказание не только заведомо невиновного, но вообще лица, не совершившего действий, подлежащих правовой оценке, есть преступление. Преступление не имеет никаких оправданий, Если преступление против одного индивида привело к благу даже миллионов людей, оно есть преступление и не оправдывается этим благом. Короче говоря, есть принципы, входящие в само определение терминов "право", "правовое сознание", "правовое общество" и т.п. Заметь, в них нет никакого конкретного содержания (например, не говорится, кого и за что наказывать и как). Они касаются лишь формального механизма его действия. Одно дело -- плохое или хорошее право в данном обществе. И другое дело -- есть или нет вообще какое-либо право. Нарушение принципов, входящих в самые определения права, правового сознания и т.п., означает, что эти термины просто неприменимы к данному обществу, Представь

себе, некто А совершил дело, которое не нравится властям и народу, но за которое нельзя привлекать к суду, ибо это дело не есть нарушение законов. Но какие-то органы власти привлекают А к суду и наказывают. Согласно кодексу данной страны все лица, сделавшие это в отношении А, преступники. Власти, прикрывающие их действия, -- соучастники преступления, т.е. тоже преступники. Народ, знающий, что А юридически невиновен и что власти поступили с ним не по закону, но не восстающий против действий властей, есть соучастник преступления. И тоже преступник. Так что логически мыслима ситуация, когда целый народ преступен по отношению к одному человеку. Это словесная казуистика, говорит Она. На такой казуистике держится вся правовая цивилизация. А если интересы народа..., говорит Она. Тогда правовой кодекс -- липа, говорит Он. Тогда общество не является правовым. Общество, провозглашающее в качестве официального принципа лозунг, согласно которому интересы народа в целом превыше интересов отдельного человека, есть общество неправовое. Только и всего.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Чтобы оценить прошедший период жизни Ибанска, говорит Учитель, надо посмотреть, что произойдет в будущем. Поскольку будущее не произошло, мы не можем допустить ошибок в суждениях о нем. Суждения о будущем безошибочны. Но, говорит Болтун, они и не истинны. Зато, говорит Учитель, в них криминала может быть больше, чем в суждениях о прошлом. Так что будем осторожны хотя бы в своих предположениях. Это невозможно, говорит Болтун. Все, что мы говорим о прошлом, говорится о будущем. А все, что мы говорим о будущем, говорится о настоящем.

ДУМЫ

Главное в ибанском обществе, думал Почвоед, есть Братия. Это -- аксиома. Не поняв это, не поймешь ничего. Братия здесь -- не только руководящая сила и власть. Она есть нечто значительно большее. В этом-то и состоит суть дела. Братия в Ибанске сама есть общество в обществе. Общество высшего ранга. Все внебратийное есть социальная среда Братии как самодовлеющего общества или общество низшего ранга. Мы ушли вперед от Запада именно потому, что создали общество в обществе, общество высшего ранга, сверхобщество. Естественно, общества высшего и низшего рангов должны жить по разным законам. А у нас их смешивают. И граждане должны делиться на две принципиально различные группы. Небратийные образуют резерв для братийных (дети), но не все. Даже сейчас можно заранее предсказать, какие дети со временем вступят в Братию.

А с годами" то станет еще определеннее. Так что деление граждан по рангам можно проводить, включая членов семей в ранг глав семей, Это факт. И от него никуда не денешься, факт социальный, а не биологический. Так что никакого расизма тут нет. Конечно, грани тут не абсолютны. Возможны переходы из общества одного ранга в другое. Но в целом и в главном уже теперь имеется явная стабильность. Очевидно также, что члены общества высшего ранга должны иметь привилегии сравнительно с членами общества низшего ранга и осуществлять власть над последним. Как над своей колонией. Надо продумать

правила жизни в каждом из этих обществ и их взаимоотношений доскональнейшим образом. И внедрить их так, чтобы все воспринимали эти правила как нечто совершенно естественное и неоспоримое. Без идеи превосходства одних людей над другими в масштабах целого общества жизнь теряет смысл и интересность. Почему люди не видят этого и не хотят признать как факт? Боятся? Чего боятся? Аналогий? Но сокрытие реальности и лицемерие со временем дадут гораздо худший эффект.

ПО ПОТРЕБНОСТЯМ

Лекции по философии читал сам Мудурак. Мудурак имел замечательную биографию, неоднократно описанную в его собственных воспоминаниях и воспоминаниях сослуживцев. В юности Мудурак лично встречался с классиками и даже сиживал у них на коленях. Один классик погладил Мудурака по голове. Другая классиха дала ему конфету, когда он открывал ворота классикам, возвращавшимся в Ибанск из-за границы на телеге. Еще один классик беседовал с толпой, в которую случайно затесался шаривший по чужим карманам Мудурак. Каждый год к юбилею каждого классика и каждой классихи Мудурак печатал свои яркие воспоминания очевидца. И каждый раз разные. Накопилось более десяти томов. И ученые уже начали ломать голову над тем, когда же классики разрабатывали учение и руководили борьбой, так как по тридцать часов в сутки они проводили время в обществе Мудурака. А так как таких, как Мудурак, в Ибанске были тысячи, то сомнений в сверхгениальности классиков не оставалось никаких.

И что самое поразительное, так это наличие неоспоримых документальных данных. Например, один из упомянутых выше классиков писал другому, что был намедни в гостях у М., и сидевший на коленях у него сын М. (кстати сказать, препротивный сопляк) обделал его так, что пришлось брюки (кстати сказать, еще дореволюционные, а не какие-нибудь теперешние) отдать в химчистку (кстати сказать, до сих пор не вернули). После этого классик написал две книги. Одну -- о том, как организовать химчистку, другую -- как правильно воспитывать детей в духе изма. Вторая легла в основу всего последующего.

Приключения Мудурака, говорил Учитель, это еще пустяки. Эту проблему еще можно решить теоретически без особых противоречий. Ты вот возьми все дома в Ибанске, в которых выступал тот или иной классик, и подсчитай, сколько нужно времени только на то, чтобы добраться от одного дома до другого, взобраться на трибуну, выкрикнуть лозунг, пожать пару рук, забежать в туалет, оторвать бумажку или, поскольку тогда был дефицит бумаги, поставить запятую и т.д. Вот тут, братец, ты убедишься в том, что Эйнштейн был глубоко неправ, считал скорость света максимальной.

После героической юности Мудурак стал ответственным работником. За из ряда вон выходящую природную тупость и малограмотность его сняли. Но как человека проверенного и преданного, его не расстреляли, как остальных, а назначили начальником свинофермы. Как и всякий кретин, Мудурак мыслил большими масштабами. Он вознамерился превратить в образцовый свинарник будущего всю область. За пару лет он довел дело до такого цветущего состояния, что во всей округе стало невозможно сыскать даже драную кошку. Зато повсюду висели портреты Хозяина, а все полки были заставлены его сочинениями. Чтобы избавиться от Мудурака, местное начальство направило его

в Институт Передовой Профессуры. Когда Мудурак прибыл в ИПП, туда как раз в это время пришел с сохой за плечами Секретарь и предавший свой класс и перешедший для этой цели на сторону пролетариата Троглодит. Мудурак окончил ИПП с отличием. За участие во всех погромах получил боевой орден и стал одним из ведущих теоретиков Ибанска. Даже Троглодит считал Мудурака круглым дураком и как-то в кругу своих единомышленников сказал, что Мудурак раньше среди свиней разводил философию, а теперь среди философов разводит свинство. И предложил выдвинуть его на Премию и затем в Академию.

Прочитав лекцию о высшей стадии, Мудурак стал уговаривать аудиторию задать ему какой-нибудь вопросик. Чего вы боитесь, говорил он. Я же вас не съем. Вот Вы говорите, что будет всем по потребностям, сказал Учитель просто так, для развлечения. А разве это справедливо? Например, Кис -- паразит, хапуга и бездарь, а Шизофреник -- работяга, нетребователен в быту и талантлив. А по потребностям Кис сто очков вперед даст Шизофренику. Как с этим быть? Всего будет вволю, сказал Мудурак. А за порядком мы следить будем. Кто это, мы, спросил Учитель, Самые сознательные члены общества, сказал Мудурак. А если вас не послушают, не унимался Учитель. Заставим, сказал Мудурак.

Зря ты с ним связался, сказал Крикун. Надоело, сказал Учитель. Порют всякую дребедень и требуют, чтобы мы считали ее величайшим продуктом человеческой мысли за всю ее историю. И хотят, чтобы мы живо интересовались этим. Но они правы, сказал Крикун. Людей можно накормить, одеть. Дать им жилье. Развлечения. Но это ничего не решает. Неравенство все равно останется. И привилегии. Они вынуждены заставлять. И заставят. Власть везде и во всем, -- вот суть высшей стадии.

ЧАС ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Была и у Него семья, была жена. Была дочь. Мелькнула и исчезла, не оставив в душе никакого следа. Надо было учиться. И деньги зарабатывать. И жене надо было работать. Домработницей для вас я не буду, заявила она. Девочку пришлось отдать в ясли. Устроили по большому блату. Начались болезни. Бюллетени. Ссоры. С меня хватит, сказала жена. Свою жизнь из-за вас я гробить не хочу. И отвезла девочку к матери. Когда Он узнал, что у жены есть любовники, Он тяжело переживал. Но не из ревности, а по каким-то другим линиям, непонятным даже таким людям, как Учитель. Проблема надежности человека, удивился Учитель. Э, брат, куда тебя занесло. С этим давным-давно покончено в масштабах всего общества. А что касается этой потаскухи, кончать с ней надо. Ты мещанин, говорила жена. Какая же красивая женщина не имеет в наше время любовников! И рассказала ему затасканный анекдот про женщину, которая идет, подняв голову, потому что имеет любовника, опустив голову, потому что имеет любовника, и вообще, если женщина имеет голову, то она имеет любовника. Он смотрел на нее и чувствовал полное бессилие перед миром, с которым вступил в единоборство. Органы -- ерунда, думал Он. Форпост, не более того. Пробившись через них, сталкиваешься с главными силами армии. А они несокрушимы. Они -- это твои близкие. И ты сам. Неужели ты безгрешен, спросила она. Ты уникум. Или дурак. Скорее всего последнее. С твоей башкой такие деньги можно было бы зарабатывать! И они разошлись. И Он решил, что современная семья с ее легкостью по отношению к супружеской неверности и

независимостью личной жизни супругов ему не подходит вообще. Больше никаких экспериментов такого рода, решил Он. Лучше одному. Одному не легче. Но честнее. Я с тобой не согласен, говорил Учитель. Твоя семья, сказал Он, редкое исключение, а не норма.

ЯЗЫК ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В старину ибанские интеллектуалы обращались Друг к другу со словами: дорогой, милый, уважаемый, спасибо, извольте, будьте добры и т.п. Современные интеллектуалы и в этом отношении продвинулись далеко вперед. Они теперь обращаются друг к Другу со словами: старик, старый, подонок, говнюк, пошел на..., вонючка, мудак, засранец, пошел в жопу и т.п. Один обнаглевший интеллектуал, перешедший улицу в знак протеста в неположенном месте, назвал стариком даже милиционера. Тот хотел было отпустить нарушителя на волю, взяв с него трешку, но услышав слово старик, понял, с кем имеет дело, и доставил интеллектуала в участок, где ему влепили за сопротивление, посадили на десять суток и прислали на работу бумагу, в коей черным по белому было написано, что он в пьяном виде хулиганил в общественном месте. В это время как раз началась всеибанская кампания против пьянства. Хотя интеллектуал вообще не пил и на работе об этом все знали, его уволили. Его статью о гиперсуперэнтробруттонеттофазовом квазипространстве в полумертвых языках тут же выкинули из сборника, который должен был выйти в свет. Поскольку интеллектуал бросил тень и наложил пятно на здоровый коллектив, создали комиссию по проверке идейно-политического воспитания молодежи. Комиссия выявила недостатки. Были приняты меры, оздоровившие обстановку.

Но интеллектуалы урока не извлекли. Вот, к примеру, встретились два типичных интеллектуала А и В. Привет, старик, говорит А. Что же ты, вонючка, не позвонила? Не могла, говорит В. Пришел этот говнюк С. И полоскал мне мозги весь вечер. Этот засранец написал неплохую статью о новых левых. Кстати, ты не можешь достать пару билетов на Ибанку? Ты что, рехнулась, говорит А. Неужели ты эту мразь смотреть хочешь? Не мне, говорит В. Я пока еще в своем уме. Итальянцы знакомые приехали. Пошли их в жопу, говорит А. Не могу, говорит В. Эти мудаки собираются переводить мою книжку. Кстати, звонила Д. Просила долг вернуть. Ей на путевку нужно. Во Францию, стерва, едет. За какие заслуги, спрашивает А. Переспала с этим подонком Е, говорит В. Устраиваются же, сволочи, говорит А. Увидишь -- скажи ей, пусть идет на...

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Будущее общества, говорит Учитель, это -- полный изм. Как выяснить расстановку сил в обществе по отношению к полному изму? Очень просто. Надо взять такие возможные признаки индивидов: 1) Верит, что полный изм построить можно, причем -- не только в отдельной изолированной стране при наличии враждебного окружения (это -- довольно легкая проблема), но даже в условиях отсутствия такого окружения (что неизмеримо труднее); 2) Верит, что это невозможно; 3) Не верит, что это возможно; 4) Не верит, что это невозможно; 5) Кричит, что это возможно; б) Кричит, что это невозможно; 7) Кричит, что верит в то, что это будет; 8) Кричит, что не верит в то, что... И так

перечисляются все возможные отношения индивидов к идее полного изма. Затем рассматриваются всевозможные их комбинации. Логически противоречивые исключаются. Непротиворечивые рассматриваются с точки зрения таких социальных параметров, как степень безопасности, прибыльности, карьеристичности и т.д. И высчитываются степени вероятности. Я проделал это чисто теоретически и получил следующий результат. Наивысшую степень вероятности для дружественных полному ибанизму сил имеет такая комбинация: 1) Искренне не верят в то, что полный изм можно построить, и рады этому; 2) Кричат о том, что они искренне верят в то, что полный изм обязательно будет построен; 3) В глубине души побаиваются, что вдруг (чем черт не шутит!) он построится сам собой. Наивысшую степень вероятности для враждебных сил имеет такая комбинация: 1) Искренне верят в то, что полный изм можно построить, и панически боятся этого; 2) Кричат о том, что они искренне не верят в то, что полный изм будет построен; 3) В глубине души надеются, что авось сорвется и человечество обойдется без полного изма. Если полный изм и будет построен, сказал Крикун, то только благодаря тому, что он имел противников. Но твои расчеты не имеют никакой ценности по той простой причине, что полный изм будет не построен, а объявлен. Для этого варианта, сказал Учитель, теорию построить нельзя, ибо он субъективен.

ПРИНЦИП НАСИЛИЯ

Насилие ради насилия, говорит Неврастеник. Насилие как принцип. Если есть возможность осуществить насилие, они предпочитают насиловать даже в том случае, если это во вред государству и дискредитирует их самих. Они не насилуют только тогда, когда не имеют возможности для этого, в частности -- когда на них давит превосходящая их сила. Насилие настолько органически присуще их природе, что они никогда не воспринимают его как насилие. Они воспринимают как вопиющую несправедливость по отношению к себе, если жертвы их насилия оказывают сопротивление или ускользают каким-то образом из их лап. Это надо принять как аксиому и не создавать никаких иллюзий. Насилие есть функция, насильно навязываемая им условиями их существования, а не злой умысел. Они не могут не насиловать, если бы даже вдруг захотели перестать быть насильниками, ибо свое нежелание насиловать они могут реализовать только в форме насилия, изменив лишь форму и сферу приложения функции насилия.

ДИСКУССИЯ О РОЛИ ТЕОРИИ

Теорией пренебрегать не надо, говорит Учитель. Вот, я расскажу тебе одну историю. Война была уже в разгаре. Нас перебрасывали с востока на запад, на фронт. И застрял как-то наш эшелон на разъезде в голой степи. До ближайшего населенного пункта минимум сто километров. И всего один домик -- будка стрелочника. И вот обнаруживается, что стрелочник -- женщина. Какая? Это не имеет значения. Когда женщина одна на тысячу мужчин, роли не играет, красива она или нет, молода или нет. Она просто Женщина. Представляешь, что начало твориться в эшелоне! Тысяча здоровых молодых людей, больше года вообще не видавших женщину даже издали. А что если принять участие в этой лотерее, говорю я соседу по нарам. Хотя ты парень вроде бы ничего, говорит

сосед, но шансы твои практически равны нулю. Он произвел расчет, и действительно, шансы мои теоретически оказались исчезающе малой величиной. Твои расчеты, говорю я, сами по себе безукоризненны. Но ты исходил при этом из ошибочной теории нашего эшелона. В частности, ты допускал, что вся тысяча человек жаждет провести время с этой женщиной. Но практически это не так. Я, исходя из эмпирических наблюдений, допускаю, что три четверти состава эшелона предпочтут дрыхнуть, а не сражаться за весьма сомнительную возможность провести ночь в обществе женщины. Учти, подавляющее большинство здесь -- мальчики, никогда в жизни не пробовавшие бабу. Так? Сосед согласился. Затем мы перебрали еще кое-какие пункты и установили, что претендовать на стрелочницу будет не более десяти человек. Как потом выяснилось, мой теоретический результат блестяще подтвердился; таких оказалось всего пять человек. Причем, все далеко не красавцы и бабники. Но это уже другой вопрос. Вот ты высчитывал коэффициент социальной активности населения Ибанска. Получилась довольно значительная величина. Но мне кажется, что ты исходил из ошибочных теоретических предпосылок. Расчет можно произвести на другой теоретической основе, а именно -- приняв такие допущения. Социально активны только члены Братии. К тому же не все. Братия сама есть социальный организм, в котором фактически активную часть можно выделить твоим методом. Попробуй, посчитай теперь. Получается то же самое, говорит Крикун. Дело в том, что выделенные таким методом социально активные индивиды рассеяны в теле общества, потому приходится брать поправку на расстояния, что сводит на нет весь предыдущий выигрыш. А чем кончилась твоя история? Я теоретически вывел, сказал Учитель, что победит в этой ситуации самый терпеливый и находчивый. Взял шинель и, не дожидаясь вечера, отправился в будку. Даже ужин пожертвовал соседу. Тебе чего, спросила стрелочница, когда я пришел. Начальство приказало, говорю. Ну, коли начальство приказало, оставайся, говорит. И я остался. До полуночи мы о чем-то болтали. Потом я лег на скамейку и уснул. Никаких попыток я, конечно, не предпринимал. Она была для меня в некотором роде решающим экспериментом, подтверждающим мою теорию. Под утро она меня разбудила, и я, схватив шинель, на глазах у всего эшелона помчался в свой вагон. Взбешенный командир роты (он был одним из претендентов) влепил мне губу на полную железку за самоволку. Так я и ехал до самого фронта на губе. Патом пошли города. Баб было навалом, и все особо желающие разговелись. А я сидел. Это не теория, говорит Крикун. Теория рациональна, а твой ход иррационален. Его не учтешь никакой теорией. Ну и что, говорит Учитель. Разве нельзя придумать нечто аналогичное в отношении целого общества? Давай в конце концов выясним с полной определенностью, чего мы хотим. Определенность в таких делах есть самая грубая ошибка, говорит Крикун. Здесь нужно нечто крайне иррациональное, не выводимое ни в какой теории. А это исключает как определенность исходных предпосылок, так и определенность целей. Нужна принципиальная неясность и неопределенность. И я, кажется, нашел кое-что. Надеюсь, это не секрет, спросил Учитель. Конечно, нет, сказал Крикун. Я нашел одно из самых больных мест этого общества. И в это больное место надо бить, бить и бить, не заботясь о последствиях и о будущем. Это -- больное место панический страх гласности. Нужна гласность. Любой ценой. В любой форме и прежде всего во вне. Мир должен знать, что мы такое.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАПАДА

Вернувшись из Франции, Распашонка реализовал чемодан духов и дамского белья и затем на месяц уехал в санаторий по путевке Органов отдохнуть и подвести итоги своих впечатлений. Итоги вылились в поэме, смысл которой был выражен в безобразном стихе, приписываемом Певцу:

Погодите, доберемся и до вас.
Жизнь счастливую построим без прикрас,
Пережитков буржуазных вас лишим,
Не понравится -- тому башка кишим.
Потерпите, обязательно придем
И с собою идеалы принесем,
И научим вас, как следовает жить,
Не захочется -- заставим полюбить.
Не надейтесь, мы обратно не уйдем,
Не оставим вас с буржуями вдвоем,
Не позволим наших братьев угнетать.
Нашу нефть у них безденежно качать.

ЧАС ПЯТНАДЦАТЫЙ

Все-таки какие-то меры они вынуждены принимать, говорит Она. У нас заменяют самых отъявленных мерзавцев. Причем, на либералов и сравнительно порядочных. Погоди, говорит Он. Эти порядочные еще покажут себя. Нельзя так, говорит Она. Жизнь многопланова. В каких-то отношениях улучшения все же происходят. Происходят, говорит Он. Но общая атмосфера остается. Бессмысленно за полярным кругом искать очаги субтропиков. На днях на самом высшем уровне обсуждали Журнал Теоретических Проблем Ночных Горшков и Иконостасов. ЖТПНГИИ. Нашли идеологическую ошибку в освещении обычая ковырять в носу и почесывать задницу. Редактора сняли. И знаешь, кого назначили? Не может быть, говорит Она. Это же чудовище! Почему же, говорит Он. Это -- улучшение. Ходит слух, будто..., говорит Она. Неужели это правда? Правда, говорит Он. Что же теперь будет, говорит Она. Улучшения, говорит Он. Кто он, спрашивает Она. Странный вопрос, говорит Он. Конечно, сумасшедший. Интересно, как об этом сообщат, говорит Она. Это ведь не скроешь. Не скроешь, говорит Он. Ибанская история утратила невинность и из области бюрократической фантазии перешла в область шизофренической реальности. Смешно! Все древние формы протеста воспроизводятся. Но как! Возьми террор. Раньше бомбы кидали в открытые коляски. Прошло сто лет. Наука и техника сделали невероятные успехи. И что же? По бронированным машинам бабахают чуть ли не из рогаток. Представляю, съезд революционеров соберется. И какие же проблемы обсуждать будут? Где достать ведра для бензина и хороший бензин, чтобы с одной спички загорался. Как усовершенствовать резинку для рогатки. Резинки из женских трусиков, конечно, хороши. Но уже не удовлетворяют. Как сочетать слово божие с квантовой механикой для чудом уцелевших безграмотных старух. Ничего смешного в этом нет, говорит Она. Ты вульгарно понимаешь религию. Послушал бы хотя бы раз... Слушал, говорит Он. И не раз. Я их всех лично знаю. Они сами по себе вульгарны. Это не от хорошей жизни идет. Успех? Лекции Мыслителя о психоанализе тоже имеют успех, а шарлатаном он от этого

не перестает быть. Так что же ты предлагаешь, спрашивает Она. Ясность говорит Он. Беспощадную прозаическую ясность. А не извращения. Патологические средства дают патологический результат.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Для теории социальных систем безразлично, сложилась та или иная система естественно или была изобретена искусственно. В применении к обществу такое различение вообще бессмысленно. Когда особенности ибанского общества усматривают в том, что оно придумано искусственно, то говорят чепуху. Если даже некоторое общество строят по плану одного человека, в качестве строительного материала и исполнителей привлекается большое количество людей. И это обстоятельство имеет неизбежным следствием то, что вступают в силу социальные законы. По этим законам рано или поздно, скрыто или явно начинают жить участники реализации замысла. Они начинают образовывать группы, бороться за власть и привилегии и т.п. Когда идею искусственности ибанского общества начинают истолковывать как непомерную бюрократизацию, систему запретов, насильное навязывание идеологии и т.п., то упускают из виду простую и уже очевидную истину: все это суть не отклонения от норм этого общества, а его законные продукты, его реальное бытие, его подлинная натура.

ЕДИНСТВО

Сидим мы тут все вроде бы вместе, говорит Посетитель, да живем-то мы все по-разному. В разных мирах. Вот Вы, молодой человек, еще не заработали в жизни своим трудом ни копейки, а уже имеете квартиру и можете за один вечер потратить в ресторане столько, сколько мне хватает на еду на целый месяц. А я -- бывший боевой офицер. Семь орденов. Четыре ранения. С четырнадцати лет хлеб себе сам зарабатывал. А живу в сыром подвале. Восемь метров комнатушка на троих. А мне какое дело до твоих боевых и трудовых подвигов, говорит Сотрудник. Не валял бы дурака -- стал бы генералом. А Вам известно, в чем заключалось мое валяние дурака, спрашивает Посетитель. Не обижай старика, говорит Супруга. Поживи с его, может не так запоешь. А я что, говорит Сотрудник. Только мне надоели бесконечные нравоучения. Нельзя квартиру иметь? Нельзя в ресторан ходить? Я Вас не упрекаю и нравоучений Вам не читаю, говорит Посетитель. Я просто использую образную форму для изложения общей мысли. И в чем же состоит эта твоя общая мысль, спросил Сотрудник с презрением и превосходством. Не финти, говорит Крикун. Ты сам прекрасно понимаешь, о чем идет речь. Тут мы собутыльники. В лучшем случае -- соученики. А за дверями Павильона мы социальные индивиды, устраивающие свои делишки. Тут ты свой в доску парень. А там ты активист. Карьерист, точнее говоря. И хапуга, добавил Учитель. Ну-ну, говорит Сотрудник, вы полегче. А что, спрашивает Учитель, устроишь погромчик вроде того, что учинили Двурушнику? Так мне лично насрать и на тебя, и твои погромчики, я твоих вдохновителей, и твоих помощников. Ребята, умоляет Супруга, перестаньте. Что вы ссоритесь из-за пустяков. Мы же все свои. Есть проблемы поважнее. Мне что, говорит Сотрудник. Я добрый. Ты, старик, лучше расскажи, как ты ухитряешься жить на такие гроши. Мне лично этого не хватило бы даже на

папиросы. Я к такому нищенскому образу жизни не привык и привыкать не намерен. Это прекрасно, говорит Посетитель. Не привыкайте ни в коем случае. Это -- специфически ибанская ненормальность. Я ее не предлагаю в качестве нормы. Но раз уж она неизбежна, к ней надо приспособиться. У меня есть свои теория. Изобрел я ее еще тогда, когда меня первый раз посадили. За что, посадили, спросил Учитель. Это не имеет значения, говорит Сотрудник. Конечно же, ни за что. Их всех ни за что сажали. Не всех, говорит Посетитель. Меня посадили за дело. Написал письмо Хозяину о безобразиях в части. Оказалось -- клевета. И устав нарушил. А в чем заключается Ваша теория, спросил Крикун. Хотя бы в двух словах. Извольте, сказал Посетитель. Есть шкала всех жизненных процессов. У нее есть нижний предел и верхний предел. И есть определенные корреляции. Кажется, например, что если мало ешь, то надо больше спать и бездельничать. Это ошибка. Разумеется, если питание не ниже минимальной нормы. Если ниже этой нормы, то человек перестает быть человеком. Я бы даже закон такой ввел: человек, которого насильно кормят ниже минимума, имеет право на любое преступление против начальства. А кто будет следить за соблюдением таких правовых норм, спросил Сотрудник. Не перебивай, сказал Учитель. Это литература, и не в ней суть дела. Продолжайте, то, что Вы говорите, крайне интересно для меня. Так вот, сказал Посетитель, я отыскал...

ГОСУДАРСТВО

Такой способ воспроизводства власти, говорил Клеветник, вполне отвечает ее природе. Эта власть выражает и реализует не политические отношения, а другие социальные отношения -- отношения господства и подчинения. Это -- не политическая власть, а власть-насилие. И больше ничего. И она не имеет никаких других основ. Это самодовлеющая власть, не имеющая никаких посредников, надстроек, пристроек и т.п. Здесь не власть существует для общества, а общество допускается лишь в той мере, в какой оно нужно и достаточно для воспроизводства, функционирования и идеалов власти. Здесь общество есть лишь питательная среда и арена спектакля власти. По этой причине ибанская система власти не исполняет функций интеллекта общества. Эти функции ей чужды. Если ей и приходится иметь с ними дело, то лишь как с неизбежным злом или средством во взаимной борьбе за власть и ее удержание. Эта власть антиинтеллектуальна. Вся интеллектуальная деятельность лиц, участвующих во власти, уходит на то, чтобы занять более выгодную позицию. Она здесь есть элемент чисто социального поведения в определенной сфере общественной жизни, а не элемент политики как профессиональной формы деятельности. Здесь нет профессиональных политиков. Есть профессиональные карьеристы. Эта власть антиполитична.

РЕАЛЬНОЕ И ИЛЛЮЗОРНОЕ

Я охотно готов признать, что концепция Правдеца политически прогрессивна, морально искренна и т.п., говорит Неврастеник. Но с научной точки зрения она так же несостоятельна, как и официальная точка зрения. Возьмем, к примеру, историю взаимоотношений Хозяина и Демагога. Факты вроде бы таковы. Хозяин выдвинул свой план. План ерундовый. Вопрос этот тогда был

второстепенным, и Демагог не захотел из-за этого поднимать шум. С точки зрения более важных в то время проблем это было тактически правильно. И Демагог поступил так. В общем он одобрил план Хозяина и высказал несколько критических замечаний. Эти замечания фактически означали полный разгром плана Хозяина и предлагали принципиально иное решение. Всем это было очевидно. И очевидным казалось, что принятие замечаний Демагога усиливало его позиции и ослабляло позиции Хозяина. В кулуарах все так и оценили ситуацию. О Демагоге говорили, что он -- голова, настоящий государственный ум. О Хозяине говорили, что он -- мелочный безграмотный интриган. Они понимали все, но не понимали самого главного: того, что они жили в новую эпоху, в обществе нового типа. А в этом обществе реальную силу имеет только то, что официально входит в протокол. Кулуарные идеи, какими бы верными и мудрыми они ни были, официально не существуют. Значит не существуют вообще. Или существуют ложно. Иллюзорно. Официально-то все одобрили план Хозяина. Официально обсуждался план Хозяина, а не Демагога. Демагог сделал лишь несколько замечаний. Причем, в протокол вошло лишь одно замечание Демагога как его замечание, т.е. персонифицированно. Да и то не в его пользу, как выяснилось на другой же день. Итак, Хозяин присвоил себе план Демагога. Правдец прав. Но это не кража, не плагиат. Это явление не подлежит юридической и нравственной оценке. Все происходило на глазах у всех. Никто не протестовал. Боялись? Нет. Хозяин тогда не был так силен. Он только еще начинался. К тому же все были довольны, что привязали это дело к имени Хозяина. Это были грязные пустяки, которым тогда не придавали большого значения. И от них помимо всего прочего сильно отдавало авантюрой. А если бы план прошел официально как план Демагога, это не изменило бы положения. Он проигрывал по другим параметрам, и история с этим планом так или иначе, в любом исполнении обернулась бы против него. Но нас здесь интересует другое.

Что произошло дальше? Хозяин принял план Демагога. Но как? Он начал критиковать цифры, которые привел Демагог для иллюстрации сути идей. В такой крупной политике нет мелочей. Если уж вылезаешь с идеей, изволь все взвесить заранее. Или молчи. Его никто за язык не тянул. Сам вылез. Хозяин заявил, что Демагог занижает размеры капиталовложений и увеличивает сроки, тем самым сдерживая наши реальные возможности. Что делает Демагог и компания? Кричат о том, что надо знать меру, учитывать реальные возможности, делать скидку на очковтирательство и волокиту и т.п. Эти кретины воображали, что на самом деле решают какие-то реальные проблемы страны. Они не понимали, что речь идет о лозунгах, а не об инструкциях для дела. Лозунги имеют иные законы, нежели инструкции для дела. Они пытались держаться в рамках политики, апеллирующей к интересам дела. Вернее, их туда вытолкнули. Хозяин вел свою игру по правилам лозунгов. И потому имел неоспоримые преимущества в демагогии. И он ловко использовал ситуацию в свою пользу. Демагог и его соратники, которые тут же его продали, стали выглядеть как противники своего же собственного плана. Хозяин со своей железной логикой во всеуслышание делает вытекающие из такой позиции выводы. Раз они против, значит, за отсталость. Кому выгодна наша отсталость? Буржуям. Значит, позиция Демагога объективно на руку буржуям. Значит, он за поражение и реставрацию. И пустяковый вопрос вдруг неожиданно для всех вылезает в центр внимания. Почему? Кто этого хотел? Никто. Дело просто в том, что реально в руководстве шла борьба за власть и за места в системе власти. И какой бы вопрос не

обсуждался, это главное дело происходящего должно было вылезти наружу. Более того, шла борьба за сами основы и формы власти. С одной стороны была зародившаяся и укрепляющаяся система власти, вырастающая из самих основ общества ибанского типа, т.е. система социальной власти. С другой стороны были обрывки несложившейся и не имеющей реальных основ в социальном строе общества политической или, скорее, политикоподобной власти. Попадание же отдельных лиц в тот или иной лагерь было делом случая, их индивидуальной судьбы. В частности, Демагог оказался главой второго лагеря только потому, что место главаря первого лагеря оказалось занятым. А так, по личным качествам это был мерзавец ничуть не лучше Хозяина.

В этой истории есть еще один план, который надо принимать во внимание обязательно. Народ был в общем доволен тем, что Хозяин всыпал Демагогу и спас народ от реставрации. Лучшей формы агитации для ибанского народа того периода не придумаешь. Правдец прав, в пропагандистском освещении все дело было представлено так, будто шла реальная борьба за судьбы страны. А на самом деле, якобы, была всего-навсего коварная линия поведения нечестного жесткого человека в борьбе за личную власть. Но дело-то в том, что в самой реальной жизни страны шла борьба за дальнейший способ жизни. И очень серьезная. Решающая. Только фронт этой борьбы проходил не тут. И шла она между другими силами общества. Проследить линию фронта этой борьбы невозможно. Она проходила через души людей, через семьи, через города и деревни... Во многих планах и сечениях. Это не линия. Это -- состояние. Борьба состояний. Борьба Хозяина с Демагогом не была специально выдумана для этого. Она шла в другом разрезе. Но она приняла такую форму не случайно, а как отражение общей ситуации в стране. В силу правил борьбы за власть Демагог вынуждался хоть в чем-нибудь занять позицию, отличную от Хозяина. И что бы он ни думал и ни говорил, он невольно выталкивался на роль главаря одной из враждующих тенденций в жизни страны. И это не выдумка. Если бы даже все это специально выдумали Хозяин и его приспешники, это стало реальностью. Иначе карта Демагога не была бы бита.

Я никого не оправдываю. Но отдавать себе отчет в реальном положении дел невредно. Ошибочно изображать жизнь Ибанска так, будто банда злодеев, узурпировавшая власть, издевается над мирными людьми, нарушая нормы морали и права. Никакой узурпации власти не было. Это чушь. Просто сложилось общество, к которому бессмысленно подходить с точки зрения права и морали. И власть, выраставшая естественным образом по законам этого общества, укрепляла себя, являла свою мощь, убеждалась в том, что она власть, справляла свой триумф. Здесь разыгралась драма, анализ которой предполагает совсем иную систему понятий и оценок, чем у Правдеца. Начальство должно благодарить судьбу за то, что она послала ему именно такого противника. Он надолго отвлек внимание заинтересованной части человечества в сторону от более глубоких проблем нашей жизни. Ты прав, сказал Болтун. Но если применить твою концепцию к самому Правдецу, то получим следующее. Не играет роли, о чем он кричит. Важно, насколько громко он кричит и кто его слышит, Кричит он на весь мир. И слышали его все. А это уже нечто. А насчет науки -- это пустяки. Наплевать на науку. Ее ведь может и не быть совсем.

АНЕКДОТ

Но главным явлением духовной жизни ибанского общества этого периода стал анекдот. Причем, анекдот запрещенный и наказуемый. Анекдоты и классифицировались соответствующими специалистами с обеих сторон по срокам, которые были положены за них. В основе анекдота лежал принцип, передаваемый следующим анекдотом. Каждый десятый англичанин гибнет в море, но это не мешает им быть страстными яхтсменами. Каждый пятый американец гибнет в автомобильной катастрофе, но это не мешает им быть страстными автомобилистами. Каждый третий француз гибнет от любви, но это не мешает им быть страстными любовниками. Каждый второй ибанец стукач, но это не мешает ибанцам быть страстными любителями антиибанского анекдота. Анекдоты рождались в невероятных количествах на такие темы, которые, казалось, в принципе неподвластны анекдоту и смеху вообще. Но самое поразительное в этой эпидемии анекдотов заключалось в том, что в анекдотах не было ничего анекдотичного. Они просто в краткой афористичной и образной форме пересказывали то, что регулярно наблюдали ибанцы в своей повседневной жизни. Один ибанец спрашивает другого, например, почему исчезли из продажи шапки из ондатры. Потому, отвечает другой, что ондатры размножаются в арифметической прогрессии, а номенклатурные работники -- в геометрической. Кроме того, давно не производился отстрел начальства. И это -- не анекдот, а чистая правда. Или спрашивает один ибанец другого, сколько человек погибло в недавней железнодорожной катастрофе. Пятьдесят человек, ответил ибанец. А, говорит первый, значит по-старому пятьсот. Дело происходило вскоре после денежной реформы, по которой денежные знаки заменили в пропорции десять к одному. Интересно, что в катастрофе действительно погибло около пятисот человек.

Расцвет анекдота относится к самой либеральной части прошедшего периода. Анекдот, каким бы критичным он ни был, предполагает некоторую долю оптимизма. Как только оптимистические иллюзии сменились сознанием неизбежности мрачных перспектив, анекдоты исчезли без всякого вмешательства Органов. Сами собой. Ибанский анекдот -- трагедия, но с примесью комедии. Трагедия же, лишенная комизма, -- неподходящая почва для анекдота.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Как ни рыпайся, сказал Почвоед, а изм рано или поздно победит во всем мире, причем -- навечно. Мы не учитываем целый ряд факторов, работающих в его пользу с неотвратимой силой. Каких? Например, грандиозное усложнение производства. Оно ведет, в конечном счете, к установлению режима военно-бюрократического типа в главной сфере общества -- в производстве. Потом -- климат. Да, представь себе, климат. Он становится все более суровым. А что это означает в итоге? Ограничение свободы передвижения. Направление мыслей в бытовую сферу. Строгое регламентирование всего, что ранее было даровым продуктом природы. Ну, а если проблема космических полетов станет близкой практической перспективой, то отпадут даже сомнения. Аргументы сильные, признаю, сказал Учитель. Но разберем их по отдельности. Дисциплина и организация производства? Но это к изму не имеет никакого отношения. Это идет по другой линии, враждебной сути изма. Усложнение производства -- вещь серьезная. Но это -- реальная надежда ограничения изма, а не его бесконтрольного буйства. Из основ изма вырастает тенденция к застою

производства и превращения его в арену чисто социальной драмы. Ты высоко сидишь. Неужели тебе неведомо это? Ведомо, сказал Почвоед. Да еще как. Но мы против этого боремся. Боретесь, сказал Учитель. Согласен. Но мы говорим о другом. Что означает эта борьба -- за изм или против него? За него, сказал Почвоед, но путем его ограничения, если принять твою позицию. Это не меняет дела. Меняет, говорит Учитель. То, что ты называешь измом, есть нечто иное сравнительно с тем, что я называю измом. Давай договоримся хотя бы о словах, если уж мы не можем договориться о позиции. Для тебя изм -- государственная рациональная организация жизни общества. Так? Так. Для меня -- тип общества, вырастающий при условии господства социальных принципов, реально действующих в массе людей, какую бы рациональную организацию мы ни навязывали обществу. При этом сама эта организация будет существовать по этим социальным законам. Одно дело -- идея государственной организации жизни, другое -- ее реальное воплощение. Твоя концепция есть пустая абстракция, хотя и кажется, что ты исходишь из сверхубедительных фактов, факты твои грандиозны, не спорю. Но они не социальны. Пойдем дальше. Климат. Космические полеты, факторы серьезные. Но в чем? Ухудшение климата заметным образом на жизни людей скажется через несколько столетий. А космические полеты станут жизненно неизбежными (заметь, я говорю не о полезности, а о жизненной необходимости) и того позже. А под этим соусом уже сейчас определенные силы общества обделывают свои делишки. По принципу: через сто лет температура понизится, а они тут Срамиздат незаконно издают! Ликвидировать мерзавцев! Они мешают нам в космос лететь! А между тем, если думать о космосе и о похолодании, то именно эти мерзавцы работают в этом направлении, а не их душители. Для этого надо дело делать как следует!! Дело!! А изм... Мне трудно с тобой спорить, говорит Почвоед. Я чувствую, что в чем-то ты прав. Но чувствую, что и я в чем-то прав. Не будешь же ты отрицать, что страна есть огромный хозяйственный механизм. И чтобы он существовал и развивался, нужно... Мы должны для этого...

Почвоед долго излагал, что именно мы должны и что именно нужно. Учитель сидел, тоскливо уставившись на гигантский портрет Заведующего. Наконец, ему надоело. Ты популярно излагаешь передовицы из Газет, сказал Учитель. Благодарю, так как я давно их не читаю. Занимаюсь умственной гигиеной. И тебе советую. Помогает. Забрось газеты на месяц, потом вдруг взгляни, и у тебя глаза на лоб полезут от удивления, как ты мог эту муть читать ранее. Мы не пойдем друг друга потому, что ты подходишь к делу как государственный человек, а я -- как ученый. Ты говоришь, надо, должно и т.п. Но долженствование не есть эмпирический факт. Наука не может исходить из идеи долженствования. Эта идея бюрократическая. Это принцип власти, а не науки. Наука исходит из того, что так или иначе существует огромное скопление людей и сложный механизм их хозяйственной жизни. И выясняет, что вытекает из этого реального факта. Изм вырастает как реальность из этой реальной основы, а не из представлений государственного чиновника, -- пусть честного, доброго, умного, -- о том, какой должна быть организация жизни.

ЧАС ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Однажды после крупного перепоя Болтун затащил его на лекцию Клеветника, где Болтун рассчитывал занять пятерку у Двурушника на опохмелиться.

Двурушник по слухам получил приличный гонорар за что-то, так что деньги у него, наверняка, были. Во всяком случае, сказал Болтун, он в доску расшибется, а деньги достанет. Двурушник носился по коридорам в поисках свободной аудитории. Потом, сказал он. И Крикун вынужден был остаться слушать по идее невыносимо скучную трепотню о каких-то законах общества, в котором царствовало полное беззаконие. Слушателей было совсем мало. Пара глуповатых и некрасивых девочек, недовольных (судя по прыщам на носу) существующими порядками. А этот тип -- явный стукач. По роже видно. Попадись такому в лапы -- все кости переломает. Когда все расселись, предполагаемый стукач оказался самим Клеветником. Ого, подумал Крикун, весь твой прошлый опыт испаряется с молниеносной быстротой. За ненадобностью. Ненадобностью? Вряд ли. Он еще потребуется. Да еще как! Стукачом на самом деле был симпатичный мальчик с лицом утонченного интеллигента в пятом поколении. Сидел один аспирант, который аккуратно записывал лекции Клеветника и делал из них свою прогрессивную диссертацию. Конечно, без ссылок на первоисточник. Сидел другой аспирант, который также слушал внимательно, ибо готовил обстоятельный донос по поручению свыше. Два-три неопределенных парня. Наконец, Двурушник -- ближайший ученик Клеветника, и какие-то неопределенные личности с испуганными глазами. Неужели это серьезно, думал Крикун. Неужели из этого что-то выйдет? Как мало нужно, чтобы любое важное дело низвести до уровня пустяка! Не дай аудитории. Не заплати деньги. Отмени зачет. Подошли пару тупиц и пару стукачей. И даже гений будет выглядеть как кустарь-самоучка.

Хотя либерализм был в разгаре, на лекции Клеветника ходить опасались. Он был слишком одиозной фигурой. К тому же считалось, что лекции он читает плохо. И судя по тому, что он игнорировал изм, он в нем не разбирался вообще. А вне изма нет истины. В этом были убеждены даже самые крайние прогрессивные элементы Ибанска. Иное дело -- Супруга. Какая эрудиция! Классиков шпарит назубок. Какое глубокое понимание изма! Не то, что Секретарь или Троглодит. А о Мудураке и говорить нечего. Какие смелые ссылки на западных авторов! Как смело он призывает не отвергать их с порога, а критиковать их путем глубокого творческого анализа, находя те зародыши истины, которые они исказили! И не все у них ошибочно. Есть кое-что заслуживающее внимания. Не на пустом же месте они вырастают, а на здоровом древе познания. Они паразитируют за счет правильных истин, которые можно понять только с позиций изма. И главное. Супруга призывает творчески мыслить. И на лекции Супруги народ валом валит.

Когда Клеветник заговорил, Крикун впервые в жизни пожалел, что не знал этого человека ранее и не слушал его лекции с самого начала.

Если в какой-либо области культуры, сказал Клеветник, ее представители начинают беспокоиться о ее чистоте, это есть верный признак того, что в этой области дело не чисто. Ее представители боятся разоблачения.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Системный подход целесообразен тогда, когда приходится иметь дело с взаимодействием большого числа переменных факторов, для которых невозможно или слишком хлопотно проследить точными методами результат их совокупного действия и установить какие-то общие правила для этого. И эффективен он лишь

в случае массовых явлений, когда требуется прогнозировать общие тенденции и более или менее вероятные события. А еще уже сфера эффективности системного подхода ограничивается следующим способом.

Линия поведения социальных индивидов есть некоторое множество упорядоченных в пространстве и времени социальных поступков. Она характеризуется такими показателями: 1) цель; 2) стратегия; 3) тактика. Стратегия устанавливает множество поступков, благодаря которым может быть достигнута цель. Тактика устанавливает способы осуществления поступков, их последовательность и комбинации, т.е. способ реализации стратегии. Например, А поставил себе целью спихнуть В с занимаемой должности и занять его место. Стратегию он избирает такую: дискредитировать В как морально неустойчивого человека. Тактику избирает такую: напоить В в такой момент, когда это может увидеть начальство, подсунуть ему женщину так, чтобы об этом заговорили сослуживцы. Я знаю случай, когда один человек специально нанял красивую женщину с венерической болезнью, напоил своего друга-начальника и оставил его на ночь у себя в квартире с этой женщиной. И этот человек мне сам рассказывал про этот случай, считая его одной из своих удачных хохм. Он был веселый человек и хороший семьянин. И, разумеется, хороший член Братии. Так вот, системный подход эффективен для стратегии поведения, т.е. не в случае отдельного поступка, а для отбора и комбинирования поступков как элементов стратегии. Он дает ориентацию поведения с учетом типа системы, с которой приходится иметь дело. Интересно, что почти все карьеристы интуитивно стремятся к системному подходу, но, как правило, они им не владеют. Их выручает только то, что их конкуренты находятся в том же положении.

ПОЛИТИКА

Тема политики, говорит Клеветник, есть самая скользкая и запутанная тема разговоров на социальные темы. Попробуйте внести в нее публичную ясность, и вы увидите, с какой враждебностью вашу попытку встретят все говорильщики в этой области. Прогрессисты встретят даже с большей враждебностью, чем консерваторы. Они больше консерваторов боятся ясности именно в вопросах политики, ибо ясность в этом обнаруживает их трусость и бесперспективность.

Считается, что политика есть вопрос о власти. Это верно. Но не всегда вопрос о власти есть политика. Когда власть хотят взять и пытаются это сделать, вопрос о власти есть вопрос политический. Но если власть взята и упрочена, то в обществе ибанского типа вопрос о власти уже не есть вопрос политический. К тому же политика не сводится к вопросу о власти, хотя и тяготеет к нему в одной из своих тенденций.

Слово Политика употребляется в двух различных смыслах, -- для характеристики линии поведения индивидов и особого типа их социальных отношений. В первом случае о людях говорят: он придерживается, проводит и т.п. такую-то политику. Линия поведения социального индивида (включая группы индивидов вплоть до целых стран) есть совокупность поступков, совершаемая им для достижения определенной цели. Индивиды при этом руководствуются какими-то принципами. Последние разделяются на фактические и официально декларируемые. Полного совпадения тут нет, что общеизвестно. То, что называют беспринципностью, есть фактический принцип, согласно которому можно

декларировать любые официальные принципы в зависимости от обстоятельств. Сказанное относится к любым формам поведения любых социальных индивидов. В том числе -- к поведению, реализующему особый тип социальных отношений, называемый политическими отношениями. Иногда политикой называют лишь эту форму поведения индивидов, т.е. их поведение в политических отношениях.

Мы уже видели, что отношения между социальными индивидами разделяются на отношения господства-подчинения и отношения сотрудничества (соподчинения). Политические отношения суть третий тип социальных отношений. Они имеют место между индивидами, которые не находятся в отношении господства-подчинения и в отношения соподчинения одному и тому же индивиду, т.е. между социально независимыми индивидами. Таким образом, политические отношения начинаются со стремления к независимости и кончаются с ее уничтожением. Борьба индивидов за социальную независимость сама по себе еще не есть политика. Это -- борьба за то, чтобы индивиды могли вступать в отношения на уровне политики, т.е. борьба за условия и за возможность политической жизни. Так что борьба оппозиционеров в ибанских условиях за элементарные демократические свободы еще не есть политическая борьба, а их преступления не являются политическими преступлениями. Это есть борьба против власти. Это суть уголовные преступления. Ибанское государство во внутренней жизни не есть политический индивид, ибо ему внутри не противостоит никакой независимый от него другой индивид. Ничего нет удивительного в том, что государство рассматривает деятельность оппозиции вообще как уголовное преступление наряду с воровством, бандитизмом, спекуляцией и т.п. Отсюда настойчивое стремление представить оппозиционеров как аморальных личностей, как спекулянтов, мошенников, валютчиков и т.п. Это властям приходит в голову само собой, не в результате размышлений, а в силу самой природы общества и власти. И оппозиции также. И Братия в Ибанске также не есть политическая организация. Если бы случилось так, что хозяйственные органы обрели независимость от братийных, то могла бы для них сложиться политическая ситуация при условии их общей независимости от государства или срастания государства с одним из них.

Короче говоря, индивид А вступает в политическое отношение с индивидом В с точки зрения цели С, если и только если А и В независимы (суверенны) с точки зрения реализации С, и А не может не считаться с В Действия, предпринимаемые при этом индивидом А в отношении индивида В суть политические действия. Это может быть сговор или конфликт.

Возникают ли в ибанском обществе ситуации, позволяющие говорить о политических отношениях и политических действиях? Разумеется. Вам известны случаи, когда множество лиц, образующих фактическую власть общества, распадается на сравнительно независимые группы. И в рамках их разногласий и независимости они функционируют как политические силы и совершают политические акции. Возможны даже случаи, когда в политическое отношение вступают государство, с одной стороны, и отдельный человек, с другой стороны. Но для этого человек должен занять такое прочное положение в мире, чтобы его не раздавили здесь, как клопа. Но в целом политические отношения не характерны Для ибанского общества. Это -- общество, в принципе исключающее политические отношения и стремящееся их не допускать вообще. Это общество неполитическое. И не в том смысле, что оно не дозрело или не доросло до допущения свободы политических отношений, а в том смысле, что

политические отношения здесь чужеродный элемент.

Общество, в котором политические отношения являются привычными формами жизни и существенным образом влияют на всю картину социальной жизни, дает более высокий тип социальности. Общество, в котором политические отношения становятся господствующими в системе социальных отношений, есть общество политическое. Ибанское общество являет собою минимум политичности, стремящийся к нулю. Установление его, будучи прогрессом во многих отношениях, было регрессом с точки зрения уровня социальной организации.

Отсутствие надобности и навыков в политическом поведении ведет к тому, что даже в тех случаях, когда требуется политическое поведение, его место занимают неполитические формы поведения. Складывается целая система ложнополитических действий и личностей.

ЕДИНСТВО

После того, как Посетитель изложил свою теорию, Сотрудник рассказал анекдот. Принимают одного хмыря в Братию. Пьешь, спрашивают. Пью, отвечает. Куришь? Курю. По бабам бегаешь? Бегаю. По ресторанам шатаешься? Шатаюсь. Бросить придется, говорят. Бросишь? Брошу. А жизнь за родину отдашь? Конечно, отдам. А что ты так легко на это соглашаешься? А на что мне она после этого? Прекрасный ты человек, старик, сказал Сотрудник Посетителю, а в жизни ни черта не смыслишь. Ну как, братцы, добавим еще поллитровочку и по шашлычку?

У каждого своя система жизни, сказал Учитель. Система Посетителя прекрасна, но она предполагает необычайно высокие душевные качества, которыми располагают единицы. У меня своя система -- система наивыгоднейших жизненных циклов. Она, как и у Посетителя, имеет также опытную основу. Не столь богатую, конечно. И не столь драматичную. Рангом ниже. Нет, даже двумя или тремя рангами ниже. Но зато более широкого употребления. Когда я попал в армию, привели нас в столовую. Дали кастрюлю баланды на восьмерых. Разлили. Поболтал я ложкой в миске и вылил обратно. Моему примеру последовали остальные. Ох, что тут завертелось! Бунт, ни много ни мало. По молодости и необразованности нас простили. Только меня как зачинщика вызвал Особняк и сказал, что меня будут взвешивать каждый день. Если начну худеть, дадут удвоенное питание. Если буду поправляться, посадят на губу. И началось моя бесперспективная борьба с природой. Я почти перестал жрать. Хлеб раздавал ребятам, и стал потому всеобщим любимцем. И что же? Через месяц прибавил три килограмма. На губе еще кило добавил. Они тебя обжулили, сказал Сотрудник. Нет, сказал Учитель. Дело не в этом. Сейчас вот я сижу по десять часов в сутки, ем за целый взвод, а похудел уже на четыре кило за полгода. Дело, уважаемые, в циклах питания. Я изучил этот вопрос досконально и вывел неопровержимые формулы. Циклы питания бывают полусуточные, суточные, недельные, месячные и т.п. Даже полугодовые и годовые. Цикл, которого придерживается огромная масса населения и который всячески рекомендует медицина и пропаганда, имеет чисто социальный смысл. Это закрепощающий цикл. Человек этим циклом приковывается к местам питания, контролируемым государством, -- к дому, столовым, магазинам и т.п. По моим расчетам, степень социальной свободы индивида обратно пропорциональна продолжительности цикла. Я лично живу по трехмесячному циклу. Внутри цикла я

допускаю любое беспорядочное питание. Но в целом должна иметь место некоторая регулярность. Например, количество белков, жиров, углеводов и т.п. каждые три месяца должно быть примерно одинаково. И так во всем остальном есть свои циклы. В общениях с женщинами. В гигиене. В работе. В отдыхе. Даже в духовной жизни. Циклы имеют свои естественные минимумы и максимумы. Например, минимум цикла питания определяется скоростью переваривания пищи, максимум -- скоростью исчезновения энергетических излишков из организма в случае минимально нормального питания. Минимум духовного цикла определяется нижним порогом творческой новизны, максимум -- верхним порогом консерватизма.

Что касается меня, сказал Распашонка, я предпочитаю цикл, меняющийся в зависимости от обстоятельств. Ты поэт, сказал Учитель. А поэты не имеют своих самостоятельных циклов. Они живут по циклу тех, за чей счет они жрут. Распашонка обиделся и использовал это как повод уйти, не оставив свою долю денег.

ТОСКА ПО ЧУЖБИНЕ

Чужбина-кручина.
И чья в том вина,
Раз мнится далекая сказка-страна;
И как же случилося, Родина-мать,
Расстаться с тобою я должен мечтать.
Отчизна-чужбина. И чья в том беда,
Раз мысль о чужбине пришла навсегда.
И как же сложилась судьбы моей нить,
Хоть час на чужбине мечтаю пожить.

ИБАНИЗМ

Ибанизм, который часто для краткости называют также измом, есть теоретическая основа социзма. Поэтому ибанизм называют также социзмом. Ибанизм есть наивысшее, наифундаментальнейшее, наиглубочайшее, всеобъемлющее, всесильное, неопровержимое, подкрепленное всем ходом прошлого развития человечества и подтверждаемое всем ходом будущего развития человечества учение об обществе, такова незыблемая догма ибанского общества. Когда Правдец заявил, что ибанизм навязан ибанскому народу силой и мешает ему жить, он совершил грубую ошибку. Ибанский народ навязал себе ибанизм добровольно и жить без него уже не в состоянии. Он ему освещает путь. Нет ни одной общественной проблемы, которую нельзя было бы решить с помощью ибанизма исчерпывающим и единственно правильным образом. Более того, если кто-то попытается решать эти проблемы вне ибанизма, то заранее обрекает себя на грубейшие ошибки, полное непонимание, злостное искажение и прочие тяжкие преступления. Самое слабое из них -- лазейка идеализму. Более сильное -- уступка идеализму. Еще более сильное -- объятия идеализма. И кончается это грехопадение тем, что согрешивший внутренней логикой борьбы приводится к откровенному прислужничеству империализму.

При Хозяине этой догме следовали неукоснительно. Все специалисты по общественным наукам отбирались по особому призыву из числа наиболее

проверенных и преданных ибанцев. В их обязанность входило не иметь самим ни малейшего представления ни о какой западной социологии и не допускать, чтобы кто-то ухитрился узнать о ней что-либо незаконными путями. Например, путем чтения книжек, имеющихся в библиотеках, но не рекомендуемых начальством. Да и что еще за социология может быть, кроме ибанизма? Ибанизм -- вот социология в подлинном смысле слова! Все остальное -- ошибки и извращения. Их надо громить. Но громить можно было только тех западных социологов, которых громили сами классики ибанизма. И громить их следовало только так, как громили сами классики. Тут была целая наука погрома, Чуть не догромил, упустил какую-то сторону, не проявил должной боевитости -- и пиши пропало. Одного ведущего ибанолога расстреляли только за то, что он употребил выражение С МОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Другого, еще более ведущего засадили на десять лет в лагеря, где он загнулся через полгода, за то, что он, разгромив первого, забыл привести одну из обязательных цитат классиков, которая тут была не к месту, но которая всплыла в замутненном сознании Хозяина в тот самый момент, когда третий ведущий ибанолог доносил на второго. Зато ибанизм сохранялся в полнейшей чистоте.

Вся западная литература по социологии находилась в закрытом фонде, буквально за железной дверью. Доступ к ней разрешался только по особым разрешениям. Но эти предосторожности, как выяснилось впоследствии, были излишни. Если бы ее и разрешили, она осталась бы непрочитанной и уж во всяком случае непонятой хотя бы в силу незнания иностранных языков и жуткой безграмотности. Редкие экземпляры обществоведов, знавшие иностранные языки и смысл некоторых терминов западной социологии, служили в Органах или подыскивали цитаты ведущим ибанологам и высоким руководителям для очередных погромов.

Но если бы всех специалистов по общественным наукам обучили иностранным языкам, заставили бы читать заграничные книжки, и даже научили бы кое-что понимать, положение существенным образом не изменилось. Эта истина обнаружила себя в период Растерянности, когда даже в области общественных наук начались некоторые послабления. Именно в этот период, а не в эпоху Хозяина, когда послаблений не было, выяснилось, что идеологическая монолитность ибанского общества вырастает изнутри и даже независимо от насилий. В эпоху Хозяина власти боялись, что если чуть-чуть распустить вожжи, то ибанизм рухнет. Они сами не верили в его всепобеждающую силу и правоту. Они сами считали его продуктом насилия и навязывания извне, ибо исторически он, действительно, был занесен в Ибанск извне. Период растерянности обнаружил, что он сохранился бы и без насилия и вырос бы без занесения извне. Ибо он есть продукт собственной жизнедеятельности этого общества.

О ВЛАСТИ

Надо различать, говорит Клеветник, власть политическую и неполитическую. Первая вырастает из политических отношений. Она выборна и сменяема. Она предполагает оппозицию и гласность. Она находится под контролем общественного мнения и открытой критики. Политическая власть не исчерпывает всей власти общества. Она, например, невозможна без назначаемой администрации, референтов, советников и т.п. Она не обязательно есть

доминирующая власть общества. Примеры обществ, в которых она была и есть на вторых и третьих ролях, общеизвестны. Если она существует, она может взять на себя различные функции власти. Главная ее изначальная роль -- укрепление и охрана правовой ситуации в стране. Она возникает вместе с правовыми отношениями и правовой формой поведения социальных индивидов. Она немыслима без социального права.

В ибанском обществе нет политической власти. Есть лишь неполитическая власть, подделывающаяся под политическую. Зачем нужна эта подделка? Она, во-первых, есть продукт истории, в которой эта форма власти рождалась как политическая власть. Во-вторых, она оказалась удобным средством идеологической обработки населения. В-третьих, ибанским властям на международной арене приходится иметь дело с политическими властями других стран, и она при этом хочет выглядеть полноправным партнером. Уберите страны с политической властью или сведите их до такого состояния, когда Ибанск может с ними не считаться, как слетит весь политический камуфляж с ибанской власти. И теоретики будут расписывать свою форму власти как высшую. Политика здесь действительно отмирает. Но это не есть высшая форма в социальном прогрессе. Наоборот, здесь общество в социальном отношении опускается рангом ниже.

Забавное зрелище представляют с этой точки зрения встречи на высшем уровне, когда встречаются главы политической власти Запада и неполитической власти Ибанска. Первый не всесилен, ограничен, критикуем. Но он имеет власть в деле, о котором говорит. Если он выходит за эти рамки, он выходит за политические рамки. Очевидно, это -- под влиянием дурного примера собеседника. Второй всесилен, не ограничен, стоит вне критики. Но он не имеет никакой реальной власти в деле, о котором говорит. Это кажется странным и неправдоподобным, но это факт. Что бы ни происходило в правящей группе, он в данной встрече выступает как представитель и глава этой правящей группы. И его власть определяется не правовыми нормами и общей правовой ситуацией в стране, которых нет, а исключительно социальными отношениями внутри группы и положением группы в системе социальных отношений общества. А что это значит, об этом уже говорилось. Первому можно доверять, ибо обман ослабляет его собственное положение и положение его братии. Второму нельзя доверять, ибо он безответственен по своей сути. Его судьба зависит не от этого. Или зависит мало. Она идет в ином разрезе бытия. Здесь соотношение несколько напоминает соотношение эффективно работающей, но ограниченной научной теории и широковещательной идеологической конструкции, претендующей объяснить все на свете наилучшим образом. У них нет и не может быть деловых точек соприкосновения. Есть одна только видимость. Конечно, кое о чем договориться можно. Но это не влияет на принципиальное соотношение сторон.

ЕДИНСТВО

Виски, спросил Почвоед. Коньяк? Вот, рекомендую, настоящий французский. Ого, сказал Учитель. Да ты неплохо устроился. Научи-ка меня, своего бывшего батальонного командира, как заполучить нечто подобное. Не паясничай, командир, сказал Почвоед. Организуйте нам бутерброды, кофе и вообще что-нибудь посущественнее, сказал он появившейся секретарше. Давненько мы не

видались. Говорят, какие-то сногсшибательные открытия делаешь? Только на мой взгляд зря все это. Ничего ты так не добьешься. Не с того конца начинаешь. Наука об управлении? Я ведь не из этих, ты меня знаешь. Конечно, никакого идеализма метафизики там нет. Но рановато у нас об этом говорить пока. К этому делу надо подойти политически... Да брось ты демагогию разводить, говорит Учитель. Это я слышал десятки раз. Я к тебе пришел как к старому фронтовому приятелю. Можешь помочь -- помоги. Не можешь -- так и скажи. Не надо юлить. Дело пустяковое. Ничего политического и идеологического в нашем сборнике нет. Одного твоего звонка достаточно. Он же уже сверстан. Вот и плохо, что ничего идеологического нет, говорит Почвоед. Что вам стоит добавить одну статейку и связать ваши штучки-дрючки с измом? И в каждой статье пару слов добавьте. Сошлитесь на классиков... Да это же еще хуже, говорит Учитель. Нас тогда с потрохами сожрут как ревизионистов. Чего ты боишься? Пойми, через год-два об этом у нас на каждом перекрестке трезвонить будут. Люди на этом наживаться будут. Карьеру делать будут. Рискни! Ты меня знаешь, говорит Почвоед. Я не трус. И риска я не боюсь. И в данном случае риска особого для меня нет. Дело не в этом... Давай, оставим этот бесплодный разговор. Выпьем лучше. Этот час я не принимаю, сказал он секретарше. Совещание.

Мы плохо еще знаем человеческую натуру, говорит Почвоед. А ты, командир, нисколько не меняешься. Коньяк глушишь стаканами. Наука только теперь начинает добираться до глубин человеческого существа. Я уверен, что полный и настоящий изм наступит только тогда, когда мы научимся, как следует, управлять человеческой натурой. А сейчас разве это изм? Каждый гоношит обмануть, урвать, наябедничать, подложить свинью, свалить на другого... Я, брат, отсюда такого насмотрелся, что тебе и во сне не приснится. Полный и подлинный изм уже был, говорит Учитель. При Хозяине. И скоро опять вернется. Сейчас вы слегка растерялись и пустились в душеспасительные разговорчики. Но лет через пять вы опять всех зажмете. Это и будет подлинный изм. И никакого другого нет, дорогой мой комиссар. Твой призыв познать человека -- чушь. Ложная проблема. Это говорю тебе я -- ученый, а не бесшабашный батальонный, которого надо было выручать из скандальных историй. Что такое человек? Комбинация конечного числа признаков. Вычисли степень вероятности той или иной комбинации -- получишь степень вероятности того или иного типа человека. Чем иначе ты объяснишь то, что в учреждениях одного типа примерно один и тот же процент подхалимов, карьеристов, стукачей, новаторов, правдоборцев, маразматиков и т.п.? Почему чем выше ранг учреждения, тем выше процент карьеристов и хапуг и тем ниже процент умных и талантливых сотрудников? Почему колебания в упомянутых величинах удивительным образом совпадают с различиями в типах и рангах учреждений? Какое это имеет отношение к некоей непознанной человеческой натуре? Миф это. Сказки для идиотов. Возможность для тысяч проходимцев наживать степени, звания, чины. Средний человек есть возможность всего, что угодно. Конкретный человек есть лишь единица в математически ожидаемом распределении людей по группам. И не думай, будто люди занимают положения в этих группах сообразно своей натуре. Эту гипотезу еще можно было бы обсудить, если бы людей однажды построили и предложили добровольно занять места в обществе, причем -- каждый мог бы занять место, какое он хочет. Поверь мне, тогда не было бы секретарш, а ты был бы одним из трехсот

миллионов глав государства. Ты и меня подсчитал в своей теории, спросил Почвоед, Конечно, сказал Учитель. Обычно такую чушь, какую тут говорил ты, порют круглые дураки и подонки. А ты умен. И безусловно честный человек. Потому ты редкий экземпляр. В среднем один на министерство. Но именно по этой причине ты скоро не будешь министром.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Полный изм, как известно, был объявлен при Заведуне XVIII. Объявлен он был навечно. И никаких сомнений тут быть не может. Речь может идти только о степени полноты изложения исторической правды. Но во избежание ненужных, чисто словесных споров уточним, что мы понимаем под полным измом. Полный ибанизм есть общественный строй, обладающий следующими признаками. Здесь нет и быть не может никаких серьезных недостатков. Если здесь и бывают недостатки, то они мелкие и быстро устраняются. Здесь зато имеют место достоинства. В большом количестве. Большие и малые. Причем, больших больше, чем малых. Но малых еще больше. Здесь все хорошее достигает неслыханного до сих пор расцвета. Производство материальных и духовных ценностей. Сознательность. Нравственность. Государство, политика, право, мораль и прочие надстройки отмирают, но путем такого мощного предварительного укрепления, что... В общем, отмирают. Изобилие такое, что всего девать некуда. И повсюду лозунги: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Повсюду снуют высокосознательные активисты-добровольцы и уговаривают сверхсознательных граждан. Умоляем, возьмите эту норковую шубку! Ради бога, не хотите ли унитазик поставить себе из чистого золота? Сделайте милость, примите эту путевочку в санаторий на южные острова. Всего на два годика! Граждане, да будьте же людьми, возьмите кто-нибудь этот бочонок с черной икрой! В придачу дается бриллиантовое колье, по преданию принадлежавшее самой Императрице! Кому титул Маршала с орденом Большого Члена! Есть свободная должность Президента Академии! Кто хочет стать великим писателем? Есть готовый гениальный роман! Кто хочет... Но граждане тут настолько сознательны, что их ничем этим уже не проймешь. II только самые ультрасупероберсознательные индивиды, по уму, честности, талантам и прочим добродетелям превзошедшие все, что в этом роде производила история, берут на себя тяжкий крест и на благо всех трудящихся становятся министрами, генералами, маршалами, академиками и т.д., напяливают на себя золото и бриллианты, едят трижды опостылевшие икру, севрюгу, шашлыки, ананасы, пьют четырежды опостылевшие коньяки, вермуты, ликеры, ездят на курорты, ходят в оперы и балеты, живут в огромных квартирах, дачах и особняках, -- в общем, жертвуют своим драгоценным здоровьем, временем, силами и спокойствием ради тяжкого изнурительного неблагодарного труда. А рядовые высокосознательные ибанцы видят это, понимают это. И благодарят их за это. Спасибочки вам, родные наши! Если бы не вы, так мы бы. Ишь, бедненький, орденочков понавешал! Тяжело ведь! Ай как тяжело, а несет!Родненький ты наш, икорочки обкушались! Ай-яй! Коньячку перепили! Боже ж ты мой, как они страдают! Страдалец ты наш! Уж какой часик странички эти читает! И читает, и читает, и читает!.. Отдохнул бы часик. Завтра, небось, визит делать придется...

ЧАС СЕМНАДЦАТЫЙ

А что Вы имеете в виду, употребляя такие слова, как Изм и Капитализм спрашивает Клеветник. Изм не есть некое уклонение от нормы или особая форма общества. Это есть социальность как таковая, в чистом виде. Главная тенденция общественной жизни. Все остальное -- борьба с ней или борьба против того, что противопоставляется ей. Прогресс общества есть борьба против своего нормального состояния. Формации? Конечно, в этом кое-что есть. Но вот, к примеру, капитализм. Что это такое? Прорыв антисоциальности, т.е. временная и частичная победа творческого Я над косным Мы. А это -- отклонение от нормы. Период перехода от одной формы социального закрепощения к другой. Особая форма изма, при которой чуть-чуть побольше Я, чем у нас. Товарно-денежные отношения в условиях свободного рынка и частной собственности. И многое другое. Изм ибанского типа предполагает развитие капитализма. Но в каком смысле? В смысле общества, способного к имманентному прогрессу и творческим результатам. Для чего? Чтобы воспользоваться плодами его творчества. Сам по себе изм враждебен творчеству. Он его допускает лишь в крайнем случае. Или по недосмотру. Или по неспособности задушить. Капитализм как общество западного типа вообще сложился по недосмотру начальства. Когда оно соберется с силами, оно прикроет капитализм и установит во всем мире изм.

Это страшно, говорит Крикун. Я много думал. Перечитал все, что можно было достать. Сам изобрел кучу всяких теорий. И все впустую. Истина, увы, банальна. Удручающе банальна. Поступайте, как считаете нужным, а время решит, чему и как быть. Я с Вами согласен, говорит Клеветник. Но истину надо суметь сказать. А это не так-то просто. Уж на что я осторожен, а мой курс скоро прикроют. У Вас была книга, говорит Крикун. Она изъята и уничтожена, говорит Клеветник. Даже у меня не осталось ни одного экземпляра. Но это не беда. После появления работ Правдеца моя книга утратила смысл.

Вас интересуют практические выводы, говорит Клеветник. А есть ли вообще какие-то возможности для дела, если даже допустить, что такие выводы возможны? Возможностей для дела теоретически никогда нет говорит Крикун. Но какое значение имеет сознание невозможности дела, если человек не может не делать что-то?

Беседы с Клеветником все чаще переходили в спор о деле. Клеветник, читая свои лекции и ведя бесконечные разговоры со студентами, аспирантами и вообще с кем попало, делал свое дело, считая делом нечто иное и не представляя себе достаточно ясно, что это может быть. Крикун, считая речи Клеветника делом, все же искал для себя нечто иное в качестве дела.

Однажды на фронте, говорил Крикун, меня подбили. Снаряд попал прямо в мотор. Половина цилиндров вышла из строя. А я дотянул до аэродрома. Все инженеры в один голос заявили, что машина не могла лететь. А я прилетел. Вопреки теории. Скорость дельфинов не объясняется теоретически. Пусть пока. Но факт -- не объяснена. А прецедент Правдеца? Кто мог предсказать его теоретически? Надо рисковать и делать что-то вопреки теоретическим выкладкам. Что именно, спрашивал Клеветник. Пока трудно сказать, отвечал Крикун. Но надо быть готовым к тому, чтобы использовать случай. И, главное, узнать его, когда он представится.

ИБАНИЗМ

Несмотря на свою явную нелепость, а может быть, именно благодаря ей, ибанизм есть неопровержимая истина. Когда Правдец нападал на него и видел в нем источник зла, он впадал в глубокое заблуждение. Ибанизм не был и не мог быть источником зла хотя бы уже потому, что это вообще не источник. Это -- первоисточник. А из первоисточника исходит все, -- и зло, и добро. А значит не исходит ничего. Он сам исходит из всего.

Согласно ибанизму, мир не создан никем и никогда не возникал. Он существовал вечно и будет существовать вечно. Он развивается от низшей ступени к высшей. Некоторые куски мира могут, в порядке исключения, перескочить сразу через несколько ступенек, но только с ведома и разрешения ибанского руководства. И при условии бескорыстной помощи со стороны Ибанска. Начавшись с электрона, который сам неисчерпаем вглубь, мир развился до самого высокого уровня -- до ибанского общества. Отныне все дальнейшее развитие мира будет проходить только на основе Ибанска, через Ибанск, как развитие ибанского общества. Сознание есть высшая форма развития способности отражения, лежащей в основе бытия. Оно есть лишь отражение бытия. Естественно, высшей ступенью развития сознания является сознание ибанского общества, воплощенное в ибанизме и в мудром руководстве. Выше уже ничего не бывает. Конечно, и тут не наступает мертвый застой. Ибанское руководство творчески развивает ибанизм дальше на основе обобщения опыта практики строительства полного изма. Последние речи ибанских руководителей и последние постановления руководящих органов это и есть вершина развития сознания человечества в данное время. Вплоть до следующих речей и постановлений.

Короче говоря, Правдец спутал суть и форму ибанизма. Суть ибанизма проста. Наше общество самое совершенное, самое гуманное, самое свободное, самое благоустроенное, самое... самое... самое... Я -- ибанизм -- есть самое умное, самое глубокое, самое... самое... самое... учение об обществе вообще и об ибанском обществе в особенности. Если вы где-то обнаружите что-то хорошее, знайте: в Ибанске с этим дело обстоит гораздо лучше. Если где-то обнаружите плохое, знайте: в Ибанске этого нет, ибо в Ибанске плохого не бывает в принципе. Если вы где-то услышите умную мысль, знайте: в ибанизме по этому поводу есть мысли умнее. Если где-то заметите ошибку, знайте: в ибанизме этой ошибки нет, ибо ибанизм в принципе исключает ошибки. Ибанское общество и его научное осмысление ибанизм таковы по определению.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Один из фундаментальных принципов системного метода -- принцип однородности системы. Он означает, что все индивиды системы относятся к одному и тому же классу индивидов, а все связи между ними -- к одному и тому же классу связей. Этот принцип не следует понимать так, будто системный метод применим только к системам с однородными индивидами и их связями. Он, конкретнее говоря, означает, что должна быть выбрана такая точка зрения на данную эмпирическую систему, чтобы все ее индивиды и связи можно было представить как однородные. Это не принцип отбора предмета исследования, а принцип рассмотрения любого данного предмета. Если такую точку зрения на данную систему найти не удастся, то нельзя будет воспользоваться системным

методом. Другой фундаментальный принцип -- принцип иерархичности, согласно которому все типы индивидов и связей определяются через некоторые элементарные индивиды и связи системы.

Поясню эти принципы применительно к социальным системам. Индивиды, образующие их, суть отдельные люди, группы людей, объединения групп и т.д. вплоть до целых стран. Все эти индивиды принадлежат к одному классу социальных индивидов в том смысле, что все они рассматриваются с единой точки зрения: как существа, способные делать сознательный выбор и совершать волевые поступки по отношению к другим индивидам. Принцип иерархичности здесь реализуется так, что в качестве элементарного индивида выбирается отдельный человек, а все группы определяются как индивиды, в которых управляющий орган и управляемое тело состоят из отдельных людей, а в случае групп более высокого ранга -- из групп людей. В качестве класса связей выделяются зависимости одних индивидов от других относительно некоторых их целей, в которых одни индивиды нуждаются в услуге со стороны других при достижении этих целей. Элементарная связь имеет такой вид. Индивид A имеет цель C. Исполнение этой цели зависит от свободной воли индивида B. Последний может помешать или помочь, ускорить или затянуть, разрешить или запретить и т.п. Через эту элементарную связь определяются прочие производные связи системы. Приведу некоторые из них.

Например, индивид A зависит от B1, ..., Bn относительно C, где n>=2. Индивид A зависит от B относительно C1, ..., Cn. Индивиды A1, ..., An зависят от B относительно C. Индивид A зависит от B относительно C, а B зависит от A относительно D. Введя переменные для индивидов и целей можно учесть еще большее число возможных комбинаций. В принципе их можно перечислить все. Социальная жизнь подчиняется законам комбинаторики в той же мере, как и все прочие явления. Конкретные ее случаи суть лишь реализация некоторых логически мыслимых возможностей. При достаточно большом числе повторений они реализуются все с той или иной частотой, которую точно так же в принципе можно вычислить априори. Разговоры о какой-то принципиальной сложности познания общественных явлений сравнительно с другими суть сказки невежественных в этой области людей (а тут почти все, претендующие на роль знатоков, невежды) или идеологические запугивания.

Если A зависит от B относительно C, а B зависит от A относительно D, и реализация каждого из C и D зависит от реализации другого, происходит обмен услугами. Если не действуют привходящие обстоятельства, имеет место эквивалентность C и D с точки зрения некоторых оценочных критериев, разделяемых A и B, Социальное насилие есть принуждение к услуге или к неэквивалентному обмену услугами. Отношение начальствования и подчинения возникает на основе организации какого-то дела и насилия. Принцип эквивалентности здесь не соблюдается. Подчиненный может за мелкую услугу иметь большое вознаграждение и малое вознаграждение за большую услугу. Здесь действуют иные принципы. Отношение сотрудничества есть соподчинение двух или более социально независимых индивидов одному начальнику. Политические отношения -- обмен услугами на уровне договорно-правовых отношений. В реальности имеет место переплетение огромного числа социальных связей и переплетение их со связями иного рода. Это переплетение образует ткань или тело общества.

ПРАВО

Официальная концепция права вам хорошо известна, говорит Клеветник. Надстройка, классовая природа и т.п. Это все, конечно, достойно насмешки. Но я призываю вас отнестись к этому вопросу серьезно. Не с точки зрения какой-то скрытой интеллектуальной глубины этой концепции. Таковой тут нет. А с точки зрения ее социальной сути. Она ощутимо сказывается на нашей собственной шкуре. И потому ее нельзя рассматривать всего лишь как продукт невежества и глупости. Вопрос об официальной правовой концепции сразу же, без посредствующих звеньев ведет к вопросу о том, что из себя представляет ибанское общество в самой своей основе.

Иногда раздаются голоса, призывающие судить палачей, совершавших преступления в ибанских концлагерях, и организаторов этих лагерей. По-человечески эта позиция мне понятна. Но она бессмысленна теоретически и неосуществима практически. Не думайте, будто я защищаю этих людей. Я сам прошел через этот ад. Я хорошо знаю, какими кадрами был укомплектован весь этот чудовищный аппарат уничтожения людей и как он работал. Но весь ужас положения состоит в том, что некого судить и некому судить, ибо точка зрения правового возмездия лишена смысла в применении к ибанскому обществу.

Тут нам приходится касаться довольно тонких в языковом отношении проблем. И потому не будем спешить с заключениями. Является ибанское общество правовым или нет? Вроде бы известны многочисленные факты бесправия и произвола властей, позволяющие говорить о нем как о неправовом. А с другой стороны, не представляет труда показать, что оно является с каких-то точек зрения более правовым, чем общества западного типа. И тогда хочется сказать, что, с одной стороны, здесь дело обстоит так, а с другой -- иначе. Но это не есть научный подход к делу, предполагающий ясность и определенность понятий.

Обратимся к самым фундаментальным понятиям права. Надо, очевидно, различать правовые нормы и правовую практику. Общество может иметь великолепный правовой кодекс, в котором декларируются все демократические свободы и права граждан, а практически жить так, что даже упоминания о демократических свободах расцениваются как преступление. Это вам хорошо известно если не на вашем личном опыте, то на опыте ваших отцов без всякого сомнения. Рассмотрим дело сначала с точки зрения правовых норм.

Правовые нормы суть частный случай норм вообще. Нормы суть разрешения, запрещения и обязывания что-либо делать или не делать и их отрицания. Правовые нормы суть нормы, касающиеся действий социальных индивидов, существенным образом затрагивающих интересы других индивидов. То, что они затрагивают интересы других индивидов существенным образом, отражается в самом факте принятия норм. Правовые нормы касаются свободных действий индивидов, т.е. действий, осуществление которых зависит от воли индивидов. Они фиксируются в виде особого рода текстов (кодексов), которые в принципе может изучить каждый гражданин. Эти кодексы законодательно принимаются и признаются в качестве правовых норм.

Имеются некоторые чисто логические принципы всяких норм, имеющие силу и для правовых норм. Я в данном случае имею в виду не то, что их никто не в силах нарушить. Наоборот, люди ничто так часто не нарушают, как законы логики. А то, что эти принципы имеют логическую природу и относятся к любым нормам вообще. Для нас важны здесь следующие общие принципы норм. Норма

существует, если и только если она принята или логически выводится из принятых норм. В отношении правовых норм это означает: правовая норма существует, если и только если она содержится в официально принятом кодексе норм или выводится из норм кодекса по правилам логики. Если суд не способен логически вывести некоторую правовую норму из известных ему норм, он не может ее рассматривать в качестве таковой. Должны быть специалисты, способные осуществлять такие выводы или находить в них ошибки с такой же строгостью, как в случае математических теорем. И даже еще строже, ибо речь идет о судьбе людей. По этой причине разработка общепринятой нормативной логики есть дело первостепенной важности.

Далее, если не принята некоторая норма, то из этого не следует, что нормой является ее отрицание. В отношении правовых норм это означает: если в кодексе норм отсутствует некоторая норма А, то это не означает, что ее отрицание, т.е. не-А, есть правовая норма. Отсюда следует, что отсутствие нормы-запрета на какое-то действие не означает наличия нормы-разрешения, а отсутствие нормы-разрешения не означает наличия нормы-запрета. Надо различать отсутствие нормы и наличие нормы-отрицания. Одно дело -- нет нормы, согласно которой нечто запрещено (или разрешено). Другое дело -- есть норма, согласно которой нечто не запрещено (или, соответственно, не разрешено). Я наблюдал многочисленные случаи, когда в юридической практике эти вещи смешивали, причем часто это делали умышленно.

Действие подлежит нормативной оценке только в том случае, если имеется или логически выводится норма, относящаяся к нему. Например, до последнего времени в ибанском правовом кодексе не было нормы, относящейся к печатанию на пишущей машинке предосудительных текстов. И вывести логически такую норму из других было невозможно в силу отсутствия в кодексе соответствующей терминологии. И действия такого рода нельзя было оценивать с точки зрения права, т.е. о них нельзя было сказать, разрешены они или запрещены. Действия, не охватываемые правовыми нормами, могут разрешать или запрещать. Но уже не по праву, а на иной основе. Например, по произволу или по обычаю. Те гонения, которые у нас обрушили на Срамиздат, на Правдеца, Певца и т.п., являются неправовыми действиями властей, ибо действия гонимых не подлежали правовой оценке.

В нормах указываются или предполагаются лица, к которым они адресованы, т.е. субъекты норм. Класс субъектов норм может быть определен более или менее широко. Одни нормы могут предполагать один класс субъектов, другие -- другой. Норма имеет смысл только тогда, когда существуют ее субъекты. Если субъекты нормы исчезают, норма теряет смысл или отмирает. Например, правовые нормы, касающиеся взаимоотношений помещиков и крестьян, капиталистов и наемных рабочих, потеряли смысл и отмерли в Ибанске после исчезновения помещиков и капиталистов. Если же субъекты норм существуют, то судьба их описывается в иных выражениях. Эти нормы могут отменить или фактически игнорировать. Эти нормы не отмирают. Они могут быть разрушены и разрушаются.

Нормы разделяются на активные и пассивные. Активные говорят о разрешении, запрещении и т.п. определенным субъектам что-то делать. Пассивные говорят о разрешении, запрещении и т.п. одним субъектам что-то делать в отношении других. Они пассивны в отношении последних, но активны в отношении первых. Например, начальнику запрещено использовать свое служебное положение для эксплуатации подчиненного в своих личных интересах. Это норма

с точки зрения подчиненного есть пассивная норма. Нормы, далее, разделяются на нормы-права и нормы-обязанности. Нормы-права суть разрешения индивидам что-то делать и запрещения другим индивидам препятствовать им в этом. Нормы-обязанности суть запрещения нечто не делать. Общество может иметь высокоразвитый кодекс обязанностей граждан и тщательно следить за его исполнением, но иметь слаборазвитый кодекс прав и не заботиться о его соблюдении. Когда говорят о некотором обществе как неправовом, часто имеют в виду не вообще отсутствие правового кодекса, а именно отсутствие кодекса прав, т.е. бесправие. Общество может быть правовым, но бесправным в этом смысле. Говоря о правовом обществе как о социальной характеристике общества, я имею в виду исключительно нормы-права. Хотя они и фигурируют под одной обложкой с нормами-обязанностями, они имеют качественно иную основу по сравнению с ними.

Правовые нормы, далее, разделяются на политические и неполитические. Первые касаются отношений граждан и их групп, с одной стороны, и властей, с другой стороны, как независимых в данных отношениях социальных индивидов, т.е. касаются их политических отношений. Вторые касаются отправления функций властей, взаимоотношений граждан в быту и т.п. Первые образуют нормы политического права. Именно здесь и зарыта собака. Общеизвестные демократические свободы суть нормы политического права. И они фигурируют в ибанском правовом кодексе. Как они туда попали? Отчасти иллюзии насчет изма. Отчасти -- пропаганда и демагогия. Отчасти -- камуфляж, желание выглядеть прилично в глазах внешнего мира. Но главным образом они попали в ибанский кодекс потому, что с самого начала была полная уверенность в том, что никому в голову не взбредет этими свободами воспользоваться.

Что из себя представляла и представляет ибанская правовая практика с точки зрения политического права, общеизвестно. Но суть дела тут не в том, что злоумышленники нарушали и нарушают хорошие законы, а в том, что в Ибанске были истреблены лица, способные быть субъектами норм политического права, а сформировавшееся ибанское общество производит таких граждан в ничтожно малых количествах. В Ибанске число лиц, заинтересованных в правовом политическом обеспечении своей деятельности в качестве равноправных партнеров по отношению к властям ничтожно мало. Число влиятельных лиц, заинтересованных в том, чтобы такие лица появлялись и имели правовое обеспечение, и того меньше. Существование таких лиц вообще не вытекает из социальных законов ибанского общества. Так что политическое право лишено смысла в ибанском обществе. Его просто тут нет фактически в силу отсутствия своих носителей и защитников. Появление довольно большого числа лиц, вступивших в политический конфликт с властями Ибанска, является делом случайным с точки зрения социальной структуры этого общества. Когда такие люди появились, они, естественно, столкнулись с определенной правовой практикой на этот счет, сложившейся в период становления ибанского общества, не нуждающегося в политических отношениях и политическом праве. Эти люди появились не из нормального хода жизни ибанского общества. И воспроизводства их не предвидится. Если даже они добиваются каких-то успехов, это никак не означает образования в обществе постоянно действующего института политического права. Власти решают и будут решать эту проблему не по нормам права, а по другим основаниям и соображениям, не имеющим ничего общего с правом.

Резюмирую. Ибанское общество есть общество, не имеющее фактически действующего института политического права. И не имеет оно его по той причине, что оно не производит и не воспроизводит в массовых масштабах индивидов, способных стать субъектами политического права. Оно не производит и не воспроизводит в массовых масштабах условий и лиц, способных обеспечить функционирование политического права в отношении тех отдельных индивидов, которые волею обстоятельств становятся в политическое отношение с властями.

Число жертв отсутствия политического права в Ибанске ничтожно невелико. Неверно утверждать, что массовые репрессии явились следствием политического бесправия. Они имели совсем иные причины, Произвол властей и массовое насилие само по себе не есть еще показатель именно политического бесправия. Подавляющее большинство репрессированных вообще не вступало в политические отношения друг с другом и властями. Это -- репрессии вне политики. Если бы это происходило в рамках политики, можно было бы еще оставить какие-то иллюзии. Но, увы, это не так. Репрессии и отсутствие политического права и его обеспечения имеют общие причины. Они суть параллельные следствия одних и тех же причин.

Конечно, репрессируемым безразлично, под каким соусом их насилуют. Но полезно знать, что мы можем ожидать от этого общества в будущем. Массовых репрессий может и не быть. Сейчас, например, их фактически нет. Но отсутствие их не есть признак восстановления политического права. Отсутствие их говорит о том, что в стране отсутствует политическая жизнь как массовое явление. Немногочисленные политические индивиды, появляющиеся время от времени, подвергаются гонениям не на базе плохого политического права, а на базе отсутствия такового. Они просто уничтожаются как неугодные властям элементы. С этой точки зрения власть всесильна.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

При тринадцатом по счету заведующем ввели официальный титул Заведун. И каждому Заведуну с целью хоть как-то отличить его от предшествующих и последующих заведующих стали присваивать официальный номер. Как в старину королям. Но королям это было неправильно, потому как они эксплуататоры и правые ревизионисты. А тут в полном согласии с подлинными законами истории. Заведуном I стали считать Хозяина, Заведуном II -- Нового Заведующего, сменившего Хряка и т.д. На чрезвычайных съездах стали устанавливать даты жизни и правления очередного Заведуна и осуществленные под его мудрым руководством мероприятия. Это было огромное достижение. До этого каждый новый заведующий поносил предшественника, присваивал себе все то, что было сделано хорошего при нем, и сваливал на него все плохое, что натворил сам новый заведующий. Убедившись в том, что судьба предшественника есть твоя судьба, заведующие решили начать отдавать должное предшественникам и, тем самым, себе. Поскольку каждый последующий заведующий был на голову выше предшественника и делал шаг вперед, благодаря этому нововведению начался неудержимый прогресс. Ибанцы при этом настолько разогнались, что даже не заметили, как перегнали Америку и оставили ее где-то далеко позади. Пришлось вернуться обратно, так как за Америкой надо было глазеть в оба.

Заведун XIII сделал попытку объявить полный изм. Была проделана грандиозная подготовка к этому величайшему в истории человечества событию.

Но попытка сорвалась. На тайном пленуме Заместителей ее сочли преждевременной. Но не потому, как писали потом враждебно настроенные историки, что к этому времени в Ибанске почти начисто исчезли мясо, молоко, яйца и другие канцерогенные препараты, и не потому, как писали потом дружественно настроенные историки, что было еще рано, а из-за цифры XIII. Ибанские ученые как раз в это время открыли (опередив американцев вдвое!) естественнонаучные и философские основы неблагоприятных последствий этой цифры. Но Болтун придерживался иной точки зрения. Он сказал, что Заведуна XIII должны были скоро скинуть, и честь объявления полного изма Заместители решили оставить для себя, ибо каждый из них наделялся стать Заведуном XIV. И только в этот момент Заведун XIII понял, какую он допустил грубую ошибку, предложив исключить Хряка из списка Заведунов. И он умер от огорчения.

СПОР С ИБАНИСТОМ

Давай поговорим серьезно, говорит Ибанист. Ты знаешь, я искренний ибанист. Знаю, говорит Учитель. Но имей в виду, для меня искренность -- одна из форм поведения, а не добродетель. Хозяин был тоже искренен. И Троглодит. И Претендент. И... Впрочем, это не имеет значения. Не имеет, говорит Ибанист. Я согласен с тем, что человеческая история есть частичка истории живого вещества на Земле вообще. Но есть что-то такое, что выделяет ее из этой общности. Что? То, что есть продукт усилий самих людей, говорит Учитель. Все, что создается благодаря уму и труду людей и поддерживается ценой его усилий.

Одним словом, человеческая культура. Пусть так, говорит Ибанист. Но она имеет свои законы? Имеет. Какие? А не кажется ли тебе, что в поисках этих законов мы так или иначе придем к вызывающим у тебя насмешку производительным силам, производственным отношениям, базису, надстройке и т.п.? Смотря по тому, кто и что ищет, говорит Учитель. Если человек ищет навоз, он идет на конюшню. А если ищет золото -- идет на прииск. Я ничего не имею против тех слов, которые ты употребил. Но они суть чисто идеологические существа, а не научные понятия. Их значение устанавливается не по правилам логики. И оперируют ими не по правилам логики. Согласен, говорит Ибанист. По правилам диалектики. Но диалектика разве не... Нет, говорит Учитель. Диалектика есть орудие идеологии, и только. И никогда и ни при каких обстоятельствах не есть орудие науки. Это иллюзии, будто она есть метод науки. Грандиозные иллюзии, но иллюзии. Мы отвлекаемся в сторону, говорит Ибанист. Ну, а в каком же направлении предлагаешь идти ты? Где лежит твое золото? Почему золото -- мое, говорит Учитель. Я не претендую на золото. Я претендую на навоз. Золото -- продукт природы. Навоз -- продукт человеческой истории. Каковы специфические законы человеческой истории? Смотря по тому, что ты имеешь в виду. Есть законы человеческих ассоциаций -- социологические законы. Есть законы человеческих действий вообще и отдельных видов этих действий. В том числе -- правила управления массами людей и одурачивания их, правила построения домов и городов, изготовления котлет и борщей и т.п. Есть даже правила ведения спора, согласно которым наш спор лишен смысла. Пойдем лучше выпьем. Кстати, объясни, пожалуйста, как понимать такой принцип ибанизма: производственные отношения СУТЬ отношения между людьми в процессе их производства?

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ПЕВЦА

Из музеев ль модернистов я бреду,
С ресторана ль далеко за полночь то-па-ю,
И доселе, как в горячечном бреду,
С удивления вокруг глазами хло-па-ю.
Если жрать захочешь, что захочешь жри.
Одевайся, как взбредет от обалде-ни-я.
Недоволен -- речь любую говори,
Выражай без опасений убежде-ни-я.
Я калякать по-ненашему учусь
И с ранья до самой поздней пол-но-чи
Со слезами умиления шепчу:
И живут же, твою матерь, эти сво-ло-чи.

Письмо произвело на ибанских интеллектуалов двойственное впечатление. С одной стороны, завидовали тому, что Певец запросто может сходить в бардак и никто не будет его прорабатывать. Ну, и насчет тряпок тоже. С другой стороны, жалели Певца, поскольку он лишился источников творческого вдохновения. Он все-таки явление в нашей, ибанской культуре. А Западу на него наплевать. Проявляли интерес, пока он был тут, в Ибанске. Гонимый. А теперь...

О ГУМАНИЗМЕ И РАССТАНОВКЕ СИЛ

Срамиздатовцам влепили от пяти до семи, сказал Неврастеник. Совсем немного, сказал Журналист. С ними поступили весьма гуманно. Гуманно, сказал Неврастеник. А за что? Даже по нашим законам их не только нельзя было судить, но даже арестовывать. А их год продержали до суда без предъявления обвинения. Но Вы же не можете отрицать, что есть прогресс, сказал Журналист. Раньше за такое просто расстреляли бы без суда и следствия. А в чем Вы усматриваете гуманизм, спросил Болтун. Употребление этого слова в данной ситуации означает неявное признание того, что срамиздатовцы виновны. А в чем они виновны? Но они же признали свою вину, сказал Журналист. Вы были на суде, спросил Неврастеник. Нет, сказал Журналист. Нас не пустили. А Вам известно, какая игра с ними велась этот год, спросил Неврастеник. Все признали свою вину или нет? А где те, кто не признал себя виновным? Где Крикун и другие, которые делали дело, а не позировали перед иностранцами? А их тоже взяли. Но о них ни слова нигде не говорится. Прочитайте внимательно признания раскаявшихся даже в том виде, как они опубликованы. Пройдет время, и люди будет диву даваться, как можно было за такое судить. Как Вы думаете, этот процесс причинил ущерб Ибанску за границей? Конечно, сказал Журналист. А почему, за это не судят организаторов процесса, сказал Неврастеник.

Заместители номер один и номер пять настаивали на расстреле, сказал Брат. А сам Заведующий и Заместители номер два и номер три настояли, на более мягком и гуманном приговоре. Блестящий пример правовой практики, сказал Неврастеник. Суду заранее установлена мера наказания. Это -- серьезная политика, сказал Журналист. Чья политика, спросил Посетитель. Политика перед Западом, от которого нам сейчас во что бы то ни стало надо

кое-что урвать. И немало урвать. А потому надо изобразить перед ними, что мы -- гуманисты, либералы. И то хлеб, сказал Мазила. Хорошо хоть так получается. Не об этом речь, говорит Неврастеник. А если заигрывание с Западом лопнет? Что тогда? Тогда и гуманизм лопнет, сказал Посетитель. Наш гуманизм -- не сдвиг в результате некоего имманентного прогресса, а мера в политике. Причем -- временная мера. И весьма сомнительная. Вам многое не видно, сказал Журналист. На Западе констатируют наличие серьезного раскола в вашем высшем руководстве как по вопросам внешней политики, так и внутренней. Судя по всему, доминирует группа Заведующего. Это хорошо, перспективы какие-то есть. Какие, спросил Болтун. Соотношение сил в высшем руководстве отражает соотношение сил в стране. В социально активной части населения сложились две линии или группы -- зажимщики (традиционалисты) и либералы (улучшенцы). Это не равносильные группы. Первые представляют стабильно нормальные основы нашей жизни. Они всегда сильнее. И когда кажется, что верх берут улучшенцы, то это означает следующее. Зажимщики в силу необходимости выталкивают из своей среды и допускают существование какой-то группы лиц, которая делает карьеру полностью в рамках режима, но по видимости так, будто она хочет его улучшить. Допускают на время и в крайне ограниченных масштабах. Скоро улучшенцы убеждаются в бессмысленности и невозможности улучшений, если у них вообще были какие-то иллюзии на этот счет. И добившись своего, они становится еще более махровыми консерваторами, чем выделившие их из себя нормальные консерваторы. Хозяин и его банда, кстати сказать, в значительной мере вышли из улучшенцев. Об этом почему-то все помалкивают. Некоторая часть улучшенцев приносится в жертву и громится. Кто это? Когда как. Упрямцы, глупцы, просчитавшиеся, карьеристы, вышедшие в тираж и т.п. Объективный результат деятельности улучшенцев, по идее, -- внести какой-то корректив в связи с изменившейся ситуацией для сохранения режима. Например -- разрешить бороды, индивидуальных коров, мини-юбки и узкие штаны, чуточку абстракционизма и т.п. Как только цель достигнута или отпадает надобность в ее достижении, улучшенцы исчезают сами или уничтожаются.

Представьте себе, идет армия на параде. Кто впереди? Ясно. Но вот выясняется, что скоро столкновение с врагом. Кого выталкивают вперед теперь? Ясно. А если нужно не с врагом биться, а делать какую-то аморальную работу, например, -- уничтожать мирное население, грабить и т.п. Кто впереди будет. Ясно. Кто впереди, то и задает тон. У нас сейчас сложная ситуация. Частично -- парад. Частично -- бой. Частично -- грязная работа. Какая линия выкристаллизуется, покажет время. Скорее всего -- грязный парад.

Притом учтите следующее важное обстоятельство. Для соотношения консерваторов и улучшенцев имеет силу закон: сила улучшенцев обратно пропорциональна, а сила консерваторов прямо пропорциональна квадрату расстояния места их действия от центра страны и расстояния в системе иерархии от высшей власти. Расстояния в соответствующих социальных единицах измерения. Например -- районное начальство отстоит от высшей власти дальше, чем областное. Ясно? Этот закон объясняет такое парадоксальное, на первый взгляд, явление, как инерция либерализма в верхах. 8 низших кругах и на периферии уже давно консерваторы раздавили улучшенцев. Конечно, там, где они были. В большинстве мест и инстанций их вообще не было. А вверху улучшенцы пока держат инициативу в своих руках. Но их песенка уже спета.

Но Ваш закон, сказал Журналист, имеет силу и для инерции консерватизма,

когда либерализм, начавшись вверху, постепенно опускается вниз. Во-первых, сказал Болтун, надо точно установить, находимся мы в начале эры либерализма или в ее конце. Скорее всего в конце, сказал Журналист. А, во-вторых, сказал Болтун, такого закона нет. Либерализм вырастает не из среды высшего руководства и не из среды руководства вообще, а из сопротивления ему в массе населения. Понятно, сказал Журналист. Ваши соображения любопытны. Продолжайте, если Вы хотите еще что-то добавить.

Ситуация осложняется одной особенностью теперешних улучшенцев, сказал Болтун. Сейчас на первый план вылезло внешнее положение Ибанска. Во всем. Нам теперь нужны деловые отношения с Западом. А для этого надо как-то считаться с их нормами ведения дел и самим выглядеть несколько иначе. Инициатива принадлежит не нам. Мы просители. А западный обыватель, уже получивший некоторое представление, что мы такое на самом деле, давит на свое руководство так, что оно вынуждено давить на наше руководство так, чтобы наша внутренняя жизнь выглядела приемлемым для Запада образом. Наш либерализм есть вынужденная уступка в деловых отношениях с Западом, а не продукт внутренней эволюции. Оживление нашей оппозиции связано тоже с этим. И все дело теперь зависит от того, как долго и как серьезно Запад будет давить на нас в этом направлении, а мы -- иметь дело с Западом на условиях, которые их устраивают. Способны ли мы держать обещания? Долго ли нам будут верить? Долго ли западные политики будут обделывать свои делишки на заигрывании с нами?

Консерваторы вырастают из внутренних основ нашей жизни. Их принцип -- жить так, как будто никакой заграницы нет. Заграница нам не указ! Плевать нам на заграницу! Мы сами с усами! Они по-своему правы. Их абстракция соответствует господствующей в ибанском обществе тенденции к самоизоляции от цивилизации западного типа.

Одним словом, либеральные тенденции нашего руководства поверхностны, недолговечны и обманчивы. И авантюристичны, что дает сильный козырь в руки консерваторов. Либералы тоже за то, чтобы душить оппозиционеров. Но они хотят при этом выглядеть гуманистами в глазах Запада.

Вы страшный человек, сказал Журналист. Вы не оставляете места Для иллюзий и игры. А без этого жить нельзя. Мы-то живем, как видите, сказал Болтун. Если это жизнь, сказал Неврастеник. Аминь, сказал Мазила. Глядите-ка, что у меня получилось!

ВТОРОЕ ПИСЬМО ПЕВЦА

По ибанским бредешь
по лесам и лугам,
Пустяк, кажется,
Там очутиться.
А случится с тобой --
ты окажешься Там,
Будешь счастлив, что Это
приснится.
Но предложат тебе,
возвращайся домой,
Тебе все, что наделал,

простится.
От одной только мысли
кошмарной такой
Ты готов лучше Тут
удавиться.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Вот, смотри, говорит Учитель, две книги. И та и другая -- сборник. На одну и ту же тему. Это -- американский. Это -- наш. В первом ответственный редактор (составитель) А, во втором -- В. Вроде бы одно и то же, но лишь внешне. А по сути? Кто такой А? Крупный ученый. Не самый крупный, но достаточно крупный и известный. Он сам подбирал авторов, сам поместил свою большую работу, редактировал, печатал на свой страх и риск в материальном отношении. Я не говорю, что это там система. Я говорю об этой книге. Для примера. Кто такой В? Полное ничтожество. Паразит. Присосался к качестве соавтора к С. Никакой ответственности. Никакой работы. Его функция? Он -- заведует сектором. Проверен. В чинах. Для ответственности положено иметь на обложке имя такого редактора, чтобы было на кого свалить, ежели что... Главное -- чтобы он не пропустил идеологических, политических и прочих ошибок. В первом случае функции А по преимуществу позитивные. Во втором случае функции В по преимуществу негативные. Результат, вроде бы, был один и тот же. Но, по сути дела, принципиально различный. В первом случае накапливается одно, во втором -- противоположное. Помножь это в миллионы раз, получишь эффект в масштабах страны. В этом сборнике, говорит Крикун, твоя статья. А какое это имеет значение, говорит Учитель. Если бы моя статья была в том сборнике, то эффект был бы неизмеримо сильнее, если бы статья была намного хуже. Послал бы туда, говорит Крикун. Она сами мне предлагали, говорит Учитель. Лично А. Я подготовил статью. Пока добивался разрешения, они успели книгу напечатать.

БЕЗОБРАЗНЫЙ СТИХ

Безобразный стих -- это шутка, сказанная всерьез, но в серьезность которой не хочется верить. Рождается он внезапно, вносит полную ясность или полное смятение, оставляет в душе глубокий след, но никакого воспоминания.

Ты все время погружен в себя, говорит Она. На меня не обращаешь никакого внимания. А напрасно. Погляди, я хороша. На меня мужчины засматриваются. Ты слишком хороша, говорит Он.

Я бы песню тебе про тебя написал,
Про глаза и про чудные косы.
Но, увы. Мой Приятель уже настучал,
Мой Соратник меня с потрохами продал,
Мой Сотрудник подшил все доносы.
И готовиться время к допросу.

Здорово, говорит Она. В тебе погибает великий поэт. Погибает, говорит Он. Но не поэт, а что-то другое. Что -- этого я и сам не знаю. И наверно, никогда не узнаю.

Я боюсь за тебя, говорят Она. Они тебя засадят в сумасшедший дом.

Засадят, говорит Он. Кошмар, говорит Она. Кошмар, говорит Он.

Пред сворою таких врачей
Приходят в дрожь колени.
А ну-ка, отвечай бойчей:
О чем был съезд последний?
Как! Разве он последний был?
А я-то, идиот!
И хохочу что было сил,
Хватаясь за живот.

Это же надо записывать, говорит Она. Не надо, говорит Он. Пропадешь из-за пустяков.

Довольно, эксперты вопят.
Нельзя, чтобы судили.
Он псих от мозга и до пят,
Исправится в могиле.

Это не пустяки, говорит Она. Неужели это все-таки правда? Правда, говорит Он. Но таких наверно немного, говорит Она. Если даже такой один, ему от этого не легче, говорит Он. Суть дела не зависит от того, сколько их. Человечество становится преступным, если даже в отношении одного допускает это, зная об этом.

Какой пустяк, мы говорим.
Всего один такой!
А если он неповторим?
И не придет другой?

Кто знает, сколько народов отрезало себе пути к развитию и обрекло себя на вырождение, уничтожая такого рода отдельных индивидов. Ибанский народ загоняет себя в эволюционный тупик, тщательнейшим образом истребляя всякие зародыши реальной и кажущейся оппозиции.

Нас не пугай, мы говорим,
Историей такой!
Мы наш, мы новый мир творим,
И не хотим другой!

ОБ ИДЕОЛОГИИ

Официальная ибанская идеология, говорит Болтун, ничего общего не имеет с религией по ее роли в обществе. И сопоставлять их бессмысленно. Первая не заместила вторую. Религию уничтожили, но место, которое она занимала, осталось незаполненным. Ибанская идеология выросла из других источников и для других целей. Религия есть факт сознания людей, существенным образом влияющий на поведение людей. Это состояние духовности человека в целом. Ибанская официальная идеология не есть состояние духовности человека. Она не влияет на его поведение. Она безразлична к целям людей и их Поступкам. Скажите, какое кому дело до того, что одна формация сменяет другую через тысячелетия, что развитие идет по спирали и т.д.? Ибанская идеология есть лишь средство в поведении людей. Средство карьеры, средство закрепощения, ограничения, оболванивания и т.п. Она не становится внутренним состоянием человека, определяющим его поступки. Она лишь используются одними людьми в борьбе с другими, причем поступки людей при этом детерминируются не ею, а

другими факторами. Так что, по меньшей мере, наивно видеть в официальной ибанской идеологии источник зол, о которых говорит Правдец. В ибанском обществе имеется в аморфном состоянии и нечто такое, что сопоставимо с религией по роли в общественной жизни. Но это нечто враждебно религии и религиозному сознанию. Это -- антирелигиозность в собственном смысле слова, представляющая собою осознание социальных законов Бытия. Это -- неписаные догмы антирелигиозности: не пойман -- не вор; рыбка ищет, где глубже, а человек, где лучше; если не ты его, так он тебя; своя рубашка ближе к телу; моя хата с краю, и т.д. Возможно, когда-нибудь будем изобретена ограничительная религия для обществ ибанского типа. Возможно, она включит в себя какие-то элементы из официальной идеологии и старых религий. Потребность в этом ощущается, но пока очень слабая. Я имею в виду тягу отдельных людей, в, особенности -- молодежи, к христианству и буддизму, например.

ЧАС ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Наши оппозиционеры, говорит Клеветник, рассматривают нашу жизнь исключительно в сравнении с Западом. Наши проблемы надо рассматривать, прежде всего, автономно, т.е. независимо от того, плохо или хорошо живут на Западе. Неужели все наши цели сводятся к тому, чтобы уподобить ибанский образ жизни западному? Ведь кое в чем мы их опередили. Да и на Западе жизнь не, сахар. И там далеко не всем хорошо. Наша официальная пропаганда ловко использует это. Цены на продукты повысили? И на Западе повысили. Сажаем? И на Западе сажают. Есть же в нашей жизни некое общечеловеческое начало, понятное без сопоставлений и рождающее наши проблемы! Так-то оно так, говорит Болтун. Но без Запада нам не обойтись. Наши проблемы суть проблемы Запада, обнажаемые до предела на ибанском материале. Разве для нас проблема -- повышение цен на продукты питания, плохие жилищные условия и т.п.? Наши проблемы не в этом. Наши проблемы -- демократические свободы, правовая защита личности, условия для творческой деятельности и т.д. Что бы ни происходило на Западе, Запад наш союзник в этом. И единственная защита. Да и то лишь постольку, поскольку они начинают понимать, что от нас зависит их собственная судьба в этом отношении. Их власти и определенные деловые круги, имея дело с Ибанском, сами становятся ибанскоподобными и пытаются завести у себя наши ибанские порядки. На Западе пока еще есть силы, способные противостоять проибанским тенденциям в мире. Они-то и являются опорой ибанских оппозиционеров, персоналистов и т.п. Неужели Вы надеетесь на наши внутренние силы? Они ничтожны. Они живы пока только благодаря поддержке Запада.

Сколько мы говорим, думает Крикун. Неужели это и есть единственное дело, на которое мы способны? А куда от этого денешься? Они же все равно правы.

Они правы, конечно, говорит Учитель. Но знаешь, чего нам не хватает? Движения. Мы топчемся на месте. Вот мы поговорили. И что же? Ничего. Через неделю об этом забудем. И будем о том же говорить снова. Такие разговоры надо фиксировать в какой-то литературной или научной форме. И двигаться вперед. Нужен журнал. Какой-нибудь. Самый захудалый. Но свободный. А тебе я советую, делай книжку и печатай там. Плевать на последствия. У тебя же есть

результаты. Ты на грани выдающегося открытия. Брось все. Уединись на год и доведи дело до конца. Знаешь, какой эффект будет! Тогда тебя голыми руками не возьмешь! Тогда ты им так врежешь!...

А что я им тогда врежу, думал Крикун. Нет, такая перспектива меня не увлекает. А что же тогда?

СОБРАНИЕ

Значительную часть времени ибанцы проводят на собраниях, говорит Журналист. Что это такое? Величайшее изобретение цивилизации, говорит Неврастеник. Высшая форма социальной демократии для индивидов, находящихся на низших уровнях социальной иерархии. После установления полного изма человечество начнет новый цикл развития, который завершится превращением всего общества в постоянно действующее собрание. А на следующем после этого этапе общество разовьется настолько, что превратится в постоянно действующий президиум собрания. И наконец -- в почетный президиум. Что будет дальше, предвидеть не смогли бы даже классики, живи они сегодня. Ну, а они-то по этой части мастера были.

Наука о собраниях (собранелогия, скажем) еще не существует, хотя практика тут огромная. А научный полный изм уже есть, хотя что-то не слышно, чтобы его собирались объявлять свершившимся. Странно, правда? Во всяком случае, я делаю заявку на собранелогию. Я создатель новой науки. Но, увы, пользы для себя из этого не извлеку. А если Вы выдадите меня, мне еще за это по шее дадут.

С чего же мы начнем? Ну, допустим, с классификации. Тут безразлично, с чего начинать. Создаваемая мною новая наука собранелогия не имеет начала. Она может начинаться с любого конца. Собрания разделяются на открытые и закрытые. Все, происходящее на закрытых собраниях, становится известным всем желающим. А даже присутствующие на открытых собраниях часто не знают, о том, что на них происходит. Почему? Читают книжки, беседуют с соседями. Ничего не слышат из-за шума. Или слушать и смотреть вообще нечего, ибо происходящее бессмысленно. Любимая шутка участников собраний -- говорить, что открытое собрание объявляется закрытым или что закрытое собрание объявляется открытым. А когда собрания бывают смешанные (первая половина -- открытая, вторая -- закрытая), шутка принимает форму мистики. Председатель президиума после первой половины объявляет открытую часть закрытой, а закрытую открытой. Почему диалектические логики не используют это как пример правомерности логических противоречий, отражающих реальные противоречия действительности? Наверно потому, что этого нет в первоисточниках. А пример блестящий. Не хуже, чем плюс и минус в математике.

Собрания разделяются, далее, на периодические (текущие) и чрезвычайные. Текущие -- тоскливая рутина, за исключением одного, когда происходят отчеты старых выборных органов и выборы новых. Тут иногда разгораются страсти, весьма напоминающие кухонные склоки коммунальных квартир недавнего прошлого. Но это все ничего не значащая пена, влияющая на судьбу лишь нескольких индивидов, да и то скорее комическим, чем трагическим образом. Чрезвычайные собрания собираются для того, чтобы одобрить решения высших властей, выразить восторг, принять к сведению и т.п., а также заклеймить тех, кого указано клеймить. Например, Правдеца, Двурушника, Клеветника и т.п.

Как проходит собрание? Когда как. В среднем -- так. За две недели вешается объявление о том, что тогда-то состоится такое-то собрание. В день собрания перед входом в зал с листами бумаги садятся женщины из самых низших сотрудников, обычно выполняющие эти функции, и переписывают всех присутствующих. Нужен кворум, во-первых. А во-вторых -- чтобы потом наказать отсутствующих. Некоторые, зарегистрировавшись, удирают. Но таких не очень много. Это в основном люди, которые достигли такого положения, что им не грозит наказание, Или опустились до такого положения, что им наплевать на наказание. Собрание начинается. Избирается президиум. Президиум намечается заранее. Попасть в него -- не просто честь и мечта рядового ибанца. Это -- знак. Если ибанца выбрали в президиум, значит, он в чести у начальства, и не исключено, что пойдет в гору. А если тебя раньше выбирали, а на сей раз нет, значит что-то неладно. И сотрудники шепчутся по сему поводу, усмехаясь, сочиняют слухи. И самое странное в этом, они никогда не ошибаются. Я сам один раз для хохмы пустил такой слушок про Претендента. И что Вы думаете? Погорел в ближайшее же время. Заранее намеченный человечек после предложения председателя избрать президиум поднимает руку и зачитывает списочек-Обычно в президиум выбирают чуть ли не половину учреждения. Всех начальников. Их ближайших холуев. Актив. Талантливых и растущих. Гостей и надсмотрщиков из высших инстанций. В особо торжественных случаях избирают почетный президиум, в который включают всех высших руководителей в том порядке, какой предустановлен свыше. Потом начинается нудный доклад, который не слушает никто или слушают немногие заинтересованные, которых, как всем известно заранее, похвалят или поругают. Потом выступления в прениях, которые тоже никто не слушает. Выступают штатные выступальщики или заранее намеченные лица. Говорят заранее намеченные речи. Тишина и человеческое оживление наступают только тогда, когда разгорается склока или скандал. Но это бывает редко. Еще реже, чем приличный детектив по ибанскому телевидению. Обычно до этого не допускают. Потом принимается резолюция. Она состоит из констатирующей части, в которой отмечаются успехи и недостатки, и постановляющей части, в которой говорится о том, что надо усилить успехи и ликвидировать недостатки. Составление и принятие резолюции есть главная часть собрания. Здесь решается судьба людей. Попадешь, например, в число хвалимых. И начнут тебя хвалить во всех инстанциях. Премию, глядишь, дадут. Оклад повысят. Жилье улучшат. А попадешь в число ругаемых -- пиши пропало. Минимум год везде склонять будут. Вплоть до высших инстанций дойдешь. Иногда и попадет-то человек за пустяк. А выше уже не смотрят, что пустяк. Смотрят лишь на формулировку. Еще выше дают широкую оценку. И не успеешь оглянуться, как в газетах даже рубанут за серьезную ошибку. Так что вопрос о формулировках резолюции есть жизненно важный вопрос. Бывает так, что люди часами бьются за изменение формулировки со словом Ошибка на формулировку со словом Упущение. Со стороны посмотреть -- комедия. А на самом деле -- драма. Пройдет первая формулировка -- лет на пять для человека закрыты все пути карьеры. Пройдет вторая -- от силы на год. А то и так обойдется.

Вообще существует иерархия положительных и отрицательных оценок деятельности сотрудников и групп. Оценка деятельности группы есть фактически оценка деятельности отдельных лиц, только не прямая, а косвенная. Например, отметили, что такой-то сектор допустил ошибку. Значит, допустил ошибку заведующий и сотрудник А, который фактически заправлял сектором. Оценки

классифицируются подобно армейским чинам -- начиная с рядовых и кончая генералами и маршалами. И пропорции аналогичны. Кстати, совершенно еще не изученный вопрос -- стереотипность иерархии абсолютно во всех сферах жизни общества. Даже похороны имеют свою иерархию. Недостатки, например, разделяются на недосмотры, просмотры, упущения, недоделки, просчеты, недоработки, промахи, ошибки, грубые ошибки, грубейшие ошибки, непростительные ошибки, провалы и т.п. Достоинства разделяются на сдвиги, подъемы, оживления, достижения, успехи, некоторые успехи, заметные успехи, серьезные успехи, крупные достижения и т.п. Вы не обратили внимания, на заседании, где мы с Вами были, к различным лицам применялись выражения Известный, Видный, Крупный, Популярный, Выдающийся и т.п. Это -- не литературные вариации. Это -- та же самая иерархия оценок. У нас есть виртуозные знатоки в этом деле. Вот -- передовая статья Газеты. Для Вас -- пустая трепотня и демагогия. Для знатока -- бездна информации. Здесь десятки явных и неявных оценок. Первое дело ибанского карьериста -- научиться читать такие ничего не значащие для посторонних тексты. Для нас с Вами эти тексты -- пустой звук. Для них -- руководство к действию. Так что и у нас есть своя очень сложная дифференцированная и структурированная система оценок, не доступная для посторонних, но привычная и четкая для заинтересованных. Наша система оценок адекватна нашей системе реальных ценностей. Для Вас это -- жуткие мелочи. А для нас борьба за повышение зарплаты на десятку и за улучшение жилья на десять квадратных метров есть более острая проблема, чем для кого-то борьба за министерский портфель или корону.

Но я отвлекся. Каковы полномочия собрания? Огромны и ничтожны. Они не выходят за рамки дел и интересов своего учреждения. Причем -- мелких. И в духе указаний свыше. Это -- та же липа демократии, но с некоторыми реальными последствиями для жизни людей на грошовом уровне. Но во всем, что касается зажима людей творческих и действительно талантливых, они всесильны. Если тебя заклеймит собрание твоего учреждения -- конец. А оно всегда заклеймит по своему почину, если не будет сдерживающих указаний свыше. Представьте себе, если у нас кто-то и выбился, то только благодаря защите свыше.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

При Заведуне XV было полностью ликвидировано враждебное западное окружение, и на всей Земле установили Ибанск. Все уцелевшие западные города после исправления их идеологических ошибок переименовали и Ибатянски с соответствующими инвентарными номерами. Париж, например, получил номер 031/5634-А. И за то пусть скажет спасибо, так как один английский городишко (не то Лондон, не то Ланден) отменили совсем. Он, видите ли, не захотел расстаться со своей Королевой. Вот вам пример поистине чудовищной реакционности эксплуататорских классов прошлого! На все пошли. Все отдали. Со всем согласились. Портреты повесили. А с Королевой расстаться не захотели. Жалко, говорят. Традиция. Мы с ними сначала по-хорошему. Мол, на что вам Королева. Теперь все королевы. Все равны. Все на голову выше. А они свое. Традиция, говорят. Жалко. Привыкли. Ну, мы им и показали нашинские традиции.

Луна тогда к Ибанску еще не присоединилась. В стороне осталась. Улететь-то туда улетели еще при капитализме. И дом там построили. И кислород

запасли. И сад разбили. И козу завели. Обживаться стали. А вернуться не успели. На земле как раз везде установили Ибанск. Науки объединили во Всемирновсеибанскую Академию Наук. И начался такой мощный подъем всех наук, что даже маршрут Заведуна в туалет стали рассчитывать в вычислительном центре, объединившем все вычислительные машины мира. И делали это с очень высокой степенью приближения: Заведун по этим расчетам оправлялся исключительно в радиусе пятидесяти метров от унитаза (сделанного, кстати сказать, из золота), а один раз он чуть было не попал в сам унитаз. Все сараи Ибанска завалили вновь открытыми элементарными частицами и хромосомами. Особенно большими оказались достижения в области космонавтики. Теперь даже Всеибанское Общество Освоения Всей Вселенной Вокруг Земли (ВООВВВЗ) без помощи школьников первого класса не могло бы найти на ибанском небе Луну. Не то, что лететь туда. Лететь туда было уже незачем. Да и не на чем. Не беда, сказал Заведун. Они и без нашей бескорыстной помощи тоже скоро сдохнут. Дышать-то нечем будет, ха-ха-ха. Кто-то сказал Заведуну, что там находится и наш человек. Заведун велел направить туда директиву, пусть берет власть в свои руки. Превосходная идея, сказал Заместитель. Тал они сдохнут еще быстрее.

Делая отчетный доклад на очередном съезде, Заведун сказал следующее. В области внешней политики мы добились самых выдающихся успехов за всю историю Ибанска. Мы ликвидировали внешнюю политику. Теперь мы можем все силы перебросить на внутреннюю политику.

И перебросили.

ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Губами пробуя вино,
Цежу сквозь зубы заодно
В компании привычной:
Да это ж просто чепуха,
Ну что за истина, ха-ха,
Материя первична!
Но вот пришлося речь держать,
Статью в журнал пришлось толкать
Про изма гениальность.
Цитату нужную достал,
Неоспоримо доказал
Ее фундаментальность.
Зубами щелкая шашлык,
Смеюсь, аж прыгает кадык:
Живем же мы, ибанцы,
Начальство что и что народ,
И без штанов и без свобод,
Ну -- прямо голодранцы.
Но вот -- доклад наверх писать,
С трибуны надо выступать
Про нашу про житуху.
Мы лучше всех живем, кричу,
И со всего плеча вкачу

Хулителям по уху.

ИБАНИЗМ И СОЦИОЛОГИЯ

Послабления пришли не сразу. Хотя Хозяин сдох, первое время ничто не изменилось. Даже наоборот. Произошла кратковременная вспышка озверения. Но маятник ибанской истории уже качнулся в сторону либерализма. На первом этапе самые прогрессивные и образованные обществоведы начали ссылаться на имена, ранее не известные в ибанском погромоведении. Они, как и ранее, громили западных прислужников империализма. Но круг громимых социологов и круг громимых идей несколько расширился. На втором этапе этот круг стал еще шире. И появилось новое качество. Громили уже не так грубо и нелепо, как это делали зубры изма предшествующего периода, а более квалифицированно и интеллигентно. Кое-что не громили, а критиковали в чисто академической манере, но достаточно остро. Объективизм, заорали зубры. Но скоро сами вошли во вкус и сменили своих старых референтов и помощников на более молодых, знающих иностранный язык. Надо подходить творчески, заорали зубры. Надо науку развивать и ставить новые проблемы. На третьем этапе стали проскакивать некритикуемые идейки западных социологов. Сначала их протаскивали как идеи, принадлежащие классикам, но искаженные буржуазными горе-мыслителями. Но прогресс делал свое дело. Ссылки на классиков стали сокращаться. И идейки оттуда стали пролезать в идеологически передержанную ибанскую печать в первозданном виде. И даже порой со ссылками на авторов. Некоторые исты вообще перестали ссылаться на классиков, а западных социологов стали называть коллегами. Зубры ибанизма поняли, что пора принимать меры. Но у них не было сил. А те, кто имел силы, еще не доросли до такого уровня, чтобы принимать меры. Они сами еще сдавали экзамены, посмеивались над ибанизмом и зубрами, говорили о прогрессе и сутками жевали устаревшие идеи Запада, выглядевшие в Ибанске как последний крик моды.

На Запад ибанские обществоведы сначала не ездили совсем, потом стали ездить еще реже. В период Растерянности их стали выпускать, предварительно промывая мозги до такой степени, что, кроме самых примитивных догм ибанизма, в них не оставалось ничего. Хотя они выглядели там круглыми дураками, это шло им на пользу. Раз враг ругает, значит хорошо. Враг не любит наши успехи. Если враг хвалит, значит что-то неладно. Боже упаси от похвал врага! И ибанские обществоведы делали все, что в их силах, чтобы враг их не похвалил. И добились в этом выдающихся успехов.

Но времена изменились. Потребовалось ездить на Запад все чаще и не ударять лицом в грязь. Потребовалось даже с Запада пускать к себе и показывать товар лицом. Зубры ибанизма выучили десяток новых слов (группа, поведение, интеграция, стратификация и т.п.), не понимая их смысла, и обросли ловкими мальчиками, знавшими языки, способными болтать на любые модные темы и служившими в Органах. Из них скоро выросли ведущие специалисты, представляющие ибанскую науку на мировой арене. Мальчики позволяли себе такое, что никогда не снилось самим радикальным обществоведам Ибанска. На Ибанск устремилась лавина западной общественной мысли. Началась социологическая лихорадка. Все спешили что-то урвать, не вникая в суть дела и ничего не переваривая толком. На основе отвратительного профессионального образования, отборной глупости и пошлости, полной безнравственности,

карьеризма, стяжательства и т.п. западная социальная мысль приняла чудовищные ибанские формы. Тот, кто всерьез займется изучением социологической литературы Ибанска этого периода, будет потрясен открывшейся ему картиной интеллектуального маразма. Стало для всех очевидно, что социологию следует разрешить в официально установленном виде и под эгидой ибанизма. Так и сделали.

Начался период превращения социологии в материальную силу ибанского общества. Появились сотни групп, отделов, секторов, сборников, совещаний, симпозиумов и т.д. На первом всеибанском симпозиуме было представлено более тысячи специалистов. На международный конгресс поехало столько же. А могли делегацию увеличить еще раз в десять. Социология оказалась необычайно удобной вещью. Она стала прекрасно подтверждать правоту ибанизма и превосходство ибанского образа жизни над всеми остальными.

Но, как и во всяком великом историческом движении, здесь была другая сторона. Во-первых, в значительной части социологии наметилось забвение основополагающих истин изма, игнорирование его и даже насмешки. Во-вторых, молодые карьеристы, претендовавшие сначала лишь на вклад в науку, стали вскоре в большей мере претендовать на должности, степени, звания, командировки, квартиры и прочие блага, которые по праву получали зубры изма за свое верное служение изму, за свою глупость и необразованность. Зубры и подросшие зубрята возмутились. Как, кричали они. Им языки иностранные, модные статейки и книжонки, встречи с иностранцами! И им же должности, звания, дачи, квартиры! Несправедливо! В-третьих, как это ни странно, в мутном потоке социологического шарлатанства стали появляться настоящие научные работы. Обнаружилось, что Ибанск -- благодатное поле для социологических исследований. И даже самые примитивные исследования дают заметный эффект. Обнаружилось также, что результаты научных социологических исследований приходят в конфликт с догмами изма и официальной пропагандой. Это-то и решило все дело. Забвение истин изма ликвидировали одним намеком. Молодые карьеристы быстро перешли в зубров и в зубрят. Но настоящие ученые и научные результаты, хотя их и было ничтожно мало, не переходили ни во что и с намеками не считались. Их следовало уничтожить в зародыше. К этому времени консерваторы разобрались, что к чему, и поняли, что все эти социологические пустозвонские штучки они сами могут делать в рамках изма не хуже самих прогрессистов. Пора, решило начальство. И устроили погром. Во главе погрома шли молодые карьеристы, которые указывали пальцем на тех, кого следовало уничтожить. И социология в Ибанске вернулась в лоно ибанизма, но по спирали, обогащенная новыми методами фразеологии, карьеризма и стяжательства. Законы ибанского общества, изобретенные за сто лет до появления самого этого общества, остались незыблемыми хозяевами если не самой жизни, то разговоров о ней во всяком случае.

О СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Главная задача при исследовании предметов как эмпирических систем, писал Учитель, -- построить исследование так, чтобы стало возможным измерение и количественное выражение свойств системы. В принципе все свойства социальных систем поддаются измерению. Даже такие, как исполнение распоряжений, свобода индивидов, ответственность и т.п. Между прочим,

официально публикуемые сведения дают богатый материал для этого. Государство не способно сохранить в тайне самые главные механизмы своей социальной жизни. Перестанут печатать одни сведения, их можно будет заменить другими. Только при полном отсутствии каких бы то ни было сведений об общественной жизни тайна будет сохранена. Но какой ценой? Ценой полного обнажения самой глубокой сути общества. Чем тщательнее скрывают социальные тайны, тем явственнее они вылезают наружу.

Параметры (измеряемые признаки) социальных систем разделяются на положительные и отрицательные. К положительным относятся такие, которые сами собой не складываются и не сохраняются или делают это в малой степени. Требуется значительные усилия, чтобы их создать и сохранить. Отрицательные складываются и сохраняются легко или сами собой. Различие их подобно различию культурных растений и сорняков. Это различение не всегда совпадает с различением плохих и хороших явлений. Здесь не предполагается никаких оценок, в особенности -- моральных.

Параметры социальных систем, далее, разделяются на переменные и постоянные. Последние суть основные характеристики системы. Это, например, параметры системности, размерности, связности, свободы, глубины, очковтирательства и т.п. Для них должны быть найдены особые величины -- константы системы. Это может быть сделано эмпирически. Но я не исключаю и теоретические вычисления. Думаю, что, по крайней мере, часть из них имеет априорный характер.

Каждая система, например, имеет свою константу системности. Это есть величина, которая определенным образом уменьшает все расчетные положительные величины системы и увеличивает отрицательные. Так, если вы теоретически рассчитали, что в этом году будет урожай X, то фактический урожай не будет превышать величину X/a, где a есть константа системности (a>=1). Если вы планируете закончить такую-то стройку через Y дней, то фактически она будет закончена через Y·a дней.

КНИГА

Общепризнано, что, если не самым крупным, то одним из самых крупных политических событий Ибанска периода Растерянности является публикация на Западе Книги Правдеца. Книга, действительно, произвела ошеломляющее впечатление на Западе и сделала для формирования общественного мнения Запада об Ибанске больше, чем все ее предшественницы. А кто знает, как эта Книга готовилась? Для Книги был собран такой фактический и документальный материал, что для решения аналогичной задачи в нормальных условиях потребовалось бы минимум три-четыре специальных института с десятками, сотнями квалифицированных работников. И это -- в условиях, когда каждая секунда жизни Правдеца находилась под наблюдением Органов, а каждая бумажка, вступавшая с ним даже в косвенный контакт, становилась вещественным доказательством всего, что взбредет в голову сотрудников Органов, занятых в деле Правдеца. Написанную Книгу надо было спрятать. Попав в руки Органов, она была бы немедленно уничтожена вместе со всеми, кто участвовал в ее подготовке и хранении. Наконец, ее надо было переправить на Запад. А былые возможности на этот счет давно прикрыли. А для самого Правдеца и близких к нему людей это было начисто исключено.

Самым значительным результатом периода Растерянности было появление людей, оказавшихся способными решить эту грандиозную задачу. Когда на Западе говорят о вкладе в ибанскую литературу, о крушении иллюзий в отношении изма, о том, что ибанцы начинают осознавать... то хочется кричать, кричать, кричать... Да неужели вы такие же кретины, как и мы! Неужели вы ничего не понимаете и не видите! Ведь если взрыв произошел, был же кто-то, кто изобрел бомбу, подложил ее в нужном месте, принял решение делать ее, взорвал ее. Дело не делается само собой. Тем более в условиях, когда вся мощь огромного государства направлена на то, чтобы это дело не сделалось. Ну, да ладно. Пусть хотя бы так. Пусть это всего лишь акт мужества одного человека, решившегося сказать правду о давно прошедшем времени.

Трудно сказать, когда Крикун начал систематически изучать материалы периода Хозяина, касающиеся репрессий. Когда он встретился с другими людьми такого же рода, он уже мог считать себя специалистом. Он давно чувствовал, что именно здесь зарыта собака. Именно с этого надо начинать, думал он. Существующий в Ибанске социальный строй должен быть проявлен для мира с полной очевидностью и неопровержимостью, причем -- в его самом гнусном и страшном проявлении: в системе массовых репрессий, начатых с первого дня существования Ибанска и продолжающихся непрерывно по настоящее время. Нужны конкретные факты, цифры, документы, показания очевидцев. И главное -- официальные факты и документы. Не может быть, чтобы весь этот кошмар не получил публичного выражения. Тогда иначе смотрели на вещи, и не могли предполагать, что слова, казавшиеся им вполне справедливыми, много лет спустя станут свидетельством страшных преступлений. Наши сегодняшние газеты и журналы через какой-нибудь десяток лет тоже станут запретной разоблачительной литературой.

Началось бесконечное сидение в библиотеках и копание в архивах и частных собраниях. И Крикун стал частичкой механизма, направлявшего огромный поток бумаг на письменный стол человека, которому суждено было в ближайшие годы стать величайшим гражданином Ибанска.

ПРИВИЛЕГИИ

Считается, говорит Клеветник, что в Ибанске господствует принцип: от каждого по его способностям, каждому по его труду. Нельзя сказать, что этот принцип здесь нигде не действует. Можно указать множество подразделений жизни общества, где он вроде бы действует очевидным образом. Но является ли этот принцип специфической особенностью ибанского общества в тех случаях, когда кажется, что он действует? Является ли он здесь всеобщим или, по крайней мере, доминирующим? Приведите примеры случаев, когда этот принцип вроде бы осуществляется у нас, и вы увидите, что в западных странах в аналогичном смысле он выполняется отнюдь не реже и не менее скрупулезно. Но оставим в стороне сравнения и поставим вопрос так: какое место занимает этот принцип внутри нашего общества? Думаю, что с этой точки зрения он является настолько второстепенным, что рассматривать его вообще как принцип этого общества бессмысленно. И раздувают его официально только потому, что хотят скрыть главный и специфический принцип распределения этого общества, вытекающий из его социальной структуры, а именно -- принцип распределения в соответствии с социальными привилегиями. Наше общество есть общество

социальных привилегий.

Социальная привилегия есть то преимущество, которым обладают индивиды данного рода (в частности -- один индивид) перед прочими в силу своего социального положения. Не всякая привилегия есть социальная привилегия. Например, лица, живущие в курортном районе и имеющие возможность прилично наживаться за счет курортников, имеют привилегию экономико-географического порядка, но не социальную. Молодой человек, родившийся в семье высокопоставленного чиновника, имеет ряд преимуществ перед молодым человеком из семьи бедного творческого интеллигента. Первому, например, даже при наличии посредственных успехов в школе гарантировано высшее учебное заведение по выбору. Главным образом -- по выбору родителей или из соображений последующей выгоды, а не по принципу "От каждого по способностям". Второму даже при наличии блестящих способностей не так-то просто попасть не только в институт, соответствующий его способностям и склонностям, но в любой какой-нибудь захудалый институт. Если, конечно, у его родителей нет связей, благодаря которым экзаменаторам будет дано тайное указание хотя бы не заваливать его на экзаменах. Но рассмотренная привилегия первого молодого человека по сравнению со вторым, сидевшим, может быть, с ним за одной партой, не есть социальная привилегия первого молодого человека. Это есть социальная привилегия его отца, а не его самого. Благодаря привилегии рождения он приобретет социальные привилегия. Так что ее можно рассматривать как потенциальную социальную привилегию. Но я в эти тонкости вдаваться за недостатком времени не буду. Предоставляю вам самим подыскать здесь подходящие определениям классификацию.

Западные общества тоже имели и имеют систему привилегий. Например, наличие достаточных средств дает возможность приобрести образование, соответствующее способностям и склонностям человека. Не всякий имеет эти средства. Это привилегия. Но привилегия богатства, а не социального положения. Здесь роли не играет, как получены средства. Они могли быть украдены, заработаны, получены по наследству или быть результатом социальной привилегии. Но сам факт достаточности этих средств для получения образования не есть социальная привилегия. Аналогично человек, имеющий крупную сумму денег, независимо от ее происхождения, может совершить заграничное путешествие, если он гражданин западного общества. Опять-таки это -- привилегия, поскольку не всякий может себе это позволить. Но не социальная. У нас, чтобы совершить поездку за границу, недостаточно только иметь деньги и быть нормальным гражданином. У нас это -- одна из самых серьезных социальных привилегий. И, как правило, такие поездки предоставляются привилегированным лицам бесплатно.

Нет обществ без привилегий. Вождь первобытного племени, берущий первым кусок мяса убитого животного, уже имеет привилегию, причем по тем временам огромную. Важно установить, какой тип привилегий характерен для данного типа общества и какую роль они играют в его жизни. Наши либералы, требуя большей свободы передвижений по стране и поездок за границу, большей свободы слова, печати, творчества и т.п., посягают на самые основы ибанского образа жизни -- на органически присущую ему систему привилегий. Их желания суть продукт того, что они начитались книжек о прошлом и о Западе, наслушались всякого рода разговорчиков на эту тему и, может быть, сами нагляделись. Но они чужды ибанской социальной действительности.

Социальные привилегии разделяются на официальные, закрепленные законом или обычаем, и неофициальные. Последние делятся на наказуемые (порицаемые, во всяком случае) и ненаказуемые (или слабо наказуемые). Но строгих граней тут нет. Например, высокая зарплата, хорошая квартира, персональная машина, закрытый распределитель продуктов питания, бесплатные санатории и т.п. у крупных чиновников суть законные привилегии. А принуждение подчиненных к сожительству, присвоение их идей, навязывание соавторства, устройство на работу или учебу по знакомству и т.п. суть фактические привилегии, но не узаконенные. Они официально порицаются. Но много ли случаев вам известно, когда начальники за такие дела пострадали бы? Эти привилегии столь же прочны, как и законные. Существует огромное количество должностей, где именно фактические неузаконенные привилегии являются главными источниками доходов всякого рода. Это даже иногда официально учитывают в установлении зарплаты, когда зарплата оказывается чистой фикцией. Пройдетесь, например, по дачным местам и поинтересуйтесь сколько стоят дачи и какова зарплата их владельцев. И вы увидите, что в огромном числе случаев владельцы должны были бы в течение десятков лет откладывать зарплату полностью, чтобы накопить на дачу.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Строить полный ибанизм в условиях отсутствия враждебного окружения стало значительно труднее. Прежде всего, выяснилось, что некого догонять. А раз так, то и спешить незачем. Можно и обождать. Стало негде брать взаймы, не от кого ждать помощи, не у кого тянуть новые открытия и изобретения и заимствовать моды, негде отдыхать от ибанской нервотрепки и приобретать заграничные вещички, не на кого сваливать свои трудности, не с кем сравнивать свои выдающиеся успехи. Одним словом, исчез любимый враг, делавший жизнь мало-мальски осмысленной и интересной. Остались одни свои. А что свои? Дрянь. Со своими и по душам-то поговорить не с кем.

Хотели было армию распустить. Но куда девать такое количество хорошо подготовленных заслуженных офицеров, генералов и маршалов? К тому же рискованно. А вдруг!... Нет, армию распускать нельзя. Наоборот, сказал Заведун, у нас все должно отмирать путем укрепления. И привел цитату. А спорить с цитатой...

Конечно, пришло и кое-какое облегчение. Оппозиционеров перестали поддерживать извне. И бежать им стало некуда. И вообще оппозиция потеряла смысл, так как не перед кем стало выпендриваться. Прекратились клеветнические Голоса. И стало скучно. Однажды Заведун целый вечер крутил ручку приемника, надеясь поймать хоть какой-нибудь Голосишко и услышать чуточку правды про Ибанск. Но, увы! Голосов уже не было совсем. Сотрудники, видя такое, решили создать на болоте, на котором никто жить не хотел, Неприсоединившуюся Буржуазно-Демократическую Республику (НБДР) в два квадратных метра, с территории которой начались клеветнические передачи и куда решено было время от времени выгонять оппозиционеров -- с целью создания впечатления и для интриги. Заведун вздохнул с облегчением и выступил с докладом, в котором высказался за мирное сосуществование. Путом мырнаго сарывнаваныя мы далжны даказат нэаспарымый прэимуществ нашэго обшэственного стройя, сказал он. Прытом мы нэ далжны тэрат бдытэлнаст. Мы

будым нэуклонна крэпит абарону. Мы усылым дэатэлност наших лубымых Органыв. Так и сделали. И усилили охрану границ изнутри, так как наружи уже не было.

ЧАС ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Кому первому пришла идея создания нелегального машинописного журнала Срамиздат? Теперь установить это невозможно. Один стукач, присутствовавший на том историческом заседании, доносил, что идею эту выдвинул Крикун и упорно отстаивал в полемике с Лодером, который был основательно пьян и толком не соображал, о чем идет речь. Другой стукач, присутствовавший на этом же заседании, доносил, что идею выдвинул Лодер, а Крикун разгромил ее как детскую игру. Но заседания на самом деле не было. Было обычное сборище с водкой, магнитофоном и разговорами о лагерях и процессах. Причем, не одно сборище, а несколько. И в сообщениях стукачей фигурируют разные даты. И Крикун попал на одно из них совершенно случайно. Его привела Она познакомить с интересными ребятами и послушать музыку. Тогда-то перепивший Брат и сказал, что если бы все их разговорчики записать и напечатать, получилась бы сногсшибательная брошюрка. Брат вынул свою записную книжечку и стал в ней что-то записывать. Эту манеру его все знали и не обращали на нее внимания. Если уж печатать, сказал тогда Крикун, то это надо делать серьезно. Бесспорные факты. Документы. И так, чтобы это уходило на Запад.

Через пару месяцев вышел первый номер Срамиздата и произвел сенсацию. Никто не знает, кто готовил его и кто отпечатал десяток экземпляров. Он с молниеносной быстротой распространился по Ибанску, перепечатываемый буквально в сотнях экземпляров. Номер Срамиздата вышел. Ничего особенного не произошло. Никого не посадили. А разговорчики пошли. Слухи приписывали номер Лодеру. Он не отказывался. Потом поверил в это. И взял дело в свои твердые руки. И надо признать, поставил его на широкую ногу. Выпуски Срамиздата стали обычным делом ибанской интеллектуалистской жизни.

Сотрудник, в свое время лично знавший Крикуна и внимательно следивший за его научной карьерой, рекомендовал Инструктору, наблюдавшему деятельность Срамиздата, обратить на него особое внимание. Имейте в виду, сказал он, Крикун -- талантливый ученый, известен в своей области за границей, знает несколько иностранных языков. Хладнокровен. Находчив. Решителен. И органически враждебен ибанскому строю жизни. Черт возьми, подумал Крикун, когда эту характеристику прочитал ему из своей записной книжечки Брат. Если бы мне такую характеристику дали тогда в полку, быть бы мне первоклассным летчиком-испытателем или космонавтом. И Органам из-за меня не было бы никаких хлопот. Боже мой, какие же они все-таки кретины!

ПАРАДОКСЫ ПОЗНАНИЯ

Почему так происходит, я как будто понимаю, говорит Мазила. Но спокойно к этому отнестись не могу. Ложные и поверхностные идеи Правдеца имеют сенсационный успех и огромную эффективность. Верные и глубокие идеи таких людей, как Шизофреник, Клеветник и даже Двурушник, не имеют серьезного успеха и эффекта. Их встречают до известной степени враждебно даже те, для кого они по замыслу писаны. В чем все-таки дело? Ты сам все прекрасно знаешь, говорит Болтун. Верные и глубокие идеи индивидуальны, ложные и

поверхностные массовы. Народ в массе склонен к заблуждениям и сенсациям. Ум и глубина для него непонятны и оскорбительны. Уровень понимания обратно пропорционален числу понимающих. Степень эффективности социальных идей обратно пропорциональна степени их научности. Однажды мне довелось присутствовать при беседе Правдеца и Крикуна. Кто такой? Так, один толковый парень. Он у тебя бывал. Не помнишь? Разговор шел, разумеется, о репрессиях. Я преклоняюсь перед Вашим подвигом, говорил Крикун. Признаю огромную важность проделанной Вами работы. Не сомневаюсь в грандиозном успехе Вашей книги. Признаю, что она сыграет огромную роль в истории не только Ибанска, но и человечества вообще. Но концепцию Вашу я принять не могу. Хотите Вы этого или нет, в Вашем изображении дело выглядит так, будто жестокое и злобное руководство с помощью Органов в течение десятилетий истребляло миллионы, десятки миллионов ни в чем не повинных граждан. Это очень сильный литературный прием. Но не более того. Я изучал эту проблему, говорил Крикун, не один год. Процесс был необычайно сложным и запутанным. Именно эта сложность позволяла Хозяину и его банде обделывать грязные делишки совершенно безнаказанно. Даже с выгодой для себя и для общества. Наивно полагать, например, что сразу после переворота все признали законность новой власти и не боролись с нею. Боролись! Да еще как! И далеко не законными методами. Вы же не будете отрицать многочисленные мятежи против новой власти. Бессмысленно отрицать и методы их борьбы. А сколько власти своих передушили! Сколько раз одни палачи десятками тысяч уничтожали других! А Вы думаете, жертвы личной борьбы Хозяина были действительно невинные жертвы злодея! Процесс был, повторяю, многоплановый и необычайно сложный. Я не противопоставляю свою точку зрения Вашей. Ни в коем случае. Я считаю только, что в интересах дела Вашу концепцию надо дополнить научным анализом ситуации хотя бы в первом приближении. Эффект от книги не пострадает. Наоборот, он будет глубже и долговременнее. Если даже размах сенсации несколько снизится, дело от этого не пострадает, а выиграет. Подумайте о будущем. Пройдет немного времени, и ориентация сознания человечества резко изменится. К этому надо быть готовым. Книга не должна устаревать как можно дольше... И так далее в таком же духе. Превосходно, сказал Мазила. Этот твой Крикун совершенно прав. Я с ним полностью согласен. Я сам думал так же. А что ответил Правдец? Ничего, сказал Болтун. Только усмехнулся. Когда Крикун ушел, Правдец сказал мне, что тот излагал ему концепцию Органов, что по его мнению Крикун работает на них, ему так подсказывает его многолетний тюремный опыт и интуиция, что многие считают Крикуна стукачом... Вот Брат, например... Он рехнулся, сказал Мазила. Нет, сказал Болтун, просто в этом обществе невозможна рациональная ориентация в людях. Дело не в том, прав он или нет. Обстоятельства работают так, что все время подтверждают его иррациональную концепцию. Не думай, что он строит какой-то хитрый расчет. Он искренне верит в то, что его концепция есть истина в последней инстанции. Просто она совпадает с общественным сумасшедствием. И в этом ее сила.

ВНЕШНЯЯ НЕПОЛИТИКА

Этот тип опять уехал за границу, говорит Она. Что ж, может быть это к лучшему. Конечно, говорит Он. Дай бог ему здоровья. Я лично за.

Наш Заведующий-отец,

Скажем прямо, молодец.
Сам смотает за границу
То в Париж. То прямо в Ниццу.
Не теряя час на сборы,
Заведет переговоры.
Кое с кем договорится,
А с кем надо -- породнится.
Поцелуется взасос,
Разрешит любой вопрос.
Тех подкупит. Тех повздорит.
Этих видом объегорит.
И с буржуями шутя,
Привезет вагон шмутья.
Справит чаянья народа.
....
На хера тогда свобода?

ШКОЛА

В этой школе, говорит Учитель, я учился сам и потом несколько лет преподавал. Зайдем. Я покажу тебе два любопытных явления. Первое -- лаборатория от Академии педагогики. Изыскивает новые методы обучения. Экспериментирует. Сейчас они в первом классе учат сразу тензорному исчислению. А это -- телевизионная аппаратура. Наблюдает. И каковы результаты, спрашивает Крикун. Блестящие, говорят Учитель. Заведующего лабораторией выбрали в академики. Заместителя -- в члены-корреспонденты. Трубят на весь мир. На премию выдвинули Я не о том, говорит Крикун. А, ты об этом, говорит Учитель. Ищут панацею, а ее нет. И в принципе быть не может. Может быть лишь липа, удобная для отчетов и трескотни пропаганды. Нечто вроде педагогической кукурузы. Это все прекрасно понимает директор школы. Человек уникальный. Совершенно одинокий. Не верит ни в какой изм. А между тем вынужден систематически быть в центре одуряющей ибанской формалистики. Ты не знаешь, что такое жизнь директора школы. И еще меньше -- жизнь очень хорошего директора. Как он может жить так из года в год, не понимаю. А не будь таких людей, мы бы быстро-быстро вернулись в состояние дикости. Из этого вот окна, между прочим, не так давно выбросился завуч, фронтовик. Отличный педагог. Ребята его боготворили. Начались интриги. Сплетни. Клевета. Запутали парня. Не выдержал. Он нарушил закон нашей школы: учитель должен быть на хорошем счету, но не должен выделяться в качестве исключительного явления. На его фоне остальные выглядели серыми, лживыми, бездарными. Они не потерпели этого. Вообще парадоксальная ситуация складывается. Официальная идеология проповедует коллективизм. Но именно подлинный коллективизм-то противопоказан тут. Он еще более чужд этому обществу, чем индивидуализм. Индивидуализм противоречит основам и потому официально наказуем. Коллективизм разоблачителен. Но он признан официально. Потому он наказуем втихаря. Потихоньку душат. Потом превозносят.

Разговор с директором поразил Крикуна фатальной безысходностью. Двойки не дают ставить? Нельзя слабых исключать? На второй год не оставлять? Это все пустяки. Не играет роли. Педагоги слабые? Программа набита ерундой?

Пустяки. Не играет роли. Лаборатория? Новые методы? Пустяки. Не играет роли. А что же играет роль, спросил Крикун и тут же понял, что вопрос глупый. Директор пожал плечами. Вы сначала четко сформулируйте, что именно Вас не удовлетворяет в школьном обучении и в его результатах, сказал он. Тогда, может быть, я смогу Вам сказать что-нибудь вразумительное. Дело-то все в том, что все официальные претензии к школе фиктивны. И все реформаторская деятельность есть такая же фикция. Это неверно, что школа не удовлетворяет потребностей вузов. Вузы сами не могут четко установить свои потребности. Это вранье, будто школа отстала от состояния современной науки. Современная наука во многом есть сама фикция. Дело, повторяю, совсем не в этом. Школа не есть всего лишь подготовка людей к получению образования и специальности. Школа есть часть жизни общества, идущая в полном соответствии с законами целого. Она отражает в себе все общество со всеми его качествами и проблемами. Здесь они лишь трансформируются применительно к возрасту и положению граждан. Вот я бы сейчас завел Вас в класс. Что бы Вы увидели? Учеников? Средних? Слабых? Сильных? Отличников? Нет. Это не играет уже роли. Вы бы увидели А, который обязательно поступит в Институт международных отношений. Он серый, лживый, противный парень. А перед ним на цыпочках все ходят. Почему? Папа. Вот налево от него сидит В. Отъявленный карьерист и демагог. Этот дорогу свою знает. Его устроят, возьмут, примут, переведут, пошлют и т.п. Продолжать? Вот в этом году пятьдесят человек окончат нашу школу. Многим ли из них надо выходить на передовой край науки? Двум-трем. Так они, между прочим, уже в школе знают многое такое, чего не знают старые Доктора. Сами. Им все равно, какая школа. Старая для таких даже лучше была. Один из них выдающихся способностей мальчик. Но, увы, в университет его не возьмут. И он это знает. Потеря для науки? Да. А разве она от школы зависит? Я бы многое мог Вам порассказать. Но, извините, дела. Заходите еще как-нибудь. Вы в авиации служили, как будто? Я ведь тоже. Только я в бомбардировочной. Штурман.

Ну как, спросил Учитель. Мне его жаль, сказал Крикун. Он настоящий мужчина. И потому никогда не выбросится из окна.

ИНТЕРВЬЮ ПЕВЦА

Живет далеко и высоко,
У самых у райских ворот
В дружной семье одиноко
Талантливый бездарь народ.
От умности вздорный,
До лени упорный,
Несчастный счастливый народ.
Величественный, невзрачный,
Наполненный и пустой,
Загадочный и прозрачный,
Запутанный и простой,
Не ведая, не вылезая
Из всяких побед и невзгод,
Живет он в преддверии рая,
Никчемный великий народ.

От трусости смелый,
До скупости щедрый,
Покорный бунтарский народ.
Злопамятен и отходчив,
Сверхскромен и сверххвастлив,
Растяпист и очень находчив,
Медлителен и тороплив,
В надежде на райское счастье,
Не день, и не два, и не год,
Без веры в чужое участье
Гниет-процветает народ.
От сонности бодрый,
До злобности добрый,
Холуйский и гордый народ.
Беспечен и осторожен,
Недогадлив и прозорлив,
Обманчив и так же надежен,
Задумчив, не в меру болтлив,
Он цели своей добьется,
И в рай под началом припрет,
От радости с горя упьется,
Трудяга-бездельник народ.
От смеха слезливый,
До жути счастливый,
Свободно зажатый народ.
Замкнутый и открытый,
Всем свойским, всему не свой,
Изголодавшийся, сытый,
Всевидящий, вечно слепой.
И ежели свойство какое
Приходит на память уму,
Не ошибешься, спокойно
Приписывай также ему.
Не вздумай ему лишь идею
Подкинуть с иных сторон,
Он схватит тебя за шею
И выкинет на хер вон.
Исполненный долга,
Без всякого толка
Гонимый народ гегемон.

ПРИВИЛЕГИИ

Главным механизмом распределения материальных и духовных ценностей и вообще всего, что интересует людей как потребителей, говорит Клеветник, является распределение в соответствии с социальными привилегиями. И принцип здесь таков: каждому по его социальному положению. Имеется, конечно, масса обстоятельств, которые нарушают чистое проявление этого принципа и затемняют его действие. Это, например, случаи распределения по труду, жульничество,

махинации, злоупотребление служебным положением, таланты и исключительная трудоспособность, наследство, паразитизм и т.п. Но, повторяю, основу и стержень системы распределения нашего общества образует система социальных привилегий и распределение в соответствии с социальным положением индивидов. И потому ожесточенная борьба за повышение своей социальной позиции и социальные привилегии есть суть и тело всей нашей социальной жизни. А так как имеет место тенденция к превращению социальных слоев общества в наследственный институт, то борьба эта принимает поистине одуряющие формы, ибо речь идет уже о судьбе потомков, рода.

Забота о благе трудящихся, которую декларирует вся наша пропаганда, есть с этой точки зрения такой же идеологический миф, как и распределение по труду. Нельзя сказать, что ее нет. Но что это такое? Отчасти -- профессиональное дело массы людей, живущих за счет этого дела. Например, строительные организации, больницы и т.п. Нелепо думать, что строитель, врач и т.п. существуют для блага трудящихся. Научно правильная формулировка тут такова: группа людей существует за счет такой-то сферы деятельности. Забота о благе трудящихся, далее, есть средство некоторой категории людей в борьбе за свое положение и продвижение. Заботясь о людях, руководители завоевывают репутацию и укрепляются у власти. Но главным образом это -- идеологическая пропаганда и демагогия, имеющая целью сохранение статус-кво.

Одна из задач возможной научной теории в данном случае -- выяснить вытекающие из изложенной ситуации необходимые следствия. В частности, главным стимулом деятельности наиболее активной части общества становится достижение более высокого уровня потребления не путем реализации личных талантов и личного труда, а путем борьбы за более выгодные социальные позиции по законам этой борьбы, не имеющим ничего общего с талантами и трудом. В результате общество приобретает тенденцию к снижению своего творческого потенциала. Я думаю, что это общество вообще глубоко враждебно всяким видам творческих проявлений и по другим аспектам его жизнедеятельности.

Принцип распределения, о котором я вам говорил, не есть проявление некоей природной справедливости или результат произвольного законодательства, Он есть результат совокупного действия массы волевых поступков людей и постоянно воспроизводится как таковой, закрепляясь в обычаях, законах, привычках и т.п. Просто, люди, занимающие то или иное социальное положение, урывают для себя от общего пирога тот кусок, который максимально доступен их силе. Каждый стремится урвать максимум, доступный ему по его положению. Максимальный кусок с минимальными затратами, -- вот святая святых этого общества, рядящегося в одежды заботы, великодушия, доброты, справедливости и т.п.

Итак, ибанское общество есть весьма сложная, дифференцированная и иерархически структурированная система привилегий. Сложная система власти призвана сохранять в воспроизводить эту систему привилегий. Ибанская культура со своей стороны создает систему лжи, маскирующую эту весьма прозаическую жизнь и изображающую ее как всеобщее равенство, справедливость, процветание.

Я намеренно ничего не говорил о первой части рассматриваемого принципа (от каждого по его способностям), поскольку он двусмысленен. Если имеются в виду способности устраиваться в жизни, то он справедлив. Тут людей

уговаривать не надо. А если имеются в виду прирожденные способности к производству духовных и материальных ценностей, то они не являются социальными привилегиями и допускаются лишь в той мере, в какой не затрагивают последние существенным образом.

ЦЕНА ОПЫТА

Книга окончена, сказал Правдец. Что дальше? Надо экземпляр спрятать здесь, сказал Друг, а другой переправить туда. Лучше по два, сказал другой Друг. Для перестраховки. Один экземпляр спрячу я, сказал Друг. Другой экземпляр я могу спрятать, сказал Брат, А как переправить, спросил Правдец. Брат упомянул о Крикуне. Правда, сказал он, есть что-то в нем такое, что мне не нравится. А что ты скажешь, спросил Правдец у Друга. Годы тюрьмы научили нас разбираться в людях. Тут ошибки не должно быть. Я тоже в нем сомневаюсь, сказал Друг. Ну что же, значит отпадает, сказал Правдец. А может быть, стоит с ними поиграть? У меня есть идея, засмеялся он. Перепечатаем последний роман Литератора. Пусть переправляет! Идея всем понравилась. Все весело смеялись, представляя, как вытянутся физиономии у сотрудников Органов, когда они...

Так и порешили. Взяв один экземпляр Книги, Брат побежал к друзьям из Органов. Потрясающая Книга, сказал он. Правдецу надо помочь. Поможем, сказал Сотрудник. Оставь почитать. Не могу, сказал Брат. Единственный экземпляр. Лично мне доверил. Тогда снимем несколько копий, сказал Сотрудник. Мы оплатим. Идет, сказал Брат. Сделав несколько копий, Брат один экземпляр загнал Журналисту, еще один кому-то еще, еще один потерял по пьянке. Остальные принес Сотруднику. Тот был занят и отослал Брата к Инструктору. Инструктор уезжал в отпуск и отложил дело до своего возвращения. Когда он вернулся из отпуска и начал читать Книгу, она ему показалась скучной и неудобной. Он не знал, за что зацепиться и к чему придраться. И направил Книгу на отзыв штатным экспертам по этим вопросам -- Социологу и Мыслителю. Социолог, высоко ценивший свои высококвалифицированные заключения, никогда не торопился с ними, набивая себе цену. И он отложил Книгу подальше, намереваясь заняться ею где-нибудь через месяц. Он даже не посмотрел, кто автор Книги. Мыслитель остро ненавидевший Правдеца за свою собственную бездарность, полистал Книгу и написал краткое заключение, в котором заметил между прочим (среди массы прочих бессмысленных фраз о мировой литературе), что это типичная болтовня на лагерную тематику. Началась обычная рутина, благодаря которой Книга как-то ухитрилась проскользнуть на Запад. И только Брат, зачастивший в гости к Сотруднику, с увлечением растолковывал ему смысл новой книги Правдеца. Сын Сотрудника выпросил ее у него почитать до утра. Собрав своих друзей, он попотчевал их новой книгой о лагерях. Ловко мы их обвели вокруг пальца, говорил Правдец своему Другу. Да, говорил Друг, это у нас не отнимешь! Тюремный опыт не пропал даром.

ГИМН СОБРАНИЮ

Представь себе, говорит Он, Двурушника прорабатывали на собрании. И чего там только про него не наговорили! В основном -- друзья и коллеги, знавшие его не один десяток лет. Плюнул бы он на собрание и не пошел,

говорит Она. Нельзя, говорит Он. Характеристику не дали бы. Плюнул бы на характеристику, говорит Она. Нельзя, говорит Он. Без характеристики не выпустили бы. Или, в крайнем случае, задержали бы еще на год. Чудовищная нелепость, говорит Она. Что такое, в конце концов, наше собрание? Ничто, говорит Он. Но -- всесильное ничто в таких случаях.

Эх, собрание, братание,
Давней юности мечта.
Взгляд соседки. Щебетание.
Сигареты теплота.
Звенит звонок. Сотрудник мчится
По учреждению родному.
Перед собраньем помочиться,
А этот -- сделать по-большому.
А тот бежит, разинув рот,
Купить от язвы бутерброд.
Эх, собрание, старание,
Ранней старости красота.
Бесконечное орание.
Пота вонь и теснота.
А зал гудит. Народ резвится.
Орет. Толкается к проходу.
Призвать к порядку кто-то тщится.
В графин, кричат, налейте воду.
И вдруг в почтенье стих народ.
Мелькнул директорский живот.
Эх, собрание, наказание,
Предынфарктная маета.
Выступальщиков кривляние.
И доносчиков клевета.
Уселся зал. Пора открыться.
Избрать президиум по штату.
Холуй с бумажкою вертится
С готовым списком кандидатов.
В президиум из года в год,
Сияя, прет активных род.
Эх, собрание, зевание,
Беспросветная скукота.
Демагогов завывание.
В мыслях полная пустота.
Ползала спит. Доклад струится.
Смакует фронда анекдотик.
Лишь бдит стукач. Ему не спится.
Пометки делает в блокнотик.
И трепачей привычный сброд
Для прений тренирует рот.
Эх, собрание, назидание,
Возвышающий момент.
Одобрение воззвания.
Обличающий документ.

Проснулся зал. Народ ярится,
За пунктом пункт тасуя ловко,
И резолюции стремится
Придать свою формулировку.
Надсмотрщиков надежных взвод
Следит, чтоб правилен был ход.
Эх, собрание, пропадание
Не минут, не дней, а лет.
Добровольное страдание.
Демократии расцвет.

Зато теперь, говорит Она, ему там хорошо без собраний. Да, говорит Он. Пишет, что без собраний скучно.

ЧАС ДВАДЦАТЫЙ

По слухам, Органы с самого начала держали деятельность Срамиздата под своим контролем и на пятьдесят процентов это вообще их затея. Но зачем, спрашивается, Органам такая затея? Дальний прицел? Но они способны целиться только в упор, да к тому же в беззащитную жертву. Были стукачи? А где их не бывает? Доносы стукачей о первых шагах Срамиздата в Органах прочитали только после того, как на него завели дело, т.е. через год как минимум. А что они смогли выудить из моря доносов и показаний деятелей Срамиздата? Смех. Явление в высшей степени любопытное. Мало того. Органы -- типичное ибанское учреждение, работающее по общим законам ибанских официальных учреждений, т.е. поразительно плохо и непродуктивно. Сам материал, с которым им приходилось иметь дело, являл собою ту же картину. Оказывается, даже оппозиционная организация Ибанска может существовать только по общим законам ибанского общества. На это обстоятельство обращали внимание даже представители некоторых иностранных посольств и иностранные журналисты. Они незаметно усваивали стиль и дух работы ибанских учреждений и граждан. Наконец, весь огромный материал, собранный Органами, не стоил выеденного яйца по той причине, что отсутствовала внутренняя необходимая связь между характером документально подтверждаемых действий срамиздатовцев и содержанием опубликованных ими материалов, а каждый из этих двух элементов их деятельности не содержал в себе абсолютно ничего, подлежащего юридической оценке. Несмотря на обилие материала, не было материала для юридического дела. Был в избытке материал для нормальной практики наказания в системе ибанского общества. Этого материала хватило бы не на одну тысячу людей. Но этот материал был совершенно непригоден с юридической точки зрения. Из него трудно было выжать даже хилое дело на нескольких человек. Неужели Лодер и его группа не поймут этого, думал Крикун. Тут одно спасение: держаться в рамках закона, настаивать на рамках закона. Но эти рамки покупаются дорогой ценой: ценой признания вины и раскаяния. Но без этого можно было обойтись. Не могли же они со всеми расправиться так, как со мной. Процесс все равно должен быть. Они совершили ошибку, обычную ошибку. Они уступили, оправдывая уступку возможностью суда. Но эта возможность была и без уступки. Наоборот, тогда она была бы еще сильнее. Нет, уступка тут -- не расчет. А натура. Просто расслабленность. Впрочем, зачем их судить? Они же сделали все-таки дело. Настоящее дело. И пусть им простятся их слабости. Они же люди. Да к

тому же ибанцы.

ВЫБОР ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Все, в конце концов, зависит от выбора точки зрения, говорит Почвоед. Верно, говорит Учитель. Но выбор точки зрения не сводится к признанию или отрицанию каких-то заданных суждений. Это может быть также и выбор явлений, подлежащих рассмотрению. Возьмем, например, историю с Коновалом, Селекционером и Генетиком. Послушать тебя, дело обстояло так. Невероятно злобный и глупый Хозяин жаждет разрушить сельское хозяйство и науку и потому возвеличивает шарлатана Коновала и уничтожает выдающихся ученых Селекционера и Генетика.

Я так не думаю, говорит Почвоед. Ты вульгаризируешь мою точку зрения. Я лишь утверждаю, что объективно получается так. Что значит, объективно, говорит Учитель. Давай лучше без оценок. Вот тебе только кусочек реальности. Хозяин знал, что положение с сельским хозяйством трудное. На это много ума не нужно. И знал, что Селекционер и Генетик крупные ученые. Но что давала их наука тогда? Она и сейчас-то только сулит, но практических массовых выходов не имеет. А по тем временам предполагалось, что наука Селекционера даст эффект лет через двадцать-тридцать, а наука Генетика -- лет через пятьдесят минимум. А делать нужно было что-то сейчас же. Нужно было чудо. И народ жаждал чуда. И правительство могло рассчитывать лишь на чудо. И это чудо приходит в образе Коновала. Выходец из народа. Сулит златые горы. И к тому же в ближайшие сроки. Шарлатан? А кто его знает? В кругах специалистов в кулуарах об этом говорили. Вслух -- нет. Боялись? Да. Но не только. Не было полной уверенности в своей науке. Не было полной уверенности в его лженауке. А чем черт не шутит? Вдруг и получится! А слухи-то ходили, что получается. А Хозяин? Да что бы он ни думал о Коновале, другого выхода не было. Он был удобен как явление социальное. Хозяин -- вождь. Это не агитка. Вождь -- особое социальное явление в сфере власти. Он действительно был вождь. Он, во всяком случае, чуял, что главное -- руководство умонастроениями людей. И независимо от того, что есть Коновал, он нужен был как ход в этом деле. Коновал чудотворец. Его возвеличили. Народ в него поверил, т.е. поверил в то, что все будет в порядке. Это было правильное социальное решение экономически неразрешимой задачи. А остальное -- обычный спектакль. Селекционер, Генетик и иже с ними презирали режим Хозяина и его самого. Они, на самом деле, были его врагами. Они многим мешали. На них можно было свалить голод и развал сельского хозяйства. Их убрали вполне в духе времени. Это апологетика, говорит Почвоед. Нет, говорит Учитель. Апологет ты. Ты говоришь: вся мразь есть отклонение от норм этого общества, и с ней надо бороться, укрепляя это общество. Я говорю: вся эта мразь есть здоровое проявление норм этого общества, надо расшатывать самые основы этого общества, чтобы сложились силы, способные сопротивляться этой мрази. Ты опасен, сказал Почвоед. Самое время писать донос, сказал Учитель.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

При Заведуне XIV отменили деньги. И они стали величайшим дефицитом. За какую-нибудь паршивую трешку приходилось платить бешеные деньги. А за валюту

буквально дрались, поскольку за нее можно было купить хоть что-то мало-мальски приличное. Черт их побери, сказал один сверхсознательный ибанец в интервью своему не менее сознательному собутыльнику. Раньше хоть какие-то гроши получали. А теперь и этого не будет. Оставили бы пока хотя бы на выпивку и курево. Без закуски мы как-нибудь обошлись бы.

При Заведуне XV процвела медицина. Жизнь Заведунам научились продлевать до пятисот лет, Заместителям -- до трехсот. Поставили задачу -- продлить до тысячи. Етот задачъка, сказал Заведун, нам уполне по плечику типерича. В целом по стране продолжительность жизни среднего ибанца, как установили путем наблюдений с искусственных спутников Земли, увеличилась на 0,00001 миллисекунды в год. За такую неслыханную доселе точность измерения большую группу сотрудников Академии Наук наградили орденами и премиями. Наша наука, сказал Президент в ответном слове от имени награжденных, вышла благодаря этому открытию века на первое место в мире. И наша задача теперь -- догнать и перегнать НБДР и в области науки.

Установили шкалу болезней и сексуальной мощи. В зависимости от ранга руководителей стали освобождать от болезней той или иной категории и присваивать тот или иной уровень сексуальности. Заведун был избавлен от всех болезней, за исключением одной, о которой речь пойдет ниже, и награжден абсолютной сексуальной мощью. Аналогично поступили с едой и выпивкой. Так что, начиная с директора крупного учреждения, руководитель мог целый день совокупляться с женщинами (до пятидесяти штук), лакать без передыха вино (до ста бутылок коньяка Сто Звездочек) и жрать пудами дефицитные продукты, которые стали редкостью даже в закрытых распределителях. Стало модно ходить с расстегнутой ширинкой и с вымазанным красной икрой рылом. Только одна болезнь упорно не поддавалась лечению -- слабоумие. Причем, оно усиливалось с повышением ранга руководителей и возраста, достигая на высших уровнях таких масштабов, что даже два на два стали умножать с помощью вычислительных машин. Это было бы еще полбеды. Все-таки научно-техническая революция! Но машины с такой задачей справиться уже не могли без посторонней помощи и систематически делали ошибки, как перезревшие второгодники. Тогда за дело взялись философы. Со ссылками на первоисточники они доказали, что это вовсе не слабоумие, а развитие сверхгениальности, начавшееся еще с классиков и достигшее в лице нашего любимого сверхсверхсверхсверхгениального Заведуна поистине махрового расцвета.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ПЕВЦА

Вплоть до самой гробовой доски
Мне в изгнании отныне суждено
Сохнуть-дохнуть, изнывая от тоски,
Пить их слабенькое кислое вино.
Тут жратвы и разных тряпок, верно, воз.
От свобод демократичных не вздохнуть.
Только, честно говоря, сплошной навоз.
Это выдумали видом обмануть.
Я мечтаю, свою душу бередя,
Испытать хоть раз забытое волнение,
Хоть часочек постоять в очередях.

Прочитать про перевыполнение.
Чтобы вызвали в собрание меня
Для серьезного глобального внушения.
Правосудие, бог весть за что виня,
Закатило лет пяток для исправления.

ЧАС ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

После того, как о Срамиздате заговорили во всем мире, и чтение его стало признаком хорошего тона в среде либеральной интеллигенции, студенчества, грамотных сотрудников ответственнейших учреждений и членов семей самого высокого начальства. Генерал явился к Министру и доложил, что есть некоторые сведения, позволяющие судить о том, ч "о что-то подозрительное имеет место. Так, по обмену с западными Органами получены материалы, из коих видно, что на территории Ибанска функционирует некий Срамиздат. Один реакционный буржуазный (значит, ему можно доверять!) журналист за разрешение посетить район Космодрека сообщил, что он сам держал в руках номер Срамиздата. Министр приказал начать подготовку материалов и первым делом выяснить организаторов и собрать выпущенные номера. Это оказалось не таким уж легким делом. Хотя списки организаторов и активистов Срамиздата валялись во всех папках, архивах, ящиках, шкафах, сейфах, кабинетах и т.п. могучего аппарата Органов, уже в течение многих лет и систематически уточнялись и обновлялись десятками штатных сотрудников и сотнями добровольных осведомителей, хотя всех организаторов Срамиздата назубок знали все слушатели зарубежного радио на ибанском языке, пришлось создать специальную оперативную группу и действовать по всем правилам сыска и досмотра. Табуны агентов стали по ночам шляться по Ибанску, прислушиваться к стуку пишущих машинок и вытаскивать из помоек использованную копировальную бумагу. Со всех машинок сняли образцы шрифта, а у всех машинисток взяли образцы их почерка. Во всех учреждениях машинки стали запирать амбарными замками на ночь. Одним словом, была проделана грандиозная работа, которая была под силу только изматическому обществу и свидетельствовала о его явном превосходстве над обществом буржуазным. И всего через каких-то пару лет примерный список организаторов Срамиздата был составлен. В него не попал по странному недоразумению сам Лодер, но попал Крикун. Однажды руководитель группы на вечеринке у Социолога встретился с Лодером и растрепал ему обо всем. Лодер попросил показать список и внес в него уточнения. Во-первых, сказал он, почему тут нет меня? Я же главный тут. Я создатель и душа всего дела. Во-вторых, при чем тут Крикун? Это вообще сомнительная личность. Явный проходимец. По-моему он стукач. Конечно, стукач. К Срамиздату он не имеет никакого отношения. И пусть не примазывается. Наконец, список активистов Срамиздата был составлен. В нем фигурировало пять штатных сотрудников Органов, десять осведомителей и несколько настоящих убежденных оппозиционеров. Душой дела действительно был признан Лодер. Это была большая победа Органов. Самая крупная за всю их историю, поскольку на сей раз впервые была реальная организация, а не липа.

Хуже обстояло дело с номерами Срамиздата. Полный комплект их имели Сотрудник и Социолог. Но это были ценные экземпляры их личных коллекций антиибанской литературы, с которыми они не хотели расставаться. Полный

комплект по идее должен был быть у секретаря Лодера, агента Органов с самого основания Срамиздата. Но когда его взяли за жабры, выяснилось, что он загнал его на черном рынке за валюту атташе одного посольства. Отдельные номера имелись у сына Министра и дочки Генерала. Но первый за них требовал японский магнитофон и полный набор пленок с песнями Певца, а вторая -- туристическую путевку в Италию. Пришлось пойти им навстречу. Остальные номера частично закупили за валюту на Западе, частично на время попросили у Лодера, обещав ему вернуть в ближайшее время.

Ознакомившись с материалами. Министр пришел в ужас и побежал к Заведующему. Тот перепугался еще больше Министра и созвал экстренное тайное совещание, о котором на другое утро знал весь Ибанск, а зарубежное радио на ибанском языке сообщило еще накануне за час до его начала. Причем комментатор рассказал о том, какое будет решение, и предоставил слово крупнейшему юристу по такого рода делам. Юрист сказал, что по ибанским законам можно к ответственности привлечь только машинистку и еще пару девочек, которых неоднократно видели за передачей номеров Срамиздата и которых, очевидно, назовут читатели. Заведующий, Министр и прочие внимательно выслушали зарубежное радио. Да, сказал Заведующий, положение сложное. С одной стороны, нельзя допускать. С другой стороны, нельзя упускать. С этими гадами нам торговать надо. Если мы нажмем, они хай подымут. И сорвут нам все. Надо все по закону. Верно, сказал Заместитель по идеологии. Надо их поймать с поличным. На месте преступления. И устроить большой процесс по всем правилам. Как это Хозяин умел делать, надо отдать ему должное. Министр суть дела понял и отдал соответствующие распоряжения Генералу. Генерал вызвал Полковника, и тот поручил Майору разработать план операции.

Майор, только что с удовольствием посмотревший пятидесятисерийный фильм о блестящей работе Органов, разработал оригинальный план. План был гениально прост и очень понравился Полковнику. Полковник припомнил некоторые сцены из многосерийного фильма, забытые Майором, внес в план дополнения и отнес его Генералу. Генерал, смотревший фильм по персональному телевизору, установленному в особом сейфе, ключ от которого имел только он сам и Министр, пришел в восторг от плана. Исполнение разработанной под его личным руководством операции Министр возложил на другого Генерала, а тому сделал замечание за несвоевременность и отсутствие должного. Операция получила кодовое наименование Ротатор.

По плану операции Ротатор предусматривалось перебросить на Запад пятьдесят хорошо подготовленных сотрудников из местных жителей, находящихся на нашем содержании. Часть из них должна стать крупными капиталистами, часть -- политическими деятелями, часть -- агентами Запада, часть -- помощниками глав государств, часть -- крупными писателями и артистами. В Ибанске создать из агентов Органов подпольную организацию, изготовляющую антиибанские листовки. Чтобы вызвать доверие, в листовках писать только правду. Желательно участие настоящих оппозиционеров. В случае отсутствия таковых поручить Сотруднику изготовить их путем непускания за границу деятелей культуры и науки, непубликования безобидных книг и т.п. После того, как деятельность организации станет известной на Западе, один из агентов Органов, заброшенных на Запад, приедет в Ибанск как турист, встретится с агентом-членом подпольной организации и предложит для подпольной типографии

переправить из-за границы портативный ротатор. Тут-то и надо будет выдвинуть идею объединения со Срамиздатом и печатания их выпусков в подпольной типографии. К организации дела подключить активных членов Срамиздата. После того, как в подпольной типографии будет отпечатан очередной номер Срамиздата, всех надо взять на месте преступления. Всю операцию незаметно для участников снять на кинопленку, предварительно установив съемочную аппаратуру в соответствующих местах.

Операция Ротатор была блестяще проведена в полном соответствии с планом за исключением одного незначительного пустяка. Когда Лодер сказал, что есть шансы достать портативный ротатор и поставить издание номеров Срамиздата на широкую ногу, Крикун сказал, что это -- явная провокация. Но его не послушали. Лодер сказал, что если даже это провокация, тем более надо ее использовать. Сделать они нам все равно ничего не сделают, не то время. Зато какой эффект будет! Черт с вами, сказал Крикун. Только я умываю руки и с вами больше не играю. Съездишь за ротатором, сказал Лодер, а там посмотрим. Может быть, мы сами тебя попросим убраться подальше. Слух ходит, что ты какими-то темными делишками на стороне занимаешься.

И Крикун, взяв отпуск за свой счет, с двумя стукачами-членами подпольной типографии, поехал в пограничный город за ротатором. Там уж все приготовлено было. Но Крикун выкинул номер, нарушивший нормальный ход дела. За полчаса до назначенного срока он попросил носильщика за трешку принести его чемодан (объяснил как его взять и где). Носильщик принес чемодан с ротатором, и Крикун сел в первый подвернувшийся поезд, сунув десятку проводнику. Пока тучи стукачей носились по пограничному городку в поисках Крикуна и ротатора. Крикун спокойно лежал в купе международного вагона, говоря себе, что с этими кретинами и подонками пора кончать. Они заигрались в революцию и выродились в полнейшее дерьмо.

В Ибанске Крикун отнес ротатор на квартиру Лодера. Лодер перепугался. Нам же дай бог какой срок пришьют за это, сказал он и велел отнести ротатор к Секретарю. Секретарь отнес его на склад Органов, но у него там отказались принять, поскольку не было накладной и технического паспорта. Что я вам, ишак что ли, сказал секретарь Лодера, сунул чемодан под лестницу и ушел комплектовать очередной номер Срамиздата. Органы сбились с ног в поисках исчезнувшего ротатора, без которого горело все так тонко задуманное дело. И не нашли до сих пор. Но время подпирало. И Министр махнул рукой. Давайте в суд как есть, сказал он.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Грани начали стирать еще при Хозяине. Но вплотную подошли к полному стиранию их только теперь. До этого было не до этого. Первым делом стерли грани между городом и деревней. В результате деревня частично сбежала в город, а частично встала в очередь за маслом, яйцами, кильками и другими промышленными товарами в городских магазинах. И стоит там до сих пор. Ждет. Обещали выкинуть кое-что. Потом стерли грани между умственным и физическим трудом. В результате талантливые ученые стали зарабатывать почти столько же, сколько уборщицы, маляры и дворники. Это было настолько крупное достижение, что Заведун произнес по сему поводу специальную речь. Мы, как говорится, это самое, эээээ..., того в общем, добились, так сказать, эээ..., сказал он,

эээ... это самое,..., ученые, они -- что, они тоже почти что люди, эээ..., наши, можно сказать...

Наконец, при следующем Заведуне взялись за стирание граней между мужчиной и женщиной. Женщинам разрешили носить брюки, курить, пить коньяк, ругаться матом и управлять государством. Мужчинам разрешили носить длинные волосы, стричь ногти и иногда менять нижнее белье. В конце концов, признали и бороды, так что по внешности мужчин и женщин различать стало невозможно. При знакомстве требовали предъявить справки. Поскольку началась кампания против бюрократической волокиты, возникла острая проблема: у мужчин отрезать или женщинам пришивать? Началась борьба, в которой, как всегда, победила генеральная линия. Мммыыы, сказал в своем докладе Заведун, пррроявили величччччайший гуммммманизм, пойдя на этот историрррический шагггг.

МОНОПОЛИЯ НА ТЕАТР ЖИЗНИ

Вот Газета, говорит Неврастеник. Читайте. Заведующий принял Посла. Заведующий прибыл в Париж. Президент прибыл в Ибанск и имел беседу с Заведующим. Заместитель принял Короля. Король посетил свиноферму. Состоялось совещание, на котором выступил Помощник. Заместитель вручил орден. Заведующему вручили орден. Металлурги перевыполнили план и послали телеграмму Заведующему. Хлеборубы досрочно выполнили план и т.д. И в другой газете то же самое. И в третьей. И по радио. И по телевидению. И в кино... И в... А Вы не обращайте на это внимания, говорит Журналист. Это же официоз. Когда тонешь, глупо отплевываться, говорит Неврастеник. Хорошо не обращать внимание, если есть что-то другое. Это же и есть наша жизнь, а не просто формальный официоз. Что делает жизнь таких людей, как я, интересной? Ее театральность. Публичность. А они узурпировали это все для себя. Они всем нам навязывают свою сцену, свою игру, свой театр. Он сами кривляются, заставлют нас любоваться их ужимками, а нам не дают. Поездки, встречи, заседания, выступления, награждения, резолюции и т.п. -- это и есть их подлинная социальная жизнь. И ничего другого у них нет. И нам они ничего другого не разрешают. Они свою серую и бездарную чиновничье-бюрократическую деятельность превращают в общественный театр. А все то, что действительно театрально, красиво, ярко, интригующе и т.п., они уничтожают или загоняют на задний план и превращают в декорации для своих бездарных игрушек. Везде театр, говорит Журналист. У нас тоже. Верно, говорит Неврастеник. Театральность жизни вообще есть норма. Важно, кто вылезает на сцену. Когда на сцене орут и кривляются человечки без слуха, без голоса, без вкуса, а в зрительном зале сидят настоящие певцы и настоящие ценители прекрасного и первые заставляют вторых слушать их и проявлять удовольствие и выражать восторг, то это -- кошмар для вторых. А еще хуже, когда в зале остаются лишь единицы имеющих слух, голос и вкус, а остальные опускаются ниже тех, кто на сцене. Так покиньте зал, говорит Журналист. Куда, спросил Неврастеник. На тот свет? За границу? Вы сгущаете краски, говорит Журналист. Вот вчера я был... Понятно, говорит Неврастеник. Вы были на сцене. А нас туда не пускают.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПЕВЦА

Поймите меня верно,
Мои дорогие друзья,
Вне родины жить скверно,
Без родины жить нельзя.
Но если хотите добра вы,
Ей захотите помочь,
Моральное ваше право:
Бегите скорее прочь.
Надумался я тут досыта.
Оглядел чуть не весь свет.
Поймите, ребята, просто
Другого выхода нет.
Не о тоске по дому,
Тут о другом речь:
Никак нельзя по-другому
Ее от них уберечь.

Я его не порицаю, говорит Он. Но мне это не подходит. Я так не могу. Не знаю почему. Но не могу. Мое место здесь. Пусть впустую, по здесь. Здесь зарыты поколения моих несчастных предков. Здесь ни за что погиб мой Отец. Замучена даровой работой Мать. Ни за грош пропала моя собственная жизнь. Я тут мерз, голодал, испытал измены друзей, несправедливости начальства и все такое прочее. Как я могу все это бросить? Не могу. Это мое. Я есть только до тех пор, пока я здесь. Давно-давно пришлось нам отступать. Отступление надо было прикрыть. Иначе всем каюк. Не было приказов. Не было просьб.

И отступление прикрыть
Из строя стали выходить.
Мы им сказали: ну, пока,
Счастливо оставаться.
Они сказали: что ж, пока,
Пока живите, братцы.
Мы им краюхи: вот -- жратва,
В последний, может статься.
Они: к чему теперь, братва,
При жизни бы набраться.

Я остался с ними. Не знаю, почему. Я не мог не остаться. Я не могу их бросить. Никогда. Мне страшно, говорит Она.

ЧАС ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Уходишь, спросил Лодер. Ухожу, сказал Крикун. Обиделся, спросил Лодер. Напрасно. В нашем деле сгоряча всякое может быть. Надо терпимее. Не обиделся, сказал Крикун. Дело не в этом. Вы боретесь против бесправия, репрессий, диктатуры. А сами? А что ты имеешь в виду, спросил Лодер. Многое, сказал Крикун. Например, случай с Самосожженцем. Но ты же сам не против таких акций, сказал Лодер. Да, если они добровольны и индивидуальны, а не акции организации, сказал Крикун. А вы запугали мальчишку. Вы насильно толкнули его на это дело. Я не могу вам это простить. Это изуверская жестокость. В духе Хозяина. Мы уже не раз говорили на эту тему, сказал Лодер. Это ошибка, а не суть. Суть проявляется в характерных ошибках, сказал

Крикун. Кроме того, на кого рассчитан Срамиздат и кто его читает фактически? Стукачи. Слишком много тут стукачей. Сынки высокопоставленного начальства. Взбесившиеся от жира бабенки. Преуспевающие молодые работники министерства иностранных дел. Правилегированные журналисты и референты высших властей. Благополучные актеры, еще не получившие почетных званий. Много ли среди читателей Срамиздата людей, искренне и глубоко переживающих ситуацию в стране? Срамиздат стал чтивом, щекочущим нервы публике особого сорта, которая лишь изображает из себя фронду, а по сути претендует если не на власть, то на участие во власти на устраивающих ее условиях. Что-то вроде детективов с социальным оттенком. А внешняя ориентация -- какой вид она приняла? Как формировались последние номера? Нужно строить номер так, чтобы это производило эффект на Западе, говорил ты. На кого? Какой эффект? Есть эффект и эффект. Есть поверхностный эффект минуты. И есть глубокий эффект времени. Эффект и сенсация -- не одно и то же. Вы стали склоняться к сенсации, к позе, к саморекламе, к самолюбованию. Мне это не подходит. Уже не подходит. Я иду дальше. Куда и с кем, спросил Лодер. Уйдя от нас, ты окажешься в полном одиночестве. Кто ты для прочих? Стукац. В крайнем случае, темная личность. Это роли не играет, сказал Крикун. Я сам себе судья, а мнение остальных меня не волнует. Моя совесть чиста.

Ему было куда уйти. Но то, куда он ушел, отличалось от покинутого только масштабами дела и масштабами сенсации. Уходить было некуда. Но оставаться было нельзя.

ВЫБОР ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Все дело в том, говорит Журналист, что у вас истребили в свое время интеллигенцию. И потом, говорит Неврастеник, воспроизвели ее в грандиозных масштабах. Я сейчас скажу Вам нечто как будто бы очень кощунственное. Но не торопитесь с заключениями. Вы же знаете, я не апологет. Я не противник и не борец. Я всего лишь пережеватель. Но не апологет. Так вот. Взгляните на эти новые жилые кварталы. Вот гостиница. Вот административные здания. Магазины. Кинотеатры. Смотрите, какой бульвар? Неплохо? Конечно, сказал Журналист. У нас в свое время порушили кучу церквей и особняков. Еще большее число зданий всякого рода разрушилось от времени и от отсутствия внимания. Сколько старых архитекторов посадили! Скажите, как сказалось все это на современной нашей архитектуре и строительстве всякого рода зданий? Пропали многие памятники культуры прошлого? Да. Упустили приоритет и отстали? Да. Многие невинно пострадали? Да. Но в принципе было бы то, что Вы видите, иным или нет? Не надо доказательств или обоснований. Положитесь на свою интуицию. Скажите, что скажется само собой. Нет, сказал Журналист. Но это -- другой вопрос. Нет, сказал Неврастеник. Вопрос тот же. Точка зрения иная. Вы догадываетесь, к чему я клоню. Совершенно аналогичная картина в области науки, техники, живописи, скульптуры, военного дела и т.п., -- в общем -- во всех областях культуры. Каким бы ни было наше прошлое, т.е. путь к сегодняшнему состоянию, мы все равно пришли бы к этому. Рано или поздно. Но к этому. Ибо это вырастало из самих основ жизни. Немножко, может быть, раньше. Веселее. Интереснее. Но к этому. И только к этому. Мы истребляли свое прошлое, а не будущее. Мы могли истреблять благодаря тому, что шли сюда и с прошлым могли не считаться. Мы всего-навсего лишь расчистили дорогу тому, что есть

сегодня. Это -- объективно и беспристрастно. Независимо от того, что думали участники процесса. Я не оправдываю ничто и никого. Я только хочу сказать, что сегодняшнее наше состояние и путь к нему -- не болезнь, не уродство, не искусственная искалеченность, а нормальное, здоровое, полноценное состояние общества такого типа. Неверно, будто оно сложилось так по той причине, что раньше уничтожили кого-то. Уничтожили потому и благодаря тому, что рождалось это. А что касается нашего брата, интеллектуала, то ситуация тут проще пареной репы. Мы -- дворняжки, вообразившие себя догами. Но Ибанск выдвигал и выдвигает в мировую культуру выдающихся деятелей, говорит Журналист. Верно, говорит Неврастеник. Но это тоже дворняжки. Огромные, но дворняжки. Со временем мы выведем таких дворняжек, что ваши доги покажутся по сравнению с ними клопами. Считается, что дворняжки -- самые умные собаки, говорит Журналист. Возможно, говорит Неврастеник. Но они от этого не становятся догами. И что же Вы предлагаете, говорит Журналист. Ничего, говорит Неврастеник. Я просто провожу время. Если бы я был догом, я был бы видным писателем, журналистом, политиком или еще чем-нибудь в этом роде. Во всяком случае, имел бы положение, средства и интересную разнообразную жизнь. Но я дворняжка. Я говорю. И только. Или молчу. Я гавкаю. Но не кусаюсь. Меня хозяева бьют, а я им лижу руки. Они меня гонят. А я ползаю перед ними на пузе и заискивающе смотрю в глаза. Если мне кинут обглоданную кость, я от благодарности к хозяевам сделаю для них что угодно. А что касается ума... Говорят, дворняжки лучше всего дрессируются для цирковых представлений.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ

О подготовке к объявлению полного изма и о самой процедуре объявления написаны тысячи томов и еще будут написаны сотни тысяч. И все равно это будет лишь относительная истина, асимптотически приближающаяся к абсолютной, но никогда не совпадающая с ней. И пусть себе приближается. Не будем ей мешать. Объявляя наступление полного изма, Заведун XVIII сказал: викавой мисита силавесисытыва, одынака, сыбылася, атынини и насавысемы усытанавыливаетыса полыная изыма, и тыпелися, одынака, на насым зынамини будеты напысаны сылава, сито казыдыя ибаныса будиты полусяты, одынака, па патылебынысыти, и типелися казыдыя ибаныса долызен быть, одынака, осинно созынателиныя, инасе мы... Что будет, ибанцу, если он не будет достаточно сознательным, известно всем, так как это уже было.

Один факт, имевший место при объявлении полного изма, все историки почему-то замалчивают, хотя он сыграл в последующей истории Ибанска первостепенную роль. На открытие полного изма решили пригласить иностранных гостей. Пусть смотрят и учатся! Нам не жалко! У нас есть чему поучиться! Но тут вспомнили, что заграницы теперь нет. И решили пригласить инопланетян. Инопланетянам все очень понравилось. Глава делегации зачитал речь, составленную для него Мыслителем и завизированную Теоретиком. На банкете в честь открытия полного изма инопланетяне пить пили, но по привычке не закусывали. Бутерброды, которые им выдали по паре на рыло, они спрятали по карманам, чтобы отнести ребятишкам. Глава делегации инопланетян обнял одного из сотрудников, посаженных за столы через одного, рыгнул ему в физиономию и спросил: ты меня уважаешь, а? Сотрудник, упившийся не менее инопланетянина, в ответ заревел на весь Ибанск:

Шумел камыш,

Дире-е-е-е-вья...

Собравшиеся, не скрывая слез, подхватили хором:

Гну-у-у-ли-и-и-и-сь!

Проследить ибанскую историю глубже в будущее Учитель не решился.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Кто сказал, что в Ибанске нет никаких возможностей для протестов, обличении и оппозиции, говорит Неврастеник. Чушь! В Ибанске для всего есть возможности. И даже неизмеримо более значительные, чем у вас на Западе. Вы, конечно, шутите, говорит Журналист. Мы никогда не шутим, говорит Неврастеник. Вот этого у нас нет. Чего нет, того нет. Врать не будем. Только у нас, говорит Неврастеник, все делается в свое время. В соответствии с установленным порядком. У нас иначе нельзя. Нашему начальству на местах только намекни, что-де, мол, пора..., можно..., так они на другой же день свергнут все и всех и учинят тут такое... У нас дело происходит так. Собираются Заведующий и Заместители. Пора, говорит Заведующий, нам за это дело взяться. По этой части у нас наметились некоторые недостатки и отставание. Снизились темпы. По протестам мы вышли только на шестое место в мире. По возмущениям даже на десятое. Правда, у нас серьезные успехи в области преступности. Тут мы обставили эту вшивую Европу и вплотную приблизились к Америке. Примут решения. Наметят конкретные меры. И что вы думаете? Все пойдет как по маслу. Будет организована инициатива снизу. Инициаторов, конечно, наметят заранее. Наиболее достойных. Кого-нибудь вроде Распашонки, Художника, Режиссера, Брата. Кто знает, может быть, даже упомянут имя Мазилы. Он, конечно, скандальный человек. Но зато вне политики. Пусть повозмущается. Пусть все видят: возмущается человек, а не берем, и брать не будем, и в газетке упомянем, и заграницу пообещаем, а то и пошлем, и вождя какого-нибудь вылепить дадим. Пусть попоют, порисуют, полепят... Сейчас можно. Есть решение. Установка. Будут и встречные планы. Досрочные выполнения и перевыполнения. Какой-нибудь высокопоставленный кретин сдуру примет все это всерьез и разработает свой личный план мероприятий. Его передвинут сначала в Академию, потом -- на пенсию, потом -- на Старобабье. Ну и чем же все это кончится, спрашивает Журналист. Как и всякая кампания, говорит Учитель, ничем. Появится какая-нибудь новая установка. Про кампанию оппозиции забудут, и она задохнется сама собой. Без репрессий, спрашивает Журналист. Это зависит от стечения обстоятельств, говорит Неврастеник. Если будет дана установка... За исключением, конечно, незапланированных оппозиционеров. С ними поступают так же, как с незапланированными выдающимися художниками и учеными. Их ликвидируют всеми доступными средствами безо всяких установок. А вы там у себя с опозданием на пять лет минимум начнете вопить о том, что историю вспять не обернешь.

ОТКРЫТИЕ

Я построил математическую теорию ибанского общества, говорит Учитель. Давай выпьем по этому поводу. А потом займемся ее эмпирическим подтверждением. Для проверки надо выбрать качественно разнородный материал.

Предлагаю проблему урожая этого года, космическую программу и политику ибанского руководства в одном из отдаленных районов Земли, в котором еще не ступала нога ибанца. Предложение заманчивое, говорит Крикун. Но как мы раздобудем эмпирические данные? Пустяки, говорит Учитель. Представления о секретности сведений теперь резко изменились. Сведения обо всем этом имеются частично в ибанской прессе и с избытком в зарубежной. Теперь секретом стали цены на вареную колбасу и число пенсионеров на душу населения. Если бы я был главой государства, сказал Крикун, я сделал бы тебя главным советником по всем существенным вопросам жизни государства. А сейчас должен посоветовать тебе, спрячь свою теорию подальше и никому не показывай. Шутки шутками, а ты на самом деле раскрыл самый глубокий механизм ибанской жизни: отсутствие строго детерминированного механизма. С твоей теорией любой Шарлатан может делать безошибочные прогнозы с любыми исходными предпосылками. Поразительно!

Теория Учителя была действительно уникальным явлением в науке. Перепробовав сотни вариантов на уровне серьезной науки. Учитель решил, что серьезность есть признак посредственности. И решил попробовать установить чисто априорные зависимости эмпирически независимых величин. В конце концов, думал он, какое мне дело до того, что творится внутри этого бардака. Чего я хочу? Найти метод предвидения. Как я его придумаю -- роли не играет. Важно лишь одно: чтобы он давал правильные, т.е. более или менее часто подтверждающиеся предсказания. И он сформулировал систему постулатов, при виде которой Крикун сначала хохотал до слез, а потом и предложил решающую проверку. Вот несколько примеров постулатов теории: если число коров увеличить в n раз, то число номенклатурных работников сельского хозяйства увеличится в 2n раз; если число космонавтов увеличить в m раз, а посевные площади увеличить в k раз, то вероятность неполадок в космосе вырастает в раз, где 1 есть коэффициент роста капиталовложений в дело освобождения отсталых народов от ига; и т.п. Нахохотавшись до слез, Крикун тут же вычислил, что период Растерянности кончился еще до того, как начался, а начался тогда, когда его уже прикрыли, что либерализма нашему руководству хватит еще от силы на пару лет, а опекаемые нами дорогостоящие жители отдаленных районов планеты через год пошлют нас на... И они выбросили теорию в мусорный ящик. Через сто лет, сказал Крикун, какой-нибудь гениальный мальчик откроет эту муть заново, и человечество сделает еще один шаг вперед в своем духовном развитии.

Черт с ним, с нашим гениальным потомком, говорит Учитель. Но основы теории ибанского общества я, кажется, действительно нашел. А это я выбрасывать не собираюсь. Это уже не шуточки. Как ты думаешь, сколько еще времени осталось в нашем распоряжении? Не больше года? Я тоже так считаю. Значит полгода от силы. Значит за три месяца надо все написать. Знаешь, я решил все свои жизненные проблемы окончательно. Хватит! Больше терпеть нельзя. Буду пробиваться с боем. Во весь рост. Мы все равно окружены. Другого выхода нет. Только атака. Во весь рост. И прямо на них. Ну, я пошел.

Он не дошел до дома.

ПРИГОВАРИВАЕТСЯ К ЛЕЧЕНИЮ

Крикуну помочь не удалось, говорит Брат. Я ездил туда. Оказывается, это дело у нас здорово налажено. Имеется постоянно действующая комиссия. В нее

входят психиатры, психологи, профессиональные эксперты, народные судьи и инспектор Высшего Суда. Комиссия составляет список вопросов применительно к уровню образования, социальному положению и профессии обвиняемого. Вопросы составляются так, чтобы на них был в состоянии ответить средний нормальный индивид данной категории. Вопросы самые разнообразные. Например, как звали деда по материнской линии, сколько будет дважды два, какое решение принял мартовский пленум, куда поехал Заведующий, кто стоит во главе Братии во Внутренней Панголии и т.п. Всего сто вопросов. Порядок такой. Приводят обвиняемого. Задают вопрос. Нажимают кнопку. Если успел ответить до звонка и притом правильно, дается плюс единица. Ответил неправильно -- ноль. Не успел ответить -- минус единица. Пустяки, говорите? Попробуем! Когда умерла твоя бабка по отцу? Раз, два, три... Минус единица. Отчество твоей жены? Раз, два, три... Минус единица! Ваше имя? Раз, два, три... Минус единица! Ну как? То-то. А когда сидит комиссия в двадцать человек... Вопросы в общем можно составить так, что не придерешься, а обвиняемый заранее обречен не ответить почти ни на один из них в установленное время. Причем, чем выше интеллектуальное развитие обвиняемого, тем легче его завалить на пустяковых вопросах. В зависимости от количества очков определяют, нормален или нет. Если не нормален, то какой категории. Отказ отвечать на вопрос засчитывается как минус единица. Крикун набрал, между прочим, минус сто. Своеобразный рекорд, ха-ха-ха! Для нормы нужно пятьдесят очков минимум. От двадцати пяти до пятидесяти очков -- больной третьей категории. От нуля до двадцати пяти -- второй. Ниже нуля -- первой. Ниже минус пятидесяти -- высшей. Затем комиссия принимает решение считать обвиняемого нормальным или ненормальным такой-то категории в зависимости от суммы очков. Если больной -- объявляется приговор: приговариваетесь к принудительному лечению такой-то категории. Надевают специальные наручники и наножники и ведут осужденного в клинику показать, как выглядят осужденные по этой категории. Я посмотрел. Третью категорию. Кошмар. Только двух выдержал. Больше не мог. Несколько дней рвало. До сих пор мутит. После осмотра излечиваемых осужденному последний раз предлагают подписать бумаги -- показания, признания, раскаяния. Если подпишет, участь облегчается. Снижается категория лечения или передается в обычный суд. Потом -- уколы. Опять-таки в зависимости от категории. Это жестоко, говорит Супруга. Последствия лечения могли бы и не показывать. Ничего подобного, говорит Социолог. Тогда наказание теряет смысл. Наказуемый должен знать, что его ожидает. А в чем заключается состояние излечиваемых, спросил Мыслитель. О, сказал Брат, это они здорово продумали. Смертный приговор -- детская игрушка в сравнении с этим. Представь себе состояние человека, который узнает, что его сейчас должны убить. И растяни это состояние на много лет. Они там, между прочим, долго живут. Плюс физические страдания. А чем различаются категории с этой точки зрения, спросил Сослуживец. Степенью, сказал Брат. К излечиваемым первой категории допуск только с подписью Заместителя. А осмотр больных высшей категории кроме обслуживающего персонала запрещен вообще. Так что можете себе представить...

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

Что это, спросил Болтун. Так, сказал Мазила. Ерунда. Для денег. Надгробие некоему Почвоеду. Кто такой, спросил Болтун. Крупная шишка, сказал

Мазила. Между прочим, не очень старый. Нашего поколения. Сдох внезапно. Инфаркт. Родственники решили, что надгробие буду делать я. Во что бы то ни стало! Вот как! Я становлюсь модным гробовщиком.

Эх, хорошо в стране ибанской жить!

Эх, хорошо вождей из глины лепить!

Слушал Голос? Нет, сказал Болтун. Что-нибудь новое? Еще какое, сказал Мазила, Весь мир гудит. Сбежал Плясун. Это такой удар! Бешеный успех. А тут был на третьих ролях. Вот что значит раскованность. Представляешь, сама Королева ножки ему целовала. Неплохо, сказал Болтун. Смысл есть удрать, сказал Мазила. Но я погожу еще немного. Когда они нам начнут жопу целовать, вот тогда будет самое время. Ты помнишь, Крикуна, спросил Болтун. Нет, сказал Мазила. У меня тут столько всяких перебывало. Всех не запомнишь. Крикун не всякий, сказал Болтун. А что с ним, спросил Мазила. Ничего особенного, сказал Болтун. В психиатрической. За что, спросил Мазила. Кто знает, сказал Болтун. По всей вероятности, за Срамиздат. У тебя Сотрудник бывает. Ты не смог бы... Нет, сказал Мазила. Я не хочу с этим связываться. Понятно, сказал Болтун. Это не твоя игра. Я был у него. Смотреть страшно. Говорит о подлинном изме. Книгу писать собирается. Просил бумагу и карандаш. Только вот буквы, говорит, не все помнит. Кто знает, сказал Мазила. Может быть в этом-то и заключена подлинная правда. А я получил разрешение. Поздравляю, сказал Болтун. Насовсем? Нет, сказал Мазила. На два года. Значит насовсем, сказал Болтун. Вот долеплю этого болвана, сказал Мазила, и буду собираться. Желаю удачи, сказал Болтун. Я пошел. Пока! Пока, сказал Мазила. Пиши! Если буквы, конечно, не забудешь. Ха-ха!

Болтун ушел, и душа покинула тело Мазилы. И ему стало легко и весело. Жизнь только начинается, сказал он. И запел:

Ах, дайте только мне свободу,
Я мир сумею победить.
На удивление народу
Шедевр невиданный слепить.

Чушь невероятная, подумал он. Какой кретин придумал?

Шедевр невиданный сле-е-е-пить.
Шедевр неви-и-и-данный...
Ше-е-е-е-е-д-е-е-е-врррррр...
Вр-р-р-р-р.....
Р-р-р-р-р.......

ЧАС ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

Почему же все-таки они так быстро капитулировали? Лодер выдал всех. Даже тех, о ком Органы не имели никаких сведений. Трусость? Это не объяснение. Принцип? Создать видимость большого дела? Но такой ценой! Они же много потеряют в глазах общества. Они перед лицом истории. И не могут этого не понимать. Глупость? Насилие? Загадка для истории. А загадки никакой нет. Просто они плоть от плоти и кровь от крови этого общества. Они -- ибанцы, и этим все сказано. Обычные нормальные ибанцы. Только в необычной позиции. И не надо от них требовать что-то другое. Крысы живут по-крысиному. И протестуют по-крысиному. Они сделали свое дело. Они достойны уважения. А ты? Время еще есть. Не торопись с выводами. Может быть ты тоже обычный ибанец?

Как и они? Конечно, обычный рядовой ибанец. Но я им не хочу быть. И не буду. Значит я не буду совсем. Вот и все! Жизнь окончена.

И ему стало легко и весело.

Написана жизни последняя строчка,
Поставлена в жизни последняя точка.
Жизнь прошла. И теперь все равно,
Был ты герой или только говно.
Лишь до мысли последней тревожит ответ,
Сделал ты дело свое или нет.

Поразительный все-таки мир! Неужели это действительно новая более высокая ступень в развитии общества? Пусть так. Пусть им без меня будет лучше.

Сделал ты дело свое или нет.
Сделал ты дело свое...
Дело свое...
Дело...
....

УСЛОВИЕ ПРИМИРЕНИЯ

Я мог бы со всем этим примириться, говорит Неврастеник. Нельзя то, ибо так нужно в интересах государства. Нельзя это, ибо так нужно в интересах Братии. Нужно то, ибо... Нужно это, ибо... Пусть так. Мне в общем-то совсем мало нужно. Но если бы это все делала действительно неодушевленная безликая машина! Тогда все воспринималось бы как природная необходимость. Но машины-то тут как раз и нет. Тут -- живые люди. Твои коллеги, друзья, соратники, соученики, учителя, ученики, подчиненные, начальники, соседи, родители, дети и т.п. Когда сваливают на некую безликую машину (это модно), то фактически попадаются на удочку официальной демагогии. Машины нет. Есть люди. Вот тебя не пустили на конгресс. Нецелесообразно. А кто это решил? А кто поехал? Почему решал этот подонок и проходимец? Почему поехал этот невежда и хапуга? На деле все разговоры о целесообразности, нуждах и т.п. суть лишь демагогическая форма для карьеристов, стяжателей, невежд, бездарностей. Примириться? Надо ставить вопрос не так: с чем? А так: с кем? Примириться с карьеристами, хапугами, тупицами, невеждами? Они задают тон. Они хозяйничают. Покорствовать им? Подпевать им? Становиться своим для них? Нет, это мне не подходит. Это многим, очень многим не подходит. И мы сопротивляемся. Но как? Вот я должен писать кусок в книжку, главным автором которой будет Секретарь. Я напишу этот кусок левой ногой. Все равно лучше этого никто не напишет. И остальные так же поступают. Выйдет очередная дегенеративная книжка. Ее превознесут. Будут прекрасные рецензии. Переведут для заграницы. На премию выдвинут. И дадут. И станет эта книга очередным стандартом для всех. Я сопротивляюсь, и итог этого -- расцвет кретинизма в одной из областей культуры. Вы думаете, я преступник? Это всех устраивает. Напиши я приличный текст, меня разнесут. Так что мое сопротивление в конечном итоге есть примирение. Пробиваться? Можно пробиваться. Некоторые так делают. И пробиваются. Меняется что-нибудь? Да. Эта область жизни теперь выглядит более прилично. Смотрите, говорят, у нас талант поощряется. У нас во какие величины есть! А по сути остается та же общая ситуация, только

лучше замаскированная. И пробиться становится еще труднее. Ранее пробившиеся теперь тоже прилагают усилия, чтобы ты не пробился. Так что в общем-то не играет роли, примиряешься ты или нет. Тебя об этом даже и не спрашивают.

ИНТЕРВЬЮ МАЗИЛЫ

Кого Вы считаете самой значительной фигурой в духовной жизни Ибанска нашего времени, спросили журналисты у Мазилы, когда он прибыл в Париж. В последние годы, ответил Мазила, в Ибанске появилось много интеллектуалов, которые, как мне кажется, обсуждают современные проблемы человечества на довольно высоком уровне. Могу назвать, например, Брата, Распашонку, Режиссера. Мыслителя, Социолога, Супругу, Нытика, Хлюпика и многих других. А что Вы намерены делать здесь, спросили журналисты. Я буду ставить грандиозный монумент, посвященный борьбе сил добра против сил зла, сказал Мазила.

А ЖИЗНЬ ИДЕТ

Вы слышали, что..., сказал Социолог многозначительно. И слюни от ужаса потекли по его бороде прямо на новые расклешенные в коленках ультрафиолетовые штаны в крупную клетку, купленные на днях за границей. Кошмар! Мы стараемся, а они... Говорят, что... сказала Супруга, одергивая волочившуюся по полу модную юбку из крокодиловой шкуры, сделанную по спецзаказу в ателье Органов. Могу вам по секрету сообщить, что..., сказал Кис, раздуваясь от важности. И тут же наложил в штаны от своей собственной сплетни. Ходят слухи, будто..., сказал Мыслитель, и его могучая лысина покрылась испариной от сознания гнусности той роли, какую ему навязали в этом деле эти мерзавцы. Впрочем, он никогда не разделял взглядов этих кретинов. Это не его игра. Я слышал, как... разговаривал с... по поводу..., сказал Сослуживец. И носик его затрясся от возбуждения. Нет, нет, поспешно добавил он. Я не хочу сказать, что..., я хочу сказать, лишь то, что... Как долго это протянется, спросил Неврастеник для того, чтобы ответить самому. Год! От силы год. Все их затеи лопнут, и тогда... Они уже лопнули, сказал Брат. Мне говорил... Мы горим по всем статьям. А что, если..., сказала Супруга. Это будет кошмар, сказал Сослуживец и побежал в туалет. Кто бы мог подумать, сказал Социолог, что мы будем молить судьбу, чтобы этот... подольше удержался у власти! Это лучшее из того, что у нас вообще возможно, сказал Неврастеник. Да, сказал Журналист, на Западе считают, что если... Выпьем за его здоровье, сказал Сослуживец и запел:

Содвинем стаканы
И выпьем их лихо.
Пусть эти болваны
Сидят себе тихо,
Чтобы как-нибудь сдуру
Не забрили в солдаты,
Не содрали с нас шкуру,
Не лишили зарплаты.

Присутствующие единодушно подхватили:

Не лиши-и-и-и-и-ли зарпла-а-а-а-ты!

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Что же осталось? Пустяки. Пена. Заключение к ненаписанному роману. Последняя формула ненайденного доказательства.

У дома Крикун заметил машину. И узнал ее. Это их машина. У подъезда стояли мальчики. Они не прятались и не скрывали своих намерений. Этого детину он видел, когда провожали Певца. Домой нельзя. Куда теперь? Все известные ему каналы наверняка блокированы. К Правдецу возвращаться тоже нельзя, это очевидно. К тому же, судя по последним встречам, этот альянс окончился. Странно, подумал он, такой большой человек и такой наивный. Как ребенок. Почему он все-таки решился доверить мне книгу? Он же уверен, что я стукач. Решил поиграть? Руками Органов сделать дело? Такие идеи сейчас популярны. Неужели он на них клюнул? Вряд ли. Скорее всего -- я один из двух, по крайней мере. Может быть отвлечь внимание... Впрочем, это меня не касается. Это уже не моя игра. Тут все во что-то играют. А я?..

Он пошел на бульвар и сел на сырую холодную скамейку. Куда же пойти? Он стал перебирать в памяти всех своих знакомых. И с ужасом констатировал: пойти не к кому. Он ужаснулся не за себя. Он привык. Он ужаснулся за них. Когда тебя не ценят, это не одиночество. Когда тебя не понимают, это не одиночество. Когда тебе некому излить душу, это тоже не одиночество. Одиночество -- это когда ты сидишь вот так ночью один на улице в мокром, холодном, заснувшем, многомиллионном городе и знаешь, что тебе некуда отсюда идти и не к кому идти.

Осталось одно, решил он. Случай. Как всегда. И он пошел. Сначала просто куда-то пошел. Потом, понял, что идет на аэродром.

Вот темной слякотной ночью по обочине дороги километр за километром вышагивает уже немолодой смертельно уставший человек, думал он. Зачем? Кому все это нужно? Конечно, миллионы людей получат на какое-то время забаву. А в нашей серой жизни это не так уж мало. Для этого? Нет. А сколько людей будет радо тому, что Им дали по мозгам! И будет переживать праздничное настроение. А сколько людей скажет себе после этого, хватит! Правда, немногие из них реализуют это свое решение. Может быть никто. Но все-таки они это скажут. Для этого? Нет. А какой переполох поднимется в верхах! И в Органах! Сколько будет вздрючек! Сколько для них прибавится работы! Настоящей, а не фиктивной. Это будет действительно значительное событие, а не липа. Для этого? Нет. Он давно привык относиться к ним не как к людям, а как к бездушным силам природы. А интеллигенция! Бог мой, сколько будет разговоров! Море слов. Перемигиваний. Вздохов. Охов. Всяких. За. Против. С одной стороны. С другой стороны. Все переговорят. Для этого? Нет. Он давно убедился в том, что нигде не встречается так много дегенератов, как среди деятелей науки и искусства. И каких дегенератов! Для них? Упаси боже! Среди них, конечно, найдется несколько человек, которые все поймут. Но это -- капля в море. Это за порогом ощутимости,. А кто вспомнит о тех, кто делал всю черновую работу? Мы же ибанцы везде и во всем. Много ли говорят о рядовых научных сотрудниках, когда честь открытий приписывают начальникам и воздают им почести? Вспоминают, но скопом, для очистки совести. Они не персонифицированы. Так для чего? Для кого? Бессмысленные вопросы. Мотивов давно нет. Они сработали в свое время и исчезли. Цели давно нет. Она

направила когда-то, похлопала по плечу и сказала: а теперь иди! И исчезла. И не осталось больше ничего. Осталась пустая форма от человека. Призрак. Тень без тела. Такая жизнь не проходит безнаказанно. От такой жизни неизбежно приходишь к финишу пустой абстракцией. А почему же ты идешь? А разве ты можешь не идти? Идешь, ибо не можешь иначе. Это -- итог.

Один раз около него остановилась машина. Сидевшие в ней предложили его подбросить. Он отказался. Может быть, это Они? А ну их! Теперь все равно. Эксперимент окончен. И повторений не будет.

МОЛИТВА ВЕРУЮЩЕГО БЕЗБОЖНИКА

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нем нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, в любви не обильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что -- Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно все видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого, Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю:
Отче!!
Не молю, а требую:
Будь!!
Я шепчу,
Я хриплю;
Будь же,
Отче!!!

Умоляю,
Не требую:
Будь!!!!!

КОНЕЦ

В порту Он осмотрелся и выделил двух девочек. Сейчас самые надежные люди на земле -- девочки, подумал Он, и подошел к ним. У меня Книга, сказал Он им. Ее надо переправить туда. Сможете вы это сделать? Да, сказали они, потому что они были девочки. Он подождал, пока они проходили досмотр, вышли на аэродром и махнули ему рукой. Он не знал, что Книгу у девочек отобрали и велели подать условный сигнал. Все в порядке, подумал Он. Как это, оказывается, просто! И к нему пришла тоска. Как будто он расстался с последним близким существом или почувствовал несправедливый и непоправимый обман. Он не знал также, что все это уже не имеет значение, ибо Книга уже была там и готовилась сказать миру свое страшное слово. Самое черное правдивое про самое светлое выдуманное.

Мальчики ждали у выхода. Им некуда было спешить. Игра закончена. И они позволили ему свернуть в буфет. Еще можно уйти, подумал Он. Куда? Зачем? Просто так, из принципа? Нет, брат, поздно. Я больше не хочу, сказал Он вслух. И отодвинув неначатый стакан, пошел к выходу, Над Ибанском всходило Солнце, освещая зияющие высоты наступающего изма и пробуждающийся к мирному труду довольный ибанский народ. О, боже, дай мне силы поставить последнюю точку!

ПОЭМА О СКУКЕ

....
....
И поднялись мертвые из праха.
И пришли они на Суд Святой.
Но не было ни радости, ни страха
У них в душе, давным-давно пустой.
Послушал Судия былых людишек.
И, зевнув от скуки, молвил Он:
Ничего, ребята не попишешь.
Это -- исторический закон.
Распрямились у мерзавцев спины.
Ну, теперь держитесь, вашу мать!
Замерла покорная скотина --
Жертвы. Жертвы. Им не привыкать.
И окинув все последним взглядом,
Он вздохнул: какой я был простак!
Верно говорят: все люди -- бляди.
Верно говорят: весь мир -- бардак.
....
....
Из сортирной поэмы "Страшный Суд"

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В мастерской было битком народу. Среди разрушающегося гипса и нетленной бронзы шлялись девицы неопределенного пола и возраста. Одни из них были затянуты в брюки так, что отчетливо проступали все детали туалета и анатомии. Другие были обнажены настолько, что при каждом движении отчетливо обнаруживались все детали туалета и анатомии. Чем не Париж, усмехнулся Болтун. А бельишко у них паршивенькое. Поистратились на наружу, не хватило на внутренность. Надо думать, не один месяц жили впроголодь и спали с кем попало для экономии. Нет, все-таки это не Париж. Дай бог, чтобы не Париж.

Ко всему приглядываясь и прислушиваясь, неслышно и незримо скользили стукачи. Одного из них Болтун узнал, и они кивнули друг другу. Техника -- техникой, подумал Болтун, а рядовой стукач остается основой основ. Личное присутствие не компенсируешь никакими сверхсовершенными приборами. А в этом бардаке что-нибудь подслушать и подглядеть вообще немыслимое дело. Только зачем тут стукачи? Попросили бы, и Мазила сам ответил бы на все интересующие их вопросы самым искренним образом. У него же нет абсолютно никаких секретов.

Задумчиво бродили старые знакомые -- Мыслитель, Неврастеник, Сотрудник, Социолог. На замызганной тахте с грязными ногами раскинулся Брат. На краешке тахты приютился Посетитель. В растерянности застыли новички -- Крыс, Вша, Вошь, Тля, Мышь. Болтун видел их здесь впервые. Но не удивился. За эти годы в Ибанске и в мире вообще произошли такие перемены, что было бы более удивительно, если бы они не появились здесь. Они вылезли на сцену серой и нудной ибанской истории, отчасти отпихнув старых знакомых, отчасти приручив их для своих целей, отчасти включившись в их среду. И всю эту мразь потянуло к искусству. И разумеется -- к неофициальному. К почти гонимому. В особенности к такому гонимому, общение с которым не наказуемо и не может помешать карьере. А мастерская Мазилы -- передний край мирового искусства. Но передний край совершенно безопасный для посетителей. За общение с ним еще никого не посадили, не понизили в должности и даже не застопорили дальнейшее продвижение. Недаром же у Помощника в квартире висят гравюры Мазилы. Ходит слух, что даже будто бы у Самого в кабинете кое-что висит такое... Одним словом, в мастерской -- как на приличном книжном или киношном фронте: и пули свистят, и никого не убивают. Здесь бывают и убиваемые, но их убивают не здесь и не за это.

Когда все это кончится, орал Брат, размахивая бутылкой и стараясь привлечь к себе внимание собравшихся. Мы что -- крепостные что ли?! Рабы?! Во всех цивилизованных странах поездки деятелей культуры за границу суть элементарные нормы жизни. А у нас до сих пор это привилегия начальства, их блядей и стукачей,... твою мать! Кто-то пил стаканами растворимый кофе, купленный в наборе с нагрузкой в виде тухлых несъедобных яблок и не имеющего спроса одеревеневшего печенья. Стаканы ставили на книги и рисунки, и по ним растекались светло-коричневые лужицы. Кто-то пил коньяк. Тоже стаканами, закусывая вареной колбасой с зеленоватыми оттенками и пирожными и разбрасывая вокруг сладкие крошки. Кто-то сосал недозревший импортный виноград, выплевывая косточки на пол и на свежеотпечатанные гравюры. Все курили, обсыпая себя и соседей пеплом, туша сигареты о распятия и бросая окурки в разорванный живот Пророка, Мыслитель выколачивал трубку о голову

Орфея. Нет, подумал Болтун, это все-таки Париж. Правда, после присоединения к Ибанску.

Группа иностранцев пробиралась к выходу, уверяя друг друга и окружающих в том, что они были потрясены виденным. Все они держали в руках маленькие рулончики -- подаренные Мазилой гравюры. Какое безобразие, сказал Сотрудник Мыслителю. Все они -- состоятельные люди. Купить могли. А они унесли минимум на тысячу долларов. И даже глазом не моргнули. Другая группа иностранцев разглядывала огромного деревянного болвана, начатого много лет назад одним рехнувшимся помощником Мазилы и не выброшенного из мастерской на дрова по причинам, не известным даже стукачам и Отделу Культуры. Иностранцы фотографировал болвана, качали от восторга головами и уверяли друг друга и окружающих в том, что они тоже потрясены. Все вроде бы то же самое, подумал Болтун, но все уже другое. Зачем я здесь? А где же тебе еще быть? Твое тело вернулось, и ты -- дух -- должен вернуться в свое тело. Только тело, судя по всему, не торопится вернуть свой дух обратно.

Мазила, одетый во все иностранное, сильно похудевший, но не помолодевший, лепил какой-то гигантский бюст. Привет, старик, кивнул он Болтуну, не прерывая работы и продолжая что-то рассказывать о Париже девицам, глядевшим ему в рот. Привет, сказал Мыслитель Болтуну. Уже выпустили? Дешево отделался. Учитель еще сидит? Мы так и не поняли, за что вас. Такая глупая и смешная липа. Это Бульдозер раздул, чтобы на этом карьеру сделать. Но он погорел. Не слыхал? Анекдот!...

Собравшиеся время от времени подходили к Мазиле, разглядывали с видом знатоков и ценителей кусок глины, отдаленно напоминавший голову Заведующего Ибанска (Заибана, как теперь стали говорить), и высказывали глубокомысленные суждения. Ты здорово продвинулся вперед, сказал Социолог. Вот что значит несколько лет пожить на Западе. Я только что вернулся из Англии. Ездил с делегацией. Встречался с самим... Потрясающе, завопил Неврастеник. Ну и урод! Левый глаз оставь так. У меня недавно книжечка вышла. Хорошая книжка, честно признаюсь. Я обязательно тебе подарю. Мне удалось кое-что сказать. Ты здорово передаешь его духовное убожество и мелкое тщеславие, сказал Сотрудник. Не хотел бы я, чтобы меня изобразили в таком виде. Только так не пропустят. Ни за что! Наши вожди -- по постановлению красавцы. Так что лоб надо немного повыше, а подбородок подать вперед. Иди сюда, заорал Брат, разливая коньяк в кофейные стаканы. Брось ты этих м.....в!

А ты что скажешь, спросил Мазила Болтуна. Когда-то один человек, считал, что нельзя написать гениальную передовицу в газету, сказал Болтун. А где...? Болтун осмотрел мастерскую и с трудом разглядел в углу, заваленном ящиками и обломками старых работ. Великий Замысел. Мазила уловил взгляд Болтуна. Заходи как-нибудь в другой раз, потолкуем. А то видишь -- народ. Что нового, сказал он, обернувшись к Крысу. Двурушник погиб в автомобильной катастрофе. Его наши убрали, сказал Крыс. Не думаю, сказал Мазила. Там автомобильные катастрофы -- обычное дело. Последнее время он здорово пил. К тому же он живой был выгоднее тем, кого Вы называете словом Наши. Как пример, к чему ведет дурное поведение. Певец покончил с собой. Почему? Трудно сказать. Он там имел успех, пока был здесь. А там к нему быстро утратили интерес. Полная изоляция. Что делает Правдец? Книги пишет. Сразу три. Одна -- подлинная история Ибанска. Другая -- ложность идеологии ибанизма Третья -- куда и как должен идти ибанский народ. Это несерьезно,

сказал Мыслитель. Полная потеря чувства реальности. Что он берется не за свои дела? А где установлено, какие дела свои, а какие -- не свои, спросил Посетитель. Но мы живем в двадцатом веке, сказал Социолог. Должно же быть чувство гражданской ответственности! Вы упрекаете Правдеца в отсутствии такого чувства, спросил Посетитель. Странно. Я имею в виду другое, сказал Социолог. О какой, например, подлинной истории может идти речь? Такой вообще не бывает. Историю пишут лишь для того, чтобы исказить прошлое в интересах какой-то предвзятой идеи. Все искажают. Важно лишь то, в каком направлении и с какой целью это делается. Это же азбучные истины, Я в своей статье в Журнале писал... Направление Правдеца известно, сказал Мазила, увеличивая лоб Заибана еще на четыре сантиметра. Направление это -- антисоцизм. А цель -- благо народа. А что такое народ, заорал Брат. Пошли вы все в ж...у со своим народом! Плюнь ты на этих м.....в! Иди сюда, выпьем! Это будет та же официальная история, только наизнанку, сказал Мыслитель. Поменять местами охранников и заключенных, -- вот вся философия Правдеца, сказал Тля. Только будет ли от этого лучше? Будет хуже, сказал Мыслитель, обдумывая, под каким соусом он попросит у Тли в долг крупную сумму на длительное время. А что он смыслит в ибанизме, сказал Мазила. Вот Мыслитель, например, мог бы, действительно, разоблачить его. Если бы захотел, конечно. Он специалист. Вряд ли, сказал Неврастеник. Он мог бы защитить лучше, чем другие. Но это очень опасно. Опаснее, чем разоблачение. Для этого нужно большое мужество. Ты шутишь, сказал Мазила. Никак нет, сказал Неврастеник. Конкуренция. Хорошая книга по ибанизму сразу дает положение, славу, звания, средства. Они легче простят плохую книгу против, чем хорошую за. Он, конечно, шутит, захихикал Крыс. Ну как, спросил Мазила у Болтуна. Так лучше? Ха-ха! Ну и рыло получается! Наполеон! Ха-ха! Римский патриций! Ха-ха-ха! Это не имеет значения, сказал Болтун. А что имеет значение, спросил Мазила. То, что ты лепишь Его, сказал Болтун. И то, что его лепишь Ты. Это суть эпохи. Потрясающе, услыхал Болтун уже в дверях возглас Неврастеника. Нос! Не трогай больше нос! Вот это нос! Вот это морда!! Вот это рыло!!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Никто не заметил, когда возвратился Болтун. Да и он сам не заметил, что вернулся, настолько образ жизни там и здесь, на свободе, были похожи. Выйдя от Мазилы, он решил сочинить новый трактат о нем. Но так как время стало по некоторым причинам еще более либеральным, чем ранее, написать трактат так, чтобы об этом не узнали другие и не приняли меры, стало практически невозможно. И он решил сочинить его в уме. Сидя там, он сочинил таким образом буквально десятки таких трактатов, научился держать их в голове и при желании воспроизводить их. Надо достать магнитофон, подумал он, и я за неделю надиктую целую книгу. Хотя бы от нечего делать. От одуряющей скуки, напавшей на него после встречи с Мазилой. И назвал он свой трактат

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сначала я хотел сочинить поэму о победе сильного человека над косными обстоятельствами и враждебной средой, вольного духа над скованным телом, гения над серостью, думал Болтун. И вроде бы это соответствовало фактам. Победа вроде бы налицо. О такой судьбе можно только мечтать. Мировая

известность, признание, делай, что хочешь говори, что хочешь, езжай, куда хочешь. Что еще? Но это была бы ложь. Сильный побеждает только одним путем -- становясь слабее. Гений побеждает, становясь серее. Свободный побеждает, сковывая себя. Но чья это победа?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Учитель вышел на привокзальную площадь. Прохожие при виде его начинали ощупывать свои карманы. Ну и бандит, говорили они. Гляди, какая рожа. Сажать их надо! Вешать! Постовой решительно направился к нему и потребовал документы, ощупав на всякий случай пистолет. Ясно, сказал он, поглядев бумаги. А ну, топай отсюда живей! Здесь иностранцы ходят. Сфотографируют -- пеняй на себя. Пошел ты в ж..у, лениво сказал Учитель и не спеша запихнул бумаги за пазуху. За эти годы тут произошли действительно огромные перемены, подумал он. Ого какие махины понастроили! Что твой Нью-Йорк! И все-таки тут что-то осталось незыблемым. Какая-то глубинная безвкусица и серость. Ну конечно, вон улицу перерыли на самом видном месте. Наверно канализацию забыли провести. А этот небоскребик уже ремонтируют? Ибанск есть Ибанск. Провинциализм с претензией на столичность. Столица столиц, как выразился Заибан. Захудалая периферия, вообразившая себя центром мироздания. Чего тебе еще, спросил он перепугавшегося постового. Сказано, пошел вон! Пушку оставь себе. А я, может быть, тут ночевать останусь.

И в самом деле, куда идти, подумал он. Дома нет. Жена сразу же расторгла брак, как торжественно сообщили ему, и добилась лишения его прав отцовства. Квартиру поменяла. Где теперь прописываться? Друзей никого не осталось. Он вышел на обезлюдевший проспект Претендентов. Странно, подумал он. Еще так рано, а людей никого не видно. Ах да, сегодня же матч. Наши встречаются с гренландскими профессионалами. Матч века! Победа принципов ибанизма в спорте нам нужна во что бы то ни стало. Если наши проиграют, кое-кого могут посадить.

Дойдя до Продуктового Ларька, Учитель присел на сваленные как попало пустые ящики из-под каких-то неведомых ныне фруктов. Если мне память не изменяет, подумал Учитель, эти ящики валяются здесь с тех самых пор. Итак, я опять на свободе, сказал он вслух. На свободе! И он рассмеялся. И рядом с ним рассмеялся кто-то еще. Кто ты, спросил Учитель. Никто, ответил голос. А ты? Я тоже, ответил Учитель. Откуда ты, спросил голос. Из прошлого, ответил Учитель. А ты? Я хуже ответил голос. Я из будущего.

Обычно я живу здесь, сказал Хмырь. У меня есть местечко, где можно переночевать. Берлога. Но моя Сожительница сегодня спит с Участковым. Сегодня его очередь. Можно было бы пойти к Спекулянтке. Но она сегодня спит с Ревизором. У них в магазине крупно проворовались. Идет ревизия. Так что сам понимаешь. Пойдем пока в Забегаловку. А потом что-нибудь придумаем.

ПОЦЕЛУЙ ИБАНЦА

Ибанцы много всего внесли в мировую культуру. Радио, самовар, матрешки, -- всего не перечесть. Ибанский землепроходимец Хмырь раньше Колумба ходил в Америку. И не раз. Возьмет, бывало, краюху хлеба и пару запасных лаптей, и пошел. Далече ли собрался, спрашивают соседи по квартире. В Америку, говорит

Хмырь. Ишь, Колумб какой нашелся, шипят соседи от зависти. Может, подарочки принесешь? Бутылочку ихней какой-колы? Пиджак замшевый? Или шубку нейлоновую? Ха-ха! Я бы принес, говорит Хмырь. Да валюты, сами понимаете, в обрез. И пошел. На работу пошел. Прямо в братийное бюро. Характеристику, говорит, дайте. А далече ли ты собрался, спрашивает Браторг. В Америку, говорит Хмырь. Ишь, Колумб какой нашелся, говорит Браторг. Чего ты там не видал, в этой Америке? Думаешь, без нас, сопливых, не обойдутся? Они и без нас Америку-то откроют! Они -- не то, что мы. Европа! У меня родственник там, говорит Хмырь. Чингачгук. Может, слыхали? Приглашение вот прислал. А кто он такой, твой Чинначхать, спрашивает Браторг. Может, миллионер какой? Реакционер? Расист небось? Из ЦРУ? Нет, говорит Хмырь. Он -- вождь. Красный. И голый весь. Как ибанец. Не отличишь. Раз так, говорит Браторг, иди О ткрывай Америку! И Хмырь пошел. Прямо в специальную комиссию маразматиков-пенсионеров. А скажи-ка, спрашивает Маразматик, какой политический строй в этой твоей... как ее... Америке? Дикость и варварство, говорит Хмырь. И никакой семьи, частной собственности и государства. Угадал, говорит Маразматик. А как относится король одной иностранной державы к событиям на Ближнем Востоке? Отрицательно, говорит Хмырь. Верно, говорит Маразматик. А сколько картошки в этом году собрали хлеборобы Заибанья? Вдвое, говорит Хмырь. Молодец, говорит Маразматик. Политически ты подкован. Можно доверить. Иди! И Хмырь пошел. Прямо в Органы Охраны Народа (ООН). В Америку собрался, спрашивает Сотрудник. Прекрасно. Давно пора. Только вот ответь, что ты говорил своему собутыльнику Балде в Забегаловке? А анекдотики кто рассказывал во время пьянки у Лаптя? А известно ли тебе, что твой Чинначкак пренебрежительно отзывался о наших мероприятиях по воспитанию интеллектуалов с испорченной анкетой? И Сотрудник нажал кнопку. Из окошечка прямо в рожу Хмырю со свистом выскочила автоматическая фига и поставила на лбу у Хмыря штампик: ОТКАЗАТЬ. Иди, сказал Сотрудник. Раньше, чем через год, не появляйся. И помни... И Хмырь пошел. Прямо домой. Далече ли ходил, спрашивают довольные соседи. В Америку, говорит Хмырь. Скажите, пожалуйста, Колумб какой объявился, перемигиваются соседи. Может подарочки какие принес? Сувенирчики? Бутылочку коки-колы? Дал бы попробовать, давненько не едали. А как там поживает твой родственничек Хемингуей? Может литературку какую разоблачительную дашь почитать? Мы ведь необразованные! А пошли вы все куда подальше, говорит Хмырь. Пока вы мне тут палки в колеса суете, Колумб на всех парусах в Америку шпарит за приоритетом. И он был прав. Колумб перед отплытием в Америку приезжал в Ибанск под видом иностранного туриста и встречался с Хмырем. И тот дал ему кое-какие адресочки. Сотрудники ООН своевременно разоблачили Хмыря. Но было уже поздно. Колумб уплыл.

Однако самый грандиозный вклад ибанцев в мировую культуру -- это обычай троекратного целования. Историки считают, что повсеместное его распространение сыграло в судьбах человечества не менее важную роль, чем изобретение огня и открытие книгопечатания. Не случайно же год принятия Декларации Целования на чрезвычайной международной ассамблее всех стран и народов стал началом нового летоисчисления. Все исторические события стали отсчитывать годами до или после Поцелуя Ибанца (ПИ).

Согласно упомянутой Декларации процедура целования производится так. Лица предназначенные для целования, движутся навстречу друг другу, изображая на лице нечто такое, что в великой ибанской литературе передается возгласом:

ба, кого я вижу! сколько лет, сколько зим!! Вот не чаял встретиться!!! Сблизившись на такое расстояние, чтобы нижние части животов плотно прижались друг к другу, целовальщики останавливаются и разводят руки в стороны под углом шестьдесят градусов ладонями вперед. Одновременно они приоткрывают пасти ровно настолько, чтобы не вывалились искусственные челюсти, но чтобы началось обильное слюноотделение, и выпячивают губы как можно дальше вперед. Затем резким движением они хватают друг друга крест-накрест, причем встречающий слегка сгибается влево, поскольку правая его рука идет вверх, на левое плечо встречаемого, а левая -- вниз, на правый тазобедренный сустав встречаемого, тогда как встречаемый слегка сгибается вправо, кладя левую руку на правое плечо встречающего, а правую -- на его левый тазобедренный сустав. Раньше целующиеся часто путали правое и левое у стоящего напротив партнера и сцеплялись таким фантастическим образом, что их с большим трудом разнимали. Иногда их даже разрезали автогеном. Потом разработали специальную инструкцию в дополнение к Декларации и под расписку разослали королям, президентам, председателям, шахам и прочим лицам, допускаемым к обряду целования на высшем уровне. Инструкцию разработали в Научно-Исследовательском Институте Житухо-Обыденных Проблем (НИИЖОП, или короче, ЖОП)! И недоразумения стали происходить реже и без грубых патологических последствий. Да и то лишь в случаях, когда не соблюдались другие пункты Декларации. Например, если пупы встречающихся не совпадали по вертикали, то ближайшим к правой руке оказывалось не левое, а правое плечо партнера, а ближайшим к левой руке -- не правое, а левое бедро. В таком случае целующиеся некоторое время ловили друг друга как будто бы с завязанными глазами, дружелюбно похихикивая. Мол, где же ты потерялся, твое королевское величество,... твою мать! Ха-ха-ха! А Вы-то где, Ваше Высокопревосходительство Товарищ Председатель! Ха-ха-ха! Наконец, объятие устанавливалось в строгом соответствии с инструкцией. И тут же каждый из обнимающихся впивался губами в губы партнера, издавая звуки, похожие на звуки лопающегося детского воздушного шара или вытаскиваемой из бутылки пробки, и брызгая на окружающих слюной. Делают они это трижды. Сперва справа налево. Потом слева направо. Потом прямо, отведя носы в стороны. Окружающие в это время хлопают в ладошки, блаженно улыбаются и скандируют: друж-ба! друж-ба!

Утвердился этот обычай, конечно, не сразу. Ибанским руководителям пришлось приложить немало усилий и изобретательности. Так, однажды Заведующему Ибанска (Заибану) доложили, что король одной вшивой западной державы, с которым Заибан решил побеседовать по душам, целоваться не будет. Ему, видите ли, воспитание не позволяет. Он даже условием встречи поставил, чтобы никаких целовании. Не беда, сказал Заибан. Не таких перевоспитывали. И перевоспитали. Когда король вылез из самолета, Заибан пошел ему навстречу, заложив руки за спину. Король вздохнул с облегчением и улыбнулся. Этого только и надо было Заибану. Он мигнул министру обороны. Тот навалился мощным пузом, усеянным орденами, на хилого королишку. А начальник почетного караула с таким остервенением взмахнул шашкой перед самым носом королишки, что его величество с перепугу ринулся прямо в объятья Заибана. Тот зажал его и нацеловался власть. Короля потом две недели отмывали, как будто он провел ночь в клетке старой верблюдицы в ибанском зоопарке и был ею оплеван. На родине подчиненные стали обращаться к королю на Ты и требовать реформ. И

король отрекся от престола. Короче говоря, ибанским руководителям пришлось перецеловать не одну тысячу политических деятелей, прежде чем обычай целования завоевал мир. После этого ибанские руководители вместо устаревшего обращения "Погодите, мы вам покажем!", стали употреблять современное обращение "Погодите, мы вас поцелуем". В Париже начались студенческие беспорядки, ставшие неразрешимой загадкой для западных социологов, но блестяще объясненные с позиций ибанизма Социологом, Супругой и Тлей. Для Сотрудника они загадкой не были еще до того, как они начались. И он лишь снисходительно усмехался, читая статью Тли в Установочном Журнале. Под давлением левых сил в Париже открыли кафе и выпустили духи "Поцелуй ибанца". Теперь немного терпения, сказал Заибан своим соратникам, и мы их всех передавим, как клопов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как вы тут жили это время, спрашивает Мазила. Никак, говорит Болтун. Здесь не происходит ничего существенного. Одни пустяки. Недавнее прошлое воспринимается как Золотой Век. О Претенденте, Академике, Мыслителе и прочих из этой компании вспоминают как о светочах разума и свободомыслия. Представляешь, кто должен вылезти на сцену ибанской истории, чтобы все эти ничтожества воспринимались как титаны! Крыс, Вошь, Вша, Тля, Мышь и прочая мерзость. И это далеко не худшие экземпляры. Наоборот, это лучшее, что есть. Значит, говорит Мазила, придавая сплюснутому носу Заибана форму носа римского патриция, период Растерянности кончился ничем. Почему же ничем, говорит Болтун. Результаты этого периода весьма характерны и значительны. Во-первых, ибанское общество вытолкнуло из себя чужеродные элементы и снова стало на путь монолитности и однородности. А мы, спросил Мазила, не в счет? Ты лепишь Заибана, сказал Болтун. А я по-прежнему ничего не делаю. Так что мы не в счет. Во-вторых, попытка либералов утвердиться у власти потерпела крах. Либералы либо выброшены из системы власти, либо перелицевались, либо потонули в могучем потоке обыденности и серости. А что из себя представляют в общих чертах те, кто утвердился у власти, спросил Мазила. Ничто? Серость? Бездарность? Так-то оно так, сказал Болтун. Но такая характеристика слишком поверхностна. Она не учитывает специфику этих людей. Либералы ведь тоже не блистали талантами. Вообще, бездарность и серость не есть социальная характеристика людей. Это их общее нормальное качество. Ну как что же это за люди, спросил Мазила. Я тебе поясню на примере нашего учреждения, сказал Болтун. Оно типично для целой категории учреждений, активно участвующих в определении характера власти. А только их и надо в данном случае принимать во внимание. Парикмахерские, магазины, заводы и т.п. тут не имеют решающего влияния.

Директором у нас назначили Крыса, продолжал Болтун. Кто такой? Ничего особенного. Раньше никому даже в голову не пришла бы мысль, что его могут назначить на высокую должность. Представь себе, два года искали, прежде чем его нашли. И безошибочно точно. Именно то, что нужно. Честный, исполнительный работник. Не карьерист в том смысле, что не предпринимал никаких мер, чтобы вырваться вверх. Они все вообще делают карьеру вместе со слоем, к которому принадлежат, а не лично. Пишет статьи и книги. Сам пишет. Серенькие. Но свои. И результаты современной науки учитывает. И идеи новые.

И все такое прочее. Скука одуряющая. Никаких ошибок. Линию, какую от него потребуют свыше, будет проводить неуклонно, спокойно, не спеша, с прицелом на бесконечность. Прикажут раздуть дело, раздует. Если нужно, напустит на себя искренний гнев. Нальется кровью. И понесет на высшем уровне. Удивительное сочетание спокойствия, хладнокровия, выдержки и психопатии, пафоса, демагогии, искренности, надрыва и т.п. При Хозяине сформировался в настоящего братийного функционера. Потом был в тени. Последнее время начал понемногу выталкиваться. Не хапуга. Скромен в быту. Хороший семьянин. Ну как? Нравится?

Любопытно, сказал Мазила. Продолжай! Первый заместитель -- Вошь. Раскопали где-то в тридевятом царстве-тридевятом государстве. Когда-то я с ним в одной группе учился. Во время войны он служил в заградотряде. Всю учебу -- братийный руководитель. Совершенный продукт режима Хозяина. И искренний его поклонник. Честен. Скромен. Неглуп. До ужаса сер, как асфальт. Принципиален. И так далее в таком же духе. Ученый секретарь -- Тля. Знаю его тоже по Университету. Когда-то они с Вошью и еще одним типом терроризировали весь факультет. Устраивали всякие персональные дела и кампании с травлей. Тогда они зарвались. И их слегка одернули. Бездарен. Трудолюбив. Честен. Принципиален. Целеустремлен. При Хозяине еще мальчишкой начал делать карьеру. Отказался, ушел с крупной должности учиться. На нищенскую стипендию. Все они защитили диссертации уже далеко за сорок. До последнего времени их никто нигде не упоминал, настолько они ничтожны даже в наших кругах, набитых сплошь ничтожествами.

На глазах таких людей либералы печатали статью за статьей, книгу за книгой. Защищали диссертации в районе тридцати лет. Ездили на конгрессы, симпозиумы, коллоквиумы. Организовывали лаборатории, кафедры, институты, фигурировали в газетах и журналах. Красовались по телевизору. В общем, снимали сливки. А эти люди ждали. Больше двадцати лет ждали. Копили ненависть. Кое-чему научились. Защитились. Напечатались. Продвинулись. Не на виду, на периферии. Но продвинулись. И, главное, поняли, что либералы -- такое же дерьмо с творческой точки зрения, как и они сами. А местами даже хуже. И выработали определенные установки. Они сравнительно молоды, как и либералы. Может быть чуть-чуть постарше. Так что они пришли надолго и всерьез. Значит это реставрация режима Хозяина, спросил Мазила. Почему же реставрация, сказал Болтун. Нормализация. Что же нас ждет, спросил Мазила. Ничто, сказал Болтун. Что угодно. Этого не знают сами эти люди. Это не зависит ни от нас, ни от них.

Но прогресс все-таки какой-то есть, сказал Мазила. Ты же сам признаешь, что они честные принципиальные люди, а не беспринципные жулики и карьеристы вроде Претендента. Не забывай, что мы -- в Ибанске, сказал Болтун. У нас все кошмары начинаются с болезненной честности и гипертрофированной принципиальности. И все честные и принципиальные деятели заканчивают мелким жульничеством и непомерным тщеславием. А все просветления (их не так уж много было!) начинаются с мелкого жульничества. И кончаются они, выходит, по-твоему..., начал было Мазила. Нет, сказал Болтун. Они кончаются ничем. Они не имеют продолжения. Кошмары имеют другие источники, независимые от них. Либералы, как обнаружилось в итоге, бездарны и глубоко непорядочны, хотя претендуют на одаренность и порядочность. Сменившие их..., как бы выразиться,... не консерваторы, не реакционеры, это было бы неточно, а...,

скажем, стабилизаторы делают пакости, аналогичные па-костям либералов, из принципа и серьезно, и потому они просто нормальны. Они законны и по форме.

РАЗРЯДКА

Началась ожесточенная борьба за разрядку напряженности и сразу же достигла апогея. Враждовавшие стороны трижды поцеловались по ибанскому обычаю. В обмен на оппозиционно настроенных интеллигентов с дефективной анкетой ибанцы вывезли из Америки сто миллионов пудов щей. Демократизация ибанского общества достигла зенита. Ибанские власти разрешили поставить на могиле Хряка надгробие из черно-белого мрамора. Переплетение и взаимное проникновение черного и белого цветов символизировало борьбу сил добра и зла в сложной натуре Хряка, который, даже по мнению Хозяина, был примитивным хитрецом районного масштаба. Власти разрешили также нескольким никому не ведомым художникам выставить свои паршивые картинки на мусорной свалке, предварительно разогнав их с помощью энтузиазма народных масс. Поглядите, кричали прогрессивные силы на Западе. Что мы вам говорили! Ибанцы исправились! Преодолели! Погодите, говорили консервативные силы. История еще может повториться. Ерунда, кричали прогрессивные силы. История повторяется. Но один раз -- как трагедия, а другой раз -- как фарс. А фарс нам не страшен. Историю вспять не повернешь. Не те времена. Это глубочайшее заблуждение, сказал Двурушник. История повторяется. Но один раз -- как трагедия, а другой -- как катастрофа. Но Двурушника не послушали. Его вообще не слушали, ибо про него вообще забыли. Судьба западной цивилизации решается в Ибанске, говорил Правдец. Ибанские проблемы -- это не экзотика и не материал для развлечений. Это ваши, западные проблемы. Поймите это, в конце концов! Но даже Правдеца не слушали. Даже о нем позабыли. И понимать ничего не хотели. Вспомните уроки прошлого, говорил Правдец. Кто пал первой жертвой режима Хозяина? Хватит, кричали прогрессивные силы. Надоело! Не забывайте о исторической оправданности! Не нужно преувеличений! Глядите, как здорово живут теперь ибанцы! Надо же, в конце концов, считаться с фактами!.. Но ведь режим Хозяина -- тоже факт, говорил Двурушник, факт сегодняшней жизни, а не прошлого. Это не сон, а реальность. Слова бессильны, сказал Двурушник. Тут дело не в заблуждениях. Если люди будут точно знать, к чему приведут их действия, они все равно от них не откажутся. Они их совершают независимо от сознания, по законам поведения масс, лишь придавая им ту или иную словесную форму. Бессмысленно говорить падающему .о том, что падение причинит ему неприятности. Но молчать невозможно, если знаешь об этом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В Забегаловке вокруг Хмыря и Учителя сразу образовалась теплая компания. Хмыря знали все. А Учитель был Оттуда, и это производило более сильное впечатление, чем возвращение из космоса. Оттуда, как всем известно, не возвращаются. И тут вдруг такое чудо. Сначала не верили. Щупали бумаги. Потом качали головами и говорили, что с Учителя за такое везение причитается. Потом пели песни. Разумеется, блатные.

Забулдыга с помятою рожей.

Год-другой, -- и тебя больше нет.

Лейтенант с нежной девичьей кожей
Курс полета наносит в планшет.
До конца твоя песенка спета.
Не скомандуешь жизни -- кругом.
Светит в утреннем небе ракета.
По машинам, ребята! Бегом!
Ни мечта. Ни печаль. Ни забота.
Забегаловки рвотная вонь.
В вышине лейтенант с разворота
По земле открывает огонь.
Скукой вечности стала минута.
Грязной стойкой кончается мир.
Кружат, кружат, свернувши с маршрута,
Где горит на земле командир.
Жизни след синяками под бровью.
Всем плевать, что хрипишь до сих пор.
Лейтенант, истекающий кровью.
Перебитый снарядом мотор.

В Забегаловке просидели до закрытия. Прихватили еще полчаса, пока уборщицы мыли пол. Потом побрели к Ларьку. С некоторых пор, говорил Учитель, я думаю только о прошлом. И ни о чем другом больше думать не могу. Страшно. И места себе не нахожу от того, что прожил не свою, а какую-то вроде бы чужую жизнь. Как будто идиот-режиссер подсунул мне совсем не ту, не мою роль. А переигрывать поздно. Я тебя понимаю, сказал Хмырь. Со мной тоже такое бывает. Чувствую себя невинно осужденным на бессрочную серость, глупость, пошлость и все такое прочее. Лейтенант, истекающий кровью, -- это хоть чуточку романтично. А если так:

Исходящий мочою ученый,
Перебитый соплями поэт.

Пожалуй, это ближе к истине, сказал Учитель. Вся наша жизнь ушла на то, чтобы обрести внутреннюю свободу. Обрели. А что с ней делать? Мы вроде все знаем, все понимаем, не связаны никакими предрассудками. Ну и что? Годы? Я не хочу жить снова. Вот наш дом, сказал Хмырь, отжав фанеру в стенке Ларька и забираясь внутрь. Отдельная квартира -- мечта рядового ибанца! Залезай? Ночь перебьемся, а завтра что-нибудь придумаем. Я считаю, надо шарики подкатить к Спекулянтке. Баба -- во! И добрая. И оборотистая. Будешь жить, как у Христа за пазухой. Впрочем, если она не влипнет с этой ревизией.

Так Учитель обрел кров на первую ночь на свободе. И приснился ему сон. Ему приснилось, что он на самом деле на свободе.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

В первый же день после ПИ без объявления войны началось Великое Глобальное Целование (ВЦ). Никто не знал, почему оно началось и зачем. Лишь после того, как оно закончилось, и без объявления мира начался мир, выяснилось, что враждебные силы хотели повернуть историю вспять. Но ибанцы перецеловали всех и покрылись неувядаемой славой. Поэтому ВЦ с их стороны было справедливым. Еще лишний раз подтвердилась правота ибанизма -- самой научной науки, по которой все и происходило в мире в последние столетия.

Заведующий Ибанска (Заибан) был награжден десятью тысячами высших орденов и удостоен высшего воинского звания ефрейториссимуса. Заместители получили по пять тысяч высших орденов и по чину фельдфебелиссимуса. И так далее, вплоть до забулдыги Хмыря, который закончил ВЦ безнадежно рядовым и не получил никаких наград. Он был и этому безумно рад, так как могло быть еще хуже. Единственное, о чем он просил высшие власти в лице Участкового, это чтобы его оставили в покое. Участковый за сравнительно скромное вознаграждение (два поллитра в неделю) шел навстречу и позволял Хмырю ничего не делать.

ВЦ было самое большое. Зато самое последнее. Теперь мы перекуем мочу на рыла, сказал Заибан, вылезая из погреба, откуда он руководил сражениями. И приказал Академии Наук приготовить ему круглосуточный доклад, который он намеревался зачитать по поводу Великой Победы. Для зачтения доклада в помощь Заибану рационализаторы изготовили Робота, как две капли похожего на Заибана. Во избежание недоразумений Робота-Заибана заперли в чулан. Вскоре из чулана стало распространяться чудовищное зловоние. Когда чулан вскрыли, выяснилось, что Робот наложил в штаны самым натуральным образом. Это было единственное доказательство того, что он настоящий Заибан, а тот Заибан, который в это время шлялся по Ибанску и отдавал дурацкие распоряжения, был Робот. Заибан все мероприятия двойника присвоил себе и очень гордился ими.

ВЦ теперь больше не будет, сказал Заибан. Целоваться теперь не с кем. И некому. Так что армию теперь увеличим не вдвое, как планировали, а втрое. Будем призывать всех без исключения. Пятерки теперь будем ставить тем, кто сумеет промазать в мишень, пользуясь новейшими храпо-сонными прицелами. Пусть стреляют, у нас теперь есть опыт и закалка... За высокие научные показатели доклада Заибану присвоили высший научный титул эйнштейниссимуса. Заместителям присвоили титулы ньютониссимуса. И так далее вплоть до безграмотного забулдыги Хмыря, который остался без степени и звания и был безумно рад тому, что его оставили в покое.

Во время ВЦ Ибанск был стерт с лица земли вместе со всем населением. Но ибанцы не растерялись и обосновали новый на месте старого, только чуть выше, над землей, так как на земле стало жить опасно из-за отходов промышленности, насовсем засоривших среду, и бытового мусора. Земля превратилась в мусорную свалку, на которую ибанцы по особым пропускам снаряжали экспедиции за сырьем и продуктами питания. Поскольку ибанцам теперь никто не мешал, они быстро восстановили все то, что было, и даже кое-что такое, чего не было. В частности, они впопыхах напечатали вредную книжонку Клеветника. Но вовремя опомнились, за что Заибану было присвоено высшее художественное звание пикассиссимуса. Заместителям присвоили звания леонардыдависсимуса. И так далее вплоть до равнодушного к судьбам искусства забулдыги Хмыря, который был безумно рад тому, что его оставили в покое. Клеветника посадили, а Заибану присвоили высшее охранное звание агатакристиссимуса и т.д. Короче говоря, ибанцы начали стремительно развиваться. И доразвивались до того, что с большим опережением графика построили высшую ступень социзма или полный социзм -- псизм. И не столько этому обрадовались, сколько удивились, что это почему-то получилось. Кто бы мог подумать, что построим, говорил по пьянке Заибан своему старому врагу Главному Теоретику. Между нами, врагами, говоря, ведь никто в эту ерунду не верил. И на тебе! Построили! Честно говоря, сказал Главный Теоретик, я тоже никогда в это не верил. Не такие же мы идиоты, как о нас думают эти вшивые интеллигентишки, чтобы верить в такой

бред. Я и сам до сих пор не пойму, как он построился. Неужели ибанизм действительно прав?! Вот это хохма! Ладно, черт с ней, с теорией. Пошли. Пора открывать этот псизм. Нас уже там заждались.

ХМЫРЬ

Хмырь ошивался в районе Продуктового Ларька, правдами и неправдами заколачивая ровно столько, сколько нужно на выпивку и расплату с Участковым. Напившись в ближайшей Забегаловке, он плелся в Берлогу, -- в комнатушку к своей Сожительнице, распевал на весь Ибанск непристойные песенки.

Сногсшибательный успех!
Гип-ура! Но вот потеха.
Раздолбали мы их всех,
И теперь нам не до смеха.

Поэт-лауреат, опустившийся в народ с целью стать его вожаком, презрительно кривил истонченные завистью губы потасканного импотента-гомосексуалиста. Он считал, что это не искусство. Но Хмырю было наплевать на мнение любимца ООН и молодежи, так как он сам категорически отрицал свою причастность к искусству. И он продолжал орать благим матом.

На кого теперь валить
Со жратвою недостачи?
Кто поможет нам покрыть
В освоеньи неудачи?

Этого поэт стерпеть не мог и побежал жаловаться. Хмыря забрали. В каталажке он выцарапал ржавым гвоздем прямо под портретом Заибана апологетический стих:

Демократий наших рай
Ширится и прочится.
Куда хочешь, удирай,
Говори, что хочется.

Но удирать было уже некуда, так как везде был Ибанск. И на месте Парижа Ибанск. И на месте Нью-Йорка Ибанск. И даже на месте Лондона Ибанск.

Я б удрал. Да вот беда.
Удирать-то некуда.

И говорить было нечего, так как все было уже сказано. И без всяких последствий.

Я бы что-нибудь сказал,
Да от слов эффект пропал.

Не знаю, как с точки зрения поэзии, сказал Коридорный, но по содержанию правильно. Потом выяснилось, что Хмырь -- единственный и последний ибанец с нулевым уровнем сознательности. Как так, удивились сотрудники ООН. Ибанец -- и без наград, степеней и званий? Не может быть такого! И Хмыря отпустили домой как резерв, за счет которого в дальнейшем будет происходить прогресс общественного сознания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И очень плохо там без языков, говорит Мазила. Что за черт! Десять лет учили иностранный язык в школе. Потом в институте. Потом с учителями. На

курсах. И никакого толку. В чем дело? Есть разные объяснения, говорит Болтун.

Учим, учим языки.
Языки иностранные.
От пеленок до доски.
А результаты странные.
Начинаем лепетать --
Мнемся и хихикаем.
И по-нашему опять
Шпрахаем и спикаем.
Отчего, хотел бы знать.
С чем причина связана?
За границей нам бывать
Проти-во-по-ка-за-но!!
За границею наш брат,
Хоть и заикается,
От общенья, рад-не рад,
Духом разлагается.
Как же так! А вера где?!
А наше преимущество?!
Воспитание в труде?!
Теории могущество?!
Мне начальник пояснил.
Не себе стараемся.
Мы за Запад, чтоб он сгнил,
Шибко опасаемся.
Между нами говоря,
Не психуй, а выслушай.
Не пускаем вас не зря,
А для цели выс-с-с-шей.
Вас наслушаются там,
Примут резолюцию,
И устроят тарарам,
То есть революцию.
Что ж, кричу я, за беда?
С этим же не спорю я.
Подтвердится, как всегда,
Лишний раз теория!
Объясню тебе, изволь.
Тут тебе не критика,
Не начальства произвол,
А тонкая политика.
Думать надо, говорит,
Головой, ей-богу.
Если Запад погорит,
Кто нам даст подмогу?
Это ж в миг сообразит
Бывший брат -- китайцы.
И ухватит, паразит,

Нас с тобой за яйца.
Такова событий нить.
Опытные данные.
Так что дуй домой учить
Языки иностранные.

Неужели все эти проблемы сохранились, спросил Мазила. Конечно, сказал Болтун. Они вечны. Не будет заграницы, разобьют мир на районы и создадут искусственные препятствия для передвижений и общения. Это один из глубочайших социальных законов. Индивид должен быть ограничен во всех отношениях. Иначе такое огромное общество существовать не может. Все эти разговоры о нормах общения двадцатого века -- пустяки. Антидемагогия, но демагогия. Тебе часто приходилось видеть, чтобы клетка из задницы индивида совершила туристическую поездку или эмигрировала в правое полушарие мозга? Но это же совсем другое, сказал Мазила. Пусть, сказал Болтун. А как часто клетки из мозга одного свободного индивида перебираются в мозг другого? Мы живем идеалами прошлого. А дело фактически идет к формированию сложнейших гигантских автономных социальных механизмов, исключающих свободу и взаимозаменимость деталей. Ты только почитай, вот здесь. Видишь, даже готтентоты строят металлургический комбинат и завод швейных машинок, заводят академию наук и разрабатывают программу полетов в космос. И без визы их теперь даже за бананами на дерево уже не выпускают. Это, конечно, из области анекдотов, сказал Мазила. На Западе-то ничего подобного нет. Они отстали, сказал Болтун. Во всех отношениях отстали. Вот, читай далее. Видишь, в Народной Тибенголии открылась выставка живописи и скульптуры. Выставлено скульптур в полтора раза больше, чем во всем Париже, вместе взятом, а полотен в два раза больше, чем в Нью-Йорке с пригородами. Во как! А ты -- Запад!... У нас скоро открывается школа для одаренных детей на сто тысяч мест. Вот это масштабы! Приказано поднять уровень и утереть Западу нос. Погоди, может быть, тебя попросят там лекции почитать. О сочетании скульптуры с архитектурой и политикой.

ПОД-ИБАНСК

Задолго до ВЦ под Ибанском была создана грандиозная сеть подземных сооружений. Одних только станций метро было несколько десятков тысяч. А сколько канализационных отстойников и мусорных отлежников! Поцелуеубежища со всем, что нужно для жизни огромного числа людей на длительное время. Население, занятое в подземном хозяйстве, само по себе могло образовать целое государство. В речи по поводу награждения канализационной сети орденом Заибан сказал, что из одних только золотариков мы можем укомплектовать аппарат управления и научные учреждения любого западного государства. Были созданы первоклассные научно-исследовательские институты по исследованию подземного хозяйства. Для подземников построили благоустроенные жилые кварталы под землей, санатории и спортивные сооружения. Большая часть подземников настолько привыкла к подземному образу жизни, что даже испытывала неудовольствие, когда их выгоняли наверх для участиях в демонстрациях, встречах и проводах. Так что, когда началась война, Ибанск был стерт с земли и выходы на поверхность оказались все замурованными, подземники долгое время жили как ни в чем не бывало. Они даже были сначала

довольны, что их оставили в покое, не дергали никакими комиссиями, проверками, соревнованиями, манифестациями и прочими общественными мероприятиями. Об этом времени впоследствии сложились легенды как о мифическом золотом веке. Молодежь, слушая эти легенды, только посмеивалась. Никаких собраний? Никаких визитов? Никаких соревнований? И даже арестов никаких? Старушечьи сказки! Нашли дураков!!...

Когда кончилась война, ликвидировали ее вредные последствия, и восстановили Ибанск над землей (Над-Ибанск), то вспомнили о подземном Ибанске. Общее мнение было таково, что там все погибли. Попытки ученых установить связь с подземной цивилизацией не увенчались успехом, и Под-Ибанск сочли несуществующим. Но подземники выстояли. На то они и ибанцы! Они сохранили все завоевания социзма и упрочили их. Поскольку они жили в полной темноте, им не нужно было читать и сочинять книги, рисовать картины, кривляться в театрах, в кино и по телевидению. Благодаря этому они построили псизм значительно раньше, чем в Над-Ибанске. Ликования по этому поводу были такими мощными, что тряслась земля, и в Над-Ибанске кое-где разрушились здания. Но ученые сочли это верным признаком того, что в центре планеты происходят внутриатомные процессы.

СОРТИР

Первым делом в Ибанске восстановили древнейший памятник культуры -- Сортир. На торжественном открытии его Заибан зачитал двенадцатичасовую речь Все собравшиеся заснули. Этим воспользовался Хмырь, приглашенный как участник строительства первого ибанского Сортира. Он вытащил из дырявого кармана ржавый двенадцатидюймовый гвоздь якобы от этого самого первого Сортира и на пластмассовой стенке нового Сортира выцарапал народную песню из далекого будущего:

Хотел кишки я опростать.
Велят сперва в шеренгу стать
Строителей социзма.
Велят от радости вопить,
Мол, с каждым часом лучше жить,
Без тени юморизма.
Меня терзает с неких пор
Банальный старческий запор.
Поставить что ли клизму?!
Сперва прослушать речь велят
Про самый гениальный взгляд
На суть того же изма.
Подох. И начал уж смердить.
Давно пора бы схоронить
В целях гигиенизма.
Сперва велят зачеты сдать,
Законов знанье показать
Опять его же, изма.
Коль доведется снова жить,
Себя не дам я задурить.
Довольно кретинизма.

Ошибок прошлых не прощу.
Касторки съев, в толчок спущу
Сперва идею изма.

Это не искусство, сказал Вша, вытирая зад Заибана специально помятой для этой цели прогрессивной передовицей из Журнала. Не учтены достижения современной науки, сказал плюшевый Мыслитель, стоявший рядом с Претендентом в почетном карауле у толчка Заибана. Находчивая свободолюбивая Супруга подобрала гвоздь и поверх крамольных стихов нацарапала самое любимое ибанское слово из трех букв.

ПСИЗМ

Псизм есть высшая ступень социзма или полнейший социзм, сказал Заибан накануне объявления псизма в речи по поводу своего награждения Высшим Орденом за заслуги в развитии. От низшей ступени социзма он отличается следующим. На низшей ступени каждый индивид вкалывает по способностям, а получает в соответствии с тем, что он сделал. Как говорили в то время, по труду. Сознание при этом достигает такого уровня, что каждый индивид четко представляет, какие способности у него есть и каких нет, и за пределы своих способностей не вылезает. Общество располагает достаточно мощными средствами, чтобы не дать индивиду трудиться сверх своих способностей или по чужим способностям и убедить его в том, что он получил по заслугам. Поскольку всего очень много, индивиды довольны и ждут наступления высшей ступени. На высшей ступени индивиды продолжают вкалывать по способностям, но получают уже не по заслугам, а по потребностям. Сознание при этом достигает такого чудовищно высокого уровня, что каждый индивид даже во сне помнит, какие потребности ему положено иметь и какие нет. А общество развивает еще более мощные средства поддерживать сознательность индивидов на этом высочайшем уровне. Иначе нельзя. Иначе все мигом растащат. Народ! За ним в оба смотреть надо! Поскольку здесь всего в избытке, то все потребности удовлетворяются, и... Вот в этом-то и состоит суть дела. Многие скептики полагают, что людям тогда будет так хорошо, так хорошо, что лучше и не нужно. И никакой прогресс тогда не нужен будет. Прогресс прекратится. А без прогресса никак нельзя. Теория не разрешает. Именно в этом видят главную опасность псизма -- всего будет вволю, и дальше прогрессировать будет незачем. Наши враги особенно злобствуют именно по поводу этого центрального пункта нашего научного псизма. Ага, вопят они. Все будет в изобилии. Всем будет хорошо. Все будут довольны. А дальше что? Застой?! Нет, говорим мы спокойно и уверенно. Прогресс будет продолжаться. Без этого нельзя. Теория нас учит. Классики. Что тогда будет? И на это у нас есть четкий научно обоснованный ответ. Тогда будет иметь место борьба хорошего и еще лучшего. Еще лучшее будет побеждать хорошее. И общество стремительно двинется еще дальше вперед.

Прогнозы Заибана блестяще подтвердились. Как только псизм наступил, так прогресс пошел еще более ускоренными темпами. Стоило появиться чему-нибудь хорошему и даже очень хорошему, как немедленно в борьбу с ним вступало еще лучшее и побеждало его. Появлялась, например, мало-мальски терпимая картошка. И тут же с ней начинала борьбу еще лучшая. Прежняя исчезала совсем. А пока новая внедрялась, ее вытесняла еще лучшая. И так без конца. И

за сравнительно короткий срок псизм не прошел, а проскакал галопом первую ступень и поднялся на вторую. Теперь общепризнано, что первая ступень продолжалась от объявления псизма до разоблачения группы врагов псизма в очереди за ширли-мырли у Продуктового Ларька на углу проспектов Хозяина и Победителей. Вторая ступень началась сразу же после этого и продолжается до сих пор. Она скоро кончится, так как наш любимый и гениальный Заибан поставил задачу разработать конкретный план перехода к третьей ступени и установить подходящие сроки, а именно -- предстоящие именины Заибана. Первая ступень псизма характеризуется, как известно, тем, что на ней возникла качественно новая высшая форма социальной общности людей -- очередь. На этой ступени в основе очереди еще лежали материальные интересы. На второй ступени в связи с тем, что ожидавшиеся на первой ступени ширли-мырли исчезли совсем, очередь приобрела черты наивысшей общности индивидов, базирующейся на более высокой форме сознательности, при которой сама мысль об удовлетворении потребности становится равной процессу удовлетворения этой потребности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Почему ты вернулся, спросил Болтун. Долго говорить, сказал Мазила. Видишь ли, у меня никогда не было принципиальных конфликтов с властями. У меня были конфликты с профессиональной средой. Я ее одолел. А там я попал в другую среду. С ней у меня тоже постепенно стал намечаться конфликт. Я почувствовал, что мне нужно минимум лет десять, чтобы одолеть ее. А у меня их нет. А твой Великий Замысел, спросил Болтун. Видишь ли, пока мы здесь, мы для них как бы на фронте. Попав туда, мы попадаем в тыл. И интерес к нам меняется. С моим замыслом не так-то просто. Пока я был здесь, предложений было навалом. Приехал туда -- все испарились. Буду делать здесь. А пока лепишь Заибана, спросил Болтун. А что поделаешь, сказал Мазила. Деньги. К тому же я не иду на сделку с совестью. Я делаю настоящее произведение искусства. В конце концов Рафаэль писал Папу, Гойя писал Короля, Пракситель сделал бюст Перикла, Делакруа писал Наполеона. Ничего плохого в этом не вижу. Ты полагаешь, что Папа, испанский король, Наполеон и Заибан -- явления однопорядковые, спросил Болтун. Но он же -- Заведующий, сказал Мазила. Глава государства. Дело не в этом, сказал Болтун. Дело в том механизме, который выталкивает индивида на вершины власти. И в том, что это за индивид независимо от власти. И какова моральная и психологическая атмосфера власти. Заибана тоже можно рисовать и лепить. Но чтобы это было произведение искусства, надо делать карикатуру. А я и делаю, сказал Мазила. Вглядись! Вижу, сказал Болтун. Только боюсь, что никто этого не заметит. Потомки в особенности. Какой бы шедевр ты ни сделал, он все равно будет восприниматься как лесть, подхалимство и т.п. Ты не прав, сказал Мазила. Если строго придерживаться твоих принципов, вообще нельзя работать. А как жить? Для денег можно лепить академиков, сказал Болтун. Тебе же предлагали -- сам отказался. Почему? Натура не та? Чушь. У академиков рылы похлеще Заибана. Дело не в этом. Портрет Заибана -- это опять пресса. Еще бы! Мазила вылепил самого Заибана! Искусство выше политики! И прочее. Никакой проблемы "КАК ЖИТЬ?" для тебя нет. Есть лишь субъективное намерение жить определенным образом. Ты слишком жесток, сказал Мазила. Мы всего лишь люди. А претендуем быть богами, сказал Болтун. Мы не люди. Мы вши. Или крысы. Если хочешь быть

человеком, будь Богом. А чтобы стать богом, надо стать Человеком. Все это лишь красивые слова, сказал Мазила. Ты поезжай туда и посмотри на все наши разговорчики со стороны. Увидишь, какие они смехотворно ничтожные. Если мне не изменяет память, сказал Болтун, мы никогда не претендовали на значительность. Мы даже не претендовали на истину. Мы претендовали только на искренность. Тебе это кажется пустяками, ибо тебе это кажется неискренним. Но я-то не могу уехать отсюда и посмотреть на это со стороны. Я дух твой, а дух не может эмигрировать. Я обречен на искренность по пустякам. Надо многое переговорить заново, сказал Мазила. Пойми, пройдут века, и наши потомки совсем иначе будут воспринимать наше время. Значит... Это значит, сказал Болтун, что такова будет их, а не наша жизнь. Живи сейчас! Другого не будет. Слова, слова, слова, сказал Мазила. Мне трудно тебя переубедить. Надо тебе самому увидеть и пережить все то, что я видел и пережил за эти годы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Оставим Спекулянтку на крайний случай, сказал Учитель. А пока обойдем старых друзей, если это слово сохранило здесь какой-то смысл. Остался же кто-нибудь от прошлого? Сомневаюсь, сказал Хмырь. У прошлого воруют, но о нем стараются забыть. А поскольку в этом обществе все друзья, то друзей тут вообще не бывает. Единственные отношения, отдаленно напоминающие дружбу прошлых лет, это собутыльники. Но здесь это порицается высочайшей нравственностью, возведенной в закон.

Пессимистические прогнозы Хмыря подтвердились. Один друг сказал, что он уехал в командировку. Другой сказал, что он в отпуске. Третий сказал, что он не знаком ни с каким Учителем. Четвертый... На каждом шагу их останавливали милиционеры, дружинники, дети -- юные помощники милиции, пенсионеры -- активисты милиции и даже собаки. Поразительная бдительность, сказал Учитель. Эти скоты нас задерживают именно потому, что мы совершенно безобидны и беззащитны. А будь мы настоящие грабители и начни кого-нибудь раздевать и резать на глазах у всех, ни одна сволочь не остановится и не защитит жертву. Надо сменить шкуру, сказал Хмырь. Зайдем, тут живет один мой старый собутыльник -- Лапоть, У него наверняка найдется какое-нибудь приличное тряпье.

Привет, сказал Лапоть. Ну и видок у тебя, сказал он Учителю. Самодеятельность? А, оттуда! Не может быть! Говорят, оттуда уже не выпускают. Заходите. Полюбуйтесь, какая квартирка! Отдельная! Две комнаты! Мечта! Конечно, кооператив. Загнали все, что можно было. Залезли в долги. Зато отдельная! Ох, и намотались же мы по коммуналкам! Тряпье? Да что вы, ребята! Сам хожу, видите, в чем! Вот телевизором вас могу угостить на славу. Глядите-ка, какой красавец. Новейшей марки. Зори псизма. Чудо техники. Принимает все сто каналов. Идеальный цвет. Стерео. Располагайтесь удобнее. Вот здесь, саморегулирующееся кресло. Включили первую программу. Заибан награждает орденом дерево, под которым он какал во время войны. Местные жители любовно ухаживают за кучкой. Они ее сохранили. До сих пор свеженькая. Даже пар идет. Заибан растроган. Сейчас будет целоваться со всеми... А теперь речь. Часа на два. Программа вторая. Заибан читает речь. Программа третья... Впрочем, можно сразу переходить на десятую. Итак, десятая. Заибан улетает... Почетный караул... Заибан прилетает... Целуются... Почетный

караул... Речь... Программа тридцать третья. Герой труда. Вырастил двойные кочаны каких-то ширли-мырли... Что это такое? Сорок седьмая. Итоги соревнования... Шестьдесят девятая... В сети политпросвещения... Семьдесят первая... Хоккей. Девяносто пятая... футбол... Ну как? Кошмар!... Выкинь ты это дерьмо, говорит Учитель. Что ты, говорит Лапоть. Он же сумасшедших денег стоит. А зачем купил, спрашивает Учитель. Все покупают, говорит Лапоть. Потом жена. Теща. Сын. Иногда кое-что покажут приличное. Мультфильмы. Про зверей. Детективы иногда неплохие бывают. Старые в особенности. Заграничные. А так, конечно, жуткая муть. Смотреть совершенно нечего. Противно. И не смотреть нельзя. Скучно. Пойти-то все равно некуда. Представляешь, сто каналов!!! Потрясающее цветное и объемное изображение, А что показывают? Поток отборнейшего дерьма! Прогресс? Чего прогресс? Культуры? Что лучше -- технически великолепное изображение дерьма или плохое изображение подлинных творений искусства? Сто каналов, и почти никакой информации о реальной жизни. Сплошное вранье. Или мелочи. А главным образом -- их идиотское кривляние. Речи. Парады. Заседания. Вручения. Поздравления. Бог мой, неужели этому нет конца? А где же настоящая жизнь?! Увы, сказал Учитель. Говорю тебе как специалист: это и есть настоящая жизнь. И другой нет. Все то, что для тебя есть настоящая культура, допускалось ими лишь для того, чтобы обеспечить себе эту свою настоящую жизнь. Так что выруби эту совершеннейшую дрянь. Пусть без нас паясничают. А стоит ли, сказал Лапоть. Пусть кривляются. Какая ни есть, а все жизнь. И он включил сотую программу. Заибан произносил речь по поводу награждения Низшего Ордена за выдающиеся заслуги Высшим Орденом. Речь произносил без бумажки. Гляди-ка, сказал Лапоть. Без бумажки! Это что-то новое! Ерунда, сказал Хмырь. Им теперь в уши вживляют микроприемники, а язык -- микродвигатели на атомной энергии. Диктор радио зачитывает речь на пленку. Теперь стоит на пульте управления нажать кнопку, как Заибан хочет -- не хочет, а будет говорить речь. Ты погляди, он же пьян в стельку. И спит. Вот это да, сказал Лапоть. Научно-технический прогресс отрицать все-таки нельзя. Одна надежда -- на него. Ерунда, сказал Хмырь. Сейчас изобрели потрясающий мозгоприемник. Размеры -- простым глазом не разглядишь. Энергию берет от мозговых токов. Вставляют эту штучку в мозг. И теперь в определенное время все ибанцы без исключения будут слушать и видеть... да, видеть!... все то, что захочет начальство. И не выключишь! Вот это, действительно, прогресс!

После посещения Лаптя зашли в Забегаловку, а потом пошли к Сожительнице. Как-нибудь переспим, сказал Хмырь. И барахлишко какое-нибудь бабы раздобудут.

ПСИЗМ

Хотя ибанцы с самого начала знали, что псизм -- брехня, они ни на минуту не сомневались в том, что он рано или поздно наступит. Основоположник литературы ибанистского реализма Крысан выразил эти чаяния народа такими замечательными стихами:

Верили мы, очень скоро случится
То, о чем нам велели мечтать.
По способностям станем трудиться.
По потребностям получать.

Основоположник сдох накануне объявления псизма, признавшись своей последней несовершеннолетней супруге в том, что псизм -- бред шизофреника. Дачу основоположника поделили на сотню садово-огородных участков и раздали молодым писателям-лауреатам. Те в припадке благодарности подхватили знамя ибанистского реализма, выпавшее из цепких когтей основоположника, и опубликовали совместное заявление:

Ибанец! Верь! Взойдет она,
Заря пленительного счастья.
Построит псизм страна
Сполна, а не отчасти.

Ибанцы точно знали, когда будет объявлено о наступлении псизма, и многократно под руководством специальных инструкторов репетировали свое поведение в этот торжественнейший за всю прошлую и будущую историю человечества момент. Они знали даже то, где лежат предназначенные для них бутерброды, которые они должны схватить по своим потребностям. И даже пометили бутерброды во избежание путаницы. Но они все равно впали в состояние возвышенного окаменения, когда чуть свет миллионы репродукторов на полную мощность проревели на всю вселенную:

Эй, ибанцы! Просыпайтесь!
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь!
Псизм стучится к вам в окно!

Это начал читать свою знаменитую речь Заибан. Речь готовили все трудящиеся Ибанска, за исключением Хмыря, в течение последних ста лет, и каждый внес в нее свою лепту. Хмырь от подготовки речи уклонился, сославшись на перегруженность общественной работой. Его как раз в это время назначили руководителем методологического семинара у химиков, не освободив, как обещали, от работы культорга в группе шарамыжников у мебельного магазина. Матери и дочери! Орал Заибан, Бабушки и внучки! Отцы и сыновья! Дедушки и внуки! Братья и сестры! Мужчины и женщины! К вам обращаюсь я, друзья мои! Наступила... А пошел ты..., подумал Хмырь и ринулся в ближайшую забегаловку к своему бутерброду и к своей законной порции безалкогольной эрзац-водки. Но дорогу ему преградили здоровенные дружинники. Куды прешь, сказал один, пхнув пудовым кулачищем в хилую грудную клетку Хмыря. Мне бы опохмелиться, безнадежно проскрипел Хмырь. Где твоя сознательность, сказал другой дружинник и пхнул коленкой в хилый зад Хмыря. Иди умой рыло сперва. Раздача спиртного будет по талончикам после доклада Заибана. Приходи со своей посудой, болван. Мне бы опохмелиться, бормотал Хмырь, бредя мимо помойки. У него не было талончиков на выпивку, так как его сознание не поднялось до уровня полного ибанизма. И он не знал, где эти талончики можно достать. Надо подъехать к Спекулянтке, подумал он. Эй, милок, иди-ка сюды, услышал он шепот уборщицы из гастронома. Тибе чаво? Гони трояк, на чекушку. Трояк за чекушку, возмутился Хмырь. Так за трояк поллитра можно было... То раньше можна была, зло шептала уборщица. Типерича вышшая ступень. Гони пятерку, а не то... Выхода не было, и Хмырь отдал последнюю пятерку. Выпив чекушку прямо из горла. Хмырь повеселел и пошел слушать доклад, напевая бог весть как сочинившуюся песенку:

Мне бы выпить. Да пожрать.
Да с бабенкой переспать.

Что касается идей,
Равнодушен я, ей-ей.

У выхода на проспект Победителей его остановили патрули и потребовали предъявить жетон сознательности. Порывшись в карманах, Хмырь вытянул круглую железку размером с юбилейную монету, на которой были изображены большие полушария головного мозга и стояла цифра ноль, означающая низший уровень сознания. С такими данными -- и на свободе, сказал старший патруля. Странно. Явный недосмотр. И Хмыря повели в участок. По дороге он продолжал орать:

От сортира и до стойки.
От квартиры до помойки.
Закусив от счастья рот,
К идеалу прет народ.

Когда Хмыря втолкнули в камеру, он вынул из кармана ржавый гвоздь и выцарапал на стене, испещренной ругательствами, такие слова:

Отвечает новый строй
Идеалу высшему.
Есть способность -- пасть прикрой!
Есть потребность -- шиш ему!

На другой день его выпустили, повысив уровень сознательности на один балл. Я начинаю делать карьеру, подумал Хмырь. Это может плохо кончиться.

В комнате не горел свет. Дверь была заперта. Интересно, подумал Хмырь, куда моя старуха смылась. Он нащупал в дырявом кармане среди хлебных крошек, обломков спичек и обрывков бумаги ключ, тихо всунул его в замочную скважину и повернул два раза по часовой стрелке, затем два раза против часовой стрелки и наконец еще два раза назад. Это был хитроумный секрет против воров, которые в невероятных количествах расплодились в Ибанске накануне объявления высшей ступени социзма. В комнатушке на кровати рядом с Сожительницей без штанов, но в сапогах и со свистком в зубах, лежал Участковый. Хмырь на цыпочках подкрался к кителю Участкового, вытянул из кармана трояк и отправился к Забегаловку. Сожительнице он для хохмы оставил записку следующего содержания: ты тут с этим... ....,. а в Ларьке ширли-мырли дают! Откуда ему было знать, что эта шутка повернет весь ход ибанской истории совсем не туда, куда ей следовало идти по замыслу классиков.

ПРОГРЕСС

После того, как везде в мире стал Ибанск, Заибану стало скучно. Поехать с визитом некуда. Ездить вручать ордена надоело. Да теперь это вроде бы уже унизительно. Ефрейториссимус, Верховный Главнокомандующий Всеми Вооруженными и Безоружными Силами Галактики -- изволь, видите ли, ехать в какую-то вонючую глушь вручать эти ничего не значащие картонки... Целоваться по-настоящему не с кем. С Заместителями противно. Это хотя и положено по Уставу, а Устав он чтит, но противно. Он этих Заместителей знает, как облупленных. Сам таким был. Они только и думают о том, как бы его спихнуть и занять его место. Ничтожества! На что они способны! Только языком молоть да по президиумам сидеть. Ах, как хорошо было раньше, до... Почетные караулы! Приветствия народных масс,: тонущих под игом капитала и колониализма!

Речи. Встречи. Рук пожатья.

Поцелуй взасос. Объятья.
Плеск знамен. Толпы оранье.
Со слезами провожанье.

Где все это? Нет! Мы не должны нигилистически относиться к прошлому. Кое-что хорошее было и в прошлом. Вот Хозяин, к примеру. Так он. И Заибан вызвал Замов, Помов, Сомов, Шемов, Стумов и т.д. вплоть до младших референтов. И дал указание.

Вскоре Ибанск разбили на геометрически равные и одинаковые районы. Каждый район сделали таким, как будто он есть целый Ибанск. Только во главе каждого района поставили Заибанчиков, так как верховная власть Ибанска и вся прочая прежняя система управления остались без изменения. Новое деление и новая система власти в каждом районе просто присоединилась к прежней, наложилась на нее, но действовала так как, будто никакой другой власти помимо нее не было. Между районами установили такие отношения, какие раньше были между суверенными государствами. Поставили пограничников. Учредили таможенную службу. Ввели визы. И теперь из одного района в другой ибанцы стали ездить так же свободно, как раньше (до) они ездили за границу.

Теперь Заибана при поездках по районам стали встречать так, как будто бы он приезжал в суверенное государство за границу, в котором народ бесконечно любит его и жаждет пойти по его стопам и присоединиться к нему. В столицах районов завели специальные магазины, в которых за валюту стали продавать заграничное барахло. Заибану, Замам и сотрудникам ООН это барахло продавали без валюты, как если бы они на самом деле приехали за границу. Приезды Заибана в район стали всенародными праздниками. Ибанцы обязаны были при этом бросать работу и бежать на установленное место приветствовать. За это им продавали там по бутерброду с вареной колбасой.

Особой любовью Заибана стал пользоваться район Сортира. Там был установлен постоянно действующий почетный караул. А жители района круглосуточно дежурили по обочинам дороги, по которой проносились сверхбронированные автомобили с Заибаном. Никто не знал, в какой сидел настоящий Заибан, так как Роботы-Заибаны, сидевшие в прочих машинах, ничем от него не отличались. Единственное, чего они не могли делать, это то, что делал настоящий Заибан в Сортире. Сидя в Сортире, Заибан помимо того, что не могли делать Роботы, читал речи. Сортирные речи Заибана пользовались особой любовью народа и издавались такими неслыханными тиражами, что от них не стало прохода по улицам. Тогда их стали продавать в нагрузку ко всем прочим продуктам. И подкрепили это тем, что всех граждан обязали записаться в кружки по изучению речей и сдать зачеты.

И после этого Заибану стало весело. Жизнь приобрела интерес и смысл. Воочию видя ликующий от счастья народ, он лил слезы прямо в рюмку и говорил: а ведь не зря мы кровь свою мешками лили на баррикады.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты не прав, говорит Мазила. Вспомни историю с надгробием Хряку. Успех был? Был. Достоинство свое я сохранил? Сохранил. А тут аналогичный случай. Что бы там ни было, Заибан делает прогрессивное дело. Его внешняя политика -- огромный шаг вперед. Это же разумный шаг! Его шаг, удивился Болтун. Но пусть даже его. Не он же, этот шаг, -- вынужденный. А вынужденные действия

не являются ни умными, ни глупыми, ни добрыми, ни злыми. Они вынуждены, и только. И дело вообще не в этом. Ты говоришь об успехе. Но надо различать сущностный успех и иллюзорный успех. Если их измерять, то для них будут иметь силу различные формулы. Величина первого равна некоторой фундаментальной постоянной личности, деленной на коэффициент популярности и известности, который больше единицы, а величина второго равна этой постоянной, умноженной на этот коэффициент. Хотя это и банально, но это истина. Лепи Заибана. В этом, в принципе, ничего плохого нет. Но есть ли это прогресс в твоем творческом развитии?

ДЕТИ -- НАШЕ БУДУЩЕЕ

Сегодня меня вызвали в школу, говорит Лапоть. Оказывается, моя дочь сочиняет стихи. И какие! Ни много -- ни мало, антиибанские! Велели меры принимать. А что я могу сделать? А что дочь говорит по сему поводу, спросил Хмырь. Отказывается от стихов, говорит Лапоть. Пусть, говорит. Они сначала докажут, что это я придумала. Вы только почитайте! Это по поводу годовщины смерти Литератора.

Ты преждевременно подох,
Пройдоха первый из пройдох.
Как никогда нужон сейчас
Твой гнусный подхалимский глас.
Чудные ныне времена.
Теперь ибанская страна
Уму и сердцу вопреки
Не знает твердости руки.
Хоть мы живем одной семьей,
Но плохо ладим меж собой.
Крамольные из уст в уста
Слова летают неспроста.
Проснись, певец! Надень порты!
Строчи донос! Чего же ты?
Очнись скорей и пасть раскрой!
И, как бывало, вновь воспой
Того, чье имя и сейчас,
Незримое, живет средь нас!
(Перевод с ишакского)

Ого, сказал Учитель. Тут есть над чем задуматься! А что такое "ишакский"? Не знаю, сказал Лапоть. Язык какой-то они придумали. Директор все пытался узнать, что это за язык. Я в шутку сказал, что наверно это что-то связанное с буддизмом. Так он в еще большую панику ударился. Я помню, сказал Учитель, мы в школе играли в конституцию. Тогда как раз все взрослые играли в нее. Сочинили и мы свою конституцию. И деньги свои выпустили. На деньгах на всякий случай написали: на эти деньги ничего купить нельзя. Так в школе жуткий переполох поднялся. Между прочим это стихотворение можно истолковать вполне ортодоксально. Я так и сказал директору, сказал Лапоть. А он говорит, не принимайте нас за идиотов. Меня в этих стихах больше всего пугает невозможность различить шутку и серьезность, отсутствие граней между страшным и смешным. Вот, посмотри! Мы ломаем головы над сложнейшими

проблемами бытия, я не находим решения. А для наших детей все наши глубины лежат на поверхности. Они для них просто не проблемы. Можно подумать, что формирование человека у нас есть выработка способности не понимать очевидное. Я готов примириться со всем. Но как подумаю, через какую трясину придется пройти нашим детям, теряю рассудок от отчаяния. Недавно я зашел к Ученому. Стали, естественно, шутить по поводу начальства. Так его сынишка-первоклассник сделал нам замечание. Мол, нельзя так говорить о наших руководителях. Учитель стал уверять его, что дядя пошутил, что дядя на самом деле любит наших руководителей. Неужели и это историческая необходимость? А вот еще, послушайте. Это у них в классе у одного мальчика дед умер. Как они говорят, сдох. Заслуженный дед. Его должны были на Старобабьем схоронить, но почему-то не разрешили. Так у них в семье такой хай поднялся!

В двадцать лет он охранником был.
И, бывало, тихонечко ныл.
Я хронически лопать хочу.
Мысль такая щекочет висок.
Послужу, может быть, отхвачу
Дополнительный хлеба кусок.
Нет, удачи такой не слыхать.
И старался я, значит, вотще.
Значит, нам с голодухи сдыхать!
А им каши от пуза и щей!
В сорок лет он начальничком стал.
В кабинетике тихо шептал.
Я законную дачу хочу.
Мысль такая стучится в висок.
Обещают, и я получу
Для застройки природы кусок.
Что? Удачи такой не слыхать?
Значит, низший, выходит, мы сорт!
Значит, нам перегары вдыхать!
А им южного моря курорт!
Срок на пенсию выйти приспел.
Он сквозь челюсть вставную скрипел.
Я на кладбище главном хочу.
Мысль такая скребется в висок.
Пятый год как-никак хлопочу
Хоть какой-нибудь тут закуток.
Как? До этого мне не дожить?
Для чего ж я здоровье продул!
Значит, нам где попало смердить!
А они даже тут на виду!

Бог мой, неужели это все обдумано, говорит Хмырь. А почему бы нет, говорит Лапоть. Они же не слепые. От них ничего не скроешь, если они захотят видеть. Вот кончит она школу. А дальше что? Я мог бы воспользоваться своим положением и связями. Теперь все так делают. Она заявила, что если я это сделаю, она уйдет из семьи. И уйдет, я ее знаю. А дочь интеллигента поступить в институт без протекции!... Но пусть поступит. Что это изменит? Она хочет стать искусствоведом. Что это такое у нас, ты знаешь. И, представь

себе, она тоже это знает. Тут все предопределено. Читай дальше! Это -- по поводу рождения сына.

Появился? И думаешь -- повезло?
Выпало, думаешь, приятное приключение?
Ошибаешься! Здесь безнаказанно зло.
А добро награждается как исключение.
И к тому же ничтожна жизни пора.
Едва ты успел на свет появиться,
Как скоро заметишь -- уже пора
Обратно в Ничто, в Никуда возвратиться.
Хоть бога и нет, но имеется суд.
Убедишься в конце из ненужного опыта.
И тебя от тебя самого не спасут
Никакие прожитые блага и хлопоты.
Смириться не сможешь, что смерть -- не беда.
И поймешь ни к чему и с большим опозданием:
Если худо в конце -- будет худо всегда.
Вечность станет твоим бесконечным страданием.

Неплохо, сказал Учитель. То, что для нас -- продукт размышлений, для детей -- банальный исходный пункт. Жаль, сказал Хмырь, потомки не оценят нашей премудрости. Не беда, сказал Учитель. Зато наши предки нас оценят вполне.

ОЧЕРЕДЬ

Накануне объявления псизма на углу проспектов Хозяина и Победителей построили Продуктовый Ларек. За неимением продуктов Ларек заколотили нестрогаными досками, и он вскоре превратился в неофициальный нужник для местных пьяниц и хулиганов, которые настолько распустились, что не вводить псизм уже стало практически невозможно. Так что глубоко неправы были критиканы, считавшие объявление псизма необоснованным и преждевременным. Впрочем, после того, как главного критикана раздели в районе Ларька и набили ему его критиканскую морду, он в корне изменил свою позицию. Пусть эта мразь получит свой псизм, сказал он, выйдя из милиции, а потом -- из больницы. Так им и надо! То-то, сказал на это Участковый. Давно бы так. А то возомнили о себе... Из-за распространяемого Ларьком зловония ибанцы, еще не успевшие избавиться от пережитков низшей ступени изма (низма), обходили его по соседней улице.

Никто не знает, откуда прошел слух, будто в Ларьке будут давать ширли-мырли. И у Ларька с вечера начала выстраиваться

ОЧЕРЕДЬ

К утру очередь достигла пятисот человек. А к полудню, когда слухи почти что подтвердились, она перевалила за тысячу. Составили списки. Через каждый час стали делать перекличку. На лбу очередников стали писать их номера. Но это привело к тому, что появилось множество самозванцев с поддельными номерами. Тогда номера стали писать на левой ягодице. Это сыграло огромную

просветительски-культурную роль, так как многие граждане вынуждены были наконец-то поменять нижнее белье. Балда встал в очередь под номером три тысячи девятьсот пятьдесят семь. Тут-то он и увидел Хмыря и Учителя, которые сидели на пустых ящиках и делали на пару малыша, -- пили из горлышка четвертинку.

ЖОП

Самым совершенным научно-исследовательским учреждением Ибанска был вне всякого сомнения, ЖОП. Он был построен не по последнему слову науки и техники, а по такому их слову, которое они еще только собираются сказать через много веков. Его создавали футурологи-ибанисты.

Десять стоэтажных корпусов из тетрациклина и хлорофоса, образующих как бы единое неразрывное целое. Сто миллионов сотрудников. Среди них десять тысяч Академиков, двадцать тысяч Членов-Корреспондентов, пятьдесят тысяч Членов-Соискателей, сто тысяч Членов-Заискателей, пятьсот тысяч Мудрецов Первого Ранга (Муперангов) и т.д. Сначала, правда, была небольшая толкучка у проходной, где проверяли пропуска и обыскивали карманы (тянут все, сволочи!). Но за дело взялись математики. Стали проталкивать сразу по два, а то и по три сотрудника, и толкучка исчезла. И главное -- полная автоматизация всего комплекса исследований и действий сотрудников. С каждого сотрудника сняли характеристику их индивидуальных биотоков и загрузили в Электронно-Счетную Машину (ЭСМ), которая занимала девять корпусов из десяти. Повсюду были установлены биоэлементы, которые точно фиксировали наличие или отсутствие сотрудника в здании ЖОП, его положение и передвижение внутри здания. Сотруднику достаточно было утром в положенное время встать на конвейер, который со скоростью, близкой к скорости света, мчал его внутрь здания. А там система лифтов доставляла его на его рабочее место. На столе уже лежали специальные листы бумаги, которые через определенное время перемещались в особые читающие и анализирующие устройства. Те превращали их в колонки цифр и отправляли в ЭСМ. Машина проверяла качество работы и давала ей оценку. Итоги шли в Машину-Сумматор и затем в Оценочный Расплатчик. И так -- изо дня в день. Раз в две недели сотрудники шли в Расплатный Отдел, где им (опять-таки автоматически) выдавалось то, что они заработали (это еще до псизма; после установления псизма были внесены некоторые изменения, о коих ниже): зарплату, премии, ордена, степени, звания, наказания. Интересно, что сознательность достигла уже тогда такого уровня, а наука так глубоко проникла в тайны материи, что строго соблюдался принцип: чем выше должность, тем выше вознаграждение, и чем ниже должность, тем выше наказание.

Все шло прекрасно. Младший научный сотрудник без степени (МНСБС) Балда, как и положено, получал гроши, не награждался никакими премиями, но с лихвой компенсировал это многочисленными взысканиями. И вдруг однажды машина объявила, что Балда заработал больше самого директора ЖОП. Институт буквально окаменел от изумления. Известие об этом событии молниеносно распространилось по Ибанску. Неужели в Ибанске появился гений без степени, звания, чина и должности, шептались ибанцы. Этого не может быть! Чтобы гений, а не директор? И даже не муперанг? Не может быть! Впрочем, были же, говорят, когда-то времена, когда такое случалось довольно часто... Вот,

например, Мазила. Он же не был начальником! Что вы, говорили другие, более осведомленные ибанцы! Мазила был Начальником Главного Управления По Лепке Из Г...а!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Интеллигенция... интеллигенция..., ворчит Мазила. Я интеллигенция. И этот Дерьмук из Отдела Культуры тоже интеллигенция. И ты интеллигенция. И Крыс интеллигенция. И Сотрудник... Что такое интеллигенция? Нет, я лично себя к интеллигенции причислять не хочу. Хотя ты ругаешься матом и коверкаешь иностранные слова и научные термины, ты интеллигент, говорит Болтун. Ты рафинированный интеллигент. А Дерьмук -- не интеллигент. Кто же он, спрашивает Мазила. Чиновник, служащий, говорит Болтун. Крыс тоже не интеллигент, хотя он выпустил десяток книжек. Он служащий. А я интеллигент, хотя я не печатаю ничего. Так что же такое интеллигент, говорит Мазила. Давай определим это понятие! Я, кажется, выражаюсь вполне научно? Нет, говорит Болтун. В данном случае требуется не определение понятия, а выделение некоторого социального явления из общей социальной среды и из социальных явлений иного рода. Это не определение. Это операция иного рода. Она похожа на выделение химиками некоторого вещества из смеси с другими веществами или из какого-то более сложного образования.

Здесь нужна не классификация людей по социальным категориям, продолжал Болтун. Здесь нужно выделение некоторой субстанции или ткани общества, ассоциируемой со словом "интеллигенция". Конечно, есть люди, которые являются характерными представителями этой субстанции. Например, ты, Правдец, Певец, Двурушник, Клеветник, Шизофреник. Неврастеник отчасти. Посетитель полностью. Даже Режиссер, даже Брат. Есть целые группы людей, без всякого сомнения попадающие сюда. Это люди, выдвигающие новые идеи и прокладывающие новые пути в области духовной культуры человечества. Но огромная масса людей лишь в той или иной мере причастна к этой субстанции. Например -- подлинные ценители музыки, поэзии, науки в ее духовных проявлениях и т.д. Среда, без которой не может существовать художник, писатель, артист, ученый. Здесь невозможно провести четкие грани. Чиновник иногда выполняет функции интеллигента. Даже жандармы, охранники, каратели, стукачи и т.п. в какой-то мере причастны к интеллигентности. Интеллигентность есть также общая характеристика данного общества, его состояние. Ее можно даже измерять. Как? В этом ключ к нашей проблеме. Уровень образованности общества не есть показатель уровня его интеллигентности. Образованность и интеллигентность тесно связаны, но это не одно и то же. В современных условиях возможно высокообразованное, но низкоинтеллигентное общество. За счет чего? За счет интеллигентности прошлых обществ и окружающих стран, например. Это особая проблема. Нам здесь важно, что это не одно и то же. У нас имеется довольно много высокообразованных ученых, чиновников и деятелей культуры, совершенно лишенных интеллигентности и глубоко враждебных ей. В некотором роде образованность и интеллигентность -- враги. Образованность стабильна. Интеллигентность динамична. Первая пожинает плоды. Вторая взрыхляет почву и сеет семена. Ты догадываешься, к чему я клоню? Интеллигентность общества не характеризуется числом инженеров, докторов наук, профессоров, писателей, художников и т.п. как в абсолютном,

так и в относительном выражении. В Ибанске их сотни тысяч и даже миллионы. Но это низкоинтеллигентное общество. Число издаваемых книг, число выставок, кинотеатров, ежегодно выпускаемых фильмов, театров, студий и т.п. -- это тоже не показатель интеллигентности общества. Это показатели, но иных характеристик общества. Интеллигентность общества -- это способность общества к объективному самопознанию и к сопротивлению его слепым, стихийным тенденциям; это способность общества к духовному самоусовершенствованию и прогрессу. Любыми средствами, в любой форме. Она может проявиться в искусстве, как это чаще всего и происходит. Но не только. И в науке тоже. Так, появление и развитие некоторых идей в физике, математике, биологии и т.д. не раз служило мощным проявлением интеллигентности общества. И в области морали. Религии. Даже в модах на одежду, мебель. Даже в любовных отношениях. Здесь нет строго установленных границ и категорий людей. Потому-то интеллигентность теснейшим образом связана с проблемами морали, права, творчества, совести и т.п. Интеллигентность, короче говоря, есть способность общества к самопознанию своей собственной сути, воплощаемая в его духовном творчестве и охраняемая определенной социальной средой. Потому-то интеллигентность общества определяется (и измеряется) числом и масштабами личностей, реализующих это, числом и масштабами порождаемых ими идей и творческих результатов, степенью их влияния на общество, степенью их преемственности и защищенности. Возьми все сферы нашей культуры и посчитай явления такого рода. И увидишь, насколько мы бедны в отношении интеллигентности. У нас ее почти нет. Ансамбли песен и плясок? Балет? Это все не есть выражение специфических социальных проблем нашего времени. Это искусство. Но искусство, маскирующее суть нашего общества, отвлекающее внимание. Это апологетика. Интеллигентность критична и оппозиционна по самой своей функции в обществе. Это ее неотъемлемое качество. Не бывает интеллигентной апологетики. Так что возможен период в искусстве, когда расцвет в каком-то отношении сочетается с крахом интеллигентности. В науке тоже. Интеллигент как социальный индивид -- это человек, профессионально работающий в области интеллигентности. Ты интеллигент. А Художник -- нет. Он карьерист и хапуга за счет искусства. Он художник, но не интеллигент. Правдец -- интеллигент в высшей степени, хотя о нем нельзя сказать, что он высокообразованный человек, воспитанный в обывательском смысле, тонкий собеседник и т.п. Эти ребята, которых разгоняли на Мусорной Свалке, тоже интеллигенты, хотя они, как ты думаешь, посредственные художники. Они интеллигенты по своему социальному положению и по социальной роли. Здесь не имеет значения то, вынуждена эта роль или нет. Все роли такого рода у нас вообще вынуждены. В оппозицию люди идут не добровольно. Они выталкиваются в нее в силу обстоятельств жизни.

Интеллигенция -- самая трудновыращиваемая ткань общества. Ее легче всего разрушить. Ее невероятно трудно восстановить. Она нуждается в постоянной защите. Чтобы ее уничтожить, на нее даже не надо нападать. Достаточно ее не охранять. И общество само ее уничтожит. Среда. Коллеги. Друзья. В особенности -- интеллигенциеподобная среда. Она ненавидит подлинную интеллигенцию, ибо претендует на то, чтобы считаться ею. Она имеет власть, и потому беспощадна. Много ли нужно, чтобы убить интеллигенцию? Пустяки. Тут умолчать. Тут сократить. Тут сказать пару слов. Тут пустить слушок. Тут не пропустить и т.д. У нас умеют это делать блестяще. Учиться

этому не нужно. Это само по себе приходит в голову. А власти смотрят на это сквозь пальцы или поощряют, ибо интеллигент -- это говорящий правду об обществе вообще и о власти в том числе.

Ясно, сказал Мазила. Все это давно ясно. Но когда все это облекается в беспощадные формулировки, то становится невыносимо скучно.

ОЧЕРЕДЬ

Правление Ларька помещалось в малюсеньком десятиэтажном домишке на площади Хряка, хотя учреждению с такой мощной производственной базой по закону был положен, по крайней мере, отдельный сорокаэтажный корпус. В правлении работало всего пятьсот сотрудников, хотя в министерстве давно намекали на то, что штаты правления пора бы удвоить. Директор лез из кожи, чтобы увеличить штаты хотя бы на сто человек, а домишко надстроить еще на пять этажей. Но все его усилия разбивались о неприступную стену бюрократизма и волокиты. Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Слухи о том, что в Ларьке будут давать ширли-мырли, были полной неожиданностью для правления. Ширли-мырли исчезли из продажи еще задолго до объявления псизма. И не только рядовые ибанцы, но даже специалисты ширлемырлологи вообще позабыли о том, что это такое. Когда потом на радио и телевидении стали получать миллионы писем с просьбой разъяснить, что это такое, то обычно выпускали двух консультантов: один рассказывал о ширли-мырли как о напитке, другой -- как о пище, требующей пережевывания. И тем не менее директор сразу сообразил, какие выгоды сулили эти слухи. Они и явились теми чрезвычайными обстоятельствами, о которых он мечтал с юности. Пришел мой звездный час, думал он. Будет очередь. Обратят внимание. Переведут в сорокаэтажное... нет, в пятидесятиэтажное здание. Штаты увеличат в десять раз. Дадут чин Помощника Первого Ранга (Попеpанга). Выберут в Академию. Орден. Переведут в министерство. Заместителем. А то, чем черт не шутит. Министр! И директор срочно вызвал к себе в кабинет браторга, профорга, молодорга, редактора стенгазеты, физорга, начальника отдела кадров, начальника особого отдела, заведующих отделами, в общем -- актив правления. Заседание длилось все сутки. Решили обратиться в министерство с просьбой, чтобы разрешили проявить инициативу. Но слухи дошли уже до самого министерства. И там их оценили. Громоздкий и обычно неповоротливый бюрократический механизм проявил на сей раз удивительную оперативность. Министр срочно встретился с Заместителем Первого Ранга (Заперангом), который курировал ООН, и имел с ним продолжительную беседу. На общем собрании правления Ларька решили вызвать на соревнование правление Книжного Киоска, около которого тоже начала скапливаться очередь, так как пошел слух, будто будет производиться подписка на старых писателей, вымерших еще до Великой Победы. Академия Наук решила провести всеибанский симпозиум по актуальным теоретическим проблемам ширлемырлогии. На световом табло здания Министерства Еды и Питья появилась реклама, написанная поэтом Вошем!

Взрослым и детям полезны ширли.
Больным и здоровым полезны мырли.
Дешево. Вкусно. И очень питательно.
Употребляйте все обязательно.

Кстати, сказал директор Ларька, скоро юбилей основания Ларька. Пятьдесят лет. Да, круглая дата. Неплохо бы осветить в печати. Надо подготовить списки сотрудников к наградам.

А ТЫ КТО ТАКОЙ

Потом отправились в Забегаловку. Уже втроем. По дороге решили познакомиться. Я физик, сказал Балда. В таком случае я лирик, сказал Учитель. А я единство противоположностей, сказал Хмырь. Я Никто. Так не бывает, сказал Балда. Бывает, сказал Учитель. Хмырь пожал плечами.

Физик? Не спорю. Это -- во!
Как говорится, без слов ясно.
Лирик? Как будто чуть-чуть тово.
Но в общем тоже вполне прекрасно.
Я мог бы наверно частицу открыть.
Доказать непокорную теорему.
Мог бы в тайге минералы рыть.
Писать статью на новейшую тему.
Мог бы и шайбу в ворота бить.
ать, сопя, тяжелейшую штангу.
Только ведь чтобы этаким быть,
Надо к высшему влечься рангу.
В Ибанске нету просто людей.
Одни воплотители планов и чаяний.
И даже среди забулдыг и блядей
Просто Никто -- явленье случайное.
А я, представьте, и есть Никто.
Из моды вышедший просто мужчина.
Исключенье из правил. Ни се и ни то.
Рудимент, так сказать. Пережиток без чина.

Ясно, сказал Балда. Но так ты уцелел? У нас в Ибанске такие вывелись еще до Великой Победы. Меня сохранили как устрашающий пример, сказал Хмырь. Для высших целей. Это, брат, не нашего ума дело.

Пришел Лапоть. Ходил в Правление, сказал он. Там грузчики требуются. Но тебя не возьмут. Образование не подходит. Кроме того, есть закон, по которому в систему продовольственного снабжения с судимостью брать запрещено. Тут повышенная честность нужна. Потому, очевидно, девяносто процентов работников торговли имеет минимум по две судимости, сказал Балда.

ПРОБЛЕМА

История с Балдой обнаружила досадное противоречие между субъективным представлением индивида о самом себе и его объективным социальным положением. Подумать только, какой-то мнсбс вообразил, что он на десять голов умнее муперанга, который в социальном отношении на десять ступеней выше его! Пример Балды оказался заразительным. Не только сам Балда, но и прочие сотрудники ЖОП стала думать, что Балда, если не на десять голов, то уж на одну, во всяком случае, выше директора Крыса. Дело дошло до того, что сам Крыс в глубине души начал испытывать нечто подобное, перестал спокойно

спать по ночам и на работе, затосковал и начал катастрофически прибавлять в весе. И это -- в самой рафинированной интеллигентной среде Ибанска, в его мозговом центре -- в ЖОПе! А что началось твориться в прочих учреждениях! Ночью состоялось чрезвычайное заседание НВПВГБЦСВКБИ. Надо сажать, сказал Заибан. Надо сажать, сказали Заперанги. Надо сажать, сказали Завторанги. Хотя официальное решение на всякий случай не приняли, но понемногу начали составлять списки возомнивших о себе индивидов за ошибочную субъективную переоценку. Балду забрали в ООН. Но от этого стало еще хуже. И тогда собрали ученых и возложили на них задачу. Покопайтесь в ваших идеалистических и метафизических хромосомах, сказал Заибан. Может найдете там кнопочку какую или пружинку. Чтобы можно было нажать, и все. Раз, два, и готово. И никаких тебе вывихов и зазнайств. Ясно? Об исполнении доложить! Ответственность за решение проблемы возлагаем на ЖОП. Балду выпустили -- кому-то надо же работать! Но попросили, чтобы он свою гениальность держал при себе. Балда обещал подумать. У проходной его ждал Хмырь. И они направились в Забегаловку.

Ведомы Братией родной,
Достигли высшей цели.
И только малости одной
Мы сделать не успели.
Не приложили сил к тому,
Чтоб устранить причину,
По коей люди по уму
Не отвечают чину.
Начальник мозгом обделен --
Не в этом суть напасти.
Беда, что низший чин умен
И одарен, к несчастью.
Тревожит нас и ночь и день
Такая ахинея,
Коль чина высшая ступень
Не делает умнее.
Чтоб людям легче было жить,
Начальству -- легче править,
Старанье надо приложить --
Мозги по чину вправить.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Страшны не нападки, говорит Болтун. Травля равносильна официальному признанию. Страшно нарочитое безразличие к твоему делу и к твоей продукции. И чем значительнее твое дело и результаты его, тем значительнее это безразличие. Заметь, я говорю не о равнодушии и отсутствии интереса. А об активном безразличии. Это нечто позитивное. Это специфическое явление ибанского образа жизни. Безразличие это может быть отчетливым или неясным, ярко выраженным или расплывчатым, демонстративным или само собой разумеющимся. Его даже можно измерять по степени. Степень безразличия! Каково? Сталкивался ли ты с подобной категорией там, на Западе? А в применении к прошлому? Это нечто новое. Это -- определенная форма поведения

лиц, представляющих данное общество в отношении к данному индивиду, в отношении этого индивида. Например, ты выставил свою работу. И Вонючка выставил. Ты выставил выдающееся нечто. Вонючка -- чепуху серенькую. В отчете о выставке о вас могут написать как о явлениях однопорядковых -- одна степень безразличия к тебе. Могут о нем сказать больше и лучше -- другая, более высокая степень. Могут о тебе умолчать -- еще более высокая степень. Могут даже тебя похвалить, и его похвалить, даже тебя чуть-чуть побольше. И все-таки это будет определенная степень безразличия. Причем, всем известно, что твоя вещь на сто порядков выше. И никто не будет протестовать против таких отчетов. Если тебя похвалят, будут даже недовольны. И все тут едины в одном: сделать вид, будто твое произведение не является выдающимся. Они даже готовы возвеличить ничтожество, чтобы проявить безразличие к тебе в такой форме. Суть дела -- исказить оценки, переориентировать внимание на пустяки, на незначительное. И это касается не только творческой деятельности. Это касается всех важных сторон нашей жизни. Ты смотрел сегодняшнюю Газету? Там опубликован для всенародного обсуждения своеобразный морально-правовой кодекс. Он преподносится как вершина развития морали и права. К тому же -- синтезирующая вершина, положившая конец вековому их разрыву. В кодексе дается перечень возможных проступков. Говорится, что они редкое исключение. И чтобы их не было совсем, предлагается система наказания за них. Например, не уступил место старухе в транспорте -- штраф. Второй раз не уступил -- десять суток принудительных работ. Кто-то чихнул, и ты не сказал, будь здоров, -- штраф. Наступил на ногу и не извинился -- штраф. Не заступился за оскорбляемого -- две недели карцера. И так далее в таком духе. Почитай. Документ любопытный. Самые существенные стороны деятельности людей не имеют никакого правового обеспечения, а для пустяков -- детально разработанный кодекс. И эту муть разрабатывали в ЖОПе десять лет! Но они к тому же еще жуткие кретины вот в каком плане. Сам факт публикации такого документа свидетельствует о том, что реальная картина бытового поведения людей весьма далека от идеала. И не желая затрагивать порождающую ее суть, хотят спасти положение за счет пустяков. А так как нет никакой силы, которая хотя бы намекнула на реальные пропорции, то все эти пустяки и пустяковая сторона жизни воспринимаются всерьез. Посмотреть со стороны -- кошмар. Но смотрящих со стороны нет. А если они появляются, их ликвидируют. Этим же методом.

ОЧЕРЕДЬ

За чем стоим, спросила Девица у Балды рано утром. Спросила просто так, не преследуя никаких далеко идущих целей. От скуки. И для самоутверждения. Наивный вопрос, сказал Балда. Настолько наивный, что я даже затрудняюсь ответить сейчас. Отложим до вечера. Вот мой телефон. Вот мой адрес. Заходите. Поболтаем об очередях. Это так интересно.

Очередь есть фикция бытия, осуществляемая в полном соответствии с законами реального бытия, но с теми же последствиями, а именно -- без каких бы то ни было результатов, сказал забулдыга Хмырь в интервью спекулянтке из промтоварного магазина. Хмырь в это время полулежал на пустых ящиках около Продуктового Ларька, в районе которого он промышлял пищу как для плоти, так и для духа, и выцарапывал какие-то непристойные слова на двери Ларька, навечно запертой могучим амбарным замком. Спекулянтка во всю кокетничала с

Хмырем, задирая юбку так, чтобы тот увидел не только невероятно толстые ляжки, сводившие с ума ибанскую интеллигенцию, которая открыто придерживалась моды на тощих костлявых баб, но и новую заграничную комбинацию с колокольчиками и порнографическими картинками. Тем самым она сразу убивала двух зайцев. Во-первых, соблазняла Хмыря. Хотя тот давно ей не нравился, она мечтала отбить его у Сожительницы, чего бы это ни стоило. Цель оправдывает средства, говорила она Участковому, обещавшему за флакон парижских духов скомпрометировать Сожительницу или хотя бы засадить на пятнадцать суток за хулиганство. А за это время -- ... Во-вторых, Спекулянтка была уверена в том, что Хмырь растреплет Сожительнице о комбинашке, и та наверняка попросит достать ей такую же. Женщина всегда остается женщиной. Даже при социзме. Тем более такая старая швабра.

Хмырь пощупал комбинацию с видом знатока, похлопал Спекулянтку по жирным ляжкам, но никакой заинтересованности не проявил. Очередь, сказал он, есть нормальное бытие, пересаженное в черепушку шизофреника и изуродованное в ней. Дурак, сказала Спекулянтка, а еще грамотный. Очередь есть базис, на котором разыгрывают свои социальные спектакли спекулянты, жулики, паразиты, вожди, лауреаты, заслуженные деятели и прочая сволота. Я-то уж это дело знаю досконально. Я же их всех как облупленных знаю. Ты спроси, откуда у этой стервы норковая шубка? А брючки-дрючки? А трусики с окошечком на подходящий случай? А столовый гарнитурчик? То-то!... А откуда тебе известно, что на ней трусики с окошечком, спросил несколько оживившийся Хмырь. Это что-то новое! По роже вижу, сказала Спекулянтка. Психология!...

Очередь -- это полуструктура, сказал Крыс так, чтобы его слышали все, находившиеся на проспектах Хозяина и Победителей ибанцы. Он давно истекал слюной из-за Спекулянтки и хотел произвести на нее впечатление. Я, продолжал он, не обращая внимания на то, что на него никто не обращает внимания, в своем курсе лекций в Высшей Профилактической Школе (ВПШ) исхожу именно из такого понимания...

Интересно, сказал Балда, поздно вечером, разглядывая трусики с окошечком. А это зачем? Не знаю, сказала Девица. Сейчас это так модно. Мне достала одна знакомая. Ого, сказал Балда, когда услыхал цену. А знаешь, какая мода будет в Париже в будущем году? Ходить совсем без трусов. Но это будет стоить сумасшедших денег. Нам это не по карману. Но ты мне нравишься, и я тебе обязательно это подарю.

Очередь есть наивысшая форма социальной общности индивидов, в которой не на словах, а на деле реализуется абсолютное социальное равенство индивидов, сказал Заибан в речи, написанной для него дружным коллективом ЖОП к столетнему юбилею Ларька.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты сам знаешь, говорит Мазила, сколько валюты дают ибанским туристам, едущим за границу. Гроши. И, естественно, они стараются потратить ее наиболее разумно -- на барахлишко. Что поделаешь! Ты сам говоришь, что все магазины завалены обувью, а ботинки купить -- немыслимое дело. Так что их понять можно. Так в Эн около музея искусств есть туалет. А чтобы попасть в него, надо монету платить. Жалко. Так наши туристы ходили мочиться за статую Аполлона, стоявшую неподалеку. И представь себе, статуя размокла и

развалилась. Выяснилось, что она не подлинник, а подделка более позднего времени. Таким путем ибанцы внесли ценный вклад в мировую культуру. Смешно? Ничего! Мы, ибанцы, еще скажем свое слово в развитии мировой цивилизации. Странно, может быть, но я посмотрел на нас со стороны, оттуда, и увидел, что прогресс цивилизации проходит через Ибанск. От этого никуда не уйдешь!

Ибанск, говорит Болтун, есть тупиковая цивилизация. Как муравейник. Но и в муравейнике есть какой-то прогресс, говорит Мазила. Мы его только не замечаем. Что это за прогресс, который не заметен, говорит Болтун. Прогресс имеет смысл лишь тогда, когда он заметен самим его участникам. А если даже у муравьев есть прогресс, замечают ли его сами муравьи? Ты же сам говорил, что на все нужно время, говорит Мазила. Пройдут десятилетия... столетия... тысячелетия, в конце концов, и в Ибанске произойдет скачок. Пусть, говорит Болтун, ты прав. Но нам-то что до этого? Какое влияние на ход нашей экономики оказывает тот факт, что через миллион лет средняя температура в Ибанске понизится на пять градусов? Думаешь, завтра начнут делать утепленную одежду и дома? Но на чем базируется твоя уверенность в том, что мы тупиковая цивилизация, говорит Мазила. Личные наблюдения нескольких человек в течение короткого времени, и только? А другого не бывает, говорит Болтун. Ждать, когда накопится опыт наблюдений миллиардов людей в течение жизни тысяч поколений? К тому же это не прибавит ни крупицы к тому, что может заметить один неглупый человек, думающий в этом направлении. Тут речь идет не о переустройстве, а о понимании. А понимание есть всегда дело одного и начинается с одного. Мы на эту тему говорили с тобой много раз. Тут не просто наблюдение фактов нашей жизни. Тут анализ всей системы жизни. Теория, построенная но правилам науки и подтвержденная огромным числом фактов. Ты сам в свое время не раз удивлялся, почему так ужасающе точно сбываются прогнозы Шизофреника. А теперь вдруг все забыто... Но деятельность таких людей, говорит Мазила, как Правдец, Двурушник, Певец, твой Крикун. Кого ты еще называл? Учитель... Я... Меня можно причислить к этой категории?... Она бесперспективна, говорит Болтун. Слишком вязкая социальная среда. Их деятельность имеет тот же эффект, что бросание горошин в океан мазута. А накопление таких индивидов приводит лишь к образованию сред, живущих по законам целого, т.е. новых лужиц мазута. Как можно жить с такими настроениями, говорит Мазила. Надо же что-то делать! Мы и делаем, говорит Болтун. Ты лепишь Заибана. А я... Я оправдываю твои действия. Мы вместе замазываем щелочки в возможном выходе из тупика. В этом и состоит обязанность муравья-Мазилы и муравья-Болтуна в этом прекрасном, благоустроенном, мудром и т.п. Муравейнике. А полеты в Космос, спросил Мазила. Они выполняют ту же роль. Когда муравьи перетаскивают муравейник на новое место, они точно воспроизводят свою прежнюю социальную структуру. Не могу в это поверить, говорит Мазила. Выход где-то есть! Должен быть! Нет, говорит Болтун. Но почему, почему, говорит Мазила. Не хочу повторяться, говорит Болтун. Если хочешь -- скажу в двух словах. Потому, что Ибанск и есть выход из всех затруднений прошлой истории человечества. Результат поисков выхода, во всяком случае.

ПРАЗДНИК

На вечер по поводу освобождения Хмыря пришел Балда с Девицей,

Участковый со Спекулянткой, Лапоть с Учителем. Говорили, пили, ели. В заключенье песни пели. Потом попросили Учителя, чтобы он спел что-нибудь про войну.

Я гитару беру. Задеваю струну.
Спеть? Хотите? Спою -- не скучайте.
А про что же вам спеть? Скажут, спой про войну.
Про войну?! Хорошо. Получайте.
Помню, словно вчера. Хочешь нет, хочешь верь.
Нас бабенки к себе заманили.
И какой-то бурдой... тьфу... мутит и теперь...
Одного на тот свет упоили.
Как-то раз со стрелком до того надрались,
Что проспаться к утру не успели.
До машины ползком на бровях добрались.
На задание... в тыл!... улетели.
А однажды из БЭ полетели мы в ЦЫ.
Парашют мой ребята пропили.
Чтобы я не заметил, чехол, стервецы,
Грязным вшивым тряпьем понабили.
Ты ж хотел про войну! Ты ж в сражениях был!
Ты ж врагов убивал! Сам сбивался!
Убивал? Сам горел? Я про это забыл.
Да и помнить, друзья, не старался.

А очередь все растет, сказала Спекулянтка. Чем только все это кончится? А ничем, сказал Участковый. Вот пойду, свистну, и все разойдутся. Вряд ли, сказал Балда. Тут затевается что-то серьезное. Я пойду с тобой, сказала Девица Учителю. Почему, спросил Учитель. Болтун молод, я стар. Ты тоже когда-то был молод, сказала Девица. Я тебя люблю именно таким, человек из прошлого. И они ушли.

Расскажи мне что-нибудь о прошлом, сказала Девица. Ладно, сказал Учитель. Я тебе расскажу.

ЛЕГЕНДУ О СЕБЕ

Выпускникам Школы зачитали приказ о присвоении офицерских званий. Самых маленьких, разумеется. Лиха беда -- начало, сказал Мерин. Каких-нибудь сорок или пятьдесят лет, и мы уже генералы. Если, конечно, будем хорошо себя вести, и не получим взыскания за заправку коек. Сейчас война, сказал Лопух, и звания присваивают быстрее. Один парень из нашей школы всего на три года старше нас, а уже полковник. Этот твой парень, сказал Учитель, образцово-показательный. И все-таки быстрее, сказал Лопух. Если, конечно, не сшибут. Сшибут -- прямо в рай, сказал Мерин. Приказ вышел, летчиков-штурмовиков независимо от заслуг и грехов еще при жизни зачисляют в святые тоже с самым маленьким званием, сказал Интеллигент. Так что все придется начинать сначала. Зато там политподготовки не будет, сказал Мерин. Будет, сказал Учитель. Политподготовка теперь везде есть. По нашему примеру. Хороший пример заразителен. Прекратите трепотню, сказал Уклонист. Не забывайте, что стукачам тоже присваивают офицерские звания.

Выдали обмундирование. Хотя солдатское и хлопчатобумажное, но все-таки

новое. И кирзовые сапоги. И ребята первым делом заузили голенища сапог, подшили необъятную мотню солдатских штанов, шитых с расчетом на то, чтобы их смог носить любой гражданин Ибанска, и укоротили гимнастерки. Вот теперь мы похожи на настоящих офицеров, сказал Учитель, надрываясь от хохота. Прямо-таки гусары! В цирке выступать можно. И грима не нужно. Выдали пистолеты. И зарплату. Такую же мизерную, как звание. Но это была первая зарплата в жизни. И ребятам она показалась даром небес. Они никогда еще не держали в руках такую кучу денег, на которые можно было купить целый литр вонючей самогонки. Как только их распустили, они разбрелись по своим заветным уголкам пропивать эти нежданные денежки, с которыми в общем-то и делать больше ничего другого было нечего. Ушли на глазах дневальных, дежурных и старшин. Законно. В зауженных кирзовых сапогах, укороченных гимнастерках, с птичками на левом рукаве, с брезентовыми кобурами, в которых болтались увесистые настоящие пистолеты и запасные обоймы.

Вскоре в поселке началась стрельба. На нее не обращали особого внимания. Все знали, что в Авиационной Школе выпуск. Знали также, что из этих настоящих пистолетов даже в трезвом виде даже с трех шагов невозможно попасть даже в начальника продовольственного снабжения гарнизона. Дежурный по гарнизону предупредил патрули сегодня не придираться к летчикам во избежание таких трагикомических последствий, какие имели место в прошлый раз. Тогда подвыпивший пилотяга обезоружил трех патрульных, раздел их донага, загнал в сарай, а обмундирование унес и пропил. Стреляют, стервецы, сказал Начальник Школы. Шестьдесят пять... Шестьдесят шесть... Пока все патроны не расстреляют, не кончат. Шестьдесят семь...

Под утро все новоиспеченные офицеры ВВС частично своим собственным ходом, частично с помощью товарищей и аборигенов вернулись в казарму в целости и сохранности, если не считать того, что Лопух в темноте потерял шинель, а УКЛОНИСТ принес огромный фонарь под левым глазом. Ого, сказал Мерин, можно подумать, что ты попытался изнасиловать молотобойца.

Вот и пойми их, говорил Уклонист по дороге на аэродром. Сама зазвала. Сама выпивку устроила. Представь себе, денег за водку не взяла. Даже обиделась. Сама свет потушила. Разделась. В кровать легла. И меня затащила. А когда я сделал было попытку, заявила, что она честная, и залепила мне прямо в глаз. А когда я оделся и собрался уходить, заплакала. Умоляла остаться. А ты что, неужели ушел несолоно хлебавши, спросил Учитель. Конечно, сказал Уклонист. Ну и болван, сказал Учитель. Она, может, на последние гроши водку покупала. Надеялась. А ты! Женщина, брат, тонкая штука! Ее понимать надо.

Эти пистолеты, говорил Мерин, только для очистки совести. Мы с Уклонистом решили пристрелять их. Пошли на пустырь. Видим -- шагах в десяти кошка сидит. Взглянула на нас и отвернулась с полнейшим презрением. Видать, не впервой. Привыкла, сволочь. Так мы в нее высадили все тридцать два патрона. И ни одного попадания. Жалко шинель, говорит Лопух. Куда она могла деться, ума не приложу. Подстелил. Ну, мы побарахтались чуть-чуть. Может на метр-два сползли в сторону. А я все потом кругом обшарил. Неужели, сука, с собой унесла? Разумеется, унесла, сказал Интеллигент. Скажи спасибо, что штаны и сапоги оставила. Так я же их не снимал, сказал Лопух. Это не имеет значения, сказал Интеллигент. Имея дело с женщиной, будь готов к неожиданностям. Женщина -- это, брат, тонкая штучка. Ничего себе, тонкая,

подумал Лопух, вспомнив, с каким грохотом его возлюбленная опрокинулась на землю. Ах, идиот! Она же своим десятипудовым задом вбила мою новенькую шинельку в грязь!!...

На взлете у одной машины отказал мотор, и она врезалась в железнодорожную насыпь. Когда сели на первом промежуточном аэродроме, выяснилось, что это -- Лопух. Во всем есть свой плюс, сказал Мерин. Теперь ему во всяком случае из-за шинели волноваться не нужно,

ОЧЕРЕДЬ

Уже к вечеру очередь сама собой разбилась на десятки, сотни и тысячи. Во главе каждой десятки был поставлен десятник. Был выбран руководящий актив -- браторг (братийный организатор), профорг, молодорг, культорг, физорг, страхделегат, инспектор по содействию армии и ООН, представитель кассы взаимопомощи и т.д., в общем -- более сорока должностных лиц в каждой десятке. Во главе каждой сотни стал сотник с двумя заместителями по политической части и по линии ООН. В каждой сотне было избрано братийное бюро из сорока человек, профсоюзное бюро из семидесяти человек и прочие общественные организации, в которые вошло более пятисот человек в каждой сотне. Были созданы также советы молодых специалистов, по опеке пенсионеров, помощи борющимся народам, помощи развивающимся странам и надзора над международной шахматной организацией. Во главе каждой тысячи... Впрочем, прекрасное описание структуры управления тысячами дано в трехтомном труде Ибанова "Развитие очереди на первой стадии очередизма в условиях псизма". Структура власти тысячи была рассчитана в ЖОПе с помощью машин.

На чрезвычайном заседании НВПВГБЦСВКБИ (Наивысшего Президиума Верховного Главного Бюро и т.д.) Заперанг высказал предложение создать Государственный Комитет По Очереди У Ларька (ГКПОУЛ). Его поддержало несколько Завторангов и Поперангов, которые сразу смекнули, куда дует ветер. Заибан выступил было против. Но вспомнив о том, что на этом можно заработать орден и еще одну речь, он согласился. Но было уже поздно. Заперанги, которым Заибан давно уже опостылел, дружно скинули его и выбрали нового. Не того, который внес предложение, а другого -- самого глупого, тихого и безынициативного. Этот болван ни на что не способен, говорили они между собой. Так что мы... Но они, как и с прошлым Заибаном, жестоко просчитались. Новый тихий и глупый Заибан тут же приказал подготовить ему речь для празднования юбилея Ларька, речь для празднования вновь созданного ГКПОУЛ, речь для... И намекнул, что ежели что, так он посадит. Не остановится! Он, мол, не такой уж и дурак, как думают некоторые. Не глупее вас!

Наконец, к каждой десятке прикрепили штатного сотрудника ООН, а массы по своей инициативе выделили по два стукача на каждого очередника. В ООН создали особое управление, во главе которого поставили старого оониста Сотрудника.

ПОД-ИБАНСК

Готов держать пари, сказал Учитель, что если под землей люди уцелели, они развили цивилизацию, являющуюся точной копией нашей. Почему ты так думаешь, спросила Девица. Они же там ничего не видят. И кушать им нечего. И

носить нечего. Ерунда, сказал Учитель. У них осталось осязание, а оно заменяет зрение с лихвой. Что касается жратвы и барахла, то в этом у них недостатка нет. Во-первых, в их распоряжении полчища крыс. И они, наверняка, наладили крысоводство. Во-вторых, канализационные и мусорные отстойники... Неужели ты хочешь сказать, что..., заикнулась Певица. Вот именно, сказал Учитель. Я даже догадываюсь, как они их называют: продовольственные рудники. Видишь ли, перед войной ибанцы слишком много жрали. И больше половины еды не переваривали. Это еще тогда установили. Когда Хряк обещал через десять лет построить псизм, он большие надежды возглагал на рационализацию питания (предполагалось урезать вдвое) и на переработку отходов (предполагалось, например, делать до десяти сортов колбас из первичного кала). Так что возможности еды у подземцев практически неограниченные. Жилье им не нужно -- они и так все время в помещении. Одежд а... Там тепло, как в Африке. Вот где псизм-то строить! И главное -- ни черта не видно. Любую дребедень можно представить как псизм. Поверят!

Ты так расписываешь эту подземную жизнь, что можно подумать, будто ты там побывал сам, сказала Девица. Ладно, пусть жрут наше говно. Но у них, по крайней мере, настоящее равенство. Не то, что у нас. Увы, сказал Учитель. Именно этого-то у них еще меньше, чем у нас. Все-таки степень равенства зависит от общего богатства общества. А мы немного богаче. Но в чем же у них может быть неравенство, спросила Девица. Во всем, сказал Учитель. Например, жаркое из крысиных хвостиков может быть привилегией высшего начальства. Это тривиально. Нетривиально тут другое -- зависимость их социальной структуры от нашей. Они с этой точки зрения дают цивилизацию, производную от нашей. Они, наверняка, однажды заметили, что канализационные отстойники различаются по калорийности, содержанию витаминов и т.п. С точки зрения вкусовых ощущений хотя бы. И постепенно общество иерархизировалось применительно к иерархии калоотстойников. Эта иерархия закрепилась в виде традиции. Поскольку там кромешная темнота, они привыкли жить с закрытыми глазами. А это очень удобно с точки зрения управления. А что если предпринять экспедицию под землю, сказала Девица. Зачем, спросил Учитель. А мы откроем им глаза на их собственную жизнь, сказала Девица. Чушь, сказал Учитель. Во-первых, они все равно ничего не увидят. А во-вторых, люди больше всего ненавидят тех, кто им рассказывает правду о них самих. Они нас сожрут вместе с крысами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты думаешь, что намерение Правдеца разоблачить ибанизм обречено на провал, спрашивает Мазила. Разумеется, говорит Болтун. Разоблачение только укрепляет его. Чем же объяснить такую живучесть ибанизма, говорит Мазила, накладывая на скошенный подбородок Заибана комок глины, отчего лицо Заибана стало похоже на морду мыслителя. История идет совсем не так, как он предсказывал. Наука опровергает его на каждом шагу. Все над ним смеются. А он все расширяется и крепнет. Мистика какая-то! Ибанизм силен не тем, что умен, научен, прогностичен, говорит Болтун. Он силен тем, что он есть и что нет ничего другого. Назови мне другое учение, которое выступало бы с такими же претензиями на человеческие души и которое так настойчиво, последовательно и широко вдалбливалось бы в эти души. Религия? Христианство,

мусульманство, буддизм... Да, это серьезные вещи. Но они -- для стариков, для моды и для снобов. Они выросли на иных проблемах, на иной духовной основе, для других целей. Они не касаются главных проблем жизни современного массового человека. А ибанизм специально ими занимается. Людям ведь наплевать на всякие научные тонкости. Они же все равно не понимают. Для них важна общая оптимистическая ориентация ибанизма. В истории действительно есть тенденция к лучшему Если даже люди знают, что на улучшение жилищных условий заметным образам нужны десятилетия или даже столетия, сознание столь отдаленной и лично для них недостижимой перспективы все же скрашивает жизнь. Лучше знать, что такие работяги, как ты, хотя и не раньше, чем через сто лет, но все же смогут ездить на южные курорты, чем думать, что это не случится никогда. Факт остается фактом, ибанистские обещания для огромной массы людей суть реальные обещания. В этом суть дела. А что предлагает религия? А что предлагает наука? Ты знаешь теорию Шизофреника и Клеветника. Она бесконечно ближе к истине, чем ибанизм. А кому и что это дает? Лишь немногим одиночкам некоторое интеллектуальное удовлетворение и ориентацию. К тому же огромное число писателей, художников, ученых, артистов и т.п. работают в пользу ибанизма, даже не подозревая этого или даже имея целью его ниспровержение. Кто? Ты, например. И Правдец. И Двурушник. А Клеветник и Шизофреник, спросил Мазила. Эти -- нет, сказал Болтун. Но их ведь уничтожили общими усилиями. Им не дали даже проявиться.

ГИМН ОЧЕРЕДИ

Кто последний?
Я за вами.
Что дают?
Не знаем сами.
Куда прешься?
Сам дурак!
В чем задержка?
Просто так.
Ширлей-мырлей
Больше нет.
Закрываем
На обед.
Когда будут?
Вот народ!
Приходите
Через год.
Хочешь поесть. Одежонку купить.
Взнос за квартиру и свет уплатить.
Время в обрез. Так что дуй, торопись.
Спроси, кто последний. За ним становись.
Не встанешь, полезешь -- ухватят в момент.
Не видишь, тут очередь! Ин-тил-ли-гент!
Ах, очередь, очередь! Некогда ждать.
Откуда взялася ты, так твою мать!
Жизнь я твоя.

Без меня ни на шаг.
Ни дать и ни взять
Без меня ни шиша.
Стоишь и мечтаешь. Вдруг выпадет честь.
Удастся вне очередь как-то пролезть.
Ах, будь я калека. Хотя бы нацмен.
А то -- иностранец. Допустим -- бушмен.
Или персональнейший пенсионер.
В случае крайнем -- милиционер.
Ах, очередь длинная! Мочи нет ждать!
Кто тебя выдумал, так твою мать!
Я -- вечность. Я -- сущность.
Ты тут -- значит мой.
Жди и не рыпайсь,
Покуда живой.
Стоишь и стоишь. И конца не видать.
Хочешь -- не хочешь, а надо стоять.
Вздохнешь. Чертыхнешься. Застынешь опять.
Не зная, достанется ль, что тебе взять.
Ах, очередь, очередь! Сколько же ждать!
Когда же ты кончишься, так твою мать!
Судьба я твоя.
Я с тобой каждый день,
Поскольку я высшая
Изма ступень.

НУЖНА ОППОЗИЦИЯ

С мест доносят, шептал Помощник в рот Заибана, что наметились отступления от принципов ибанизма. По теории у нас должна вестись борьба нового и старого. Новое есть. А где старое? Пусть есть борьба хорошего и еще лучшего, нового и новейшего. Еще лучшее у нас есть, А хорошего нет ничего. Новейшее есть. А ничего нового. Это явно непорядок, рыгнул Заибан в рожу Помощника. Выявить виновных! И наказать! Мудрое указание Заибана спустили в ЖОП. Директор ЖОПа созвал заместителей. Заместители созвали заведующих отделами. Заведующие отделами созвали заведующих секторами. Заведующие секторами собрали заведующих группами. Заведующие группами собрали старших сотрудников. Старшие собрали младших со степенями, которые собрали младших без степеней. Из последних отобрали самых нерадивых и бесперспективных. Вот вам срок, сказали им. И чтобы представить соображения. Бесперспективные младшие сотрудники без степени засели в научные кабинеты, заказали самые бездарные книжки на эту тему и выписали из них то, что нужно. И через пять лет после бесчисленных переработок, обсуждений, редактирований, доработок, исправлений, дополнений и прочих сугубо научных операций из ЖОПа вверх двинулся обширнейший документ. Содержание его сводилось к следующему. Кто во всем виноват? Интеллигенты. Но не всякие интеллигенты. Есть интеллигенты наши. Так они совсем не интеллигенты, а выходцы, плоть от плоти и прослойка. Эти обслуживают, служат и прислуживают. И есть интеллигенты не наши. Вернее, они тоже прикидываются нашими. Но до поры -- до времени. Стоит на них как

следует нажать, так сразу из них попрут всякие заграничные словечки. Вот среди таких фактически не наших интеллигентов и надо сыскать до такой степени не наших, чтобы они даже отвертеться не смогли. Чтобы все видели, что это -- чистокровные контрреволюционеры, клеветники, предатели, пьяницы, гомосексуалисты, морфинисты, фарцовщики. Что все они на содержании у Них, валюту получают Оттуда. Желательно отобрать поглупее. Глупых легче критиковать. И послабее духом. Такие быстрее во всем сознаются и покаются даже в том, чего не делали.

Документ Помощнику (а значит и самому Заибану) понравился. Ишь до чего докатились, мерзавцы, сказал он Советнику. Надо им врезать. Да так, чтобы прочим неповадно было. Но бить надо умеючи. Чтобы все думали, будто мы подлинный гуманизм проявляем. Ясно? Ясно, сказал Советник и дал соответствующие указания в ООН. Все ясно, сказал Сотрудник. Итак, в соответствии с указанием Заибана надо создать группу оппозиционно настроенных интеллигентов, которые дают умную и правдивую критику наших порядков, не идут на сговор с нами, не сознаются и не каются. Иначе наказание их никого не устрашит, и никто нам не поверит. А великодушие теперь ни к чему. Перед кем нам выпендриваться? Оппозиция вообще должна быть умной и смелой. Тогда ее легко опровергнуть и разгромить. Это апологетика должна быть глупой и трусливой. Тогда она неуязвима. Оппозицию надо связать с очередью. Ширлей-мырлей все равно не будет, если даже выяснят, что это такое, и соберут богатый урожай. Все равно сгноят на корню и разворуют. Так что кто-то за это должен будет нести ответственность. Что касается состава группы, то тут никакой проблемы нет. Хмырь, Балда, Учитель, Лапоть, Сожительница, Спекулянтка, Девица. Добавим к ним десяток уголовников. Зашлем пару дюжин агентов и провокаторов. Пришпилим пяток иностранцев. Полсотни случайных лиц из Очереди. Свяжем с преступными элементами из далекого прошлого и близкого будущего. Наладим переписку с Правдецом. Подкинем пару машинисток. Дадим ротатор. Ого-го-го-го! Да так целая партия получается! Нет, надо чуть-чуть поубавить. А то возьмут, да сдуру переусердствуют и устроят настоящий государственный переворот! С этими бандитами все может статься. Переворот -- это, вообще говоря, идея! Но это потом. Кто лидер? Хмырь? Учитель? Ни в коем случае. Больно жирно будет. Руководство я, пожалуй, возьму на себя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Работы Клеветника и Шизофреника знало довольно большое число людей, говорит Мазила. Большинство из них -- ученые. Но они не вызвали у них никакого интереса. В чем дело? Значит они только казались серьезными. Если бы они были серьезные, какой-то эффект был бы. Ты неправ, говорит Болтун. Чудовищно, оскорбительно неправ. Они вызвали интерес. И потому их авторов дружно уничтожили и еще более дружно замалчивают. Из этих работ в свое время воровали все, кому не лень. Потом идеи расползлись. Их пережевывают в самых различных кругах и группах. Не задумываясь над тем, кто породил их. Но люди и не обязаны всегда докапываться до первоисточников, говорит Мазила. Конечно, не обязаны, говорит Болтун. И эту свою необязанность они свято выполняют. Но речь о другом, -- о том, что такой первоисточник был. И ты его знаешь. И при этом говоришь об отсутствии эффекта. Не было публичного

эффекта. Это верно. Но ведь тут действует закон, фиксированный все тем же Шизофреником: чем глубже и серьезнее социальные идеи, тем менее явно они проникают в сознание людей. Не столь быстро и широко, как поверхностные и конъюнктурные. И даже тогда, когда серьезный автор получает признание, то он получает его сначала за поверхностные и побочные явления своих идей. У нас это усиливается тем, что ибанской творческой личности приходится преодолевать сопротивление властей всякого рода, сопротивление профессиональной среды и сопротивление общей традиционности сознания, восприятия, оценок и т.д. Все это действует в совокупности, переплетаясь так, что в конкретных ситуациях не разберешь, какие факторы и в каких пропорциях действуют. И тут вступает в силу одно очень коварное явление. Преодолевая эти сопротивления, человек постепенно принимает форму, приближающуюся к стандартам индивида этого общества. Иначе он не продавится через дырочки в преградах. Человеку кажется, что он сохраняет свою творческую индивидуальность и реализует свои идеалы. На самом деле, он подгоняется под стандарт. Но кто-то все-таки преодолевает сопротивление, сохраняя свое Я, говорит Мазила. Нет, говорит Болтун. Тот, кто сохраняет Я, тот не продавливается через дырочки в преградах. Он погибает или так и остается перед преградами, не выпускается на видимую сцену истории.

ЛЕГЕНДА

Зарулив машины на стоянку, летчики направились в столовую. Кто бы мог подумать, что первой жертвой в нашей группе будет Лопух, сказал Уклонист. Судьба, сказал Учитель.

Судьба слепа. Не можешь знать,
Когда ты вдрызг упьешься,
С кого штаны начнешь снимать,
Где в землю-мать воткнешься.

Недурно, сказал Уклонист.

И потому, как было встарь,
Нет в жизни совершенства.

Совершенно верно, сказал Учитель.

Ты получил под глаз фонарь,
Я -- райское блаженство.

Это смотря по последствиям, сказал Уклонист.

С судьбой проделку не схитришь.
Не мнись судьбы мудрее.
Блаженство рая, говоришь?
А если гонорея?

Учитель на мгновение растерялся. В глазах ребят засветилось удовлетворение. Один-ноль в пользу..., начал было говорить Мерин. Но не успел докончить.

Плевать! Гляди-ка, испугал!
Не думай, не раскаюсь.
Зато я с бабами лежал.
Какую грудь в руках держал!
Увидел бы, так задрожал.

Заметив смазливую девчушку, выскочившую из столовой взглянуть на

молоденьких пилотиков. Учитель закончил:

И снова попытаюсь!

Уклонист проследил за взглядом Учителя и поднял руки.

Ты прав! Я честно признаюсь,
Мура -- борьба с судьбою.
Грудь, говоришь? Что ж, я сдаюсь.
Возьми меня с собою.

Один-ноль в пользу Учителя, сказал Мерин. Если не возражаете, я присоединяюсь к вам.

Когда летчики вошли в столовую, весь женский персонал кухни высунулся в раздаточное окно. Вон из этого мальчика получится настоящий мужик, сказала видавшая виды матерая повариха Старуха, кивая на Уклониста. А мне больше нравится вон тот, тоненький, сказала начинающая Официанточка, указывая на Учителя. И она взглядом дала ему понять, что свободна, и что Учитель сегодня может на нее рассчитывать. Учитель поднял два пальца. Официанточка поняла и заговорщически подмигнула. Везет же некоторым соплякам, сказал Лидер. У этой шпаны никакого почтения ни к возрасту, ни к званию, ни к наградам. Где справедливость? Мне еле за тридцать перевалило. Я майор. Орденов и медалей куча. У меня высшее образование, в конце концов. А вынужден добиваться расположения старых посудомоек. Эй, пацаны! На эту старую ведьму никто не претендует? Считайте ее за мной. Эти сопляки, подумал он про себя, понятия не имеют о том, что такое настоящая женщина. Он допустил только одну маленькую ошибку, -- не учел того, что настоящая женщина знает, что такое настоящий мужчина. Настоящая женщина, во всяком случае, знает, что настоящие мужчины не играют в хоккей, футбол и политику. Настоящие мужчины вообще не играют.

ВНЕЗЕМНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Однажды дворник, обслуживающий подворотню и подзаборье Союза Распространения Академической Книги (СРАК), поздно ночью возвращался из Забегаловки, где он вместе со сторожем из Политического Управления Пустяками (ПУП) пропивал выручку за пятьдесят тонн сочинений старого Заибана, сданных в макулатуру. Дворник был вдребезину пьян и свалился во дворе перед дирекционным корпусом так, что его левое ухо оказалось плотно прижатым к крышке канализационного люка. Прочухавшись под утро, он услыхал подозрительные звуки в канализационном колодце. Как будто там кто-то ходил, разговаривал и скребся в стенки. По всей вероятности там кто-то есть, подумал Дворник. А вдруг опять интеллигенты появились? Нарисуют еще что-нибудь такое! Стишки придумают и распевать начнут! И Дворник доложил обо всем Участковому. Спьяну, небось, почудилось, сказал Участковый. И наложил на Дворника дисциплинарное взыскание. Так бы и кончилось это дело ничем, если бы не Сторож из ПУПа. Расставшись с Дворником, Сторож поплелся в свою каморку и по дороге свалился в яму, которую еще при старом Заибане вырыли перед зданием ПУПа для какой-то важной цели, но потом забыли, для какой именно, и потому засыпать яму не имели права без особого распоряжения. Да и средств на это уже не осталось. Падая, Сторож сломал шею не в переносном, а в прямом смысле слова. Когда его через неделю вытащили из ямы, он прошептал, что в яме кто-то есть, и умер. Благодаря этому трагическому событию,

должность сторожа оказалась вакантной, а заявлению Дворника пришлось дать ход. Сотрудники ООН установили повсюду подслушивающие аппараты. Действительно, под Ибанском идет какая-то подозрительная возня, признали в ООН. Но разобрать ничего не могли. К делу подключили Академию. После многих десятков лет скрупулезных исследований с помощью новейших вычислительных машин системы ПИЗ-1 (Подлинный Интеллект Заибана-1) Всеибанский Широкозахватный Институт Внеземных Цивилизаций (ВШИВЦ) пришел к заключению, что такую систему звуков не может издавать не только сознательное, но и вообще живое существо. Результаты исследований были опубликованы в пятидесяти томах и имели успех. Как ни крути, говорили промеж собой довольные ибанцы, I мы, ибанцы, единственные разумные существа во всей Вселенной. За выдающиеся научные открытия в области внеземных сношений ученым (кому следует, конечно) выдали премии и присвоили звания. На этом бы все и кончилось. Наука Ибанска очередной раз покрылась бы неувядаемой славой и вписала бы еще одну славную страницу в мировую науку, если бы не мнсбс Балда. Просматривая (перед тем, как выбросить на помойку) первый том отчетов ВШИВЦа, Балда на первой же странице в первую же секунду расшифровал знакомые и привычные выражения "...вашу мать", "пошел ты в ж...у", "иди ты на ..." и т.п. Открытие Балды было настолько убедительно и очевидно, что замять его не было никакой возможности. Если немедленно не признать его, к утру каждый школьник Ибанска будет выдавать его за свое собственное. Состоялось экстренное заседание Ученого Совета ЖОПа, на котором сам Директор доложил о своем открытии. Сомнений быть не могло. Через несколько минут ибанское радио и телевидение объявило об экстренном заседании Пленума Исполнительной Власти Академий (ПИВА), на котором с чрезвычайным сообщением выступит сам Заибан. И ибанцы тут же услыхали взволнованный родной голос Заибана:

Граждане Ибанска! Братья и сестры! Матери и дочери! Отцы и дети! Свинарки и пастухи! Гангстеры и филантропы! К Вам обращаюсь я, друзья мои! Сегодня для нас всех Великий Праздник! Только что под нашим мудрым руководством наши славные ученые при поддержке народных масс открыли внеземную цивилизацию, населенную разумными существами! Призываю вас хранить спокойствие и выдержку! Наш народ привык к трудностям! Я уверен, что вы с честью выдержите и это испытание, выпавшее на вашу долю! Будьте бдительны! Если заметите где-либо появление интеллигентов, принимайте экстренные меры... Речь Заибана была выслушана с полным пониманием. Хмыря отвели в участок. Балду взяли на работе. Но выпустили. За Балду поручился коллектив. Хмыря выпустили, исходя из каких-то далеко идущих планов. Выйдя на свободу, Хмырь и Балда отправились в Забегаловку. По дороге они прихватили Учителя, который устроился на освободившуюся должность сторожа в ПУПе.

ДЕТИ -- НАШЕ БУДУЩЕЕ

Вот, послушайте, говорит Лапоть. Эта шпана все сочиняет и сочиняет. И откуда в семье серого бездарного среднего чиновника появляется такое!

Ушел в забвенье Чингачгук.
И кожаный Чулок.
И Д'Артаньян. Упал из рук
Поломанный клинок.
Атос, Портос и Арамис.

Их больше не ищи.
Не вспыхнут в памяти на миг.
Заветные плащи.
В ничто ушел король Ричард
Второй Плантагенет.
Айвенго и Квентин Дорвард.
И этих тоже нет.
А кто остался тут со мной?
Кем ныне окружен?
Мечтой-фантазией какой
Мой разум загружен?
Овцу спасающий чабан?
Искатель, где руда?
Летящий в космосе чурбан?
Ударник измтруда?
Частицу ищущий малец?
Находчивый шпион?
Забивший шайбу молодец?
Неужто это -- он?
Увы, замены нету ей.
Пропала сказка та.
Они ушли. В душе моей
Осталась пустота.

Превосходно, говорит Хмырь. Выпьем за наших детей! Они и без нас во всем разберутся сами не хуже нас. А ты что скажешь, спросил Лапоть у Учителя. Мне грустно, сказал Учитель. Послушайте, я вам спою песенку.

Как закрою глаза, душу трогает боль.
Все живое из памяти гонит.
Вижу панцырь и щит. Вижу -- входит король.
Слышу шпаги звенят. Скачут кони.
Нам романтику кажут сегодняшних дел.
Забываю о ней без печали.
Я б, дыханье тая, все глядел и глядел,
Как уланы в атаку помчали.
Я с пеленок учен, что все это -- обман.
Но какая же жизнь -- мир без краски.
Людям важно, какой они бредят туман
И какие им верятся сказки.
Но из сказки исчезли мечи и дворцы.
И ушли колдуны и принцессы.
Захватили их место борцы и творцы,
Объективные жизни процессы.
В сказку ныне пришел гарнитур и клозет.
Руководства грошовые плутни.
Демагогия серых хвастливых газет.
И до рвоты унылые будни.
А откроешь глаза, с чем останешься ты,
Человек из разрушенной сказки?
Воплощение чьей-то убогой мечты.

Мир как есть. Полный лжи. И без маски.

Это придумал давным-давно пятнадцатилетний мальчик. Так выпьем за мальчиков и девочек, выдумывающих то, о чем молчат их отцы и матери, сказал Хмырь.

ГЕНИЙ

Балда сначала аккуратно ходил в свой ЖОП, отсиживал положенное время и добросовестно исписывал положенное число страничек. И хотя он весьма основательно продвинулся в своей области науки (он это понимал), на его служебном положении и на вознаграждении за труд, т.е. на индексе его потребностей, это отразилось не столько в лучшую, сколько в худшую сторону. Сначала он на это не обращал внимания. Был молод. Наука его увлекала. Потом, видя, как повышается социальный и потребностный уровень его бездарных сослуживцев, Балда задумался. И ему надоело заниматься наукой впустую. В этот период духовного кризиса он приходил в ЖОП, садился в свое кресло и часами ничего не делал, отправляя в машину чистые листы. И к великому удивлению своему в конце месяца заметил, что его показатели остались теми же и вроде даже обнаружили тенденцию к повышению. Тогда он решил экспериментировать. Месяцами он не писал ни строчки. Месяцами переписывал главы из учебников. Месяцами писал всякую чушь. И выработал оптимальный вариант. Его показатели стали заметно повышаться. Начальство стало его похлопывать по плечу и иногда ставить в пример. Тогда-то Балде и пришла в голову простая идея, реализация которой и поставила его в положение гения. Он изобрел свой биозаменитель, -- нехитрое приспособление, продуцировавшее биотоки, аналогичные его собственным. Теперь, придя на работу, Балда оставлял на своем месте свой биозаменитель, включал в конвейер отдачи листы, вырванные из первых попавшихся книжек, в основном -- из школьных учебников, и уходил шляться по своим делам. Вечером он заявлялся снова для того, чтобы зарегистрировать свой уход на счетчике. А его биозаменитель продолжал трудиться круглые сутки. Поскольку после ухода всех сотрудников Эрзац-Балда работал один, вознаграждение ему высчитывалось по заданной формуле такое, что Балда уже на третьем месяце стал получать больше директора, пройдя за это время около десяти должностных ступеней. Ибанск пришел в смятение. Балду вызвали в ООН. В ООН ему предложили: либо он умерит свою гениальность, либо... Короче говоря, сотрудник не может быть умнее директора и заместителей. И тем более получать больше их. Балда пообещал исправиться. И исправился. Он предложил простой способ пересчета избыточной продукции сотрудника (если она ведет к вознаграждению, превышающему вознаграждение Директора и заместителей) на вышестоящее начальство в соответствующей пропорции. И в ближайший же расчетный день машина поставила Балду на соответствующее ему место в ибанской научной иерархии. Сотрудники ЖОПа усмехнулись, глядя на расчетное табло Балды. Тоже, мол, гений нашелся! Такое же барахло, как мы! И довольные разошлись по своим местам. Зато директора произвели в Оберакадемики, заместителей в Академики-Заискатели. И всех их наградили орденами. Балде поставили на вид. Балда сначала запил от огорчения. А потом, когда пить стало не на что, наладил массовое производство биозаменителей и начал загонять их сначала надежным знакомым, затем -- кому попало, но через надежных посредников, наконец -- кому попало

без посредников. Скоро мода на биозаменители захлестнула Ибанск. Правительство приняло решение построить крупнейший в мире комбинат биозаменителей, испортив для этого три реки и четыре озера. Благодаря этому ибанцы получили возможность спокойно стоять в очередях, сидеть на собраниях и ездить на другой конец Ибанска за грошовой зарплатой. Зато наука такими бешеными темпами рванулась вперед, что догнать ее и тем более выйти на ее передний край не стало никакой возможности. А зачем ее догонять, сказал Главный Теоретик. Не надо. Пусть себе идет вперед. На то она и наука, чтобы опережать свое время. Наша задача -- поощрять и внедрять в производство. И в Ибанске начали строительство крупнейшего в Мире Комбината По Строительству Институтов Делающих Выдающиеся Научные Открытия (КПСИДВНО) по образцу ЖОПа. И скоро институты такого образца красовались во всех населенных пунктах мира. Производство биозаменителей возросло в сто раз по сравнению с тринадцатым годом.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ

Вот что, ребята, сказал Сотрудник, постучав ногтем по пухлой папке. Вы все у нас в руках. Не отвертитесь. Так что давайте по-хорошему. Добровольно. Вы начинаете открыто выражать недовольство по поводу существующих порядков, распространять правду, порочащую наше общество, призывать к улучшениям и все такое прочее. Не мне вас учить. А мы довольны, сказал Хмырь. Все довольны, сказал Сотрудник. Да не всем. Квартира есть у тебя? Нет. Мебель полированная? Пиджак замшевый? Коньяк? Девочки? ... То-то! Чего же тебе быть довольным! Ты недоволен, это бесспорно. Не может быть, чтобы ты был доволен. Но Хмырь стоял на своем.

Квартирка отдельная? Верно, мечта.
Но подо мною есть уже койка.
Пиджак из замши? Слов нет, красота.
Но на мне уже есть ковбойка.
Коньяк, говоришь? Ресторана уют?
Шашлык? Признаю, не хлеба краюха.
Но ведь и мне, бывает, дают
Кое-что выпить и чем-то занюхать.
Девочки с музыкой? Слов полумрак?
Что сравнится с такою забавой!
Но ведь и я, признаюсь, не дурак.
Иногда переспать с подходящей бабой.
Ощущенья не те? Не та красота?
Меня не задуришь подобным вздором.
А ты любил в подворотне? В кустах?
Пил бог весть с кем из горла за забором?

Ладно, сказал Сотрудник, мы с тобой потом поговорим особо. Ну а ты, сказал он Учителю. Ты же профессором был! Академиком стать мог! Премию получить! Ты-то чем доволен? Так и хочешь сдохнуть никем и ничем? Я мечтаю об этом, сказал Учитель.

Пусть без чина-званья сдохну. Только вы ответьте мне.
Сколько разных Заибанов замуровано в стене?
Сколько Замов?

Сколько Помов?
Сколько Начей?
Сколько Комов?
От могил чиновной знати мир мозаикой пестрит.
Лишь один на всю планету буду Я -- Никто зарыт.
И без чина.
И без званья.
Без заслуг.
И без призванья.
Пройдут годы. Будут люди с удивленьем говорить.
Это ж надо ухитриться -- просто так Никем прожить.
И ни Помом.
И ни Начем.
Не как все.
Совсем иначе.
Знать, коллеги проглядели. Знать, начальство проморгало.
За такое, надо думать, крепко кой-кому попало.
Так и надо.
Поделом им.
Мы теперь
Любого сломим.

К тому же, сказал Балда, мы не знаем никакой правды, порочащей наше общество. Мы вообще не знаем о нем никакой правды. Это я беру на себя, сказал Сотрудник. Я выдам вам такие материальчики, что волосы у всех дыбом встанут. Цифры! Места расположения! Имена! Все, что угодно! Ну, как? Согласны? А наказание нам будет за это, спросила Девица. Конечно, будет, сказал Сотрудник. Да еще какое! А пытать будут, спросила Спекулянтка. Разумеется, сказал Сотрудник. Могут даже безнадежно искалечить. Тогда -- другое дело, сказал Лапоть. Тогда, конечно, имеет смысл, вздохнула Сожительница. А общество будет после этого лучше развиваться, спросила Спекулянтка. Хуже будет, сказал Сотрудник. Ну как, спросил Хмырь, обращаясь к Балде и Учителю. Рискнем? Попробуем, ответили те. Только имейте в виду, сказал Хмырь Сотруднику, мы бескорыстно, т.е. на полставки. Ну спасибо, ребята, сказал Сотрудник. Полставки трудно сделать. Но я пробью. Вы тут поговорите меж собой. А я сейчас принесу вам материальчики. Мы приготовили все. Нелегальный журнальчик выпустите. Номеров десять мы уже укомплектовали. Листовочки. Между прочим, знаете, во что обошлась последняя поездка Заибана государству? Младенцы! В десять раз больше! Почти миллиард! А знаете, сколько хапнул Заибанчик одиннадцатого района? Сосунки! В сто раз больше! Пять миллиардов! То-то!! А вы тут пишете -- довольны, мол. Не знаем, мол. Не хотим, мол. Если бы мы вам всю правду открыли!!...

Потом оппозиция направилась в Забегаловку, где Учитель предложил на обсуждение проект программы. Нахохотавшись, оппозиционеры разошлись, а Учитель и Хмырь решили продолжить обсуждение в каморке у Учителя. Тут к ним присоединился Сотрудник со своим поллитром.

На политику мы плюнем. Ну всех их!
Лучше трахнем-ка поллитра на троих!

Вы, ребята, со мной можете запросто, сказал захмелевший Сотрудник. Я не из таковских. Ходит слух, вы тут девочками промышляете. Устройте мне парочку

на сегодня. И его отвели к Помоечнице. И Сотрудник был с нею счастлив.

У КАЖДОГО СВОИ ЗАБОТЫ

Хмырь, Балда и Учитель с утра пропивали первую получку Учителя. И бесперспективно спорили о том, что предпочтительнее -- здоровые искусственные зубы или больные свои. Лучше здоровые, но свои, говорит Балда. Ты максималист, говорит Хмырь. Лучше любые, лишь бы здоровые. Какие-нибудь, говорит Учитель. Лишь бы жевать можно было. И он рассказал, как однажды их партию по ошибке заставили разгружать вагон с колбасой. Колбаса была твердая, как камень. Жрать ее можно было сколько угодно, а унести нельзя было ни кусочка. И он до крови рвал ногти и десны, плакал от злости и обиды, но не смог съесть ни грамма. Он умолял своего молодого друга, с которым всегда делился до последней крошки, чтобы тот откусил ему и прожевал кусочек. Но тот послал его подальше. Балда сказал, что он об этом уже читал где-то.

Пришел Лапоть и быстро наверстал упущенное. Потом он вытащил помятый листок из школьной тетради. Вот, послушайте, что моя шпана опять сочинила, сказал он не то с обидой, не то с гордостью. Эпитафия на живого отца!

Как и все, пару раз он женился.
Слопал тонны калорий сполна.
Не имел. Состоял. Не судился.
Выпил склад всякой дряни-вина.
В несогласиях не был замешан.
За границею -- нет, не бывал.
Котовал. А кто нынче безгрешен?!
Было дело. Чуть-чуть воевал.
Жизни треть прокрутился в постели.
Четверть в транспорте всяком ворчал.
На собраниях годы летели.
В очередях остальные торчал.
За услуги, заслуги и прочее,
За мильоны бессмысленных дел,
Благодарность, путевку,... Короче,
Что положено было, имел.
Из двух комнат квартиру отдельную,
Жизни всей голубой идеал,
Кухню с нужником... Боже... раздельную
Получил. И в больницу попал.
И лечили его очень бережно,
Не жалея лекарства и сил.
И не так, как у них, а безденежно.
Преждевременно дух испустил.

Балда сказал, что наше бесплатное медицинское обслуживание -- липа. Какое же это бесплатное, если у тебя из зарплаты заранее высчитали на медицину независимо от того, лечишься ты или нет. Это все чушь, сказал Хмырь. Кстати, какие у тебя зубы, спросил он Лаптя. Увы, сказал Лапоть, искусственные, но больные. Это напоминает старый довоенный анекдот про капитана дальнего плавания, который поймал сифилис на резиновой кукле. Тебя

не было до войны, сказал Хмырь, значит для тебя нет никакой довойны. Закажи-ка лучше еще по стопке. И выпьем за наших детей, которые идут по стопам наших родителей.

Ну и что? Ничего. Все проверено.
Я ведь тоже на этом пути.
Я ведь тоже загнусь своевременно,
Как ни пой, ни скули, ни крути.

Все верно, сказал Учитель. Еще немного, и случится то, что случается со всеми лаптеобразными.

Итак, постигла нас беда.
Мы понесли утрату.
От нас утопал он туда,
Откуда нет возврату.
Пришли последний долг отдать
По указанью свыше.
Хоть им-то в общем наплевать,
Что больше он не дышит.
Изображая горя вздох,
Плел представитель лживо,
Что он, мол, прежде срока сдох,
Что дело его живо.
Всему черед. И Ох и Ах.
Умолкли так же дружно.
И никому не нужный прах
Зарыли там, где нужно.
Вот так познав земной почет,
Кому за жизнь он сдаст отчет?

И тут к ним, виляя своевременно неотрезанным хвостом, подошел щенок с бородкой интеллигента, которому очень хотелось бы быть гонимым за прогрессивные взгляды и выдающиеся способности, но которого все игнорируют за отсутствие того и другого. Раньше, сказал Учитель, взяв щенка на руки и отдав ему свой бутерброд с колбасой, в Ибанске все собаки были откровенные дворняги. А теперь расплодились самые фантастические помеси. Вот этот экземпляр, например, явно является плодом случайного сожительства утонченнейшей аристократической болонки и самого захудалого помоечного беспородного пса. А какой красавчик получился! И главное -- умница. Я нисколько не удивлюсь, если он сейчас начнет обличать слабые места в концепциях Правдеца и Двурушника. Нет, что ни говори, а прогресс есть. Наши дети уйдут дальше нас. Так выпьем за наших детей -- за наше будущее. Гав-гав, сказал щенок. И прозванный Интеллигентом, он решил навсегда остаться с ними.

Из Забегаловки пошли куда-нибудь. По дороге прихватили с собой Участкового, зашли за Сожительницей, позвонили Девице и направились к Спекулянтке. Долго спорили, по какому поводу быть выпивке. И как всегда, сошлись ни на чем. У нас в Ибанске, сказал Учитель, единство мнений и действий возможно только при полном отсутствии общей платформы или при полном безразличии к тому, что есть полное единство взглядов. И к самим этим взглядам.

Скинулись по трешке. Бабы учинили потрясающую закуску. После первой же

стопки Лапоть опять взялся за свое.

Граф Монтекрист -- сплошной обман. Айвенго -- тоже ложь.
И к королеве Д'Артаньян при жизни не был вхож.
В газетах пишут, где-то был почти что Робинзон.
А как он в самом деле жил? Не жизнь, кошмарный сон.
И так у всех, кого ни тронь, о ком заходит речь.
И все же самолет -- не конь, а автомат -- не меч.
Напрасно прошлое не тронь,
К чему вся эта речь?
К тому, что самолет -- не конь,
А автомат -- не меч.

Я подозреваю, говорит Балда, что ты сам сочиняешь эти стишки, а приписываешь дочери, Чепуха, говорит Лапоть. Если бы я сам сочинял такие стихи, я ни за что не стал бы их сочинять. Взрослые так выдумывать уже не умеют, говорит Учитель. Взрослые теперь все ужасно умные и образованные. А для стихов нужен некоторый уровень глупости и необразованности.

Помните старый домишко во дворе ЖОПа, говорит Спекулянтка. Сломали. Прогресс, говорит Хмырь. Не в этом дело, говорит Спекулянтка. Там жили две старушки лет под сто каждая. Одну паралич разбил еще лет тридцать назад. Другая еще ничего, шустрая. Так они отказались выезжать. Пришлось вызывать милицию. И знаете, почему они не хотели выезжать? Оказывается, параличная старуха умерла еще двадцать с лишним лет назад. А живая, чтобы получать за нее пенсию, забальзамировала ее домашними средствами. Да так здорово, что старуха лежала все двадцать лет, как живая. Молодец, старуха, говорит Хмырь. Бедняга, говорит Лапоть. С нее же теперь пенсию за двадцать лет высчитывать будут. Не успеют, говорит Балда. Сдохнет. Да и где она столько денег возьмет? Пенсия-то копеечная. На папиросы, небось, еле хватало. А уж о выпивке и думать нечего. Наоборот, говорит Учитель. Теперь эту старуху определят в пансион для персональнейших пенсионеров и будут беречь как зеницу ока. Надо же выведать секрет бальзамирования! Нам вождей надо сохранять для потомства. А научные методы бальзамирования, сами знаете, чепуха. Вожди гниют. Больше года не выдерживают. А тут -- двадцать лет, и хоть сейчас на трибуну! Мертвую старуху забрали в Институт Бальзамирования, говорит Спекулянтка, а живую -- в ООН. Но она не сознается. Боится, что ее посадят. Так ее же все равно фактически посадили, говорит Девица. К тому же она вот-вот умрет. Чего же бояться? Привычка, говорит Учитель. У нас даже посаженные боятся, что их посадят. И умирающие тоже.

Сожительница о чем-то пошепталась со Спекулянткой и вздохнула. Не горюй, говорит Спекулянтка. Я тебе все устрою. Появилось новое противозачаточное средство, говорит Девица. Новое, говорит Сожительница, а мы еще старое не попробовали. Очень эффективное, говорит Хмырь. Бабы беременеют только через раз, да и то, если мужик приличный попадется. Выдают только по специальным рецептам с тремя печатями. Или из-под прилавка за десятикратную плату. Начальство имеет его сколько угодно. Даже собачек своих кормят. А нашему брату -- шиш с маслом! Идиотизм, говорит Балда. Оно же копейки стоит, надо думать. Какое людям облегчение было бы! Это не идиотизм, говорит Учитель, а мудрая политика. Меньше свободы действий людям, больше скованности и опасений. При чем тут политика, говорит Лапоть. А если бы таких лекарств не было бы? Тогда была бы просто естественная необходимость,

говорит Учитель. От того, что тела падают на землю, люди не становятся психопатами. А изобрети средство от падения, сделай его привилегией и дай знать людям об этом, увидишь, к каким это приведет последствиям. Не горюй, говорит Спекулянтка. Я тебе этой дряни мешок достану. Я не горюю, говорит Девица. Я из принципа.

У нас, говорит Балда, начали громить одного действительно крупного ученого. Громить, говорит Лапоть, вроде теперь не в моде. Почему же, говорит Учитель. У нас всегда кого-нибудь громят. Меняются лишь формы погрома. Раньше громили с воплями. Теперь -- тихо, незаметно, бесшумно. Раньше начальство громило само, теперь оно позволяет это делать всем желающим снизу. Теперь бить -- значит не защищать. Ты отстал, теперь бить -- значит защищать, но не настолько сильно, чтобы не били, говорит Балда. Ученого, которого сейчас у нас бьют, даже хвалят открыто. Иногда премии подкидывают такие, что даже дураку ясно, что ему конец. По масштабам его идей и возможностей ему не такая защита нужна. По справедливости ему институт давно следовало дать, в академики избрать и все такое прочее. А он еле-еле старшего получил.

Пустяки все это, говорит Спекулянтка. Подумаешь, беда какая -- в академики не выбрали! Народ не имеет и того, что имеет этот твой непризнанный гений. Важно, чтобы народ был доволен. Чем больше довольных, тем лучше. Вот вам и весь секрет истории. А что, говорит Лапоть, она в самом деле права. Количество довольных роли не играет, говорит Учитель. В конце концов людей можно сделать довольными насильно или медицинскими средствами. Проблема не в этом. Проблема -- в рациональных критериях оценки. Важна степень осознания и удовлетворения, а не бессознательная довольность. А нам, говорит Лапоть, спустили задание готовить новую речь для Заибана. Причем, не какую-нибудь, а дающую глубокий научный анализ всех сторон жизни общества. От нашего сектора выделили опять меня, сволочи.

Если кому рассказать, о чем мы тут трепались, говорит Балда, не поверят. И правильно сделают, говорит Хмырь. Люди никогда между собою не говорят о том, о чем говорят, что они об этом говорят, они всегда говорят о том, о чем никогда не говорят, что они об этом говорят.

Когда свадьба, спрашивает Спекулянтка. Свадьба отменяется, говорит Участковый. Этой стерве наплевать на то, что я из себя представляю как человек. Она считает, что я бесперспективен. Бессмысленно искать в социальном индивиде качества человека как такового, говорит Учитель. Человек есть социальная позиция, и только. У нас в части был один младший лейтенант. Он хотел жениться. Но он хотел, чтобы будущая жена полюбила его не за его высокий чин, а просто как человека. И он тщательно скрывал свое высокое звание от кандидаток на роль своей супруги. Наконец, нашел то, что искал, и женился. Как-то раз он спросил свою жену, знала ли она о том, что он не просто кто-нибудь, а младший лейтенант. Конечно, ответила жена, у тебя же на роже написано, что на большее тебе нечего надеяться. Ну и что, говорит Участковый. Ничего, говорит Учитель. Этот болван сделал попытку застрелиться, но промазал и попал в пса командира роты. После этого служба для него превратилась в кошмар.

В Газете напечатано, говорит Сожительница, что у нас скоро откроется школа для одаренных детей. Будут брать с двух лет и всемерно развивать гениальные способности. Что будет? Ничего, говорит Лапоть. Теперь с двух лет

будут тщательно следить за тем, чтобы из наших детей не вырос какой-нибудь... боже упаси!... новый Правдец, Мазила, Двурушник и т.п. Где будет школа, спрашивает Спекулянтка. Надо будет сестре сказать. У нее сынишка -- стервец, все обои изрисовал и весь гарнитур исцарапал. Ты бы, начальник, помог устроить парня. В накладе не останешься. Много тут вас ходит всяких, говорит Участковый. Кончай разговорчики! По домам! Моя смена кончилась. Как человек ты хороший, говорит Спекулянтка. А как начальник -- типичная сволочь. Ну ты, заткнись, ... твою мать, говорит Участковый. Не то... Вот и толкуй тут про демократию, говорит Балда, если самый демократичный в Ибанске начальник чуть что, так сразу кулак показывает. Действительно пора, говорит Учитель. У нас завтра с утра начинается Всеибанский Симпозиум Ночных Сторожей. Доклад делает Заперанг-5. Я обязан присутствовать. Для массы и для оваций. Под расписку!...

Когда разошлись, к Спекулянтке подошли два подростка, дали ей по морде и отняли сумочку. Помогите, грабят, заорала Спекулянтка после того, как парни смылись. Участковый, хорошо слышавший призыв о помощи, даже не обернулся. Пошла ты в ж..., подумал он, моя смена кончилась. И он ускорил шаг. Опять кого-то грабят, сказал Балда, тоже услыхавший крик. Тут на днях такой жуткий случай был... Пережитки прошлого, сказал Лапоть... Вот сволочи, сказала Спекулянтка. Хотя бы изнасиловали...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ну, что нового, спросил Мазила. Ничего, сказал Болтун. Ничего не происходит. Все куда-то исчезли. Говорить не с кем. И не о чем. А у тебя что нового? Ничего, сказал Мазила. Леплю понемногу. Хочешь взглянуть? Нет, сказал Болтун. Ну и жизнь, сказал Мазила. Это не жизнь, сказал Болтун. Мы не живем. Живут другие. Это их жизнь. Нас давно из нее выбросили. Мы доживаем из милости. Или из безразличия. Надо удирать, сказал Мазила. Это уже не меняет сути дела, сказал Болтун. Мы все равно уже проиграли. Но почему, сказал Мазила. Ты же сам говорил, что моя партия беспроигрышная. Именно поэтому мы и проиграли, сказал Болтун. Мы увлеклись победами и не заметили своей собственной смерти. Помнишь конец войны? Война уже кончилась, а во многих еще местах велись отдельные бои. Были бои, но уже не было войны. То, что происходит с нами, -- последние мелкие бои оконченной войны.

ЛЕГЕНДА

Пока обедали, у Учителя сперли парашют. Так тебе и надо, сказал Лидер. На будущее наука. За парашютом надо смотреть в оба. Что же, его теперь везде с собой таскать, спросил Мерин. Неудобно же! Ничего, сказал Лидер, пришей к штанам. Что же мне теперь делать, спросил Учитель. Заявить в Особый Отдел? Не советую, сказал Лидер. И задумчиво посмотрел на группу пикирующих бомбардировщиков, заходившую на посадку. Ясно, сказал Учитель. Будете на шухере стоять, сказал он Уклонисту и Интеллигенту. Через час Учитель принес два парашюта. А второй зачем, спросил Уклонист. Наивный человек, сказал Учитель, Про запас. И спрятал трофеи в фюзеляже машины в самом хвосте. Парашют -- это же целое состояние, сказал Марин. Представляешь, сколько платочков, кофточек и штанишек бабы из них нашьют! Живем, сказал Учитель.

Купим хромовые сапоги. Широкие ремни и кожаные кобуры. Хоть чуть-чуть на офицеров похожи будем. Остальное пропьем. Лучше наоборот, сказал Мерин. Сначала все пропьем, а на остальное купим сапоги.

После ужина Учитель и Уклонист достали бутылку вонючей самогонки и отправилось домой к Официанточке. Та пригласила подружку -- тоненькую страшненькую девчушку. Учитель прыснул в кулак. Смотри, шепнул он Уклонисту, косточки не переломай! Уклонист так посмотрел на Учителя, что у того пропала охота острить. Достали кое-какую закуску. Ржавый патефон. Пару до неузнаваемости заигранных пластинок. Немного выпили. Еще меньше закусили. Зато до одури накурились крепчайшей махорки. И Уклониста с непривычки вырвало. Потанцевали. Потом откуда-то появилась поломанная гитара. Пока Учитель приводил ее в порядок, Уклонист разговорился со Страшненькой о литературе. Готово, сказал Учитель.

Напрасно, ты, подруга дорогая,

Мне подливаешь горького вина.

Я -- сын воздуха. Я много женщин знаю.

Моя любовь -- воздушная волна.

И приходит в малюсенькую тускло освещенную комнатушку со скрипучим полом огромная непонятная тоска из огромного мира. И теснее прижимаются девочки к ребятам, которые им кажутся могучими красавцами-богатырями из прекрасной сказки. И смотрят они широко раскрытыми немигающими глазами куда-то вдаль, где мелькнуло недостижимое и уходящее, но так и не пришедшее счастье.

Взревут моторы, сердце призывая.

И я умчусь, по селам, городам.

Ведь наша жизнь, как борозда кривая.

Сегодня здесь. А завтра будем там.

И не имеет значения, что на тебе кирзовые сапоги, что платьишко перешито из маминого старья. Что на гитаре всего три струны. И играешь ты плохо. И голоса нет. И самогонка воняет бензином. Ты все равно рыцарь. Ты все равно прекрасная принцесса.

Сегодня здесь целую я блондинку.

А завтра там брюнетка меня ждет.

А послезавтра девчоночка-тростинка.

А что потом, сам черт не разберет.

И знают ребята, что это не так. И верят девчонки, что это не так. Но кажется, что все это так. Как будто так. Может быть будет так. Дай бог, чтобы не было так.

Меня не жди. К тебе я не вернуся.

К кому вернусь, и сам я не пойму.

Быть может в землю завтра я воткнуся.

И не достанусь больше никому.

В полночь отправились домой, в свою землянку. Ничего себе, сказал Учитель, погуляли. Все из-за тебя. Знал бы, не взял бы. Развел философию! И с кем? Я его в бок толкаю. Моргаю, намеки делаю. А ему кол на голове теши! Дай поговорить, видите ли! Говори с политруком. Он Краткий Курс по пять раз на день читает. А бабы не для этого созданы. Брось, сказал Уклонист. Не порти хороший день. Они же еще дети. Им не это нужно. Им еще сказка нужна. Им же хорошо с нами было. Может быть это самый счастливый день в их жизни.

Эй, вы, услыхали они голос Лидера. Что вы тут шляетесь? А ну, марш в землянку! Лидер сидел на скамеечке, зажатый двумя здоровенными бабами. Одна из них была Стар уха. А ты что раскомандовался, сказала она. Сам марш отседова! Заткнись, сказал Учитель Лидеру. А то снимем штаны и выпорем на глазах у девушек. Обидно будет. Лидер сказал, что он это дело так не оставит и отдаст ребят под трибунал. Уклонист взял Лидера за шиворот. Тот схватился за пистолет. Если ты, сука, не оставишь свою хлопушку, сказал Уклонист, я тебе морду смешаю с затылком. И Лидер поспешно смылся. А ребята отправились в дом к Старухе. Та крепко держала Уклониста за руку, так что он даже при желании не смог бы удрать. А Учителя уговаривать не надо было. Он весело хохотал, похлопывая Бабу по могучему заду.

Ах, где вы, быстрые ночи?!...
Где вы, ясные очи?!...
Непорочная юность моя?!...

ОЧЕРЕДЬ

Вот -- совокупный продукт общества, говорит Балда, нарисовав мелом на асфальте большой круг. Самая лучшая часть его и самая дефицитная по закону идет в систему закрытых распределителей. Эта часть в систему очереди не попадает. Остальная часть идет как будто бы для всех. Но так ли на самом деле? Вы прекрасно знаете, что значительная доля продукта для всех, а именно -- его лучшая часть, распределяется среди начальства более низкого уровня. Закона такого нет. Но есть обычай, который свято соблюдается теми, кто осуществляет распределение. А они подчиняются этому начальству. Круг, как видите, сужается. Далее, значительная доля идет в различного рода спецрайоны, на спецпредприятия, в учреждения и т.д. Там эта часть в свою очередь дробится и рангируется, но отсюда ее надо изъять. Из оставшегося опять-таки лучшая часть распределяется по блату, среди знакомых, из-под прилавка и т.п. Наконец, из той части, которая в конце концов достигает реальной очереди, многое расхватывается вне очереди и разворовывается. И лишь то немногое и самое плохое, что проскочит через все это, доходит до нас. Вот мы и стоим. И ждем. Ждем свои жалкие крохи.

А ведь кажется, куда проще, говорит Лапоть, вместо стояния в очередях заставить людей работать. Продуктов будет больше -- очереди меньше. Да и стоять в очереди утомительнее, чем работать. А ты попробуй, говорит Балда, и увидишь, что из этого получится. Пробовали. И не раз. И энтузиасты были. Во-первых, никто еще не знает, что такое ширли-мырли. Потребуют изучить. А на чем? Ширлей-мырлей нет. Значит -- на моделях. Благо теория моделирования развилась до чудовищных размеров. Но прежде, чем делать модели, нужна теория. Будут разрабатывать математический аппарат. Пойдут симпозиумы, конгрессы и т.п. Создадут институты. Делать, как говорится, так по-большому! У нас все с размахом делается. И пока десяток проходимцев не пролезет в академики, полсотни -- в члены-корреспонденты, две сотни -- в члены-заискатели, тысяча -- в доктора и т.д., пока не отхватят премии все, кто может отхватить, дело в производство не пойдет. Разработают грандиозные проекты ширлеуборочных машин. Изучат строение ширле-мырлевых хромосом. Напишут тонны книжек... Чего только не выдумают!... Только не ширли-мырли. Но пусть начали производить ширли-мырли. Кто будет сажать? Кто ухаживать?

Кто убирать? Где хранить? Как хранить? Как доставлять? Кто за это в ответе? Возникнет миллион неразрешимых проблем. Гораздо проще ничего не делать. Спокойнее. И люди заняты -- стоят. Стоят ведь во внерабочее время. А если очереди не будет? Думать начнут! Развлечений потребуют более высокого класса. А там, глядишь, и недовольные появятся.

ВСТРЕЧА

Наконец состоялась долгожданная встреча. Дома вокруг канализационного люка украсили лозунгами и портретами руководителей Братии и Правительства. Всю яму засыпали свежими искусственными цветами, специально для этого выведенными селекционерами артели инвалидов "Союзцветок". Сводный оркестр Армии и Органов заполнил весь проспект Хозяина. Вдоль проспекта Победителей выстроился почетный караул. В бронированных машинах приехали руководители Братии и Правительства, изображенные на портретах. Приехали в том порядке, в каком висели портреты слева направо, и расположились на трибуне, отделенной от народных масс пуленепробиваемым стеклом. Оркестр грянул гимн. Начальник почетного караула замахал шашкой и подскакал к Заибану с докладом. Дворник с помощью нового Сторожа из ПУПа торжественно приподнял крышку канализационного люка, зацепив ее железным крючком. Из люка пошло и скоро заволокло весь Ибанск невероятное зловоние. Ибанцы застыли в оцепенении. Из люка стали вылезать один за другим члены подибанской делегации. И вид их поразил ибанцев. Они были готовы ко всему. Их веками приучали к тому, что разумные существа внеземных цивилизаций могут иметь самый невероятный фантастический вид. Например, могут быть похожи на осьминогов или на медузу. Или даже... Впрочем, что об этом говорить. Ибанцы были готовы ко всему, но только не к этому. Из люка полезли голые... ибанцы, только с залепленными грязью пустыми глазницами, невероятно грязные и вонючие и сплошь усеянные мокрицами, червяками, вшами, клопами и прочей нечистью, которую они не сгоняли, а наоборот, тщательно охраняли от посторонних прикосновений. Последним вылез глава подибанской делегации (Глапоид), трижды чихнул, трижды пернул и встал на четвереньки. Члены подибанской делегации замерли по стойке смирно и запели подибанский государственный гимн, чем-то отдаленно напоминавший старинную ибанскую народную песню: Шумел камыш, дере-е-е-е-вья гынулис-с-с-сь! Встреча двух Великих Цивилизаций состоялась.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ОППОЗИЦИИ

Революцию не будем мы вершить.
Вы об этом нас напрасно не просите.
Без нее на этом свете тошно жить.
Ну а с нею, так уж вовсе извините!
Мы не будем вам порядки улучшать.
В крайнем случае, когда на нас нажмете,
Мы попробуем немножко поворчать.
А о чем, так хоть убейте, не поймете.
И за истину святую посчитать
Мы готовы бред любой, какой вы скажете.
Как могила, обо всем будем молчать.

Или нагло врать, когда и где прикажете.
Если нужно, лечь готовы на тахту
Завернуть в капрон-нейлон свои конечности.
Влиться-вжаться в гарнитурную мечту.
И забыться в беззаботе и беспечности.
Чуя нежность полированной доски,
Телевизором крутить на расстоянии.
И подохнуть от зевоты и тоски,
Не дослушав речь о нашем процветании.
И не досмотревши ваших рыл.
В общем, не доживши и так далее.
Чтобы кто случайно не отрыл,
Закопайте нас поглубже и подалее.
Всуе не тревожьте наш покой.
Лучше -- без бюста и фотографии.
Ограничьтесь в крайнем случае такой
Скромной, но достойной эпитафией:
Не от хвори и от разлуки.
Не от насилья и старости. Нет.
Сдохли они от обыденной скуки.
В самом расцвете силы и лет.

Хмырь представил проект программы оппозиции Сотруднику. Но тот сунул ее в ящик, даже не прочитав. Сейчас некогда, сказал он. Не до вас Зайди в другой раз. И Сотрудник углубился в изучение доклада Агента.

ДОКЛАД АГЕНТА

Агент доносил, что подибанцы воняют по-разному. И по классификации их вони можно судить о их социальной иерархии. Но если класс запахов, издаваемых подибанцами, упорядочить по признакам частоты и высоты кривой вони, то в подибанской делегации обнаруживается одно исключение. Самый уродливый подибанец, Замухрышка, занимает в делегации самый низкий пост, а воняет по высшему рангу. По всей вероятности, он и есть фактический глава делегации. А Глапоид -- для проформы. Как Заперанг-39 в нашей делегации. Надо к этому Замухрышке подобрать ключик, подумал Сотрудник. Подлинное общение цивилизаций начинается с вербовки агентуры. Если эти крысы тоже успели построить псизм, то за ними надо глядеть в оба. Они наверняка кого-нибудь уже завербовали. Кого? Мувторанг-1979 купил своей хапуге-карге шубку. На какие шиши, спрашивается. А дачу? Нет, тут что-то нечисто.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Теперь перед монументальной скульптурой открываются неограниченные возможности, сказал Мазила в интервью корреспонденту подибанского телевидения. Наши замечательные ученые изобрели практически вечный, легкий, без всяких усилий обрабатываемый и общедоступный материал -- соплепласт. Как он получается? Берутся обыкновенные сопли, которые в изобилии производит наша литература, кинематография, телевидение, журналистика и прочие сферы культуры нашего общества. И подвергаются обработке суперультразвуком.

Образуется сверхтекучая плазма, которой можно придать любую форму. Так что можно делать скульптуры в полкилометра высотой и размером даже с территорию, на которой, по преданию, находилась легендарная Италия. Кстати сказать, слухи о том, что найдены остатки этой мифической страны, оказались ложными. Никакого Микельанджело, на самом деле, не было. Так о чем мы с вами говорили? Да... Но соплепласт имеет один недостаток. Если наши скульпторы засрут землю статуями вождей, героев и спортсменов, то от них не будет никакой возможности избавиться. Это налагает на деятелей культуры повышенные требования. Над чем я работаю? Я леплю бюст Заибана. Да, я намерен увеличить его в сто раз. И заменю красный порфир более современным соплепластом. Прекрасно, сказал корреспондент подибанского телевидения. А наши скульпторы лепят вождей из калотрона. Это -- кал вторичной, третичной и т.д. обработки. Прочность необыкновенная. И пластичность чудовищная. Берешь, например, кусок калотрона-три в руки, а он сам стремится принять форму вождя. И тут же лезет на трибуну речь произносить. И что ты думаешь? Шпарит без бумажки на любую тему.

Мазила подарил корреспонденту десяток гравюр и несколько бронзовых скульптур. Корреспондент обещал в следующий приезд привезти Мазиле пару тонн калотрона-пять. Для пробы. Живут же люди, подумал Мазила. Техника! А мы работаем черт знает с чем. Мрамор. Бронза. Золото. Вот купил за пятерку у одного забулдыги пару старых золотых унитазов. Ерунда. Устаревшие материалы.

ЛЕГЕНДА

Утром Учитель так описывал достоинства Бабы, что Мерин срочно смылся в туалет, пробыл там довольно долго и вышел утомленным, но успокоенным. На стенке землянки появился стих:

Член руками жму до боли.
Заглушаю плоти стон.
Жажду задницу поболе.
Грудь -- железо и бетон.
Я схвачу ее, плутовку.
Опрокину, где стоим.
Оборву трусов веревку.
И устрою ей интим.

Потрясающе, сказал Интеллигент. Очень современная лирика. Вполне в духе эпохи научно-технической революции.

За завтраком Уклонист и Учитель получили дополнительно по полной миске каши. А это еще что такое, возмутился Уклонист. Лопай, сказал Учитель. Честно заработано.

Лидер написал рапорт, назвал Старуху и Бабу в качестве свидетелей и потребовал от них, чтобы они подтвердили происшедшее письменно. Вот сволочь, сказала Старуха, а еще фронтовик. И подписывать отказалась. Лидер сказал, что он из принципа и Старуху отдаст под трибунал. Пошел ты в п..... со своим трибуналом, сказала Старуха. И не таких видали!

Официанточка сунула Учителю записочку. Ребята, говорилось в ней, приходите сегодня опять. Нельзя же так сразу с первого раза. Ждем.

Старуха поймала в коридоре Уклониста. Если пойдете к этим вертихвосткам, подтвердим рапорт Лидера, прошипела она. Ого, сказал Учитель.

Нас уже шантажируют. Превосходно. Сегодня идем к старухам. Во-первых, эта Баба мне нравится. А во-вторых, девчонок надо проучить. Сегодня понервничают -- завтра как миленькие дадут сами.

Бомбардировщики подняли хай из-за парашютов и обвинили штурмовиков. Назревал крупный конфликт. Комендант вызвал Лидера, прочитал рапорт, посоветовал использовать его для туалетных целей и велел немедленно сматывать удочки. Лидер заикнулся было о нелетной погоде (начался снежок). Комендант усмехнулся. Слушаюсь, сказал Лидер. И через час группа штурмовиков уже выруливала на старт.

Как только вышли из поля видения аэродрома. Лидер покачал крыльями и перевел группу на бреющий полет. И понеслись штурмовики над самой землей, сбивая винтами кусты и засыхающую траву, разбрызгивая лужи, заставляя бросаться в грязь случайно подвернувшихся прохожих и шарахаться в стороны чудом уцелевших кляч. Считается, что высшая романтика авиации -- мертвые петли, бочки, высота, дальние перелеты и прочее в таком же духе. Но это грубая ошибка, предрассудок. Нет ничего лучшего в авиации, чем бреющий полет, да к тому же тогда и там, когда и где он запрещен. Да еще на высоте ниже положенной... Под тобой, справа, слева и даже порой над тобой, в общем -- рядом, с ужасающей скоростью проносится земля -- дома, люди, коровы, собаки, лужи, кусты..., -- все то, в чем ты жил и вырос. Это и твоя привычная земля. И проносящаяся вихрем неуловимая сказка. И близкая. И недосягаемая. И привычно серая. И сказочно красивая. Мелькнет и исчезнет навсегда... И хочется тогда прижимать машину к земле еще ниже... Ниже... Ниже... Учитель даже не заметил, как шедший за ним Сопляк зацепился за какой-то бугорок или столбик...

Когда сели на аэродроме запасного полка, в группе недоставало еще одного экипажа. А в радиаторе машины Теленка механики обнаружили кусок человеческой руки и черепа. Доигрались, сказал Мерин. Лидера теперь разжалуют. Теленку дадут вышку. Заменят на штрафной. И амба. А мы -- мы ни при чем. У нас еще все впереди.

Судьба слепа. Не можешь знать,
Когда ты...

ОЧЕРЕДЬ

По поводу предстоящего юбилея Очереди состоялось чрезвычайное заседание НВПВГБЦСВКБИ. Решили создать юбилейную комиссию во главе с 3 авторангом. Комиссия должна разработать план мероприятий и представить на утверждение. В мероприятия следует включить торжественные заседания, народные гуляния, концерты самодеятельности, награждения. Ход подготовки к юбилею широко освещать в печати. По вопросу о том, кто будет зачитывать речь, возникла дискуссия. Дело в том, что по ибанским законам тот, кто зачитывает речь, становится ее автором, хотя речь и не пишет. И получает гонорар за выступление телевидению с этой речью, за публикацию ее во всех газетах, за публикацию ее отдельными брошюрами и за собрание сочинений, в которые, естественно, включается речь. Ну и слава, разумеется. Так что вопрос о том, кто должен читать речь, есть самый главный вопрос ибанского руководства. Ибанцы научились по числу зачитываемых речей, по темам речей и месту и времени их зачитывания безошибочно угадывать фактический социальный статус

своих руководителей и их перспективы. На сей раз Заибан решил предоставить возможность прочитать речь своим Заместителям. Началась дикая склока. В конце концов победу одержали два претендента -- Заперанг-17 и Заперанг-39. Моя очередь, вопил Заперанг-17. А где равенство, скулил Заперанг-39. У тебя уже пятнадцать томов собрания сочинений, а у меня всего семь! А я ведь постарше! Пришлось вызвать сотрудников ООН. Те решили, что читать будет Завторанг-7. Надо порадовать трудящихся, сказал Заибан. И предложил включить в речь сообщение о том, что в этом году ожидается неслыханный урожай ширли-мырли.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Сразу же обнаружились непредвиденные биологические барьеры. Поскольку ибанцы по интенсивности издаваемой вони несколько уступали подибанцам, последние решили, что ибанцы уступают им по уровню интеллекта, а ибанцы решили, что подибанцы уступают им. И каждая из делегаций поэтому захотела взять верх. Подибанцы развонялись по сему поводу до такой степени, что главу ибанской делегации Заперанга-17 хватил инсульт, и его спешно пришлось заменить Заперангом-39, а всем членам ибанской делегации надеть противогазы. Благодаря этому ибанская делегация даже выиграла, так как ибанцев иностранные журналисты перестали путать с подибанцами. Возникла проблема, как быть дальше. Поручили ЖОПу выработать конструктивные предложения. Крыс вызвал Балду. Пустяки, сказал Балда. Пусть наши делают вид, будто мы чуточку глупее их. В Под-Ибанске, в свою очередь, собрался Верховный Дурал и дал указание своей делегации делать вид, что подибанцы чуточку глупее ибанцев. И дело пошло на лад. Но обнаружилось новое препятствие: языковый барьер.

ЛЕГЕНДА

Учитель застелил койку и, естественно, завалился на нее в сапогах. И на стене землянки прочитал следующее:

Если триппер не ловил,
Почитай, что и не жил.
Что такое триппер? Смелость.
Аттестат мужской на зрелость.
Этикетка светская.
Сила молодецкая.
Не замечен он пока
У юнца и старика.
Я за это не боролся.
Я случайно напоролся.
Как и ты. Как он. И он.
Как и прочих легион.
Срок пришел. Иду мочиться.
Вот так раз! Извольте бриться!
Я от боли завопил.
Братцы, триппер подцепил!
Выручайте, говорю.
А иначе погорю.

Ах, напасть! Беда какая!
Эта штучка дорогая.
Коль по-тихому лечить,
Надо уйму заплатить.
Две шинельки. Плюс портянки.
Плюс черняшки две буханки.
В общем, хочешь сделать чисто,
Становись рецидивистом.
Воровать я не хочу
И бреду в санчасть к врачу.

Под стихотворением кто-то приписал:

Врач не лечит это дело
Без Особого Отдела.

Ничего себе, подумал Учитель. И прочитал другое стихотворение, написанное рядом, но другим почерком.

Звучит команда. Выходи!
По росту разберись.
В грудь слева пятого гляди.
Замри. Не шевелись.
А ты -- из строя. Раз, два, три.
Кругом. Друзьям в лицо смотри.
Ты плохо койку заправлял.
Не чистил сапоги.
Ты хуже всех в мишень стрелял.
Шагал не с той ноги.
Твоих проступков всех не счесть.
Позоришь нашей части честь.
Ученье наше не читал.
Сбегал со строевой.
Кто в самоволку умотал!
Кто спал с чужой вдовой!
Чего стоишь -- молчишь, как пень!
Долой значки! Снимай ремень!
Ты день и ночь вовсю кутил.
И вот тебе финал.
Шинель чужую ты пропил.
Пойдешь под трибунал!
А я? Как будто мне плевать.
Как будто мне не привыкать.
Мол, больше вышки не дают.
Мол, дальше фронта не пошлют.

Любопытно, сказал Учитель вслух. А что напишу тут я? Место свободное есть. Пришел Мерин. Гони парашют, сказал он. Я нашел покупателя. Ведро самогонки. И две пары сапог. Не хромовые, конечно. Но натуральная кожа, не шкасы все-таки. А шкасы потом пропьем. Живем! Кстати, я познакомился с девочками. Пальчики оближешь. Вечером идем, пригласили.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что тут за жизнь, говорит Мазила. Я от этого там отвык, и все это мне кажется чудовищно нелепым. Как тут работают! В два-три года бюстик какого-нибудь героя, деятеля, артиста. Надгробие. Если вождь, да еще в рост, -- большая удача. Несколько иллюстраций к убогой книжонке. Одно полотно на районной выставке. Портретик в клубе. Награды и звания бог весть за что, но только не за реальный вклад в искусство. А рецензии... Искусствоведческие книги... Об этом даже не стоит говорить. Тоска зеленая. Такого вроде не было даже лет десять назад. Было, говорит Болтун. Всегда так было. Но были Надежды и Иллюзии. Сейчас и это испарилось. Осталась серость в чистом виде. У нас то же самое. Вот талантливый молодой человек начинает свою научную карьеру. Что его ждет? В лучшем случае -- то же самое, что ждет вопиющую бездарность. Вот взгляни. Журнал. Две рецензии на две книги. Ты думаешь, по рецензии можно судить о том, какая из них лучше? Нет. В данном случае на плохую книгу дана прекрасная рецензия. На другую, среднюю, -- очень сдержанная. Но могло быть иначе. Если бы автор средней книжки имел более высокий чин, и рецензию дали бы лучше. Одновременно с этими книжками вышла еще одна. Действительно хорошая. Случайно проскочила. На нее рецензий нет. И не будет. А если и проскочит в силу исключительных обстоятельств, то еще более скромная, чем на среднюю книжку. Автор хорошей книжки на докторскую степень даже не рассчитывает. Я его знаю. Просто не поставят на защиту. Автор плохой уже защитился. И уже выдвинут в Академию. Автор средней поставлен на очередь на защиту. Это не исключение. Это типично. У нас отсутствуют нравственные принципы и традиции, по которым какая-то влиятельная категория лиц отдает предпочтение действительно более ценным и талантливым продуктам творчества. А раз так, снижается число лиц, живущих с учетом того, что справедливая оценка их творчества возможна. Лишь единицы оказываются способными противостоять этой ситуации. А они не делают погоды. Они или погибают, или выбрасываются вон. В результате искажаются все оценки. Категории, выработанные для оценки подлинно талантливых и трудоемких продуктов творчества, переносятся на бездарную халтуру с таким видом, как будто это -- настоящее искусство, настоящая наука. Серость торжествует. Официально устанавливается система лжи, покрывающая все это. Одним словом, бездарная имитация творчества и всей окружающей его ситуации занимает место настоящего, нормального творчества. Итог -- одуряющая скука. Иногда какие-то группы людей на время впадают в заблуждение относительно каких-то явлений культуры. Но оно быстро проходит или не затрагивает общей атмосферы серости и скуки. И жизнь начинает измеряться десятилетиями. Проходят десятки лет, прежде чем творческий человек накопит какой-то заметный минимум, свидетельствующий о том, что и он кое-что сделал. Тут можно ввести математически точные формулы, позволяющие предсказывать перспективы личности. Но они ни к чему, сказал Мазила. И без них всем все ясно с самого начала. Вот посмотри, на что я могу рассчитывать на ближайшие пять лет. По деньгам это больше, чем достаточно. С точки зрения творческой это работа пяти минут. С точки зрения технического исполнения это -- адский труд, так как... Сам знаешь, как у нас работают.

ВОЗРАЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

Прочитав проект программы, предложенный Хмырем, Учитель согласился. Но

высказал некоторые возражения.

Согласно последнейшим данным науки
Ибанец не может подохнуть от скуки.
Кто думает так, заблужденье печальное.
Скука есть жизнь. Бытие изначальное.
Ведь мы не стихийные. Мы строго научные.
Мы -- скука в работе. Мы -- праздники скучные.
Мы -- скука в семье и внебрачных скитаниях.
В очередях бесконечных торчания.
Мы -- скука в учении.
И в муке творчества.
И даже в мучении
Противоборчества.
В хвастливом вранье.
И в истерике-критике.
И в текущем рванье.
И в наружной политике.
Мы кто? Мы -- продукт всей прошедшей истории.
Мы -- скука не как-нибудь, а по теории.
Тоска перманентная.
Зевота исконная.
Серость заветная.
Занудность законная.
Считают науки,
Доказано строго:
Подохли от скуки --
Туда им дорога.

Отличная основа для раскола, сказал Балда. Самое время. Всякое серьезное политическое движение начинается с раскола и размежевания. Только давайте расколемся пополам и по жребию. И пусть потом история зайдет из-за этого в тупик. Вот смеху будет! Из-за расколов тупиков не бывает, сказал Учитель. Расколемся пополам, будут задние и передние. Представляете, фракция задников и фракция передников. Лучше задниц и передниц, сказала Сожительница. Ого, сказал Хмырь. Наши бабы выходят на политическую арену. Быть беде! Точно, сказал Лапоть. Забегаловку собираются закрыть на учет.

ОЧЕРЕДЬ

Юбилейная речь Заперанга произвела ошеломляющее впечатление. Хотя все знали, что его обещания -- брехня, начали готовить авоськи. По почину снизу трудящиеся ринулись на субботник по очистке и ремонту складов для ширлей-мырлей. Но складов не оказалось на месте. Тогда трудящиеся ринулись на воскресник по очистке пустыря, на котором будут построены склады для ширлей-мырлей. Но на пустыре ничего не оказалось. Тогда трудящиеся ринулись на понедельнешник по захламлению пустыря. А где взять хлам? И тогда трудящиеся начали кромсать все, что подвернется под руку. И устроили для этого вторнишник, средишник, четвержишник, пятнишник. И навели такой порядок, что пришлось призвать всех выйти на субботник по очистке... Заводы временно прекратили работу, а руководящие учреждения закрылись до осени.

ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ

Задолго до встречи лингвисты, математики, психологи, логики и прочие, и прочие, и прочие разработали совместно Всеобщий Универсальный Язык (ВУЯ), пригодный для общения ибанцев с любыми цивилизациями. При разработке ВУЯ ибанские ученые исходили из самого крайнего допущения, что между ибанским языком и языком представителей внеземной цивилизации нет ничего общего. Языки же для всех прочих случаев, как было точно доказано, можно получить по принципу соответствия путем предельных переходов из ВУЯ. Фундамент ВУЯ составили таблица умножения, теорема Пифагора и бином Ньютона, которые, как было установлено путем статистических исследований, являются наиболее прочным инвариантом всех человеческих знаний. Идея Балды положить в основу ВУЯ наиболее древние языковые формы ибанского мата была отвергнута как ревизионистская и механистическая. А напрасно, так как именно на этой основе была обнаружена первая внеземная цивилизация и установлены первые контакты с ней.

Но когда приступили к переговорам, выяснилось, что перейти от ВУЯ к языку подибанцев невозможно никакими разработанными наукой методами. По грамматическому строю этот язык, как оказалось, полностью совпадал с ибанским. И даже содержал в себе много сходных слов. Но и только. Затем начиналось расхождение. В подибанском языке содержались слова, для которых в ибанском языке не было никаких эквивалентов, а в ибанском -- слова, не имеющие эквивалентов в подибанском. И никакими методами нельзя было установить, что они обозначают. После нескольких лет неудачных попыток, делегации не смогли начать переговоры. Подибанцы уползли в канализационную трубу. Ибанцы залезли в свои шикарные квартиры в Над-Ибанске. Казалось, что никакого общения не выйдет, и ибанское руководство уже начало обсуждать проект засыпки ямы и зацементирования канализационных колодцев. Но выход из затруднения нашелся сам собой. Как-то Балда, Хмырь, Дворник и Сторож разговорились на эту тему в Забегаловке. Вшивая проблема, сказал Сторож. Надо начать не с идиотской таблицы умножения, суть которой не понимает ни один наш академик по математике, логике и философии (хотя тайна ее банальна!), а с болтовни на социальные темы. Это добро, уж наверняка, везде одинаковое. Точно, сказал Балда. И быстро вычислил весь словарный состав подибанского языка, имеющий какое-то отношение к социальному устройству общества. Подслушивавший эту пьяную болтовню стукач донес о ней Сотруднику. Собеседников-собутыльников забрали. Вот вам бумага, сказал Сотрудник. Если к утру не составите ибанско-подибанско-ибанский словарь, пеняйте на себя. На другой день Заперанг-39 уже стучался в крышку канализационного люка, вызывая подибанскую делегацию на переговоры.

ЛЕГЕНДА

После того, как пропили половину парашюта, к Учителю пришла любовь. Любовь была большая, а девчонка невзрачная. Но это не имело значения. Они сидели рядом, молчали и испытывали нечто такое, чего с Учителем никогда не было до этого и потом. Невдалеке Мерин барахтался на земле со своей девчонкой, давая ей самые верные клятвы, что непременно женится. Все вы

такие, шептала девчонка. Сначала пообещаете, а потом -- поминал, как звали. Под утро вернулись в землянку. Мерин -- с грязными коленками и с намерением жениться и хотя бы несколько недель пожить настоящей семейной жизнью. Учитель -- с намерением заполнить пустое место на стене над койкой. Учитель успел выполнить свое намерение а Мерин -- нет.

Не к Богу, не к Черту, а просто к Кому-то
Я с просьбой простой обращаюся лично.
Будь другом, продли мне вот эту минуту.
Потом -- что угодно. Потом -- безразлично.
И Кто-то ответил безжалостно строго.
Меня твоя просьба, приятель, смутила.
Ты грамотный, знаешь, что чуда такого
Даже с поллитром творить я не в силах.
Подброшу, попросишь, казарму-хоромы.
Захочешь -- продвину по службе и в чине.
Дам сапоги натурального хрома.
С кантом штаны, как пристало мужчине.
Велю -- совершишь для народа геройство.
Поймаешь известности яркую птицу.
Велю -- подорвешь человечье Устройство.
Позволю -- откроешь в науке частицу.
В случае крайнем явлю свою милость.
По блату позволю страдать за идею.
На то же, что просишь, уж гак получилось,
Без санкции свыше я прав не имею.
И Он замолчал. Глас Небес отгудел.
Ему не подвластен Особый Отдел.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Мы построили псизм, сказал Заперанг-39, открывая переговоры. Подибанцы схватились за животы и захохотали, издавая невыносимое зловоние, от которого не спасал даже противогаз. Они построили псизм, пропищал Глапоид, покатываясь от хохота. Ребята, поглядите на этих идиотов. Ха-ха-ха!! Да у нас псизм давным-давно построен. С незапамятных времен. Испокон веков. Нам и строить его не надо было, так как у нас ничего другого не было вообще. У нас всегда был псизм. С самого начала. Вы суньтесь-ка к нам! Сразу увидите, что нам не до морали, не до демократии, не до культуры. У нас все эти ваши штучки-дрючки вообще негде держать. Они нам просто не нужны. Никому. Правда, в наших преданиях сохранились намеки на смутное время, длившееся всего несколько лет. Появились интеллигенты. Они лепили из глины какие-то странные фигурки, пели неприличные песенки и требовали, чтобы их выпускали за границу. Но их быстро изловили. И что с ними сделали, спросил Заперанг-39. Глапоид безмерно удивился нелепому вопросу. Конечно, съели, прохрипел он, давясь от хохота. А вы что делаете со своими интеллигентами? Мы их не защищаем, сказал Заперанг-39. И они выводятся сами. Еще до того, как появляются.

Вечером состоялся обед в честь подибанской делегации. Подибанцы чувствовали себя сначала неловко и чем-то были недовольны, хотя стол был

уставлен кушаньями, о которых ибанцы знали только из старых книг. Потом подибанцы строем побрели в туалет и обожрались там до такой степени, что их пришлось в специальных ассенизационных бочках свезти к люку. Все газеты опубликовали совместное коммюнике, в котором говорилось, что встреча прошла в обстановке сердечности и доброжелательства, была вполне конструктивной, и договаривающиеся стороны достигли взаимопонимания.

Замухрышку застукали в тот самый момент, когда он пытался изнасиловать сопротивлявшегося фокстерьера Мупеpанга-739. И тому не оставалось ничего другого, как согласиться сотрудничать с ООН.

ДОНЕСЕНИЯ АГЕНТОВ

Сверхопытный агент, знавший пятьдесят иностранных языков и правильное положение ложки и вилки за столом, внедренный в Очередь еще до своего рождения, прислал Сотруднику сверхсекретное донесение. Донесение было зашифровано до такой степени, что его не смогли расшифровать на машинах в ЖОПе. Вызвали Балду. И тот сходу прочитал следующее. В Очереди наблюдаются отдельные проявления довольства. Ходят слухи, будто намечается образование оппозиционной группы, защищающей существующий строй. Донесение заинтересовало Сотрудника, и он направил в район Ларька пятьдесят опытных агентов с кандидатскими и докторскими степенями выяснить, скрывается что-либо реальное за этими слухами или нет. Агенты, улучшив свои жилищные Условия и опубликовав по книге и по десятку статей, сообщили, что слухи лишены каких бы то ни было оснований. У Ларька агенты ни разу не появились. Боялись, что их разденут. Значит это все брехня, решил Сотрудник.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты утверждаешь, говорит Мазила, что наше общество не только не правовое, но и не моральное. Я с этим не могу согласиться. Общество без морали не бывает. Даже гангстеры имеют свою мораль. Тоталитарные режимы прошлого тоже имели свою мораль. Так что можно говорить об обществе с плохой моралью. Но общество без морали вообще... Извини, но это -- чушь. А что ты называешь моралью, говорит Болтун. Свод определенных правил поведения? Сейчас много говорят о моральном кодексе. Но сами эти разговоры симптоматичны. Они выражают именно то обстоятельство, что в обществе фактически отсутствует мораль как социально значимая величина, как существенный элемент жизни общества, и за мораль стремятся выдать нечто иное. Никаких правил морали вообще не существует. Мораль сама есть лишь способ поведения. В крайнем случае сама она есть одно единственное правило. Дело в том, что слово "мораль", по меньшей мере, двусмысленно. В одном смысле это свод определенных норм поведения. И в этом смысле можно говорить о морали гангстеров, групп насильников и т.п. В другом смысле это нечто принципиально иное. Говоря о морали, я имею в виду исключительно это второе понимание. Если хочешь оставить слово "мораль" за первым случаем, оставь. Тогда для второго надо ввести другое слово. Скажем -- совесть. Тогда наше общество будет морально в твоем смысле (правда, вопрос о том, хороша его мораль или нет, остается открытым), но бессовестно в моем.

Мораль-совесть относится к волевым поступкам людей по отношению к

другим людям. Причем совершающие поступки знают, причиняют их поступки другим людям зло или добро, или нет. Примерно представляют размеры добра и зла. Поступок морально-совестлив, если поступающий волен совершать его или нет и если он не причиняет людям зла. Более высокая степень моральности -- если он причиняет людям добро. Здесь возможно измерение по степени. Более сложные ситуации -- если человек вынужден делать зло другому, он выбирает путь наименьшего зла; причиняет себе ущерб, делая добро и т.д. Пересмотреть все возможные ситуации такого рода -- примитивная задачка с точки зрения логики. По проценту и значительности морально-совестливых поступков в общем объеме поступков человека можно судить о степени его моральности. По проценту и весу моральных личностей в обществе можно судить о степени моральности общества. И никаких кодексов тут, как сам видишь, нет и быть не может. Это явление иной природы.

Социальным законом является тенденция к неморальным (в смысле -- несовестным) поступкам. Что же вынуждает людей к моральным поступкам? Поступки-то добровольные. Люди сами добровольно избирают их. Даже в ущерб себе. Тут есть два аспекта. Первый -- откуда все начинается. Второй -- чем поддерживается. Начало есть случай, мутация. И добрая воля индивида. Поддерживается так. Если моральные поступки становятся массовыми, то выгодность такого поведения становится очевидной для общества. Оно дает мощную экономию средств, затрат сил и т.п. Неморальное общество впустую тратит огромную энергию именно из-за отсутствия достаточно высокого уровня моральности. Но чтобы такое поведение стало массовым, нужно накопление. Что необходимо для этого? Единственное, что способно обеспечить это, -- гласность, оценка поступков как моральных и аморальных, возможность публичного разоблачения хотя бы части скрытого поведения людей. Раньше эту функцию выполнял страх божий. Теперь люди не хотят Бога в душе. Значит, если они хотят нравственное общество, они должны бороться за зарождение, сохранение, укрепление, преемственность и т.д. Бога во вне, -- какие-то средства предавать гласности хотя бы ничтожную долю поступков людей, правдивое их описание и моральную оценку. Мы еще не отдаем себе отчета в том, какую громадную роль в этом деле сыграли известные тебе два крупнейших события последних десятилетий -- доклад Хряка и Книга Правдеца. Если хочешь знать, Хряк сыграл роль Предтечи, а Правдец -- Спасителя. Я не шучу. Они начали (вольно или нет, иной вопрос) дело нравственного совершенствования общества.

И каковы перспективы, спрашивает Мазила. Все зависит от преемственности и способности индивидов пойти на личные жертвы на этом пути, говорит Болтун. Только ценой страданий и жертв общество может встать на этот путь. Других средств не существует. И каково мое место в этом деле, спрашивает Мазила. Ты вне его, говорит Болтун. Ты рисуешь и лепишь борьбу добра и зла. Но твоя проблема добра и зла -- из области интеллекта, а не из основ бытия. В ней нет самоотречения и самопожертвования, без которых немыслима мораль-совесть. Я убежден в том, что ценой огромных жертв общество восстановит моральные высоты прошлого на новой основе и продвинется дальше. Очень жаль, что я понял это слишком поздно. Я, как и ты, остался вне живой (скажем -- органической) нити истории.

ЛЕГЕНДА

Скажи мне, почему фронтовики молчат,
Когда военный подвиг превозносят,
Или невнятно что-нибудь мычат,
Когда об этом их другие просят?
Я знаю, что война -- не карнавал,
А голод, холод, тяжкие мученья.
Но все же и в походе есть привал,
И на войне бывают приключенья?
Бывают. Если, сытого сытей,
Ты в безопасности в стратегию играешь.
И за счет несчитанных смертей
Ордена и славу огребаешь.
Если при хлебах в тылу притих.
Если -- в штаб пристроившийся сука.
А для миллионов всех других
Война есть одуряющая скука.
Штурм, атака, -- это для юнца.
Это -- для газет и для экрана.
Война есть ожидание конца.
Души незаживающая рана.
Банальна суть. Убитые молчат.
Живой пройдоха подвиг превозносит.
Случайно уцелевшие ворчат,
Их вспоминать давно никто не просит.
Не чувствуя за прошлое вины,
Плетут начальники военную науку.
И врут писатели романтику войны,
Очередную одуряющую скуку.
Вот почему...

КОНГРЕСС ПОБЕЖДЕННЫХ

Любопытно было бы собрать их всех вместе, говорит Учитель. Устроить что-то вроде симпозиума, коллоквиума или даже конгресса. Представляешь, Всеибанский Конгресс Побитых Морд! Это нетрудно устроить, говорит Хмырь. Тяпнем еще поллитровочку, и они все явятся. И даже Хряк заявится со своим шикарным, прогрессивным надгробием. Может быть, он даже речь зачитает, говорит Балда. Речь сочинят Претендент, Мыслитель, Социолог и иже с ними, говорит Лапоть. Они мастера на такие штуки. Основной тезис речи, говорит Учитель, таков. Мы добились выдающихся поражений. Наши поражения были бы еще более значительны, если бы нам не помешали реакционные силы в лице Правдеца, Двурушника, Клеветника, Певца и им подобных. Мы приложили все силы к тому, чтобы уничтожить эти реакционные силы. И мы бы довели дело до полного конца, если бы не... А потом, говорит Хмырь, они примут обращение к потомкам.

ОБРАЩЕНИЕ ЛИБЕРАЛОВ К ПОТОМКАМ

Эй! Потомки-сопляки! К вам взывают предки.

Подъедайте, хиляки, наших дел объедки!
Мы -- ибанцы здравые.
Мы слева крайне правые.
В наивности мы зрелые.
В бессилии умелые.
Мы в честности циничные.
В активности пассивные.
Мы в общем единичные
И в целом прогрессивные.
Мы с заданием и без по плечу всех хлопали.
С превышеньем и в обрез хапали и лопали.
О пороках наших дней думать собиралися.
Нам -- по морде. Мы ж, ей-ей, малость растерялися.
И рассудку вопреки мы 6 достигли многого.
Нас зажали старики с вашей же подмогою.
И заставили творить гнусности и мерзости,
Не позволив проявить либеральной дерзости.
Мы -- ибанцы смелые.
Мы справа крайне левые.
Мы зрелые в наивности.
Умелые в пассивности.
По-честному циничные.
В бессилии активные.
Мы в общем единичные
И в целом прогрессивные.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Обсудив проблемы социального устройства общества, договаривающиеся стороны приступили к обсуждению проблем экономических. Как вы обходитесь без денег, спросил Заперанг-39. Очень просто, сказал Глапоид. У нас на деньги нечего покупать. Как говорили ваши классики, люди, прежде чем заниматься философией, должны есть, пить и т.д. Жилища нам не нужны -- мы живем в жилище естественным образом. Одежда нам не требуется. Она нам даже мешает. Мы ее надеваем в порядке наказания. Еды у нас вдоволь. Мы живем кругом в еде. От еды податься некуда. Деликатесы разные (крысиные хвостики, например! Ах, какая прелесть!!) -- так это по особым заслугам. Так что у нас почти все время свободно от работы. И мы занимаемся тем, что полностью разворачиваем свои творческие способности. Кто на что способен, тот то и делает. Вот послушали бы вы нашего Пукалу! Он такие мелодии выпукивает, что дух захватывает! Такие ноты берет! Что ваши Шаляпины и карузы по сравнению с ним! Ерунда... Простите, мы, кажется, отвлекаемся в сторону. А как вы обходитесь без денег, если это не секрет? По-разному, сказал Заперанг-39. В некоторых учреждениях дирекция совместно с братийным и профсоюзным бюро утверждает уровень потребностей сотрудников в соответствии с инструкцией, и в продуктовом распределителе каждый сотрудник получает по своим потребностям. В других учреждениях выдаются жетоны, похожие на старые деньги, но играющие принципиально иную роль. Они у нас удостоверяют уровень потребностей индивида. Есть смешанные формы. Правда, спекулянты и жулики

иногда пытаются восстановить денежную систему, но мы с этим успешно боремся. Как? Перестаем выпускать продукты, являющиеся предметом спекуляции. Это очень остроумно, сказал Глапоид.

Потом Заперанг намекнул на то, что ибанское руководство крайне заинтересовано в том, чтобы получить от подибанцев заем на поднятие сельского хозяйства и реконструкцию промышленности. Замухрышка намекнул, что поставит вопрос о режиме максимального благоприятствования. Он уже начал создавать мощную агентурную сеть в Под-Ибанске, подкупив тамошних бизнесменов и левых. И бизнесмены стали настаивать на налаживании деловых отношений. Им пообещали построить завод каки-маки на взаимноневыгодных условиях.

ЛЕГЕНДА

Мокрый снег белил окопы. Бил в лицо. Глаза слепил.
Сытый лектор в полушубке о грядущем речь вопил.
Он на подвиги и жертвы битый час нас вдохновлял.
По бумажке называя, кто геройство проявлял.
Лектор кончил. И уехал. Командир сказал, пора.
Кто-то выругался смачно. Кто-то запищал, ура.
Что положено, мы взяли. Смертью павших всех зарыв,
Залегли под мокрым снегом, в ожидании застыв.
Только лектор наш знакомый с этим делом не шутил.
Орденов и повышений штук полсотни отхватил.
Своим именем и рожей по газетам замелькал.
И начальником великим надо всеми нами стал.
Мне-то что? Какое дело? Пусть считается -- герой!
Только в голову приходит мне вопрос один порой.
Объясните по науке, происходит это как?
Он же был сачок, подлиза, трус, доносчик и дурак!

ОЧЕРЕДЬ

Статистическое Бюро Ибанского Планирования (Стабиплан) опубликовало данные о ходе выполнения плана по ширлям-мырлям за прошедший год. Как всегда, план выполнен досрочно и с перевыполнением на сто процентов. Особенно отличились хлеборубы Заибанья. Они собирали бы ширли-мырли круглые сутки, если бы знали, где они посеяли то, что не сеяли, и является ли то, что не выросло, действительно ширлями-мырлями. Большую группу тружеников серобурмалиновоговкрапинку золота наградили орденами. Очередь расширили и укрепили руководящими кадрами. Теперь наша Очередь поднялась на новую ступень, сказал Заибан в речи без повода. Раньше мы стояли из материального интереса. А теперь -- из чисто духовного. Раньше у нас преобладала живая очередь. Теперь наши трудящиеся имеют возможность иногда отлучаться из очереди по своим надобностям, предупредив сзадистоящего об этом. Так что у нас обозначился переход к полуживой очереди. Мы обсуждаем проект закона, по которому члены одной и той же семьи могут сменять друг друга в Очереди по предъявлении справки с места работы и жительства и характеристики, заверенной Руководящим Треугольником. Были предложения организовать

предварительную запись в очередь. Но мы считаем это преждевременным. Думаем, что сначала надо разрешить предварительную запись в список на право записи в список на предварительную запись в очередь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вчера был на банкете у Социолога, сказал Неврастеник. Любопытно. Конечно, поносили Правдеца, Двурушника, Певца и прочих. Осторожно, конечно. Как подобает интеллигентам. По принципу: нельзя не признать, но... Или: такие-сякие, но надо признать, что... Увы, сказал Мазила, в этом есть доля истины. Ведь правда же, что... Это безнравственно, сказал Болтун. Безнравственно искать недостатки у таких людей, если они даже имеются на самом деле. Ты же фронтовик. Ты же знаешь, что кощунственно вспоминать о том, что парень, прикрывший своим телом твой бросок вперед, мочился в кровать и иногда ябедничал. Многое из того, что имеешь ты, -- благодаря им. Благодаря им ты уехал туда и вернулся обратно. И можешь позволить себе обдумывать наиболее эффективный путь своего последующего творческого развития. Это не совсем так, сказал Мазила. Кое-чем я обязан и себе. Верно, сказал Болтун. Но и о тебе говорят примерно то же, что о них. Еще хуже, сказал Неврастеник. Без всяких но. Так что здесь -- общий случай, а не индивидуальный факт, сказал Болтун. Как в свое время говорил Певец:

Он смело правду вслух сказал.
И все сполна пожал.
Ты спрятал в сторону глаза.
И плечиком пожал.
А я сказал: Ах, тот? Ловкач!
Сенсации мастак!
А ты добавил: Он стукач!
Иначе как же так?!...
Пустяк, брюзжал интеллигент.
Наив, цедил второй.
Он недопонял наш момент.
Не раскусил наш строй.
А перспективы предлагал?!
Одна другой глупей!
И кое-что он там солгал.
Меж нами, вот ей-ей!
Вот так. Один стряхнет ярмо,
Как мы встаем горой.
Ведь мы дотоле не дерьмо,
Пока Он не герой.

ОППОЗИЦИЯ ЗА РАБОТОЙ

У меня идеальные условия для творческой работы, говорит Учитель. Я один. Служебные обязанности отнимают у меня пару часов в день. А то и того меньше. Бумаги -- завались. Литература в моем распоряжении любая. Даже все секретные материалы в конце концов попадают ко мне. Я их должен жечь. Никаких предрассудков. Никакой идейной зависимости. Полная свобода. Так что

сиди себе, выдвигай гипотезы, развивай концепции. Но за все время на свободе я не написал ни строчки. Я даже секретные материалы перестал просматривать. Сначала было интересно. Все-таки запретный плод. Потом я убедился, что это такая же серость и скукота, как и все то, что публикуется официально. И ничего секретного в них нет. Пустая бессмысленная форма секретности. Для настоящей науки это все ни к чему. Когда был Там, думал, что, как только вырвусь на волю, буду работать день и ночь. Наверстывать потерянное. Чушь все это. Тщеславное отчаяние покойника переиграть прошлую жизнь. Во-первых, все то, что я мог бы написать, никто не напечатает. Во-вторых, если и напечатают, читать не будут. В-третьих, если и прочитают, то не поймут, исказят, разнесут, растащат. Если бы ты был Заибаном, твоя писанина сделала бы эпоху, говорит Балда. Исключено, говорит Учитель. Заибану запрещено не только думать в таком духе, но даже подписывать то, что в этом духе надумали другие. Впрочем, запрещение тут не требуется. Путь в Заибаны таков, что это получается само собой. Я мог бы разработать детальную программу преобразований общества в интересах власть имущих, но чтобы при этом кое-что перепало бы и прочим. Это не так уж сложно. Система разумной рационализации напрашивается сама собой. Но не буду. Это -- пустое занятие. Никакая рационализация тут не нужна. Оказывается, Они меньше всего заинтересованы именно в этом. Странно? Нет. Инстинкт самосохранения. Всякая рационализация делает более прозрачными общественные отношения. А они именно этого не хотят. Они чувствуют себя нормально лишь в условиях путаницы и мути. Чтобы никто ни в чем не смог разобраться. Они по самой своей сути и природе путают карты, ибо играют по методам (и не по правилам!) фиктивной игры. Улучшенцев Они боятся еще больше, чем оппозиционеров. Обратите внимание, из нас создали именно группу оппозиционеров, а не группу рационализаторов. С оппозицией легче бороться. Оппозиция явно бесперспективна. Рационализация имеет видимость перспективы, ибо согласуется с официальной демагогией. Кстати, самый верный способ отличить демагогию от искренних намерений, -- это сделать попытку реализовать лозунги демагогии на деле.

Прибежала Спекулянтка. Эй, вы, сказала она, лопухи! В ООН зарплату дают! Айда! Мы там очередь уже заняли.

ЛЕГЕНДА

Чуть слышно командир хрипел,
А нам казалось -- гром гремел:
Мы крепко влипли, братцы.
Мы понесли большой урон.
Зажали нас со всех сторон.
Придется прорываться!
Нам выделяют в каждый сектор по квартире.
И дачные участки обещают выдать скоро.
Мест в Академию дают всего четыре.
Одно -- действительного, три еще -- членкора.
Насильно выбирать вас не имеем права.
Решайте сами добровольно только.
Сперва подумайте ответственно и здраво.
И испытанье тяжкое перенесите стойко.

Но кто-то должен тут стоять,
Удар врага в себя принять.
Решайтесь добровольно.
Как наш разгромленный отряд,
Весь институт за рядом ряд
Шагнул вперед невольно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я готов согласиться с тобой, говорит Мазила. Но в таком случае ты должен признать, что в деле с Надгробием я был прав. Ты же сам оценил доклад Хряка как одно из крупнейших явлений в развитии нашего общества. Мы все время смешиваем разные вопросы, говорит Болтун. Одно дело -- развитие художника, другое дело -- развитие общества, в котором он живет. Если ты хочешь прогрессировать во втором плане, лепи Правдеца, а не Заибана. Доклад Хряка неповторим. А все остальное не имеет никакого отношения к моральному прогрессу общества и росту антисоциальности. Ты не хочешь лепить Правдеца. Тебе кажется, что он соизмерим с тобой, поскольку как художник ты не меньше, а может быть больше, чем он. Ты гений. Но ты все-таки ибанец. Ты ибанский гений. Правдец, если даже допустить, что он посредственный художник, есть Бог. Пусть ибанский Бог. Пусть Божок. Божонок. Полубог. Но все же он принес в наше общество хотя бы крупицу Бога. Ладно, сказал Мазила. А ну их всех -- правдецов, хряков, Заибанов, богов, полубогов и прочих. Мне все тут осточертело. Закончу Заибана... не бросать же его так... работа почти закончена... сам видишь... получилось здорово... жаль бросать... закончу Заибана и пошлю всю эту ибанскую муть ко всем чертям. Дальше жить тут оскорбительно. Независимо от идей и намерений.

КОНЕЦ ПРОБЛЕМЫ

В ЖОПе, как и следовало ожидать, сделали сенсационное открытие. Открытие тысячелетия, как сказал Заибан. Жоповцы изобрели витамин 3-1974, с помощью которого стало возможно сделать
Гоголя из моголя,
Гегеля из Гоголя,
Бебеля из Бабеля,
Кобеля из кабеля,
Лирика из физика,
Гения из шизика,
И конфетку из г...а,
И даже муху из слона.

Одним словом -- из любого индивида можно сделать кого угодно и превратить в любого другого. И делается это в течение нескольких минут. Два-три укола, и готово. Так что мы теперь можем иметь сколько угодно физиков, лириков, уборщиц, китайцев, дипломатов, алкоголиков, жуликов, юристов, новаторов, гениев, генералов, друзей, кибернетиков, Депутатов, врагов и прочего, и прочего, и прочего, сказал Заибан. И по мере надобности можем любого человека с любой должности перебросить на любую другую. Два-три укола, и готово. Всего несколько минут. Но именно в этих условиях особенно

возрастает руководящая роль Братии и ООН. Мы не можем всех граждан сделать {физиками, как это хотелось бы некоторым. Рано. Если все общество будет состоять из одних физиков, то некому будет управлять государством, бороться с алкоголиками и преступниками, лепить бюсты вождей и заниматься политико-воспитательной работой. А кто тогда будет охранять наши границы и разоблачать шпионов и диверсантов? Нам нужны не только физики, но и лирики. И дипломаты. И уборщицы. И повара. И женщины. Да, да, и женщины. Хотя наши ученые научились собирать подрастающее поколение из отходов предприятий, ранее засорявших окружающую среду, а мужчины перестали нуждаться в женщинах, последние все же играют огромную роль в культурно-хозяйственной жизни нашей страны. Нам даже нужны враги и критиканы, чтобы в борьбе с ними оттачивалось наше всепобеждающее учение и воочию представало превосходство нашего строя над всеми другими. Но не любые враги нам нужны. И не в любом количестве. Мы должны соблюдать строгие пропорции и дозировку. Как говорится,

Бабы всякие нужны.
Папы всякие важны.

Теперь мы преодолели все проблемы и трудности роста. Теперь мы бросим все силы на ширли-мырли. Пора!... Но во всем надо знать меру и не вырываться слишком далеко вперед. А то может произойти то, что произошло с недавно скончавшимся Заперангом-17. Он лечился гипнозом от моченедержания. И залечился до такой степени, что не смог мочиться даже днем. И лопнул от мочеизлияния в мозг. Так что мы должны развернуть всенародную борьбу против чрезмерного потребления ширлей-мырлей. Как говорится

Если обедаешь после еды,
Не избежать тебе крупной беды.

ЛЕГЕНДА

Почему ты с теми не сбежал?
Почему? Плечами я пожал.
Я за эту землю воевал.
За нее я коченел в мороз.
За нее я без куска околевал.
С потрохами я в нее, как говорится, врос.
Не по пьянке из себя слезу давлю,
От воспоминаний умилясь.
Я и так одну тебя люблю,
Моя суженая серая земля.
Мне расстаться с ней невмоготу.
Легче без жены и без детей.
Легче пусть живьем зароют тут.
Пусть хоть горсть навоза будет ей.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Наша система власти, сказал Глапоид, проделала длительную эволюцию. Можно схематично выделить три этапа. Первый этап -- давить всех, кто подвернулся под руку, и давить так, чтобы все это видели я чувствовали, что настанет и их черед. Второй этап -- давить, но по выбору и так, чтобы все

думали, будто мы не давим, а охраняем достижения и воспитываем заблуждающихся. Это гуманистический демократический период. Он не оправдал себя, так как злонамеренные элементы вообразили, будто мы, на самом деле, гуманисты и демократы, и начали такое вытворять, что пришлось временно вернуться к первому этапу. Третий этап -- сделать так, чтобы давить было некого. Это самый разумный период. Он продолжается до сих пор. Он сочетает в себе достоинства первого и второго. Поскольку никто не подавляется, власть проявляет свою глубоко гуманистическую и демократическую сущность. А поскольку все понимают, что мы при поддержке народа не допустим до такого состояния, когда надо принимать меры, мы подлинная власть. Мы даже внесли в конституцию пункт, по которому каждый подибанец имеет право критиковать действия властей, причем преследование его карается законом. И этот пункт свято соблюдается. Критикуют, спросил Заперанг. Что Вы, ответил Глапоид. Никому и в голову не приходит, что это возможно. Просто не было еще ни одного случая, чтобы представители власти карались за зажим критики действий властей и за преследование критикующих.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скоро все кончится, сказал Мазила. Зачем нам кривить душой друг перед другом! Ответь с полной откровенностью: что толкнуло тебя на тот жизненный путь, который ты прошел? Однажды, сказал Болтун, я удивился несоответствию между официальной демагогией о нашей жизни и самой реальной жизнью. И захотел узнать, является это законом нашей жизни или нет и почему так происходит. И с каждым годом хотел этого сильнее. И чем лучше понимал суть дела, тем больше хотел этого. Вот и все. И ты узнал, спросил Мазила. Узнал, сказал Болтун. И чем же этот закон обусловлен, спросил Мазила. Ничем, сказал Болтун. Ложный вопрос. Утверждение, фиксирующее, этот закон, можно вывести как теорему из более фундаментальных положений Шизофреника. И никаких иных оснований, обоснований, объяснений тут нет. Вообще, требование объяснений и обоснований в таких случаях свидетельствует о полном непонимании сути дела. А дальше, спросил Мазила. Дальше нет ничего, сказал Болтун. Я узнал то, что хотел. Я узнал больше того, что хотел. Я узнал все. И больше не хочу знать ничего. Мне скучно. Неужели все, спросил Мазила. А как же электрон? Он же вроде неисчерпаем? Знание электрона не есть знание, сказал Болтун. Наука вообще не дает знания после того, как стала притчей во языцех. В лучшем случае наука дает веру. Причем -- ложную и безнравственную. А чаще -- заблуждение. А не кажется тебе, что твой жизненный мотив был эгоистичен, спросил Мазила. Нет, сказал Болтун. Среди тех законов нашей жизни, которые я узнал, есть такие: когда люди вопят, что они пекутся о благе народа, они пекутся, в первую очередь или вообще, о своем благе: когда люди вопят о самоотдаче, они на деле стремятся к присвоению. И так далее в таком же духе. Короче говоря, я с самого начала знал все. И в конце жизни я лишь убедился в том, что, к сожалению, был прав. А как я, спросил Мазила. Ты не знал с самого начала, сказал Болтун. И не будешь знать никогда. Но я же слушаю тебя, понимаю, соглашаюсь, сам многое вижу, сказал Мазила. Это ничего не значит, сказал Болтун. Это лишь отражается в тебе. Но не рождается и не живет в тебе самом. А что же живет во мне, спросил Мазила. Совсем иное, сказал Болтун. Творческое начало. А оно слепо и бессознательно. И

беспочвенно. Я познал, и мне стало скучно. Я исчерпал себя. Скоро ты сделаешь все, что заложено было в твоем творческом начале. И тебе тоже станет скучно. Скука не есть просто отсутствие веселья, радости и т.п. Скука есть нечто позитивное. Она рождается, растет и зреет. Она есть законный продукт нашего образа жизни.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

А потом были пустяки, сказал Учитель. И бесконечные раздумья. И что же ты надумал, спросила Девица. То, что мы слишком много думаем и мало делаем, сказал Учитель. Мы много думаем потому, что не умеем действовать, не хотим действовать и не имеем для этого никаких возможностей. И поэтому мы много думаем, заменяя дело фикцией дела. А почему так, спросила Девица. Потому, что мы такие есть, сказал Учитель. И хотим быть такими. И потому мы таковы. Неужели это все так просто, спросила Девица. Да, сказал Учитель, это все действительно так сложно. Говорят, что мысленные действия доставляют людям то же удовлетворение, что и реальные, сказала Девица. Так что какая разница, было ли все в твоей голове или с твоим телом. Да, сказал Учитель. В принципе так. Но есть лишь небольшая количественная разница. Удовольствие от мысленного производства в генералиссимусы не превышает по величине удовольствие от реального производства в ефрейторы. Если ты мысленно переспишь с Венерой, то удовольствие от этого не будет больше, чем удовольствие от ночи, проведенной в кровати посудомойки, выходящей на пенсию по старости.

А что будет, спросила Девица. Будет прогресс, сказал Учитель. Наши ученые научатся избавлять людей от боли, от страха смерти, от зависти, от обиды и т.п. Два-три укола при рождении, и безоблачное существование обеспечено. Какая красота, сказала Девица. Хотела бы я родиться тогда! Напрасно, сказал Учитель. Сходи в Психиатрический Комбинат, и тебе таких индивидов будущего покажут в любых видах и количествах. Жизнь без страха смерти и прочих отрицательных чувств лишена человеческого содержания. К тому же человек, лишенный этих чувств, но наделенный сознанием, -- это массовые насилия и убийства в таких масштабах, по сравнению с которыми кошмары недавнего прошлого будет выглядеть смешными забавами дилетантов. Не надо пугать меня, сказала Девица. Я не пугаю, сказал Учитель. К сожалению, это будет совсем не страшно. Этого не боятся уже сейчас.

Все не больно теперь. И пропали сомнения.
И не мечется дух перед смерти лицом.
Мы не звери давно и уже не растения,
А крупицы машины, ведомой слепцом.

ПЛАН ПЕРЕВОРОТА

Переворот назрел, сказал Сотрудник. Вот данные. Заибан получил десять тонн орденов. Совершил десять тысяч поездок. Начитал сто томов речей. Сделал миллион глупостей. Заперанги кипят от зависти. Еще немного, и они подыхать начнут, так и не успев покрасоваться на сцене истории в качестве фигур первого класса. Согласен, сказал Начальник ООН. А кого мы посадим в новые Заибаны? Претендентов, имеющих шансы, всего сто девяносто семь, сказал

Сотрудник. На этот раз пустяки. Да, сказал Начальник. Это-то и вносит усложнение. Хорошо, сказал Сотрудник. Мы намекнем Завторангам. И тогда число претендентов утроится. Добро, сказал Начальник. А в Заибаны отберем самого бесперспективного кандидата, не имеющего никаких шансов. Как всегда. А может быть Вы сами, заикнулся было Сотрудник. Ты что, совсем сдурел, заорал Начальник. У меня больше всех шансов. Я -- кандидат номер один. Как всегда. А ты знаешь хотя бы один случай, чтобы первый претендент приходил к власти? То-то. Доложи план переворота! Слушаюсь, сказал Сотрудник. Итак, первым делом захватываем Забегаловку. Потом -- Сортир. Одновременно окружаем Ларек и отрезаем телефонную трубку. Участкового спаиваем. Сделаем все так, что даже никто не заметит никакого переворота. Обычный пьяный дебош! Массы? Массы пойдут за нами. Мы выбросим лозунг: ширли-мырли всем желающим без очереди! Каково? Классики сдохли бы от зависти. Оппозиционную группу потом ликвидируем. Пара процессов, и все. На них свалим все недостатки. Добро, сказал Начальник. Действуй. Когда переворот совершится, доложишь. Постой, постой! А сроки? Сегодня поздно, а завтра рано, сказал Сотрудник. Так что...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И приснился Мазиле сон. Ему снилось, что с утра его новую мастерскую на проспекте Победителей стали заполнять чиновники из Министерства культуры, сотрудники ООН, руководители из Отдела Культуры, представители Главного Управления Изобразительного Искусства, инспекторы канцелярии Главного Теоретика, журналисты, художники, писатели, женщины, девицы, стукачи, друзья, знакомые и иностранцы. В новой просторной мастерской толкучки не чувствовалось. Монументальные фигуры из нового вечного материала соплепласта выглядели значительно более маленькими, а толпа более жиденькой. Из иностранцев преобладали подибанцы, поскольку другим взяться было уже неоткуда. Американские и французские ибанцы пробовали было сунуться, но им не дали визу. Хватит, мол. Поездили. Сидите, где указано. Подибанцы делали вид, что им все очень нравится. Но между собой они говорили, что их халтурщик Лепила, которого они недавно сожрали за отступления от принципов подибанского изма, лепил куда лучше. Да и материал у него был покрепче -- третичный кал. Скульптурки Лепилы до сих пор не могут расплющить завезенными из Ибанска атомными молотками. Вот это работа!

Приготовились, скомандовал Режиссер телевидения. Съемка! И Мазила решительно сдернул грязную рваную тряпку, скрывавшую его новое произведение. Собравшиеся дружно ахнули и замерли от восторга. Они увидели высеченного из еще более вечного материала -- пятикратно переваренного кала прекрасную голову Заибана. На его могучий мудрый лоб ниспадали вьющиеся кудри. Прямой сильный древнеримский нос выражал спокойствие и уверенность в правоте дела. Выступающий вперед недавногерманский подбородок выражал непреклонную волю. Мягкие древнегреческие женственные губы говорили о необычайной доброте и гуманности этого величайшего государственного деятеля эпохи. Поразительно, воскликнул Неврастеник. Я уж не говорю о портретном сходстве. Оно совершенно. Но насколько глубоко и точно передана духовная сущность этого человека, олицетворяющего нашу эпоху. Да, сказал Мыслитель. Глядя на это, наши потомки скажут о нашем времени: увы, Золотой Век человечества остался позади.

На свете порядок блюдется.
Закон есть железный такой.
Всегда позади остается
Доподлинный Век Золотой.
Закон тот бетонно-железный
Бессмысленно опровергать.
Познай его. Будешь полезный
Урок для себя извлекать.
К чему прогрессивные меры?!
Терпи, пока время придет,
И век твой жестокий и серый
Потомок Златым обзовет.

Ну как, спросил Мазила у Болтуна. Каждый погибает по-своему, сказал Болтун. Одних убивают насильно. Других -- незаметно для убиваемых. А третьи убивают себя сами. Здесь мне больше делать нечего. Пора. Я породил этот шизофренический мир. Я его и уничтожу. Причем, по законам самого этого мира. Я уничтожу себя. Какой кошмар, подумал Мазила. Попробовал проснуться. Но не смог. От этого кошмара не просыпаются. И слишком поздно пришла ясность.

Линии привычные чертя,
Рукам, ушам, глазам своим не веря,
Я чувствую -- вопят: катись ко всем чертям! Видали мы таких! Невелика потеря!
Не велика, когда лишь горечь за душой.
Никем не сокрушен, но никому не нужен.
Когда всему и всем всегда чужой.
Когда твой путь игольной дырки уже.
В извечной слякоти не сыщешь ясных фраз.
В трясине серости не ощутишь опоры.
В который... Посчитай!.. И не последний раз
Пусты согласия, бесперспективны споры.
Порывы творчества -- приманка для юнца.
Работа -- боль от пяток до затылка.
Суть вдохновенья -- ожидание конца.
Единственно бесспорная посылка.
Чего хочу? Какую нить я рву?
Куда иду? Какую радость рушу?
Свобода -- шаг от камеры ко рву.
Бессмертье -- червь, в мою ползущий душу.

Гибель гения есть не эпизод, а суть этого общества, -- последнее, что пришло ему в голову.

Утром в мастерской появились строители. Они собрали пустые бутылки и на вырученные деньги купили поллитровку, которую тут же распили из горла и без закуски. Мастерскую снесли. На месте ее воздвигли величественные корпуса Института По Выявлению Талантов В Зародыше. Ибанцев наградили. Кому дали орден, кому -- дачу, кому -- бутерброд, кому -- шиш. Младших научных сотрудников отправили копать гнилую картошку. Проверенные стукачи уехали на международный конгресс. Протянули руку братской взаимопомощи тьмутараканцам. Выразили протест. Нанесли визит. Ввели всеобщее обязательное сверхвысшее образование и утерли всем нос. Отпраздновали юбилей. Приняли постановление о

подъеме всего на новую высшую ступень. Устранили недостатки. Начали борьбу с поголовным взяточничеством и пьянством. Встали в очередь и стали ждать, когда и до них доберутся. В речи по поводу успехов Заибан сказал: Ибанск теперь живет по законам красоты. Взгляните хотя бы на внешний облик ибанца, воскликнул он, показывая свое могучее рыло по частям на экранах телевизоров. Мы вывели не только новый высший тип человеческой общности, но и новый высший тип человеческой мордоличности. Любимец пенсионеров поэт Распашонка откликнулся на речь Заибана новой поэмой:

Глянь на последнего ибанского засранца!
И ты узришь в нем правильный ответ.
Ничего прекраснее, чем рыло у ибанца,
Как на том, так и на нашем свете нет.

Самое время сажать, подумал Теоретик. И т.д. И т.п. И т.д. И т.п.

Тьфу, ...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . мать!!!!

ОБМЕН ОПЫТОМ

У нас исчезла преступность, сказал Заперанг. А у нас ее никогда и не было, сказал Глапоид. Как так, удивился Заперанг. Очень просто, сказал Глапоид. У нас никогда не было понятия преступности. Но встречаются же у вас случаи, когда индивиды ведут себя так, что их требуется наказывать, не унимался Заперанг. Ах, вы об этом, сказал Глапоид. Таких сколько угодно. Но какие же они преступники? Настоящие преступники всегда ловко ускользают от возмездия, а наказываемые как правило невиновны ни в чем, и подвергаются наказанию только потому, что не могут от него уклониться. Поэтому мы и не стали заводить само понятие преступности. А как вам удается избегать преступности? Очень просто, сказал Заперанг. Мы уничтожаем преступников еще до того, как они успевают совершить преступление. Профилактика! Превосходно, сказал Глапоид. Надо и нам будет перенять ваш замечательный метод.

Потом Глапоид рассказал о применяемой в Под-Ибанске системе наказания преступников. Особый интерес у ибанцев вызвало исправительное кольцо. Это -- замкнутый кольцеобразный коридор. Осужденный получает пищу в определенное время, и чтобы получить новую порцию пищи, должен пройти то количество кругов, на которое осужден. И делает он это непрерывно в течение всего срока, на который осужден. Например, осужденный приговаривается к мере наказания 10/5. Это значит, что он должен в течение десяти лет непрерывно преодолевать по пяти кругов, чтобы получить свою порцию пищи. Пять кругов -- это по ибанским мерам 50 километров. У подибанцев нет смертной казни. Ее заменяет очень гуманное наказание 100/100. А кто выносит приговор, спросил Заперанг. Народ, сказал Глапоид. Заперанг рассказал о том, какого высочайшего совершенства достигло правосудие в Ибанске. Все автоматизировано. Все делают машины. Место судей заняли ученые, разрабатывающие программы для машин. Какая мера наказания у вас является высшей, спросил Глапоид. Прочитать вслух под контролем машины полное собрание сочинений всех Заибанов, начиная с первого, сказал Заперанг. Мера в

высшей степени гуманная, так как все осужденные подыхают от мучительной скуки, даже не дочитав речей самого первого Заибана. Но Глапоид этой меры не понял. Подибанцы не знали, что значит читать. А уж писать тем более. Заперанг, правда, умолчал о том, что пища осужденному выдается только после прочтения очередного тома.

ОППОЗИЦИЯ ЗА РАБОТОЙ

Оппозиционеры встали в самую длинную очередь к окошку, в котором выдавали зарплату самым низшим чинам ООН, штатным осведомителям, тайным агентам, а также низшим стукачам, революционерам, либералам, прогрессистам и т.п., зачисленным как почасовики и полставочники. Рядом стояла очередь покороче. В ней Учитель заметил Социолога, Мыслителя, Супругу и прочих. Но они виду не подали. Вообще, в кассе ООН строго соблюдалось правило: ЗДЕСЬ НИКТО НИКОГО НЕ ЗНАЕТ. И когда Хмырь обратился было к Балде на Ты, тот сказал, что он не привык к такому хамскому обращению к себе со стороны незнакомых людей. И Хмырь сник. В самой короткой очереди, в которой стояли имеющие право получать без очереди, стоял Сотрудник. И всем было скучно.

ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Потом, естественно, состоялись встречи на высшем уровне. Сначала Заведующий Под-Ибанском (Запод) посетил Ибанск, потом Заибан посетил Под-Ибанск. Правда, Заибан при этом настолько пропитался духом подибанщины, что его пришлось заменить другим. И кем бы вы подумали? Заперангом-39! А не 17, как все предполагали заранее. Новый Заибан несколько охладил пыл, но остановить ход истории стало уже невозможно. Новый Заибан фактически продолжал политику старого, хотя и вонял несколько меньше его.

Еще во время визитов Запода и старого Заибана были заключены договоры. Прежде всего -- договор о ненападении, согласно которому высокие договаривающиеся стороны обязались до поры -- до времени не нападать друг на друга. Это послужило толчком к тому, что Военные Штабы обеих великих держав немедленно приступили к перевооружению армий и разработали генеральные планы мобилизации и ведения предстоящей войны. От подибанских шпионов стало тесно на ибанских улицах. А представляете, что началось твориться в Под-Ибанске. Происходившие там недавно многочисленные сенсационные процессы явно свидетельствовали о том что подибанцы не могли уже поручиться даже за своего Запода.

Затем заключили договор о взаимной выручке и взаимопомощи в борьбе против совместного противника. Ибанцы стали поставлять подибанцам танки и самолеты, а подибанцы -- вонючие газы и гнилостные бактерии. Благодаря такой бескорыстной помощи обе армии очень скоро сильно укрепились. Уже в начале лета над Ибанском был сбит разведывательный самолет подибанцев неизвестной конструкции. Самолет летал без горючего, без пилота и без фотоаппарата, но успел заснять все секреты. И если бы не бдительность ООН, то дело могло бы плохо кончиться значительно раньше, чем запланировали.

Заключили также договор об экономическом сотрудничестве. Ибанцы стали поставлять в Под-Ибанск сельскохозяйственные машины, ткацкие станки и другое промышленное оборудование. Подибанцы стали поставлять в Ибанск

продовольствие. Ибанское руководство проявило особую заинтересованность в ширли-мырли. Хотя никто не знал, что это такое, подибанцы обязались поставить ибанцам большую партию ширли-мырли, по самым низкам ценам. Правда, за это они потребовали от ибанцев пыжиковые шапки и автомашины новой популярной марки Ибаны, а также три миллиона сувенирных матрешек. Ибанцы полностью взяли на себя строительство завода кино-фотоаппаратуры в Под-Ибанске. Подибанцы начали строительство крупного мочепровода, который должен проткнуть Землю насквозь и выйти в самом центре Ибанска. Ибанцы начали строительство комбината по переработке ширлей-мырлей, а подибанцы обязались поставить для него новейшие станки. Всего было принято соглашений по 9371, 5371 видов продукции. Ибанцы дали подибанцам крупный заем, чтобы помочь им преодолеть инфляцию. Подибанцы обещали проводить политику максимальных льгот в торговле с Ибанском.

Была принята, наконец, программа совместных исследований электрона, который, как известно, тоже неисчерпаем вглубь, и космоса. И уже через год подибанцы вышли на орбиту.

Было принято еще одно соглашение, но о нем не сообщили в печати. Оно касалось совместных действий против интеллигенции. Содержание его до сих пор осталось неизвестным.

Установили четкие границы со всеми связанными с ними атрибутами (паспорта, визы, таможня, пошлины и т.п.).

Стало модно ходить голыми, кишеть насекомыми, жрать экскременты и вонять в соответствии с социальным положением.

Ситуация сложилась обнадеживающая, сказал Запод незадолго до того, как его уличили в жульничестве и сожрали. Наша политика разрядки напряженности во взаимоотношениях с Под-Ибанском дала блестящие результаты, сказал Заибан незадолго до того, как его уличили в либерализме и скинули.

Подибанцы испытывали только одно затруднение в общениях с ибанскими руководителями: у последних все рожи были на одно лицо, и подибанцы постоянно их путали и делали все невпопад.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я, говорит Болтун самому себе, всю жизнь твердил одну мысль: нужна гласность, ее правовое обеспечение и как следствие этого начало нравственного совершенствования общества. У нас в Ибанске реальная жизнь идет в форме закулисных сговоров и расправ. То, что выходит на поверхность, есть лишь обманчивая пена. Потому у нас господствуют люди-вши, люди-крысы. И нам они навязывают свой вшиво-крысиный спектакль. Не будет гласности, общество задохнется, в конце концов, в гигантской крысиной норе. Банально, но ничего другого нет. До чего же все тут банально. Все наши сложности -- от ужасающей банальности. Компенсация за отсутствие реальной сложности.

СРЫВ ПЕРЕВОРОТА

Как в хорошем детективе, гениально задуманный план переворота сорвался из-за пустяков. Участкового споить не удалось, так как он с утра был в стельку пьян. Забегаловку еще с вечера закрыли на учет, так как заведующий проворовался. Телефонную трубку оборвали хулиганы еще в прошлом году.

Претенденты на пост нового Заибана оказались все настолько одинаково серыми, что выбрать из них самого глупого не сумели даже на машинах в ЖОПе. Сотрудник поносил ибанские порядки, пил водку и тщетно пытался найти хотя бы одного оппозиционера. Он не привык пить в одиночку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рано утром Болтун поехал в Похоронное Бюро и занял очередь. Очередь двигалась поразительно медленно. Хотя в Бюро слонялось по меньшей мере двадцать-тридцать служащих, похоронную документацию выписывал всего один сварливый человечек, ненавидевший все живое. Он придирался к каждому пустяку, заставляя переделывать трижды переделывавшиеся бумажки. Не более одного человека из десяти стоявших получало жетон в крематорий и колумбарий. Какой-то кошмар, сказала Болтуну стоявшая перед ним интеллигентная женщина крайне преклонного возраста. Пятый раз стою. Вот, взгляните. Это -- первые бумаги, Исправил. Пошла опять по учреждениям, заполнила и заверила все справки так, как он велел сделать. Принесла. Опять неправильно. Исправил так, как у меня было сделано с самого начала. И так пятый раз. Боже мой! Даже умереть и похорониться без этой унизительной процедуры нельзя. Я ему сказала, что однажды я умру здесь в очереди. И знаете, что он мне ответил? Оштрафуем, говорит! Или на десять суток посадим. А у меня трудовой стаж пятьдесят лет. Где же выход? Выход очень простой, сказал Болтун. Надо высчитать все возможные варианты заполнения документации и сразу принести все варианты. Это примерно десять миллионов вариантов. Пустяки!

Когда приблизилась очередь Болтуна, приехал Директор Бюро. Бюро закрыли. Все сотрудники ушли на совещание. Обсуждался вопрос об обязательствах к празднику и о вызове Похоронного Бюро соседнего района на соревнование. Сварливый человечек предложил увеличить число смертей втрое, а число кремаций -- в десять раз. Собрание встретило предложение бурными аплодисментами. Когда Бюро возобновило работу, сварливый человечек стал еще свирепее браковать документы, собранные посетителями с величайшим трудом. Готов держать пари, подумал Болтун, что он живет с семьей в маленькой комнатушке в коммунальной квартире, получает гроши, не может до сих пор (второй год!) устроить ребенка в детский сад, а жена его, придя с работы, торчит в очередях за продуктами, которые подешевле. И все зло за свое жалкое существование он вымещает на беззащитном собрате. И здесь он -- царь и бог. Здесь он всесилен.

Болтуну, однако, повезло. Повезло первый раз в жизни. И последний, подумал он. Забраковав документы у двадцати человек, стоявших перед Болтуном, человек решил сделать передышку. Он даже обратился к Болтуну на Вы, что он делал раз в год в крайне исключительном случае. У Вас вроде все в порядке, сказал Человечек. Характеристика, правда, не совсем по форме. Ну да ладно. Мы же не бюрократы. К чему разводить бумажную волокиту. Только как Вам дали рекомендацию в крематорий, если Вы не достигли еще пенсионного возраста? Для этого нужны чрезвычайные обстоятельства. Неизлечимая болезнь? Да, сказал Болтун. Одуряющая скука. А, сказал человечек. Тогда другое дело. Вот Вам жетончик в крематорий. А это -- в колумбарий. Всего хорошего. Будьте здоровы. Следующий!

Болтун вышел из Бюро умиротворенным и успокоенным. По закону он имеет

право в течение трех дней попрощаться со всеми своими родственниками и друзьями и привести в порядок свои земные дела, т.е. уничтожить или раздать все свои вещи и сдать комнату заведующему домом. Но через три дня в точно указанное время он должен явиться к крематорию и... занять очередь на сожжение. По ибанской классификации очередей эта очередь называется живой. За все время после принятия закона о смерти в Ибанске не было ни одного случая, чтобы человек, проявивший искреннее желание осознать неизбежность своей смерти, не явился в положенное время к своему крематорию. В Ибанске даже смерть есть дело сугубо добровольное.

КОНЕЦ ОППОЗИЦИИ

Кажись, назрело, сказал Заибан и запил сказанное стаканом подибанской сивухи. И крепка же, сволочь! Вот что значит заграница! И все-таки наша Ибанючка ширше, сказал Заперанг-21. Конечно, назрело, сказал Заперанг-11, хотя понятия не имел, о чем идет речь. Этого не знал и сам Заибан. Но именно в этом-то и заключалась мудрость дубалектики. Назрело, заорали народные массы снизу. И начали почин, подхваченный инициативой сверху. Чтобы ускорить наступление того, что назрело (а то, что это назрело, ни у кого не вызывало сомнений), решили по инициативе снизу и по почину сверху, которые потом поменялись местами, а потом опять поменялись местами, образуя монолитное единство, одним словом -- решили ввести режим экономии. Продукты стоят чрезмерно дешево, сказала Спиночесальщица. Верно, сказал Заибан. И идя навстречу пожеланиям трудящихся, повысили цены на продукты. Мяса слишком много жрем, сказал Задолизатор. Верно, сказал Заибан. И из магазинов исчезло мясо, которое еще с прошлого года собирались пустить в продажу, но своевременно не успели, так как его не было уже за год до этого. Масла слишком много лопаем, сказал Хлеборуб. Верно, сказал Заибан. И... Вскоре обнаружилось некоторое несоответствие чрезмерно высокого жизненного уровня и несколько отстающих возможностей его удовлетворения. Надо честно признать, сказал Заибан, что опережаем. Надо... Короче говоря, по просьбе интеллигенции решили сократить почасовиков и полставочников низшего ранга. И оппозицию уволили. В газетах напечатали статьи о том, что благодаря этим мудрым мероприятиям жизненный уровень трудящихся резко повысился. Про оппозицию забыли, как забыли зарыть яму под окнами дома, в котором жил Болтун. Не беда, сказал Учитель. У меня теперь будет еще больше свободного времени для творческой работы. Отличительная особенность нашей жизни, сказал Заибан в речи по поводу приближающейся второй ступени псизма, -- это неудержимая динамика. Мы идем вперед, намного опережая свой зад.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Один мой хороший знакомый всю жизнь мучался в поисках ключа к решению всех наших проблем, сказал Учитель. И нашел, спросил Балда. Не успел, сказал Учитель. Хотя держал его в руках. А ты нашел, спросил Хмырь. Нашел, сказал Учитель. Это гласность, ее правовое обеспечение и как следствие этого начало нравственного совершенствования общества. Ты хочешь слишком много, сказал Хмырь. Кто тебе это даст? Никто, сказал Учитель. Люди сами должны это изобрести. Любой ценой. Иначе -- конец всему. Как это все банально, сказал

Балда. Да, сказал Учитель. А что небанальное можешь предложить ты? Ничего. Удручающая банальность всех наших проблем порождает психически сложную компенсацию. Скучно!

КОНЕЦ ОЧЕРЕДИ

Строительство крупнейшего в мире Ширле-Мырлевого Завода (ШИМЫЗа) наметили в самом отдаленном районе Ибанска как можно подальше от населенных пунктов и путей сообщения. Нашли самое топкое болото и возвели на нем трубу. Завезли заграничное оборудование и тут же утопили в болоте. И это как раз было правильно, так как мы сами умеем делать лучше и без эксплуатации отсталых народов. Потом вырыли вышку и заложили первую скважину. Когда мы построим ШИМЫЗ, сказали первопроходчики корреспонденту теленеведения, никто не поверит, что на этом месте была жуткая трясина. Вот тут, например, у нас уже пятый трактор утонул вместе с экипажем. Здорово! Романтика! И первопроходчики, разгоняя дымом сигарет и запахом водки мошкару, чуть охрипшими голосами запели свою любимую песню:

Пусть грызут нас мошки с комарами.
Пусть столом нам служит старый пень.
Мы совместно с бывшими ворами
Строим изма высшую ступень.

Завод запланировали с таким расчетом, чтобы ядовитыми отходами производства отравить остатки никому не нужной окружающей среды и главиым образом -- удушить рыбешку в близлежащем озере, которая несколько снизила темпы роста сдачи икры и пушнины государству. Истребление рыбешки объявили ударной стройкой. Все силы -- на ШИМЫЗ, сказал Заибан в своей речи по поводу награждения орденом места, на котором должны были вознестись к полярному небу многоэтажные корпуса жилых благоустроенных домов для строителей. Для стройки потребовалось, по предварительным расчетам, десять миллионов добровольцев. Состоялось общее собрание Очереди, на котором все очередники решили переселиться на ШИМЫЗ вместе с Ларьком и Забегаловкой. Хмыря, Балду, Учителя и прочих тоже схватили и добровольно присоединили к добровольцам. Это конец, сказал Хмырь, копая землянку. Да, сказал Учитель, сося беззубым ртом грязный сухарь. Это -- начало.

По телевизору показали документальный многосерийный фильм, всесторонне освещающий жизнь шимызовцев. Из фильма было очевидно, что каждый шимызовец имеет отдельную пятикомнатную квартиру, машину, кандидатскую или докторскую степень, пыжиковую шапку, банку красной икры, банку черной икры, целую штуку копченой колбасы, шашлык и красавицу новобрачную с колоратурным сопрано. Зажрались, сволочи, сказал Заибан в кругу Заперангов. Надо часть избыточного продовольствия из ШИМЫЗа перебросить...

Потом решили устроить в Ибанске соревнования по бегу с подибанцами. Все средства перебросили на нужды Чрезвычайного Комитета По Организации Соревнования По Бегу На Всевозможные Дистанции Включая Бег С Препятствиями (ЧКПОСПБНВДВБСП). И про ШИМЫЗ забыли, передав его в распоряжение ООН. Не лагерь, а санаторий, сказал Сотрудник, подписывая смету на строительство охранных сооружений и домов для Вохры. Надо будет путевки распределять по

учреждениям организованно. Пора!

КОНЕЦ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Болтун получил в домоуправлении бегунок -- бумажку, на которой Должны поставить подписи многочисленные учреждения в знак того, что У Болтуна нет задолженности. Районная библиотека, детский сад, поликлиника, касса взаимопомощи, комиссия пенсионеров и т.д. Трех дней едва хватило на это. Сдав бегунок и ключ от комнаты управдому и получив справку о том, что у него нет никакой задолженности на этом свете. Болтун пошел в крематорий. Шел не спеша, так как имел в запасе еще целый час. Он хотел пройтись по проспекту Победителей, Но его не пустили дружинники. Весь проспект был битком забит очередью за ширли-мырли. Счастливые, подумал Болтун. Они еще на что-то надеются.

Давай подведем итог, сказал себе Болтун. Самый краткий. В двух словах. Но самый важный. В чем основа основ человеческого бытия? Увы, ответ банален. Он был ясен с самого начала. И зачем нужно было прожить целую жизнь, чтобы убедиться в этом? Не знаю. Знаю одно: основу подлинно человеческого бытия составляет правда. Правда о себе. Правда о других. Беспощадная правда. Борьба за нее и против нее -- самая глубинная и ожесточенная борьба в обществе. И уровень развития общества с точки зрения человечности будет отныне определяться степенью правдивости, допускаемой обществом. Это самый начальный и примитивный отсчет. Когда люди преодолеют некоторый минимум правдивости, они выдвинут другие критерии. А начинается все с этого.

Недалеко от крематория Болтун встретил Сотрудника. Узнав о том, куда направляется Болтун, Сотрудник предложил провести его без очереди. В память о старой, проверенной годами дружбе. И провел, поскольку имел здесь большие связи, сохранившиеся еще с тех пор.

Над входом в кремационную камеру Болтун прочел слова из речи Заибана, сказанной по поводу принятия Закона о Смерти: ПОМНИ! К ЭТОМУ ТЕБЯ НИКТО И НИЧТО НЕ ПРИНУЖДАЕТ! Он не знал, что над выходом из камеры были начертаны слова из последнего пункта Инструкции о Смерти: УХОДЯ, ЗАБЕРИ УРНУ СО СВОИМ ПРАХОМ С СОБОЙ! Но это уже не играло никакой роли. И в сознании вспыхнула последняя мысль:

Уже с юности было вполне очевидно:
Промелькнут, не заметишь, года.
Было только немного-немного обидно,
Что вовеки не будет Страшного Суда.
Никогда не подымутся люди из праха.
И истлевшее тело не сыщет душа.
И не будет ни радости им и ни страха.
Не будет, короче сказать, ни шиша.
Все же жаль. Любопытно бы было когда-нибудь
На минутку-другую из мертвых восстать.
В страхе божьем воззрить, как положено, на небо.
Перед Высшим Судьей персонально предстать.
И услышать во гневе. Ответь! Только честно!
А соврешь, сукин сын, будешь вмиг уличен!

Что ты там натворил. Нам все это известно!
Честно? Этому, Господи, я не учен.
Лучше сам загляни в свои книжки-гроссбухи,
Сам увидишь, что я -- заурядный злодей,
Не протягивал слабому помощи руки.
Признаюсь, обижал безнаказно людей.
И душою кривил, признаюсь, многократно.
Доносил добровольно и в силу причин.
Клятву верности брал, приходилось, обратно.
Зад лизал с целью выйти в желаемый чин.
Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей.
Руку жал проходимцам, хоть было противно.
Пил с мерзавцами всяких статей и мастей.
Так что видишь, Всевышний, прожил я безгрешно.
Если хочешь добром или злом наградить,
Если просьбы уместны при этом, конешно,
Прикажи меня впредь никогда не будить.
Мне известно, что мертвым не больно, не стыдно.
И не мучает совесть их, как говорят.
Ну а главное -- мертвым не слышно, не видно,
Что на свете живые с живыми творят.

И его не стало. И наступил конец всему.